ISSN 2619-0990 (print version)
ISSN 2619-1008 (online version)

Oriental Studies

2023. Т. 16. № 4

Журнал «Oriental Studies» — рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий результаты комплексных исследований по проблемам востоковедения в области исторических и филологических наук, посвященных истории и культуре восточных народов, которые определяют их уникальный социокультурный облик.

Миссия журнала «Oriental Studies» — содействие развитию отечественного и зарубежного востоковедения; публикация оригинальных и переводных статей, обзоров по востоковедению и рецензий книг, сборников, материалов конференций, а также повышение уровня научных исследований и развитие международного научного сотрудничества в рамках актуальных проблем востоковедения.

Цель журнала заключается в формировании высокого уровня востоковедных научных исследований, опирающихся на современные научные подходы и максимально широкий круг доступных источников и полевых материалов, осмысление событий, явлений и процессов прошлого и современности.

Значительное внимание уделяется разработке различных дискуссионных аспектов истории и культуры тюрко-монгольских народов, их месту в России и в мире, а также сравнительно-историческому анализу взаимодействия и взаимовлияния кочевых культурных сообществ. Редакционная коллегия приветствует междисциплинарные исследования и академическую полемику на страницах журнала, рассматривая его как площадку для презентации различных точек зрения, мировоззренческих концепций, методологических подходов к решению проблем ориенталистики.

В «Oriental Studies» публикуются научные работы по востоковедной тематике: истории, археологии, этнологии и антропологии, источниковедению, языкознанию, фольклористике, литературоведению, а также обзорные статьи ведущих специалистов по основным направлениям журнала. Также печатаются материалы лингвистических, фольклорных, археологических, этнографических экспедиций; вводятся в научный оборот архивные и иные документы; сообщается информация о новых изданиях, научных конгрессах, конференциях, семинарах.

Журнал публикует статьи на русском, монгольском, калмыцком и английском языках.

Разделы журнала:
история (всеобщая история, отечественная история, источниковедение,
этнология и антропология, археология);
языкознание; литературоведение и фольклористика

ISSN 2619-1008 (online version)
ISSN 2619-0990 (print version)

Журнал зарегистрирован 02 августа 2019 г. в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Регистрационный номер ПИ № ФС77-76487
Выходит 6 раз в год

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук» (адрес: д. 8, ул. им. И. К. Илишкина,
358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия)

Редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»
Адрес редакции, издателя и типографии:
д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия
Тел.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15
E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; сайт: https://kigiran.elpub.ru/jour

© КалмНЦ РАН, 2023
© Коллектив авторов, 2023

The *Oriental Studies* is an open access peer-reviewed scientific journal that publishes results of comprehensive research works dealing with Oriental studies in the fields of historical and philological sciences, including ones investigating history and culture of Eastern peoples and defining their unique sociocultural appearances.

The **mission** of the *Oriental Studies* journal is to facilitate development of domestic and foreign Oriental studies; to publish original and translated articles, reviews on Oriental studies and reviews of books, collections, conference proceedings, as well as to increase the level of scientific research and develop the international scientific cooperation on current problems of Oriental studies.

The **goal** of the journal is to establish a high level of Oriental scientific research that would involve the use of modern scientific approaches and a maximum wide range of available sources and field materials, interpretation of events, phenomena and processes of the past and the present.

Considerable attention is paid to the elaboration of various debatable aspects of history and culture of the Turko-Mongols, their place in Russia and in the world, special focus to be laid on comparative historical analysis of interactions and mutual influences of nomadic communities. The Editorial Board welcomes cross-disciplinary studies and academic polemics on pages of the journal, considering the latter as a platform for the presentation of various viewpoints, worldview concepts, and methodological approaches to the solution of topical issues of Oriental studies.

The *Oriental Studies* publishes scholarly papers that deal with a range of East-related topics, such as history, archaeology, ethnology and anthropology, source studies, linguistics, folklore studies, literary studies, including review articles by leading experts on the primary focus areas of the journal. It also contains materials of linguistic, folklore, archaeological and ethnographic expeditions, sociological surveys and polls; introduces archival documents into scientific discourse; provides information about new publications, scientific congresses, conferences and seminars.

The journal publishes articles in the Russian, Mongolian, Kalmyk and English languages.

Journal Sections:
History (World History, National History, Source Studies, Ethnology and Anthropology, Archaeology);
Linguistics; Literary and Folklore Studies

ISSN 2619-1008 (online version)
ISSN 2619-0990 (print version)

The Journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on August 02, 2019.
Registration record ПИ No. ФС77-76487
Published six times a year

Founding Institution: Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
(8, Ilishkin Street, 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation)

Editorial Board, Publisher — Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
Editorial Board, Founding Institution and Publisher's address:
8, Ilishkin Street, 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation
Phone No. +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15
E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; web-site: https://kigiran.elpub.ru/jour

© Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2023
© Authors, 2023

Главный редактор
канд. филол. наук *В. В. Куканова*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Заместитель главного редактора
д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:
чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов*, Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (Россия, г. Махачкала);
чл.-кор. РАН *С. А. Арутюнов*, Институт этнологии и антропологии РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *М. М. Балзер*, Джорджтаунский университет (США, г. Вашингтон);
проф. филологии *А. Барея-Старжинска*, Варшавский университет (Польша, г. Варшава);
канд. филол. наук *А. Т. Баянова* (Россия, г. Элиста);
акад. Академии наук Монголии *Л. Болд*, Институт языка и литературы Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор); д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай*, Институт российской истории РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Вэй Цзянь*, Пекинский народный университет (КНР, г. Пекин);
д-р филол. наук *Л. С. Дампилова*, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Россия, г.Улан-Удэ); проф. антропологии *Ц. Дариева*, Центр восточноевропейских и международных исследований (ZOiS) (Германия, г. Берлин); чл.-кор. РАН *А. В. Дыбо*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская*, Институт этнологии и антропологии РАН (Россия, г. Москва);
д-р филол. наук *В. Л. Кляус*, Институт мировой литературы РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *М. Е. Колесникова*, Северо-Кавказский федеральный университет (Россия, г. Ставрополь);
д-р, проф. *Ю. Конагая*, генеральный инспектор Японского Общества содействия науке (Япония, г. Токио);
д-р ист. наук *И. В. Крючков*, Северо-Кавказский федеральный университет (Россия, г. Ставрополь);
д-р филол. наук *И. В. Кульганек*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук *О. А. Мудрак*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р филол. наук *Ю. В. Норманская*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
канд. ист. наук *В. В. Овсянников,* Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Россия, г. Уфа);
д-р ист. наук *У. Б. Очиров*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);
чл.-кор. РАН *И. Ф. Попова*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
д-р геогр. наук *А. В. Псянчин*, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Россия, г. Уфа);
д-р филол. наук *Г. Ц. Пюрбеев*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *А. Г. Ситдиков*, Институт археологии Академии наук Республики Татарстан (Россия, г. Казань);
д-р филол. наук *Е. К. Скрибник*, Мюнхенский университет (Германия, г. Мюнхен);
д-р ист. наук *На. Сухбаатар*, Монгольский государственный университет образования (Монголия, г. Улан-Батор);
проф. *Т. Уяма*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро);
д-р филол. наук *А. Д. Цендина*, Институт классического Востока и античности НИУ «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Н. В. Цыремпилов*, Назарбаев Университет (Республика Казахстан, г. Нур-Султан);
акад. Академии общественных наук КНР *Чао Геджин*,
Институт национальных литератур Академии общественных наук КНР (КНР, г. Пекин);
д-р филол. наук *Чао Гету*, Университет национальностей КНР (КНР, г. Пекин);
акад. Академии наук Монголии *С. Чулуун*, Институт истории и археологии Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор);
д-р ист. наук *Д. Шорковиц*, Институт социальной антропологии им. Макса Планка (Германия, г. Берлин);
д-р филол. наук *А. Юкиясу*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро);
канд. филол. наук *Г. М. Ярмаркина*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста).

Редактор: *Р. Г. Саряева*
Переводчик: *С. В. Джагрунов*
Дизайн и компьютерная верстка: *Д. В. Татнинов*
Ответственный секретарь: *С. В. Мирзаева*

Editor-in-Chief
Cand. Sc. (Philol.) *V. Kukanova*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Deputy Editor-in-Chief
Dr. Sc. (Hist.) *E. Bakaeva*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Editorial Board
Corr. Member of the RAS *Kh. Amirkhanov*, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the RAS (Makhachkala, Russia);
Corr. Member of the RAS *S. Arutyunov*, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia);
Ph. D. (Hist.) *M. Balzer*, Georgetown University (Washington, USA);
Ph. D. Habil. *A. Bareja-Starzynska*, University of Warsaw (Poland, Warsaw);
Cand. Sc. (Philol.) *A. Bayanova*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *L. Bold*, Institute of Language and Literature (Ulaanbaatar, Mongolia);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Bugay*, Institute of Russian History of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *Wei Jian*, Renmin University of China (Beijing, China);
Dr. (Anthrop.) *Ts. Darieva*, Centre for East European and International Studies (ZOiS) (Berlin, Germany);
Corr. Member of the RAS *A. Dybo*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Zhukovskaya*, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *V. Klyaus*, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *M. Kolesnikova*, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Dr. Prof. *Yu. Konagaya*, Inspector General of Japan Society for the Promotion of Science;
Dr. Sc. (Hist.) *I. Kryuchkov*, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *I. Kulganek*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *O. A. Mudrak*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia;
Dr. Sc. (Philol.) *Yu. V. Normanskaya*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Cand. Sc. (Hist.) *V. Ovsyannikov*, Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center of the RAS (Ufa, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *U. Ochirov*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
Corr. Member of the RAS *I. Popova*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
Dr. Sc. (Geogr.) *A. Psyanchin*, Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center of the RAS (Ufa, Russia); Dr. Sc. (Philol.) *G. Ts. Pyurbeev*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *A. Sitdikov*, Institute of Archeology, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *E. Skribnik*, Ludwig Maximilian University of Munich (Munich, Germany);
Dr. Sc. (Hist.) *Na. Sukhbaatar*, Mongolian State University of Education (Ulaanbaatar, Mongolia);
Prof. *T. Uyama*, Slavic-Eurasian Research Center (Japan, Sapporo);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Tsyrempilov*, Nazarbayev University (Nur-Sultan, Kazakhstan);
Acad. of the Chinese Academy of Social Sciences *Chao Gejin*, Institute of Ethnic Literature (Beijing, China);
Dr. Sc. (Philol.) *Chao Getu*, Minzu University of China (Beijing, China);
Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *S. Chuluun*, Institute of History and Archeology (Ulaanbaatar, Mongolia); Ph. D. Habil. (History) *D. Schorkowitz*, Max Planck Institute for Social Anthropology (Berlin, Germany);
Dr. Sc. (Philol.) *A. D. Tsendina*, National Research University Higher School of Economics (Russia, Moscow);
Cand. Sc. (Philol.) *G. Yarmarkina*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
Ph. D. (Philol.) *A. Yukiyasu*, Slavic Research Center of Hokkaido University (Japan, Sapporo).

Editor: *R. Saryaeva*
Translator: *S. Dzhagrunov*
Design and page layout: *Dz. Tatninov*
Executive Secretary: *S. Mirzaeva*

СОДЕРЖАНИЕ

Всеобщая история

Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю., Абзалов Л. Ф., Гатин М. С. Институт букаула в тюрко-монгольских государствах: ильханская, джучидская и чагатайская традиция 702

Цыбенов Б. Д., Курас Л. В., Цыремпилова В. Э. Институты публичной власти в политиях маньчжуро-монгольского мира в 1900–1920 гг. (на примере Хулун-Буира) 718

Базаров Б. В., Бадараев Д. Д., Цыренов Ч. Ц., Нолев Е. В., Гомбожапов А. Д. Россия, Монголия, Китай: исторические проекции межстранового взаимодействия 727

Маньшин Р. В., Соколан Д. С., Миновска М., Тинькова А. А. Двусторонние экономические отношения между Россией и Вьетнамом: текущее состояние и перспективы развития 742

Отечественная история

Тепкеев В. Т., Кабульдинов З. Е. Калмыцко-казахские отношения в период откочевки калмыков из России в Китай в 1771 г. 756

Бадугинова М. В. Реализация государственной политики в области здравоохранения в 1970-е гг. (на примере Калмыцкой АССР) 769

Источниковедение

Бобров Л. А., Балюнов И. В. Колчан XVII – середины XVIII вв. из собрания Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника 786

Археология

Кукушкин А. И., Макен А. Б., Дмитриев Е. А., Шохатаев О. С. Белагаш — новый памятник кыпчакского времени в Центральном Казахстане 811

Этнология и антропология

Джагрунов С. В., Булуктаев А. А., Намысов Б. С., Мацакова Д. И., Саянов В. Т., Адьянова А. Б. Чонос, тайджиут, хашханер: в поисках общего знаменателя (по материалам STR-гаплотипов Y-хромосомы R2a-M124 у калмыков) 826

Кара-оол Л. С., Акеров Т. А. Родовая группа *монгуш ~ мунгуш*. К вопросу этногенеза и этимологии названия 847

Ховалыг Р. Б., Хомушку А. В. Особенности традиционной одежды этнических тувинцев Монголии 860

Коломиец О. П., Вуквукай Н. И. Социокультурная ситуация в селах Провиденского городского округа Чукотки глазами их жителей по полевым материалам 2021 г. Часть 2 887

Мажинский С. В., Нагибина И. Г., Чжан Ю. Дискурсивное пространство ведущих китайских «новых медиа». 903

Языкознание

Ломакина О. В., Саитбатталов И. Р., Саитбатталова Ю. А., Хушкадамова Х. О. Отражение религиозно-теологических представлений ислама в башкирских, узбекских и таджикских пословицах в свете теории культурно-языкового трансфера 914

Нелюбова Н. Ю., Дугалич Н. М., Кадилина О. А., Кол Ч. Ш. Лингвоаксиологический анализ калмыцких пословиц и поговорок с пищевым компонентом (на русском и французском паремиологическом фоне) 929

Ярмаркина Г. М. Религиозная лексика в письмах хана Аюки и их русских переводах 948

Абдуллина Г. Р., Абдуллина Л. Б. Лингвистические особенности живого разговорного языка жителей Бардымского района Пермского края (некоторые фонетические и грамматические отличия от литературного языка) 957

Ишкильдина Л. К. Заимствования и кодовые переключения в башкирском языке (на примере караидельского говора) 971

Бускунбаева Л. А. Прагмалингвистические аспекты кодовых переключений в башкирском языке (на материале устных дискурсов) 983

Баянова А. Т. *Эцкиннь мах ид!*: концепт *отец* в проклятиях калмыков 994

Игнатенко А. В. Эмотивная суггестивность в современном китайском художественном дискурсе (на примере романа Юй Хуа «Жить», 1992) 1004

Фольклористика

Саввинова Г. Е. Приемы создания портрета главного героя в якутском эпосе (на материале текстов олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского и «Строптивый Кулун Куллустуур» И. Г. Тимофеева-Теплоухова) 1015

CONTENTS

General History

Mustakimov I. A., Pochekaev R. Yu., Abzalov L. F., Gatin M. S. The Institution of Bukaul in Turko-Mongol States: Ilkhanid, Jochid and Chagataid Traditions 702

Tsybenov B. D., Kuras L. V., Tsyrempilova V. E. Institutions of Public Government in Manchu-Mongolian Polities, 1900s–1920s: A Case Study of Hulunbui 718

Bazarov B. V., Badaraev D. D., Tsyrenov Ch. Ts., Nolev E. V., Gombozhapov A. D. Russia, Mongolia, China: Historical Projections of Interaction between the Nations 727

Manshin R. V., Sokolan D. S., Minovska M., Tinkova A. A. Russia–Vietnam Economic Relations: State of the Art and Development Prospects 742

National History

Tepkeev V. T., Kabuldinov Z. E. Kalmyk-Kazakh Relations during the 1771 Russia-to-China Migration of Kalmyks 756

Baduginova M. V. Implementing State Health Policies, 1970s: A Case Study of the Kalmyk ASSR 769

Sources Studies

Bobrov L. A., Balyunov I. V. Tobolsk Reserve Museum of History and Architecture: Introducing a Seventeenth/Mid-Eighteenth-Century Quiver 786

Archaeology

Kukushkin A. I., Maken A. B., Dmitriev E. A., Shokhataev O.S. Belagash: A Newly Discovered Kipchak-Era Site in Central Kazakhstan 811

Ethnology & Anthropology

Dzhagrunov S. V., Buluktaev A. A., Namysov B. S., Matsakova D. I., Sajanov V. T., Adyanova A. B. Chonos, Taichiud, Khashikhanar: In Search of a Common Denominator (With Evidence from R2a-M124 Y-STR Haplotypes of Kalmyks) . . . 826

Kara-ool L. S., Akerov T. A. Clan Group *Mongush ~ Mungush*: Revisiting the Issues of Ethnogenesis and Name Etymology 847

Khovalyg R. B., Khomushku A. V. Ethnic Tuvans of Mongolia: Distinct Features of Traditional Clothing 860

Kolomiets O. P., Vukvukai N. I. Sociocultural Situation in Villages of Providensky Urban Okrug (Chukotka) through the Eyes of Their Residents: Analyzing Field Materials of 2021. Part Two 887

Mazhinskiy S., Nagibina I., Zhang Yu. Discursive Space of Leading Chinese 'New Media' 903

Lingustics

Lomakina O. V., Saitbattalov I. R., Saitbattalova Iu. A., Khushkadamova H. O. Religious and Theological Concepts of Islam in Bashkir, Uzbek and Tajik Proverbs: A Perspective from the Theory of Cultural and Linguistic Transfer 914

Neliubova N. Yu., Dugalich N. M., Kadilina O. A., Kol Ch. Sh. Linguoaxiological Analysis of Kalmyk Proverbs and Sayings with Food-Related Components: A Perspective from European Paremiological Contexts 929

Yarmarkina G. M. Letters of Khan Ayuka and Their Russian Translations: Revisiting Religious Terms. 948

Abdullina G. R., Abdullina L. B. Linguistic Features of Bashkir Spoken by Natives of Bardymsky District (Perm Krai, Russia): Some Phonetic and Grammatical Differences from the Standard Language 957

Ishkildina L. K. Loanwords and Code Switches in Bashkir: A Case Study of the Karaidel Dialect 971

Buskunbaeva L. A. Pragmalinguistic Aspects of Code-Switching in Bashkir: A Case Study of Oral Discourses 983

Bayanova A. T. '*May You Eat Your Father's Flesh!*': Concept of Father in Kalmyk Curses 994

Ignatenko A. V. Emotive Suggestiveness in Contemporary Chinese Fictional Discourse: A Case Study of Yu Hua's *To Live* (1992) 1004

Folklore Studies

Savvinova G. E. Techniques for Portraying a Main Character in Yakut Epic: Investigating Olonkho Texts of *Nyurgun Bootur the Swift* by P. Oyunsky and *Kulun Kullustuur the Obstinate* by I. Timofeev-Teploukhov 1015

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 4, Pp. 702–717, 2023
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК / UDC 340.15; 94(5)
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-702-717

Институт букаула в тюрко-монгольских государствах: хулагуидская, джучидская и чагатайская традиция

Ильяс Альфредович Мустакимов[1, 2], *Роман Юлианович Почекаев*[3], *Ленар Фиргатович Абзалов*[4], *Марат Салаватович Гатин*[5]

[1] Научный институт изучения Улуса Джучи (д. 15Б, ул. Пушкина, 010000 Астана, Республика Казахстан)
кандидат исторических наук, главный научный сотрудник

[2] Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (д. 2, ул. К. Сатпаева, 010000 Астана, Республика Казахстан)
старший научный сотрудник НИЦ «Ел тарихы»
0000-0002-0052-5136. E-mail: imus2007[at]mail.ru

[3] Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (д. 3, ул. Кантемировская, 194100 Санкт-Петербург, Российская Федерация)
доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой
0000-0002-4192-3528. E-mail: rpochekaev[at]hse.ru

[4] Казанский (Приволжский) федеральный университет (д. 44, ул. Лево-Булачная, 420111 Казань, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, доцент
0000-0003-3952-6715. E-mail: len_afzal[at]mail.ru

[5] Казанский (Приволжский) федеральный университет (д. 44, ул. Лево-Булачная, 420111 Казань, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, доцент
0000-0002-7698-0450. E-mail: marat_gata[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023
© Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю., Абзалов Л. Ф., Гатин М. С., 2023

Аннотация. *Введение.* В статье исследуется институт букаула в государствах Чингизидов и их наследниках, анализируются должностные обязанности, которые выполнял этот чиновник в улусах Хулагу, Джучи и Чагатая, и их эволюция в течение нескольких веков, выявляются причины различия этих функций в каждом из улусов. *Цель и задачи* исследования — дать характеристику должности букаула в чингизидских и пост-чингизидских государствах. Для этого осуществляется перевод на русский язык и междисциплинарное исследование историко-правового памятника — ярлыка о назначении на должность букаула, его сравнение со сведениями из других источников, выявляются осо-

бенности статуса букаула в тюрко-монгольских государствах. *Материалы и методы.* Источниковая база исследования включает в себя материалы трактата «Дастур ал-катиб фи та'йин ал-маратиб» («Руководство для писца при определении степеней»), составленного в середине XIV в. иранским чиновником Мухаммедом б. Хиндушахом Нахчивани, другие источники по истории тюрко-монгольских государств, начиная с империи Чингис-хана и заканчивая государствами Центральной Азии XVIII–XIX вв. В рамках исследования использованы следующие методы: источниковедческий, дипломатический, сравнительно-исторический, историко-правовой, формально-юридический, сравнительно-правовой. *Результаты.* Букаулы неоднократно фигурируют в источниках, однако сведения об их обязанностях весьма разнообразны, что рождает многочисленные версии исследователей о том, чем же занимались букаулы. Авторами впервые вводится в научный оборот русский перевод ярлыка о назначении войскового букаула из «Дастур ал-катиб», снабженный междисциплинарным комментарием. Сравнение содержания этого документа со сведениями других источников показывает, что должностные обязанности букаулов в разных тюрко-монгольских государствах были весьма разнообразны. *Выводы.* Разнообразие функций букаула в разных государствах Чингизидов и их наследников, нашедшее отражение в источниках, было напрямую связано с особенностями социально-политического и экономического развития этих государств. В зависимости от степени соотношения монгольских имперских и местных традиций власти, управления и социально-экономических отношений букаул мог являться распределителем материальных благ в армии (как в монгольском Иране), начальником отрядов с административными и правоохранительными функциями (как в улусе Джучи) или же придворным сановником, связанным с обеспечением ханской кухни (как в Чагатайском улусе). Вместе с тем следует обратить внимание на то, что принадлежность букаулов к военно-служилой страте чингизидских и пост-чингизидских государств, обусловленная их тюрко-монгольским происхождением, нередко являлась причиной их активного участия в решении военных задач вне зависимости от того, какие должностные обязанности они выполняли.

Ключевые слова: Монгольская империя, монгольский Иран, Золотая Орда, Чагатайский улус, Могулистан, Великие Моголы, восточные письменные источники, ханские ярлыки

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Социально-политическая организация евразийского пространства в Средние века (исторический опыт Золотой Орды и Ирана XIII–XIV вв.)» (№ 23-18-00147, https://rscf.ru/project/23-18-00147/).

Для цитирования: Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю., Абзалов Л. Ф., Гатин М. С. Институт букаула в тюрко-монгольских государствах: хулагуидская, джучидская и чагатайская традиция // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 4. С. 702–717. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-702-717

The Institution of Bukaul in Turko-Mongol States: Ilkhanid, Jochid and Chagataid Traditions

Ilias A. Mustakimov[1, 2], *Roman Yu. Pochekaev*[3], *Lenar F. Abzalov*[4], *Marat S. Gatin*[5]

[1] Institute for Research in the Ulus of Jochi (15Б, Pushkin St., 010000 Astana, Republic of Kazakhstan)
Cand. Sc. (History), Chief Research Associate

[2] L. N. Gumilyov Eurasian National University (2, Satpayev St., 010000 Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan)
Senior Research Associate
0000-0002-0052-5136. E-mail: imus2007[at]mail.ru

[3] National Research University Higher School of Economics (3, Kantemirovskaya St., 194100 St. Petersburg, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Cand. Sc. (Law), Associate Professor, Professor, Head of Department
0000-0002-4192-3528. E-mail: rpochekaev[at]hse.ru

[4] Kazan (Volga Region) Federal University (44, Levo-Bulachnaya St., 420111 Kazan, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Associate Professor
0000-0003-3952-6715. E-mail: len_afzal[at]mail.ru

[5] Kazan (Volga Region) Federal University (44, Levo-Bulachnaya St., 420111 Kazan, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Associate Professor
0000-0002-7698-0450. E-mail: marat_gata[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023
© Mustakimov I. A., Pochekaev R. Yu., Abzalov L. F., Gatin M. S., 2023

Abstract. *Introduction*. The article examines the institution of *bukaul* in Chinggisid states and their successors. Special attention is given to functions implemented by the official in the *uluses* of Hulagu, Jochi and Chagatai — and the former's evolution throughout centuries. It is also explained why the functions tended to vary in different Turko-Mongol states. *Goals*. The study seeks to characterize the status of bukaul in Chinggisid and post-Chinggisid states. To facilitate this, the paper introduces a Russian translation and an interdisciplinary analysis of one legislative act — *yarliq* (decree) — appointing an army bukaul, and compares it to other sources for specific features of this official in Turko-Mongol states. *Materials and methods*. The paper examines *Dastur al-Katib fi Tayin al-Maratib* (A Scribe's Guide to Determining Ranks) compiled in the mid-fourteenth century by Persian official Muhammad ibn Hindushah Nakhchivani, and other historical sources on Turko-Mongol states — from the empire of Genghis Khan and to Central Asian khanates of the eighteenth–nineteenth centuries. The work employs a series of historical and legal research methods, such as those of source criticism, diplomatic analysis, comparative historical research, formal legal approach, historical legal and comparative legal analyses. *Results*. Bukauls are often mentioned by medieval Asian historians but the messages tend to vary, which gives rise to different opinions as to their status and functions. The paper introduces the yarliq appointing a bukaul from *Dastur al-Katib* into Russian-language scientific discourse and supplements it with a detailed interdisciplinary analysis. Our comparative insights into other sources attest to that functions of bukaul in different Chinggisid states were as different and diverse, which resulted from the latter's specific sociopolitical and economic development conditions. *Conclusions*. Depending on correlations between Mongol imperial and regional traditions of power, administrative and socioeconomic patterns, bukaul could serve as distributor of material benefits in the army (Mongol Iran), as executive of administrative and law-enforcement structures (Ulus of Jochi), and even as courtier in charge of khans' cuisine (Chagatai Ulus). At the same time in Chinggisid and post-Chinggisid states, bukauls were usually ethnic Turko-Mongols of noble origin with military-oriented minds and corresponding training, which resulted in that they could be actively involved into military endeavors regardless of their official positions and functions.

Keywords: Mongol Empire, Golden Horde, Mongol Iran, Chagatai Ulus, Moghulistan, Great Moghuls, Oriental historical sources, yarliqs of khans

Acknowledgements. The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 23-18-00147 'Social and Political organization of the Eurasian area in the Middle Ages (by the example of the Golden Horde and Iran of 13th –14th cc.)' (https://rscf.ru/project/23-18-00147/).

For citation: Mustakimov I. A., Pochekaev R. Yu., Abzalov L. F., Gatin M. S. The Institution of Bukaul in Turko-Mongol States: Ilkhanid, Jochid and Chagataid Traditions. *Oriental Studies*. 2023; 16(4): 702–717. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-702-717

1. Введение

В рамках изучения правового статуса представителей системы власти и управления в государствах Чингизидов авторы данного исследования неоднократно обнаруживали в источниках упоминание должности букаула[1] — особого чиновника, который в разных улусах потомков Чингис-хана (а также в тюрко-монгольских — наследниках чингизидских улусов) и в разные времена имел разные должностные обязанности. Однако большинство таких упоминаний носит лапидарный и эпизодический характер, который дает основание исследователям лишь строить предположения о том, чем же занимался букаул, каковы были его обязанности, роль и место в системе управления чингизидских государств. Неудивительно, что многие исследователи ограничиваются лишь упоминанием и краткой характеристикой функций букаула, не углубляясь в вопросы генезиса и эволюции этой должности в Монгольской империи [Иванин 1846: 8; Бартольд 1962: 447, 448; Вернадский 2000: 218; Измайлов 2009: 413].

Наиболее фундаментально к характеристике букаула подошел немецкий ученый Г. Дёрфер, который предпринял анализ упоминаний букаула в различных источниках и склоняется к версии, что этимология слова *букаул* может быть связана с тюрко-монгольским словом bök 'наедаться, переедать'

[1] В источниках встречаются следующие варианты написания: бакаул, букавул, бокаул и др.

[Doerfer 1965: 302] с характерным монгольским аффиксом *-гул / -ул* [Владимирцов 1912: 183; Vásáry 2009: 196]. Исходя из этого и данных письменных источников делается вывод о том, что изначально букаул был ответственен за дегустацию блюд, предназначенных для правителя, затем же, вероятно, приобрел дополнительные обязанности. Г. Дёрфер осторожно предполагает, что, возможно, существовало две разные должности: первая — ответственная за дегустацию пищи и обеспечение продовольствием, вторая — обозначающая заставщика, стража и (или) командира арьергарда [Doerfer 1965: 305–306]. Однако ученый в своем анализе пользовался источниками, в которых букаулы лишь упоминались эпизодически. Одной из немногих современных работ, посвященных анализу значения и функций букаула, является статья известного венгерского ученого И. Вашари, в которой он обобщил предыдущий опыт изучения этой должности в исторической науке и дал критический анализ этимологии термина «букаул» [Vásáry 2009: 195–207].

Однако имеется источник, содержащий подробные сведения о правовом статусе букаула — персоязычный трактат «Дастур ал-катиб фи та'йин ал-маратиб» («Руководство для писца при определении степеней»), написанный в 1360-х гг. Мухаммедом б. Хиндушахом Нахчивани, чиновником финансового ведомства при дворе персидских ильханов-Хулагуидов и их преемников Джалаиров. В этом сочинении присутствует краткая характеристика должности букаула и, что особенно важно, три образца ярлыка о назначении на эту должность. Некоторые наблюдения относительно функций букаула в монгольском Иране были высказаны исследователем «Дастур ал-катиб» В. З. Пириевым [Пириев 1977; Пириев 1988а; Пириев 1988б], также к содержанию этих ярлыков обращались в своих исследованиях А. Ю. Якубовский и И. Вашари [Греков, Якубовский 1998: 98; Vásáry 2009: 203]. Известный российский востоковед В. Г. Тизенгаузен во второй половине XIX в. осуществил перевод ряда ярлыков из «Дастур ал-катиб», в том числе и всех трех образцов ярлыка о назначении букаула [АВ ИВР РАН. Ф. 52. Ед. хр. 14–16. Л. 230–231], однако эти переводы представляли собой лишь черновые наброски и, соответственно, не были обнародованы.

Единственный опубликованный на сегодня перевод с оригинала одного из этих ярлыков, насколько нам известно, был осуществлен австрийским востоковедом Й. фон Хаммером-Пургшталем [Hammer-Purgstall 1840: 473]. Примечательно, что он включил перевод в качестве приложения в свой труд по истории Золотой Орды, а не монгольского Ирана, тем самым подчеркнув, что эта должность существовала не только в ильханате[1]. Однако ученый в соответствии с востоковедческими традициями своего времени выполнил перевод ярлыка в форме пересказа, нежели аутентичного перевода источника. Ниже авторы предлагают перевод этого правового памятника с оригинала, а также буквальный русский перевод версии австрийского востоковеда, чтобы продемонстрировать различия в переводческой практике востоковедов прошлого и нашего времени.

2. Материалы и методы

Главным источником для настоящего исследования послужил ряд материалов трактата «Дастур ал-катиб», который являлся объектом наши исследований по другим вопросам [Абзалов и др. 2022; Абзалов и др. 2023]. В данном исследовании, в первую очередь, источником послужил сам ярлык, перевод которого помещен ниже, а также дополнительные материалы — другие два образца ярлыка и краткая характеристика должности букаула, данная самим Мухаммедом Нахчивани.

Авторы также привлекли другие материалы, содержащие сведения о букаулах и их деятельности, среди которых как правовые — золотоордынские и крымские ярлыки [Радлов 1888: 21; Фиркович 1890; Ярлыки 1955; Прохоров 2022], так и нарративные — придворные летописи и хроники монгольского периода [Рашид ад-Дин 1960; Хафиз Абру 2011], а также ряд источников более позднего периода, позволяющие проследить эволюцию статуса букаула в после-

[1] Основанием для такого предположения мог стать тот факт, что Й. фон Хаммер-Пургшталь ранее перевел на немецкий язык ярлык золотоордынского хана Тимур-Кутлуга (1398 г.), в котором также имелось упоминание букаула. Ученый предложил свое видение термина *букаул*, который перевел как Küchenmeister — кухмистр, т. е. лицо, ведающее столом при дворе [Hammer 1818: 359–362].

дующие века [Ханыков 1843; Вильданова 1970; Minorsky 1980].

Переведенный и проанализированный ярлык является не только историческим, но и правовым памятником. Поэтому при его исследовании использовался широкий спектр методов как исторического, так и историко-правового исследования:

– источниковедческий метод для общей характеристики источника;

– дипломатический анализ, позволяющий исследовать структуру документа, особенности его формы и содержания;

– историко-правовой метод дает возможность понять специфику отдельных этапов военного дела в тюрко-монгольских государствах и, как следствие, цели и задачи букаула в Монгольской империи и ее наследниках, а также в государствах — их преемниках;

– сравнительно-исторический и сравнительно-правовой методы для сравнения особенностей статуса букаула в разные исторические эпохи в разных государствах с учетом особенностей их развития;

– наконец, формально-юридический метод позволяет исследовать ярлык именно как юридический памятник и дать характеристику статуса букаула с использованием современных правовых терминов и категорий (естественно, с достаточной степенью условности).

3. Перевод документа

Перевод Й. фон Хаммер-Пургшталя [Hammer-Purgstall 1840: 473][1]	**Перевод с оригинала** [Нахчивани 1976: 54–55 араб. паг.][2]
IX. Грамота [ярлык] букаулу, т. е. верховному военному комиссару[3] (первый [образец]) Поскольку Исинтимур с давних пор до настоящего времени служит в военном комиссариате, познал порядки и обычаи этой важной должности, а также приобрел полное понимание и опыт, то с этого дня ему будет доверена должность военного комиссара победоносных армий, которая является одной из самых больших и важных, чтобы он смог полностью посвятить себя [этому] прекрасному делу, дабы он с установленным Диваном порядком распределял жалование и вознаграждения всему войску и не заставлял их долго [этого] ждать. По этим причинам этот указ вступает в силу, чтобы эмиры улусов, везиры, эмиры десяти тысяч, тысяч и сотен признали Исинтимура военным комиссаром победоносных армий, и никто другой не вмешивался в это дело и не вступал с ним в спор. Они должны подчиняться его приказам и запретам, когда же он раздает жалование и награды, довольствоваться своей долей и не нарушать его слов. Они должны оказывать [ему] должное уважение, эмиры десяти тысяч и тысяч пусть помогают ему, дабы он мог с полным спокойствием исполнять обязанности военного комиссара победоносных армий. Руководители Великого Дивана должны выплачивать средства, предусмотренные для военного комиссариата, как это записано в реестрах Дивана, ему же, чтобы он мог использовать их на свои расходы.	**Раздел девятый. О препоручении должности войскового букаула** **Вид первый** Поскольку Исен-Тимур с давних времен исполняет обязанности войскового букаула, приобрел обширные знания в правилах и законах этого дела и получил навыки и опыт [на этой стезе], начиная с этой даты обязанность букаула победоносного войска, являющаяся одним из важнейших дел, препоручается ему с тем, чтобы он исполнял свой служебный долг с должным рвением так, как это обусловлено [этой должностью]. Пусть выплачивает воинам жалование, содержание и экипировочные [деньги] в соответствии с суммами, определенными Диваном, и не заставляет [их] долго ожидать [выплат]. Посему этот указ издан с тем, чтобы эмиры улуса, везиры, эмиры туменов, тысяч и сотен признавали Исен-Тимура букаулом победоносного войска и не считали кого-либо другого его сотоварищем и соперником [в исполнении обязанностей букаула]. Пусть повинуются и подчиняются его приказам и запретам и довольствуются розданным им войску жалованием, экипировочными [деньгами] и содержанием. Пусть не выходят из повиновения его и соблюдают [в отношении него] обычаи почитания и уважения. Пусть эмиры туменов и тысяч признают его власть, прилагают усилия к заботе о нем и защите его и делают так, чтобы его голова была свободной от хлопот, дабы он мог исполнять обязанности букаула победоносных войск. Пусть руководители Великого Дивана выплачивают ему содержание, определенное букаулу и подтвержденное записями в реестрах, дабы он мог тратить его на свои нужды.

[1] Перевод на русский язык выполнен М. С. Гатиным.

[2] Перевод на русский язык выполнен И. А. Мустакимовым.

[3] Верховный военный комиссар (*нем.* Oberstkriegscommissär) — интендантская должность военнослужащих в европейских армиях XIX в. (в том числе и в русской), ведавшая вопросами обеспечения продовольствием, вооружением и деньгами.

4. Дипломатический комментарий

Мухаммед б. Хиндушах Нахчивани приводит основные компоненты акта о назначении букаула. Как известно, условный формуляр документа состоит из трех частей: начального протокола, основной части и эсхатокола. Представленный документ начинается с наррации союзом چون ‘поскольку’. Нарративная часть излагает обстоятельства дела и характеризует качества назначаемого лица на должность букаула. В диспозиции выражается решение правителя и начинается она вводной формулой بدان سبب ‘посему, по этой причине’). Здесь же даются предписания должностным лицам по отношению к назначаемому указом лицу.

Абстрактный формуляр документов о назначении на должность, как правило, включал в себя инвокацию, интитуляцию и инскрипцию [Herrmann 2004: 12], и именно в них наиболее явственно должны были проявляться элементы чингизидской канцелярской культуры, которая была представлена во всех улусах Монгольской империи [Biran 2008: 386–389; Kim 2010: 61–78].

Эта культура была достаточно устойчива и сохранялась, как видно из нашего источника, и в период правления Джалаиров. Такое же явление можно было наблюдать и в Могулистане, правители которого считали себя правопреемниками Чагатаидов. Основная часть документа, как правило, начиналась с аренги, за которой могла быть представлена промульгация. Как было уже указано, нарративная и диспозитивная часть в нашем образце представлены, но отсутствуют санкция и корроборация. Завершал документ эсхатокол, включавший в себя место и время выдачи ярлыка.

Таким образом, структура рассматриваемого документа свойственна персидскому делопроизводству [Busse 1991: 309; Herrmann 2004]. Автор не включил в образец ярлыка, в силу их шаблонности, свойственные чингизидскому делопроизводству типичные части условного и абстрактного формуляра, в которых наиболее явственно должна была проявляться канцелярская традиция Чингизидов.

5. Историко-правовой комментарий

Прежде всего, обратим внимание на тот факт, что ко времени назначения на должность получатель ярлыка, как следует из документа, уже «с давних времен исполняет обязанности войскового букаула»[1]. Таким образом, ярлык, несомненно, является подтвердительным и, следовательно, выдан новым правителем Ирана вскоре после вступления на престол в качестве заверения воли, выраженной ранее в ярлыке его предшественника на троне.

Обращает на себя внимание имя лица, назначаемого на должность — Исен-Тимур[2]: речь идет о представителе кочевой элиты и, следовательно, чиновнике, осуществляющем свою власть именно в военно-служилой среде. Это подтверждается тем фактом, что и два других документа о назначении на должность букаула в «Дастур ал-катиб» также выданы лицам с тюрко-монгольскими именами: Кутлуг-Тимуру и Тогай-Тимуру [Нахчивани 1976: 54, 56].

Как и в большинстве документов о назначении на должности, в данном ярлыке приводится обоснование назначения именно конкретного лица, содержащее сведения о его личных и профессиональных качествах. Как следует из ярлыка, Исен-Тимур обладает значительным опытом службы на данной должности, хорошо знает ее «правила и законы». Вместе с тем, наряду с констатацией наличия у него соответствующих качеств, адресант ярлыка (ильхан) требует от него исполнения своих обязанностей «с должным рвением», не вдаваясь, впрочем, в подробности: по-видимому, данный чиновник, в самом деле, хорошо зарекомендовал себя на должности в предшествующие годы.

Наибольший интерес вызывают должностные обязанности букаула — ведь именно они позволяют четко установить его статус и особенности взаимоотношений с другими представителями властей и устранить те неопределенности, которые вызвали вышеприведенные разнообразные определения должности букаула, данные разными исследователями ранее. Итак, основной его служебной обязанностью является своевременная выплата воинам «жало-

[1] Здесь и ниже цитаты в комментарии приводятся по вышеприведенному переводу ярлыка с оригинала.

[2] Идентифицировать личность получателя ярлыка на основе доступных источников не удалось.

вания, содержания и экипировочных денег в соответствии с суммами, определенными диваном». Следовательно, букаул являлся своего рода войсковым казначеем и одновременно главой службы снабжения[1].

Ценным дополнением к сведениям ярлыка о функциях этого чиновника является характеристика данной должности, которую Мухаммед Нахчивани приводит перед образцами ярлыков о назначении на нее: «Букаулом называют человека, который после эмиров является старшим (آقا) и наиболее высокопоставленным [лицом] в войсковых подразделениях. Его обязанности заключаются в том, чтобы управлять делами командования [войском] (تدبير مصالح امارت), заниматься обеспечением войска (ترتيب لشكريان), прилагать усилия к доставлению [воинам] жалования и содержания, определенного им Великим Диваном, и в справедливом распределении между ними трофеев и добычи, захваченных при завоевании стран и областей; держась правды, не допускать причинения ими (воинами. — *Авт.*) насилия друг к другу и препирательств [по поводу выплаченных сумм]…»[2] [Нахчивани 1976: 53–54 араб. паг.].

Данное дополнение содержит упоминание некоторых функций, которые отсутствуют в самом тексте ярлыка. Наибольший интерес представляет обязанность «не допускать… причинения насилия друг другу и препирательств» со стороны воинов. В. З. Пириев, толкуя ее несколько шире, чем подразумевают документы, склонен приписывать букаулам правоохранительные функции по охране общественного порядка в армии [Пириев 1988а: 28; Пириев 1988б: 200]. Однако несомненным представляется, что речь идет исключительно об улаживании споров по поводу получаемого денежного довольствия, а не любых споров и противоправных поступков. Вероятно, именно это имеется в виду в одной из завершающих фраз в анализируемом ярлыке, согласно которой подконтрольные ему военачальники должны делать «так, чтобы его голова была свободной от хлопот, дабы он мог исполнять обязанности букаула победоносных войск».

Высокий правовой статус букаула (относящегося, согласно Мухаммеду Нахчивани, к высшему военному командованию) нашел отражение и в том, что указ о его назначении адресуется весьма широкому кругу лиц, начиная с военачальников самого высокого уровня и их подчиненных («эмиры улуса..., эмиры туменов, тысяч и сотен») и штатских сановников, представлявших центральный аппарат власти и управления (в лице «везиров» и «руководителей Великого Дивана»). Издатель ярлыка предписывает адресатам подчиняться его «приказам и запретам», не выходить «из повиновения ему» и выказывать ему «почитание и уважение» в соответствии с «обычаями». Более того, в силу важности его должности эмирам туменов и тысяч предписывается не только признавать его власть, но и «прилагать усилия к заботе о нем и защите его».

Важно обратить внимание, что в анализируемом ярлыке (как и во втором образце, включенном в «Дастур ал-катиб») речь идет о «войсковом букауле», т. е. верховном казначее и снабженце армии монгольского Ирана. Неслучайно в документе специально оговаривается, чтобы адресаты «признавали Исен-Тимура букаулом победоносного войска и не считали кого-либо другого его сотоварищем и соперником». Таким образом, в Иране рассматриваемого периода одновременно мог быть только один войсковой букаул, непосредственно подконтрольный верховному главнокомандующему (беклер-беку или амир ал-умара) и, конечно же, самому ильхану. Характерно, что третий образец о назначении букаула, содержащийся в трактате, относится уже к букаулу тумена, т. е. военному чиновнику уровнем ниже и, соответственно, адресуется только самому эмиру тумена и подчиненным ему военачальникам и простым воинам [Нахчивани 1976: 56–57 араб. паг.].

[1] Тот факт, что букаул в монгольском Иране отвечал за материальное обеспечение воинских подразделений, подтверждается и сообщением из «Сборника летописей» Рашид ад-Дина: «частью по причине дурной исполнительности мутасаррифов, частью из-за того, что бокаулы принимали взятки и закрывали глаза, частью вследствие того, что битикчии-эюдэчи не делали вовремя перевода, и войско оставалось бессильным произвести сбор, а эюдэчи за полцены скупали [тагар] себе» [Рашид-ад-дин 1946: 281].

[2] Перевод на русский язык выполнен И. А. Мустакимовым.

Кроме того, дошедший до нас ярлык ильхана Сулеймана 1342 г. свидетельствует, что свои букаулы числом более одного были и у тысяч [Herrmann 2004: 119, 122; ср.: Vásáry 2009: 203]. Таким образом, можно сделать вывод, что букаулы действовали на уровне всех вооруженных сил в целом и отдельных туменов и тысяч, подчиняясь, соответственно, верховным военачальникам, темникам и тысячникам.

Какова была правовая основа деятельности букаулов? Ярлык не уточняет, какими правовыми знаниями должны были обладать букаулы (в отличие от многих других должностей в ильханате) и какими юридическими источниками руководствоваться. Следовательно, основой их прав и обязанностей являлись сами ярлыки о назначении их на должность. Из характеристики должности, данной Мухаммедом Нахчивани, следует, что букаул также распоряжается распределением воинской добычи, а порядок распределения военных трофеев (с обязательным выделением долей правителю и непосредственно полководцу, руководящему военной кампанией) регулировался нормами старинного традиционного права торе [Трепавлов 2015: 66]. Возможно, именно его имеет в виду издатель ярлыка, когда упоминает об «обычаях».

Однако к середине XIV в. монгольский Иран (как и все улусы Чингизидов) настигает глобальный политический кризис, сопровождаемый междоусобицами и постоянной сменой ханов, что приводит к резкому снижению авторитета правящего рода. В новых условиях изменяется армейская организация: на смену воинским соединениям, находившимся под командованием военачальников, назначавшихся ханами, приходят собственные дружины царевичей-Чингизидов и родоплеменных предводителей. Естественно, ни о каком жаловании из казны уже не шло и речи, что логично привело к утрате букаулами своих функций.

Тем не менее сама должность, как ни странно, сохранилась, весьма существенно при этом трансформировавшись. В пост-чингизидском Иране букаулы превратились в придворных, став обладателями своего рода «дворянского» звания. Впечатляющую картину эволюции статуса букаула представляет персидское историческое сочинение XVII в. «Тарих-и аламара-йи Аббаси»: ««Ко времени кончины шаха Тахмаспа было шесть сотен высокопоставленных юзбаши, обладателей чинов, хурчи и других чиновников в штате (мулазиман) двора, а именно это было 4 500 хурчи и 1 500 других чиновников, таких как хурчиян-даш, ясавулы, букаулы и т. д. <…> В каждой категории также много было тех, кто заслуживал стать эмиром, и хотя им еще не даровали ранга эмирата, в дальнейшем они не упускали возможности присоединиться к эмирам» (цит. по: [Minorsky 1980: 15]).

6. Институт букаула в тюрко-монгольских государствах и его эволюция

Выше мы уже отметили, что в разных источниках, содержащих упоминания о букаулах, присутствуют различные сведения о том, какие должностные обязанности эти чиновники выполняли в разных государствах в разные периоды времени. Представляется целесообразным дать обзор этих сведений, чтобы понять, в какой степени они соотносятся с информацией проанализированного выше ярлыка из «Дастур ал-катиб».

6.1. Монгольская империя и империя Юань

Первые упоминания букаула относятся к эпохе становления Монгольской империи при Чингис-хане. Например, Рашид ад-Дин сообщает: «Из числа старших эмиров этого племени [хушин] во время Чингиз-хана был Борагул-нойон, который на службе Чингиз-хана был сначала отведывателем ханской пищи [букаул] и стольником [баурчи]. Потом стал телохранителем [казикту], затем эмиром кезика, а потом эмиром-темником. В дальнейшем стал уважаемым старшим эмиром правого крыла, степенью ниже Богорчи-нойона [Рашид-ад-дин 1952: 171].

В другом сюжете Рашид ад-Дин также пишет об «отведывателе ханской пищи»: «Был другой эмир-тысяцкий, также принадлежавший к левому крылу и пользовавшийся большим авторитетом, имя его — Унгуз. Так как прежде отведывателем ханской пищи [букаул] и стольником [баурчи] был Кучур-нойон из племени йисут и он стал старым и немощным, то вместо него стал отведывателем блюд и стольником Борагул-нойон. Когда Борагул-нойон стал эми-

ром-темником и занялся войсковыми делами, вместо него стал отведывателем пищи и стольником этот Унгуз. Его называют Унгуз-кысат, ибо на языке найманов букаула называют кысат, что значит насыщение, этот Унгуз был из племени кэхэрин-баяут» [Рашид-ад-дин 1952: 176; см. также: Vásáry 2009: 198].

В. В. Бартольд на основе анализа монгольского варианта «Сокровенного сказания» (в издании И. Н. Березина) обратил внимание на упоминание букаула в том же значении, что и у Рашид ад-Дина. Ученый полагает, что должности букаулов или баурчи как лиц, «заведующих пищей и питьем», были одними из первых придворных должностей, учрежденных еще Темучином [Бартольд 1962: 447].

Как следует из приведенных данных, букаул являлся высокопоставленной фигурой при особе правителя, который также исполнял функции стольника — баурчи. Очевидно, рассматриваемая нами должность имеет древние истоки. Логично предположить, что «отведыватель пищи» правителя имелся у каждого мало-мальски крупного владетеля, активно участвовавшего в борьбе за власть, в связи с чем вероятность устранения политического противника путем отравления значительно возрастала. На эту должность назначались особо отличившиеся своей преданностью и опытом воины. Как и во все времена, такое близкое к персоне правителя положение могло способствовать успешному карьерному росту букаула, что мы можем видеть выше на примере Борагул-нойона.

Таким образом, должность букаула первоначально была связана с продовольственным обеспечением ханского двора, при этом он также нес ответственность за безопасность пищи. Военно-политический характер организации государства предопределил параллельные его военные обязанности, которые были связаны с интендантским обеспечением войск и распределением военной добычи. По-видимому, эта эволюция была связана с существенным расширением сферы товарно-денежных отношений в Монгольской империи и особенно в империи Юань. Поэтому неслучайно тот же Рашид ад-Дин сообщает о букаулах и как о военных чиновниках, ответственных за обеспечение войск: «А ...[1] пин-чжан был „букаулом“ войска и состоит [им по-прежнему]. Хокутай был и продолжает также быть эмиром [всех] четырех дворцовых караулов» [Рашид ад-Дин 1960: 193].

Существование института букаула в империи Юань со времен хана Хубилая также подтверждается и китайскими источниками — династийной хроникой «Юань ши», законодательным сводом «Юань дянь-чжан» и др. Правда, в практике этого государства букаулы превратились в чиновников, ответственных за обеспечение продовольствием императорского двора и армии (в том числе и фуражом лошадей). Однако к 1311 г. институт букаулов (bökegül, bökesün) был упразднен, и ему на смену пришло китайское учреждение, традиционно выполнявшее те же функции, — Tu-chih chien [Farquhar 1990: 91–92; Li 2014: 304–305; Vásáry 2009: 198].

6.2. Улус Джучи: Золотая Орда и ее наследники

Основными источниками сведений о букаулах в Улусе Джучи являются сохранившиеся до нашего времени ханские ярлыки [Радлов 1888; Ярлыки 1955]. Именно на их содержание опираются исследователи, предпринимая попытки реконструкции статуса и обязанностей букаула в этом улусе. Однако, как уже отмечалось, краткость сведений о букаулах в этих правовых памятниках приводит к тому, что у разных авторов встречаются различные характеристики должности букаула.

Так, в некоторых дошедших до нас джучидских ярлыках термин «букаул» встречается в паре с термином «туткаул», на основании чего И. Н. Березин предположил, что обязанности букаула весьма близки к должности туткаула: «может быть, сообразно джагатайскому объяснению слова следует предполагать, что букаул занимался оценкою, а иногда и пробою товаров, почему эта должность при дворе могла означать стольника, в гражданской службе публичного оценщика, а в военной оценщика добычи и раздавателя жалованья» [Березин 1851: 31]. Более того, ученый в результате некорректного перевода фрагмента из «Сборника летописей» Рашид ад-Дина предположил

[1] Пропуск в источнике. — *И. М., Р. П., Л. А., М. Г.*

должность никогда не существовавшего «букаульного тамговщика» [Березин 1863: 63; см. также: Будагов 1869: 262–263]. Впрочем, в начале XX в. Н. И. Веселовский указал на ошибку и опроверг построения И. Н. Березина [Веселовский 1917: 203–204].

В статье, посвященной ярлыку Тимур-Кутлуга, турецкий исследователь Х. Абдуллахоглу переводит использованный в этом документе термин «букаулы» как «помощники таможенников, выслеживающие товар, ввезенный без уплаты таможенной пошлины» [Abdullahoğlu 1935: 214]. В статье, посвященной публикации ярлыка крымского хана Менгли-Гирея от 872/1467 г.[1], он, вслед за Г. С. Саблуковым, трактует букаула, упомянутого в ярлыке, как церемониймейстера ханского двора. При этом «букала» (بوكال), упомянутого в ярлыке Саадет-Гирея в паре с термином «чери» (چرى)[2], он предлагает рассматривать как отдельную должность, якобы приведенную у Рашид ад-Дина в написании بوقاول и происходящую от чагатайского глагола «букмак» (بوقمق) «устраивать засаду». Поэтому термин букал~букаул в ярлыке Саадет-Гирея и ряде других случаев, по мнению Х. Абдуллахоглу, обозначал воинов, находившихся в засаде, отслеживавших товары, провезенные без уплаты таможенной пошлины [Abdullahoğlu 1934: 104–105].

Другой турецкий ученый, А. Н. Курат, также полагал, что букаулы являлись чиновниками сыска и вместе со своими подчиненными формировали «сыскные войска» [Курат 2014: 105, 115], аналогичную функцию приводит и Г. Дёрфер [Doerfer 1965: 303].

М. А. Усманов, обратившись к актовым материалам Улуса Джучи конца XIV в. (в частности ярлык Тимур-Кутлуга от 6 ша'бана 800 г. х., т. е. 24 апреля 1398 г.), указал, что букаулы представлены в интитуляции золотоордынских грамот в числе рядовых чиновников-исполнителей с военно-полицейскими функциями [Усманов 1979: 213–214].

Советский и российский тюрколог А. П. Григорьев также считал, что букаулы возглавляли отряды, которые обеспечивали за соответствующую плату охрану торговцам и дипломатам по пути их следования [Григорьев 2004: 97][3]. Основаниями для подобных выводов стало отмеченное выше упоминание букаулов в поздних золотоордынских ярлыках в связке с другими военными чиновниками — туткаулами и ясаулами, которые как раз и являлись военачальниками и военными чиновниками сравнительно низкого уровня, а различие между ними из содержания ярлыков неочевидно (см.: [Doerfer 1965: 306]).

Исходя из этого, можно заключить, что букаулы и туткаулы — это военно-полицейские чины, несшие сторожевую и охранную службу, соответственно букаулы в данном случае не были связаны с интендантским обеспечением войск. В государствах, возникших после распада Золотой Орды, и даже в некоторых прежних вассальных владениях букаулы стали кем-то вроде мелких чиновников, которые могли выполнять поручения также в дипломатической, судебной и административной сфере вплоть до обязанностей приставов и рассыльных [Рашид ад-Дин 1858: 232–233; Материалы 1852: 289; Прохоров 2022: 469; Belyakov 2022: S421–S422].

6.3. Чагатайский улус

Именно в улусе Чагатая должность букаула, как представляется, сохранилась в виде, наиболее близком к первоначальной, существовавшей в Монгольской империи эпохи Чингис-хана: в чагатайской традиции (от Бухары и Хивы до государства Великих Моголов в Индии) обладатели этой должности остались вышеупомянутыми чиновниками при ханской кухне — «пробователями еды» [Вильданова 1970: 44; Ханыков 1843: 186; Manz 1999: 172; Vásáry 2009: 203, 204; Бабур-наме 1958: 351].

[1] Принадлежность этого ярлыка Менгли-Гирею предположительная: начало документа с указанием адресанта не сохранилось, ярлык заверен тамгой хана Хаджи-Гирея (ум. 1466 г.) [Усманов 1979: 32–33].

[2] Г. Дёрфер и И. Вашари указывают, что чтение چرى «чери» ‘войско’, принятое некоторыми исследователями, ошибочно и это слово следует читать چربى «черби» ‘квартирмейстер’ [Doerfer 1965: 301; Vásáry 2009: 203].

[3] На самом деле такую функцию обеспечивали другие чиновники, именовавшиеся предводителями караванов [Абзалов и др. 2022].

В качестве придворной должности букаул сохранялся и в Могулистане (Восточный Туркестан) в XVII в.: так, Абдаллах-хан «сделал… Идрис-бека — бакавулом» [Чурас 1976: 222]. Тот факт, что эта должность относилась к «близким к персоне» хана, позволяет полагать, что и здесь имела место упомянутая чагатайская традиция превращения бывшего военного чиновника в некоего придворного сановника.

Весьма ценными источниками, в которых содержатся статьи о букауле, представляются чагатайские лексикографические словари XVI–XVII вв. Так, в чагатайско-османском словаре «Абушка» (XVI в.) бакаул (بکاول) — это отведыватель подаваемой царю пищи (*чашнигир*) [Словарь 1868: 131]. Шейх Сулейман Бухари приводит два значения букаула, с некоторыми отличиями в функциях: 1) бакаул (بکاول) — главный советник (?), предводитель вельмож (?) (دستور سالار), отведыватель пищи, заведующий провизией, диван-беги [Buhari 1298(1881): 75]; 2) букаул (بوکاول) — заведующий провизией, эконом, заведующий кухней, бакаул [Buhari 1298(1881): 83].

Вместе с тем нельзя не отметить, что, например, тимуридский историк Абд ар-Раззак Самарканди при описании похода Тимура на Моголистан в 791/1388–89 г. упоминает бакаулов (бакаулан), выбивших противника Тимура Инга-Тюря из местности Кумарчи [Материалы 1973: 155–156]. Следуя контексту, издатели источника перевели термин «бакаулы» как «воины засады», выделив в результате два значения данного термина: в первом случае обязанности букаула соотносятся с русским стольником, во втором же подразумевается засадчик — лицо, в обязанности которого было ставить тамгу, клеймо [Материалы 1973: 241]. Однако, как представляется, подобные выводы не вполне обоснованы: дело в том, что, вне зависимости от своих формальных должностных функций, букаулы, как отмечено выше, являлись представителями тюрко-монгольской правящей элиты и в качестве таковых могли быть привлечены к участию в боевых действиях в том или ином качестве[1].

Заключение

По данным проанализированного нами текста ярлыка главной обязанностью букаула была своевременная выплата воинам жалования, содержания и денежного довольствия. Букаул представлял собой своего рода войскового казначея и одновременно главу службы снабжения.

Должность букаула получила свое развитие и имела особые функции в разное время и в различных частях чингизидского мира. Эти особенности, очевидно, были связаны с тем, что отдельные части Pax Mongolica отличались уровнем социально-экономического развития:

– в державе Чингис-хана букаул, в первую очередь, являлся дегустатором — «отведывателем блюд»;

– в монгольском Иране и Юаньском Китае, отличавшемся развитой экономикой и обладавшем централизованным государственным контролем над армией, должность получила новое развитие: букаул нес ответственность за интендантское обеспечение войск и распределение военной добычи;

– в Улусе Джучи, где товарно-денежные отношения были менее развиты, букаулы были по большей части представителями администрации, но на менее значимом уровне: они отвечали за интендантское обеспечение войск и выполняли при этом поручения также в дипломатической, судебной и административной сфере вплоть до обязанностей приставов и рассыльных;

– в Чагатайском улусе, дольше всех сохранявшем кочевые традиции и не имевшем политической стабильности, должность букаула не претерпела значительной эволюции по сравнению с Монгольской империей и сохранилась в первоначальном виде — как отведывателя подаваемой правителю пищи.

Таким образом, различия в должностных обязанностях букаула в чингизидских улусах являют собой яркий пример различных путей развития этих государств и различного сочетания в них имперских и местных традиций.

[1] Аналогичную тенденцию мы наблюдаем и в государстве Джалаиров в Иране в конце XIV в., когда букаулов могли назначать военачальниками или отправлять в качестве доверенных послов — как это было, например, с неким Хызром-букаулом при дворе Султан-Ахмада из династии Джалаиров, упоминаемым в 1380-х гг. [Хафиз Абру 2011: 241, 244].

Источники

АВ ИВР РАН — Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН.

Sources

Archive of Orientalists, Institute of Oriental Manuscripts (RAS). (In Russ.)

Литература

Абзалов и др. 2022 — *Абзалов Л. Ф., Гатин М. С., Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю.* К вопросу о статусе монгольского языка в Иране XIII–XIV вв. (по материалам «Дастур ал-катиб») // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 1. С. 130–155. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-130-155

Абзалов и др. 2022 — *Абзалов Л. Ф., Гатин М. С., Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю.* К истории обеспечения безопасности торговых путей в чингизидских государствах XIII–XIV вв. // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. № 14. 2022. С. 297–313.

Абзалов и др. 2023 — *Абзалов Л. Ф., Гатин М. С., Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю.* Улуг битикчи — тюрко-монгольский институт, интегрированный в систему мусульманской администрации чингизидских государств XIII–XIV вв. (по материалам «Дастур ал-катиб») // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 1. С. 8–28. DOI: 10.22162/2500-1523- 2023-1-8-28

Бабур-наме 1958 — *Бабур З. М.* Бабур-наме: Записки Бабура / пер. М. Салье; отв. ред. и авт. предисл. С. А. Азимджанова. Ташкент: АН УзССР, 1958. 529 с.

Бартольд 1962 — *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Бартольд В. В. Сочинения. Т. I. М.: Вост. лит., 1962. 760 с.

Березин 1851 — *Березин И.* Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадет-Гирея с введ., переписью, переводом и примечаниями. Казань: Тип. Казан. ун-та, 1851. 56 с.

Березин 1863 — *Березин И.* Очерк внутреннего устройства Улуса Джучиева. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1863. 112 с.

Будагов 1869 — *Будагов Л.* Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т. 1. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1869. 810+6 с.

Вернадский 2000 — *Вернадский Г. В.* История России: Монголы и Русь. Тверь: ЛЕАН, М.: АГРАФ, 2000. 480 с.

Веселовский 1917 — *Веселовский Н.* Мнимая должность букаульного тамговщика в империи Чингиз-хана // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. XXIV. 1916. Пг.: Тип. Имп. акад. наук, 1917. С. 201–204.

Вильданова 1970 — *Вильданова А. Б.* Подлинник бухарского трактата о чинах и званиях // Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования: Ежегодник-1968 / редкол.: Ю. Э. Брегель, В. М. Константинов, А. С. Тверитинова. М.: ГРВЛ, 1970. С. 40–67.

Владимирцов 1912 — *Владимирцов Б. Я.* Турецкие элементы в монгольском языке // Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. Т. XX. 1910. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1912. С. 153–184.

Греков, Якубовский 1998 — *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение / предисл. В. В. Трепавлова. М.: Богородский печатник, 1998. 368 с.

Григорьев 2004 — *Григорьев А. П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам: Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб.: СПбГУ, 2004. 276 с.

Иванин 1846 — *Иванин М. И.* О военном искусстве и завоеваниях монголов. СПб.: Военная тип., 1846. 61 с.

Измайлов 2009 — *Измайлов И. Л.* Организация войска // История татар. Т. III. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2009. С. 409–421.

Курат 2014 — *Курат А. Н.* Собрание сочинений. Кн. 1. Ярлыки и битики ханов Золотой Орды, Крыма и Туркестана в архиве музея дворца Топкапы / пер. с тур. Р. Р. Галеева. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2014. 256 с.

Материалы 1852 — Материалы для истории Грузии // Кавказ. 1852. № 69. С. 288–290.

Материалы 1973 — Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1 / отв. ред. В. А. Ромодин. М.: Наука, ГРВЛ, 1973. 281 с.

Нахчивани 1976 — *Мухаммад ибн Хиндушах Нахчивани.* Дастур ал-катиб фи та'йин ал-маратиб (Руководство для писца при определении степеней) / крит. текст, пред. и указ. А. А. Али-заде. Т. II. М.: Наука, 1976. 526 с.

Пириев 1977 — *Пириев В. З.* О термине «Букавул» // Доклады Академии наук Азербайджанской ССР. Т. XXXIII. 1977. № 12. С. 63–66.

Пириев 1988а — *Пириев В. З.* Государственный строй и система управления в Азербайджане

при Хулагуидах и Джелаиридах: автореф. … д-ра ист. наук. Баку, 1988. 48 с.

Пириев 1988б — *Пириев В. З.* О некоторых вопросах государственного устройства при хулагуидах и джелаиридах (по материалам «Дастур ал-катиб фи тайин ал-маратиб» Мухаммада ибн Хиндушаха Нахчивани) // Советское востоковедение: проблемы и перспективы / редкол.: акад. Е. М. Примаков, акад. Т. В. Гамкрелидзе и др. М.: Наука, 1988. С. 197–203.

Прохоров 2022 — *Прохоров Д. А.* Переводы ярлыков крымских ханов иудейскому населению Кырк-Ера (Чуфут-Кале) в архивах Российской Федерации (по материалам ГАРК и РГИА) // Золотоордынское обозрение. Т. 10. 2022. № 2. С. 456–481.

Радлов 1888 — *Радлов В.* Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлука // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. III. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1888. С. 1–40.

Рашид ад-Дин 1858 — [Рашид ад-Дин]. Сборник летописей. История монголов. Сочинение Рашид-Эддина. История Чингиз-хана до восшествия его на престол / предисл., пер. И. Н. Березина // Труды Восточного отделения Императорского археологического общества. Ч. V. СПб.: Изд-во Имп. Акад. наук, 1858. 322 с.

Рашид ад-Дин 1946 — *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. III / пер. с перс. А. К. Арендса, отв. ред. В. В. Струве. М.; Л.: АН СССР, 1946. 340 с.

Рашид ад-Дин 1952 — *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2 / пер. с перс. О. И. Смирновой; примеч. Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой; ред. А. А. Семенов. М.; Л.: АН СССР, 1952. 315 с.

Рашид ад-Дин 1960 — *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. II / пер. с перс. Ю. П. Верховского, примеч. Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова, ред. И. П. Петрушевский. М.; Л.: АН СССР, 1960. 253 с.

Словарь 1868 — Словарь джагатайско-турецкий / изд. В. В. Вельяминов-Зернов. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1868. 422+31 с.

Трепавлов 2015 — *Трепавлов В. В.* Степные империи Евразии: монголы и татары. М.: Квадрига, 2015. 368 с.

Усманов 1979 — *Усманов М. А.* Жалованные акты Джучиева улуса XIV–XVI вв. Казань: Казанск. ун-т, 1979. 318 с.

Фиркович 1890 — *Фиркович З. А.* Сборник старинных грамот и узаконений Российской империи касательно прав и состояния русско-подданных караимов. СПб.: Скоропечатня П. О. Яблонского, 1890. XXXVI+223 с.

Ханыков 1843 — *Ханыков Н.* Описание Бухарского ханства. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1843. 279 с.

Хафиз Абру 2011 — *Хафиз Абру* (Шихаб ад-Дин Абдаллах ибн Лутфаллах ал-Хавафи). Зайл-и Джами ат-таварих-и Рашиди («Дополнение к собранию историй Рашида») / пер. с перс., пред., коммент., прим. и указ. Э. Р. Талышханова; отв. ред. И. М. Миргалеев. Казань: ЯЗ, 2011. 320 с.

Чурас 1976 — *Шах-Махмуд Чурас*. Хроника / Крит. текст, пер., коммент, исслед. и указ. О. Ф. Акимушкина. М.: Наука, ГРВЛ, 1976. 406+121 с.

Ярлыки 1955 — Ярлыки татарских ханов русским митрополитам (краткое собрание) // Памятники русского права / под ред. Л. В. Черепнина. Вып. 3. М.: Госюриздат, 1955. С. 463–491.

Abdullahoğlu 1934 — *Abdullahoğlu H.* Birinci Mengli Giray'ın Yarlığı // Türkiyat Mecmuası. Cilt IV / Köprülüzade M. Fuat (ed.). İstanbul: Burhaneddin Matbaasi, 1934. S. 99–109.

Abdullahoğlu 1935 — *Abdullahoğlu H.* Temir Kutluğ Yarlığı // Türkiyat Mecmuası (= Ярлык Тимура Кутлуга // Турецкий журнал). Cilt III / Fuad Köprülü (ed.). İstanbul: Devlet Matbaasi, 1935. S. 207–227.

Belyakov 2022 — *Belyakov A. V.* The Organization of Embassy Service in the Russian Lands in the Thirteenth through Sixteenth Centuries / Transl. by E. Glushachenkova // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2022. Vol. 92. Suppl. 5. Pp. S419–S427.

Biran 2008 — *Biran M.* Diplomacy and Chancellery Practices in the Chagatai Khanate: Some Preliminary Remarks // Oriente Moderno. Vol. 88. 2008. No. 2. Pp. 369–393.

Buhari 1298(1881) — *Şeyh Süleyman Efendi Özbeki El-Buhari*. Lugat-i Çağatay ve Türki-yi Osmani. Cild-i Evvel. Istanbul: Mihran Matbaasi, 1298. 320 s.

Busse 1991 — *Busse H.* Diplomatique. Perse // Encyclopedie de l'Islam. Vol. 2. Leiden: Brill, 1991. Pp. 301–313.

Doerfer 1965 — *Doerfer G.* Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. Bd. II. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1965. 671 s.

Farquhar 1990 — *Farquhar D. M.* The Government of China under Mongolian Rule: A Reference Guide. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1990. 594 p.

Hammer 1818 — *Hammer J. von*. Uigurisches

Diplom Kutlugh Timur's vom Jahre 800 (1397) // Fundgruben des Orients. Bd. VI. Wien, 1818. S. 359–362.

Hammer-Purgstall 1840 — *Hammer-Purgstall J. von*. Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland. Pest: C. A. Hartleben's Verlag, 1840. 683 s.

Herrmann 2004 — *Herrmann G*. Persische Urkunden der Mongolenzeit. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2004. 205 s. (In Germ.)

Kim 2010 — *Kim Hodong*. Eastern Turki Royal Decrees of the 17th Century in the Jarring Collection. *Studies on Xinjiang Historical Sources in 17–20th Centuries*. Tokyo: The Toyo Bunko, 2010. Pp. 59–119.

Li 2014 — *Li M*. Communication between China and Persia in the 13th-14th Centuries: As Seen from the Appointment Documents of Dastūr al-Kātib fi Ta'yīn al-Marātib // Eurasian Studies. English Edition. Vol. II / Ed. T. Yu, J. Li, B. Doar. Beijing: Asia Publishing Nexus, 2014. Pp. 298–309.

Manz 1999 — *Manz B*. The Rise and Rule of Tamerlane. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 227 p.

Minorsky 1980 — Tadhkirat al-Muluk: A Manual of Safavid Administration (c. 1137/1725) / transl. and expl. by V. Minorsky. Cambridge: E. J. W. Gibb Memorial, 1980. 218+130 p.

Vásáry 2009 — *Vásáry I*. Mongol or Turkic? Notes on bükevül, a Military and Court Official of the Turco-Mongolian polities // The Early Mongols. Language, Culture and History. Studies in Honor of Igor de Rachewiltz on the Occasion of His 80th Birthday / ed. V. Rybatzki et al. Bloomington: Indiana University, 2009. Pp. 195–207.

References

Abdullahoğlu H. Yarliqs of Mengli I Giray. *Türkiyat Mecmuası* (*Journal of Turkology*). 1934. Vol. IV. Pp. 99–109. (In Turk.)

Abdullahoğlu H. Yarliqs of Timur Qutluq. *Türkiyat Mecmuası (Journal of Turkology)*. 1935. Vol. III. Pp. 207–227. (In Turk.)

Abru H. Zail-i Jāmiʿ al-tawārīkh-i Rashidi (Supplements to Rashid al-Din's Compendium of Chronicles). E. Talyshkhanov (transl., foreword, etc.), I. Mirgaleev (ed.). Kazan: YaZ, 2011. 320 p. (In Russ.)

Abzalov L. F., Gatin M. S., Mustakimov I. A., Pochekaev R. Yu. Mongolian Records Management in 13th–14th Century Iran Revisited: Analyzing One Yarliq Appointing a Bakhshi from Dastur al-Katib. *Mongolian Studies*. 2022. Vol. 14. No. 1. Pp. 130–155. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-130-155. (In Russ.)

Abzalov L. F., Gatin M. S., Mustakimov I. A., Pochekaev R. Yu. Ulug Bitigchi: A Turko-Mongol Institution in the Islamic Government System of Chinggisid States, 13th–14th Centuries (Analyzing Materials of Dastur al-Katib). *Mongolian Studies*. 2023. Vol. 15. No. 1. Pp. 8–28. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2023-1-8-28.

Abzalov L. F., Gatin M. S., Mustakimov I. A., Pochekaev R. Yu. New historical insights on protection of the trade routes in Genghisids states, 13th to 14th century. In: Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region. 2022. No. 14. Pp. 297–313. (In Russ.)

Babur Z. M. Bāburnāma: Letters of Babur. M. Salye (transl.), S. Azimdzhanova (ed., foreword). Tashkent: Uzbek SSR Academy of Sciences, 1958. 529 p. (In Russ.)

Barthold W. Turkestan down to the Mongol Invasion. In: Bartold V. V.. Writings. Vol. 1. Moscow: Oriental Literature Press, 1962. 760 p. (In Russ.)

Belyakov A. V. The organization of embassy service in the Russian lands in the thirteenth through sixteenth centuries. E. Glushachenkova (transl.). *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2022. Vol. 92. Suppl. 5. Pp. S419–S427. (In Eng.)

Berezin I. N. Tarkhan Yarliqs of Tokhtamysh, Timur Qutluq and Saadet Geray. Kazan: Imperial Kazan University, 1851. 56 p. (In Russ.)

Berezin I. Ulus of Jochi and Its State System: An Essay. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1863. 112 p. (In Russ.)

Biran M. Diplomacy and chancellery practices in the Chagatai Khanate: Some preliminary remarks. *Oriente Moderno*. 2008. Vol. 88. No. 2. Pp. 369–393. (In Eng.)

Budagov L. A Comparative Dictionary of Turko-Tatar Languages [and Dialects]. Vol. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1869. 810 + 6 p. (In Tat., Turk., Russ., etc.)

Busse H. Diplomatique. Perse. In: Encyclopedie de l'Islam. Vol. 2. Leiden: Brill, 1991. Pp. 301–313. (In Fr.)

Churas Sh.-M. The Chronicle. O. Akimushkin (text prep., transl., etc.). Moscow: Nauka — GRVL, 1976. 406 + 121 p. (In Russ. and Pers.)

Doerfer G. Türkische und Mongolische Elemente

im Neupersischen. Vol. 2. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1965. 671 p. (In Germ.)

El-Buhari Ş. S. E. Lugat-i Çağatay ve Türki-yi Osmani. Cild-i Evvel. Istanbul: Mihran Matbaasi, 1298. 320 p. (In Turk.)

Farquhar D. M. The Government of China under Mongolian Rule: A Reference Guide. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1990. 594 p. (In Eng.)

Firkovich Z. A. Collected Old Credentials and Statutes of the Russian Empire on [Civil] Rights and [Social] Status of Subject Karaites. St. Petersburg: P. Yablonsky, 1890. XXXVI + 223 p. (In Russ.)

Grekov B. D., Yakubovsky A. Yu. The Golden Horde and Its Collapse. V. Trepavlov (foreword). Moscow: Bogorodsky Pechatnik, 1998. 368 p. (In Russ.)

Grigoryev A. P. Collected Yarliqs [Granted] by Khans to Russian Metropolitans: A Source Analysis of Golden Horde Documents. St. Petersburg: St. Petersburg University, 2004. 276 p. (In Russ.)

Hammer J. von. Uigurisches Diplom Kutlugh Timur's vom Jahre 800 (1397). In: Fundgruben des Orients. Vol. 6. Wien, 1818. Pp. 359–362. (In Germ.)

Hammer-Purgstall J. von. Geschichte Der Goldenen Horde in Kiptschak, Das Ist: Der Mongolen in Russland. Pest: C. A. Hartleben's Verlag, 1840. 683 p. (In Germ.)

Herrmann G. Persische Urkunden der Mongolenzeit. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2004. 205 p. (In Germ.)

Ivanin M. I. About Military Art and Conquests of Mongols. St. Petersburg: Voennaya Tipografiya, 1846. 61 p. (In Russ.)

Izmaylov I. L. Force structuring. In: History of Tatars. Vol. 3. Kazan: Märcani Institute of History, 2009. Pp. 409–421. (In Russ.)

Khanykov N. A Description of the Khanate of Bukhara. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1843. 279 p. (In Russ.)

Kim H. Eastern Turki royal decrees of the 17th century in the Jarring Collection. In: Studies on Xinjiang Historical Sources in 17–20th Centuries. Tokyo: The Tōyō Bunko, 2010. Pp. 59–119. (In Eng.)

Kurat A. N. Collected Writings. Book 1: Yarliqs and Bitiqs of Khans of the Golden Horde, Crimea, and Turkestan in Archives of Topkapı Palace Museum. R. Galeev (transl.). Kazan: Märcani Institute of History, 2014. 256 p. (In Russ.)

Li M. Communication between China and Persia in the 13th–14th centuries: As seen from the appointment documents of Dastūr al-Kātib fi Ta'yīn al-Marātib. In: Yu T., Li J., Doar B. (eds.) Eurasian Studies. English Edition. Vol. II. Beijing: Asia Publishing Nexus, 2014. Pp. 298–309. (In Eng.)

Manz B. The Rise and Rule of Tamerlane. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 227 p. (In Eng.)

Materials for the history of Georgia. Kavkaz. 1852. No. 69. Pp. 288–290. (In Russ.)

Nakhchivani M. ibn H. A Scribe's Guide to Determining Ranks. A. Ali-zade (text, foreword, etc.). Vol. 2. Moscow: Nauka, 1976. 526 p. (In Russ.)

Piriev V. Z. 'Bukaul': The term revisited. *Doklady Akademii nauk Azerbaydzhanskoy SSR*. 1977. Vol. XXXIII. No. 12. Pp. 63–66. (In Russ.)

Piriev V. Z. Azerbaijan under the Hulaguids and Jalairids: State and Government System. Dr. Sc. (history) thesis abstract. Baku, 1988. 48 p. (In Russ.)

Piriev V. Z. Some aspects of administrative structures under the Hulaguids and Jalairids revisited: A case study of *Dastur al-Katib fi Tayin al-Maratib* (A Scribe's Guide to Determining Ranks) by Muhammad ibn Hindushah Nakhchivani. In: Primakov E. M., Gamkrelidze T. V. et al. (eds.) Oriental Studies in the Soviet Union: Problems and Prospects. Moscow: Nauka, 1988. Pp. 197–203. (In Russ.)

Prokhorov D. A. Ttranslations of yarliqs of the Crimean khans to the Jewish community of Kyrk-Yer (Chufut-Kale) in the archives of the Russian Federation (According to the materials of the State Archive of the Republic of Crimea and the Russian State Historical Archive). Golden Horde Review. 2022. Vol. 10. No. 2. Pp. 456–481. (In Russ.)

Radlov V. Yarliqs of Tokhtamysh and Timur Qutluq. *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva*. 1889. Vol. 3. Pp. 1–40. (In Russ.)

Rashid al-Din. Compendium of Chronicles. History of Mongols. History of Genghis Khan before His [Rise to Power] and Enthronement. I. Berezin (transl., foreword). *Trudy Vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo arkheologicheskogo obshchestva*. 1858. Vol. V. 322 p. (In Russ.)

Rashid al-Din. Compendium of Chronicles. Vol. 1. Book 2. O. Smirnova (transl.); B. Pankratov, O. Smirnova (comment.); A. Semenov (ed.). Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1952. 315 p. (In Russ.)

Rashid al-Din. Compendium of Chronicles. Vol. 2. Yu. Verkhovsky (transl.); Yu. Verkhovsky, B. Pankratov (comment.); I. Petrushevsky (ed.). Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1960. 253 p. (In Russ.)

Rashid al-Din. Compendium of Chronicles. Vol. 3. A. Arends (transl.), V. Struve (ed.). Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1946. 340 p. (In Russ.)

Romodin V. A. (ed.) Materials for the History of the Kyrgyz and Kyrgyzstan. Vol. 1. Moscow: Nauka — GRVL, 1973. 281 p. (In Russ.)

Tadhkirat al-Muluk: A Manual of Safavid Administration (c. 1137/1725). V. Minorsky (transl., expl.). Cambridge: E. J. W. Gibb Memorial, 1980. 218+130 p. (In Eng. and Pers.)

Tiesenhausen E. W. von. Some collections from the treatise of Mohammad [ibn] Hindushah Nakhchivani. At: Institute of Oriental Manuscripts (RAS), Archive of Orientalists. Coll. 52. Call no. 14–16. Pp. 217–239. (In Russ.)

Trepavlov V. V. Steppe Empires of Eurasia: Mongols and Tatars. Moscow: Kvadriga, 2015. 368 p. (In Russ.)

Usmanov M. A. Ulus of Jochi and Its Subjects in the Fourteenth to Sixteenth Centuries: Letters of Grant and Related Acts. Kazan: Kazan University, 1979. 318 p. (In Russ.)

Vásáry I. Mongol or Turkic? Notes on bükevül, a military and court official of the Turco-Mongolian polities. In: Rybatzki V. et al (eds.) The Early Mongols. Language, Culture and History. Studies in Honor of Igor de Rachewiltz on the Occasion of His 80th Birthday. Bloomington: Indiana University, 2009. Pp. 195–207. (In Eng.)

Velyaminov-Zernov V. V. (ed.) A Dictionary of Chagatai Turkic. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1868. 422 + 31 p. (In Chag. and Russ.)

Vernadsky G. V. History of Russia: The Mongols and Russia. Tver: LEAN; Moscow: AGRAF, 2000. 480 p. (In Russ.)

Veselovsky N. Tamga officer and customs warehouseman: The [two-in-one] imaginary position in Genghis Khan's empire revisited. *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva*. 1916. Vol. XXIV. Pp. 201–204. (In Russ.)

Vildanova A. B. [Analyzing] an original treatise on ranks and titles of Bukhara. In: Bregel Yu. E., Konstantinov V. M., Tveritinova A. S. (eds.) Written Monuments of the East: Studies in History and Linguistics. Yearbook. 1968. Moscow: Nauka — GRVL, 1970. Pp. 40–67. (In Russ.)

Vladimirtsov B. Ya. Turkic elements in Mongolian. *Zapiski Vostochnogo Otdeleniya Imperatorskogo Russkogo Arkheologicheskogo Obshchestva*. 1910. Vol. XX. Pp. 153–184. (In Russ.)

Yarliqs [granted] by Tatar Khans to Russian Metropolitans (A brief compendium). In: Cherepnin L. V. (ed.) Monuments of Russian Law. Moscow: Gosyurizdat, 1955. Vol. 3. Pp. 463–491. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 4, Pp. 718–726, 2023
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК / UDC 94 (517)
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-718-726

Институты публичной власти в политиях маньчжуро-монгольского мира в 1900–1920 гг. (на примере Хулун-Буира)

Базар Догсонович Цыбенов[1], *Леонид Владимирович Курас*[2], *Виктория Эдуардовна Цыремпилова*[3]

[1] Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
0000-0002-0404-7207. E-mail: bazar75[at]mail.ru

[2] Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
доктор исторических наук, главный научный сотрудник
0000-0003-4507-249X. E-mail: kuraslv[at]yandex.ru

[3] Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова (д. 24а, ул. Смолина, 670000 Улан-Удэ, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, старший преподаватель
0009-0003-0492-9327. E-mail: vikaliv21[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2023
© Цыбенов Б. Д., Курас Л. В., Цыремпилова В. Э., 2023

Аннотация. Авторы впервые анализируют особенности развития института публичной власти в политиях маньчжуро-монгольского мира в первой четверти XX в., взяв в качестве примера геополитически и стратегически важный регион Хулун-Буира. *Целью* исследования является освещение административного управления Хулун-Буира, внутренних противоречий и раскола в чиновничьей среде, произошедших под влиянием различных политических сил в 1908–1920 гг. Для ее решения были поставлены следующие *задачи*: 1) изучить структуру маньчжурской восьмизнаменной системы в регионе; 2) исследовать особенности новой политики цинских властей в Хулун-Буире; 3) проанализировать изменения в институте публичной власти в регионе, произошедшие в 1912–1915 гг.; 4) проследить процесс ликвидации автономии Хулун-Буира в 1920 г. *Выводы.* Как показывает наше исследование, иерархическая структура административной власти Хулун-Буираё, несмотря на попытки изменить ее разными политическими силами, все же сохраняла к 1920 г. традиционные особенности маньчжурской восьмизнаменной системы. Большую роль в формировании политического курса региональной администрации играли внутренние противоречия между различными этническими группами

Хулун-Буира. Тем не менее, даже входя в состав Внешней Монголии в 1912–1915 гг., власти Хулун-Буира использовали все средства, чтобы сохранить самостоятельность в сферах внешней и внутренней политики, финансов. Кардинальные изменения ситуации в Хулун-Буире и сопредельных территориях в 1917–1919 гг. явились катализатором принятия решения властной верхушкой в пользу ликвидации автономии Хулун-Буира и превращения его в провинциальную окраину Китайской Республики.
Ключевые слова: Цинская империя, Хулун-Буир, администрация, фудутун, восстание, Китайская Республика, автономия, Внешняя Монголия
Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Маньчжуро-монгольский мир Внутренней Азии в первой половине XX в.» (№ 22-68-00054, https://rscf.ru/project/22-68-00054/).
Для цитирования: Цыбенов Б. Д., Курас Л. В., Цыремпилова В. Э. Институты публичной власти в политиях маньчжуро-монгольского мира в 1900–1920 гг. (на примере Хулун-Буира) // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 4. С. 718–726. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-718-726

Institutions of Public Government in Manchu-Mongolian Polities, 1900s–1920s: A Case Study of Hulunbuir

Bazar D. Tsybenov[1], *Leonid V. Kuras*[2], *Victoria E. Tsyrempilova*[3]

[1] Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Senior Research Associate
0000-0002-0404-7207. E-mail: bazar75[at]mail.ru

[2] Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Chief Research Associate
0000-0003-4507-249X. E-mail: kuraslv[at]yandex.ru

[3] Dorzhi Banzarov Buryat State University (24a, Smolina St., Ulan-Ude 670000, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Senior Lecturer
0009-0003-0492-9327. E-mail: vikaliv21[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2023
© Tsybenov B. D., Kuras L. V., Tsyrempilova V. E., 2023

Abstract. *Introduction*. The paper attempts an insight into how institutions of public government developed in Manchu-Mongolian polities throughout the 1900s–1920s — and focuses on the geopolitically and strategically important Chinese region of Hulunbuir. *Goals*. The article aims to explore the transformation of power structures in Hulunbuir, reveal some internal contradictions and the split in bureaucratic circles that occurred under the influence of various political forces between 1908 and 1920.To facilitate this, the work shall examine the structure of the Manchu Eight Banner system in the region, analyze the new policies of Qing authorities in Hulunbuir, trace changes in the public government structure across the region in 1912–1915, follow how (and why) Hulunbuir lost its autonomy in 1920. *Conclusion*. As is shown, the hierarchical structure of Hulunbuir's administrative powers — despite the attempts to change it undertaken by various political forces — did still retain the traditional features of the Manchu Eight Banner system by 1920. At the level of regional authorities, the shaping of policies was largely influenced by internal contradictions between various ethnic groups of Hulunbuir. However, even when it came to join Outer Mongolia in 1912–1915, authorities of Hulunbuir used each and every possibility to maintain independence in external and internal affairs, finances. The dramatic changes of 1917–1919 in the situation — in and around Hulunbuir — triggered that the decision-making apparatus preferred to abolish Hulunbuir's autonomy and turn it into a mere periphery of the Republic of China.
Keywords: Qing Empire, Hulunbuir, administration, fudutong, uprising, Republic of China, autonomy, Outer Mongolia

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, grant no. 23-18-00147 ‘Social and Political Organization of Eurasian Territories in the Middle Ages: Historical Experiences of the Golden Horde and Iran, Thirteenth–Fourteenth Centuries’ (https://rscf.ru/project/22-68-00054/).

For citation: Tsybenov B. D., Kuras L. V., Tsyrempilova V. E. Institutions of Public Government in Manchu-Mongolian Polities, 1900s–1920s: A Case Study of Hulunbuir. *Oriental Studies*. 2023; 16(4): 718–726. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-718-726

1. Введение

Сложные и противоречивые процессы, проходившие в первой четверти XX в. во Внутренней Азии, характеризовались переформатированием международных отношений, распадом и образованием новых государств, формированием на территории Монголии и Маньчжурии различных государственных образований. Тем самым они оказали существенное влияние на политический ландшафт всего Евразийского континента. В этой связи, на наш взгляд, подробного изучения требуют властные институты Хулун-Буира (Барги), их взаимодействие с правительствами Цинской империи, Китайской Республики и Внешней Монголии, а также процесс конструирования границ региона в 1900–1920 гг. В целом история Хулун-Буира в первой половине XX в. представляется ярким примером развития полиэтничного общества (баргуты, дауры, олеты, буряты, эвенки-солоны, эвенки-орочоны, русские), чье многовековое административно-территориальное разделение на восемь знамен усугублялось конфликтным взаимодействием различных политических сил.

2. Материалы и методы исследования

Исследователями анализируются и впервые вводятся в научный оборот материалы из ряда дел по изучаемой проблематике, хранящихся в фондах Архива внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ), Государственного архива Иркутской области (далее — ГА ИО), Центрального архива Федеральной службы безопасности (далее — ЦА ФСБ). Изучены также архивные материалы по истории Барги, содержащиеся в двухтомном труде С. Л. Кузьмина [Кузьмин 2021; Кузьмин 2022]. В написании работы нашли применение некоторые научные методы. Так, в изучении особенностей института публичной власти Хулун-Буира, его терминологии использован сравнительно-исторический метод. С помощью конкретно-исторического метода выяснены исторические принципы правомерности развития и эволюции фактически независимого Хулун-Буира в 1912–1915 гг. Применение проблемно-хронологического метода позволило изучить историческое развитие региона в его динамике, опираясь на ряд узловых моментов: структура маньчжурской знаменной системы, новая политика Цинской империи, институт публичной власти в Хулун-Буире в 1912–1915 гг., ликвидация автономии региона в 1920 г.

3. Трансформация административного управления Хулун-Буира в 1900–1920 гг.

3.1. Структура маньчжурской восьми знаменной системы в Хулун-Буире

Согласно архивным документам, административное устройство Хулун-Буира (другое название — Барга) было учреждено императорскими указами от 10 и 12 годов правления Юн-Чжен (1733 г. и 1735 г.) и затем определено законом, изложенным в «Уложении палаты внешних сношений» («Лифаньюань цзэ-ли») и аналогичным — в 21 году правления Цзя-Цина (1818 г.). В 1907 г. Лифаньюань был преобразован в Лифаньбу (Министерство колоний). На основании закона можно утверждать, что Хулун-Буир находился в таком отношении к Китаю, как и Внешняя Монголия (Халха) [Кузьмин 2022: 40].

На основе трудов российских и зарубежных исследователей рассмотрим структуру маньчжурской восьмизнаменной системы в регионе. Для начала упорядочим часто встречающиеся в исторических источниках

и литературе обозначения местной администрации и названия должностей. Администрация располагалась в Хайларе и именовалась по-китайски как ямынь фудутуна (Fudutong Yamen). В то же время монголоязычные и тунгусо-маньчжурские группы населения обыкновенно называли его тремя разными именами: 1) *мэйрэн дзангийн ямун* (Meiren Janggi-yin Yamun); 2) *амбан ямун* (Amban Yamun); 3) *сайдын ямун* (Said-un Yamun) [Atwood 2002: 119].

Как свидетельствуют современные информанты — новые баргуты, кочевое монгольское население обычно именовало центральную администрацию как «Амбан ямун», и, соответственно, Хайлар они называли «Амбан-хото» (город амбаня) [ПМА 2019].

Таким образом, речь во всех случаях шла об администрации Хулун-Буира. Заметим, что это многообразие терминов зачастую вносило некоторую путаницу и разночтения в позднейшие исследования, в частности, зарубежных (не китайских) историков. Они усугублялись, вероятно, еще и появлением в начале XX в. противоречиями между двумя властными институтами: местной, лишившейся своих полномочий, и китайской, назначенной Цинским двором в период проведения «новой политики».

Глава региональной власти соответственно именовался по-китайски фудутуном, на маньчжурском и монгольском — мэйрэн-дзанги или амбан(-ь) [Atwood 2002: 119].

Согласно российским архивным данным, амбань являлся главным ухэридой и с 8-го года правления императора Гуансюя назначался непосредственно императором из маньчжуров, солонов, дауров, но не из местных жителей, и никогда — из китайцев, так как Барга имела знаменное устройство. Там же имеется и определение должности «мээрэн занги» как помощника командира гарнизона [Кузьмин 2021: 21], что, очевидно, следует понимать как соответствие должности «мэйрэн-дзанги» положению заместителя провинциального генерал-губернатора. Таким образом, можно сделать вывод, что глава Хулун-Буира в то же время имел и военные полномочия. Он мог выступить во главе войска. Так, в 1900 г. мэйрэн-дзанги Хулун-Буира Ашинга командовал объединенными силами провинции Хэйлунцзян и Хулун-Буира против войск генерал-майора Н. А. Орлова, наступавших на Хайлар [Кузьмин 2021: 21].

Вторым главным лицом в администрации фудутуна являлся *оролан шуугч* (классич. монг. Orolan Shigűdkhegči), который, очевидно, являлся заместителем главы региона. Ниже рангом находились руководители правого и левого крыла знаменной организации. Глава правого крыла именовался как (классич. монг.) Baraγun Tingkim-űn Daruγa (кит. You Tingzhang; Zhengtang), лидер левого крыла, соответственно, — (классич. монг.) Jegűn Tingkim-űn Daruγa (кит. Zuo Tingzhang; Zhengtang). Оба руководителя имели помощников (кит. Futang). Вышеперечисленных должностных лиц уместно назвать высшим руководством администрации фудутуна. К административному персоналу относились восемь писарей (по четыре на каждое крыло), четыре монгольских переводчика, четыре маньчжурских переводчика, 12 писарей (кит. dagau; по шесть писарей на каждое крыло), один инструктор по переводам [Atwood 2002: 119]. Под писарями, обозначенными по-китайски как dagau, на наш взгляд, можно понимать широкий круг помощников основных писарей. Очевидно, речь идет о делопроизводителях, ответственных за протоколы, или регистраторах.

В подчинении администрации фудутуна, вернее, руководителей правого и левого крыла, находились 17 хошунов, разделенных на 50 сомонов, которыми управляли 5 ухэрида и 8 ильхида [Мещерский 1920; Кормазов 1928]. При этом в структуре хулун-буирских хошунов заметно выделялся олетский хошун, состоявший из выходцев Западной Монголии (Джунгарии), переселенных цинской властью после войны с ойратским ханом Галдан-Бошокту и восстания Амурсаны. В олетском хошуне не было должности ильхиды, и он делился на два сомона в отличие от всех других, имевших в своем составе по 3 сомона. В конце XIX – начале XX в. население хошуна было смешанным: кроме олетов, были дауры и солоны. Именно ухэрида олетского хошуна в 1912 г. был назначен фудутуном и тем самым возглавил администрацию Хулун-Буира [Мещерский 1920: 6; Кормазов 1928: 14].

3.2. Новая политика цинских властей

Новая политика (кит. xinzheng) цинских властей начала претворяться в жизнь в Хулун-Буире с 1901 г. [Atwood 2005: 12]. Она

кардинально изменила институт публичной власти в регионе, затронула и его административно-территориальное деление.

По некоторым данным, примерно в 1905–1906 г. должность хайларского амбаня была упразднена, а высшее управление Хулун-Буиром было передано китайскому чиновнику, фудутуну (помощнику военного губернатора), а затем фудутун был заменен даотаем (инструктором по различным отраслям провинциального управления) [Мещерский 1920: 5].

По другим сведениям, упразднение должности заместителя генерал-губернатора Хулун-Буира маньчжурским императором состоялось в июне 1908 г. Регион был преобразован в обычную китайскую административно-территориальную единицу. Была создана новая должность управляющего округом — даоинь (кит. dao-yuan) [Лан 2011: 135].

Вышеотмеченные должности «даотай» и «даоинь» являются в китайском языке разнозначными, обозначают: 1) начальника округа, правителя округа; 2) чиновника, заведовавшего какой-либо отраслью провинциального управления в период Цинской династии. Согласно материалам монгольских исследователей, исполняющим обязанности амбаня (монг. орлогч амбан захирагч) был назначен Сун Сяолян [Тахилт 2021: 55].

Была опубликована также так называемая «Инструкция пограничным караулам», по которой баргинцы, исполнявшие караульную службу, сменялись солдатами — выходцами из китайских земледельческих регионов. Это было связано с проведением «новой политики», основной целью которой были массовая колонизация китайцами Хулун-Буира и передача полномочий региональной власти в руки китайских чиновников [Тахилт 2021: 55].

Тем не менее, учредив Хулун-Буирское даотайство, китайцы оставили старые монгольские органы, предоставив монгольским чиновникам их чины и печати, при отстранении их от фактического управления [Кузьмин 2022: 39–40]. Главы хулун-буирских хошунов и сомонов сохранили свои должности, но, в отличие от прежнего полного самоуправления в своих землях, они должны были довольствоваться ролью низших исполнительных органов. Сохранилось и прежнее деление на хошуны.

В конце января 1909 г. китайские власти образовали два новых района Хайлар и Маньчжурию (кит. Man-chou-li, другое название — Lu pin). Их создание преследовало определенную цель — распашку земель [Лан 2011: 135–136]. По другим данным, таких районов было три: 1) область Лу-бин-фу с центром управления около ст. Маньчжурия; 2) приставство Ху-лун-тинъ с центром управления в Хайларе; 3) независимый отдел Шивэй-чжи-ли-тинъ с центром управления в Кэлари (Цзи-ла-линъ) [Мещерский 1920: 5].

Есть сведения о создании в регионе четырех административно-территориальных единиц [Atwood 2002: 120]. В целом, суть всех этих мероприятий сводилась к замене прежней, по сути военной, знаменной организации Хулун-Буира на обычную гражданскую структуру административно-территориального деления внутреннего Китая. Тем самым высшее руководство региона было заменено китайской гражданской администрацией во главе с даотаем (даоинем). Однако, выделив районы, пригодные для ханьской колонизации, правительство Китайской Республики не рискнуло пойти дальше и провести коренное реформирование военно-административной структуры региона. На местах сохранялась прежняя знаменная организация; деление на крылья, хошуны и сомоны. Лишь местное чиновничество, лишившись власти, изыскивало возможности для возврата к прежней модели внутренней автономии в делах и восстановления в утраченных должностях.

3.3. Институт публичной власти в Хулун-Буире в 1912–1915 г.

Серьезные изменения институт публичной власти в Хулун-Буире претерпел в 1912–1915 г., когда регион объявил о победе национально-освободительного движения и вхождении в состав Внешней Монголии. В рукописи «Историческая справка о непрочности политического положения Хулунбуира», находящейся на хранении в Государственном архиве Иркутской области (ГА ИО), анонимный автор обрисовал суть неопределенной ситуации, сложившейся с присоединением Хулун-Буира к Внешней Монголии в 1912 г. [ГА ИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 821. Л. 1].

В ней рассмотрены следующие актуальные вопросы: поездка в Ургу баргутского

ламы Лобсанчжамба и делегации Хулун-Буира; встреча делегатов с российским консулом В. Ф. Любой, его реакция на факт присоединения Хулун-Буира к Внешней Монголии. Интересные сведения даны о новом правителе Хулун-Буира — Шенфу, который назван «бывшим угурдой». Над словом «угурда» сделана ссылка в виде знака «х» и внизу страницы указано, что «угурда — от маньчжурского „ухэрида“ — полковник». Там же отмечено, что Шенфу около 1908 г. был помощником китайского фудутуна (губернатора Хулун-Буира) [ГА ИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 821. Л. 1; Курас, Цыбенов 2023: 153].

При этом правитель Хулун-Буира Шенфу был возведен в княжеское достоинство 3-й степени бэйлэ [ГА ИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 821. Л. 2]. Почестей удостоились и делегаты от Хулун-Буира, направленные в Ургу. Несмотря на пышный прием и пожалования Богдо-гэгэном наград и титулов, между администрацией Хулун-Буира и правительством Внешней Монголии появились расхождения во мнениях. Баргинцам не понравилась идея отдельных халхаских чиновников о прямом управлении регионом. Хулун-Буир стал фактически самостоятельным и независимым, местные власти стали проводить независимую внутреннюю и внешнюю политику. В частности они обращались к российским чиновникам министерства иностранных дел для засвидетельствования хранящихся у баргинских властей договоров с русскими подданными на предмет устранения каких-либо недоразумений в будущем [Цыбенов 2022: 131–132].

Большую роль в переменах политического курса Хулун-Буира в 1912–1915 гг. и в последующие годы играли внутренние противоречия между различными этническими группами региона [Цыбенов 2021: 431].

Разведка штаба Заамурского округа отдельного корпуса Пограничной стражи 22 марта 1914 г. в донесении № 10 сообщала, что в администрации фудутуна наметилось разделение на две партии — сторонников соглашения с Китаем и сторонников Урги. К первым принадлежат чиновники-дауры, ко вторым — баргуты и чипчины. Сторонников России не было ни в числе баргутов, ни дауров [Кузьмин 2022: 71]. Из сторонников соглашений с Китаем выделяли Гуй-тунлина, командующего войсками в Хулун-Буире, советника амбаня Шэна — Урун-путана, только что получившего от Богдо-гэгэна титул гуна, Бан-жинтана, правителя канцелярии цзун-ямыня, Вэн-мина, дипломатического чиновника по сношению с русскими, Фушаня и других во главе с самим Шэнфу. С другой стороны, баргуты и чипчины отмечали, что в соглашении с Китаем для них окончательное разорение, так как и теперь, при управлении одного Шэнфу, они изнемогают от чрезвычайно усилившихся налогов. По их мнению, если Шэнфу войдет в соглашение с китайцами, то придется платить налоги и этим последним. У более состоятельных баргутов появились мысли о переселении в пределы Внешней Монголии в случае неизбежности присоединения Хулун-Буира к Китайской Республике [Кузьмин 2022: 71].

В то же время росла оппозиция местной знати в лице прогрессивной молодежи, которая не желала, чтобы у руля власти находилась старая, по их понятиям, администрация Хулун-Буира. Так, в 1917 г. Мэрсэ обращался к баргутскому лидеру Дамдинсурэну с просьбой изгнать харчинский отряд из Хайлара и образовать новое региональное правительство [ЦА ФСБ. Д. Р-34587. Л. 2об.–3].

Бесплодные попытки хулун-буирских чиновников урегулировать взаимоотношения с ургинским правительством, по всей видимости, привели к усилению прокитайской ориентации отдельных чиновников. Среди хулун-буирского чиновничества имелись и консерваторы — сторонники восстановления Цинской династии, которые выступали за сохранение традиционной знаменной организации, восстановление льгот и привилегий. Они заявляли, что хотели бы сохранить прежний административный строй, существовавший при цинской династии до 1909 г., чтобы Хулун-Буир управлялся фудутуном, назначаемым ими из местных чиновников, или из маньчжуров, но не из китайцев [Цыбенов 2022: 134].

Ситуация со статусом Хулун-Буира разрешилась в 1915 г., когда вслед за Кяхтинским тройственным договором, 24 октября 1915 г., между Россией и Китайской Республикой было подписано Соглашение о Хулунбуирском округе [Мещерский 1920: 7]. Согласно положениям Соглашения, Хулун-Буир приобретал статус специально-

го округа, непосредственно подчиненного правительству Китая. Фудутун приравнивался к статусу губернатора и назначался декретом президента Китайской Республики. В Управлении округом создавались два отдела: начальник одного из них определялся фудутуном, руководитель другого — министерством внутренних дел Китая. Округ был самостоятелен в финансовых вопросах, поскольку все налоги и сборы направлялись для удовлетворения потребностей округа [Дудин 2020: 19].

Таким образом, в 1912–1915 гг. Хулун-Буир формально входил в состав Внешней Монголии, в то же время сохраняя свое внутреннее самоуправление, знаменную организацию. Недопущение администрации фудутуна к финансовым и другим внутренним делам региона представителей Богдо-гэгэна осложнялось противоречиями среди чиновничества, расколовшегося на две основные группировки — сторонников объединения с Внешней Монголией и восстановления Цинской династии.

3.4. Ликвидация автономии Хулун-Буира в 1920 г.

Возвращение Хулун-Буира в состав Китайской республики было официально подтверждено в 1920 г. [Tsybenov 2021: 86]. Ситуация в то время была непростая, в России шла гражданская война, Внешняя Монголия была захвачена войсками китайского милитариста Сюй Шучжэня, неспокойно было и на забайкальском участке российско-китайской границы. В этих условиях администрация Хулун-Буира, ввиду отсутствия на тот момент других альтернатив, приняла непростое решение. Согласно архивным документам, вице-консул в Хайларе П. К. Усатый сообщал от 13 января 1920 г., что «баргинские представители в Цицикаре подписали телеграфное обращение к китайскому правительству об уничтожении особого положения Барги, выговорив себе право установить новый порядок непосредственными переговорами в Пекине» [АВПРИ. Ф. МП. Оп. 761. Д. 401. Л. 4–5].

Он также отметил выезд двух хулун-буирских чиновников в Пекин, с остановкой в Мукдене, где будут проходить предварительные переговоры с Чжан Цзолинем [АВПРИ. Ф. МП. Оп. 761. Д. 401. Л. 4–5].

28 января 1920 г. правительство Китайской Республики отреагировало на телеграфное обращение, издав указ об утрате Хулун-Буиром статуса «особой территории». В заметке, опубликованной в «Правительственном вестнике» (кит. Чжэнь-фу гун-бао) от 29 января 1920 г., говорилось, что после неоднократных совещаний стороны пришли к единогласному решению о необходимости уничтожения особого положения [АВПРИ. Ф. МП. Оп. 761. Д. 401. Л. 6–7]. Там же указывалось, что «в прежнее время Хулунбуирский округ составлял нераздельную часть территории Китая, причем находился в ведении властей Хэйлунцзянской провинции. Однако во время выделения его в особую административную единицу никакого улучшения в отношении системы управления пока не последовало; поэтому достижение благодетельных результатов в этом отношении не представляется в настоящее время возможным иначе, как при условии полного подчинения означенного района указаниям центрального правительства» [Кузьмин 2022: 146–147].

В последующем Декрете президента Китайской Республики от 5 февраля 1920 г. приведен список лиц, утверждаемых на высшие должности. Хулун-буирским фудутуном назначался Гуйфу и возводился в княжеское достоинство 4-й степени (бэйцзы). Здесь необходимо отметить, что со времени кончины Шэнфу в 1919 г. он исполнял обязанности главы Хулун-Буира. Один чиновник был возведен в княжеское достоинство 5-й степени (чжэнь-го гун). Трем чиновникам были пожалованы звания князей 6-й степени (фу-го гун). Назначение на должности в Хулун-Буире получили и китайские чиновники: комиссаром по обороне (чжэнь-шоуши) Хулун-Буира был назначен Чжань Куй-ву, главным заведующим делами реорганизационного характера, касающихся Хулун-Буира, — Чжунь Юй [Цыбенов 2022: 143].

По мнению китайских исследователей, создание и ликвидация автономии Хулун-Буира были не столько закономерным результатом развития национально-освободительного движения монголов, сколько результатом конфликтов между Китаем, Внешней Монголией, Россией и Японией [Sun Jing 2018: 102]. Следует отметить, что отмена автономного положения Хулун-Буира вызвала недовольство довольно большой части населения. Почти четыре года, с 1912 г. по 1915 г.,

шел процесс интеграции региона с Внешней Монголией, хотя и были различные препоны со стороны администрации хулун-буирского фудутуна. Тем не менее ряд чиновников получили титулы и должности от Богдо-гэгэна, в свое время проживали в столице — Нийслэл-Хурээ, были хорошо знакомы с политической ситуацией во Внешней Монголии. Они имели большую поддержку населения хулун-буирских хошунов, а также и в администрации фудутуна в Хайларе [Atwood 2002: 121]. Ситуация, однако, складывалась таким образом, что высшее руководство администрации фудутуна, вернее, собственно, фудутун и небольшая группа приближенных к нему чиновников, будучи людьми сугубо практичными и материалистичными, решили выйти из создавшейся ситуации с наименьшими для себя потерями. Ликвидация статуса специального округа для них имела гораздо меньшее значение, чем сохранение своих должностей и получение возможности различных поощрений от Китайской Республики.

4. Заключение

Институт публичной власти в Хулун-Буире на протяжении первой четверти XX в. структурно претерпел некоторые изменения, в то же время сохранив прежнее административное деление согласно маньчжурской восьмизнаменной системе. Назначение этнического китайца на должность фудутуна Хулун-Буира в 1908 г. явилось одним из серьезных просчетов в проведении цинским правительством «новой политики». Приход к власти в Хулун-Буире главы олетского хошуна и формальное принятие подданства Внешней Монголии в 1912 г. привели к серьезным противоречиям в региональной администрации между сторонниками восстановления Цинской династии и приверженцами объединения с Внешней Монголией и создания единого Монгольского государства. Тем не менее институт публичной власти в Хулун-Буире в 1912–1915 г. можно охарактеризовать как самодостаточный, независимый в проведении внешнеполитических шагов и принятии решений по внутренним вопросам. Превращение Хулун-Буира в особый округ Китайской Республики в 1915 г., не сильно повлиявшее на самостоятельность в вопросах внутренней организации и управления, все же явилось первым шагом на пути к полному китайскому подчинению в 1920 г.

Полевые материалы авторов

ПМА 2019 — Оюунбилиг, баргут, род галзут, 1965 г. р., запись 2019 г., г. Амгаланбаатар, Восточный хошун новых баргутов, городской округ Хулун-Буир Автономного района Внутренняя Монголия КНР.

Author's Field Data

Informant 1: Oyuunbilig, b. 1965, ethnic Barga, clan *Galzut*. Rec. in Amgalang (New Barag Left Banner, Hulunbuir, Inner Mongolia Autonomous Region, People's Republic of China), 2019. (In Mong.)

Источники

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи.

ГА ИО — Государственный архив Иркутской области.

ЦА ФСБ — Центральный архив Федеральной службы безопасности РФ.

Sources

Archive of Foreign Policy of the Russian Empire.

Central Archive of the Federal Security Service of Russia.

State Archive of Irkutsk Oblast.

Литература

Дудин 2020 — Дудин П. Н. Барга как часть сферы российских стратегических интересов в Восточной Азии в первой четверти XX в.: договорный аспект // Genesis: исторические исследования. 2020. № 8. С. 12–25. DOI: 10.25136/2409-868X.2020.8.33689

Кормазов 1928 — *Кормазов В. А.* Барга. Экономический очерк. Харбин: Тип. КВЖД, 1928. 281 с.

Кузьмин 2021 — *Кузьмин С. Л.* Баргинский и харачинский вопросы в истории Восточной Азии (первая половина XX века). Т. 1. М.: Тов-во научных изданий КМК, 2021. 407 с.

Кузьмин 2022 — *Кузьмин С. Л.* Баргинский и харачинский вопросы в истории Восточной Азии (первая половина XX века). Т. 2. М.: Тов-во научных изданий КМК, 2022. 260 с.

Курас, Цыбенов 2023 — *Курас Л. В., Цыбенов Б. Д.* Рукопись из ГАИО «Историческая справка о непрочности политического положения Хулунбуира» как источник по истории взаимоотношений Внешней Монголии и Хулун-Буира в 1912–1915 гг. // Вестник

Института востоковедения РАН. 2023. № 1. С. 150–160. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-150-160

Лан 2011 — *Лан Мэй Хуа*. Монголын тусгаар тогтнолын төлөө 1911 оны хөдөлгөөн: нэгдсэн Монгол Улс байгуулах эрмэлзэл (= Движение за независимость Монголии в 1911 г.: стремление к созданию единого Монгольского государства). Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2011. 210 с.

Мещерский 1920 — *Мещерский А. С.* Монгольская экспедиция по заготовке мяса для действующих армий. Владивостокско-Маньчжурский район. Автономная Барга. Материалы к отчету о деятельности с 1915 по 1918 гг. Вып. XII. Шанхай: Тип. русского книгоизд-ва, 1920. 39 с.

Тахилт 2021 — *Тахилт Галиндэвийн Мягмарсамбуу*. Баргын түүх, угсаатны зүй. Тэргүүн боть. Баргын түүхэн товчоон (1734–1960 он) (= История и этнография Барги. Первый том. Краткая история Барги (1734–1960 гг.)). Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2021. 335 с.

Цыбенов 2021 — *Цыбенов Б. Д.* Новый источник о взаимоотношениях Хулун-Буира и Внешней Монголии в 1912–1915 годах // Научный диалог. 2021. № 2. С. 422–435. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-422-435.

Цыбенов 2022 — *Цыбенов Б. Д.* Социально-политическая история дауров (XX в.). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2022. 474 с.

Atwood 2005 — *Atwood C. P*. State service, lineage and locality in Hulun Buir // East Asian history. 2005. No. 30. December. Pp. 5–22.

Atwood 2002 — *Atwood C. P*. Young Mongols and vigilants in Inner Mongolia's interregnum decades, 1911–1931. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2002. 1168 p.

Sun Jing 2018 — *Sun Jing*. Study on the Administrative Divisions in China's Border Areas from the Perspective of Nation-state Building — Changes to the Administrative Divisions in Inner Mongolia in the 20th Century // Asian Social Science. 2018. No. 6. Vol. 14. Pp. 98–105.

Tsybenov 2021 — *Tsybenov B*. The Case File of Aula Samdin Fumingtai: A Hi storical and Biographical Aspect // Studia Orientalia Slovaca. 2021. No. 1. Vol. 20. Pp. 85–112.

References

Atwood C. P. State service, lineage and locality in Hulun Buir. *East Asian History*. 2005. December. No. 30. Pp. 5–22. (In Eng.)

Atwood C. P. Young Mongols and Vigilantes in Inner Mongolia's Interregnum Decades, 1911–1931. Leiden, Boston, Köln: Brill, 2002. 1168 p. (In Eng.)

Dudin P. N. Barga as a part of the Russian strategic interests in Eastern Asia in the first quarter of the XX century: Treaty aspect. *Genesis: Historical Research*. 2020. No. 8. Pp. 12– 25. DOI: 10.25136/2409-868X.2020.8.33689. (In Russ.)

Galindeviin Myagmarsambuu T. History and Ethnography of Barga. Vol. 1: A Concise History of Barga, 1734–1960. Ulaanbaatar: Soyombo Printing, 2021. 335 p. (In Mong.)

Kormazov V. A. Barga: An Economic Essay. Harbin: Chinese Eastern Railway, 1928. 281 p. (In Russ.)

Kuras L. V., Tsybenov B. D. Manuscript from the State Archives of the Irkutsk region «Historical information about the fragility of the political situation of Hulunbuir» as a source on the history of relations between Outer Mongolia and Hulun-Buir in 1912–1915. *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*. 2023. No. 1(23). Pp. 150–160. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-150-160. (In Russ.)

Kuzmin S. L. Barga and Kharachin Issues in East Asian History: Early-to-Mid Twentieth Century. Vol. 1. Moscow: KMK, 2021. 407 p. (In Russ.)

Kuzmin S. L. Barga and Kharachin Issues in East Asian History: Early-to-Mid Twentieth Century. Vol. 2. Moscow: KMK, 2022. 260 p. (In Russ.)

Lan Mei-Hua. The 1911 Independence Movement in Mongolia: Striving for a United Mongolian State. Ulaanbaatar: Soyombo Printing, 2011. 210 p. (In Mong.)

Meshchersky A. S. Meat Procurement Expedition to Mongol-Inhabited Territories. Vladivostok-Manchuria Region. Barga Autonomy. Activity Report Materials, 1915 to 1918. Vol. 12. Shanghai: Russian Book Publ., 1920. 39 p. (In Russ.)

Sun Jing. Study on the administrative divisions in China's border areas from the perspective of nation-state building — Changes to the administrative divisions in Inner Mongolia in the 20th century. *Asian Social Science*. 2018. Vol. 14. No. 6. Pp. 98–105. (In Eng.)

Tsybenov B. D. A new source on the relationship between Hulun Buir and Outer Mongolia in 1912–1915. *Nauchnyi dialog*. 2021. No. 2. Pp. 422–435. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-422-435. (In Russ.)

Tsybenov B. D. A Twentieth-Century Sociopolitical History of the Dagu. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2022. 474 p. (In Russ.)

Tsybenov B. The case file of Aula Samdin (Fumingtai): A historical and biographical aspect. *Studia Orientalia Slovaca*. 2021. Vol. 20. No. 1. Pp. 85–112. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 4, Pp. 727–741, 2023
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК / UDC 94(571.54)
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-727-741

Россия, Монголия, Китай: исторические проекции межстранового взаимодействия

Борис Ванданович Базаров[1], *Дамдин Доржиевич Бадараев*[2], *Чингис Цыбикдоржиевич Цыренов*[3], *Евгений Владимирович Нолев*[4], *Александр Дмитриевич Гомбожапов*[5]

[1] Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
академик РАН, доктор исторических наук, профессор, директор
0000-0001-5326-1317. E-mail: imbt[at]imbt.ru

[2] Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
доктор социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
0000-0001-8173-7175. E-mail: damdin80[at]mail.ru

[3] Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
0000-0002-1088-0625. E-mail: chts17[at]mail.ru

[4] Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
0000-0001-7756-7791. E-mail: nolev[at]inbox.ru

[5] Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
0000-0001-9793-2274. E-mail: agombozh[at]gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2023
© Базаров Б. В., Бадараев Д. Д., Цыренов Ч. Ц., Нолев Е. В., Гомбожапов А. Д., 2023

Аннотация. *Введение.* Экономический коридор Россия-Монголия-Китай является важной региональной инициативой, направленной на расширение связей и развитие экономического сотрудничества в Северо-Восточной Азии. Понимание исторического контекста этого коридора имеет важное значение для понимания его нынешней динамики и будущих перспектив. *Целью*

статьи является всесторонний анализ исторических аспектов, связанных с экономическим коридором Россия-Монголия-Китай, включая исторические проекции, геополитические факторы и исторические торговые пути, которые сформировали развитие экономических отношений между этими странами. Рассматривая эти исторические аспекты, статья призвана пролить свет на давние исторические связи, способствующие становлению и развитию этого коридора. *Материалы и методы*. При проведении исследования использовался комплекс разнородных источников, представленных межгосударственными договорами, статистическими источниками, историческими свидетельствами путешественников, официальными сообщениями и выступлениями государственных деятелей. Аналитический инструментарий, определенный системным подходом к объекту исследования, включает в себя метод ретроспективного анализа, сравнительно-исторический и историко-типологический методы и системный анализ. *Результаты*. На основе актуальных статистических данных представлено аналитическое описание современной ситуации в сфере трансграничных перевозок на российско-монгольско-китайском участке и возможностей транспортной инфраструктуры, в частности Улан-Баторской железной дороги. Показаны вызовы и риски при реализации проектов экономического коридора. *Выводы.* Исторические проекции трансевразийских торговых коммуникаций, отражая объективную необходимость и заинтересованность взаимодействия обществ Востока и Запада, воплощались и воплощаются в реальность от караванной торговли до современных инфраструктурных проектов. Имперское пространство двух держав — России и Китая, распространившееся на евразийском пространстве, придало собственную динамику и ритм торговым и культурным коммуникациям, определив уникальность географии маршрутов. Знаменитый «чайный путь» стал пространством, интегрирующим в себя огромное количество городов России и Китая. В свое время открытие Китая, индустриализация и проникновение капиталов интенсифицировали открытие, его развитие и включение в мировой рынок. Это привело к длительной полосе преобразования Китая и превращения его в современную мировую державу. Опыт исторического прошлого позволяет внимательно изучить пути прошлых успешных опытов, вскрыть причины взлетов и падений. Из этого исторического наследия важными остаются фундаменты, построенные в годы крупномасштабных политических перемен XX в., особая геополитическая конфигурация, прочными нитями связавшая СССР и Монголию. Новый импульс трансрегиональным и трансконтинентальным проектам придан разворотом России на восток и формированием стратегического альянса между РФ и Китаем.

Ключевые слова: Россия, Монголия, Китай, Великий чайный путь, экономический коридор, экономический пояс Шелкового пути, торговля, коммуникации

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственных заданий: проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства» (номер госрегистрации: 121031000241-1) и проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)» (номер госрегистрации: 1210310000243-5).

Для цитирования: Базаров Б. В., Бадараев Д. Д., Цыренов Ч. Ц., Нолев Е. В., Гомбожапов А. Д. Россия, Монголия, Китай: исторические проекции межстранового взаимодействия // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 4. С. 727–741. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-727-741

Russia, Mongolia, China: Historical Projections of Interaction between the Nations

Boris V. Bazarov[1], *Damdin D. Badaraev*[2], *Chingis Ts. Tsyrenov*[3], *Evgenii V. Nolev*[4], *Alexandr D. Gombozhapov*[5]

[1] Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)
Academician of the RAS, Dr. Sc. (History), Professor, Director
0000-0001-5326-1317. E-mail: imbt[at]imbt.ru

[2] Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)
Dr. Sc. (Sociology), Associate Professor, Leading Research Associate

0000-0001-8173-7175. E-mail: damdin80[at]mail.ru

[3] Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Senior Research Associate
0000-0002-1088-0625. E-mail: chts17[at]mail.ru

[4] Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Senior Research Associate
0000-0001-7756-7791. E-mail: nolev[at]inbox.ru

[5] Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Leading Research Associate
0000-0001-9793-2274. E-mail: agombozh[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2023
© Bazarov B. V., Badaraev D. D., Tsyrenov Ch. Ts., Nolev E. V., Gombozhapov A. D., 2023

Abstract. *Introduction.* The Russia-Mongolia-China Economic Corridor (RCM) is an important regional initiative aimed at expanding ties and developing economic cooperation in Northeast Asia. Insights into historical contexts of the corridor are essential for understanding its current dynamics and future prospects. *Goals*. The article attempts a comprehensive analysis of historical aspects related to the Russia-China-Mongolia Economic Corridor, with due account of historical projections, geopolitical factors, and historical trade routes that had shaped economic relations between the nations. The paper shall focus on the mentioned aspects to shed light on the long-standing historical ties that do facilitate the present-day emergence and development of the corridor. *Materials and methods*. The study employs a variety of sources, such as intergovernmental agreements, statistical digests, eyewitness accounts of the past, official reports, and speeches of top-ranking officials. The analytical tools that secure a systematic research approach include as follows: a retrospective analysis method, comparative historical and typological ones, that of systemic analysis. *Results*. Insights into actual statistical data yield an analytical description of the current situation in cross-border cargo flows (the Russia-Mongolia-China section), including some possibilities of transport infrastructure, and particularly those of the Ulaanbaatar Railway. Special attention is paid to challenges and risks arising from some projects of the economic corridor. *Conclusions*. The historical projections of trans-Eurasian trade routes — whether caravan tracks of the past or present-day infrastructure projects — attest to that communities of both the East and the West do need and show interest in such interaction. Russia and China's imperial environments are characterized by specific dynamic and rhythmic patterns of trade and cultural communication that used to (and still do) shape somewhat unique geography of the routes. The famous Tea Road integrated a large number of cities in Russia and China. The opening of China, its industrialization and capitalization paved the way to its development and inclusion into global markets. These were followed by its transformation into a modern world power. Historical insights may yield better understandings of past successes and declines. One should also keep it in mind that the present historical legacy as such largely rests on the pillars of enormous political transformations witnessed by the twentieth century when the specific geopolitical agenda tied Mongolia to the Soviet Union with dozens (and hundreds) of strong links. Russia's turn to the East and its strategic alliance with China are to give further impulses to trans-regional and trans-continental projects.

Keywords: Russia, Mongolia, China, Great Tea Road, economic corridor, Silk Road Economic Belt, trade, communication

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignments, projects no. 121031000241-1 'Historical Space of the Mongolian World: Archaeological Cultures, Societies and States', and no. 121031000243-5 'Russia and Inner Asia, Seventeenth to Twenty First Centuries: Dynamics of Geopolitical, Socioeconomic and Cross-Cultural Interaction'.

For citation: Bazarov B. V., Badaraev D. D., Tsyrenov Ch. Ts., Nolev E. V., Gombozhapov A. D.

Russia, Mongolia, China: Historical Projections of Interaction between the Nations. *Oriental Studies*. 2023; 16(4): 727–741. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-727-741

1. Введение

Во время визита в Москву в марте 2013 г. Председатель КНР Си Цзиньпин в одном из своих выступлений назвал Великий чайный путь предвестником целого ряда современных коммуникационных линий, «вековой артерией», соединяющей Россию и Китай [История Великого 2017]. Исторически этот трансконтинентальный торговый маршрут стал проекцией непосредственного взаимодействия Востока и Запада, соприкоснувшегося в XVII в. общими государственными границами во Внутренней Азии.

В эпоху раннего модерна геополитическую обстановку во Внутренней Азии определял сложный многовекторный процесс. Встречное направление территориальных расширений двух государств, России и Китая, в конечном счете определившее их имперский облик и многонациональный характер, стало фактором глубоких и динамичных изменений в монгольском мире. Представлявший культурное и цивилизационное единство в политическом отношении этот мир в XVI–XVII вв. оказался разрозненным и удельным. В условиях затяжной раздробленной политической конфигурации исторический вызов раннего модерна для монгольских кочевников евразийских степей обернулся драматическим упадком и потерей политической самостоятельности [Барфилд 2009: 235–236].

Прямое столкновение интересов двух держав стало очевидным после подчинения Северной Монголии (Халхи) цинской империи и вхождения монгольского населения байкальского региона в состав России. Возникали конфликты и споры по поводу границы, особенно на территории северо-восточного региона, где Россия и Китай соперничали за влияние и контроль. Текущее внутреннее положение и возможности как русского, так и маньчжурского государства естественным образом привели к тому, что установилось напряженное равновесие. В зарубежной литературе до сих пор бытует мнение о войне России и империи Цин за обладание территорией Северной Монголии и маньчжурским пространством [Perdue 1996; Perdue 2009]. Во всяком случае появление мощного Московского государства, его подвижных вооруженных формирований, пусть даже и полугражданского типа, стало существенным фактором, повлиявшим на принципиальное изменение геополитической конфигурации. По большому счету с этого исторического рубежа мы можем говорить о российско-китайских межгосударственных взаимоотношениях и монгольском пространстве взаимных притязаний великих государств. Так сложилась зона многовекового колоссального лимитрофного пространства, которое в разных формах и исторических обстоятельствах дошла до нашего времени. Она является узлом противоречивого геополитического взаимодействия, несущим потенциал переустройств и мирового диалога.

Историческим водоразделом этого процесса историографическая традиция называет Нерчинский договор 1689 г., определивший самые общие принципы демаркации границ. Состоявшийся договор, несмотря на трагические обстоятельства, его сопровождающие, дал основание для длительного переговорного процесса, завершенного С. Л. Рагузинским-Владиславичем, подписавшим от России Буринский (1727 г.) и вслед за ним Кяхтинский (1727 г.) договоры [История Бурятии 2011: 51–53, 60; Мясников 1987: 449].

Два этих договора впервые создали вполне легитимную основу будущего внешнеполитического диалога, стабилизировали границы и снизили напряжение между Россией и Китаем, провели окончательную зону территориального передела пространства бывшей Монгольской империи. Эта череда большой политики определила формы существования раздробленных ко-

чевых сообществ в рамках собственных государственных узаконений. Мы обоснованно считаем этот период временем первых исторических проекций в монгольской ойкумене в постимперский период господства кочевых сообществ.

С утверждением нового межстранового имперского политического порядка в хартленде евразийского континента, представленного, с одной стороны, российской и, с другой, цинской империями, стало возможным выстраивание трансконтинентальных торговых маршрутов. Кочевой мир на новой основе продолжил выполнять одну из своих ранее сложившихся главных функций — транзит и посредничество. Степи и полупустыни, самые сложные участки торговых караванных путей, обслуживались нанятыми монгольскими извозчиками. Кочевники, не замечая времени, еще более двух веков так и продолжали свое движение от Калгана до Кяхты на верблюдах не менее 35 суток, а на быках до 75 суток [Скальковский 1883: 308].

2. Исторические проекции русско-китайской торговли

Исторический передел конца XVII – первой четверти XVIII вв. положил начало устойчивой традиции и следующей исторической проекции, более известной в истории под названием «Чайный путь». Это стихийно сложившееся понятие первой половины XIX в. символизировало собой гигантский торговый трек караванной торговли, вобравшей в себя на некоторое время практически весь коммерческий обмен Китая с Россией.

С заключением Кяхтинского договора обретает регулярность караванная торговля и закладывается основа для расцвета приграничного менового торга в анклаве Кяхта и Маймачен. Этот приграничный анклав становится важным торговым и перевалочным центром сухопутного караванного пути, а г. Кяхта снискал славу «Песчаной Венеции». Вплоть до второй половины XIX в. Кяхта играла ведущую роль в русско-китайской торговле. Главный товар, ввозимый в Россию, — китайский чай определил лицо этой торговли, доходя в отдельный период до 95 % от стоимости всего импорта из Китая (цит. по: [Попова 2013: 34]).

Несмотря на стремление правительств Китая и России связать политические и государственные интересы с торговыми (путем введения казенной монополии, таможенных пошлин, ограничения круга купечества), все же частная торговля показала свою наибольшую эффективность [Силин 1947: 51, 97]. Она отражала объективную необходимость включения экономики цинского Китая в мировой рынок. Вместе с тем великие империи всегда имеют основания для беспокойства, тем более в тех территориях, которые несут центробежный потенциал. Китай традиционно искал свой рост на тихоокеанской перспективе. Россия реализовывала свои стратегические интересы в западном пространстве. Это исторически сложившееся обстоятельство не только определяло стагнацию территорий Внутренней Азии, но и формировало некий окраинный дух самовыражения и требований выравнивания развития.

Эти зоны были предметом пристального внимания внутренней политики, прежде всего силовых структур и территориальной безопасности. Каждая из империй имела свои основания для беспокойства [Воскресенский 1999: 168].

Но появление плохо регулируемой стихии частного рынка и дополнительных нездоровых негосударственных интересов торговых элит и финансовых групп неизбежно повышало здоровый интерес государств. Несмотря на качественно высокий торговый оборот «Чайного пути», он не мог идти в сравнение с государственно аккредитованной мировой торговлей, но создавал значительные неудобства в выстраивании торгово-экономической стратегии государств.

Цинское правительство, руководствуясь политическими мотивами престижа власти императора и прочности своей власти в Монголии, неоднократно обнародовало указы о запрете торговой деятельности, что приводило к длительным остановкам коммерческих операций в Кяхте [Хохлов 1982: 110].

Кяхтинские торговые группы стали устойчивой и успешной конкурентной торговой корпорацией для Дальневосточной торговли, которая рассматривалась стратегической основой взаимодействия России в тихоокеанской перспективе. И оба госу-

дарства никак не могла устраивать торговая вольница на их рубежах, тем более с таким крупным скрытым финансово-материальным содержанием. Ввиду этого синусоида торговых колебаний становилась аритмичной, хотя обоюдная заинтересованность приводила к возобновлению торгово-экономического сотрудничества. Назревали и разветвлялись сетью устойчивые линии торговых коммуникаций чайного пути, охватывая купеческими капиталами все большее количество городов центрального Китая, Сибири и европейской части России. Сложившаяся торговая система стала важной частью макроэкономического пространства «мир — системы Нового времени».

Чайный путь не исчерпывался только транзитной функцией, он стал «генерировать» экономику товаров и услуг, вовлекая в товарные отношения местное население и выстраивая вдоль маршрута соответствующую инфраструктуру [Avery 2003; Rowe 1992].

Не только для Сибири и Забайкалья, но и монгольских степей это был важнейший фактор экономического и культурного развития[1]. Кроме того, вместе с трансконтинентальным потоком товаров от Ханькоу до Санкт-Петербурга происходили миграции, интенсивный культурный обмен и глобализация знаний. Немалая часть доходов чаеторговцев направлялась на строительство церквей, школ, больниц, музеев и других учреждений [НеобыЧАЙная Кяхта 2013: 70–71].

На стыке двух государств, в торговом анклаве Кяхта-Маймачен формируется уникальная межкультурная среда, где на протяжении веков происходит контакт традиций русской, монгольской и китайской культур [Намсараева 2013: 39–42].

Представляется, что завершение проекта «Чайный путь» надо отнести к середине и второй половине XIX в., и определяющим фактором, кроме провозглашенных ранее внешних обстоятельств, надо признать образование Кяхтинской таможни и установление новых и по-настоящему взвинченных тарифов и пошлин [Цыденова 2018: 100]. Заключение Кульджинского договора 1851 г. и введение беспошлинной торговли способствовало увеличению в целом российско-китайского товарооборота, однако кяхтинское направление стало сокращаться. Российское государство таким образом не только упорядочивало торговлю хорошо эшелонированной фискальной политикой, но и дало простор дальневосточной торговле и реализации стратегических крупных тихоокеанских амбиций государств. По замыслу стратегов московского престола приоритет дальневосточной торговой группы был логично обоснован. Развитие крупнейшей территории страны, которая вместе с Ледовитым океаном составляла едва ли большую территорию европейской части России, представлялась кладезем еще со времен первопроходцев. Но одним из последствий формирования дальневосточных торговых, транспортных и военно-стратегических коммуникаций на Тихом океане стала конкуренция между Кяхтинской и Дальневосточной торговлей. Кяхта была одним из главных торговых центров на границе России и Китая, где российские купцы заключали сделки с китайскими покупателями и продавали товары. В то же время Дальневосточный район России, включая приморские города Владивосток, Николаевск (современный Хабаровск) и другие, также начал активно участвовать в торговле с Китаем.

Конкуренция между Кяхтинской и Дальневосточной торговлей в основном была связана с транспортными путями и коммуникациями. Кяхта была расположена на границе России и Китая, и торговля через нее осуществлялась в основном по суше. Она была связана с другими российскими городами через караванные пути и торговые

[1] К примеру, чайный извоз от Кяхты до Тюмени, по данным А. Губаревич-Радобыльского, управляющего Кяхтинской пограничной таможней с 1901 по 1904 гг., оставлял в руках населения до 2 млн руб. [Губаревич-Радобыльский 1908: 121]. По данным российского консула в Урге Я. П. Шишмарева, транспортировка чая приносила доход Монголии до 2 млн руб., «а именно между Ургою и Калганом до 1 400 000 р. и между Ургою и Кяхтою — до 600 000 р.». Он отмечает, что «такой значительный заработок поддерживает материальное положение монголов, увеличивает сбыт русских произведений (по многим данным можно предположить, что передвижение чая через Монголию вызывает ввоз из Кяхты русских товаров до 600 т. руб.) и не лишен значения в поддержании нашего влияния в стране» [Монголия в трудах… 2021: 136].

маршруты, преимущественно через Сибирь. Это означало, что товары должны были преодолеть значительное расстояние и множество трудностей, прежде чем добраться до Кяхты.

Оба торговых пути — Кяхтинский и Дальневосточный — имели свои преимущества и недостатки. Однако с течением времени в результате развития морского транспорта и коммуникационной инфраструктуры, а также из-за политических и экономических изменений значительная часть торговли с Китаем начала осуществляться через Дальний Восток, в то время как Кяхта потеряла свое значение как основной торговый пункт на границе. В дальнейшем этот перекос не был исправлен, и зона эффективного выхода на пространство Восточной Азии была надолго закупорена, ограничиваясь исключительно низкими оборотными позициями. Победа Синьхайской революции, Монгольской революции 1921 г., противостояние СССР и КНР только усугубили это положение, превратив торговую зону в стратегический объект. И только последние десятилетия конца XX–XXI вв. показали, что этот естественный выход ключевого взаимодействия цивилизаций имеет свое непреходящее значение.

Новая полоса проекций взаимодействия в Восточной Азии началась во второй половине XIX в. Айгунский договор вместе с Тяньцзиньским трактатом (1858 г.) и Пекинским трактатом (1860 г.) создал прочную международно-правовую базу для юридического закрепления границ между Российской империей и Цинским Китаем [Русско-китайские 2004: 29–30, 41–45]. Россия встала твердой ногой на богатой Даурской и Приморской земле и тем самым получила целый ряд стратегических преимуществ на Дальнем Востоке перед остальными странами региона и мира. В частности, это возможность российских промышленников на законных основаниях осваивать богатые природные ресурсы бассейна Амура (золотые месторождения, дорогие соболиные меха, рыбные ресурсы, плодородная земля), а также удобный выход к Азиатско-тихоокеанскому региону на основе созданного в 1860 г. военного поста Владивосток. Монгольские выходы торговли и взаимодействия ввиду новых обстоятельств стали утрачивать былую актуальность. Это должно было вызвать своеобразный всплеск монголо-китайской торговой активности.

3. Монголо-китайская торговля

В это время монголо-китайская торговая группа усилила свою роль в торговле между Монголией и Китаем. В это время торговля преимущественно осуществлялась купцами-переселенцами, которые имели связи и опыт работы в обеих странах. Они специализировались на определенных товарах и формировали торговые сети, чтобы обеспечить перевозку товаров через границу. В торговых поселениях городов границы были созданы склады, где товары хранились и подготавливались к продаже [Кяхта – Маймачен 2014: 55–57, 59].

Одним из ключевых товаров, которыми торговала монголо-китайская торговая группа, была шерсть. Монголия была богата пастбищами и имела крупное стадо овец. Китай был крупным потребителем шерсти и производителем текстиля. Китайские купцы приезжали в Монголию и закупали шерсть у местных кочевников, а затем экспортировали ее в Китай для дальнейшей переработки и продажи. Кроме шерсти, другие товары, которыми торговала монголо-китайская торговая группа, включали меха, пряности, лекарственные травы, шелк и чай. Китайские купцы привозили эти товары в Монголию, чтобы обменять их на монгольские товары или продать на монгольском рынке [Sanjdorj 2010: 712].

Логика развития торговых отношений привела к значительному росту территорий южной монгольской ойкумены, развивающаяся китайско-российская торговля — к подъему северной Маньчжурии, оставив потенциал Кяхтинской торговой зоны замкнутым в рамках Внешней Монголии. Однако с конца XIX в. вся монголо-китайская торговая группа стала испытывать трудности из-за политических и экономических изменений. Война и конфликты внутри Китая, а также внешний фактор в виде таких же войн и конфликтов в России оказали отрицательное влияние на торговлю между Монголией и Китаем. Своеобразное влияние на торговлю оказало и развитие Великого сибирского пути (позднее — Транссибирская магистраль). Транссибирская магистраль первоначально укрепила зону дальневосточной торговли и только спустя

длительное время практически до завершения гражданской войны в СССР восстановила свою мощь, становясь фундаментальной основой не только торговых, но и общегосударственных отношений.

4. Россия-Монголия-Китай: геополитические вызовы первой половины XX в.

В начале XX в. взаимоотношения России, Монголии и Китая носили сложный и противоречивый характер. Бурные события политического переустройства, переживаемые в России и Китае, заложили условия для формирования новой геополитической обстановки. Были полностью переосмыслены мотивы и заданы новые координаты, в которых политико-идеологические доктрины зачастую превалировали над экономическими интересами. Геополитическое пространство стало строиться из учета интересов монгольских народов, вставших на путь борьбы за самоопределение. Советская Россия начала поддерживать идеи национальной независимости Монголии и в конечном итоге в 1921 г. помогла реализовать Монгольскую революцию, которая привела к созданию Монгольской Народной Республики [История Монголии 2007: 63–65]. Это укрепило политические связи Монголии с Россией и заложило основу для дальнейшего сотрудничества между ними. Монголия, будучи ориентированной на СССР, стала активным участником процесса становления экономической системы социалистических стран. Вместе с тем это усугубило взаимоотношения с Китаем, который, несмотря на системный кризис и тяжелейшую депрессию, не стал и не смог восстановить даже прежний объем взаимодействия с Россией. Учитывая большой объем антисоветской и антикоммунистической риторики правительства Чан Кайши, а также бессильную вовлеченность Китая в сферу тихоокеанской конкуренции, становится понятным, что значительная часть экономических активов взаимодействия оказалась в депрессивной зоне и ждала своего исторического решения.

После Второй мировой войны отношения между Россией, Китаем и Монголией развивались неоднородно и имели свои особенности [Лузянин 2021: 144]. В начале послевоенного периода Советский Союз и Китай поддерживали дружественные отношения, частично обусловленные общим интересом в борьбе с империализмом и колониализмом. Однако с течением времени начали возникать разногласия между двумя странами.

Монголия стала близким союзником Советского Союза после Второй мировой войны. Монгольская Народная Республика усилила мотивы интеграции в мировой системе социализма, приобретая черты зависимого государства. СССР предоставлял ей значительную поддержку, включая военную и экономическую помощь. Эти отношения были укреплены подписанием Советско-Монгольского договора о дружбе и взаимной помощи в 1966 г. [История Монголии 2007: 230].

Одним из символов экономического сотрудничества советско-монгольских отношений является трансмонгольская железная дорога, принадлежащая совместному российско-монгольскому акционерному обществу «Улан-Баторская железная дорога» (УБЖД). История УБЖД начинается в 1949 г. [Улан-Баторская железная 2010].

5. Трансмонгольская железная дорога

Строительство трансмонгольской железной дороги, соединяющей северную и южную границы, стало важнейшим событием в истории Монголии. Повторяя монгольский отрезок маршрута «Чайного пути», УБЖД выполнила транспортно-логистическую и транзитную функцию в торгово-экономическом взаимодействии с двумя соседними странами. Поскольку Монголия не имеет выхода к морю, УБЖД обеспечивает выход страны на рынки не только соседних стран, но и через Российскую Федерацию в европейские страны, а через КНР — в азиатские страны. Общая протяженность железных дорог Монголии составляет 1 932,1 км, из которых 1 815 км находится во владении УБЖД [Грайворонский 2020: 66].

Центральная трансмонгольская железная дорога обеспечивает более короткий маршрут между Центральной Азией и Европой (сокращение на 1 025 км) [Балжир 2014: 148] по сравнению с железнодорожной линией, пролегающей через Маньчжурию – Забайкальск, а также имеет единые технические стандарты с российскими железными дорогами (ширина колеи — 1 520 см) [Филин, Дугаржав 2014: 358].

В последнее время львиная доля грузоперевозок УБЖД приходится на участок Улан-Батор – Чойр – Сайншанд – ЗамынУуд, что связано с экспортом полезных ископаемых в соседний Китай из близлежащих к этим городам месторождений горнорудной промышленности. В настоящее время линии УБЖД характеризуются изношенностью тепловозов, локомотивов, пассажирских и грузовых вагонов (до 50–60 %), свыше 600 км пути нуждаются в капитальном ремонте, высоки издержки самих линий, допущенных при их форсированном строительстве (кривые радиусом меньше 600 м занимают 51 % его длины, резкие уклоны с 9-тысячным подъемом и спуском — 37 % [Балжир 2014: 149]). Кроме того, однопутность, тепловозная тяга, полуавтоматическое блокирование движения поездов требуют скорейшей модернизации всей железнодорожной системы УБЖД. Казалось бы, новая проекция исторической взаимосвязи восстановлена. Но новые исторические обстоятельства властно потребовали и достижения новых высот. Самое главное — необходимо выровнять исторически сложившийся дисбаланс Юга и Севера монгольского пространства, что потребует точной отработки в системе межгосударственных отношений, преодоления груза исторических недоразумений и обид, достижения четких ориентиров. К тому же меняется мир, меняется и монгольская ойкумена.

После продажи в 2016 г. долей монгольской стороне двух совместных компаний ГОК «Эрдэнэт» и «Монголросцветмет» в настоящее время УБЖД является единственным совместным российско-монгольским предприятием. УБЖД в рамках своих возможностей стабильно обеспечивает пассажирские и грузовые перевозки на протяжении всей истории ее функционирования. Наблюдается тенденция уменьшения объема пассажироперевозок в пользу автомобильных дорог, тогда как из года в год наращиваются объемы грузоперевозок. На современном этапе УБЖД нуждается в существенной модернизации, в долгосрочной перспективе требуются реконструкция и электрификация сетей, построение двухпутной линии.

На протяжении последнего десятилетия специалистами УБЖД и РЖД производится поэтапная реализация Концепции развития Улан-Баторской железной дороги до 2030 г., которая была разработана в 2015 г. Она реализовывается в 3 этапа: 2017–2020, 2021–2025 и 2026–2030 гг. Если на первом этапе УБЖД осуществляла грузоперевозки примерно 20 млн т в год, то к 2030 г. планируется увеличить объем грузоперевозок по сценарию среднего темпа развития до 53,6 млн т [Дорж, Бурэнжаргал, Цыбенов 2019: 102]. Речь идет об оборотах, просто немыслимых в недалеком прошлом. Но, кроме России, Монголию в настоящее время населяют и множество других дружественных совместных компаний, которые готовы не только вступить во взаимодействие в рамках «Чайного пути», но и установить другие связи и контакты. Тем более в условиях современного переустройства мира.

Один из важных факторов этого передела мира — формирование новых центров силы. Обращает на себя внимание сплочение стратегического альянса России и Китая. От траектории этого взаимодействия начиная с XVII в. зависела судьба монгольского мира. В настоящее время только торговый оборот России и Китая в 2022 г. увеличился в годовом исчислении на 29,3 %, до $190,27 млрд, что стало рекордным показателем для двух стран за все время [Товарооборот 2023]. Предполагается превышение уровня товарооборота в 200 млрд долларов.

В настоящее время по «Трансмонгольскому / Центральному железнодорожному коридору проходит 60 маршрутов контейнерных поездов Китай – Европа, что составляет около 9 % контейнерного грузооборота (оценочно 71,1 тыс. контейнеров ДФЭ в 2021 г.) евразийских железнодорожных перевозок, проходящих через территорию России» [Намжилова 2022].

Эти цифры говорят о том, что Китай выровнял баланс своей мировой торговли, который претерпел урон за счет санкционных действий Америки, нашел новые реперы взаимодействия и будет развивать инициативу в материковую часть Евразии. Россия также нашла опоры взаимодействия для поворота на Восток. Именно с этим связаны фундаментальные решения о Восточном полигоне железных дорог, которые представляются гигантским прорывом экономической жизни страны. Этот замысел, связанный с дальнейшей реконструкцией

и модернизацией Байкало-Амурской магистрали, четырех крупных участков Транссибирской магистрали, выполнит роль станового хребта в российско-китайском взаимодействии, расширит платформу выхода на рынки Азии, вовлекая в оборот новые и новые ресурсы Дальнего Востока и Ледовитого океана.

Это исторический момент в судьбах монгольских народов, который необходимо спрогнозировать ясно, с конкретно выверенными расчетами. Возможно, железнодорожные и путевые коммуникации сейчас больший приоритет, чем даже энергетические факторы. Уже сейчас предусматривается проведение комплексных работ, направленных на модернизацию существующих железнодорожных сетей, обновление и увеличение количества тепловозов и вагонов, а также строительство новых железнодорожных линий [Филин, Дугаржав 2014: 358]. Финансовые ограничения все еще не позволяют владельцам УБЖД внедрять электрическую тягу взамен тепловозной тяги. Предлагаются мероприятия по увеличению длины перегонов и полезной длины приемо-отправочных путей, а также переход на полную автоматическую блокировку в связи с резким ростом грузопотока для увеличения пропускной и провозной способности участков [Балжир 2014: 152].

В рамках политики реализации проектов Экономического коридора РКМ (Россия-Китай-Монголия) среди 7 предполагаемых транспортных коридоров Центральный железнодорожный коридор (Улан-Удэ – Наушки – Сухэ-Батор – Улан-Батор – Замын-Уд – Эрлянь – Улаанцав – Чжанцзякоу – Пекин – Тяньцзинь) представляется одной из главных артерий, соединяющих три страны, включая строительство параллельной магистральной дороги и электрификацию [Дорж, Бурэнжаргал, Цыбенов 2019: 97].

Необходимо отметить, что китайско-монгольские политические и экономические отношения были тесно связаны с уровнем отношений Москвы и Пекина [История Монголии 2007: 254]. Независимая Монголия придавала важное значение развитию дружественных отношений с КНР. XX в. не способствовал укоренению чувства дружбы и сотрудничества. Но уже в 1980-х гг. XX в. по мере нормализации советско-китайских отношений торговые и экономические связи Пекина и Улан-Батора также начали активно развиваться. В постсоциалистический период развития Монголии КНР сделала важные шаги по нормализации двусторонних отношений, декларируя свое уважение к суверенитету Монголии и ее независимости [История Монголии 2007: 373]. Назрела новая проекция исторического взаимодействия.

6. Экономический коридор Россия-Монголия-Китай и проект «Новый шелковый путь»

Наступление нового содержательного этапа развития трехстороннего сотрудничества в рамках экономического коридора Китай – Монголия – Россия связано с реализацией глобальной концепции КНР по осуществлению программы широкомасштабного международного сотрудничества «Экономический пояс Шелкового пути», впервые провозглашенной Си Цзиньпином ровно десять лет назад в Назарбаев-Университете [Си Цзиньпин 2013].

Довольно быстро инициатива «Нового Шелкового пути» сформировала новые перспективы трехстороннего сотрудничества России, Монголии и Китая. В 2015 г. был принят документ под названием «Концепция и план действий по содействию совместному строительству Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI в.», официально закрепивший направления «Нового Шелкового пути», одним из которых стал экономический коридор Китай – Монголия – Россия, который должен был «*соединить экономическую зону вокруг Бохайского залива, охватывающую крупные агломерации (Пекин, Далянь и Тяньцзинь) с Восточной Европой. Реконструкция Улан-Баторской железной дороги позволит предложить альтернативный маршрут для организации грузоперевозок от Тяньцзиня по Транссибу через узловые пункты: Эрлянь, Улан-Батор, УланУдэ, что сократит путь на 1 500 км по сравнению с линией через Харбин*» [Намжилова 2018: 68]. В том же году на трехстороннем саммите в Уфе была утверждена «дорожная карта» по наращиванию всего комплекса сотрудничества между Россией, Монголией и Китаем [Встреча 2022].

23 июня 2016 г., в Ташкенте в ходе трехсторонней встречи глав государств была

подписана программа создания экономического коридора Китай – Монголия – Россия, при этом были обозначены концептуальные основы реализации проекта. В качестве ключевых принципов трехстороннего сотрудничества Президент РФ В. В. Путин отметил добрососедство, равноправие и взаимное уважение, на основе которых развивались контакты в области международных отношений, экономического сотрудничества, культурных связей, научного взаимодействия, отраженного в создании ассоциации исследовательских центров России, Китая и Монголии в 2015 г. Особое внимание Президент уделил туристической сфере, отметив разработку международного туристического маршрута «Великий чайный путь», призванного связать несколько десятков регионов России с Монголией и Китаем [Встреча 2016].

Последующие трехсторонние встречи на высшем уровне, прошедшие в г. Бишкеке в 2019 г. и в г. Самарканде в 2022 г., доказали эффективность реализации проекта «Экономический коридор Китай – Монголия – Россия», отраженного в следующих показателях: увеличение числа поездов, следующих из Китая в Россию через Монголию с 2016 г. по 2018 г. более чем на 500 %; увеличение совокупной российской торговли с Китаем и Монголией почти на 60 % в 2021 г. по сравнению с 2014 г.; увеличение доли расчетов в национальных валютах между Россией и Китаем до 27,5 % в 2021 г. и т. д. [Встреча 2019; Встреча 2022].

Вместе с тем «Экономический коридор» несет на себе печать вызовов и рисков «Нового шелкового пути», заключающихся в противоречиях целевых установок сопрягаемых проектов «Экономического пояса Шелкового пути», ориентированного на расширение зоны свободной торговли, и ЕАЭС, предусматривающего защиту внутренних рынков Союза [Россия-Китай 2020: 67]; асимметрии инвестиционного потенциала и инфраструктурных логистических возможностей России, Монголии и Китая; наличии альтернативных «конкурирующих» коридоров в рамках «Нового Шелкового пути», способных перегруппировать экономические потоки на более эффективные направления.

В условиях геополитического поворота России на Восток, диктующего необходимость эффективного ее включения в интеграционные проекты, инициированные КНР, очень серьезным становится риск упущенных возможностей, особенно для приграничных регионов. Кроме прямых инвестиционных проектов, предусмотренных планами взаимодействий, важно продумать превращение существовавших брендов в свободные экономические зоны и торговые площадки, «используя потенциал „Нового Шелкового пути“, сформировать подобные острова исторической памяти регионов, разделивших судьбу Великой России, укрепляющей свои позиции в Восточной Азии» [Базаров, Базаров, Нолев 2015: 34].

7. Заключение

Исторические проекции трансевразийских торговых коммуникаций, отражая объективную необходимость и заинтересованность взаимодействия обществ Востока и Запада, воплощались и воплощаются в реальность от караванной торговли до современных инфраструктурных проектов. Имперское пространство двух держав России и Китая, распространившееся на евразийском пространстве, придало собственную динамику и ритм торговым и культурным коммуникациям, определив уникальность географии маршрутов. Знаменитый «чайный путь» стал пространством, интегрирующим в себя огромное количество городов России и Китая. Монголия на этом пути может стать ключевым участком, если таковым будет ее собственный исторический выбор.

В свое время открытие Китая, индустриализация и проникновение капиталов интенсифицировали открытие, его развитие и включение в мировой рынок. Это привело к длительной полосе преобразования Китая и превращения его в современную мировую державу. Опыт исторического прошлого позволяет внимательно изучить пути прошлых успешных опытов, вскрыть причины взлетов и падений. Из этого исторического наследия важным остаются фундаменты, построенные в годы крупномасштабных политических перемен XX в., особая геополитическая конфигурация, прочными нитями связавшая СССР и Монголию. Новый импульс трансрегиональным и трансконтинентальным проектам придан разворотом России на восток и формированием стратегического альянса между РФ и Китаем.

Источники

Встреча 2016 — Встреча с Председателем КНР Си Цзиньпином и Президентом Монголии Цахиагийн Элбэгдоржем [электронный ресурс] // Официальный сайт «Президент России». События. 23 июня 2016 г. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/52211 (дата обращения: 23.08.2023).

Встреча 2019 — Встреча с Председателем КНР Си Цзиньпином и Президентом Монголии Халтмагийн Баттулгой [электронный ресурс] // Официальный сайт «Президент России». События. 14 июня 2019 г. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/60753 (дата обращения: 23.08.2023).

Встреча 2022 — Встреча с Председателем КНР Си Цзиньпином и Президентом Монголии Ухнагийн Хурэлсухом [электронный ресурс] // Официальный сайт «Президент России». 15 сентября 2022 г. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/69357 (дата обращения: 23.08.2023).

История Великого 2017 — История Великого чайного пути [электронный ресурс] // Российская ассоциация международного сотрудничества. URL: http://rams-international.ru/chainyi-put/37/?sphrase_id=1401 (дата обращения: 23.08.2023).

Русско-китайские 2004 — Русско-китайские договорно-правовые акты (1689–1916) / под общ. ред. В. С. Мясникова; сост. И. Т. Мороз, В. С. Мясников. М.: Памятники ист. мысли, 2004. 694 с.

Товарооборот 2023 — Товарооборот России и Китая в 2022 году вырос на 29,3 %. [электронный ресурс] // ТАСС. Экономика. 13 января 2023. URL: https://tass.ru/ekonomika/16791461 (дата обращения: 10.03.2023).

Си Цзиньпин 2013 — *Си Цзиньпин*. Укреплять дружбу народов, вместе открыть светлое будущее. Выступление Председателя КНР Си Цзиньпинав Назарбаев университете [электронный ресурс] // Официальный сайт «Посольство Китайской Народной Республики в Республике Казахстан». 16 сентября 2013 г. URL: http://kz.china-embassy.gov.cn/rus/zhgx/201309/t20130916_1045309.htm (дата обращения: 10.03.2023).

Sources

History of the Tea Road. On: Russian Association for International Cooperation (website). Available at: http://rams-international.ru/chainyi-put/37/?sphrase_id=1401 (accessed: 23 August 2023). (In Russ.)

Meeting with President Xi Jinping and President Khaltmaagiin Battulga. On: President of Russia (official website). Events. [Posted on] 14 June 2019. Available at: http://kremlin.ru/events/president/news/60753 (accessed: 23 August 2023). (In Russ.)

Meeting with President Xi Jinping and President Tsakhiagiin Elbegdorj. On: President of Russia (official website). Events. [Posted on] 23 June 2016. Available at: http://kremlin.ru/events/president/news/52211 (accessed: 23 August 2023). (In Russ.)

Meeting with President Xi Jinping and President Ukhnaagiin Khürelsükh. On: President of Russia (official website). Posted on 15 September 2022. Available at: http://kremlin.ru/events/president/news/69357 (accessed: 23 August 2023). (In Russ.)

Moroz I. T., Myasnikov V. S. (comps.) Russia-China Treaties and Enactments, 1689–1916. V. Myasnikov (ed.). Moscow: Pamyatniki Istoricheskoy Mysli, 2004. 694 p. (In Russ.)

Russia-China commodity turnover increased by 29.3 % in 2022. On: TASS. Economics. Posted on 13 January 2023. Available at: https://tass.ru/ekonomika/16791461 (accessed: 10 March 2023). (In Russ.)

Xi Jinping: To strengthen friendship between nations and jointly open better future. President Xi Jinping's speech at Nazarbayev University. On: Embassy of the People's Republic of China in the Republic of Kazakhstan (official website). Posted on 16 September 2013. Available at: http://kz.china-embassy.gov.cn/rus/zhgx/201309/t20130916_1045309.htm (accessed: 10 March 2023). (In Russ.)

Литература

Базаров, Базаров, Нолев 2015 — *Базаров Б. В., Базаров В. Б., Нолев Е. В.* Новый Шелковый путь: открытая политика открытого общества Китая // Власть. 2015. № 11. С. 29–34.

Балжир 2014 — *Балжир М.* Перспективы Улан-Баторской железной дороги // Мир транспорта. 2014. № 3(52). С. 148–155.

Барфилд 2009 — *Барфилд Т. Дж.* Опасная граница. Кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. – 1757 г. н. э.) / пер. Д. В. Рухлядева, В. Б. Кузнецова. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2009. 488 с.

Воскресенский 1999 — *Воскресенский А. Д.* Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М.: Московский общественный научный фонд; Издательский

центр научных и учебных программ, 1999. 408 с.

Грайворонский 2020 — *Грайворонский В. В.* Транспорт Монголии // Восточная аналитика. 2020. № 3. С. 61–70. DOI: 10.31696/2227-5568-2020-03-061-070

Губаревич-Радобыльский 1908 — *Губаревич-Радобыльский А. Ф.* Чай и чайная монополия: опыт исследования основ обложения чая в России. СПб.: Тип. ред. период. изд. М-ва фин., 1908. 174 с.

Дорж, Бурэнжаргал, Цыбенов 2019 — *Дорж Т., Бурэнжаргал Б., Цыбенов Б. Д.* Роль Центрального транспортного коридора Монголии в развитии экономического коридора трех стран // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2019. № 1(33). С. 95–107. DOI 10.31554/2222-9175-2019-33-95-107

История Бурятии 2011 — История Бурятии: в 3 тт. Т. 2 / Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; редкол.: Б. В. Базаров (гл. ред.) и др. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2011. 624 с.

История Монголии 2007 — История Монголии: XX век / отв. ред. Г. С. Яскина. М: ИВ РАН, 2007. 448 с.

Кяхта – Маймачен 2014 — Кяхта – Маймачен. Прообразы свободных экономических зон в Российской Империи: история, современность, перспективы / отв. ред. Л. Б. Жабаева. Улан-Удэ: ФГБОУ ВПО «БГСХА», 2014. 200 с.

Лузянин 2021 — *Лузянин С. Г.* Россия – Монголия – Китай: исторические и современные трансформации // Восток (Oriens). 2021. № 5. С. 141–152.

Монголия в трудах 2021 — Монголия в трудах генерального консула Российской империи в Урге Я. П. Шишмарева. Некоторые мысли о праве России на Амур в документах и публикациях: (к 160-летию генерального консульства России в Монголии) / сост. А. И. Шинковой, Ю. В. Кузьмин. Иркутск: Изд. дом БГУ, 2021. 342 с

Мясников 1987 — *Мясников В. С.* Империя Цин и Русское государство в XVII в. Хабаровск: Хабаровское кн. изд-во, 1987. 516 с.

Намжилова 2018 — *Намжилова В. О.* Экономические коридоры на евразийском пространстве: инициативы Китая и мировой опыт // Россия и АТР. 2018. № 1(99). С. 65–81.

Намжилова 2022 — *Намжилова В. О.* Экономический коридор Китай – Монголия – Россия: инфраструктурный фокус [электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. 16.12.2022. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ekonomicheskiy-koridor-kitay-mongoliya-rossiya-infrastrukturnyy-fokus/ (дата обращения: 15.03.2023).

Намсараева 2013 — *Намсараева С. Б.* Миграции во Внутренней Азии цинского периода: диаспоры «контактной зоны» Кяхта–Маймачен // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2013. № 1. С. 21–46.

НеобыЧАЙная Кяхта 2013 — НеобыЧАЙная Кяхта / авт.-сост. Л. Б. Цыденова. Улан-Удэ: НоваПринт, 2013. 199 с.

Попова 2013 — *Попова И. Ф.* Торговля России и Китая через Кяхту и Маймайчен // Mongolica-XI: сб. науч. ст. / посвящ. 130-летию со дня рождения А. В. Бурдукова. СПб.: Петербургское востоковедение, 2013. С. 28–36.

Россия – Китай 2020 — Россия – Китай: шансы и вызовы отношений «новой эпохи»/ сост. А. О. Виноградов, А. С. Исаев, Е. И. Сафронова, М. В. Александрова. М.: ИДВ РАН, 2020. 240 с.

Сладковский 1974 — *Сладковский М. И.* История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М.: Наука, ГВРЛ, 1974. 368 с.

Силин 1947 — *Силин Е. П.* Кяхта в XVIII веке. Из истории русско-китайской торговли. Иркутск: Огиз; Иркутск. обл. изд-во, 1947. 204 с.

Скальковский 1883 — *Скальковский К. А.* Русская торговля в Тихом океане. Экономическое исследование русской торговли и мореходства в Приморской области Восточной Сибири, Корее, Китае, Японии и Калифорнии. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1883. 515 с.

Филин, Дугаржав 2014 — *Филин С. А., Дугаржав Л.* Инновационное взаимодействие России и Монголии. Улан-Батор: Адмон, 2014. 504 с.

Хохлов 1982 — *Хохлов А. Н.* Кяхтинская торговля и ее место в политике России и Китая (20-е годы XVIII в. – 50-е годы XIX в.) // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М.: Мысль, 1982. С. 99–147.

Хохлов 1989 — *Хохлов А. Н.* Кяхта и кяхтинская торговля (20-е гг. XVIII в. – середина XIX в.) // Бурятия XVII–XX вв. Экономика и социально-культурные процессы: сб. науч. тр. Новосибирск: Наука, СО, 1989. С. 15–50.

Цыденова 2018 — *Цыденова Л. Б.* Кяхтинская торговля и таможенная политика России // Труды Кяхтинского краеведческого му-

зея им. академика В. А. Обручева: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (г. Кяхта, 14–15 сентября 2018 г.). Улан-Удэ: Бурятск. гос. ун-т, 2018. С. 93–101.

Улан-Баторская железная 2010 — Улан-Баторская железная дорога (начало XX в. – 1957 г.): док-ты и мат-лы / науч. ред.: Л. В. Курас, Н. Хишигт. Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2010. 258 с.

Avery 2003 — *Avery M.* The Tea Road: China and Russia Meet Across the Steppe. Beijing: China Intercontinental Press, 2003. 198 p.

Rowe 1992 — *Rowe W. T.* Hankow: Conflict and community in a Chinese city, 1796–1895. Stanford: Stanford University Press, 1992. 452 p.

Sanjdorj 2010 — *Sanjdorj M.* The Spread of Trade to the Countryside // The History of Mongolia. Vol. 3 / D. Sneath, Ch. Kaplonski (eds.). Folkestone: Global Oriental, 2010. Pp. 705–714.

Perdue 1996 — *Perdue P. C.* Military Mobilization in Seventeenth and Eighteenth-Century China, Russia, and Mongolia // Modern Asian Studies. 1996. T. 30. № 4. Pp. 757–793.

Perdue 2009 — *Perdue P. C.* China Marches West: the Qing Conquest of Central Eurasia. Cambridge (Mass.), London: Harvard University Press, 2009. 752 p.

References

Avery M. The Tea Road: China and Russia Meet Across the Steppe. Beijing: China Intercontinental Press, 2003. 198 p. (In Eng.)

Baljir M. Prospects of Ulan Bator Railway. *World of Transport and Transportation*. 2014. No. 3(52). Pp. 148–155. (In Russ.)

Barfield T. J. The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 B.C. to AD 1757. D. Rukhlyadev, V. Kuznetsov (transl.). St. Petersburg: St. Petersburg University (Faculty of Philology), Nestor-Istoriya, 2009. 488 p. (In Russ.)

Bazarov B. V. et al. (eds.) History of Buryatia. In 3 vols. Vol. 2. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2011. 624 p. (In Russ.)

Bazarov B. V., Bazarov V. B., Nolev E. V. The New Silk Road: The open door policy of China. *Vlast'*. 2015. No. 11. Pp. 29–34. (In Russ.)

Dorj T., Burenzhargal B., Tsybenov B. D. The role of the central transport corridor of Mongolia in the development of the economic corridor of the three countries. *Bulletin of the Buryat Scientific Center SB RAS*. 2019. No. 1(33). Pp. 95–107. DOI 10.31554/2222-9175-2019-33-95-107. (In Russ.)

Filin S. A. Dugarjav L. Innovative Cooperation between Russia and Mongolia. Ulaanbaatar: Admon, 2014. 504 p. (In Russ.)

Grayvoronskiy V. V. Transport sector in Mongolia. *Eastern Analytics*. 2020. Is. 3. Pp. 61–70. DOI: 10.31696/2227-5568-2020-03-061-070. (In Russ.)

Gubarevich-Radobylsky A. F. Tea and Tea Monopolies: An Insight into Fundamentals of Tea Taxation. St. Petersburg: Ministry of Finance, 1908. 174 p. (In Russ.)

Khokhlov A. N. Kyakhta and its trade, 1720s–1850s. In: Seventeenth-to-Twentieth Century Buryatia. Economic and Sociocultural Processes. Collected scholarly papers. Novosibirsk: Nauka, 1989. Pp. 15–50. (In Russ.)

Khokhlov A. N. Trade in the town of Kyakhta and its role in Russia-China relations, 1720s–1850s. In: Documentary Evidence to the Contrary. Undermining the Falsified History of Russian-Chinese Relations. Moscow: Mysl, 1982. Pp. 99–147. (In Russ.)

Kuras L. V., Khishigt N. (eds.) Ulaanbaatar Railway, 1900s–1957. Documents and materials. Ulan-Ude: East-Siberian State Institute of Culture, 2010. 258 p. (In Russ.)

Luzyanin S. G. Russia – Mongolia – China: Historical and contemporary transformations. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 5. Pp. 141–152. (In Russ.)

Myasnikov V. S. Qing Empire and Tsardom of Russia in the Seventeenth Century. Khabarovsk: Khabarovsk Book Publ., 1987. 516 p. (In Russ.)

Namsaraeva S. B. Migrations in Inner Asia during the Qing dynasty: Diasporas in 'Kiachta-Maimacheng' contact zone. *Buryat State University Bulletin. Humanitarian Studies of Inner Asia*. 2013. No. 1. Pp. 21–46. (In Russ.)

Namzhilova V. O. China-Mongolia-Russia economic corridor: Infrastructural perspective. On: Russian International Affairs Council. Posted on 16 December 2022. Available at: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ekonomicheskiy-koridor-kitay-mongoliya-rossiya-infrastrukturnyy-fokus/ (accessed: 15 March 2023). (In Russ.)

Namzhilova V. O. Economic corridors in Eurasia: China's initiatives and world experience. *Russia and the Pacific*. 2018. No. 1 (99). Pp. 65–81. (In Russ.)

Perdue P. C. China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia. Cambridge (Mass.), London: Harvard University Press, 2009. 752 p. (In Eng.)

Perdue P. C. Military mobilization in seventeenth and eighteenth-century *China, Russia, and Mongolia. Modern Asian Studies*. 1996. Vol. 30. No. 4. Pp. 757–793. (In Eng.)

Popova I. F. Trade in Russia and China through the Kyakhta and Maymaychen. *Mongolica*. 2013. Vol. XI. Pp. 28–36. (In Russ.)

Rowe W. T. Hankow: Conflict and Community in a Chinese City, 1796–1895. Stanford: Stanford University Press, 1992. 452 p. (In Eng.)

Sanjdorj M. The spread of trade to the countryside. In: Sneath D., Kaplonski Ch. (eds.) The History of Mongolia. Vol. 3. Folkestone: Global Oriental, 2010. Pp. 705–714. (In Eng.)

Shinkovoy A. I., Kuzmin Yu. V. (comps.) Mongolia in Works of Ya. P. Shishmarev, Consul General of the Russian Empire to Urga: Some Thoughts on Russia's Right to the Amur in Documents and Publications. Celebrating the 160th Anniversary of Russia's Consulate in Mongolia. Irkutsk: Baikal State University, 2021. 342 p. (In Russ.)

Silin E. P. Kyakhta in the Eighteenth Century: Some Historical Glimpses of Russia-China Trade. Irkutsk: OGIZ, Irkutsk Oblast Publ. House, 1947. 204 p. (In Russ.)

Skalkovsky K. A. Russian Trade in the Pacific: An Economic Survey of Russian Trade and Maritime Endeavors in Primorskaya Oblast (Eastern Siberia), Korea, China, Japan, and California. St. Petersburg: A. Suvorin, 1883. 515 p. (In Russ.)

Sladkovsky M. I. Russia-China Trade and Economic Relations before 1917: A Historical Review. Moscow: Nauka — GVRL, 1974. 368 p. (In Russ.)

Tsydenova L. B. (comp.) Unusual Kyakhta. Ulan-Ude: NovaPrint, 2013. 199 p. (In Russ.)

Tsydenova L. B. Trade in the town of Kyakhta and Russia's customs policies. In: Transactions [Obruchev Kyakhta Museum of Local History and Lore]. Conference proceedings (Kyakhta, 14–15 September 2018). Ulan-Ude: Banzarov Buryat State University, 2018. Pp. 93–101. (In Russ.)

Vinogradov A. O., Isaev A. S., Safronova E. I., Aleksandrova M. V. (comps.) Russia – China: Opportunities and Challenges of Relations in a 'New Era'. Moscow: Institute of Far Eastern Studies (RAS), 2020. 240 p. (In Russ.)

Voskresensky A. D. Russia and China: Theory and History of State-to-State Relations. Moscow: Moscow Social Foundation of Science, Publishing Center for Academic and Educational Programs, 1999. 408 p. (In Russ.)

Yaskina G. S. (ed.) History of Twentieth-Century Mongolia. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2007. 448 p. (In Russ.)

Zhabaeva L. B. (ed.) Kyakhta — Maimaicheng. Prototypes of Free Economic Zones in Imperial Russia: Past, Present, Future. Ulan-Ude: Filippov Buryat State Agricultural Academy, 2014. 200 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 4, Pp. 742–755, 2023
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК / UDC 339.9
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-742-755

Двусторонние экономические отношения между Россией и Вьетнамом: текущее состояние и перспективы развития

Роман Владимирович Маньшин[1], *Дарья Сергеевна Соколан*[2], *Мила Миновска*[3], *Арина Александровна Тинькова*[4]

[1] Российский университет дружбы народов (д. 6, ул. Миклухо-Маклая, 117198 Москва, Российская Федерация)
кандидат экономических наук, доцент
0000-0003-2331-9834. E-mail: manshin_rv[at]pfur.ru

[2] Российский университет дружбы народов (д. 6, ул. Миклухо-Маклая, 117198 Москва, Российская Федерация)
кандидат экономических наук, доцент
0000-0002-9883-6804. E-mail: sokolan_d[at]pfur.ru

[3] Российский университет дружбы народов (д. 6, ул. Миклухо-Маклая, 117198 Москва, Российская Федерация)
ассистент
0009-0003-5684-1685. E-mail: milaminovska[at]gmail.com

[4] Российский университет дружбы народов (д. 6, ул. Миклухо-Маклая, 117198 Москва, Российская Федерация)
ассистент
0000-0002-8822-1945. E-mail: tinkova_aa[at]pfur.ru

© КалмНЦ РАН, 2023
© Маньшин Р. В., Соколан Д. С., Миновска М., Тинькова А. А., 2023

Аннотация. *Введение.* Экономические отношения между Российской Федерацией и Вьетнамом имеют богатую историю сотрудничества, которая берет начало еще с Совета экономической взаимопомощи. На сегодняшний день эти связи продолжают углубляться на фоне евразийской интеграции. *Целью* статьи является выявление перспектив развития двусторонних отношений между странами путем анализа современных экономических отношений стран. *Материалы и методы*. В статье были использованы материалы из базы данных ООН «Comtrade», Центрального банка России, Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации, Российского статистического ежегодника.

Результаты. Экономическое сотрудничество между странами в сфере торговли последние годы постепенно растет. Было отмечено, что сфера услуг играет значимую роль в торговых отношениях между Россией и Вьетнамом. Анализ инвестиционного сотрудничества выявил дисбаланс в инвестиционных потоках в пользу Вьетнама. Основные инвестиционные проекты между странами реализуются в сфере добычи и торговли нефтью. С точки зрения миграции Вьетнам определяется как страна-донор, но анализ миграционных потоков показывает, что Российская Федерация не рассматривается в качестве предпочтительного места назначения для вьетнамских мигрантов. В статье также уделяется внимание изменению структуры миграционного потока из Вьетнама в Россию и объясняются причины этих изменений. *Выводы.* Несмотря на интенсификацию торговых отношений, ни одна из стран не реализовала свой экспортный потенциал. Что касается сотрудничества в сфере прямых иностранных инвестиций, в качестве перспективных направлений выделяются текстильная промышленность, ветроэнергетика и ИТ-сфера. Еще одной сферой, в которой можно развивать двухсторонние отношения, является образовательная миграция, так как на данный момент Российская Федерация не использует в полной мере свой потенциал для повышения привлекательности среди вьетнамской молодежи.

Ключевые слова: инвестиции, миграция, торговля, Россия, Вьетнам, товарно-экономические отношения

Благодарность. Публикация выполнена в рамках проекта № 060120-2-000 Системы грантовой поддержки научных проектов Российского университета дружбы народов.

Для цитирования: Маньшин Р. В., Соколан Д. С., Миновска М., Тинькова А. А. Двусторонние экономические отношения между Россией и Вьетнамом: текущее состояние и перспективы развития // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 4. С. 742–755. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-742-755

Russia–Vietnam Economic Relations: State of the Art and Development Prospects

Roman V. Manshin[1], *Daria S. Sokolan*[2], *Mila Minovska*[3], *Arina A. Tinkova*[4]

[1] RUDN University (6, Miklouho-Maclay St., 117198 Moscow, Russian Federation)
Cand. Sc. (Economics), Associate Professor
0000-0003-2331-9834. E-mail: manshin_rv[at]pfur.ru

[2] RUDN University (6, Miklouho-Maclay St., 117198 Moscow, Russian Federation)
Cand. Sc. (Economics), Associate Professor
0000-0002-9883-6804. E-mail: sokolan_d[at]pfur.ru

[3] RUDN University (6, Miklouho-Maclay St., 117198 Moscow, Russian Federation)
Assistant Lecturer
0009-0003-5684-1685. E-mail: milaminovska[at]gmail.com

[4] RUDN University (6, Miklouho-Maclay St., 117198 Moscow, Russian Federation)
Assistant Lecturer
0000-0002-8822-1945. E-mail: tinkova_aa[at]pfur.ru

© KalmSC RAS, 2023
© Manshin R. V., Sokolan D. S., Minovska M., Tinkova A. A., 2023

Abstract. *Introduction*. The long-living and eventful Russia-Vietnam economic relations date back to the Council of Mutual Economic Assistance. Nowadays the continued deepening of these ties is occurring as part Eurasian integration. *Goals*. The article seeks to reveal further development prospects for bilateral relations and attempts an insight into the latter's state of the art. *Materials*

and methods. The work examines data from the UN Comtrade, Bank of Russia, Rosstat, Ministry of Internal Affairs, and those contained in Russian Statistical Yearbooks. *Results*. The recent years have witnessed a growing dynamics in trade cooperation between Russia and Vietnam. The paper notes it is trade in services plays a significant role in the interstate economic relations. The analysis of investment cooperation reveals an imbalance in investment flows in favor of Vietnam. The FDIs in oil production and trade have been identified as key investment endeavors. As for migration, Vietnam is defined as a donor country, and our analysis of migration flows shows the Russian Federation is simply not considered as a preferred destination for Vietnamese migrants. The article also pays attention to the change in the structure of Vietnam-to-Russia migration flow and articulates some underlying reasons. *Conclusions*. Despite the intensification of trade relations, none of the countries has implemented its export potential to the full. As for FDI cooperation, textile industry, wind power and IT sector stand out as promising areas. Another area for the development of bilateral relations is educational migration, since there is definitely still room for Russia to increase its attractiveness among Vietnamese youth.

Keywords: investment, migration, trade, Russia, Vietnam, commodity and economic relations

Acknowledgements. This publication has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project № 060120-2-000.

For citation: Manshin R. V., Sokolan D. S., Minovska M., Tinkova A. A. Russia–Vietnam Economic Relations: State of the Art and Development Prospects. *Oriental Studies*. 2023; 16(4): 742–755. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-742-755

1. Введение

Российско-вьетнамские отношения имеют длительную историю развития, а статус «всеобъемлющего стратегического партнерства» во многом отражает многоплановый характер двустороннего сотрудничества и высокий уровень доверия между странами. Страны являются стратегическими партнерами на высшем уровне и занимают схожие позиции по важнейшим вопросам развития мировой экономики в условиях сложной геополитической ситуации. Дипломатические отношения между странами были установлены еще во времена СССР в 1950 г., а в 1994 г. Россия подписала Договор об основах дружественных отношений. Еще больше укрепились отношения между странами в 2001 г., когда была подписана Декларация о стратегическом партнерстве между Россией и Вьетнамом. Сегодня Вьетнам активно сотрудничает со странами ЕАЭС после вступления в силу «Соглашения о свободной торговле между государствами-членами Евразийского экономического союза и Вьетнамом» [Соглашение 2015].

В настоящее время торговые и инвестиционные связи между Россией и Вьетнамом углубляются в контексте евразийских интеграционных процессов. В 2023 г. исполняется 8 лет соглашению о зоне свободной торговли ЕАЭС-Вьетнам, которое стало первым соглашением с третьей для Евразийского экономического союза страной. Кроме того, Вьетнам играет важную роль в диалоге между Россией и странами АСЕАН. Россия и Вьетнам сотрудничают и на полях Шанхайской организации сотрудничества. Политический диалог России и Вьетнама всегда характеризовался высокой интенсивностью, однако экономическое сотрудничество сегодня ниже своего ожидаемого потенциала [Изотов 2013: 225].

Сегодня в условиях западных санкций для России важно развивать экономическое сотрудничество со странами Азии, в том числе с Вьетнамом, проводящим конструктивную внешнюю политику по отношению к РФ. Двум странам необходимо наращивать торговые потоки с помощью расширения ассортимента торгуемых товаров и услуг. Кроме того, важно принимать во вни-

мание имеющийся опыт инвестиционного сотрудничества между Россией и Вьетнамом, экономического взаимодействия стран в сфере энергетики и туризма.

Общие вопросы двустороннего сотрудничества и интеграционных процессов между Россией и Вьетнамом в контексте ЕАЭС анализируются в статьях Е. Ю. Винокурова [Vinokurov 2017], В. М. Мазырина [Mazyrin 2012; Мазырин 2021], А. П. Цветова [Tsvetov 2018].

Вопросы энергетического сотрудничества нашли отражение в работах Р. С. Висенеску [Visenescu 2018], геополитические аспекты совместного транспортно-логистического сотрудничества в рамках Большого евразийского партнерства и инициативы «Один пояс, один путь» отражены в работе Ю. Ли [Li 2018].

Особенности внешнеторговых отношений между Российской Федерацией и Вьетнамом рассматриваются в работах Н. С. Ревенко [Ревенко 2022], Е. А. Степанова [Степанов и др. 2020]. Ключевые тенденции двусторонних инвестиционных отношений также являются предметом интереса российских авторов [Аносова 2019]. Вопросы двусторонней миграции рассматриваются в работах С. В. Рязанцева и Е. Е. Письменной [Рязанцев, Письменная 2017].

2. Материалы и методы

Статистическими источниками послужили международные базы данных ООН «Comtrade» [UN Comtrade 2022], Центрального банка России [Статистика 2022], Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации [Численность и миграция 2022], Министерства внутренних дел Российской Федерации [Показатели миграционной ситуации 2020], Российского статистического ежегодника [Иностранные студенты 2021].

3. История экономического сотрудничества России и Вьетнама

Важной предпосылкой современного экономического сотрудничества России и Вьетнама является их общее социалистическое прошлое и партнерство в рамках Совета экономической взаимопомощи [Липкин 2020; Godard 2018]. Долгое время торговое сотрудничество СССР и Вьетнама реализовывалось в рамках содействия ликвидации экономических последствий войн 1955–1975 гг. Таким образом, к 1987 г. Вьетнам входил в ТОП-3 торговых партнеров СССР в Азии по товарообороту, а его доля достигла своего исторического максимума в 1,4 % (по сравнению с 0,7 % в 1978 г.) [Внешняя торговля 1982: 14].

В структуре советского экспорта во Вьетнам преобладала продукция машиностроения, военной и химической промышленности, многие поставки осуществлялись на основе льготных кредитов. В импорте СССР из Вьетнама преобладали натуральный каучук и сельскохозяйственные продукты (кофе, чай, сигареты и др.) [Внешняя торговля 1982: 65].

После распада СССР Россия переживала кризисный период смены внешнеполитических и внешнеэкономических приоритетов. В этот период прекратилась финансовая поддержка Вьетнама в рамках Совета экономической взаимопомощи. Сложившаяся конъюнктура привела к стагнации российско-вьетнамских отношений. Возрождение торговых отношений началось в 2002–2003 гг. после подписания Декларации о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам (2001 г.) [Декларация 2001].

В период с 2015 г. по 2021 г. объем двусторонней товарной торговли увеличился более чем в 2 раза, и в 2021 г. товарооборот между Россией и Вьетнамом превысил 7 млрд долларов США. Россия занимает 23-е место по экспорту вьетнамских товаров и 16-е место по импорту, а Вьетнам занимает 42-е место по российскому экспорту и 12-е — по импорту [UN Comtrade 2022].

Торговый баланс в двусторонней торговле для России отрицательный, ее импорт вдвое превышает экспорт во Вьетнам. На рис. 1 видно, что за последние 7 лет наблюдается стремительный рост вьетнамского экспорта на российский рынок, при этом важно отметить, что даже пандемия COVID-19 не повлияла на объемы поставок из Вьетнама. Данные показывают, что рост внешнеторговых потоков носит экстенсивный характер и происходит за счет увеличения объема торговли в уже экспортирующихся группах товаров, а не за счет расширения товарного ассортимента экспорта.

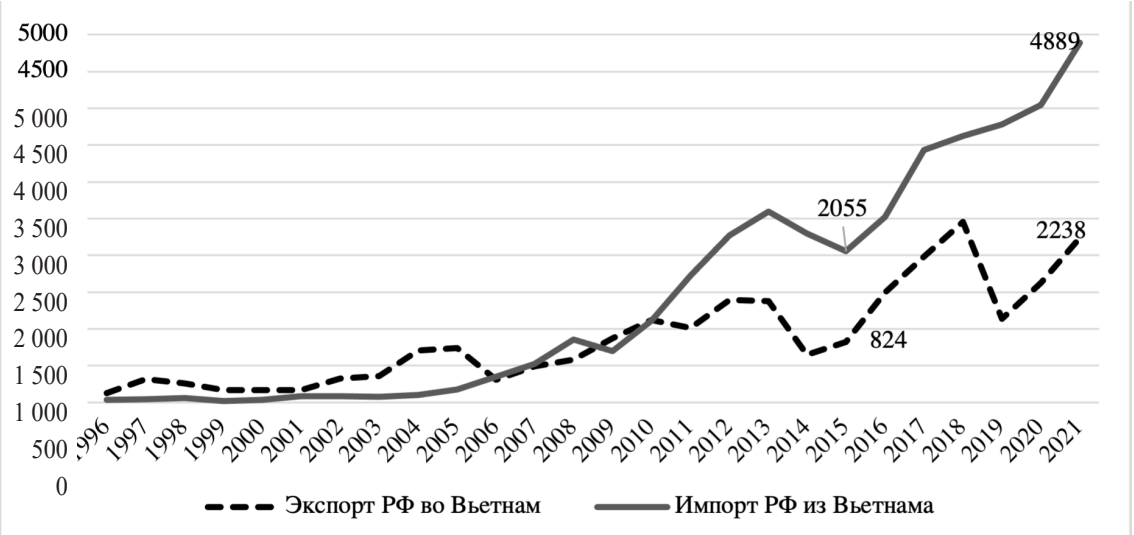

Рис. 1. Динамика торговли России и Вьетнама, 1996–2021 гг., млн долл. Источник: [UN Comtrade 2022]

[*Fig. 1.* Russia-Vietnam trade dynamics, 1996–2021 ($mil)]

На рис. 2 показана структура торговли по широким экономическим категориям. Понятно, что в структуре российского экспорта во Вьетнам преобладают товары промышленного назначения (38 %), горюче-смазочные материалы (33 %) и продукты питания и напитки (19 %). Более половины вьетнамского импорта в Россию приходится на капитальные товары (53%) и потребительские товары (23 %).

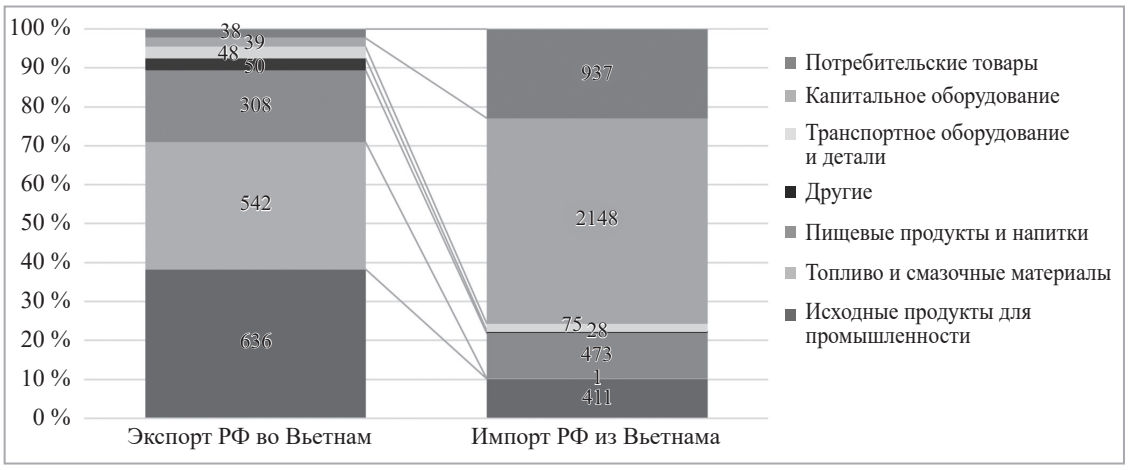

Рис. 2. Структура двусторонней торговли между Россией и Вьетнамом, 2020 г., %, млн долл. по классификации BEC. Источник: [UN Comtrade 2022]

[*Fig. 2.* Russia-Vietnam trade structure, 2020, %, million USD by broad economic categories (BEC)]

Действительно, товарная концентрация двусторонней торговли достаточно высока (см. табл. 1). Таким образом, на ТОП-10 экспортных товаров (на уровне 4-значных кодов Гармонизированной системы кодирования товаров (ГС)) приходится 72 % всего российского экспорта во Вьетнам. Среди наиболее значимых экспортных товаров — железо и сталь, уголь и товары под секретным кодом (обычно продукция военного назначения). В свою очередь ТОП-10 импортных товаров по 4-значным кодам ГС составляют 60 % российского импорта из Вьетнама, и это в основном электротехническое оборудование.

Таблица 1. ТОП товарных групп в двусторонней торговле между Россией и Вьетнамом в 2021 г., млн долл. США (по 4-значным кодам ГС). Источник: [UN Comtrade 2022].

[*Table 1.* HS4 products traded between Russia and Vietnam in 2021 ($mil)]

ТОП-10 российских экспортных товаров во Вьетнам, 2021 г.			ТОП-10 импортных товаров из Вьетнама в Россию, 2021 г.		
Код продукта HS4	$ млн	% доля от общего	Код продукта HS4	$ млн	% доля от общего
7208 – Железо или нелегированная сталь	446,34	20 %	8517 – Телефонные аппараты	1495,52	31 %
2701 – Каменный уголь; брикеты	326,44	15 %	8529 – Трансмиссионное оборудование	274,9	6 %
XXXX – Другие товары	303,7	14 %	8542 – Электронные интегральные схемы	223,45	5 %
0203 – Свинина	137,33	6 %	6404 – Обувь	170,98	3 %
7203 – Изделия из черных металлов	107,06	5 %	0901 – Кофе	163,2	3 %
3104 – Удобрения калийные	76,38	3 %	8443 – Печатное оборудование	148,01	3 %
3105 – Комплексные удобрения	75,14	3 %	8518 – Микрофоны и их стойки	136,96	3 %
8411 – Турбореактивные, турбовинтовые и другие газовые турбины	68,37	3 %	6403 – Обувь	132,32	3 %
0206 – Съедобные субпродукты крупного рогатого скота	38,16	2 %	8508 – Пылесосы	125,84	3 %
2106 – Пищевые продукты, не включенные в другие категории	37,76	2 %	8471 – Машины автоматической обработки данных	92,43	2 %
Другое	621,09	28 %	Другое	1925,14	39 %

Данные Центра международной торговли показывают, что у обеих стран есть неиспользованный экспортный потенциал в двусторонних торговых отношениях. Изделия из металлов и продукты рыбной промышленности относятся к числу российских товаров с наибольшим неиспользованным экспортным потенциалом, что позволяет реализовать дополнительный экспорт на сумму 143 млн долларов. Одежда и обувь вносят наибольший вклад в экспортный потенциал Вьетнама на российском рынке, оставляя возможность для реализации дополнительного экспорта на сумму 215 млн долл.

Коммерческие услуги также вносят большой вклад в торговые отношения России и Вьетнама (см. табл. 2), хотя объемы торговли значительно пострадали из-за пандемии. Так, Вьетнам входит в топ-5 стран-экспортеров туристических услуг для россиян. Россия в основном экспортирует во Вьетнам транспортные услуги (воздушный транспорт) и деловые услуги (технические и торговые).

Таблица 2. Динамика двусторонней торговли коммерческими услугами, 2018–2020 гг., тыс. долл. США. Источник: [Статистика 2022]

[*Table 2.* Dynamics of bilateral commercial services trade, 2018–2020 ($thsd)]

Год	Экспорт российских услуг во Вьетнам	Импорт вьетнамских услуг в Россию
2018	173 979	1 141 005
2019	252 440	1 092 121
2020	104 119	435 930

4. Инвестиционное сотрудничество России и Вьетнама

Несмотря на то, что Россия и Вьетнам имеют достаточно давнюю историю сотрудничества, объем взаимных инвестиций весьма скромен. Рассмотрим более подробно потоки прямых иностранных инвестиций (далее — ПИИ) анализируемых стран.

Как видно из рис. 3, динамика общего объема ПИИ (включая участие в акционерном капитале, реинвестированные доходы и долговые инструменты) из Вьетнама в Россию довольно нестабильна. В 2010 г. ПИИ из Вьетнама составили 276 млн долл., однако на долю ПИИ приходилось около 0,64 % всего притока иностранных инвестиций в Россию. После 2010 г. ПИИ из Вьетнама начали снижаться и до 2016 г. были отрицательными, т. е. вьетнамские инвесторы в основном пытались вывести капитал из России, а также вкладывались в долговые инструменты. Графа «участие в капитале», наоборот, демонстрирует положительную динамику. С 2011 г. ПИИ в российские компании постепенно увеличивались, в 2017 г. они достигли пика и составили 42 млн долл. Начиная с 2019 г. общий объем ПИИ из Вьетнама в Россию в основном состоял из инвестиций в компании, доля долговых инструментов и реинвестированной прибыли уменьшилась. В 2021 г. ПИИ из Вьетнама составили 23 млн долл. США (менее 1 % от общего объема поступающих ПИИ в Россию).

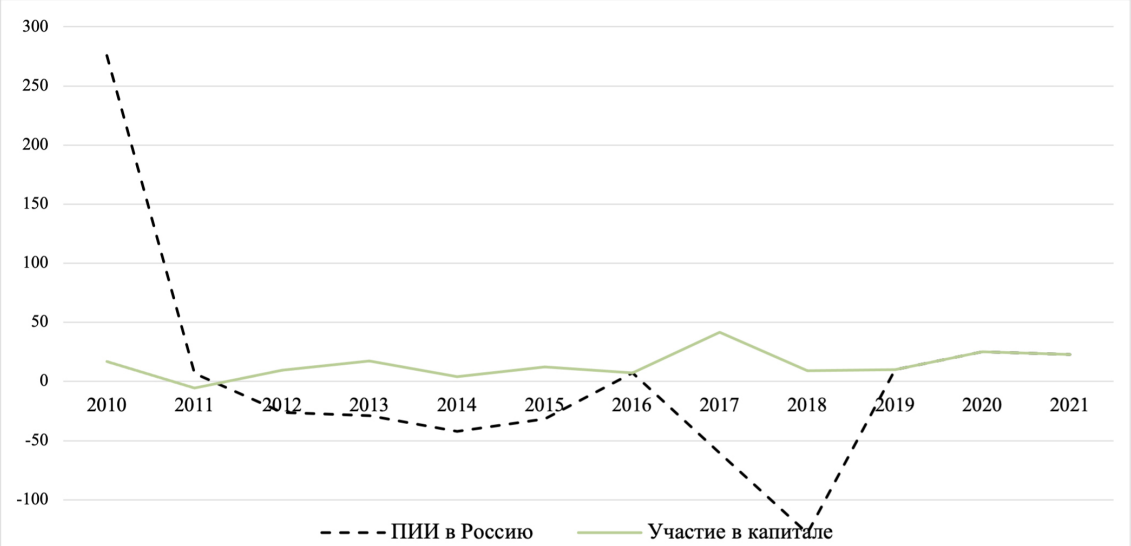

Рис. 3. Динамика ПИИ и участия в капитале из Вьетнама в Россию с 2010 по 2021 г. (в млн долл.) Источник: [Статистика 2022]

[*Fig. 3.* Dynamics of FDI and equity from Vietnam to Russia, 2010–2021 ($mil)]

Следует отметить, что российские инвесторы больше заинтересованы во Вьетнаме, чем вьетнамские инвесторы в российских компаниях. Графики российских ПИИ и долевого участия во Вьетнаме практически одинаковы и имеют положительные значения (см. рис. 4). Таким образом, если вьетнамские инвесторы вкладывали свои средства не только в российские компании, но и в российские долговые инструменты, а также в течение последних десяти лет в основном пытались вывести прибыль из России, то российские инвесторы в основном заинтересованы в непосредственном инвестировании во вьетнамские компании, создание собственных компаний на территории Вьетнама. Сокращение инвестиций со стороны Вьетнама можно объяснить следующими факторами: долгое восстановление страны после мирового финансового кризиса, а также введение санкций против России в 2014 г., которые оказали негативное воздействие на инвестиционный климат нашей страны. В свою очередь наши инвесторы заинтересованы капиталовложениями во Вьетнаме, потому что страна демонстрирует уверенные темпы роста (в среднем 7,8 % в год за последние десять лет). Кроме

того, правительство Вьетнама заинтересовано в создании технопарков и высокотехнологичных кластеров, что также привлекает российских инвесторов. Российские инвестиции достигли своего пика в 2015 г. и составили 177 млн долл. США (0,8 % всех исходящих инвестиций из Российской Федерации). Именно в 2015 г. было подписано соглашение о зоне свободной торговли между Вьетнамом и ЕАЭС.

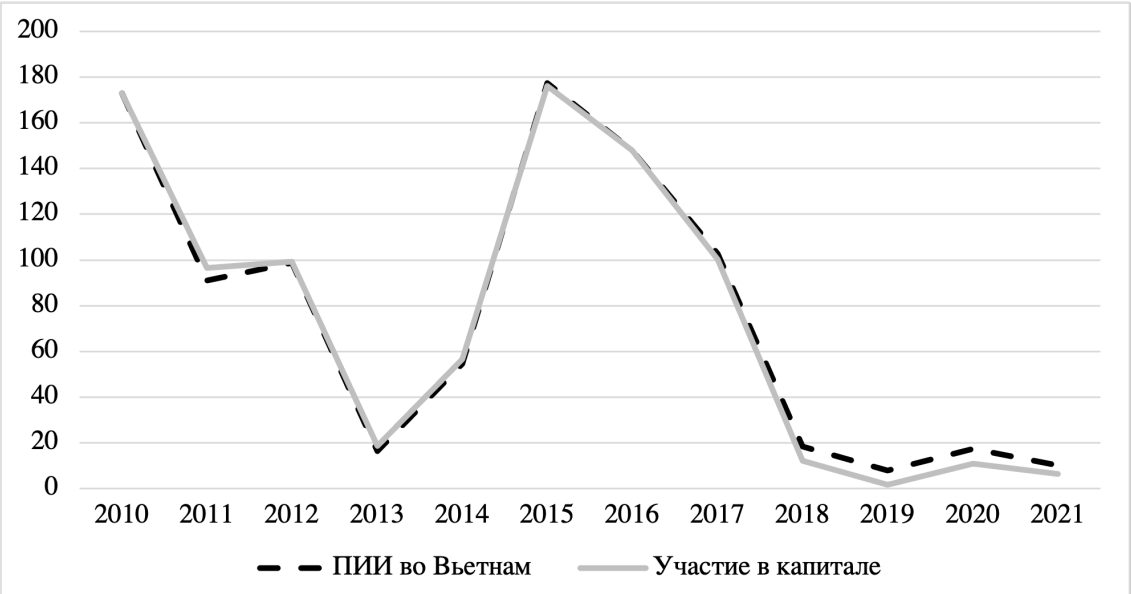

Рис. 4. Динамика ПИИ и участия в капитале из России во Вьетнам с 2010 г. по 2021 г. (в млн долл.). Источник: [Статистика 2022]

[*Fig. 4.* Dynamics of FDI and equity from Russia to Vietnam, 2010–2021 ($mil)]

На сегодняшний день у вьетнамских инвесторов около 19 инвестиционных проектов в России, в основном все они связаны с добычей и торговлей нефтью. Россия и Вьетнам также работают над рядом совместных проектов. Вьетнамская нефтегазовая компания «Петровьетнам» совместно с российской компанией «Зарубежнефть» создали два совместных предприятия — СП «Вьетнампетро» (создано в 1981 г.) и ООО «СК „Русвьетнампетро“ (открыто в 2008 г.). Первая компания разрабатывает месторождения нефти и газа на вьетнамском шельфе, в свою очередь «Русвьетпетро» ведет разработку месторождений в Ненецком автономном округе. В 2014 г. Россия и Вьетнам подписали ряд документов о дальнейшем инвестиционном сотрудничестве, в том числе о создании совместной компании «Газпром нефти» и «Петровьетнам» по разработке нефтяных месторождений.

В 2017 г. президент Вьетнама Чан Дай Куанг встретился с президентом России Владимиром Путиным. По итогам этой встречи лидеры стран договорились о взаимных инвестициях в размере 10 млрд долларов. В дальнейшем планируется увеличить инвестиции в сельское хозяйство и производство лекарственных трав. Кроме того, Россия начала вкладывать капитал в модернизацию старых, а также в строительство новых электростанций Вьетнама. Планируется создать во Вьетнаме совместные предприятия по производству и сборке автомобилей.

В связи с беспрецедентным санкционным давлением со стороны стран ЕС и США, Россия взяла ориентацию на Восток. Вьетнам официально не присоединился к санкциям, что будет способствовать укреплению торговых и инвестиционных отношений между странами.

В 2022 г. российская компания «Росатом» и вьетнамская An Xuan Energy подписали соглашение о сотрудничестве в области ветроэнергетики, в рамках которого планируется построить ветропарк мощностью 128 МВт во вьетнамской провинции Сон Ла [Росатом 2022].

Россия и Вьетнам рассматривают возможность сотрудничества в области развития текстильной промышленности и создания совместных текстильных фабрик в России и Вьетнаме.

Россия также заинтересована в развитии ИТ-решений во Вьетнаме, а именно: в развитии технологий умного города, создании центра кибербезопасности, платформ видеонаблюдения.

5. Тенденции миграции

В новейшей истории миграционные потоки из Вьетнама становятся все более заметными с приблизительным ежегодным оттоком в 6 млн человек. Относительно молодая структура населения формирует значительный демографический потенциал, что закрепляет за Вьетнамом статус страны-донора для международных мигрантов как в регионе, так и в мире. Несмотря на долгую историю двусторонних отношений между Вьетнамом и Россией, привлекательность последней для миграционных потоков остается низкой, и большая часть вьетнамских мигрантов предпочитает США, Австралию, страны Евросоюза, Малайзию, Южную Корею, Китай.

Одной из основных характеристик миграционного обмена между Вьетнамом и Российской Федерацией является постоянный миграционный прирост, который колеблется от нескольких сотен до нескольких тысяч человек. С начала XXI в. приток вьетнамских мигрантов значительно увеличился, достигнув своего пика в 2019 г. К сожалению, эту тенденцию остановила пандемия COVID-19 и вызванные ею ограничения, повлекшие за собой резкое снижение миграционной активности.

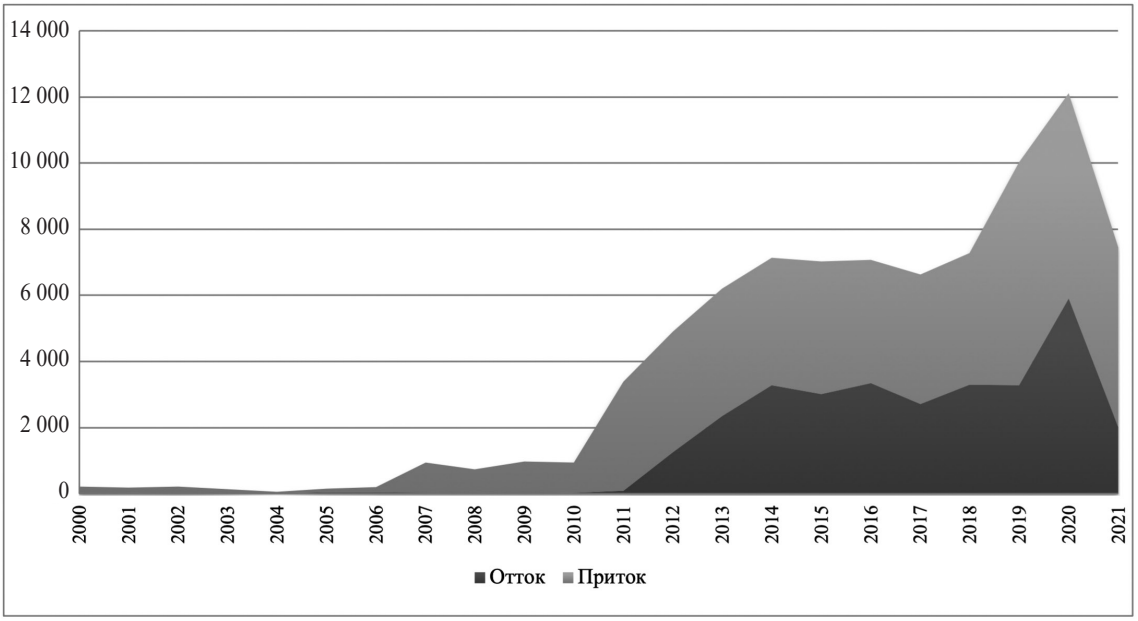

Рис. 5. Приток и отток мигрантов из Вьетнама в Российскую Федерацию. Источник: [Численность и миграция 2022]

[*Fig. 5.* Vietnam-Russia migration inflow/outflow]

Что касается структуры миграционного потока из Вьетнама, то можно с уверенностью сказать, что за последние годы он претерпел значительные изменения. С одной стороны, значительно снизилась доля вьетнамцев, посещающих Российскую Федерацию с деловыми целями, а с другой — до введения ограничений, вызванных пандемией, увеличилась доля лиц, указавших цель своего визита как частную или туристическую (см. табл. 3).

Причиной снижения трудовой миграции можно считать пассивность миграционной политики России или непривлекательность отечественного рынка труда для этого типа мигрантов. Также нельзя забывать о влиянии ограничений Covid на трудовых мигрантов. Данная тенденция является тревожной для России, так как характеризует снижение деловой и трудовой активности как в целом по стране, так и в стратегически важных регионах.

Таблица 3. Показатели миграционной политики России в отношении мигрантов из Вьетнама, 2016–2020 гг.

[Table 3. Indicators of Russia's migration policy on Vietnamese migrants, 2016–2020]

Индикаторы цели визита:	2016	2017	2018	2019	2020
Выданные визы	22 045	25 748	28 566	25 797	17 400
Количество постановок на миграционный учет, включая первичную регистрацию по цели визита	62 553	72 644	83 587	96 345	40 929
	44 996	51 535	55 792	69 386	16 842
Туризм	10 982	9 737	15 053	29 132	1 048
Образование	6 241	6 553	6 724	7 068	3 690
Работа	16 708	21 120	17 407	17 407	7 429
Личные цели	5 201	7 157	11 168	9 986	3 239
Другое	5 864	6 968	5 440	5 793	1 436
Имеют временный вид на жительство в конце соответствующего года	3 117	3 138	3 202	2 446	1 859
Имеют вид на жительство на конец соответствующего года	8 978	9 785	10 104	10 687	11 266
Приняты в гражданство Российской Федерации	287	331	401	474	819

Источник: [Показатели миграционной ситуации 2020].

Вьетнамско-российские образовательные контакты имеют довольно длительную историю. Они достигли своего пика перед распадом СССР, когда в советских вузах обучалось несколько десятков тысяч вьетнамских студентов и аспирантов [Рязанцев, Письменная 2017: 206]. Распад Советского Союза резко сократил поток вьетнамских студентов в Россию.

Потенциал вьетнамской образовательной миграции огромен, что обусловлено молодой структурой населения и быстрым социально-экономическим развитием страны. Но когда дело доходит до привлекательности стран как потенциальных принимающих, образовательные мигранты отдают предпочтение странам, поддерживающим активные программы по их привлечению, среди которых Австралия, Франция, Великобритания, США. Несмотря на то, что Россия входит в первую десятку реципиентов вьетнамских образовательных мигрантов, ее доля неуклонно снижалась: с 10 % всех образовательных мигрантов из Вьетнама в 2008 г. до 3 % — в 2014 г. [Рязанцев, Письменная 2017: 207].

Политика России, направленная на привлечение иностранных студентов, основана на квотировании их приема в российские вузы за счет средств федерального бюджета. Большинство вьетнамских студентов, обучающихся в российских вузах (более 70 %), получают стипендии на основе квотного распределения и межгосударственных соглашений. Квота для вьетнамских студентов является самой большой среди всех стран дальнего зарубежья и достигает почти 700 стипендий. Несмотря на это, число вьетнамских студентов за последнее десятилетие выросло незначительно.

Таблица 4. Количество иностранных студентов, обучающихся в образовательных учреждениях высшего профессионального образования в России, на начало учебного года (тыс. чел.)

[*Table 4.* Numbers of foreign students at university-level institutions of Russia, as of the beginning of the academic year (thousand individuals)]

Показатель	**2010/ 2011**	**2014/ 2015**	**2015/ 2016**	**2016/ 2017**	**2017/ 2018**	**2018/ 2019**	**2019/ 2020**	**2020/ 2021**
Иностранные студенты, всего	153,8	224,6	242,5	244,0	260,1	278,0	298,0	315,1
Из них граждане:								
Дальнее зарубежье	37,1	49,1	54,4	57,2	68,5	79,3	92,1	109,7
Вьетнам	2,4	3,1	3,1	3,3	3,1	3,0	3,1	3,1

Источник: [Иностранные студенты 2021].

Падение количества в 2017 г. вьетнамских студентов как среди всех иностранных студентов, так и студентов из стран дальнего зарубежья свидетельствует о недостаточности мер, принимаемых нашим государством в целях привлечения образовательных мигрантов из Вьетнама. Исходя из того, что обе страны связаны не только историческими и культурными отношениями, но и геополитическими и торгово-экономическими интересами, привлечение вьетнамских студентов в российские вузы является перспективным проектом с геополитической, социально-экономической и демографической точек зрения для обеих сторон. Поэтому для этого России следует более активно заняться популяризацией своего образования на территории Вьетнама, активизировать культурный и научно-образовательный обмен среди молодежи и рассмотреть возможность реализации более открытой миграционной политики по отношению к вьетнамским образовательным мигрантам, предпринимателям, инвесторам и высококвалифицированным специалистам.

6. Выводы

Внешнеэкономические отношения России с Вьетнамом имеют долгую и дружественную историю развития начиная еще со времен существования СССР, когда были установлены дипломатические отношения. На рубеже 2020-х гг. они приобретают новые возможности для своего благоприятного и качественного развития в области торговли, инвестиций, миграции, хотя и существуют препятствующие факторы [Никулина 2021: 199].

После заключения соглашения о свободной торговле между ЕАЭС и Вьетнамом двусторонняя торговля товарами значительно возросла, но все еще оставляет неиспользованный потенциал. Таким образом, структура торговли является взаимодополняющей, но достаточно концентрированной. Среди российских товаров, которые вносят наибольший вклад в развитие взаимной торговли: металлопродукция, удобрения, товары военного назначения, мясо. Вьетнамский экспорт в России состоит из электронных устройств. Тем не менее для повышения качества внешнеторговых отношений необходимо работать над диверсификацией торговых потоков, включая усиление информационно-статистической поддержки наличия экспортных возможностей России и Вьетнама.

На сегодняшний день объем инвестиций между Россией и Вьетнамом незначителен по сравнению с ежегодными объемами инвестиций с другими партнерами. Российские инвесторы заинтересованы в инвестировании в существующие компании во Вьетнаме, а также в создании совместных предприятий и новых предприятий. В свою очередь вьетнамские инвесторы за последние десять лет пытались вывести инвестиции из России или вкладывались в долговые инструменты. В основном инвестиционное сотрудничество между странами базируется в сфере нефтедобычи. В последние годы страны постепенно укрепляют инвестиционное сотрудничество, однако в основном инвестирование происходит со стороны России. Россия начинает вкладываться в сельскохозяйственную промышленность Вьетнама, инфраструктуру, текстильную промышленность и информационные технологии. К сожалению, вьетнамские инвесторы пока не так активны, но это объяснимо санкционным давлением на РФ. Тем не менее сегодня стоит сконцентрироваться на совместных проектах стран на территории Вьетнама.

Анализ, проведенный в статье, показал, что потенциал различных миграционных потоков из Вьетнама остается недооцененным. В настоящее время большинство вьетнамских мигрантов предпочитают Соединенные Штаты, Австралию, страны Европейского союза; Малайзию, Южную Корею и Китай, и это можно объяснить непривлекательной политикой трудовой миграции и недостаточной представленностью страны среди населения. Таким образом, помимо миграционной политики, более активный подход и сосредоточение внимания на укреплении культурных и научно-образовательных связей может привести к повышению миграционной привлекательности и активизации сотрудничества, которое может быть выгодным для обеих стран.

Источники

Внешняя торговля 1982 — Внешняя торговля СССР в 1922–1981 (Юбилейный статистический сборник). М.: Финансы и статистика, 1982. 193 с.

Всеобъемлющее 2019 — Всеобъемлющее стратегическое партнерство с Вьетнамом [электронный ресурс] // Министерство иностранных дел РФ. Внешняя политика. 2019. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticeskoe-dos-e/dvustoronnie-otnosenij-rossii-s-inostrannymi-gosudarstvami/strategiceskoe-partnerstvo-s-v-etnamom/ (дата обращения: 12.08.2022).

Декларация 2001 — Декларация о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам [электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. 28 февраля 2001 г. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3283 (дата обращения: 12.08.2022).

Иностранные студенты 2021 — Иностранные студенты, обучающиеся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры в образовательных организациях высшего образования и научных организациях РФ [электронный ресурс] // Российский статистический ежегодник 2021 (Образование: Высшее образование). Федеральная служба госстатистики. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b21_13/IssWWW.exe/Stg/07-35.docx (дата обращения: 12.08.2023).

Показатели миграционной ситуации 2020 — Показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь–декабрь 2020 года с распределением по странам и регионам [электронный ресурс] // Министерство внутренних дел РФ. Статистика и аналитика. 21 января 2021. URL: https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/22689602/ (дата обращения: 12.08.2022).

Росатом 2022 — «Росатом» собрался построить во Вьетнаме ветропарк мощностью 128 МВт [электронный ресурс] // Интерфакс. Экономика. 25 июля 2022 г. URL: https://www.interfax.ru/business/853714 (дата обращения: 12.08.2022).

Россия и Вьетнам 2014 — Россия и Вьетнам договорились о сотрудничестве в нефтегазовой сфере [электронный ресурс] // РИА НОВОСТИ. 21.11.2014. URL: https://ria.ru/20141125/1035075470.html (дата обращения: 12.08.2022).

Соглашение 2015 — Соглашение о свободной торговле между государствами-членами Евразийского экономического союза и Вьетнамом [электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. Социалистическая Республика Вьетнам. 29 мая 2015 г. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dotp/torgovye-soglasheniya/vietnam.php (дата обращения: 12.08.2022).

Статистика 2022 — Статистика внешнего сектора. Прямые инвестиции [электронный ресурс] // Центральный Банк Российской Федерации. URL https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/ (дата обращения: 12.08.2022).

Численность и миграция 2022 — Численность и миграция населения РФ [электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283 (дата обращения: 12.08.2022).

UN Comtrade 2022 — United Nations Comtrade database [электронный ресурс]. URL: https://comtrade.un.org/ (дата обращения: 12.08.2022).

Sources

Comprehensive strategic partnership with Vietnam. On: Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (official website). Foreign policy. 2019. Available at: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticeskoe-dos-e/dvustoronnie-otnosenij-rossii-s-inostrannymi-gosudarstvami/strategiceskoe-partnerstvo-s-v-etnamom/ (accessed: 12 August 2022). (In Russ.)

Declaration of Strategic Partnership between the Russian Federation and the Socialist Republic of Vietnam. On: President of Russia (official website). Posted on 28 February 2001. Available at: http://www.kremlin.ru/supplement/3283 (accessed: 12 August 2022). (In Russ.)

EAEU–Vietnam Free Trade Agreement. On: Eurasian Economic Commission. Socialist Republic of Vietnam. Posted on 29 May 2015. Available at: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dotp/torgovye-soglasheniya/vietnam.php (accessed: 12 August 2022). (In Russ.)

External sector statistics. Direct investment. On: Bank of Russia (official website). Available at https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/ (accessed: 12 August 2022). (In Russ.)

Foreign students that pursue bachelor's, specialist's and master's programs at universities and academic institutions of Russia. In: Russian Statistical Yearbook 2021 (Education: Higher education). Federal State Statistics Service of

Russia. Available at: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b21_13/IssWWW.exe/Stg/07-35.docx (accessed: 12 August 2023). (In Russ.)

Foreign Trade of the Soviet Union: 1922–1981. Jubilee statistical digest. Moscow: Finansy i Statistika, 1982. 193 p. (In Russ.)

Immigration to Russia by country and region [of origin], January–December 2020. On: Ministry of Internal Affairs of Russia (official website). Statistics and analytics. Posted on 21 January 2021. Available at: https://mvd.rf/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/22689602/ (accessed: 12 August 2022). (In Russ.)

Population and migration numbers (Russia). On: Federal State Statistics Service of Russia (official website). Available at: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283 (accessed: 12 August 2022). (In Russ.)

Rosatom to construct 128 MW wind farm in Vietnam. On: Interfax. Economy. Posted on 25 July 2022. Available at: https://www.interfax.ru/business/853714 (accessed: 12 August 2022). (In Russ.)

Russia and Vietnam agree on oil and gas cooperation. On: RIA Novosti. Posted on 21 November 2014. Available at: https://ria.ru/20141125/1035075470.html (accessed: 12 August 2022). (In Russ.)

United Nations Comtrade Database. Available at: https://comtrade.un.org/ (accessed: 12 August 2022). (In Russ.)

Литература

Аносова 2019 — *Аносова Л. А*. Торгово-инвестиционное сотрудничество России с Вьетнамом: итоги, проблемы, перспектива // Экономика и управление. 2019. № 5(163). С. 4–9.

Изотов 2013 — *Изотов Д. А*. Либерализация российско-вьетнамской торговли: плюсы и минусы для экономики России // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2013. № 6. С. 221–231.

Липкин 2020 — *Липкин М. А.* Совет экономической взаимопомощи: исторический опыт альтернативного глобального мироустройства (1949–1979). М.: Весь мир, 2020. 144 с.

Мазырин 2021 — *Мазырин В. М*. О состоянии российско-вьетнамского стратегического партнерства // Вьетнамские исследования. 2021. Т. 5. № 4. С. 148–161.

Никулина 2021 — *Никулина Е. В.* Совместное заявление о видении развития отношений всеобъемлющего стратегического партнерства между РФ и СРВ на период до 2030 года // Вьетнамские исследования. 2021. Т. 5. № 4. С. 196–205.

Ревенко 2022 — *Ревенко Н.С.* Торгово-экономическое сотрудничество России с Вьетнамом на современном этапе // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 7. С. 83–98.

Рязанцев, Письменная 2017 — *Рязанцев С. В., Письменная Е. Е*. Миграционные планы вьетнамской молодежи в контексте российской политики привлечения образовательных мигрантов // Вьетнамские исследования. 2017. Т. 1. № 7. С. 204–211.

Степанов и др. 2020 — *Степанов Е. А., Туан Фонг Тран, Чиен Тханг Нгуен, Килина И. П., Николаева Е. В., Несытых К. Ю*. Структурные особенности внешней торговли России и Вьетнама // Вестник Челябинского государственного университета: Экономические науки. 2020. № 11(445). Экономические науки, С. 68–78.

Godard 2018 — *Godard S.* The Council for Mutual Economic Assistance and the failed Coordination of Planning in the Socialist Bloc in the 1960s // Christian M., Kott S., Matejka O. (eds.) Planning in Cold War Europe. Competition, Cooperation, Circulations (1950s–1970s). Munich: De Gruyter, 2018. Pp. 187–210.

Li 2018 — *Li Y.* The greater Eurasian partnership and the Belt and Road Initiative: Can the two be linked? // Journal of Eurasian Studies, 2018. No. 9(2). Pp. 94–99.

Mazyrin 2012 — *Mazyrin V*. Russia and Vietnam: Building a Strategic Partnership. In ASEAN-Russia: Foundations and Future Prospects // ISEAS–Yusof Ishak Institute, 2012. No. 1. Pp. 173–183.

Tsvetov 2018 — *Tsvetov A.* Vietnam–Russia Relations: Glorious Past, Uncertain Future. In: H. Le & A. Tsvetov (Eds.), Vietnam's Foreign Policy under Doi Moi // ISEAS–Yusof Ishak Institute, 2018. No. 4. Pp. 141–165.

Vinokurov 2017 — *Vinokurov E.* Eurasian Economic Union: Current state and preliminary results // Russian Journal of Economics. 2017. No. 3(1). Pp. 54–70.

Visenescu 2018 — *Visenescu R. S.* Russian-ASEAN cooperation in the natural gas sector. Lessons from the Russian-Vietnamese relation. Energy Policy. 2018. No. 119. Pp. 515–517.

References

Anosova L. A. Trade and investment cooperation between Russia and Vietnam: Results, problems, and prospects. *Economics and Management*. 2019. No. 5 (163). Pp. 4–9. (In Russ.)

Godard S. The Council for Mutual Economic Assistance and the failed Coordination of Planning in the Socialist Bloc in the 1960s. In: Christian M., Kott S., Matejka O. (eds.) Planning in Cold War Europe. Competition, Cooperation, Circulations (1950s – 1970s). Munich: De Gruyter, 2018. Pp. 187–210. (In Eng.)

Izotov D. A. Liberalization of Russian-Vietnamese trade: Pros and cons for the Russian economy. *Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*. 2013. No. 6. Pp. 221–231. (In Russ.)

Li Y. The greater Eurasian partnership and the Belt and Road Initiative: Can the two be linked? *Journal of Eurasian Studies*. 2018. Vol. 9. No. 2. Pp. 94–99. (In Eng.)

Lipkin M. A. Council for Mutual Economic Assistance: A Historical Pattern of Alternative World Order, 1949–1979. Moscow: Ves Mir, 2020. 144 p. (In Russ.)

Mazyrin V. M. The state of the Russian-Vietnamese strategic partnership. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*. 2021. Vol. 5. No. 4. Pp. 148–161. (In Russ. and Eng.)

Mazyrin V. Russia and Vietnam: Building a Strategic Partnership. In: Sumsky V., Hong M., Lugg A. (eds.) ASEAN-Russia Relations: Foundations and Future Prospects. Singapore: ISEAS–Yusof Ishak Institute; [Moscow:] Moscow State Institute of International Relations, 2012. Pp. 173–183. (In Eng.)

Nikulina E. V. Joint Statement on 2030 Vision for Development of Vietnam–Russia Relations. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*. 2021. Vol. 5. No. 4. Pp. 196–205. (In Russ. and Eng.)

Revenko N. S. Trade and economic cooperation between Russia and Vietnam at the present stage. *Russian Foreign Economic Journal*. 2022. No. 7. Pp. 83–98. (In Russ.)

Ryazantsev S. V., Pismennaya E. E. The migration plans of the Vietnamese youth in the context of the Russian policy of attracting educational migrants. *The Russian Journal of Vietnamese Studies*. 2017. Vol. 1. No. 7. Pp. 204–211. (In Russ.)

Stepanov E. A., Tran T. Ph., Nguyen Ch. T., Kilina I. P., Nikolaeva E. V., Nesytykh K. Yu. Structural features of Russian and Vietnam foreign trade. Bulletin of Chelyabinsk State University. Economic Sciences. 2020. No. 11 (445). Pp. 68–78. (In Russ.)

Tsvetov A. Vietnam–Russia relations: Glorious past, uncertain future. In: Le H. H., Tsvetov A. (eds.), Vietnam's Foreign Policy under Doi Moi. Singapore: ISEAS–Yusof Ishak Institute, 2018. Pp. 141–165. (In Eng.)

Vinokurov E. Eurasian Economic Union: Current state and preliminary results. *Russian Journal of Economics*. 2017. Vol. 3. No. 1. Pp. 54–70. (In Eng.)

Visenescu R. S. Russian-ASEAN cooperation in the natural gas sector. Lessons from the Russian-Vietnamese relation. *Energy Policy*. 2018. Vol. 119. Pp. 515–517. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 4, Pp. 756–768, 2023
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК / UDC 94(47)
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-756-768

Калмыцко-казахские отношения в период откочевки калмыков из России в Китай в 1771 г.

Владимир Толтаевич Тепкеев[1], *Зиябек Ермуханович Кабульдинов*[2]

[1] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
0000-0002-4140-8358. E-mail: tvt75[at]mail.ru

[2] Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова (д. 28, ул. Шевченко, 050010 Алматы, Республика Казахстан)
доктор исторических наук, профессор, директор
0000-0002-9625-0535. E-mail: kabulzia[at]rambler.ru

© КалмНЦ РАН, 2023
© Тепкеев В. Т., Кабульдинов З. Е., 2023

Аннотация. *Введение.* История калмыцко-казахских отношений в XVIII в. требует тщательного и внимательного исследования с привлечением новых архивных данных. История непростых взаимоотношений двух кочевых народов затрагивала разные политические проблемы, в решении которых в первую очередь принимало участие Российское государство. *Цель* статьи — с учетом введения в научный оборот новых архивных сведений проанализировать и дать объективную оценку калмыцко-казахским отношениям в период откочевки калмыков 1771 г., называемой в ряде исследований «Пыльным походом». *Источниковой базой* послужили материалы Национального архива Республики Калмыкия и Исторического архива Омской области, а также опубликованные материалы сборников документов. *Результаты.* На основе источников построена довольно подробная хронология событий калмыцко-казахских отношений в период «Пыльного похода» 1771 г., что дает возможность дальнейшего исследования этой темы. Отгон калмыками скота у казахов Младшего жуза в начале 1770 г. довольно серьезно осложнил калмыцко-казахские отношения накануне откочевки калмыков. Хан Младшего жуза Нуралы предупреждал российские власти о подготовке откочевки калмыков, но так и не нашел серьезного понимания. Попытки Убаши вступить в переговоры с Нуралы-ханом закончились провалом из-за позиции последнего, считавшего, что необходимо немедленно вернуть калмыков на территорию России. Более успешными оказались сепаратные переговоры Аблая и Убаши, которые привели к прорыву калмыков из казахского окружения в сторону китайской границы. Этот факт внес еще больший раскол в среду правящей казахской элиты, которая так и не смогла по-настоящему объединиться после «Пыльного похода».
Ключевые слова: откочевка калмыков в 1771 г., «Пыльный поход», калмыки, казахи, Цинская империя, калмыцко-казахские отношения, XVIII век

Благодарность. Статья подготовлена в рамках реализации государственной субсидии — проекта «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6) и проекта ИРН OR11465469 «Разработка академического издания „История Казахстана с древнейших времен до наших дней“ в семи томах» при финансовой поддержке Министерства высшего образования и науки Республики Казахстан.
Для цитирования: Тепкеев В. Т., Кабульдинов З. Е. Калмыцко-казахские отношения в период откочевки калмыков из России в Китай в 1771 г. // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 4. С. 756–768. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-756-768

Kalmyk-Kazakh Relations during the 1771 Russia-to-China Migration of Kalmyks

Vladimir T. Tepkeev[1], *Ziyabek E. Kabuldinov*[2]

[1] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista, 358000, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Leading Research Associate
0000-0002-4140-8358. E-mail: tvt75[at]mail.ru

[2] Valikhanov Institute of History and Ethnology (28, Shevchenko St., 050010 Almaty, Republic of Kazakhstan)
Dr. Sc. (History), Professor, Director
0000-0002-9625-0535. E-mail: kabulzia[at]rambler.ru

© KalmSC RAS, 2023
© Tepkeev V. T., Kabuldinov Z. E., 2023

Abstract. *Introduction.* The history of eighteenth-century Kalmyk-Kazakh relations needs further detailed insights with the aid of newly discovered (and to be discovered) archival files. The turbulent interethnic contacts were integral to political challenges that were to be faced and solved by the Russian government. *Goals*. The article analyzes some newly discovered (introduced) archival material and attempts a comprehensive account of Kalmyk-Kazakh relations during the Dusty Migration of 1771. *Materials*. The work focuses on available files stored at the National Archive of Kalmykia, Historical Archive of Omsk Oblast, and messages contained in published document collections. *Results*. The study provides a quite detailed chronology of events characterizing Kalmyk-Kazakh relations throughout the mentioned campaign, which shall definitely prove instrumental in conducting further academic insights into the issue. *Conclusions*. The fact Kalmyks had raided livestock of the Junior Jüz Kazakhs in early 1770 did complicate Kalmyk-Kazakh relations on the eve of the Kalmyk Exodus. Khan Nuraly of the Junior Jüz was warning Russian authorities of the Kalmyks' preparatory activities but his messages were never given serious attention to. Ubashi's attempts to negotiate with Khan Nuraly ended in a failure since the latter was upholding a pro-Russian position and insisted that the Kalmyks should be immediately driven back into government-controlled lands. However, separate negotiations between Ablai and Ubashi proved more successful, and resulted in that Kalmyks did break through the Kazakh blockade towards China's borders. The event aggravated the then split within Kazakh political elites, and the latter were never able to well and truly join efforts after the Dusty Migration.

Keywords: Kalmyk Exodus of 1771, Dusty Migration, Kalmyks, Kazakhs, Qing Empire, Kalmyk-Kazakh relations, eighteenth century
Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy (Russian Federation), project no. 122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups'; and co-funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, project no. ИРН OR11465469 'History of Kazakhstan from Earliest Times to Present Days, in Seven Volumes: Preparing the Academic Edition'.
For citation: Tepkeev V. T., Kabuldinov Z. E. Kalmyk-Kazakh Relations during the 1771 Russia-to-China Migration of Kalmyks. *Oriental Studies*. 2023; 16(4): 756–768. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-756-768

1. Введение

История калмыцко-казахских отношений в XVIII в. требует тщательного и внимательного исследования с привлечением новых архивных данных. История непростых взаимоотношений двух кочевых народов в XVIII в. затрагивала разные политические проблемы, в решении которых главным образом принимало участие и Российское государство. Особое место занимает в этих отношениях 1771 г., когда основная масса волжских калмыков ушла из Российской империи в Центральную Азию. В историографии это судьбоносное событие в истории калмыцкого народа получило разные названия: «торгутский побег», «массовый исход калмыков» и т. д. В Архиве внешней политики Российской империи, например, существует дело под названием «Восстание торгоутских калмыков и их бегство из России в Джунгарию». В исторической памяти казахского народа это событие получило название «Шанды жорық» («Пыльный поход»).

Усиление контроля Российской империи над административными делами волжских калмыков, чрезмерные требования к предоставлению для внешних войн калмыцких конных отрядов и потеря основных пастбищ из-за расширения сельскохозяйственных колоний были среди критических факторов, способствовавших решению калмыков перебраться в Джунгарию. Принятию рокового решения способствовала также обстановка на родине предков волжских калмыков, где Джунгарское ханство было разгромлено Цинской империей в 1755–1758 гг., а его население в значительной степени уничтожено. На эти пустующие, по мнению калмыцкой знати, земли и было решено переселиться, причем она надеялась встретить милостивое к себе отношение со стороны цинского двора за то, что привела ему новых подданных. Определенную роль сыграла и агитация высшего духовенства Тибета.

В российской дореволюционной историографии первым, кто описал эти события, был капитан Н. П. Рычков, который в составе отряда генерал-майора М. М. фон Траубенберга участвовал в погоне за калмыками весной 1771 г. В своих дневниковых записях он оставил довольно подробные и интересные сведения о калмыках и казахах в этом событии. Однако эти заметки касаются только действий казахов Младшего жуза и не дают всей полноты масштабной исторической картины [Рычков 1772: 54–55]. Н. Я. Бичурин выделял способность калмыков к высокой степени самоорганизации и вооружению, что позволило им в 1771 г. пробиться через земли и превосходящие силы казахов добраться до Джунгарии [Бичурин 1991: 111].

Среди работ, которые в той или иной мере касались темы калмыцко-казахских отношений в 1771 г., можно отметить исследования М. М. Батмаева [Батмаев 1993], В. И. Колесника [Колесник 2003], Е. В. Дорджиевой [Дорджиева 2002] и др. По мнению В. И. Колесника, «несмотря на все разногласия, калмыки и казахи были и ощущали себя людьми одного, чуждого европейской цивилизации, кочевого мира, которые всегда находили общий язык и для которых непреодолимых расстояний просто не существовало» [Колесник 2003: 209]. Но в конкретном случае договориться им не удалось, так как для казахов «слишком был велик соблазн с помощью русских легко и с выгодой для себя рассчитаться с калмыками за все прошлые обиды» [Колесник 2003: 209].

В целом нужно отметить, что тема ухода калмыков из России в Центральную Азию 1771 г. нашла довольно подробное отражение в историографии. Целью же настоящей статьи является анализ калмыцко-казахских отношений накануне и в период откочевки. Несомненно, эта тема требует более детального исследования с привлечением новых документальных свидетельств того времени.

2. Материалы и методы

Источниковой базой статьи послужили материалы Национального архива Республики Калмыкия и Исторического архива Омской области. Отдельные документы о калмыцко-казахских контактах в указан-

ный период были опубликованы в сборнике «Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов» [Эпистолярное наследие 2014а; Эпистолярное наследие 2014б]. В частности особый интерес представляют письма хана Младшего жуза Нуралы к оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу, в которых довольно подробно говорится о маршруте движения калмыков, местах вооруженных столкновений и их последствиях. Письма хана Среднего жуза Аблая, к сожалению, менее информативны, поскольку он со своим войском присоединился к преследованию калмыков уже на заключительном этапе. Достоверность представленных архивных сведений проверялась путем выявления их происхождения, сравнения и сопоставления с другими источниками, содержащими похожую информацию.

3. Калмыцко-казахские отношения накануне откочевки

На протяжении XVII–XVIII вв. казахи и волжские калмыки имели тесные связи, вплоть до заключения брачных династийных союзов. Например, хан Младшего жуза Абулхаир вел с калмыцкими владельцами переговоры о возможности допуска казахов со скотом на калмыцкие пастбища. В то же время нередки были случаи взаимных набегов, сопровождавшихся угоном скота и захватом пленных. Об одном из таких набегов волжских калмыков из улуса Бамбара на казахов Младшего жуза писал хан Нуралы, сын Абулхаира, генералу оренбургского края И. А. Рейнсдорпу от 23 января 1770 г.: «З имеющих по Яику реке киргизских улусов калмыки весь скот взяли, а затем те же калмыки и еще приехав с двумя военными значками и перелесши за Яик реку на степную нашу сторону имеющийся в домах наших всякого рода вещи обрали, а хотя было и до домашних наших касались, однак люди наши стрелясь с ними отбились» [Эпистолярное наследие 2014б: 179].

Этот случай усугубил ситуацию, сложившуюся между казахами и калмыками. Возмущенный действиями соседей, хан Нуралы пригрозил российским властям в Оренбурге, что, если ему не окажут помощь войсками или не вернут имущество, он самостоятельно справится с калмыками [Новолетов 1884: 43].

Взаимные столкновения на юго-восточной границе казахов и калмыков, российских подданных, не отвечало интересам правительства. Поэтому астраханская и оренбургская администрации делали все возможное, чтобы уладить конфликт. И. А. Рейнсдорп попытался под свои личные и правительственные гарантии успокоить хана Нуралы и заверить в скором возвращении ему отогнанного поголовья скота и лошадей. Однако уже в марте 1770 г. Нуралы перешел к более активным действиям против калмыков, и калмыцким владельцам пришлось с улусами в целях безопасности срочно перебираться на правый берег Волги [Дорджиева 2002: 81–82].

Действия людей Бамбара, зачинщиков конфликта, в калмыцком обществе осуждались, особенно накануне предполагаемой откочевки, которые имели в дальнейшем серьезные последствия.

Со своей стороны Бамбар пытался оправдаться перед властями сложностью разграничения выпаса казахского и калмыцкого скота: «последовавший киргиз-кайсацкого скота отгон зделался ни от чего другого как от того, что калмыки о переходе их на внутреннюю сторону [реки Яика] совсем не ведали и сошлись с ними кочевьями близко, что скот их, которой обыкновенно у обоих сих народов по большей части бывает без пастухов, сошедшись, между собой смешался» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 418. Л. 49].

По мнению Бамбара, эту ситуацию усугубил и недавний отгон скота казахами у калмыцкого владельца Капитана, его племянника: «причем и людей некоторых побили, а других так же увезли к себе, что де услыша, калмыки как ево, так и протчих кочующих тамо владельцев, вдруг со всех мест зделали отгон… кайсацкому скоту» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 418. Л. 49].

Однако были и другие сведения о причинах отгона скота. Четверо неких калмыков из улуса Бамбара, схваченных казахами при набеге, сообщали в яицкой канцелярии, что отгон скота произошел в рамках подготовки калмыцких владельцев к бегству в Джунгарию, который был запланирован на начало следующего года [Дорджиева 2002: 83].

По данным хана Нуралы, полученным от калмыцких пленников, Бамбар призывал своих улусных людей готовиться к возмож-

ной откочевке: «и для того заблаговременно приказывал, чтоб приготовить им провизию лошадей и всякой скот добычею от киргисцов, дабы получа оную добычу передаться в трухменскую сторону или в турецкую область» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 418. Л. 32].

Однако тревожные сигналы хана Нуралы о подготовке откочевки калмыками, хотя и были приняты во внимание правительством, но остались без поддержки. Ответ российской императрицы Екатерины II от 10 февраля 1770 г. на имя хана Нуралы в отношении калмыков состоял в следующем: «они, будучи под высочайшею протекцию ея императорского величества, имеют счастие, как киргиз-кайсацкой народ, пользоваться всеми к жити человеческой нужными выгодностями, а притом и непорочною справедливостью» (цит. по: [Дорджиева 2002: 85]).

4. Начало откочевки калмыков. Стояние на Эмбе

5 января 1771 г. началось общее калмыцкое движение в восточном направлении. В авангарде находилось 10-тысячное войско во главе с владельцами Бамбаром и Шеаренгом, которое должно было обеспечить переправу улусов через Яик, предварительно отогнав конские табуны у казаков и уничтожив оборонительную линию. За северный фланг отвечали владельцы Кирип и Аксахал с 5-тысячным войском, за южный — Моомут-Убаши и Эмеген-Убаши, также возглавлявшие 5-тысячное войско. В арьергарде движения находился Убаши и Цебек-Дорджи с 20-тысячным войском [Очерки истории 1967: 216; Батмаев 1993: 360; Новолетов 1884: 46].

С целью оторваться от возможного преследования калмыки шли с необычайно высоким темпом движения, если взять во внимание, что они гнали с собой скот, численность которого достигала до 500 тыс. голов [Колесник 2003: 203–204].

Но долго придерживаться такого высокого темпа движения было невозможно. Не останавливаясь на Яике, калмыки стали двигаться к верховьям реки Эмбы и 18 апреля появились на ее берегах. Расстояние это составило не менее 400 км, и его преодоление заняло 28 дней, т. е. ежедневный переход составлял 14 км [Колесник 2003: 203–204]. Когда калмыки были уже за Яиком, начались сильные морозы и метели [Новолетов 1884: 47].

По заверениям Шарапа Цой Даржаева, одного из калмыцких посланников от Убаши к Нуралы, калмыцкий народ в большинстве своем движется на восток против своей воли, подчиняясь приказу своих правителей. Это подтверждали и бежавшие из калмыцкого плена казахи [Рычков 1772: 53]. Хошутский владелец Теке, возвращенный со своим улусом с Яика, отмечал: «кроме согласных с наместником владельцев, протчие, а особливо подлой народ, никакой к тому склонности не имеет и с великой прискорбностью и негодованьем откочевал» [НА РК. Ф. И-36. Оп.1. Д. 420. Л. 84].

Спустя две недели российские власти стали вполне адекватно оценивать ситуацию с калмыками, и оренбургский губернатор И. А. Рейнсдорп уже в январе вступил в переписку с казахским ханом Нуралы, отправив к нему 500 казаков во главе с полковником Углецким. Им ставилась определенная задача — перехватить как можно скорее уходивших калмыков. Пытаясь сыграть на довольно сложных казахско-калмыцких отношениях, губернатор 21 января писал Нуралы: «Нынешнею зимою был отбираем с большой строгостью скот от калмыков, забарантованный ими у киргизов, по этой причине калмыки сильно озлобились и решились идти против киргизов большою барантою. Собравшись под началом самого их хана, калмыки намерены прорваться через Яицкую линию в степь, поэтому пусть хан, если казаки как-нибудь случайно не успеют задержать калмыков, разобьет, переловит и доставит всех их в Оренбург» [Юр.-Ко. 1869б: 5]. Но уже 30 января Нуралы-хан писал И. А. Рейнсдорпу: «Волжские калмыки… пробрався через яицкие форпосты, уже на степную сторону перешли» [ИА ОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 114. Л. 119].

В начале февраля корпус Углецкого вышел к месту впадения в р. Илек р. Большой Хобдо, примерно в 250–300 км севернее от основного маршрута движения калмыков, ждал отряды Нуралы-хана. Однако ожидание затянулось, и из-за недостатка продовольствия, наступления морозов и бескормицы полковник А. А. Углецкий вынужден был увести своих людей в Илецкую крепость [Юр.-Ко. 1869б: 5].

24 января Государственный совет в присутствии императрицы Екатерины II заслушал донесения полковника И. А. Кишенского и царицынского коменданта И. Е. Цыплетева «об уходе калмыков» и принял решение: использовать все меры для немедленной остановки и возвращения беглецов на Волгу [Очерки 1967: 216–217].

На следующий день в Астрахань, Царицын, Оренбург и крепости Сибирской линии из Военной коллегии направились курьеры с секретными указами: «чтоб крайнейше старались, сколько и где возможно будет, чинить над означенными бунтовщиками калмыками поиск, везде их разбивать, назад обращать и имущество истреблять, табуны отгонять и в полон их, а найпаче лучших людей и их детей, брать, стараяся, сколько будет возможно, захватить самого наместника ханства» [Юр.-Ко. 1869а: 3].

За время, потребовавшееся на организацию погони, калмыки успели углубиться в казахские земли и смести попавшиеся на пути казахские аулы, яицкое и оренбургское казачество отказалось от опасного преследования калмыков [Добросмыслов 1900: 149].

Неудивительно, что в этих условиях правительство обратилось за казахской помощью, используя давние казахско-калмыцкие конфликты. И. А. Левшин утверждает, что правительство предоставило хану Нуралы и его подданным грамоту с правом вступать в сражения с калмыками и оставлять в своем распоряжении всю захваченную добычу [Левшин 1832: 249].

Генерал И. А. Рейнсдорп давал «ценные» секретные указания по поводу необходимости настроить против бежавших калмыков хана Нуралы, султана Аблая и других известных казахских владетелей степи в письме командующему Сибирским корпусом генерал-поручику И. И. Шпрингеру от 27 января 1771 г.: «Только отсель способов к тому уже не осталось, как токмо писано от меня еще к киргис-кайсацкому Нуралы-хану, дабы он тотчас, собрав киргисцов своих, против них, колмаков, выехал, и старался их разбить и имением их воспользоваться, а самих их, ежели в силах найдется, в здешнюю сторону возвратить… Буде же со всем тем малую к исполнению желаемого надежду предусмотреть изволите, то не можно ли тамошняго Аблай-солтана и протчих киргис-кайсацких старшин на то подвигнуть, чтоб они своим войском против них, колмык, вооружились, и принудили их возвратиться, или, по последней мере, знатную шкоду и зделать» [ИА ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 173. Л. 2].

18 февраля калмыки остановились на Эмбе, т. е. на удалении в 300–400 км от российских крепостей, и стали ждать таяния снегов. Молниеносный бросок от Яика до Эмбы стал тяжелейшим испытанием для людей и, конечно, скота, который стал массово падать, несмотря на свою неприхотливость и выносливость. В это время в степях Северного Прикаспия были сильные морозы и глубокий снег. Для их преодоления нужны были значительные запасы продовольствия и кормов, транспортные средства, организация баз отдыха и т. д. Даже казахам, постоянным обитателям этих мест, в эту зимнюю стужу приходилось тяжело, и они не могли в полной мере организовать преследование калмыков, помешать пересекавшим их владения калмыкам [Колесник 2003: 207]. Яицкие казаки под предлогом отсутствия подножного корма и гололедицы также отказались преследовать калмыков [Юр.-Ко. 1869б: 7].

5. От Эмбы до Мугоджарских гор

Отдых калмыков на Эмбе продолжался менее месяца: 15 марта они впервые подверглись нападению казахов во главе с Нуралы и его братьями — Айгуваком Тугали и Эрали. Первым на одно из отставших калмыцких владений внезапно напал Айгувак, мужчины были перебиты, женщин и детей общим числом 130 человек взяли в плен, а также было отогнано немалое количество скота. В период с 18 по 23 марта имели место новые нападения казахов, но уже ожидавшие их калмыки успешно отразили атаки с большими потерями с обеих сторон. Соединившись с Айгуваком, хан Нуралы попытался совершить нападение на калмыков, но вынужден был отступить. Во время второго нападения Айгувака калмыки столкнулись с неким батыром Джаманкурой, которого успешно разбили, захватив у него лошадей и людей. Казахи Младшего жуза далее не решались на открытые боевые столкновения, но их отряды постоянно курсировали рядом с калмыцкими улусами и нападали на отстающих [Юр.-Ко. 1869в: 5].

В своих письмах к оренбургскому губернатору хан Нуралы сообщал о своих военных успехах против калмыков: «обратя самих их, калмык, в бег, многих мечу предали и три пушки отбили» [Эпистолярное наследие 2014б: 201].

Однако у губернатора И. А. Рейнсдорпа были другие сведения по поводу военных успехов: «у киргис-кайсак с колмаками троекратно схватка была, то посторонние ис тамошних краев выезжие вероятия достойные люди уверяют, только притои киргсцы не в таком успехе находились, как хан описывает, а больше колмыки удачи возымели» [Эпистолярное наследие 2014б: 201].

Он объяснял это следующим: «Калмыки, будучи в российских армиях в употреблении и военному действию обучившись, гораздо против них, киргиз-кайсак, предуспели, и много скота их захватили, и чем принудили их, киргисцов, от себя отступить и возвратиться» [Эпистолярное наследие 2014б: 201].

Долгое нахождение на Эмбе представляло для калмыков большую опасность. Нуралы стал дожидаться подкрепления со стороны отряда полковника М. М. фон Траубенберга и владельцев Среднего и Старшего жузов. Калмыцкие улусы двигались фронтально на 10–15 верст, на такое же примерно расстояние или больше они располагались вглубь. На этом этапе перекочевки Убаши мог обеспечить только авангардное боевое охранение, тыл был открыт, и отстававших подгоняли казахи [Юр.-Ко. 1869в: 5–6].

Менее чем за месяц сформировались казахские отряды для выступления против огромной массы калмыков, от берегов Урала до границ Цинской империи. В восточной части казахских степей калмыков уже ожидали султан Абульфеис, сын Абулмамбет-хана [Добросмыслов 1900: 149–150].

В сражениях с калмыками активное участие приняли практически все чингизиды из трех жузов: Абылай, Нуралы, Султанмамет, Абульфеис, Ирали и другие. Об этом свидетельствует письмо хана Нуралы в адрес своего сына Бегали-султана от 10 февраля 1771 г.: «Ишим, Дженали, Арслан и Аблай солтанами выступил сего дня в поход» [Эпистолярное наследие 2014б: 196]. Нуралы-хан с братом, султаном Айгуваком, также выступил в поход против калмыков [ИА ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 173. Л. 52].

По сообщению Нуралы, в феврале он прибыл в район озера Каракул, где уже не застал калмыков, так как те двинулись по рекам Сагыз и Эмба в сторону Мугоджарских гор. Не дожидаясь подхода всего своего войска, на реке Эмба он вместе с братом смог настичь и разгромить небольшое калмыцкое владение, уничтожив в общей сложности около тысячи калмыков и захватив в плен женщин и детей. Именно с этого времени калмыцкий предводитель Убаши пытается вступить в переговоры с ханом Младшего жуза, отправив к нему зайсанга Туйдугу с мирным предложением. Более того, калмыцкая сторона просила казахского хана и о возможности поселиться в казахских кочевьях [Эпистолярное наследие 2014б: 198].

Однако Нуралы, с общего совета с сыном Ишали-султаном и братом Айгуваком, посоветовал Убаши со своим народом возвратиться на прежние кочевья в российских пределах, «принеся е. и. в. повиновение» [Эпистолярное наследие 2014б: 198].

Казахский хан предложил калмыцкому наместнику даже свое посредничество в примирении с российской властью: «и прощение в преступлении ево от е. и. в. испросить» [Эпистолярное наследие 2014б: 198]. В противном случае Нуралы угрожал Убаши тяжелыми последствиями: «а буде не возвратится, то я со всем моим киргиским народом, соединясь с российским, буду с ним драться, в каковом случае никакого добра видеть он не может» [Эпистолярное наследие 2014б: 198, 199]. Угроза осталась без ответа [Эпистолярное наследие 2014б: 198, 199].

Стоит обратить внимание на то, что казахские подданные Нуралы далеко не все разделяли его позицию по «калмыцкому вопросу». Когда им стало известно об официальном ответе казахского хана, то это вызвало явное недовольство и ропот. Многие считали, что все-таки нужно «с калмыками быть в согласии» [Эпистолярное наследие 2014б: 199], особенно на фоне тех случаев, когда российская сторона упорно отказывалась возвращать казахам беглых пленных калмыков и персов. Нуралы в своем письме предлагал российским властям немедленно урегулировать этот вопрос [Эпистолярное наследие 2014б: 199].

В это время Нуралы продолжал собирать войско, чтобы перейти уже к более активным действиям против калмыков. Он ожидал подхода с отрядом другого своего сына, Пирали-солтана, и брата Ералы, кочевавшего на Сырдарье. Настигнуть калмыков не представлялось сложной задачей, так как переход происходил в довольно сложных условиях, многие калмыки из-за массового конского падежа двигались пешими через Мугоджарские горы, «причем престарелых своих людей бросают» [Эпистолярное наследие 2014б: 199].

Стало известно, что калмыки намеревались перебраться через Иргиз и, двигаясь вдоль Сарыарки, через Жетысу выйти к границам Джунгарии. Например, один из калмыцких разведывательных отрядов столкнулся с ханским отводным караулом, который был полностью уничтожен. Двое пленных казахов сообщили Убаши, что против калмыков выдвигаются практически все казахские войска, что заставило калмыцкую сторону «побег свой продолжать поспешнее» [ИА ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 173. Л. 276].

10 апреля калмыки уже находились в 25 верстах восточнее р. Иргиз [Новолетов 1884: 50]. Получив предписание оренбургского губернатора, М. М. фон Траубенберг 11 апреля выдвинулся из Орской крепости на соединение с ханом Нуралы. Для поддержки вслед за ним выдвинулся крупный отряд войскового атамана Оренбургского казачьего войска полковника В. И. Могутова (3 500 чел.). С Сибирской оборонительной линии по направлению к Орской крепости двигался отряд полковника Титова [Юр.-Ко. 1869в: 7].

6. От Мугоджар до Балхаша

13 апреля Нуралы сообщал фон Траубенбергу, что калмыки уже миновали Мугоджарские горы, и в это время казахи дважды, при Мугоджарах и на реке Ужим, попробовали атаковать калмыцкие улусы, захватив большое число пленных. Калмыки испытывали острый недостаток в конском составе, поэтому многие их люди двигались в пешем порядке, неся на руках малых детей и разное имущество [Рычков 1772: 6].

22 апреля 1771 г. Нуралы сообщал фон Траубенбергу о появлении калмыков на реке Тургай [Рычков 1772: 19]. Калмыки еще более увеличили темп движения, так как расстояние от Иргиза до Тургая, т. е. примерно 175 км, они преодолели за десять дней. Нуралы сообщал, что знатный казахский тархан Даудат собрал весь свой род и стоит с войском на противоположном берегу Тургая, ожидая подхода казахов Старшего жуза. 23 апреля к Нуралы присоединился тархан Кудайберген с тысячным отрядом. Калмыки постоянно увеличивали темп своего движения, и хан просил фон Траубенберга поторопиться [Колесник 2003: 208].

Поскольку казахи постоянно из-за своих нападений затрудняли движение калмыков, то 18 апреля Убаши повторно отправил к Нуралы-хану трех посланцев во главе с Шарап Цой Даржаевым, которые предложили казахской стороне обмен пленными, а также доставили письмо Убаши, в котором, в частности, говорилось: «Издревле небывалое сие весьма большое дело произошло и в смятение нас привело: от стороны российской причиненным нам разорением и противными делами, что мы, торгоуты, вспомня свой закон и отечество, пошли... Россия пусть остается в своем, а мы калмыки и кайсаки, бывали: со злодеями — злодеи, а с мирными — мирные. В последнем случае не за родню ли почитались? При жизни отца моего каким образом бывало? Вы сами знаете, в миру ли мы находились! Хотя большое взаимное воровство бывало, от вас к нам, а от нас к вам посланцы посылаемы бывали... Мы всегда добрыми соседями почитались, а ныне отдалились, однако для лошадиных копыт далеко быть не может» [Юр.-Ко. 1869в: 6].

В ответ Нуралы задержал у себя калмыцких посланцев. 21 апреля двух из них он отпустил, но главного из них, Шарапа Цой Даржаева, хан передал русским властям. В ответном письме Убаши казахский хан оставил следующее замечание: «Вы, оставя свое место, наруша присягу и мне причиня вред, куда хотите уйти? Мы положили за вами, хоть шесть месяцев, намерение, сообщась с российскими войсками, т. е. казаками, драгунами, башкирами и три орды кайсацкие идти, которые со всех сторон вас с артиллериею окружат, не оставят, и до места гнать не оставим... Ежели вы меня почитаете большим своим братом и требуете от меня совета, то возвратитесь в Россию паки; а ежели опасаяся России, то я беру на себя преступление твое упросить, и верьте мне,

что вам за то ничего не воспоследует» (цит. по: [Пальмов 1992: 100]).

Находившийся при хане специальный посланец Н. А. Бекетова, Нурадыл Урусов, отправил с ними одного калмыка с письмом к наместнику и некоторым владельцам, но ответа от них так и не дождался [Батмаев 1993: 363].

Нуралы-хан в своем ответе Убаши назвал совершенно реальную угрозу калмыцкой миграции, причем исходила она не столько от казахских жузов, сколько от российских войск, которые двигались по касательной навстречу калмыкам. По всем расчетам встретиться они должны были в верховьях рек Тургай и Терсаккан. По сообщению капитана Н. П. Рычкова, участника преследования калмыков, казахские и русские отряды встретились 3 мая в урочище Сары Капа, в 20 км к западу от Тургая [Рычков 1772: 53]. На момент соединения отрядов фон Траубенберга и Нуралы калмыки ушли вперед уже на 200 верст [Дорджиева 2002: 112].

12 мая отряды хана Нуралы и фон Траубенберга вышли в район реки Терсаккан, одному из притоков Ишима, где русские из-за тяжелых условий отказались от дальнейшего преследования калмыков. Несмотря на уговоры Нуралы оставить хотя бы с ним русский отряд до тысячи человек и две-три пушки, М. М. фон Траубенберг приказал своим людям возвращаться на север, к Усть-илийской крепости. Вслед за ним прекратил преследование и повернул назад полковник Могутов [Рычков 1772: 78; Левшин 1832: 249–259]. По сообщениям пленных калмыков, если бы российские войска все-таки бы настигли калмыков, то весь простой калмыцкий народ, несмотря на своих владельцев, добровольно перешел под их защиту [Дорджиева 2002: 112].

С продвижением калмыков вглубь казахских степей все новые и новые отряды казахских владельцев присоединялись к их преследованию. Так, Уали-султан в письме к командующему корпусом в Сибири генерал-майору С. К. Станиславскому от 21 мая 1771 г. сообщал: «А отправился в поход навстречю вольским калмыкам. Ибо те калмыки следование очень недалеко наших улусов имеют, и действительно находятца за Ишимом-рекою на реке ж, называемой Нура» [ИА ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 169. Л. 393].

В мае 1771 г. произошло сражение султана Абулфеиса с калмыками в районе Сары Тургай, о чем докладывал 24 мая 1771 г. в своем рапорте командующий в Усть-Каменогорской крепости полковник С. В. Сумороков командующему Сибирским корпусом — генерал-майору С. К. Станиславскому: «Сего маия 20 числа доброжелательной к российской стороне киргиской старшина Мачан-батырь, прибыв сюда, в крепость Усть-Каменогорскую, мне объявил, что-де Умир-батырь получил от Абулфеис-султана чрез нарочного ж киргисца известие: вольские-де калмыки следование свое простирают по реке Сара Тургай, которая де растоянием от вершин реки ж Тобола, по примеру, с месец езды. Ис тех-де калмык наперед с идущей партией у вышеупомянутого Абулфеис-султана было уже и сражение. Причем та калмыцкая партия вся разбита, и в полон киргисцами калмык много взято и по себе разделено» [ИА ОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 173. Л. 328].

Чем дальше углублялись калмыки вглубь казахских земель, тем чаще происходили ожесточенные кровопролитные стычки. Маршрут миграции калмыков пролегал через Урал, Эмбу, Мугоджарские горы, реки Иргиз, Сары-Тургай и Терсаккани. Затем этот путь получил уже более южное направление в сторону Балхаша, поскольку оставалась угроза появления российских войск с Сибирской линии. Калмыки этот отрезок дороги шли более или менее спокойно, имея позади себя только Нуралы-хана, нападавшего на отдельные отстающие партии. В районе Ушун-Кунрада Нуралы соединился с казахами Средней и Старшей орд [Новолетов 1884: 50].

Примерно 10 июня калмыки приблизились к озеру Балхаш и остановились у реки Моинты. Весь маршрут пути пролегал через песчаные и каменистые земли, бедные на какие-либо водные и кормовые ресурсы, в результате чего осенью сильно страдали люди и скот. При приближении к Балхашу калмыки столкнулись с новой трагедией, когда люди и скот бросились пить солоноватую воду озера, оказавшуюся непригодной. В итоге тысячи людей умерли, а также погибло большое количество скота [Новолетов 1884: 50–51].

В этом же месте калмыки были окружены казахскими войсками всех трех жузов

во главе с ханом Нуралы, Аблаем, Урусом, Адилем, Салтамаметом и Абулфеисом. Из русских источников известно, что Убаши вступил в переговоры с казахской знатью, обещая выдать всех не только пленных казахов, но и русских и татар, которых насчитывалось в общей сложности около тысячи человек. Казахская сторона согласилась заключить с калмыками на три дня перемирие, но в третью ночь Убаши с войском внезапно ударил по казахам и прорвал окружение, уйдя на юг [Юр.-Ко. 1869г: 2–3].

Позже, со слов Нуралы-хана, стало известно, что калмыкам удалось выйти из окружения благодаря сепаратным переговорам Аблая. В письменном послании к И. А. Рейнсдорпу хан сообщал: «Аблай-султан с калмыцким наместником ханства Абушею и с протчими владельцами, не дав ему, хану, знать, учинили между собою решение. И как сей наместник с владельцами обещали ему, Аблаю, дать девицу и в приданное холопей, и множество вещей, то потому и по опасности от соседних китайцов, с которыми он сношение имеет, возжелав с ними, калмыками, быть в мире, сделать с ними договор и, доставя им с своей стороны воды, отворил им путь и пропустил, когда они о том никакого известия не имели» [Эпистолярное наследие 2014б: 201], причем о связях Аблая с китайцами сообщал и князь Нурадыл Урусов: султан еще за год до этих событий якобы получил от маньчжурского императора письмо с просьбой не препятствовать переходу калмыков через казахские земли [НА РК. Ф. 35. Д. 18. Л. 54–55].

Позже Аблай пытался объяснить Нуралы мотивы своего поступка, объясняя это хитрой задумкой, которая у него в конечном итоге не удалась: «хотел зделать хитрость, но оплошал» [Эпистолярное наследие 2014б: 201]. Этот шаг Аблая вызвал недовольство не только у хана Младшего жуза, но и у всего казахского войска Средней орды, которое после прорыва калмыков практически полностью вернулось в свои кочевья. Поскольку лошади у казахов Младшего жуза из-за длительного перехода были сильно изнурены, они также вернулись в свои кочевья, только лишь небольшой отряд был отправлен Нуралы для дальнейшего преследования калмыков. Казахи Старшего жуза также отказались от преследования [Эпистолярное наследие 2014б: 201].

Ералы-батыр со своим небольшим войском присоединился к брату Нуралы, когда тот уже возвращался домой. Хотя Ералы и изъявлял желание присоединиться к преследованию калмыков, но старший брат отговорил его от такого шага, объяснив ему, что «народ Средней орды и Аблай-солтан ко вспоможению неспособными оказались» [Эпистолярное наследие 2014б: 202].

7. От Балхаша к китайской границе

В результате прорыва основной массы калмыков из балхашского котла движение теперь разделилось на два потока: к югу и северу от Балхаша. Убаши-хану с основной группой в целом удалось оторваться от казахов, хотя на протяжении оставшегося пути его люди постоянно подвергались набегам казахских и киргизских отрядов. Более трагичной оказалась судьба малой группы, двинувшейся по северному побережью озера.

Первоначально казахи в результате прорыва и маневра Убаши на время потеряли основную группу прорыва калмыков, но затем бросились ее преследовать, не заметив, что на прежнем месте осталось около 20 тыс. калмыков, которые уже не могли двигаться в ускоренном темпе. Эта калмыцкая партия, худоконная и в большинстве пешая, после нескольких дней отдыха под руководством владельца Танжи выдвинулась на Аягуз. Им на прежнем месте пришлось оставить около 500 кибиток калмыков, совершенно не имевших никакого скота и не способных двигаться за другими. Казахи Средней орды под руководством султана Абулфеиса, Салтамамета и других батыров кинулись преследовать именно эту группу калмыков. Весь путь по северному Прибалхашью Танжи и его люди подвергались постоянным казахским нападениям, в результате чего они потеряли убитыми примерно 5 тыс. человек и столько же пленными и умершими от голода. В плен казахи брали только женщин и детей. Остававшиеся у реки Моинты 500 кибиток разгромил казахский сардар Барак-батыр [Юр.-Ко. 1869г: 4–5].

Е. В. Дорджиева отметила, что отставший отряд Танжи подошел к району Тамуха в начале августа [Дорджиева 2002: 16]. Протяженность всего маршрута группы Танжи составляет приблизительно 800 км. 2 ноября 1771 г. Аблай-хан так писал командую-

щему Сибирским корпусом генерал-майору С. К. Станиславскому о войне с волжскими калмыками: «Да в сем году я с тремя сыновьями и четырьмя братами против изменников калмык ходил в поход военною рукою и имел сражение, в коем калмык нами побито тысяч до пяти, да в полон взято до десяти тысяч человек. А кроме их, калмык, тысяч до двадцати, будучи войском нашим гонимы, страдали голодом и множество от того помирало. А напоследок тысячах в десяти кибиток ушли в китайское подданство. По случаю присланных от китайцов ко мне послов, что более калмык нашим войском не тронуть, ибо-де они идут х китайцом в подданство, для чего они и остались уже свободными, и наше войско более за ними в погоню не пошло» [Эпистолярное наследие 2014а: 324].

Маршрут основной массы калмыков был крайне тяжелым и проходил по западному побережью озера Балхаш на юг, вдоль Голодной степи. Убаши рассчитывал тем самым оторваться от преследователей, надеясь, что у тех не хватит мужества следовать за калмыками. Согласно цинским источникам, калмыки прошли через земли казахов, обогнули Балхаш и пустыню Гоби, а в начале июня прибыли на границу, в местность Шалаболэ, что на реке Или: «За все восемь месяцев пути было пройдено 10 с лишним тыс. ли» [Чернышев 1984: 157].

В «Записках о монгольских кочевьях» отмечено: «После неимоверных страданий, понесенных Торгоутами в течение их восьмимесячного странствия от России до Чжунгарии, от холода, голода и в особенности от нападений Киргизов [казахов] и бурутов [кыргызов] в степях, залегающих по Ю.-З-ную сторону оз. Балхаш, жалкие остатки их прибыли в Или; обманувшись в своих ожиданиях сделаться хозяевами этого края, они вынуждены были вступить в подданство Китая» [Чжан му 1895: 438].

8. Выводы

Действия калмыцкого владельца Бамбара в начале 1770 г., связанные с отгоном скота у казахов Младшего жуза, довольно серьезно осложнили калмыцко-казахские отношения накануне откочевки, что в дальнейшем имело неприятные для калмыцкой стороны последствия. Можно предположить, что эта инициатива Бамбара не имела поддержки у большинства калмыцких владельцев, так как шла вразрез с главной стратегией подготовки откочевки калмыков с территории Российской империи. Хан Младшего жуза Нуралы предупреждал российские власти о подготовке откочевки калмыков, но так и не нашел серьезного понимания.

Из документов видно, что Убаши в период движения калмыков от Эмбы до Балхаша дважды пытался вступить в переговоры с Нуралы-ханом, чтобы казахи Младшего жуза позволили калмыкам беспрепятственно пройти через их территорию. Но пророссийская позиция Нуралы, заключавшаяся в немедленном возвращении калмыков на территорию России, каждый раз приводила к их срыву. Точкой в этих переговорах стала выдача казахским ханом российской стороне калмыцкого посланца Шарапа Цой Даржаева. Обращает на себя и тот факт, что в среде казахов Младшего жуза были и сторонники урегулирования отношений с калмыками, выступавшие в том числе и за примирение.

Более удачными были переговоры калмыков с Аблаем, правителем Среднего жуза. Если Нуралы-хан придерживался пророссийской позиции, что в конечном итоге и отразилось на калмыцко-казахских переговорах, то Аблай-хан больше тяготел к китайской стороне. В результате сепаратных переговоров Аблая и Убаши именно это и стало определяющим фактором в возможности прорыва калмыков из казахского окружения в сторону китайской границы. С другой стороны, такая позиция Аблая вызвала недовольство со стороны других казахских представителей, в том числе и войска Среднего жуза. Можно предположить, что Аблай выступал все-таки за построение долгосрочных мирных отношений с калмыками в будущем, что и предопределило данный его поступок.

Откочевка калмыков 1771 г., или «Пыльный поход», через казахскую степь привел к тому, что правители трех жузов, отбросив на время межродовые разногласия, выступили единым фронтом, нанеся калмыкам существенный урон. Вместе с тем это внесло еще больший раскол в среду правящей казахской элиты, которая так и не смогла по-настоящему объединиться после «Пыльного похода». С осени 1771 г. завершился период противостояния казахов с волжскими калмыками, так как междуречье Волги и Яика опустело, и на эту территорию в 1801 г. получила право переселиться часть казахов Младшего жуза (Букеевская орда).

Источники

ИА ОО — Исторический архив Омской области.

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Литература

Батмаев 1993 — *Батмаев М. М.* Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт: в 2 кн. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 382 с.

Бичурин 1991 — *Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Историческое обозрение ойратов, или калмыков, с XV столетия до настоящего времени. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 127 с.

Добросмыслов 1900 — *Добросмыслов А. И.* Тургайская область. Исторический очерк // Известия Оренбургского отделения Императорского Русского географического общества. Оренбург: Тип. Ф. Б. Сачкова, 1900. Вып. 15. 524 с.

Дорджиева 2002 — *Дорджиева Е. В.* Исход калмыков в Китай в 1771 г. Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 2002. 210 с.

Колесник 2003 — *Колесник В. И.* Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М.: Вост. лит., 2003. 285 с.

Левшин 1832 — *Левшин А.И.* Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких орд и степей. Т. 2. СПб.: Тип. К. Крайя, 1832. 333 с.

Новолетов 1884 — *Новолетов М. Г.* Калмыки: исторический очерк. СПб.: Тип. В. Демкина, 1884. 79 с.

Очерки истории 1967 — Очерки истории Калмыцкой АССР / редкол.: Н. В. Устюгов (гл. ред.), И. Я. Златкин и др. Дооктябрьский период. М.: Наука, 1967. 479 с.

Пальмов 1992 — *Пальмов Н. Н.* Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1992. 160 с.

Рычков 1772 — Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в Киргис-Кайсацкой степи, 1771 году. СПб.: При Имп. Акад. наук, 1772. 104 с.

References

Batmaev M. M. Kalmyks in the Seventeenth and Eighteenth Centuries: Events, Personalities, Everyday Life. In 2 vols. Elista: Kalmykia Book Publ., 1993. 382 p. (In Russ.)

Bichurin N. Ya. (Hyacinth) A Historical Survey of Oirats or Kalmyks from the Fifteenth Century to the Present. Elista: Kalmykia Book Publ., 1991. 127 p. (In Russ.)

Chernyshev A. I. Revisiting the 1771 migration of Volga Kalmyks to Dzungaria. In: Khokhlov A. N. (ed.) Society and State in China. Conference abstracts. Vol. 15. Pt. 2. Moscow: Nauka — Vostochnaya Literatura, 1984. Pp. 152–161. (In Russ.)

Dobrosmyslov A. I. Turgai Oblast: A historical essay. *Izvestiya Orenburgskogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 1900. Vol. 15. 524 p. (In Russ.)

Dordzhieva E. V. The 1771 Exodus of Kalmyks towards China. Rostov-on-Don: North Caucasus

Sources

Historical Archive of Omsk Oblast.

National Archive of the Republic of Kalmykia.

Чернышев 1984 — *Чернышев А. И.* О перекочевке волжских калмыков в Джунгарию в 1771 г. // Общество и государство в Китае: тезисы докладов 15-й науч. конф. Т. 15. Ч. 2 / отв. ред. А. Н. Хохлов. М.: Наука, Вост. лит., 1984. С. 152–161.

Чжан му 1895 — *Чжан му.* Мэн-гу-ю-му-цзи (Записки о монгольских кочевьях) / пер. с кит. П. С. Попова. СПб.: Скоропеч. П. О. Яблонского, 1895. 598 с.

Эпистолярное наследие 2014а — Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов. Сб. ист. док-тов в 2-х тт. / введ., биогр., коммент., сост. и ред. И. В. Ерофеевой. Т. I: Письма казахских правителей. 1675–1780 гг. Алматы: АБДИ Компани, 2014. 696 с.

Эпистолярное наследие 2014б — Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов. Сб. ист. док-тов в 2-х тт. / введ., биогр., коммент., сост. и ред. И. В. Ерофеевой. Т. 2: Письма казахских правителей. 1738–1821 гг. Алматы: АБДИ Компани, 2014. 1032 с.

Юр.-Ко. 1869а — *Юр.-Ко*. *(Костенко Ю.)* Бегство калмыков в Китай в 1771 году. Исторический очерк // Уральские войсковые ведомости. 1869. № 6. С. 3–7.

Юр.-Ко. 1869б — *Юр.-Ко*. Бегство калмыков в Китай в 1771 году. Исторический очерк // Уральские войсковые ведомости. 1869. № 7. С. 2–7.

Юр.-Ко. 1869в — *Юр.-Ко*. Бегство калмыков в Китай в 1771 году. Исторический очерк // Уральские войсковые ведомости. 1869. № 8. С. 4–9.

Юр.-Ко. 1869г — *Юр.-Ко*. Бегство калмыков в Китай в 1771 году. Исторический очерк // Уральские войсковые ведомости. 1869. № 10. С. 2–7.

Scientific Center for University-Level Institutions, 2002. 210 p. (In Russ.)

Kolesnik V. I. The Last Great Migration: From Central Asia to Eastern Europe and Back. The Arrival and Exodus of Kalmyks in the Seventeenth and Eighteenth Centuries. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2003. 285 p. (In Russ.)

Kostenko Yu. (Yur.-Ko.) The 1771 Flight of Kalmyks into China: A historical essay. *Ural'skie voyskovye vedomosti*. 1869. No. 6. Pp. 3–7. (In Russ.)

Levshin A. I. Description of Kirghiz-Qazaq or Kirghiz-Kaisak Hordes and Steppes. Vol. 2. St. Petersburg: K. Kray, 1832. 333 p. (In Russ.)

Novoletov M. G. Kalmyks: A Historical Essay. St. Petersburg: V. Demkin, 1884. 79 p. (In Russ.)

Palmov N. N. Kalmyks within the Borders of Russia: A Historical Essay. Second edition. Elista: Kalmykia Book Publ., 1992. 160 p. (In Russ.)

Rychkov N. 1771 Travels in Kirghiz-Kaisak Steppes: Daily Notes of Captain Nikolay Rychkov. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1772. 104 p. (In Russ.)

Ustyugov N. V., Zlatkin I. Ya. et al. (eds.) Essays in the History of Soviet Kalmykia: The Pre-October Era. Moscow: Nauka, 1967. 479 p. (In Russ.)

Yerofeeva I. V. (comp., ed.) Epistolary Heritage of Kazakh Ruling Elites: 1675–1821. Collected historical documents. In 2 vols. Vol. 1: Letters of Kazakh Rulers, 1675–1780. Almaty: ABDI Kompani, 2014. 696 p. (In Russ.)

Yerofeeva I. V. (comp., ed.) Epistolary Heritage of Kazakh Ruling Elites: 1675–1821. Collected historical documents. In 2 vols. Vol. 2: Letters of Kazakh Rulers, 1738–1821. Almaty: ABDI Kompani, 2014. 1032 p. (In Russ.)

Zhang M. Ménggǔ yóumù jì ([Notes on] Mongolian Nomads and Lands). P. Popov (transl.). St. Petersburg: P. Yablonsky, 1895. 598 p. (In Russ.)

Kostenko Yu. (Yur.-Ko.) The 1771 Flight of Kalmyks into China: A historical essay. Ural'skie voyskovye vedomosti. 1869. No. 7. Pp. 2–7. (In Russ.)

Kostenko Yu. (Yur.-Ko.) The 1771 Flight of Kalmyks into China: A historical essay. Ural'skie voyskovye vedomosti. 1869. No. 8. Pp. 4–9. (In Russ.)

Kostenko Yu. (Yur.-Ko.) The 1771 Flight of Kalmyks into China: A historical essay. *Ural'skie voyskovye vedomosti*. 1869. No. 10. Pp. 2–7. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 4, Pp. 769–785, 2023
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК / UDC 94(47).084.9
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-769-785

Реализация государственной политики в области здравоохранения в 1970-е гг. (на примере Калмыцкой АССР)

Маргарита Владимировна Бадугинова[1]

[1] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, научный сотрудник
0000-0002-2805-5818. E-mail: baduginovamv[at]kigiran.com

© КалмНЦ РАН, 2023
© Бадугинова М. В., 2023

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается история развития здравоохранения Калмыцкой АССР, ставшего неотъемлемой частью системы государственного здравоохранения советской страны. Хронологические рамки охватывают периоды IX и X пятилеток, для статистического сравнения в работе частично затрагиваются годы VIII пятилетки. *Целью* исследования являются анализ и выявление особенностей развития сферы здравоохранения в Калмыцкой АССР в 1970-е гг. в рамках реализации государственной политики в области здравоохранения. В работе проанализирована политика государства в годы IX и X пятилеток, охарактеризованы общие условия состояния региона, изменения в бюджетном процессе, непосредственно влиявшие на охрану здоровья в республике, структура капитальных вложений, динамика материального положения системы здравоохранения и вопросы кадрового обеспечения. *Материалы и методы.* В работе использованы документы и статистические материалы Государственного архива Российской Федерации, Национального архива Республики Калмыкия, а также опубликованные источники. В исследовании широко применялся статистический (количественный) метод, позволивший проследить качественные и количественные изменения в системе здравоохранения Калмыцкой АССР на протяжении рассматриваемого исторического периода. С помощью проблемно-хронологического и ретроспективного методов здравоохранение республики рассмотрено в контексте изучаемой исторической эпохи, а также сделан ретроспективный анализ без влияния идеологических факторов. *Результаты.* В исследовании выявлены основные тенденции в организации медико-санитарных служб, описана политика здравоохранения в регионе и стране, подробно рассмотрена нормативно-правовая база, ставшая основой для здравоохранения всей страны. Развитие сети лечебно-профилактических учреждений в 1970-х гг. позволило сделать доступной квалифицированную медицинскую помощь для жителей сельской местности и отдаленных районов республики. Благодаря проводимым мероприятиям расширился объем специализированной помощи как в республиканских, так и в районных лечебно-профилактических учреждениях.

Ключевые слова: история здравоохранения, Министерство здравоохранения РСФСР, Калмыцкая АССР, медицина, капитальное строительство, врачи, медсестры, больницы, поликлиники, диспансеры, фельдшерско-акушерские пункты, система Семашко, советское здравоохранение
Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).
Для цитирования: Бадугинова М. В. Реализация государственной политики в области здравоохранения в 1970-е гг. (на примере Калмыцкой АССР) // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 4. С. 769–785. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-769-785

Implementing State Health Policies, 1970s: A Case Study of the Kalmyk ASSR

Margarita V. Baduginova[1]

[1] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Research Associate
0000-0002-2805-5818. E-mail: baduginovamv[at]kigiran.com

© KalmSC RAS, 2023
© Baduginova M. V., 2023

Abstract. *Introduction.* The article examines the development of Soviet Kalmykia's healthcare that was included into the public health system of the USSR. Chronologically, the study covers the Ninth and Tenth five-year plans, fragmentary insights into the Eighth one to yield comparative statistical data. *Goals*. The work seeks to analyze and reveal some distinct features characterizing the development of Soviet Kalmykia's healthcare throughout the 1970s as part the then state health agenda. The paper focuses on state policies pursued during the Ninth and Tenth five-year plans, describes the region's general conditions, some changes in the budget process which directly influenced healthcare in the Republic, composition of capital investments, dynamics of health-related material support, and staffing issues. *Materials and methods*. The study widely employs the statistical (quantitative) method to trace qualitative and quantitative changes in the health system of the Kalmyk ASSR during the period under consideration. The chronological and retrospective methods make it possible to examine the Republic's healthcare in actual historical contexts and to implement a retrospective analysis free from any ideological factors. The paper considers documents and statistical material from the State Archive of the Russian Federation, National Archive of Kalmykia, and a number of related publications. *Results*. The study reveals some key trends in the organization of medical and sanitary services, delineates public health policies in the region and nationwide, delves into the legislative framework that shaped the basis for public health in the whole country. The medical network development of the 1970s delivered qualified medical services to rural inhabitants and dwellers of remote areas. The undertaken measures improved and diversified health maintenance patterns both in region- and district-level treatment/prevention facilities.
Keywords: history of healthcare, Ministry of Health of the RSFSR, Kalmyk ASSR, medicine, permanent construction, physicians, nurses, hospitals, polyclinics, dispensaries, village first-aid stations, Semashko system, Soviet healthcare
Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups'.
For citation: Baduginova M. V. Implementing State Health Policies, 1970s: A Case Study of the Kalmyk ASSR. *Oriental Studies*. 2023; 16(4): 769–785. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-769-785

1. Введение

Тема развития системы здравоохранения в 1970-е гг. в Калмыцкой АССР в региональном и всероссийском исследовательском пространстве является недостаточно изученной. Цель данной статьи — анализ деятельности органов здравоохранения Калмыцкой АССР в рамках реализации государственной политики в области здравоохранения в период продолжения интенсивного строительства и развития восстановленной республики, который пришелся в основном на годы IX и X пятилеток (1971–1980 гг.). В исследовании рассмотрена политика советского государства в сфере здравоохранения, затрагивается работа региональных органов здравоохранения, материально-техническая база лечебных и профилактических учреждений республики, бюджетная политика в изучаемый период.

В статье впервые освещается деятельность органов здравоохранения Калмыцкой АССР в 1970-е гг., которая до настоящего времени не была изучена и не проанализирована отечественными исследователями, поэтому данная тематика является актуальной. Возможность использования полученных данных для подготовки нормативных документов в области здравоохранения обуславливает практическую значимость исследования.

В разные годы тема развития здравоохранения и медицины неоднократно вызывала интерес у отечественных ученых. Это фундаментальные исследования Б. Д. Петрова [Петров 1962], В. О. Самойлова [Самойлов 1997], Т. С. Сорокиной [Сорокина 2008], П. Е. Заблудовского и других [Заблудовский и др. 1981].

Региональная история здравоохранения также нашла своего исследователя, что отразилось в значительном количестве работ, написанных как в советский период, так и в постсоветский период. Это работа М. Я. Подлужной [Подлужная 1961] по истории медико-санитарного обслуживания промышленных рабочих Западного Урала, Ш. Г. Юлдашева [Юлдашев 1969], освещающая медицину и здравоохранение Узбекской ССР, Г. А. Алексеева [Алексеев 1971], рассмотревшего историю медицины и здравоохранения дореволюционной Чувашии, Л. Н. Казей [Казей 1986], посвященная врачеванию на территории Белоруссии.

На рубеже перестройки выходят исследования З. Р. Аликовой [Аликова 1991] по медицине и здравоохранению Северной Осетии, В. И. Исхакова [Исхаков 1991], описывающего опыт народов Средней Азии в области сохранения здоровья, С. Х. Душманова [Душманов 1992] по истории здравоохранения Западного Казахстана.

В XXI в. отечественная история здравоохранения пополнилась работами Н. М. Матвеевой [Матвеева 2004], осветившей становление и развитие системы здравоохранения и формирование медицинской интеллигенции Бурятии, Т. А. Князькиной [Князькина 2007], описавшей становление и развитие системы по охране здоровья на Камчатке, И. И. Шороховой [Шорохова 2019] — по развитию здравоохранения Тюменской области, и других.

Истории становления и развития здравоохранения и медицины в Калмыкии посвящено немало исследовательских работ. В них в основном рассматриваются дореволюционный и довоенный советский периоды [Команджаев 2009; Иноуэ 2013; Команджаев, Бадмаева, Мацакова 2020; Команджаев, Бадмаева 2021; Бадугинова 2011; Бадугинова 2012; Бадугинова 2014]. В отдельных работах рассматриваются проблемы распространения разных болезней в контексте калмыцкой повседневности [Команджаев, Команджаев 2022], а также бытования народных лечебных практик [Хабунова 2022].

Период после возвращения из депортации калмыцкого народа менее изучен в отечественной историографии. В «Очерках истории Калмыцкой АССР», вышедших в конце 1960 – начале 1970-х гг., тема здравоохранения была недостаточно освещена и ограничилась общим описанием достижений советской власти в республике. Из наиболее значимых работ, посвященных системе здравоохранения, нужно отметить главу в коллективной монографии «История Калмыкии с древнейших времен и до наших дней» [Очиров, Сусеев 2009], в ко-

торой рассматривается развитие здравоохранения республики во 2-й половине XX в.; сборник «Очерки истории здравоохранения Калмыкии» [Сусеев 2006], включающий в себя мемуары и исторические заметки бывшего министра здравоохранения Калмыкии П. Н. Сусеева, занимавшего этот пост с 1971 г. по 1985 г.

Постдепортационный период калмыцкого здравоохранения изучен мало, имеются работы, посвященные первому десятилетию восстановления калмыцкого здравоохранения в конце 1950-х – 1960-е гг. [Бадугинова 2021; Бадугинова 2022].

Дальнейшее развитие калмыцкого здравоохранения частично рассмотрено в книге, посвященной истории развития старейшего лечебного учреждения республики — Республиканской больницы им. П. П. Жемчуева, отметившей в 2002 г. столетний юбилей [Ресбольница 2002].

2. Материалы и методы

Исследование базировалось на архивных материалах и документах, хранящихся в Национальном архиве Республики Калмыкия (далее — НА РК) и Государственном архиве Российской Федерации (далее — ГА РФ). Использованы материалы фондов НА РК: Р-9 «Министерство здравоохранения Калмыцкой АССР», Р-309 «Совет Министров Калмыцкой АССР», Р-1 «Президиум Верховного совета Калмыцкой АССР»; а также материалы фонда А-482 «Министерство здравоохранения РСФСР» ГА РФ.

Благодаря данным, выявленным в этих фондах, изучены состояние и деятельность органов здравоохранения Калмыцкой АССР в 1970-е гг., получены ранее не публиковавшиеся статистические и аналитические сведения. В работе использовались отчеты о сети медицинских учреждений и деятельности как профильного министерства, так и подведомственных организаций; статистические показатели, отчеты и обзоры, переписка с федеральным министерством по вопросам деятельности органов здравоохранения региона.

В исследовании широко использовался статистический (количественный) метод, позволивший проследить качественные и количественные изменения в системе здравоохранения Калмыцкой АССР на протяжении рассматриваемого исторического периода. С помощью проблемно-хронологического и ретроспективного методов рассмотрено здравоохранение республики в контексте изучаемой исторической эпохи, а также предпринята попытка осуществить ретроспективный анализ без влияния идеологических факторов.

3. Политика Советского государства в сфере здравоохранения в 1970-е гг.

Несмотря на то, что 1970-е гг. обычно характеризуются как середина «эпохи застоя», руководством страны в сфере здравоохранения в этот период были запланированы положительные преобразования, реорганизующие существующую систему и улучшающие здоровье населения. Уже в конце 1960-х гг. в разработанных, а затем принятых стратегических документах особое внимание уделялось обеспечению населения бесплатной квалифицированной медицинской помощью, развитию медицинской науки, созданию по всей стране центров по важнейшим видам специализированной медицинской помощи. В июне 1968 г. выходит постановление Верховного Совета СССР «О состоянии медицинской помощи населению и мерах по улучшению здравоохранения в СССР» [Постановление 1968а: 741], а уже в июле 1968 г. принимается постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению здравоохранения и развитию медицинской науки в стране» [Постановление 1968б: 8]. В июньском постановлении в числе первоочередных задач в области охраны здоровья населения были отмечены охрана материнства и детства, доступность медицинской помощи, в том числе специализированной для сельского населения. В июльском документе предусматривалось расширение коечного фонда, открытие специализированных центров по кардиохирургии, нейрохирургии, нефрологии, а также онкологических, стоматологических, психиатрических больниц и больниц скорой медицинской помощи. Особое внимание уделялось мероприятиям по усилению борьбы с туберкулезом, социальному обеспечению врачей, провизоров и среднего медицинского и фармацевтического персонала. С 1969 г. устанавливалось, что строительство лечебно-профилактических учреждений в сельской местности должно осуществляться в комплексе со строительством квартир для медицинских и фармацевтиче-

ских работников. Такой подход должен был обеспечивать закрепление медицинских кадров на селе. Увеличивались государственные ассигнования, выделяемые на развитие науки и медицинской помощи населению, должностные оклады врачей и лаборантов, имеющих ученую степень кандидатов и докторов наук, повышались соответственно на 10 и 20 руб.

В 1968 г. было утверждено новое положение о Министерстве здравоохранения СССР [Положение 1968], осуществлявшем руководство здравоохранением в стране. Этим документом декларировалась единая система здравоохранения СССР, куда входили также Академия медицинских наук СССР, научно-исследовательские учреждения, высшие и средние медицинские и фармацевтические учебные заведения, лечебно-профилактические учреждения и другие подведомственные организации. Вышедшее в 1969 г. положение о Министерстве здравоохранения РСФСР [Положение 1969] по сути дублировало предыдущий документ, с той лишь разницей, что Министерство здравоохранения РСФСР, курируя министерства здравоохранения автономных республик, в свою очередь подчинялось Министерству здравоохранения СССР. В этих двух документах как главный социалистический принцип отмечалась бесплатность здравоохранения, декларировались доступность квалифицированной медицинской помощи и широкая профилактика заболеваний.

Своеобразным итогом этих программных преобразований в сфере здравоохранения стало принятие в декабре 1969 г. закона СССР от 19.12.1969 № 4589-VII «Об утверждении основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении», который вступал в действие с 1 июля 1970 г. [Закон 1969], а также закона РСФСР от 29.07.1971 «О здравоохранении» [Закон 1971], который дублировал положения Закона 1969 г.

В этих законах особо отмечалось, что одной из важнейших задач советского государства является охрана здоровья народа. Правовые гарантии гражданам СССР по охране здоровья были закреплены в Конституции СССР и обеспечивались путем предоставления бесплатной квалифицированной медицинской помощи, расширения сети учреждений для лечения и укрепления здоровья, развития и совершенствования техники безопасности и производственной санитарии, проведения широких профилактических мероприятий, мер по оздоровлению окружающей среды; особой заботой, согласно законодательству, окружалось здоровье подрастающего поколения, включая запрещение детского труда, не связанного с обучением и трудовым воспитанием; констатировалась необходимость развертывания научных исследований, направленных на предупреждение и снижение заболеваемости, на обеспечение долголетней активной жизни граждан [Закон 1969]. Также в документе предусматривались меры по предупреждению и ликвидации инфекционных заболеваний, санитарному просвещению населения, очистке и обезвреживанию промышленных и коммунально-бытовых выбросов, отходов и отбросов, которые могут нанести непоправимый вред здоровью населения.

Отдельные статьи законов были посвящены предоставлению специальных мер профилактики и лечения заболевшим опасными заболеваниями; появилась статья, позволяющая врачам или другим медицинским работникам в случаях, угрожающих жизни больного, использовать бесплатно любой из имеющихся в данной обстановке видов транспорта для проезда к месту нахождения больного или для его транспортировки в ближайшее лечебно-профилактическое учреждение. Специальный раздел был посвящен гарантиям, предоставляемым матери и ребенку по охране их здоровья, он включал несколько статей, по обеспечению матери и ребенка медицинской помощью, сюда также входили лечебно-профилактические меры, меры по укреплению здоровья детей и подростков, предоставление государственной помощи гражданам в осуществлении ухода за детьми и в случае болезни ребенка. Отдельные разделы затрагивали деятельность санаторно-курортных учреждений страны, медицинскую экспертизу, лекарственную и протезную помощь.

Несмотря на то, что закон «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении», по мнению некоторых правоведов, «не отвечал требованиям общества и быстро потерял свою актуальность» [Куранов 2013: 136], о чем свидетельствует большое количество изменений, которые были внесены в 1979 г.,

1984 г. (дважды), 1985 г., 1987 г., 1990 г. (дважды) [Куранов 2013: 137], он гарантировал важное право гражданина — охрану его здоровья государством и бесплатность квалифицированной медицинской помощи. Утверждение о том, что закон 1969 г. не отвечал требованиям общества, сейчас выглядит несколько категорично. Спустя десятилетия мы можем объективно оценить сферу здравоохранения Советского Союза и сравнить с состоянием здравоохранения настоящего времени. Цифры опросов независимого исследовательского агентства IPSOS, проведенных в 2018 г., показали, что лишь 17 % опрошенных имеют доступ к лучшей медпомощи (в мире таковых в среднем существенно больше — 45 %), 27 % сообщили, что получают ее в необходимом объеме. При этом трое из четырех жителей нашей страны заявили, что большинство не имеет доступа к качественному здравоохранению. Данные IPSOS коррелируют с проведенными в сентябре 2020 г. опросами фонда «Общественное мнение»: 49 % уверены, что дела в медицине обстоят плохо, полностью довольны нашей медициной только 10 %. Любопытно, что в 1989 г. в СССР всего 10 % населения высказывали недовольство качеством медицины (данные ЦСУ СССР) [Соколов 2020].

Созданная централизованная и бесплатная система здравоохранения в СССР была разработана коллективом специалистов под руководством Н. А. Семашко. «Целесообразность и эффективность упомянутой системы очевидна, о чем свидетельствует опыт отечественный и ряда европейских государств, которые сегодня реализуют советские принципы здравоохранения — бесплатность и всеобщую доступность. Под влиянием советского здравоохранения на Западе сформировалась собственная бюджетная система медицины, которую часто именуют моделью Бевериджа (она существует, в частности, в Великобритании, Ирландии, Дании, Италии, Испании)» [Чернышов, Стрельченко, Мингазов 2021: 97]. О том, что система здравоохранения, созданная Н. А. Семашко, и политика советского государства в сфере здравоохранения (с учетом некоторой модернизации) до сих пор являются актуальными, говорит тот факт, что в статье, вышедшей в 2021 г. в журнале Высшей школы организации и управления здравоохранением, были озвучены рекомендации по «возврату к здравоохранению, основанному на принципах, заложенных Н. А. Семашко много лет назад: бесплатность и общедоступность медицинской помощи, профилактика заболеваний, санитарная грамотность населения, государственный характер здравоохранения, единство медицинской науки и практики» [Чернышов, Стрельченко, Мингазов 2021: 97].

В конце 1970-х гг. СССР стал отставать от других стран в развитии здравоохранения, это было связано, в том числе, и с недофинансированием отрасли. По данным Министерства здравоохранения и медицинской промышленности Российской Федерации, максимальными доли государственных затрат на здравоохранение в валовом внутреннем продукте (ВВП) были в СССР в 1960 г. — 6,6 % ВВП, в 1970 — 6,1 %, в 1980 — 5,0 %, в 1991 — 2,6 % [Казанцева, Тагаева 2018: 95]. Поэтому на период 1960–1970-х гг. приходится строительство основной базы советского здравоохранения, которая продолжает функционировать до настоящего времени, особенно в регионах страны. В 1970-е гг. выходит ряд нормативных актов Совета Министров СССР, которые дополняют основной закон о здравоохранении 1969 г.: это новое положение о государственном санитарном надзоре в СССР от 31 мая 1973 г. № 361, постановление «О мерах по дальнейшему улучшению стоматологической помощи населению» (1976) и постановление «О мерах по дальнейшему улучшению народного здравоохранения» (1977).

Таким образом, в 1970-е гг. на государственном уровне были разработаны меры, призванные улучшить здоровье и благополучие советского гражданина, а «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении» и «Закон РСФСР о здравоохранении» воплотили в себе основные принципы системы здравоохранения, разработанные первым народным комиссаром здравоохранения Советской России Н. А. Семашко.

4. Финансирование системы здравоохранения в 1970-е гг. в Калмыцкой АССР

1970-е гг. в Калмыцкой АССР считаются периодом стабильности и сравнительного благополучия. К началу десятилетия республика по административно-территориальному составу была разделена на 12 административных районов, в состав кото-

рых входили 54 сельских совета, 7 городских и поселковых советов, были созданы 54 совхоза и 40 колхозов. Ведущей отраслью экономики республики становится сельское хозяйство, преимущественно животноводство, в западных и северных районах также активно занимались земледелием, а в восточных — рыболовством. В этот период на подъеме находятся нефтяная и газовая промышленность, а также мясо-консервная, молочная, строительная промышленность, ремонтные предприятия, швейное и трикотажное производство. Значительно улучшается транспортная инфраструктура региона, появляются новые шоссейные и грунтовые дороги, расширяются авиационная линия и железнодорожные и транспортные перевозки. Наряду с этим развитие получают такие отрасли экономики, как народное образование, культура, наука и здравоохранение. Ставшее частью централизованной системы охраны здоровья СССР, в эти годы калмыцкое здравоохранение продолжает взятый курс на расширение материально-технической базы, рост численности кадров и укрепление здоровья жителей республики.

Министерство здравоохранения Калмыцкой АССР по своей структуре повторяло структуру Министерства здравоохранения РСФСР, как и в других автономных республиках, краях и областях страны. В составе министерства функционировала специально созданная коллегия, при министерстве работали главные специалисты — терапевт, хирург, педиатр и другие. В своей деятельности Министерство здравоохранения Калмыцкой АССР подчинялось непосредственно Совету Министров Калмыцкой АССР и одновременно отчитывалось перед Министерством здравоохранения РСФСР. Возглавлял его министр, который утверждался Верховным Советом Калмыцкой АССР.

Во исполнение постановлений СССР и РСФСР 1968 г. «О мерах по дальнейшему улучшению здравоохранения и развитию медицинской науки в стране» бюро обкома КПСС и Совет министров Калмыцкой АССР в октябре 1968 г. приняли постановление, в котором были прописаны мероприятия по дальнейшему улучшению здравоохранения и развитию медицинской науки в республике [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 732. Л. 1].

Реализация этих программных мероприятий по улучшению медицинского обслуживания населения и доступности высококвалифицированной медицинской помощи нуждалась в увеличении финансирования. В связи с этим бюджет республиканского здравоохранения вырос в два раза — с 6,5 млн руб. в 1965 г. до 11,6 млн руб. в 1971 г. [Дойникова, Сусеев 1967: 183; НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 1024. Л. 5].

В следующей диаграмме показано увеличение бюджета на здравоохранение по годам (в связи с отсутствием архивных данных некоторые годы были пропущены).

Диаграмма 1. Расходы на здравоохранение в Калмыцкой АССР*

[*Diagram 1*. Public health expenditures in the Kalmyk ASSR]

* Для составления таблицы использовались источники: [Дойникова, Сусеев 1967: 183; НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 1024. Л. 5; НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 1557. Л. 85; НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 1208. Л. 80; НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 1241. Л. 117; НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 1796а. Л. 89; НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 1556. Л. 5].

Как видно из диаграммы 1, на протяжении десятилетия бюджет республиканского здравоохранения постепенно увеличивался, за исключением 1977 г. Такая стабильность в финансировании позволила существенно расширить сеть здравоохранения в Калмыцкой АССР, пополнить систему новыми медицинскими кадрами, увеличить коечный фонд, укрепить материально-техническую базу и вести борьбу с заболеваниями. Структура бюджета на протяжении этого времени выглядела следующим образом: значительная часть материальных средств, около 85 %, расходовалась на лечебно-профилактические учреждения, остальная распределялась на работу республиканского медицинского училища, бюро судебно-медицинской экспертизы, санитарно-профилактических учреждений и мероприятия по борьбе с эпидемиями, повышение квалификации врачей, капитальные вложения [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 1208. Л. 79–80]. Значительно увеличился бюджет на закупку медицинского оборудования, мебели, холодильного оборудования, санитарного автотранспорта. Если в 1966 г. на эти цели выделялось 176,8 тыс. руб., то в начале 1970-х гг. ассигнования на приобретение медицинского оборудования увеличились до 400–500 тыс. руб. в год. В 1976 г. лечебно-профилактическими учреждениями для улучшения диагностической работы было приобретено оборудование на 684 тыс. руб., в 1977 г. — на 618 тыс. руб., в 1978 г. — на 740 тыс. руб. В больницы, диспансеры, поликлиники поступили аппараты: фиброгастроскоп, бронхоскоп, электроэнцефалограф, электрорентген-аппараты, флюорографы, люминисцентный микроскоп, микроаструб, нео-диагномакс, РУМ-20, а также лабораторная мебель, санитарные машины для перевозки новорожденных, передвижные бак-лаборатории, автомашины для передвижных бригад по забору крови и для централизованной доставки крови, была внедрена радиотелефонная связь в автомашинах скорой помощи в г. Элисте и г. Городовиковске [Дойникова, Сусеев 1967: 184; НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 1557. Л. 85; НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 1241. Л. 117; НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 1795а. Л. 1].

5. Материально-техническая база здравоохранения и кадровый состав

Рост государственных ассигнований на здравоохранение положительно влиял на развитие системы охраны здоровья в республике, доступность медицинской помощи. К 1970 г. в Калмыцкой АССР увеличивается количество больничных коек, которое составило 3 235 единиц, в том числе в городах и поселках городского типа — 1 635, в сельской местности — 1 600 [Народное хозяйство 1987: 197]. Вместе с тем это был один из самых маленьких показателей в РСФСР, примерно такой же был только в Тувинской АССР — 3 300 коек. Зато обеспеченность населения коечным фондом составляла 120,7 коек на 10 тыс. человек, для сравнения: в РСФСР этот показатель был 113 коек на 10 тыс. человек. Калмыцкая АССР по этому показателю опережала многие регионы страны, например Дагестанскую АССР (80 коек), Татарскую АССР (100 коек), Ставропольский край (96 коек), Ростовскую область (99 коек), Саратовскую область (105 коек) [Народное хозяйство РСФСР 1987: 409, 411]. В следующей таблице представлено распределение коечного фонда.

Таблица 1. Профиль республиканского коечного фонда в городской и сельской местности по специальностям в 1970 г.*

[*Table 1*. Bed capacity by medical specialty in rural and urban districts as of the 1970s]

№	Профиль по специальностям	Количество
1	Общие (только сельская местность)	926
2	Терапевтические	328
3	Инфекционные: в том числе детские	122 20
4	Хирургические	235
5	Для беременных и рожениц	389
6	Патология беременных	30
7	Гинекологические	85

8	Для производства абортов	25
9	Туберкулезные: в том числе детские в том числе торакально-хирургические	690 75 50
10	Психиатрические	100
11	Офтальмологические	15
12	Отоларингологические	20
13	Педиатрические	270
	Всего	3 235

*Таблица составлена по материалам: [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 963. Л. 4].

В республике из числа развернутого коечного фонда наибольшую долю составлял коечный фонд общего профиля — 28,6 %, далее следовали коечные фонды для туберкулезных больных — 21,3 %, для беременных и рожениц — 12 %, терапевтического профиля — 10,1 %, педиатрический — 8,3 %, хирургический — 7,3 %, инфекционный — 3,8 %, психиатрический — 3 % [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 963. Л. 4].

В сельской местности в 1970 г. имелся коечный фонд, относившийся к следующим направлениям: койки общие (926 ед.), терапевтические (90 ед.), хирургические (70 ед.), для беременных и рожениц (249 ед.), гинекологические (25), туберкулезные (175 ед.), педиатрические (65 ед.). Из числа функционирующих коек в сельской местности наибольшее количество составляли общие — 57,9 %, для беременных и рожениц — 15,6 %, туберкулезные — 10,9 % [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 963. Л. 6].

За десятилетие число коек в Калмыцкой АССР выросло, и в 1980 г. насчитывало 4 435 ед., обеспеченность на 10 тыс. населения составила 147 коек, что было выше показателя по РСФСР (130 коек) [Народное хозяйство 1987: 197; Народное хозяйство РСФСР 1987: 411].

К 1970 г. в Калмыцкой АССР функционировало 7 республиканских поликлинических учреждений, 11 районных поликлиник и 60 участковых амбулаторий; прием заболевших также вели 4 врачебных здравпункта и 150 фельдшерско-акушерских пунктов. В соответствии с программными документами страны в республике большое внимание стало уделяться улучшению амбулаторно-поликлинической помощи, особенно в сельской местности, специализированной помощи и повышению профессиональных навыков всех звеньев медицинских работников. В республиканском центре, в поликлинике, прием велся по 28 специальностям, в районных центрах — по 12–14 специальностям, в сельской местности — по 2–3 специальностям. Больничная сеть по сравнению с 1958 г. выросла на 50 %. Все поселки и чабанские точки обслуживались санитарной авиацией, медицинские учреждения всех районных и участковых больниц были обеспечены автотранспортом [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 963. Л. 3, 7, 20].

В этот период появляются новые виды специализированных диспансеров. Если в 1969 г. работали противотуберкулезный, психоневрологический, врачебно-физкультурный диспансеры, то в 1972 г. расширяется сеть этих учреждений и лечебные направления.

Таблица 3. Диспансеры в Калмыцкой АССР*

[*Table 3*. Dispensaries of the Kalmyk ASSR]

№	Диспансеры	1969 г.	1972 г.
1	противотуберкулезный	5	7
2	психоневрологический	1	1
3	врачебно-физкультурный	1	1
4	онкологический	–	1
5	кожно-венерологический	–	1

*Таблица составлена по материалам: [ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 54. Д. 6419. Л. 222об.–223; ГА РФ. Ф. А-482. Оп. 54. Д. 3637. Л. 194об.–195].

Терапевтическая служба Министерства здравоохранения Калмыцкой АССР и работа главного терапевта строились по опыту терапевтических служб соседних областей и республик, а также Министерства здравоохранения РСФСР с учетом местных условий по плану, утвержденному министром здравоохранения республики и одобренному главным терапевтом Министерства здравоохранения РСФСР. Основными задачами в работе главного терапевта являлись:

1) улучшение амбулаторно-поликлинической и стационарной помощи населению, а также изучение вопроса о необходимом количестве врачей-терапевтов, врачей смежных специальностей для республики;

2) укомплектование республиканских, районных и участковых больниц врачами-терапевтами и фельдшерами фельдшерских пунктов.

Если в 1969 г. было укомплектовано врачами-терапевтами всего 30 % больниц, то уже в 1970 г. все районные больницы имели врачей-терапевтов, было организовано участковое обслуживание населения в г. Каспийском, с. Башанте, с. Яшалте, с. Троицкое [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 963. Л. 18].

Между тем слабый рост численности медицинских кадров все еще был большой проблемой для республиканского здравоохранения. Количество врачей всех специальностей в 1970 г. составляло 565 человек, среднего медицинского персонала — 1 943 человека. За десятилетие число врачей выросло на 404 ед. и составило 969 человек, средний медицинский персонал увеличился на 1 398 ед. и составил 3 341 медработник, обеспеченность населения врачами на 10 тыс. населения составила 21,1 ед. в 1970 г. и 32,1 ед. в 1980 г., что было неплохим показателем по сравнению с другими республиками [Народное хозяйство 1987: 196, 198; Народное хозяйство РСФСР 1987: 407].

Таблица 4. Обеспеченность населения врачами по РСФСР на 10 тыс. человек населения

[*Table 4*. Physician/population ratio in the RSFSR per 10,000 citizens]

№	Регионы	1970 г.	1980 г.
1	РСФСР	29,0	40,3
2	Калмыцкая АССР	21,1	32,1
3	Чечено-Ингушская АССР	18,5	25,5
4	Астраханская область	40,7	56,6
5	Ставропольский край	29,8	39,1
6	Татарская АССР	22,6	32,1
7	Бурятская АССР	21,3	30,7
8	Тамбовская область	15,7	25,0

*Таблица составлена на материалах: [Народное хозяйство РСФСР 1987: 407–408].

Уровень обеспеченности медицинскими кадрами являлся важным критерием для оценки качества и доступности медицинской помощи в стране. Высокие показатели по обеспеченности населения врачами на 10 тыс. человек в Астраханской области и Ставропольском крае объяснялись тем, что здесь были открыты медицинские вузы, которые на протяжении многих лет занимались подготовкой медицинских кадров. Студенты, приезжавшие на обучение из других регионов, после окончания учебы старались остаться в крупных городах и местностях с более развитыми социально-инфраструктурными условиями, также на решение остаться в городе, где проходило учеба, влияли благоприятные географически-климатические факторы. В Калмыцкой АССР на протяжении многих лет наблюдалась высокая текучесть кадров, существенной причиной которой было то, что основной контингент медицинских работников составляли молодые «направленцы» из других регионов, которые не хотели работать на периферии со слабо развитой инфраструктурой, отсутствием благоприятных жилищных условий и низкой заработной платой. В 1970-е гг. значительно выросло количество подготовленных медицинских работников из числа местного населения, что позволило

многим жителям республики получать квалифицированную медицинскую помощь.

6. Строительство объектов здравоохранения и развитие специализированной медпомощи

Одной из важных задач в стране было строительство новых объектов здравоохранения. Данный вопрос курировался Министерством здравоохранения РСФСР и Центральным статистическим управлением РСФСР, которое несколько раз в год рассылало руководству регионов сводки о выполнении плана строительства учреждений здравоохранения, где указывался процент выполнения плана капиталовложений по здравоохранению, а также справочные данные по регионам, которые с успехом выполняли намеченный план или отставали в его выполнении [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 1427. Л. 13–14].

Вместе с тем на протяжении этого десятилетия большой проблемой было неудовлетворительное освоение капиталовложений по строительству объектов здравоохранения, основной застройщик — трест «Калмыкстрой» периодически срывал сроки ввода важнейших объектов народно-хозяйственного значения и тем самым существенно тормозил развитие здравоохранения в республике. Такие проблемы были и в жилищном, коммунальном строительстве, на объектах просвещения и культуры [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 1418. Л. 2, 5].

31 декабря 1970 г. государственной комиссией была принята в эксплуатацию республиканская больница на 200 коек. Фактически свою работу она начала в апреле 1971 г. и была расширена до 285 коек. Здесь, помимо 4-х основных отделений, были открыты отделения травматологии, физиотерапевтическое, приемное, патолого-анатомическое, кабинет функциональной диагностики, современная клиническая лаборатория, аптека. В мае 1971 г. при республиканской больнице стала работать консультативная поликлиника, обслуживавшая больных по направлению районных больниц и городской поликлиники, к концу 1970-х гг. прием велся по 19 специальностям. В апреле 1978 г. открылись еще три новых отделения — неврологическое, реанимационно-анестезиологическое и уро-проктологическое [Ресбольница 2002: 11, 33, 35; НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 1028. Л. 46].

Большое внимание в Калмыцкой АССР уделялось развитию медицинской помощи и охраны здоровья женщин и детей. В июле 1975 г. Совет Министров Калмыцкой АССР принял постановление «О мероприятиях по дальнейшему улучшению условий труда и быта женщин, охраны здоровья матери и ребенка в республике». В соответствии с документом в республиканской детской больнице было открыто отделение на 60 мест для детей грудного возраста, где была организована централизованная подача кислорода нуждающимся. Стало работать детское хирургическое отделение, открыты пункты по раздаче детского питания в микрорайонах города, расширены детские отделения, открывались женские консультации в районах республики. За период 1970–1975 гг. число женских и детских консультаций выросло с 25 до 33 единиц [НА РК. Ф. Р-309. Оп. 1. Д. 1584. Л. 37; Народное хозяйство 1987: 198]. При районных больницах организовывались детские отделения, в 1975 г. было начато строительство многопрофильной детской больницы с поликлиникой на 500 посещений с вводом в эксплуатацию в 1979 г. за счет капитальных вложений на строительство объектов здравоохранения по республике. Советом Министров Калмыцкой АССР было принято постановление от 10.08.1974 № 316 «О дальнейшем развитии промышленного производства продуктов детского питания», в соответствии с которым было начато производство витаминизированного и пастеризованного молока, кисло-молочных напитков и мясной продукции [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 1145. Л. 17, 69].

Для улучшения медицинской помощи сельскому населению за период 1971–1974 гг. были построены по типовым проектам районная больница в п. Цаган-Аман на 120 коек, районная больница в п. Ики-Бурул на 50 коек, Виноградненская участковая больница на 50 коек (Городовиковский район), больница на 35 коек в совхозе «40 лет ВЛКСМ» (Приютненский район), больница в совхозе «Октябрьский» (Яшалтинский район), больница на 50 коек в совхозе «Улан-Эрге» (Яшкульский район), туберкулезная больница в Приозерном районе, а также инфекционный корпус республикан-

ской больницы на 40 коек, центральный аптечный склад и склад медицинского оборудования, база конторы «Медтехника», два корпуса республиканской санитарно-эпидемиологической станции (СЭС), пристройка к городской поликлинике (г. Элиста), пристройка к старому зданию республиканской больницы на 50 коек, пристройка к детской республиканской больнице на 50 коек, общежитие медицинского училища [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 1145. Л. 71–72].

Все районные больницы были расширены, увеличился их коечный фонд. За четыре года IX пятилетки за счет ввода новых больниц коечная сеть была увеличена на 580 коек, и обеспеченность населения больничными койками на 10 тыс. населения в 1975 г. составила 141,8, что было выше, чем в среднем по РСФСР. Были открыты 13 новых фельдшерских пунктов, организованы онкологический и кожно-венерологический диспансеры. Лечебно-профилактические учреждения за последние четыре года IX пятилетки получили оснащение и оборудование на 1,5 млн руб., также продолжалось строительство объектов здравоохранения в п. Яшкуль, г. Каспийском, п. Садовое, п. Малые Дербеты, совхозе «Калмыцкий» (Малодербетовского района) [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 1145. Л. 71–72].

За годы IX пятилетки (1971–1975) были построены 4 аптеки, в том числе 3 из них — на Черных землях для улучшения обслуживания животноводов отгонных пастбищ. В 1972 г. введены в действие типовой аптечный склад, специализированный магазин «Оптика», было капитально отремонтировано 19 аптек, реконструировано здание старого аптечного склада под контрольно-аналитическую лабораторию и оптическую мастерскую. К 1976 г. население республики обслуживали 32 аптеки, 6 аптечных пунктов первой группы и 196 пунктов второй группы. В этот период снижается нагрузка по количеству обслуживаемого населения на одну аптеку. В 1970 г. нагрузка на одну аптеку составляла 9,7 тыс. человек, в том числе в сельской местности — 11,1 тыс. человек, в 1976 г. она уменьшилась до 8,6 тыс. человек в городе и 7,9 тыс. человек — на селе [НА РК. Ф. Р-1. Оп. 4. Д. 891. Л. 26–28].

Существенно расширился ассортимент медикаментов, улучшилось снабжение лечебных учреждений и населения эндокринными препаратами, отечественными антибиотиками, гипотензивными, антигистаминными, витаминными препаратами, появились новые формы обслуживания: по телефону стали приниматься заказы от врачей на изготовление лекарств, доставляться на дом медикаменты для тяжелобольных пациентов, о поступлении медикаментов стали извещать специальными открытками [НА РК. Ф. Р-1. Оп. 4. Д. 891. Л. 26–28].

Для обеспечения лечебных учреждений республики медицинским оборудованием, инструментарием и мебелью, а также для установки и обслуживания медицинской техники в 1965 г. начала работу контора «Медтехника», в состав которой входили специализированный магазин и ремонтно-монтажная мастерская. За период 1970–1976 гг. «Медтехникой» были оснащены и введены в эксплуатацию Юстинская, Ики-Бурульская, Улан-Эргинская, Приютненская, Яшкульская, Каспийская, Сарпинская, Мало-Дербетовская больницы, республиканская СЭС, инфекционный корпус при республиканской больнице, республиканская стоматологическая поликлиника. Многие районные больницы получили импортное рентгеновское оборудование, республиканская больница получила на баланс передвижную врачебную амбулаторию на основе автомобиля ГАЗ-66, онкологический диспансер был оснащен японским фиброгастроскопом, а стоматологическая поликлиника — новейшими стоматологическими установками и креслами с гидравлическим приводом. В 1976–1980 гг. было запланировано строительство и введение в эксплуатацию республиканской детской больницы на 300 коек с поликлиникой на 500 посещений, детской молочной кухни на 10 тыс. порций, пристройки к роддому на 100 мест, пристройки к городской поликлинике для физиоотделения, отделения телегаммотерапии при онкологическом диспансере, Яшалтинской центральной районной больницы (ЦРБ) на 150 коек [НА РК. Ф. Р-1. Оп. 4. Д. 891. Л. 89–94].

С целью приблизить специализированную медицинскую помощь к сельскому населению активно формировались и развивались межрайонные отделения на базе зональных центров, сосредоточенных в 3 центральных районных больницах: в юго-восточной части для обслуживания Каспийского и Черноземельского районов, в западной ча-

сти — для Городовиковского и Яшалтинского районов, на севере — для Октябрьского, Сарпинского и Малодербетовского районов.

Узкоспециализированная медицинская помощь оказывалась в республиканских учреждениях, а по сердечно-сосудистой патологии, ожогам и т. д. — в межобластных специализированных центрах (Волгоград, Ростов, Саратов, Астрахань, Казань), в клинических центрах Москвы. Республика получала лечебную, консультативную, организационно-методическую помощь по акушерству и детству от Ростовского НИИ акушерства и педиатрии, по туберкулезу — от НИИ туберкулеза Минздрава РСФСР, по ортопедии и травматологии — от Саратовского НИИ, по кожно-венерологическим заболеваниям — от Казанского НИИ, по сердечной хирургии — от Куйбышевского НИИ. Волгоградский медицинский институт помогал Калмыкии в становлении стоматологической службы, Астраханский медицинский институт им. Луначарского шефствовал над подготовкой интернатуры [Очиров, Сусеев 2009: 595–596].

К концу 1970-х гг. на территории Калмыцкой АССР функционировало 4 республиканских, 13 районных, 58 участковых больниц, 195 фельдшерско-акушерских пунктов, 6 врачебных здравпунктов, специализированные диспансеры, городская поликлиника, туберкулезный санаторий, роддом, республиканская детская больница, стоматологическая поликлиника [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 1657. Л. 4–5]. В 1979 г. завершилось строительство медицинского училища на 630 мест, которое было торжественно открыто в январе 1980 г. [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 1796а. Л. 93].

7. Заключение

Бесплатное здравоохранение стало важным достижением советского государства в социальной политике. Вместе с тем неравномерное распределение бюджета по субъектам страны напрямую влияло на развитие здравоохранения на местах. Статус региона, развитость его инфраструктуры и экономики больше привлекали специалистов, это видно по данным о количестве врачей и средних медработников в каждом регионе, количестве лечебно-профилактических учреждений. В Калмыцкой АССР продолжение курса по доступности медицинской помощи для населения страны в исследуемый период способствовало увеличению численности врачей и медицинского персонала по сравнению с показателями других регионов. Теперь квалифицированную помощь могли получить жители сельской местности и отдаленных районов республики. Благодаря проводимым мероприятиям расширился объем специализированной помощи как в республиканских, так и в районных лечебно-профилактических учреждениях. Были открыты наркологические, аллергологические, проктологические, косметологические кабинеты, начали проводить для пациентов иглорефлексотерапию. В связи с укреплением материально-технической базы поликлиник была улучшена работа регистратур, упорядочен прием больных, введена самозапись, предварительная запись, в том числе запись по телефону при поликлинике в г. Элисте. Одним из достижений стало то, что во всех участковых больницах имелись медицинские сестры по лабораторной диагностике, что позволило быстро проводить лабораторные исследования. Помимо капитальных вложений за счет бюджета профильного министерства, стало практиковаться инициативное строительство. На средства, выделенные за счет субботников, был построен родильный дом на 100 коек в г. Элисте, за счет средств министерства мелиорации и водного хозяйства были введены в строй больницы в Малодербетовском и Октябрьском районах, по такому принципу строились участковые больницы в Черноземельском и Яшкульском районах [НА РК. Ф. Р-9. Оп. 2. Д. 1795а. Л. 2–3]. Несмотря на то, что многие медицинские учреждения, особенно в сельской местности, все еще размещались в неприспособленных помещениях, увеличилась сеть больниц, поликлиник, особенно выросли по численности фельдшерско-акушерские пункты. Появились специализированные диспансеры — физкультурный, онкологический, туберкулезный, кожно-венерологический, женские консультации, новые аптеки. Рост коечного фонда также существенно расширил возможности получения медицинской помощи в условиях стационара, что в свою очередь повышало качество жизни жителей степного региона.

Источники

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации.

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Sources

State Archive of the Russian Federation.

National Archive of the Republic of Kalmykia.

Литература

Алексеев 1971 — *Алексеев Г. А.* История медицины и здравоохранения дореволюционной Чувашии: автореф. дисс. … д-ра мед. наук. М., 1971. 36 с.

Аликова 1991 — *Аликова З. Р.* История медицины и здравоохранения в Северной Осетии: автореф. дисс. … канд. мед. наук. М., 1991. 24 с.

Бадугинова 2011 — *Бадугинова М. В.* Роль «красных кибиток» в системе охраны здоровья населения Калмыкии в 1927–1931 гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 2. С. 37–41.

Бадугинова 2012 — *Бадугинова М. В.* Борьба со вспышкой эпидемии чумы в Калмыцкой АССР и Сталинградской области в 1937–1938 гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 2. С. 108–113.

Бадугинова 2014 — *Бадугинова М. В.* Экспедиция П. Ю. Берлина в Калмыкию (1925 г.) и ее значение в развитии здравоохранения республики // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 3. С. 30–36.

Бадугинова 2021 — *Бадугинова М. В.* Здравоохранение Калмыкии после возвращения калмыков на родину в 1957 г. // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 5. С. 972–980. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-972-980

Бадугинова 2022 — *Бадугинова М. В.* Первая семилетка. Калмыцкое здравоохранение в 1959–1965 гг. // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 1. С. 37–48. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-1-37-48

Дойникова, Сусеев 1967 — *Дойникова Е. А., Сусеев П. Н.* На страже здоровья // 50 лет под знаменем Октября. Элиста: Калмиздат, 1967. С. 160–186.

Душманов 1992 — *Душманов С. Х.* История здравоохранения Западного Казахстана: автореф. дисс. … д-ра мед. наук. М., 1992. 29 с.

Заблудовский и др. 1981 — *Заблудовский П. Е., Крючок Г. Р., Кузьмин М. К., Левит М. М.* История медицины. М.: Медицина, 1981. 352 с.

Закон 1969 — Закон СССР от 19.12.1969 № 4589-VII (ред. от 22.05.1990) «Об утверждении основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении» [электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/9021016 (дата обращения: 15.05.2023).

Закон 1971 — Закон РСФСР от 29.07.1971 «О здравоохранении» [электронный ресурс] // URL: Официальный интернет-портал правовой информации. http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102010126&backlink=1&&nd=102010125 (дата обращения: 15.05.2023).

Иноуэ 2013 — *Иноуэ Т.* О разработке «Положения об оспопрививании в калмыцких улусах» (1839): по материалам переписки И. С. Тимирязева и П. Д. Киселева // Астраханские краеведческие чтения: сб. ст. Астрахань: Сорокин Р. В., 2013. Вып. 5. С. 191–195.

Исхаков 1991 — *Исхаков В. И.* Исторический опыт народов Средней Азии в области сохранения здоровья и его значение для формирования здорового образа жизни на современном этапе: автореф. дисс. … д-ра мед. наук. М., 1991. 48 с.

Казанцева, Тагаева 2018 — *Казанцева Л. К., Тагаева Т. О.* Общественное здоровье и проблемы здравоохранения в России и регионах // Экономика Сибири в условиях глобальных вызовов XXI века: сб. статей в 6 тт. / под ред. Г. П. Литвинцевой, О. И. Гулаковой. Т. 1: Социальные детерминанты развития Сибири в пространстве и во времени. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2018. С. 90–104.

Казей 1986 — *Казей Л. Н.* Физическое развитие, болезни и врачевание людей на территории Белоруссии по антропологическому материалу (с X по XIX века): автореф. дисс. … д-ра мед. наук. М., 1986. 57 с.

Князькина 2007 — *Князькина Т. А.* Становление и развитие здравоохранения на Камчатке в период с 1917 г. по 1991 г.: автореф. дисс. … канд. ист. наук. Петропавловск-Камчатский, 2007. 22 с.

Команджаев 2009 — *Команджаев А. Н.* Система здравоохранения в начале XX века // История Калмыкии с древнейших времен и до наших дней: в 3 тт. Т. 3. Элиста: Герел, 2009. С. 576–581.

Команджаев, Бадмаева, Мацакова 2020 — *Команджаев А. Н., Бадмаева С. Е., Мацакова Н. П.* Из опыта борьбы с эпидемическими заболеваниями в Калмыкии: эпидемия чумы

1914 г. // Oriental Studies. 2020. № 3. С. 533–545. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-533-545

Команджаев Бадмаева 2021 — *Команджаев А. Н., Бадмаева С. Е.* Эпидемические заболевания в Калмыцкой степи Астраханской губернии в конце XIX – начале XX в. // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 1. С. 43–55. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-53-1-43-55

Команджаев, Команджаев 2022 — *Команджаев А. Н., Команджаев Е. А.* «Живем в Калмыцкой степи обыкновенно, как и другие живут». Ики-Хурулов род на рубеже XIX–XX вв. // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 3. С. 524–546. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-3-524-546

Куранов 2013 — *Куранов В. Г.* Развитие медицинского законодательства в России в советский и современный период // Пермский медицинский журнал. 2013. Т. XXX. № 6. С. 133–139.

Матвеева 2004 — *Матвеева Н. М.* История становления и развития системы здравоохранения и формирование медицинской интеллигенции Бурятии (1923–1991 гг.): автореф. дисс. … канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2004. 26 с.

Народное хозяйство 1987 — Народное хозяйство Калмыцкой АССР за 70 лет. 1917–1987. Юбилейный стат. сб. Элиста: Калмстат, 1987. 224 с.

Народное хозяйство РСФСР 1987 — Народное хозяйство РСФСР за 70 лет: стат. сб. М.: Финансы и статистика, 1987. 472 с.

Очиров, Сусеев 2009 — *Очиров У. Б., Сусеев П. Н.* Развитие здравоохранения республики во 2-й половине XX века // История Калмыкии с древнейших времен и до наших дней: в 3 тт. Т. 3. Элиста: Герел, 2009. С. 591–607.

Петров 1962 — *Петров Б. Д.* Очерки истории отечественной медицины. М.: Медгиз, 1962. 303 с.

Подлужная 1961 — *Подлужная М. Я.* История медико-санитарного обслуживания промышленных рабочих Западного Урала: автореф. дисс. … канд. мед. наук. Пермь, 1961. 19 с.

Постановление 1968а — Постановление Верховного Совета СССР от 26.06.1968 «О состоянии медицинской помощи населению и мерах по улучшению здравоохранения в СССР» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сб. док. за 50 лет. Т. 6: 1966 – январь-июнь 1968 гг. / сост. К. У. Черненко, М. С. Смиртюков. М.: Политиздат, 1968. С. 741–744.

Постановление 1968б — Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 5.07.1968 «О мерах по дальнейшему улучшению здравоохранения и развитию медицинской науки в стране» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сб. док. Т. 7: июль 1968 г. – 1969 г. / сост. К. У. Черненко, М. С. Смиртюков. М.: Политиздат, 1970. С. 8–19.

Положение 1968 — Постановление Совмина СССР от 17.07.1968 № 548 «Об утверждении Положения о Министерстве здравоохранения СССР» [электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=467#KPsCQgT0fAK3P84B1 (дата обращения: 15.05.2023).

Положение 1969 — Постановление Совмина РСФСР от 1.04.1969 № 197 «Об утверждении положения о Министерстве здравоохранения РСФСР» [электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3236#PIKAQgTgFhn2dC7m (дата обращения: 15.05.2023)

Ресбольница 2002 — Республиканская больница им. П. П. Жемчуева (1902–2002). История. События. Люди / авт.-сост.: Д. Е. Буджалов, Н. Ю. Долгина, Т. М. Настаева, Л. И. Щеглова. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 176 с.

Самойлов 1997 — *Самойлов В. О.* История российской медицины. М.: Эпидавр, 1997. 200 с.

Соколов 2020 — *Соколов А.* Деньги не лечат: к чему ведет реформа здравоохранения [электронный ресурс] // Ведомости. 15.10.2020. URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/10/14/843300-dengi-lechat (дата обращения: 15.05.2023)

Сорокина 2008 — *Сорокина Т. С.* История медицины. М.: Академия, 2008. 560 с.

Сусеев 2006 — *Сусеев П. Н.* Очерки истории здравоохранения Калмыкии (Воспоминания министра) / отв. ред. У. Б. Очиров. Элиста: НПП «Джангар», 2006. 296 с.

Хабунова 2022 — *Хабунова Е. Э.* Народные знания калмыков о традиционных способах лечения: фактология фольклорно-этнографических экспедиций (2012–2017 гг.) // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 2. С. 405–417. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-405-417

Чернышов, Стрельченко, Мингазов 2021 — *Чернышев В. М., Стрельченко О. В., Мингазов И. Ф.* Последствия реформирования здравоохранения в РФ (1990–2020 гг.). Проблемы и предложения // Вестник Высшей школы организации и управления здравоохранением (ВШОУЗ). 2021. Т. 7. № 2. С. 86–102. DOI: 10.33029/2411-8621-2021-7-2-86-102

Шорохова 2019 — *Шорохова И. И.* Развитие здравоохранения Тюменской области в период интенсивного нефтегазового освоения 1964–1991 гг.: автореф. дисс. … канд. ист. наук. Тюмень, 2019. 23 с.

Юлдашев 1969 — *Юлдашев Ш. Г.* Медицина и здравоохранение Бухарской области Узбекской ССР: автореф. дисс. … канд. мед. наук. Фрунзе, 1969. 22 с.

References

Alekseev G. A. Medicine and Healthcare in Pre-Revolutionary Chuvashia: A Historical Survey. Dr. Sc. (medicine) thesis abstract. Moscow, 1971. 36 p. (In Russ.)

Alikova Z. R. Medicine and Healthcare in North Ossetia: A Historical Survey. Cand. Sc. (medicine) thesis abstract. Moscow, 1991. 24 p. (In Russ.)

Baduginova M. V. Combating 1937–1938 plague outbreaks in the Kalmyk ASSR and Stalingrad Oblast. *Oriental Studies*. 2012. Vol. 5. No. 2. Pp. 108–113. (In Russ.)

Baduginova M. V. Kalmykia's public healthcare after the return of 1957. Oriental Studies. 2021. Vol. 14. No. 5. Pp. 972–980. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-972-980. (In Russ.)

Baduginova M. V. P. Y. Berlin's expedition to Kalmykia in 1925 and its significance for developing the republic's health service. *Oriental Studies*. 2014. Vol. 7. No. 3. Pp. 30–36. (In Russ.)

Baduginova M. V. The first seven years: Kalmykia's public healthcare in 1959–1965. *Mongolian Studies*. 2022. Vol. 14. No. 1. Pp. 37–48. DOI:10.22162/2500-1523-2022-1-37-48. (In Russ.)

Baduginova M. V. The role 'red yurts' in Kalmykia's health system: 1927–1931. *Oriental Studies*. 2011. Vol. 4. No. 2. Pp. 37–41. (In Russ.)

Budzhalov D. E., Dolgina N. Yu., Nastaeva T. M., Shcheglova L. I. (comps.) Zhemchuev Hospital of Kalmykia, 1902–2002: History, Events, Personalities. Elista: Dzhangar, 2002. 176 p. (In Russ.)

Chernyshev V. M., Strelchenko O. V., Mingazov I. F. Implications of reforms in Russian healthcare from 1990–2020. *Problems and proposals. Healthcare Management: News, Views, Education. Bulletin of VShOUZ*. 2021. Vol. 7. No. 2. Pp. 86–102. DOI: 10.33029/2411-8621-2021-7-2-86-102. (In Russ.)

Decree of the CPSU Central Committee and USSR Council of Ministers of 5 July 1968 on Measures Aimed to Further Improve Public Health Services and Facilitate Development of Medical Science in the Country. In: Chernenko K. U., Smirtyukov M. S. (comps.) Economy-Related Decisions of the Party and Government. Collected documents. Vol. 7: July 1968–1969. Moscow: Politizdat, 1970. Pp. 8–19. (In Russ.)

Decree of the RSFSR Council of Ministers of 1 April 1969 no. 197 on Approving the Statute of the RSFSR Ministry of Health. On: CONSULTANT PLUS Law Assistant System. Available at: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3236#PIKAQgTgFhn2dC7m (accessed: 15 May 2023). (In Russ.)

Decree of the USSR Council of Ministers of 17 July 1968 no. 548 on Approving the Statute of the USSR Ministry of Health. On: CONSULTANT PLUS Law Assistant System. Available at: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=467#KPsCQgT0fAK3P84B1 (accessed: 15 May 2023). (In Russ.)

Decree of the USSR Supreme Soviet of 26 June 1968 on [Actual] Conditions in Soviet Public Healthcare and [Corresponding] Improvement Measures. In: Chernenko K. U., Smirtyukov M. S. (comps.) Economy-Related Decisions of the Party and Government. Collected documents. Vol. 6: 1966 – January/June 1968. Moscow: Politizdat, 1968. Pp. 741–744. (In Russ.)

Doynikova E. A., Suseev P. N. Safeguarding public health. In: Fifty Years under the Great October's Banner. Elista: Kalmykia Book Publ., 1967. Pp. 160–186. (In Russ.)

Dushmanov S. Kh. Healthcare in West Kazakhstan: A Historical Survey. Dr. Sc. (medicine) thesis abstract. Moscow, 1992. 29 p. (In Russ.)

Inoue T. How the Regulations for Smallpox Vaccination in Kalmyk Uluses (1839) were formulated: Evidence from the correspondence between I. Timiryazev and P. Kiselev. In: [Public] Readings in Astrakhan History. Collected papers. Astrakhan: R. Sorokin, 2013. Vol. 5. Pp. 191–195. (In Russ.)

Iskhakov V. I. Peoples of Soviet Central Asia: Health Preservation Practices of the Past and Their Significance for the Shaping of Healthy Lifestyles in Present Times. Dr. Sc. (medicine) thesis abstract. Moscow, 1991. 48 p. (In Russ.)

Kazantseva L. K., Tagaeva T. O. The public health and problems of health service in Russia and regions. In: Litvintseva G. P., Gulakova O. I. (eds.) Economy of Siberia to Face Global Challenges of the Twenty First Century. Collected papers. In 6 vols. Vol. 1: Social Determinants

of Siberia's Development in Space and Time. Novosibirsk: Institute of Economics and Industrial Engineering (SB RAS), 2018. Pp. 90–104. (In Russ.)

Kazey L. N. Physical Development, Diseases and Medical Practices in the Territory of Present-Day Belarus (Tenth to Nineteenth Centuries CE): Analyzing Anthropological Materials. Dr. Sc. (medicine) thesis abstract. Moscow, 1986. 57 p. (In Russ.)

Khabunova E. E. Kalmyk Folk Knowledge about Traditional Treatment Methods: Factual Data from Folklore and Ethnographic Expeditions, 2012–2017. *Mongolian Studies*. 2022. Vol. 14. No. 2. Pp. 405–417. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-405-417. (In Russ.).

Knyazkina T. A. Emergence and Development of Healthcare in the Kamchatka Peninsula: 1917–1991. Cand. Sc. (history) thesis abstract. Petropavlovsk-Kamchatsky, 2007. 22 p. (In Russ.)

Komandzhaev A. N. [Kalmykia's] healthcare in the early twentieth century. In: Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days. In 3 vols. Elista: Gerel, 2009. Vol. 3. Pp. 576–581. (In Russ.)

Komandzhaev A. N., Badmaeva S. E. Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate: Epidemic diseases, late 19th – early 20th centuries. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. No. 1. Pp. 43–55. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-53-1-43-55. (In Russ.)

Komandzhaev A. N., Badmaeva S. E., Matsakova N. P. Experience of combating epidemics in Kalmykia: A case study of the 1914 plague outbreak. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13. No. 3. Pp. 533–545. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-533-545. (In Russ.)

Komandzhaev A. N., Komandzhaev E. A. 'We Live a Regular Life in Kalmyk Steppe, Just Like Others Do': Iki-Khurul Clan at the Turn of the 20th Century. *Mongolian Studies*. 2022. Vol. 14. No. 3. Pp. 524–546. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-3-524-546. (In Russ.).

Kuranov V. G. Development of Russian medical legislation in Soviet and modern period. *Perm Medical Journal*. Vol. 30. No. 6. 2013. Pp. 133–139. (In Russ.)

Law of the RSFSR of 29 July 1971 on Public Healthcare. On: Official Web Portal of [Russia's] Legal Information. Available at: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102010126&backlink=1&&nd=102010125 (accessed: 15 May 2023). (In Russ.)

Law of the Soviet Union of 19 December 1969 no. 4589-VII (as amended on 22 May 1990) on Confirming the Soviet Legislative Foundations for Public Healthcare. On: Online Legal and Technical Document Collection (KODEKS Consortium). Available at: https://docs.cntd.ru/document/9021016 (accessed: 15 May 2023). (In Russ.)

Matveeva N. M. Emergence and Development of Buryatia's Health System [Paralleled by] the Shaping of the Medical Intelligentsia, 1923–1991: A Historical Survey. Cand. Sc. (history) thesis abstract. Ulan-Ude, 2004. 26 p. (In Russ.)

Ochirov U. B., Suseev P. N. Development of Kalmykia's health system in the mid-to-late twentieth century. In: Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days. In 3 vols. Elista: Gerel, 2009. Vol. 3. Pp. 591–607. (In Russ.)

Petrov B. D. Essays in the History of Russian Medicine. Moscow: Medgiz, 1962. 303 p. (In Russ.)

Podluzhnaya M. Ya. Healthcare Services for Workers of the Western Urals: A Historical Survey. Cand. Sc. (medicine) thesis abstract. Perm, 1961. 19 p. (In Russ.)

Samoylov V. O. History of Russian Medicine. Moscow: Epidavr, 1997. 200 p. (In Russ.)

Shorokhova I. I. Healthcare in Tyumen Oblast throughout the Era of Accelerated Oil and Gas Field Development: 1964–1991. Cand. Sc. (history) thesis abstract. Tyumen, 2019. 23 p. (In Russ.)

Sokolov A. Recovery is not about money: What health system's reform leads to. On: Vedomosti. Posted on 15 October 2020. Available at: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/10/14/843300-dengi-lechat (accessed: 15 May 2023). (In Russ.)

Sorokina T. S. History of Medicine. Moscow: Academia, 2008. 560 p. (In Russ.)

Soviet Kalmykia's Economy over the Seventy Years: 1917–1987. Jubilee statistical digest. Elista: Kalmykia Statistics Dept., 1987. 224 p. (In Russ.)

Soviet Russia's Economy over the Seventy Years. Statistical digest. Moscow: Finansy i Statistika, 1987. 472 p. (In Russ.)

Suseev P. N. Essays in the History of Kalmykia's Health Service: An Executive's Memoirs. U. Ochirov (ed.). Elista: Dzhangar, 2006. 296 p. (In Russ.)

Yuldashev Sh. G. Medicine and Healthcare in Bukhara Oblast of Uzbek SSR. Cand. Sc. (medicine) thesis abstract. Frunze, 1969. 22 p. (In Russ.)

Zabludovsky P. E., Kryuchok G. R., Kuzmin M. K., Levit M. M. History of Medicine. Moscow: Meditsina, 1981. 352 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 4, Pp. 786–810, 2023
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК / UDC 903.222
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-786-810

Колчан XVII – середины XVIII в. из собрания Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника

Леонид Александрович Бобров[1], *Игорь Валерьевич Балюнов*[2]

[1] Новосибирский государственный университет (д. 1, ул. Пирогова, 630090 Новосибирск, Российская Федерация)
доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
0000-0001-5071-1116. E-mail: spsml[at]mail.ru

[2] Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник (д. 1, стр. 4, Красная пл., 626152 Тобольск, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, главный научный сотрудник
0000-0002-7733-7504. E-mail: balyunoff[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023
© Бобров Л. А., Балюнов И. В., 2023

Аннотация. *Введение.* В статье рассмотрен богато оформленный колчан (инв. № ВО-73), хранящийся в Тобольском историко-архитектурном музее-заповеднике. Ранее он не становился объектом научного исследования. *Цель* исследования — ввести в научный оборот информацию о колчане, уточнить его датировку и атрибуцию. *Результаты.* Установлено, что колчан поступил в собрание Тобольского губернского музея в 1890 – первой половине 1891 гг. Типологический анализ показал, что подобные колчаны входят в состав большой группы центральноазиатских колчанов второй половины XVI – середины XIX в., однако отличаются от своих монгольских и южносибирских аналогов рядом деталей конструкции и декоративного оформления. Отличительными особенностями колчанов серии является высокая заостренная спинка, вынесенное далеко вперед массивное верхнее «ушко», а также отказ от украшения лицевой стороны колчана металлическими накладками (за исключением ременных блях и заклепок по периметру). Все известные колчаны рассматриваемого образца происходят с территории Южной Сибири, Юго-Восточного Казахстана и Тибета, которые входили в состав различных ойратских государственных образований. Это позволяет обозначить их как колчаны «ойратского типа». В Тибет колчаны могли попасть вместе с войсками Гуши-хана во второй половине 30-х гг. XVII в. Менее вероятно, что данный тип колчанов сформировался в Тибете, а затем был распространен ойратами на другие территории. Особенностью колчана из Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника являются крепежные пластины, которые были изготовлены (или украшены) мастером, работавшим в рамках мусульманской культурной традиции. *Выводы.* Декоративное оформление колчана позволяет предположить,

что он был выполнен ойратским или тибетским мастером, а затем доработан мусульманским ювелиром. Не исключено, что колчан был целиком изготовлен среднеазиатским ремесленником в ойратском стиле. Наиболее вероятно, что заказчиком колчана являлся состоятельный воин из числа «чакарских» (западносибирских) калмыков или джунгар. Время изготовления колчана может быть отнесено к периоду существования государственных образований сибирских и центральноазиатских ойратов, т. е. XVII – середине XVIII вв. На территорию Западной Сибири колчан мог попасть в ходе торгового обмена, в качестве дипломатического подарка или военного трофея.

Ключевые слова: ойраты, хошуты, дербеты, джунгары, оружие ойратов, колчан, джунгарские колчаны, тибетские колчаны, колчаны ойратского типа

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности Министерства науки и высшего образования РФ (проект № FSUS-2020-0021).

Для цитирования: Бобров Л. А., Балюнов И. В. Колчан XVII – середины XVIII вв. из собрания Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 4. С. 786–810. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-786-810

Tobolsk Reserve Museum of History and Architecture: Introducing a Seventeenth/Mid-Eighteenth-Century Quiver

Leonid A. Bobrov[1], *Igor V. Balyunov*[2]

[1] Novosibirsk State University (1, Pirogov St., 630090 Novosibirsk, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Professor, Leading Research Associate
0000-0001-5071-1116. E-mail: spsml[at]mail.ru

[2] Tobolsk Reserve Museum of History and Architecture (1/4, Krasnaya Ploshchad, 626152 Tobolsk, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Chief Research Associate
0000-0002-7733-7504. E-mail: balyunoff[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023
© Bobrov L. A., Balyunov I. V., 2023

Abstract. *Introduction*. The paper examines a richly decorated leather quiver (BO-73) housed at Tobolsk Reserve Museum of History and Architecture. This quiver has never been subject to scholarly research. *Goals*. The study aims to introduce the artefact into scientific circulation, date it, and clarify its cultural attribution. *Results*. The article reveals the quiver arrived in Tobolsk Governorate Museum in 1890 to mid-1891. Typologically, such quivers cluster with a wide range of Central Asian quivers dating to the mid-16th through mid-19th centuries CE, but differ from other Mongolian and South Siberian quivers on a number of construction and ornamental details, such as a high pointed back, massive upper 'eye' extended far forward, and absence of decorative metal plates on the outer side of the quiver (except for belt buckles and rivets on the edges). All quivers of this type known to date come from Southern Siberia, Southeast Kazakhstan, and Tibet, i.e. the regions invaded by Western Mongols — Oirats (Dzungars, Khoshuts, Dorbets, etc.) — in the 17th to mid-18th centuries. And the period when quivers of this type were used coincides with that of the Oirat domination across the aforementioned territories, which makes it possible to view such quivers as Oirat-type ones. Quivers produced by Tibetan craftsmen could be distinguished within this type due to Tibetan ornamental patterns, the latter quivers be referred to as Oirat-Tibetan ones. Oirat-type quivers may have emerged in the mid-16th to early 17th centuries across Western Mongolia, Southern Siberia, Southeast and East Kazakhstan. Quivers of this type could have arrived in Tibet with troops of Güshi Khan and his allies in the late 1630s, and are far less likely to have emerged in Tibet to be further disseminated by Oirats towards Southern Siberia and Southeast Kazakhstan. The quiver from Tobolsk Reserve Museum of History and Architecture is distinguished by mounting plates made (or ornamented) by a craftsman that tended to follow the Moslem cultural tradition. *Conclusions*. Our analysis of the

quiver's decorative elements and ornamental patterns suggests that the artefact was produced by an Oirat or Tibetan craftsman — to be later ornated by a Moslem jeweler. The quiver may have also been completely produced by a Central Asian craftsman in the Oirat style. Anyway, the customer was definitely a well-to-do Chakar (West Siberian) Kalmyk or Dzungar warrior. So, it was manufactured during the existence of Siberian and Central Asian Oirat states — in the 17th to mid-18th centuries. The quiver could have been delivered to Western Siberia as an item of trade, a diplomatic gift or a trophy of war.

Keywords: Oirats, Khoshuts, Dorbets, Dzungars, Oirat weaponry, quivers, Dzungar quivers, Tibetan quivers, Oirat-type quivers

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment (Ministry of Science and Higher Education of Russia), project no. FSUS-2020-0021.

For citation: Bobrov L. A., Balyunov I. V. Tobolsk Reserve Museum of History and Architecture: Introducing a Seventeenth/Mid-Eighteenth-Century Quiver. *Oriental Studies*. 2023; 16(4): 624–648. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-786-810

1. Введение

В фондах Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника (далее — ТИАМЗ) хранится богато оформленный кожаный колчан (инв. № ВО-73), представляющий значительный интерес для отечественных и зарубежных археологов, оружиеведов и этнографов (фото 1).

Согласно учетной документации ТИАМЗ (1985 г.), «колчан записан в книгу поступлений из старых, ранее незаписанных, фондов музея, источник неизвестен, бытовал у татар» [Инвент. карт. ТМ-5423. Инв. № ВО-73. Л. 1]. В том же документе отмечается, что колчан представлял собой «дар от неизвестного лица», сделанный в 1925 г. [Инвент. карт. ТМ-5423. Инв. № ВО-73. Л. 1].

Однако данная информация требует существенной корректировки. Интересующий нас колчан можно видеть уже на фотографии Археологического отдела Тобольского губернского музея (фото 2). Данная фотография была помещена в альбом, созданный для подношения цесаревичу Николаю Александровичу (будущему императору Николаю II) во время его визита в Тобольск летом 1891 г. Таким образом, в этот период колчан уже находился в музейном собрании[1].

В 1890 г. (т. е. за год до визита цесаревича) был издан каталог «Археологический отдел Тобольского губернского музея», составленный консерватором музея Н. А. Лыткиным. Каталог, помимо прочего, содержал перечень экспонируемого в музее вооружения, однако колчан в этом списке отсутствует. Это, в свою очередь, позволяет предположить, что он поступил в фонды уже после составления каталога, но до визита цесаревича в Тобольск, т. е. в 1890 – первой половине 1891 гг.

Обстоятельства передачи колчана в музейное собрание не установлены. Однако необходимо отметить, что в начале XX в. музеем периодически приобретались предметы вооружения, ранее принадлежавшие представителям влиятельного рода тобольских служилых татар Кульмаметьевых [Бобров, Балюнов 2022: 231]. Представляется вероятным, что интересующий нас колчан также мог быть передан в музей одним из наследников семейства Кульмаметьевых или другого состоятельного татарского рода, проживавшего на территории Тобольского округа или сопредельных регионов Западной Сибири.

В последней четверти XX в. фотографии с изображением колчана были опубликованы в нескольких научно-популярных изданиях, посвященных коллекциям Тобольского музея-заповедника. Во всех случаях предмет был отнесен к вооружению татарских воинов XVI в. [Надточий 1988: 110, 111; Сибирские реликвии 2000: 132].

[1] Стоит отметить, что на той же фотографии рядом с колчаном размещен и кожаный налуч для лука (фото 2). Не исключено, что оба предмета входили в состав одного саадачного набора. К сожалению, местонахождение налуча в настоящее время не установлено.

Фото 1. Колчан ВО-73 из собрания ТИАМЗ (фото: Ю. Г. Аверин)

[*Photo 1*. Quiver BO -73 from Tobolsk Reserve Museum of History and Agriculture (TRMHA). Photo by Yu. Averin]

Несмотря на то, что прорисовки колчана уже публиковались в научных статьях и учебных пособиях [Бобров, Борисенко, Худяков 2010: 34, рис. 1: *11*], он еще не становился объектом специального научного исследования.

Целью настоящей статьи является введение в научный оборот информации о колчане ВО-73 из собрания ТИАМЗ. Работа продолжает серию публикаций о вооружение монгольских народов [Бобров, Алексеев 2022; и др.]. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: дать подробное описание размеров, особенностей конструкции и системы оформления колчана, уточнить его датировку и атрибуцию.

2. Описание колчана

Общая высота колчана (от края днища до верхней части спинки) — 55 см (в том числе спинка — 51,0 см). Высота колчана от днища до среза горловины — 39 см. Ширина (в верхней / центральной / нижней части) — 28 см / 20 см / 21,5 см соответственно. Толщина колчана 2–2,5 см (в том числе толщина кожаных стенок колчана: 2,5–3 мм). Вес (с учетом фрагмента саадачного пояса) — 850 г.[1]

2.1. Конструкция колчана

На основании материала изготовления и особенностей конструкции колчан ВО-73 может быть отнесен к категории кожаных колчанов-футляров с каркасом из деревянных и железных пластин.

Основу L-образного каркаса формирует вертикальная прямоугольная в поперечном сечении рейка (2 на 2,5 см), проходящая вдоль спинки колчана и соединенная с днищем миндалевидной формы (фото 3: *1*, *4*; 4, *1*, *2*). Вдоль переднего вырезного края колчана (с его тыльной стороны) приклепана узкая железная планка S-образной формы (фото 4: *1а*)[2]. Данные деревянные и металлические пластины придают всей конструкции необходимую жесткость и служат каркасом для крепления кожаных элементов колчана.

Последние представлены тремя узкими фрагментами удлиненно-прямоугольной формы и двумя большими вырезными асимметрично-трапециевидными лопастями. Удлиненно-прямоугольные кожаные полосы сшиты между собой и формируют переднюю стенку колчана с характерными «ушками» (фото 3: *2*)[3]. Большие лопасти сложной вырезной Y-образной формы образуют лицевую и тыльную сторону колчана (фото 4, *1*)[4]. Отличительными особенностями силуэта колчана являются высокая заостренная спинка, плавно переходящая в вынесенное далеко вперед длинное и широкое верхнее «ушко», миниатюрное, но ярко выраженное нижнее «ушко» полукруглой формы, и приостренное днище (фото 4; 6: *1*)[5].

При сборке колчана был использован комбинированный способ соединения его элементов. Передняя стенка сшита с большими вырезными лопастями с помощью нитей и дополнительно армирована с тыльной стороны упомянутой выше железной S-образной планкой. Последняя крепится к коже с помощью металлических заклепок (фото 4: *1а*). Для соединения лицевой и тыльной кожаной лопасти к деревянному L-образному каркасу также использованы заклепки с округлыми шляпками. Значительный интерес представляет тот факт, что заклепки на лицевой стороне колчана снабжены более крупными полусферическими шляпками из медного сплава (диаметр — 1,1 см)[6]. На каждую из них нанесены по шесть надрезов, благодаря которым шляпке придан вид распустившегося цветка (фото 3: *5*, *6*; 5). В настоящее время на лицевой стороне колчана фиксируется 19 фигурных заклепок. Однако пустое отверстие на спинке колчана свидетельствует, что в первоначальной комплектации их было не менее 20.

[1] Необходимо учитывать, что за истекшие столетия органические элементы колчана (дерево, кожа) оказались пересушены. В период эксплуатации он весил заметно больше.

[2] Ширина планки — 1 см, толщина — около 2 мм.

[3] К «ушкам» крепились кожаные ремешки, с помощью которых колчан подвешивался к саадачному поясу.

[4] В современном оружиеведении лицевая и тыльная сторона колчана может также именоваться «плоскостью» или «полем» колчана [Бобров, Худяков 2008: 12].

[5] Кожу на лицевой стороне колчана заметно повело, из-за чего верхнее ушко визуально кажется короче, чем на самом деле.

[6] Шляпки заклепок, предположительно, выполнены из бронзы с высоким содержанием меди.

Фото 2. «Отдел Археологический». Фотоальбом. Тобольский губернский музей. Второй экземпляр альбома, поднесенного Государю наследнику цесаревичу Николаю Александровичу в 1891 г. 10 июля. Фонды ТИАМЗ. ТМ-15498

[*Photo 2*. 'Archaeological Department'. Photo album. Tobolsk Governorate Museum. Second copy of the album presented to His Imperial Highness the Successor Tsesarevich Nikolai Alexandrovich on 10 July 1891. TRMHA. TM-15498]

Лицевая сторона колчана дополнена карманом. Полукруглый вырез снабжен по центру остроугольным фестоном, благодаря чему верхний край кармана имеет Э-образную форму (фото 1; 5). Как видно из описаний и изображений периода Средневековья и Нового времени, в карман могли помещаться как обычные стрелы, так и их особые разновидности. В первом случае это увеличивало боекомплект стрелка, а во втором — облегчало поиск стрелы со специализированным типом наконечника (илл. 1: *3*, *5*, *6*). Наряду со стрелами в кармане колчана могли храниться плеть, напильник для заточки стрел, тетива, запасные наконечники и т. д.

Вероятно, для той же цели использовался еще один длинный и узкий кожаный карман, расположенный вдоль спинки на тыльной стороне колчана (фото 3: *3*). Он крепится к органической основе колчана с помощью нитей и заклепок. Высота заднего кармана — 25 см, ширина в верхней части — около 5 см, в нижней — 3 см.

Лицевая часть колчана снабжена двумя перекрещивающимися кожаными ремнями (ширина — 2 см). В месте их наложения вставлена заклепка с резной полусферической шляпкой, надежно соединяющая ремни между собой (фото 5: *1*). Подобное Х-образное расположение ремней предотвращало выпадение стрел и других предметов, помещенных в карман на лицевой стороне колчана (илл. 1: *1*, *3–6*).

Левые концы ремней прибиты к спинке колчана заклепками с резными полусферическими шляпками, правые — прикрыты округлыми слабовыпуклыми металлическими бляхами (диаметр — 4,5 см), выполняющими роль крепежных пластин (фото 3: *2*, 4: *1, 5*, *6*; 5: *1*). Поверхность блях украшена густым растительным орнаментом, выполненным в технике золотой насечки по рихтованной поверхности (фото 3: *5*, *6*). Основу сложной композиции формирует крестообразная фигура: четыре золотые ветви заканчиваются расходящимися в разные стороны листьями, которые, сплетаясь между собой, образуют четыре больших заостренных лепестка в каждый из которых вписано стилизованное изображение цветочного бутона. Последние прорастают цветочными побегами, заполняющими оставшееся пространство пластины. По периметру бляхи пропущена гирлянда из золотых S-образных завитков в обрамлении двойного золотого канта. На оборотной стороне блях расположены стальные петли, которые вставлены в сквозные отверстия на «ушках» колчана. Проходя «ушки» насквозь, петли выходят на их тыльную сторону таким образом, чтобы к ним можно было привязать кожаные ремешки, соединяющие колчан с саадачным поясом (фото 6: *2*; 6: *1а*).

2.2. Декоративное оформление лицевой стороны колчана

Гладкая лицевая сторона колчана украшена растительным орнаментом, выполненным в черно-золотых тонах (фото 5). По периметру поля колчана, а также по краю Э-образного кармана пропущена золотая полоса (ширина: 1,6–1,9 см), на которую нанесен исключительно популярный среди народов степной полосы Евразии и сопредельных территорий узор в виде вьющейся лозы с почками, побегами и листьями. Центральная часть колчана оформлена зеркальным образом. Если на окантовочной полосе темный рисунок помещен на золотое поле, то в центральной части колчана побеги, листья и цветы выписаны золотой краской по темному фону (фото 5). Подобный цветовой контраст создает запоминающийся художественный эффект.

Основу композиции в нижней части колчана формирует образ закрученного в спираль цветочного побега, увенчанного большим пышным бутоном, который изображен в профиль (фото 5: *2*). Наиболее вероятно, что художник вдохновлялся образом гвоздики или лотоса. От основного стебля отходят многочисленные побеги и листья с фестончатым краем, которые заполняют собой все остальное поле колчана. Тот же растительный мотив, но уже без большого бутона повторяется в верхней части колчана (фото 5: *1*). Рисунок нанесен с большим мастерством, тщательно и весьма аккуратно.

На поверхности лицевой части колчана фиксируются потертости и повреждения. Частично утрачены изображения по периметру колчана, а также на поверхности ремней, один из которых оборван (фото 5: *1*). Из-за выпадения заклепки ремень сдвинулся, благодаря чему стала видна поверхность колчана под ним. Она лишена орнамента, что позволяет восстановить возможную по-

Фото 3. Колчан ВО-73 из собрания ТИАМЗ: *1* — спинка колчана, *2* — передняя стенка колчана, *3* — фрагмент тыльной стороны колчана с задним карманом; *4* — каркасная рейка спинки колчана (вид сверху); *5*, *6* — бляхи (крепежные пластины) на верхнем (5) и нижнем (6) «ушке» колчана (фото: Ю. Г. Аверин)

[*Photo 3*. Quiver BO-73 from TRMHA: *1* — back of the quiver, *2* — front wall of the quiver, *3* — fragment of the rear side of the quiver with a back pocket; *4* — frame rail on the back of the quiver (top view); *5*, *6* — plaques (fixing plates) on the upper (5) and lower (6) 'eyes' of the quiver. Photo by Yu. Averin]

Фото 4. Колчан ВО-73 из собрания ТИАМЗ: *1* — днище (донце) колчана; *2* — внутреннее пространство колчана и разделительные жгуты; *3* — фрагмент саадачного пояса с колчанным крюком (фото: Ю. Г. Аверин)

[*Photo 4*. Quiver BO-73 from TRMHA: *1* — bottom of the quiver; *2* — inner space of the quiver and separating harnesses; *3* — fragment of a saadak belt with a quiver hook. Photo by Yu. Averin]

следовательность выполнения работ мастером. На начальном этапе лицевая сторона колчана окрашивалась в черный цвет, затем крепились ремни, и только после этого колчан расписывался золотой краской.

2.3. Оформление тыльной стороны колчана и его внутреннее устройство

Тыльная сторона колчана и задний карман изготовлены из выделанной коричневой кожи и покрыты тиснением в виде сплошной мелкой косой сетки (фото 3: *3*; 6: *1а*). В верхней и нижней части тыльной стороны колчана пришиты две фигурно вырезанные кожаные петли, оформленные в виде трехлепестковых бутонов с загнутыми в стороны боковыми лепестками и горизонтальной прорезью в центральном лепестке (фото 3: *3*; 6: *1а*). Петли используются для крепления парного продольного ремешка, который представлял собой третью точку подвеса колчана к поясу (фото 3: *3*; 6, *1а*; 7: *1а*, *2а*). Основной задачей ремешка было предотвращение опрокидывания колчана назад, что могло привести к выпадению стрел (илл. 1: *7*).

Внутреннее пространство колчана поделено на отдельные секции двумя длинными продольными и семью короткими жгутами, которые состоят из шнура светлой ткани в тканевой же оболочке (фото 4: *2*). Система жгутов позволяла равномерно распределить стрелы по всему колчану, избегая их скопления в одной его части (илл. 1, *3–7*). Кроме того, в разные секции можно было поместить стрелы с разными типами наконечников, что облегчало лучнику поиск нужной стрелы во время боя.

На основании особенностей оформления рассматриваемый колчан может быть отнесен к асимметрично-трапециевидным колчанам с удлиненной заостренной «спинкой», приостренным днищем, вытянутым верхним «ушком», Э-образным карманом с перекрещивающимися ремнями, металлическими заклепками по периметру, полусферическими крепежными пластинами и орнаментированной лицевой поверхностью.

2.4. Саадачный пояс

Наряду с самим колчаном до нашего времени дошел фрагмент саадачного пояса (фото 1; 3: *2*; 4: *1*). В настоящее время он состоит из кожаного ремня (длина — 22 см, ширина — 2,5 см) и металлической накладки удлиненно-подпрямоугольной формы с крючком на конце (фото 1; 3: *2*; 4: *1, 3*; 6: *1*). Щиток накладки крепится к ремню с помощью двух заклепок с полусферическими шляпками (фото 4: *3*). Общая длина накладки с крючком — 10 см (в том числе длина крючка — 2,5 см), ширина пластины — 2,5 см.

Щиток накладки украшен в технике насечки по рихтованной поверхности. Использована белая (предположительно серебряная) и желтая (медная, золотая?) проволока[1]. По краю щитка пропущена окантовка из белого металла. Внутреннее пространство пластины украшено двумя картушами, которые выполнены в форме ласточкиного хвоста. Внешний картуш изготовлен из белой, а внутренний — из желтой проволоки (фото 4: *3*). Пространство внутреннего картуша заполнено густым растительным орнаментом в виде переплетающихся желтых цветочных побегов с листьями и бутонами. Один из коротких концов щитка украшен остроугольным вырезом, на противоположном конце вырез передан с помощью орнамента. С-образный крючок снабжен выраженным наконечником с тремя поясками.

Накладка с крючком представляет собой одну из разновидностей так называемого «колчанного крюка». В момент застегивания саадачного пояса отогнутый наружу крючок накладки продевался в отверстие на противоположном конце ремня, надежно фиксируя пояс на талии воина. Как правило, в этот момент к стрелковому поясу уже были подвешены налуч (обычно слева, горловиной вперед) и колчан (справа, горловиной назад). В рассматриваемом случае колчан крепился к поясу при помощи кожаных ремешков, продетых в петли на тыльной стороне крепежных пластин на «ушках» колчана (фото 3: *2*; 4: *1*; 6: *1*).

3. Датировка и атрибуция

Колчан ВО-73 из собрания ТИАМЗ может быть датирован и атрибутирован на основании типологического анализа.

По своей конструкции и системе оформления он существенно отличается как от узких 8-образных колчанов населения Восточной Европы, Западной и Средней Азии, так и от регламентированных вариантов колчанов войск цинской императорской армии [Бобров, Худяков 2008: 124, 125, 155; Armaments… 2008: 29, 30, 92–98; Бобров,

[1] Не исключено, что мастером была применена техника золочения серебряного узора.

Пинк 2014: 246–253; Прокопенко 2012а; Прокопенко 2012б].

Аналоги интересующего нас колчана происходят с территории Центральной Азии и Южной Сибири. Именно они сочетают асимметрично-трапециевидный силуэт, карман и перекрещивающиеся на лицевой части колчана кожаные ремни [Бобров, Худяков 2008: 113, 116, 134, 138, 141–154]. Внутри данной группы фиксируется особая серия колчанов, которые можно определить в качестве ближайших аналогов рассматриваемого образца из собрания ТИАМЗ. Отличительной особенностью колчанов данной серии является очень высокая заостренная спинка, плавно переходящая в вынесенное вперед массивное верхнее «ушко», слабовыпуклое (иногда немного приостренное) днище, Э-образный карман и характерные металлические заклепки по периметру. Лицевая сторона большинства колчанов расписана растительным и геометрическим орнаментом (фото 6: *2*; 7; 8: *1–3*).

Большинство колчанов указанной серии из западных музейных собраний и частных коллекций датируются XVII–XVIII вв. и атрибутируются как «тибетские» или «монгольские» [LaRocca 2006: 192–195; Бобров, Худяков 2008: 116, 146, 147][1].

Тибетское происхождение некоторых колчанов подтверждается их характерным декоративным оформлением (фото 7: *1б*; 8: *1*). Однако необходимо отметить, что колчаны подобного типа встречаются и за пределами «Страны снегов». Наряду с рассматриваемым образцом из ТИАМЗ, можно отметить колчан из Семиречья (в настоящее время хранится в частной коллекции), а также колчан из собрания Новокузнецкого краеведческого музея [Бобров, Пилипенко, Мартюшов 2023]. Последний не сохранил Х-образные ремни, однако на их наличие в первоначальной комплектации колчана указывают обрывок верхнего ремня, а также отверстия и характерные заклепки на его лицевой поверхности (фото 6: *2*). И если богато оформленный колчан из ТИАМЗ еще можно, с определенными оговорками, связать с тибетским импортом, то его лаконично оформленные аналоги из Южной Сибири и Юго-Восточного Казахстана, по всей видимости, представляют собой изделия центральноазиатских или сибирских мастеров.

До нашего времени дошли изображения сибирско-татарских, ойратских, монгольских, бурятских и тибетских колчанов конца XVII – начала XIX в. (илл. 1; 2). К сожалению, рисунки Ремезовской летописи слишком схематичны, чтобы достоверно определить покрой колчанов ойратских и сибирско-татарских воинов конца XVII – начала XVIII в. Уверенно можно говорить лишь о том, что они были снабжены парой ремней, перекрещивающихся на лицевой стороне колчана (илл. 1), и в некоторых случаях ярко выраженным нижним «ушком» (илл. 1: *1–3*).

На картинах и гравюрах российских художников начала XIX в. колчаны монголов и бурят изображены весьма достоверно (илл. 2: *3*, *5*, *6*), что подтверждается их сличением с подлинными колчанами данных народов, дошедшими до нашего времени [Бобров, Худяков 2008: 131–146, 148, 150–154]. Однако монгольские и бурятские колчаны несколько отличаются от образцов рассматриваемой серии. Так, например,

[1] По мнению нидерландского исследователя и коллекционера П. Деккера, один из колчанов серии может быть датирован XV–XVI вв. (фото 8: *1*). Основанием для подобной датировки является схожесть узоров на его поверхности с узорами колчанов-«коробов» («пеналов») из Королевской оружейной палаты (г. Лидс, Великобритания) и Метрополитен-музея (г. Нью-Йорк, США) [LaRocca 2006: 190–192; Dekker 2020]. Однако упомянутые колчаны-«короба» датируются американскими и британскими исследователями не XV в., а XV–XVII вв. [LaRocca 2006: 190–192; Dekker 2020]. Кроме того, даже если упомянутые колчаны-«короба» действительно изготовлены в XV в., сходство их декоративного оформления с оформлением колчана-«футляра» (фото 8: *1*) может указывать на преемственность культурно-изобразительной традиции, а не на их синхронное бытование. Против датировки указанного элемента саадачного набора XV в. свидетельствует и отсутствие изображений подобных колчанов в синхронных изобразительных памятниках. Наконец, конструкция раннего (по версии П. Деккера) колчана практически идентична конструкции его аналогов XVII–XVIII вв. (фото 6; 7; 8: *1–3*). Таким образом, датировка упомянутого колчана XV в. представляется маловероятной. При этом возможность определения времени его изготовления XVI в. может являться предметом научной дискуссии (см. ниже).

Фото 5. Лицевая сторона колчана ВО-73 из собрания ТИАМЗ: *1* — верхняя часть; *2* — нижняя часть (фото: Ю. Г. Аверин)

[*Photo 5*. Front side of quiver BO-73 from TRMHA: *1* — upper part; *2* — lower part. Photo by Yu. Averin]

Фото 6. Колчаны из собрания ТИАМЗ (1) и НКМ (2): *1а*, *2а* — вид сзади; *1б*, *2б* — вид спереди (*1* — фото Ю. Г. Аверина; *2* — фото Р. А. Мартюшова)

[*Photo 6.* Quivers from TRMHA (1) and Novokuznetsk Museum of Local History and Lore (2): *1a*, *2a* — rear views; *1b*, *2b* — front views. *1* — photo by Yu. Averin, *2* — photo by R. Martyushov]

спинка колчанов монгольского типа значительно более низкая (илл. 2: *5*), а верхнее «ушко» практически не выдается вперед [Бобров, Худяков 2008: 153]. В свою очередь бурятские колчаны обычно снабжены широкой массивной спинкой, симметричными «ушками» (илл. 2: *6*), а их днище дополнено ярко выраженным выступом, так называемым «горбом» [Бобров, Худяков 2008: 152]. Существенно отличается и декоративное оформление. Лицевая сторона монгольских и бурятских колчанов традиционно украшалась металлическими накладками различных форм и размеров (илл. 2: *3*, *5*–*7*)[1], в то время как колчаны рассматриваемой серии обычно снабжены лишь ременными бляхами и заклепками по периметру (фото 6–8).

На тибетской танка «Далха»[2] XVIII в. из фондов Государственного музея Востока (далее — ГМВ) изображен колчан с выраженной спинкой, парой перекрещивающихся ремней, Э-образным карманом и слабовыпуклым днищем (илл. 2: *1*, *4*). Однако и он по своему силуэту ближе к колчанам монгольского образца, так как оба ушка находятся почти на одном уровне. На принадлежность изображенного колчана к саадачному набору «монгольского типа» указывает и округлая металлическая бляха в нижней части поля колчана. Подобные бляхи являются характерным элементом оформления монгольских колчанов XVII – первой половины XIX в. (илл. 2: *5*).

Таким образом, зафиксированные в изобразительных памятниках позднего Средневековья и Нового времени монгольские, бурятские и тибетские колчаны типологически близки, но не идентичны колчанам изучаемой серии.

В данной связи значительный интерес предоставляет географическая локализация находок интересующего нас варианта колчанов. Как уже отмечалось выше, они происходят с территории Тибета, Юго-Восточного Казахстана, а также южных районов Западной и Центральной Сибири. В XVII – первой половине XVIII в. все перечисленные регионы являлись объектом военно-политических притязаний ойратов — западных монголов, которые были известны в Цинском Китае под именем олёты, в Тибете — как сог-по, среди тюркских народов — как калмаки, а в России — как калмыки.

В XVII в. ареал ойратской экспансии включал степи Восточной Европы, Казахстана и Монголии, а также территорию северо-западного Кавказа, Южной Сибири, Восточного Туркестана и Тибета. В середине столетия сложились четыре основных военно-политических группировки ойратов — «Калмыцкая» (с центром в Северном Прикаспии), «Чакарская» (на юге Западной Сибири), «Хошутская» (на Кукунорской равнине в Тибете) и «Джунгарская» (на территории Юго-Восточного Казахстана и Западной Монголии) [Бобров, Рюмшин 2015: 357–378; Бобров 2019: 365–367].

Ойраты оказали заметное влияние на развитие оружейных комплексов населения упомянутых регионов [Бобров, Худяков 2006: 200–232; Бобров, Худяков 2008: 604–620, 636–655; Shim 2020: 97–108]. При этом собственно ойратский оружейный комплекс длительное время в значительной степени сохранял внутреннее единство. Этому весьма способствовал тот факт, что отдельные группы ойратов периодически перекочевывали от одной ойратской группировки к другой. Так, например, в конце 30-х – первой половине 40-х гг. XVII в. хошуты Гуши-хана массово переселились из Южной Сибири в Тибет. В 1686–1687 гг. тайша Цаган-Баатур и три тысячи его «улусных людей» откочевали из Джунгарии в Поволжье. В начале XVIII в. в обратном направлении проследовал сын калмыцкого хана Аюки — «царевич» Санджип, который увел с собой в Центральную Азию до 15 тыс. ойратских кибиток (60–75 тыс. чел.). Примерно в то же время значительная группа хошутов (по русским данным — более 10 тыс. чел.) покинула Тибет и переселилась в Джунгарию. С одной стороны, данный процесс способ-

[1] Лицевая сторона колчанов предбайкальских бурят в некоторых случаях почти целиком покрыта серебряными, посеребренными и (или) железными пластинами [Бобров, Худяков 2008: 132–136].

[2] «Далха» (от тиб. *dgra lha*) — группа божеств, имеющих связь с древними верованиями кочевников Центральной Азии. С распространением буддизма стали одними из защитников буддийского учения, которые покровительствовали воинам, войне и благосостоянию людей. Одним из божеств «далха» являлся *Дайчи тэнгри*, который считался покровителем ойратского народа [Корнеев 2022: 123–134].

ствовал обмену оружейными новинками между различными ойратскими военно-политическими группировками, но с другой — сдерживал процесс распада единой военно-культурной традиции. В результате в разных регионах Евразии ойратские воины XVII – начала XVIII в. продолжали применять схожие разновидности боевых наголовий, корпусных панцирей, длинноклинкового оружия и др. [Бобров, Худяков 2008: 267, 274–283; Armaments … 2008: 144; Бобров, Балюнов 2022: 237, 238; Бобров, Зозуля 2022: 125–130; Бобров, Кабульдинов, Агатай 2022: 95–98].

В данном контексте, на наш взгляд, и следует рассматривать феномен колчанов изучаемой серии. В настоящее время сложно сказать, является ли рассматриваемый тип колчана собственно ойратским или он был заимствован ойратами в Тибете или Южной Сибири, а затем распространен в других регионах. Однако связь подобных колчанов с ареалом военно-политического влияния ойратских племен вряд ли может считаться случайной.

Наиболее вероятно, что рассматриваемый тип центральноазиатских колчанов сформировался на основе одного из поздних вариантов «чингизидских» колчанов-футляров, завоевавших популярность среди кочевников Евразии в XIV–XV вв. Не исключено, что одним из возможных предшественников колчанов изучаемой серии был знаменитый кожаный колчан из памятника *Абрамово-10* (Барабинская степь), снабженный удлиненным верхним «ушком», который датирован XIV–XVI вв. [Молодин, Соболев, Соловьев 1990: рис. 48, *1*; Соловьев 2003: 160, рис. 10в][1].

Появление колчанов рассматриваемого типа на территории владений ойратов или их южносибирских вассалов (т. е. на стыке западных и восточных военно-культурных традиций) обусловило их оригинальный внешний вид. От колчанов центральноазиатского образца они унаследовали широкий асимметрично-трапециевидный силуэт и парные перекрещивающиеся ремни, а от колчанов западных регионов бывшей Великой Монгольской империи — традицию украшать лицевую сторону колчана не металлическими накладками, а растительным узором. Что касается удлиненной спинки и ярко выраженного верхнего «ушка», то эти элементы оформления достаточно редко встречаются как на колчанах западно-, так и центрально- и восточноазиатского образцов и могут являться характерными типологическими признаками колчанов рассматриваемой серии.

Если наше предположение верно, то колчаны «ойратского типа» могли попасть в Тибет вместе с победоносными войсками Гуши-хана и его союзников во второй половине 30-х – первой половине 40-х гг. XVII в. Вплоть до второй четверти XVIII в. ойраты продолжали оставаться главной военной силой в регионе, а реальные рычаги управления «Страной снегов» во многом находились в руках хошутской и (в отдельные периоды) чоросской (джунгарской) знати. Почти столетнее доминирование ойратов не могло не сказаться на росте популярности среди тибетцев вооружения ойратского образца. Распространение колчанов рассматриваемого типа в регионе во многом было обусловлено желанием местных мастеров угодить вкусам хошутской аристократии и лояльной ей тибетской элиты. Однако, сохранив форму ойратского колчана, оружейники «Страны снегов» украсили его в тибетском стиле, что придало данному элементу саадачного набора оригинальный внешний вид.

Подводя итог обзору колчанов рассматриваемой серии, необходимо отметить, что их общее стилистическое сходство не вызывает сомнений. Однако образец из ТИАМЗ имеет ряд интересных особенностей, выделяющих его среди других колчанов «ойратского типа». В первую очередь стоит отметить декоративное оформление крепежных пластин. Их поверхность украшена растительным орнаментом, выполненным в технике золотой насечки (фото 3: *5*, *6*). Особенности передачи узора позволяют предположить, что он был нанесен мастером, работавшим в рамках мусульманской культурной традиции. Сходное оформление фиксируется на изделиях османских, иранских, мамлюкских, индийских, среднеазиатских мастеров позднего Средневековья и Нового времени [Государева Оружейная 2002: 50–67; The Arts… 2008: 72, 80–84, 103, 144, 159, 164, 178, 273–

[1] К сожалению, колчан сохранился фрагментарно, что не позволяет достоверно установить, имел ли он удлиненную спинку, как колчаны рассматриваемой серии.

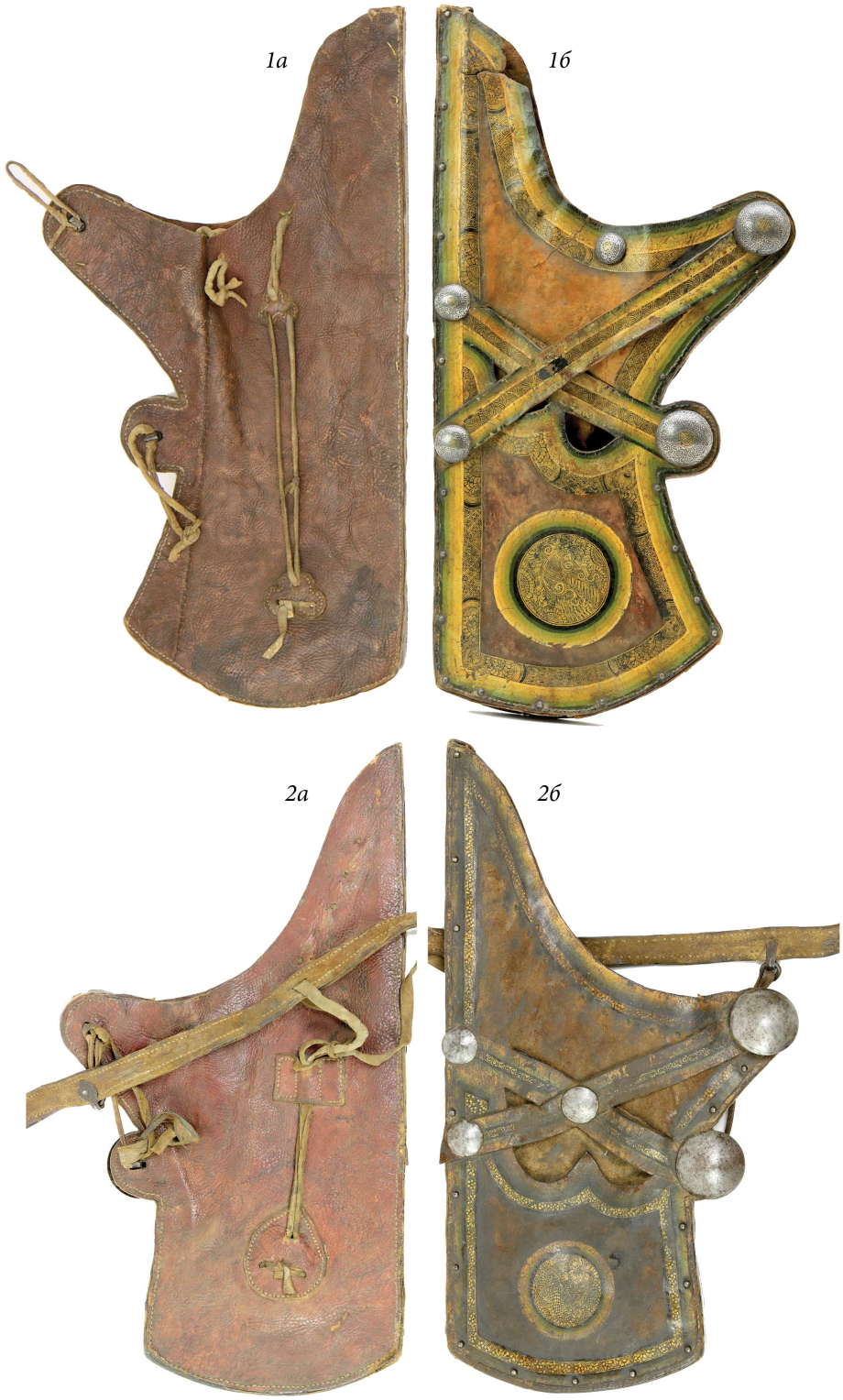

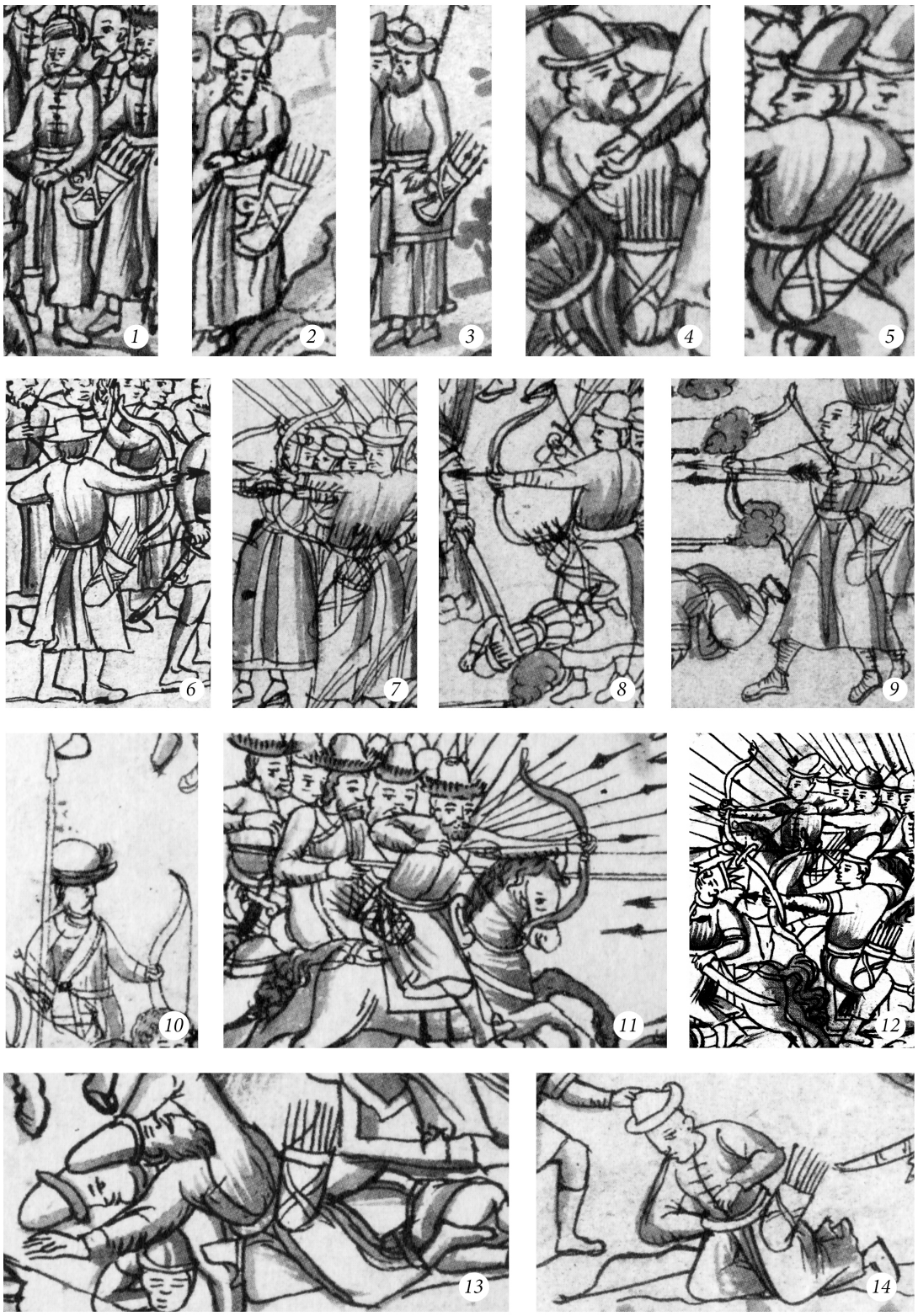
Фото 7. Колчаны из частных коллекций: *1а*, *2а* — вид сзади; *1б*, *2б* — вид спереди (по: [Dekker 2019a; Dekker 2021])

[*Photo 7*. Quivers from private collections: *1a*, *2a* — rear views; *1b*, *2b* — front views]

Фото 8. Колчаны с территории Тибета (*1–3*) и Цзиньчуани (*4*) из частных коллекций (*1*, *4*), MMA (*2*), НМШ (*3*): (*1*, *4* — по: [Dekker 2019б; Dekker 2020]; *2*, *3* — по: [LaRocca 2006])

[*Photo 8.* Quivers from Tibet (*1–3*) and Jinchuan (*4*) contained in private collections (*1*, *4*), Metropolitan Museum of Art (*2*), National Museum of Scotland (*3*)]

Илл. 1. Изображения колчанов ойратских (*10*, *11*), сибирско-татарских воинов, остяцких и вогульских воинов, Ремезовская летопись, конец XVII – начало XVIII в.

[*Ill. 1*. Pictures of Oirat quivers (*10*, *11*), Siberian Tatar warriors, Ostyak and Vogul warriors, Remezov Chronicle, late 17th – early 18th cc.]

Илл. 2. Изображения центральноазиатских и южносибирских колчанов: *1*, *4* — танка «Далха», Тибет, XVIII в., ГМВ; *2* — Фрагмент портрета джунгарского полководца Сарала на цинской службе, третья четверть XVIII в., частная коллекция; *3*, *6* — «Братские татары» (буряты), гравюра Е. М. Корнеева, начало XIX в.; *5* — «Монголы», художник А. О. Орловский, 1808 г., Краснодарский краевой художественный музей; «Бой киргизов (казахов) с уральскими казаками», художник А. О. Орловский, около 1826 г.

[*Ill. 2*. Pictures of Central Asian and South Siberian quivers: *1*, *4* — Dalha thangka, Tibet, 18th c., State Museum of Oriental Art; *2* — Fragment of a portrait of the Dzungar commander Saral in Qing service, 1750s–1770s, private collection; *3*, *6* — 'Brotherly Tatars' (Buryats), engraving by E. Korneev, early 19th c.; *5* — 'Mongols' by A. Orlovsky, 1808, Krasnodar Krai Museum of Fine Arts; 'Combat between Kirghizes (Kazakhs) and Ural Cossacks' by A. Orlovsky, ca. 1826]

275, 321, 346, 352, 355, 364, 391; Alexander 2015: 95–98, 108–110, 194–199, 231, 261, 262, 295, 296]. В данном случае наиболее вероятно, что бляхи были оформлены мусульманским ювелиром одного из городов Мавераннахра или Восточного Туркестана. Орнаментальные мотивы, выполненные в аналогичной или близкой технике, можно наблюдать, например, на среднеазиатских шлемах XVII–XVIII вв. [Бобров, Байтенова, Настич 2022: 47, 49–52, 58–61].

Узор на пряжке ремня напоминает растительный орнамент на «малом» ойратском сфероцилиндрическом шлеме из собрания ТИАМЗ (инв. № ВО-69), но отличается от него отсутствием закрученных в спираль усиков, лепестков и листьев, столь характерных для узора на ойратском наголовье.

Еще одной особенностью колчана из ТИАМЗ является декоративное оформление его лицевой стороны. Если на колчанах из западных музейных и частных собраний в качестве ядра композиции предстает заполненный орнаментом круг (фото 7: *1б*, *2б*) и (или) подпрямоугольный картуш (фото 8: *1–3*), то на колчане из ТИАМЗ визуальный эффект окружности достигается за счет закручивающегося в спираль цветочного стебля, т. е. без применения дополнительных геометрических мотивов. При этом бутон цветка изображен в смешанной манере и сочетает в себе как образ гвоздики, характерной для мусульманского изобразительного искусства, так и образ лотоса, священного для монголоязычных буддистов (фото 5: *2*).

Узор в виде вьющейся лозы с почками, побегами и листьями, изображенный на золотой полосе, которая проходит по всему периметру колчана, ремням, а также по краю Э-образного кармана, был популярен едва ли не на всей территории Центральной Азии. Однако особенно характерен он был для тюркских и монгольских кочевников региона.

Обращает на себя внимание характерное оформление кожаных петель на тыльной стороне колчана. Они вырезаны в виде трехлепестковых цветочных бутонов, напоминающих геральдическую лилию (фото 3: *3*; 6: *1а*). Данный орнаментальный мотив был исключительно популярен среди монголо- и тюркоязычных народов, а также их соседей эпохи Средневековья, Нового и Новейшего времени [Кочешков 1973: рис. 1: *13*; 7: *9*]. Он сохранился в традиционной культуре населения степных районов Евразии и сопредельных территорий вплоть до этнографической современности под названиями «бараний рог» (каз. *кошкар мюйиз*, кирг. *кучкурук*), «бычий рог», «коровий нос» и др. [Кочешков 1973: рис. 1: *13*; 7: *9*; Шевцова 2007: 22, 23, табл. 0-2А]. Интересно, что кожаные петли на тибетских колчанах имеют иное, как правило, более простое оформление (фото 7: *1а*, *2а*).

Таким образом, колчан из ТИАМЗ представляет собой синкретичное произведение, которое сочетает конструкцию и покрой колчанов «ойратского типа» с крепежными пластинами (бляхами), изготовленными мусульманским (предположительно среднеазиатским) мастером. Декоративное оформление лицевой и тыльной стороны колчана сочетает стилистику и приемы, характерные для колчанов «ойратского типа» с некоторыми деталями оформления, типичными для мастеров монголо- и тюркоязычных народов.

Представляется возможным предложить три основных варианта объяснения данного феномена.

Согласно первому, колчан был изготовлен и оформлен центральноазиатским (ойратским или тибетским) мастером и дополнен крепежными пластинами (бляхами), которые были выполнены (или украшены) мусульманским ювелиром.

Согласно второй версии, колчан был целиком изготовлен (или украшен) среднеазиатским мастером для знатного ойратского воина. При этом мусульманский оружейник постарался воспроизвести художественную стилистику колчанов «ойратского типа», но разнообразил ее декоративными мотивами, характерными для мусульманского Востока.

Согласно третьей версии, крепежные пластины могли быть смонтированы или украшены уже в период нахождения колчана у татар Западной Сибири. Однако данная версия представляется наименее вероятной.

Во всех трех случаях заказчиком и первым владельцем колчана был знатный ойратский воин, проживавший на территории Джунгарского государства или владений «чакарских» (западносибирских) тайшей. Как джунгары, так и «чакарцы» (дербеты, хошуты) контактировали с Тибетом и мусульманскими городами Мавераннахра.

В последней трети XVII в. в состав Джунгарии вошли оазисы Восточного Туркестана, что открыло джунгарам принципиально новые возможности для взаимодействия с ремесленниками «Малой Бухарии».

На территорию российских владений Западной Сибири колчан мог поступить в ходе торгового обмена, в качестве дипломатического подарка или военного трофея. Из материалов письменных источников известно, что как русские служилые и торговые люди, так и татары Западной Сибири активно взаимодействовали с ойратами на протяжении большей части XVII в. и даже позднее [Бобров, Балюнов 2022: 240–243]. Материальным подтверждением подобных контактов являются предметы ойратского вооружения (в том числе украшенные буддийской символикой), хранящиеся в собрании ТИАМЗ и ранее принадлежавшие представителям сибирско-татарской служилой элиты [Бобров, Балюнов 2022: 231–243].

Если владельцем колчана являлся ойратский воин из числа «чакарских калмыков», то верхней возможной датой его изготовления следует считать начало 70-х гг. XVII в.[1] Если колчан был изготовлен на территории центральноазиатских владений ойратов и Джунгарского государства, то он может быть датирован XVII – серединой XVIII в., но не позднее 50-х гг. XVIII в., когда Джунгария был разгромлена, а ее оружейные центры прекратили свое существование.

Выводы

Анализ собранных материалов показал, что изучаемый колчан поступил в собрание Тобольского губернского музея в 1890 – первой половине 1891 гг., а не в 1925 г., как считалось ранее. В этот период в музее также хранился кожаный налуч, возможно, входивший в тот же саадачный набор, что и колчан. Местонахождение налуча в настоящее время неизвестно.

Типологический анализ колчана позволил уточнить особенности его конструкции, декоративного оформления, а также датировку и атрибуцию.

Колчан ВО-73 из собрания ТИАМЗ относится к кожаным каркасным колчанам-футлярам асимметрично-трапециевидной формы, с удлиненной заостренной «спинкой», приостренным днищем, вытянутым верхним «ушком», Э-образным карманом с перекрещивающимися ремнями, металлическими заклепками по периметру, полусферическими крепежными пластинами и орнаментированной лицевой поверхностью.

На основании изучения вещественных и изобразительных источников опровергнута ранее бытовавшая атрибуция колчана как изделия татарских мастеров Западной Сибири.

Установлено, что данная разновидность колчанов входит в состав большой группы центральноазиатских колчанов второй половины XVI – середины XIX в., однако отличается от своих монгольских и южносибирских аналогов рядом деталей конструкции и системы декоративного оформления. Отличительными особенностями колчанов серии является высокая заостренная спинка, вынесенное далеко вперед массивное верхнее «ушко», а также отказ от украшения лицевой стороны колчана металлическими накладками (за исключением ременных блях и заклепок по периметру).

Все известные колчаны рассматриваемого типа происходят с территории южных районов Западной и Центральной Сибири, Юго-Восточного Казахстана и Тибета. В XVII – середине XVIII в. данные регионы являлись объектом военно-политической экспансии западных монголов — ойратов (джунгар, хошутов, дербетов и др.). Время бытования и ареал распространения колчанов данного типа совпадает с периодом доминирования на указанных территориях различных ойратских государственных образований. Это позволяет с некоторой долей условности обозначить колчаны рассматриваемого образца как колчаны «ойратского типа». Внутри данной серии выделяются колчаны, изготовленные тибетскими мастерами с учетом местных традиций декоративного оформления. Последняя разновидность колчанов может быть обозначена как «ойрато-тибетская».

Колчаны «ойратского типа», вероятно, сформировались в середине XVI – начале XVII в. на основе поздних вариантов «чингизидских» колчанов-футляров. По всей видимости, родиной подобных колчанов явля-

[1] В 1672 г. «чакарцы» потерпели поражение в войне со своими ойратскими соседями и были разделены между волжскими калмыками и джунгарами [Тепкеев 2012: 354, 355].

ется территория Западной Монголии, Южной Сибири, Юго-Восточного и Восточного Казахстана. В Тибет колчаны «ойратского типа» попали вместе с войсками Гуши-хана и его союзников во второй половине 30-х гг. XVII в. Менее вероятно, что они сформировались в Тибете, а затем были распространены ойратами на территорию Южной Сибири и Юго-Восточного Казахстана.

Большинство известных образцов колчанов рассматриваемого типа можно датировать XVII – серединой XVIII в. В более поздний период они постепенно вышли из широкого военного обихода, уступив место колчанам монгольского, среднеазиатского, байкальского и цинского типа. Тем не менее они оказали определенное влияние на стиль оформления колчанов Центральной Азии и сопредельных территорий. Так, например, колчаны Цзиньчуани, хотя и сохранили местные зауженные пропорции, но стали снабжаться ремнями, бляхами и заклепками по образцу «ойратских» и «ойрато-тибетских» аналогов (фото 8: *4*). Не исключено, что появление рядов заклепок по периметру некоторых разновидностей цинских колчанов также может быть связано с влиянием центральноазиатского (ойратского, монгольского) саадака. Характерно в данной связи, что колчан джунгарского полководца Сарала, перешедшего на сторону Цинской империи, хотя и выполнен по имперским стандартам, украшен по периметру рядами заклепок с желтыми (бронзовыми?) шляпками, как и рассматриваемый колчан из ТИАМЗ (илл. 2: *2*). Появление удлиненной спинки и длинного верхнего ушка на некоторых разновидностях казахских 8-образных колчанов, возможно, также связано с ойратским влиянием [Бобров, Пинк 2014: 250–253].

Отмечая несомненное сходство изучаемого колчана из ТИАМЗ с другими образцами колчанов «ойратского типа», необходимо отметить его характерные особенности. Так, в частности, крепежные пластины (бляхи) были изготовлены (или украшены) мастером, работавшим в рамках мусульманской культурной традиции. Декоративное оформление лицевой и тыльной стороны колчана сочетает элементы, характерные для изделий как монголо-, так и тюркоязычных народов Центральной Азии. Подобная синкретичность позволяет предположить, что колчан был изготовлен ойратским или тибетским мастером, а затем доработан мусульманским (предположительно среднеазиатским) оружейником или ювелиром. Также не исключено, что колчан целиком был выполнен среднеазиатским матером в ойратском стиле. В обоих случаях заказчиком колчана являлся состоятельный воин из числа «чакарских» (западносибирских) калмыков или джунгар. Время изготовления колчана может быть локализовано периодом существования государственных образований сибирских и центральноазиатских ойратов, т. е. XVII – серединой XVIII в. На территорию Западной Сибири колчан мог попасть в ходе торгового обмена, в качестве дипломатического подарка или военного трофея.

Подводя итог исследования, необходимо отметить, что колчан ВО-73 из собрания ТИАМЗ представляет собой яркую разновидность колчанов «ойратского типа», получивших распространение на территории Южной Сибири, Юго-Восточного Казахстана и Тибета. Высокая научная ценность данного колчана обусловлена не только его хорошей сохранностью, но и исключительно богатым и оригинальным декоративным оформлением.

Сокращения

ГМВ — Государственный музей Востока (г. Москва).

ККХМ — Краснодарский краевой художественный музей.

НМК — Новокузнецкий краеведческий музей.

НМШ — Национальный музей Шотландии (г. Эдинбург, Великобритания).

ММА — Метрополитен-музей (Metropolitan Museum of Art).

Источники

Инвентарная карточка. ТМ-5423. Инв. № ВО-73 — Инвентарная карточка. ТМ-5423. Инв. № ВО-73. 1 л. // Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник.

Sources

Tobolsk Reserve Museum of History and Architecture. Accession Register Card. TM-5423. Inv. no. BO-73. 1 p. (In Russ.)

Литература

Бобров 2019 — *Бобров Л. А.* Джунгары — последняя кочевая империя // Кочевые империи Евразии: особенности исторической динамики / отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин. М.: Наука, Вост. лит., 2019. С. 364–398.

Бобров, Алексеев 2022 — *Бобров Л. А., Алексеев Д. П.* Калмыцкий «каркасный» шлем из собрания Смоленского государственного музея-заповедника // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 2. С. 247–263. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-247-263

Бобров, Байтенова, Настич 2022 — *Бобров Л. А., Байтенова С. О., Настич В. Н.* Еще раз о шлеме с золотой насечкой из собрания Северо-Казахстанского областного историко-краеведческого музея // Universum Humanitarium. 2022. № 1. С. 44–65.

Бобров, Балюнов 2022 — *Бобров Л. А., Балюнов И. В.* «Большой» ойратский сфероцилиндрический шлем из собрания Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34. № 1. С. 226–249. DOI: 10.14258/tpai(2022)34(1).-13

Бобров, Борисенко, Худяков 2010 — *Бобров Л. А., Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С.* Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время: учебное пособие. Новосибирск: НГУ, 2010. 288 с.

Бобров, Кабульдинов, Агатай 2022 — *Бобров Л. А., Кабульдинов З. Е., Агатай У. М.* Ойратские сфероцилиндрический шлем и подшлемник из собрания Центрального Государственного музея Республики Казахстан // Археология, этнография и антропология Евразии. 2022. Т. 50. № 4. С. 91–98. DOI: 10.17746/1563-0110.2022.50.4.091-098

Бобров, Зозуля 2022 — *Бобров Л. А., Зозуля С. С.* Панцирные пластины из раскопок В. В. Радлова в собрании Государственного Исторического музея // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2022. Т. 21. № 5: Археология и этнография. С. 115–130. DOI: 10.25205/1818-7919-2022-21-5-115-130

Бобров, Пилипенко, Мартюшов 2023 — *Бобров Л. А., Пилипенко С. А., Мартюшов Р. А.* Позднесредневековый центральноазиатский колчан из собрания Новокузнецкого краеведческого музея // Universum Humanitarium. 2023. № 1. С. 12–32.

Бобров, Пинк 2014 — *Бобров Л. А., Пинк И. Б.* Стрелы и колчаны казахских воинов из Тульского Государственного музея оружия // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 3: Археология и этнография. С. 243–255.

Бобров, Рюмшин 2015 — *Бобров Л. А., Рюмшин М. А.* «…И против них не стаивали они нигде и биться с ними не умеют». Оружейный и военно-тактический аспект калмыцко-ногайских и калмыцко-татарских войн первой половины – середины XVII в. // Золотоордынская цивилизация. 2015. № 8. С. 357–378.

Бобров, Худяков 2006 — *Бобров Л. А., Худяков Ю. С.* Монгольское влияние на военное дело тибетцев в позднем Средневековье и начале Нового времени // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2006. Т. 5. № 3. С. 188–234.

Бобров, Худяков 2008 — *Бобров Л. А., Худяков Ю. С.* Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV – первая половина XVIII в.). СПб.: Фак. филол. и искусств СПбГУ, 2008. 770 с.

Государева Оружейная 2002 — Государева Оружейная палата / ред. В. Е. Тумановский. СПб.: Атлант, 2002. 408 с.

Корнеев 2022 — *Корнеев Г. Б.* Священные знамена ойратов и калмыков: научно-популярное издание. Элиста: Центральный хурул РК «Золотая обитель Будды Шакьямуни», 2022. 232 с.

Кочешков 1973 — *Кочешков Н. В.* Народное искусство монголов. М.: Наука, 1973. 200 с.

Молодин, Соболев, Соловьев 1990 — *Молодин В. И., Соболев В. И., Соловьев А. И.* Бараба в эпоху позднего Средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 262 с.

Надточий 1988 — *Надточий Ю. С.* Тобольский музей-заповедник. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1988. 239 с.

Прокопенко 2012а — *Прокопенко В. М.* Саадаки с плоским колчаном (Европа, XVI–XVII вв.). Часть 1: Конструкция. 27.03.2012 [электронный ресурс] // Китаб хона: колодец знаний. Военное дело. Метательное оружие. URL: https://www.kitabhona.org.ua/libwar_bow/kolchan1-1.html (дата обращения: 07.12.2022).

Прокопенко 2012б — *Прокопенко В. М.* Саадаки с плоским колчаном (Европа, XVI–XVII вв.). Часть 2: Каталог. 27.03.2012 [электронный ресурс] // Китаб хона: колодец знаний. Военное дело. Метательное

оружие. URL: https://www.kitabhona.org.ua/libwar_bow/kolchan1-2.html (дата обращения: 07.12.2022).

Сибирские реликвии 2000 — Сибирские реликвии: из собрания Тобольского музея / Тюменский рег. общ. фонд «Возрождение Тобольска». Тобольск, Верона: GRAFIC, 2000. 277 с.

Соловьев 2003 — *Соловьев А. И.* Оружие и доспехи. Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2003. 224 с.

Тепкеев 2012 — *Тепкеев В. Т.* Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века. Элиста: НПП «Джангар», 2012. 376 с.

Шевцова 2007 — *Шевцова А. А.* Казахский народный орнамент: истоки и традиция. М.: Московский фонд «Казахская диаспора», 2007. 240 с.

Alexander 2015 — *Alexander D. G.* Islamic Arms and Armor in the Metropolitan Museum of Art. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2015. 336 p.

Armaments 2008 — Gugong Bowuyuan Cang Wenwu Zhenpin, Quanji 56: Qing gong wu bei = Armaments and Military Provisions // The Complete Collection of Treasures of the Palace Museum, Beijing 56. Beijing: Commercial Press, 2008. 264 p.

Dekker 2019a — *Dekker P.* Tibetan or Mongolian quiver. 2019 [электронный ресурс] // Mandarin Mansion. URL: https://www.mandarinmansion.com/item/tibetan-or-mongolian-quiver (дата обращения: 19.12.2022).

Dekker 2019б — *Dekker P.* Rare Jinchuan quiver. 2019 [электронный ресурс] // Mandarin Mansion. URL: https://www.mandarinmansion.com/item/rare-jinchuan-quiver (дата обращения: 19.12.2022).

Dekker 2020 — *Dekker P.* Early lacquered quiver. 2020 [электронный ресурс] // Mandarin Mansion Antiques. URL: https://www.mandarinmansion.com/item/early-tibetan-or-mongolian-lacquered-quiver (дата обращения: 19.12.2022).

Dekker 2021 — *Dekker P.* Tibetan bowcase and quiver. 2021 [электронный ресурс] // Mandarin Mansion Antiques. URL: https://www.mandarinmansion.com/item/tibetan-bowcase-quiver (дата обращения: 19.12.2022).

LaRocca 2006 — *LaRocca D.* Warriors of the Himalayas. Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. New York: The Metropolitan Museum of Art; New Haven, London: Yale University Press, 2006. 307 p.

Shim 2020 — *Shim H.* The Zunghar Conquest of Central Tibet and its Influence on Tibetan Military Institutions in the 18th Century // Revue d'Etudes Tibetaines. Asian Influences on Tibetan Military History between the 17th and 20th Centuries. 2020, № 53. Pp. 56–113.

The Arts… 2008 — The Arts of the Muslim Knight: The Furusiyya Art Foundation Collection / ed. by Bashir Mohamed. Milan: Skira, 2008. 416 p.

References

Alexander D. G. Islamic Arms and Armor in the Metropolitan Museum of Art. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2015. 336 p. (In Eng.)

Antiques from Siberia: Collections of Tobolsk Museum. Tobolsk Revival Foundation. Tobolsk, Verona: GRAFIC, 2000. 277 p. (In Russ.)

Bobrov L. A. Dzungars — the last imperial nomads. In: Bazarov B. V., Kradin N. N. (eds.) Nomadic Empires of Eurasia: Particularities of Historical Dynamics. Moscow: Nauka – Vostochnaya Literatura, 2019. Pp. 364–398. (In Russ.)

Bobrov L. A., Alekseev D. P. Smolensk State Reserve Museum: A Kalmyk 'Framed' Helmet Reviewed. Mongolian Studies (Elista). 2022; 14(2): 247–263. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-247-263. (In Russ.).

Bobrov L. A., Baitenova S. O., Nastich V. N. Once again about the helmet with golden notch from the collection of the North Kazakhstan Regional Museum. *Universum Humanitarium*. 2022. No. 1. Pp. 44–65. (In Russ.)

Bobrov L. A., Balyunov I. V. 'Big' Oirat spherocylindrical helmet in the Tobolsk Historical and Architectural Museum-Reserve depositary. *Theory and Practice of Archaeological Research*. 2022. Vol. 34. No. 1. Pp. 226–249. DOI: 10.14258/tpai(2022)34(1).-13. (In Russ.)

Bobrov L. A., Borisenko A. Yu., Khudyakov Yu. S. Military Science in Siberia: Interaction between Turko-Mongols and Russians in the Late Middle Ages and Modern Era. Coursebook. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 2010. 288 p. (In Russ.)

Bobrov L. A., Kabuldinov Z. E., Agatay U. M. An Oirat sphero-cylindrical helmet and arming cap from the Central State Museum collection of the Republic of Kazakhstan. *Archaeology, Ethnography & Anthropology of Eurasia*. 2022. Vol. 50. No. 4. Pp. 91–98. DOI: 10.17746/1563-0110.2022.50.4.091-098. (In Russ.)

Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S. Mongolian influence on military affairs of Tibetans in the late Middle Ages and early modern period. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*.

2006. Vol. 5. No. 3. Suppl. 2. Pp. 188–234. (In Russ.)

Bobrov L. A., Khudyakov Yu. S. Nomads of Central Asia and Southern Siberia: Weapons and Tactics in the Late Middle Ages and Modern Era (15th – Early-to-Mid 18th Centuries). St. Petersburg: St. Petersburg University (Faculty of Philology and Arts), 2008. 770 p. (In Russ.)

Bobrov L. A., Pilipenko S. A., Martyushov R. A. Late medieval Central Asian quiver from the collection of the Novokuznetsk Museum of Local Lore. *Universum Humanitarium*. 2023. No. 1. Pp. 12–32. (In Russ.)

Bobrov L. A., Pink I. B. Arrows and quivers of the Kazakh warriors from the funds of the Tula State Museum of Arms. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2014. Vol. 13. No. 3. Pp. 243–255. (In Russ.)

Bobrov L. A., Ryumshin M. A. "... And against them, they could not withstand anywhere and they are not able to fight against them". Arms and military tactical aspect of the Kalmyk-Nogai and Kalmyk-Tatar wars during the first half – middle of the 17th century. *Golden Horde Civilization*. 2015. No. 8. Pp. 357–378. (In Russ.)

Bobrov L. A., Zozulya S. S. Armor plates from the excavations of V. V. Radlov in the collection of the State Historical Museum. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2022. Vol. 21. No. 5. Pp. 115–130. DOI: 10.25205/1818-7919-2022-21-5-115-130. (In Russ.)

Dekker P. Early lacquered quiver. 2020. On: Mandarin Mansion. Available at: https://www.mandarinmansion.com/item/early-tibetan-or-mongolian-lacquered-quiver (accessed: 19 December 2022). (In Eng.)

Dekker P. Rare Jinchuan quiver. 2019. On: Mandarin Mansion. Available at: https://www.mandarinmansion.com/item/rare-jinchuan-quiver (accessed: 19 December 2022). (In Eng.)

Dekker P. Tibetan bowcase and quiver. 2021. On: Mandarin Mansion. Available at: https://www.mandarinmansion.com/item/tibetan-bow-case-quiver (accessed: 19 December 2022). (In Eng.)

Dekker P. Tibetan or Mongolian quiver. 2019. On: Mandarin Mansion. Available at: https://www.mandarinmansion.com/item/tibetan-or-mongolian-quiver (accessed: 19 December 2022). (In Eng.)

Kocheshkov N. V. Folk Arts of Mongols. Moscow: Nauka, 1973. 200 p. (In Russ.)

Korneev G. B. Sacred Banners of Oirats and Kalmyks. Elista: Golden Abode of the Shakyamuni Buddha, 2022. 232 p. (In Russ.)

LaRocca D. Warriors of the Himalayas: Rediscovering the Arms and Armor of Tibet. New York: The Metropolitan Museum of Art; New Haven, London: Yale University Press, 2006. 307 p. (In Eng.)

Mohamed B. (ed.) The Arts of the Muslim Knight: The Furusiyya Art Foundation Collection. Milan: Skira, 2008. 416 p. (In Eng.)

Molodin V. I., Sobolev V. I., Solovyov A. I. Baraba in the Late Middles Ages. Novosibirsk: Nauka, 1990. 262 p. (In Russ.)

Nadtochy Yu. S. Tobolsk Reserve Museum. Sverdlovsk: Central Ural Book Publ., 1988. 239 p. (In Russ.)

Prokopenko V. M. Saadaks with flat quivers: Europe, 16th–17th centuries. Part 1: Design. On: Kitab Hona — The Well of Knowledge. Military sciences. Ranged weapons. Posted on 27 March 2012. Available at: https://www.kitab-hona.org.ua/libwar_bow/kolchan1-1.html (accessed: 7 December 2022). (In Russ.)

Prokopenko V. M. Saadaks with flat quivers: Europe, 16th–17th centuries. Part 2: Catalogue. On: Kitab Hona — The Well of Knowledge. Military sciences. Ranged weapons. Posted on 27 March 2012. Available at: https://www.kitab-hona.org.ua/libwar_bow/kolchan1-2.html (accessed: 7 December 2022). (In Russ.)

Shevtsova A. A. Kazakh Ornamental Patterns: Origins and Tradition. Moscow: Kazakhskaya Diaspora, 2007. 240 p. (In Russ.)

Shim H. The Zunghar conquest of Central Tibet and its influence on Tibetan military institutions in the 18th century. *Revue d'Etudes Tibetaines*. 2020. No. 53. Pp. 56–113. (In Eng.)

Solovyov A. I. Weapons and Armour: Siberian Weaponry from the Stone Age to the Middle Ages. Novosibirsk: INFOLIO-Press, 2003. 224 p. (In Russ.)

Tepkeev V. T. Kalmyks in the Northern Caspian: 1630s–1670s. Elista: Dzhangar, 2012. 376 p. (In Russ.)

The Complete Collection of Treasures of the Palace Museum, Beijing 56: Armaments and Military Provisions. Beijing: Commercial Press, 2008. 264 p. (In Eng.)

Tumanovsky V. E. (ed.) Imperial Armory. St. Petersburg: Atlant, 2002. 408 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 4, Pp. 811–825, 2023
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК / UDC 902/904 (574)
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-811-825

Белагаш — новый памятник кыпчакского времени в Центральном Казахстане

Алексей Игоревич Кукушкин[1], *Адиль Болатович Макен*[2], *Евгений Анатольевич Дмитриев*[3], *Олжас Саятович Шохатаев*[4]

[1] Карагандинский университет им. акад. Е. А. Букетова (28, ул. Университетская, 100024 Караганда, Республика Казахстан)
PhD (History), старший научный сотрудник
0000-0002-6262-464X. E-mail: tatarlandia[at]mail.ru

[2] Карагандинский университет им. акад. Е. А. Букетова (28, ул. Университетская, 100024 Караганда, Республика Казахстан)
преподаватель
0009-0002-4449-6207. E-mail: adil.95.kz-95[at]mail.ru

[3] Карагандинский университет им. акад. Е. А. Букетова (28, ул. Университетская, 100024 Караганда, Республика Казахстан)
научный сотрудник
0000-0002-1440-7675. E-mail: yevgenii1992[at]mail.ru

[4] Карагандинский университет им. акад. Е. А. Букетова (28, ул. Университетская, 100024 Караганда, Республика Казахстан)
старший преподаватель
0009-0009-3885-1795. E-mail: olghas-85[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023
© Кукушкин А. И., Макен А. Б., Дмитриев Е. А., Шохатаев О. С., 2023

Аннотация. *Введение.* Многие аспекты культуры кочевого средневекового населения Центрального Казахстана, несмотря на длительную историю его археологического изучения, фактически остаются вне поля научных исследований. Так, за более чем 90-летний период раскопок представления о памятниках IX–XII вв. формируются преимущественно из результатов изучения статуарных объектов, а также 13 сооружений, большинство из которых — святилища различной конфигурации. О погребальной обрядности представляется возможным судить по единственному атрибутированному захоронению, обнаруженному в культурных слоях поселения бронзового века *Кент*. *Цель* исследования заключается, во-первых, в наиболее полном обобщении истории изучения памятников IX–XII вв. в Центральном Казахстане;

во-вторых, во введении в научный оборот новых материалов, полученных в ходе исследования памятника *Белагаш*. *Материалы и методы*. Все исследованные объекты памятника *Белагаш* представляли собой достаточно однотипные надмогильные конструкции в виде незадернованных каменных насыпей, достигавших размеров от 2–3 м до 13 м. К сожалению, значительные ограбления в совокупности с отсутствием находок делают сооружения №№ 1–3 малоинформативными для реконструкции обрядности, а с учетом того, что подобные надмогильные конструкции могут в известной мере встречаться как в памятниках раннего железного века, так и средневековья, вопрос об их датировке предлагается пока оставить открытым. *Результаты*. Наибольший интерес представляет сооружение № 4, которое по формально-типологическим признакам можно отнести к кругу памятников VIII/IX–XI вв. Оно содержало разрозненные останки лошади в сопровождении железных стремени и пряжки, а также бронзовых наконечника ремня и накладной бляшки. Для установления возраста комплекса ключевое значение имеют типологические характеристики стремени, а также известные в Прииртышье и на Алтае аналоги, совокупно позволяющие датировать исследованный объект № 4 в рамках VIII/IX–XI вв. Авторы отмечают важность полученных материалов памятника *Белагаш*, которые дополняют немногочисленные сведения о культуре населения, проживавшего на территории Центрального Казахстана в конце раннего средневековья.

Ключевые слова: Центральный Казахстан, раннее средневековье, кыпчаки, могильник, стремя, Белагаш

Благодарность. Работа выполнена в рамках проекта Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан AP09259147 «Культура кочевого населения Сарыарки в Средневековье (по материалам погребальных и ритуальных комплексов)».

Для цитирования: Кукушкин А. И., Макен А. Б., Дмитриев Е. А., Шохатаев О. С. Белагаш — новый памятник кыпчакского времени в Центральном Казахстане // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 4. С. 811–825. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-811-825

Belagash: A Newly Discovered Kipchak-Era Site in Central Kazakhstan

Alexey I. Kukushkin[1], *Adil B. Maken*[2], *Evgeniy A. Dmitriev*[3], *Olzhas S. Shokhatayev*[4]

[1] Karaganda Buketov University (28, Universitetskaya St., 100024 Karaganda, Republic of Kazakhstan)
PhD (History), Senior Research Associate
0000-0002-6262-464X. E-mail: tatarlandia[at]mail.ru

[2] Karaganda Buketov University (28, Universitetskaya St., 100024 Karaganda, Republic of Kazakhstan)
Lecturer
0009-0002-4449-6207. E-mail: adil.95.kz-95[at]mail.ru

[3] Karaganda Buketov University (28, Universitetskaya St., 100024 Karaganda, Republic of Kazakhstan)
Researcher
0000-0002-1440-7675. E-mail: yevgenii1992[at]mail.ru

[4] Karaganda Buketov University (28, Universitetskaya St., 100024 Karaganda, Republic of Kazakhstan)
Senior Lecturer
0009-0009-3885-1795. E-mail: olghas-85[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023
© Kukushkin A. I., Maken A. B., Dmitriev E. A., Shokhataev O. S., 2023

Abstract. *Introduction*. Despite the long history of archaeological research in Central Kazakhstan, many aspects of culture inherent to its medieval nomadic population remain understudied. So, the ninety-year-long excavations of eighth-to-twelfth century sites have shaped certain ideas about the latter primarily on the basis of statuary objects and thirteen sanctuary-type facilities with varying

structural patterns. Funeral rites can be traced only in one attributed burial discovered in cultural layers of the Bronze Age settlement of Kent. *Goals*. The study attempts a complete historical summary of investigations into eighth-to-twelfth century sites across Central Kazakhstan, and introduces into scientific circulation some newly discovered material from the site of Belagash. *Materials and methods*. All the studied objects of Belagash are rather similar graveside structures in the form of unsodded stone mounds sized 2–3 to 13 m. Unfortunately, facilities nos. 1–3 were looted and have yielded only scarce finds that provide insufficient data for any reconstruction of rituals. And since such graveside structures can to some extent be traced in both Early Iron Age and medieval monuments, the question of their dating shall be left open for the time being. *Results*. Facility no. 4 is of utmost interest. Its formal typological features attest to it may cluster with eighth/ninth-to-eleventh century sites. It was containing some scattered horse remains accompanied by an iron stirrup, a buckle, a bronze belt tip, and an appliqué plaque. Typological characteristics of the stirrup are crucial to identifying the historical period in question: analogues from the Irtysh River valley and the Altai may date the investigated site to the eighth/ninth throughout eleventh centuries CE. *Conclusions*. It is urgent to emphasize the significance of the material from Belagash since the latter does add to the meager data on the culture of Central Kazakhstan's population at the final stage of the Early Middle Ages.

Keywords: Central Kazakhstan, Early Middle Ages, Kipchaks, burial ground, stirrup, Belagash

Acknowledgements. The reported study was funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Science Committee), project no. AP09259147 'Culture of the Nomadic Population of Saryarka in the Middle Ages (Based on Materials from Burial and Ritual Complexes)'.

For citation: Kukushkin A. I., Maken A. B., Dmitriev E. A., Shokhataev O. S. Belagash: A Newly Discovered Kipchak-Era Site in Central Kazakhstan. *Oriental Studies*. 2023; 16(4): 811–825. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-811-825

1. Введение

В современном понимании начало подлинно научному археологическому изучению Центрального Казахстана было положено в 1933 г. Нуринской экспедицией под руководством П. С. Рыкова, организованной Государственной академией истории материальной культуры Народного комиссариата просвещения СССР. В ее задачи входило выявление памятников и проведение раскопок на территории совхоза «Гигант» (Карагандинская область) [Рыков 1935: 40].

Осуществленные несколькими отрядами работы охватили комплексы различных исторических периодов: от эпохи камня до позднего средневековья включительно — и дали показательные материалы, подчеркивающие их региональное своеобразие [Рыков 1935].

В последующие годы темпы археологического изучения нарастали, выстраивая и насыщая новыми материалами колонную секвенцию культур. Однако внимание было акцентировано преимущественно на памятниках эпохи бронзы и раннего железного века, в то время как материальная культура средневекового населения оставалась практически неизученной. Схожая ситуация сохранилась и по настоящее время, а накопленные источники настолько малочисленны, что археологическая летопись территории Центрального Казахстана в VI–XIV вв. представляет собой в некотором роде terra incognita. Данное обстоятельство естественным образом актуализирует любые новые данные, вводимые в научный оборот. В особенности это касается завершающей стадии раннего средневековья (IX–XII века), которая, за исключением многочисленных зафиксированных и описанных статуарных объектов [Касенова 2020; Ермоленко 2004; Маргулан 2003], обеспечена материалами нескольких исследованных кыпчакских святилищ и захоронением на поселении *Кент*.

В рамках данной статьи предлагается обратиться к результатам исследований памятника *Белагаш*, имеющим важное значение в ракурсе накопления новых источников по IX–XII векам.

2. История изучения памятников IX–XII вв.

Приступая к освещению истории изучения памятников IX–XII вв., необходимо

обозначить позицию авторов по следующим аспектам: во-первых, в обзор включены объекты, расположенные сугубо в современных территориально-административных границах Карагандинской и Улытауской областей; во-вторых, в вопросе использования термина «кыпчакский» применительно к раскопанным сооружениям авторы данной статьи продолжают устоявшуюся тенденцию этнокультурной атрибуции, однако необходимо иметь в виду, что Центральный Казахстан в IX–XII в. был областью расселения нескольких племенных объединений, а известные проблемные аспекты соотнесения археологических материалов с конкретными этносами, по нашему мнению, вряд ли дают основания для безапелляционной констатации их этнокультурной принадлежности; в-третьих, следует учитывать отсутствие радиоуглеродных определений, что оставляет некоторую свободу в области трактовки возраста исследованных объектов.

Первые раскопки комплекса IX–XII вв. были проведены в 1948 г. Л. Р. Кызласовым в урочище Аиршоку (Улытауская обл.). Объект представлял собой ритуальный каменный курган диаметром 7 м, высотой до 0,75 м. Подле него находилось поваленное погрудное антропоморфное изваяние [Кызласов 1951: 53–63].

В 1978 г. в верховьях реки Атасу, в 51 км западнее от пос. Кызылтау (Карагандинская обл.), исследован еще один курган, имевший овальную в плане форму размерами 8 х 7 м, высотой до 0,7 м. Под каменной насыпью, в южной половине, зафиксировано золистое пятно. В восточных полах сооружения были установлены 3 стелы, две из которых имеют антропоморфные очертания [Ермоленко 1987: 105–107].

В этом же году были начаты работы на святилище *Аблай* (Карагандинская обл.), продолженные в 1979 г. Комплекс состоял из двух смыкающихся четырехугольных построек размерами 6,5 х 6,5 м и 4,5 х 4,5 м, в одной из которых, т. е. малой, были установлены двумя рядами антропоморфные изваяния кыпчакского иконографического облика [Ермоленко, Курманкулов 1992: 118; Ермоленко, Гецова, Курманкулов 1985: 137–161].

Ж. К. Курманкуловым и Л. Н. Ермоленко в 1982–1983 гг. в урочище *Мыржик* (Карагандинская обл.) исследовано еще одно святилище, содержавшее под курганной насыпью прямоугольную каменную ограду размерами 4,75 х 4,4 м, высотой 0,6 м, со стенками шириной 1,1–1,3 м. В ее внутреннем пространстве зафиксированы два антропоморфных изваяния различной сохранности. На дне камеры найдены кости животных (верблюд, баран), в том числе 5 бараньих черепов без нижних челюстей. Некоторые вещи были обнаружены в норе грызуна и представлены парой костяных срединных накладок на лук, парой петель от колчана и сильно корродированными железными предметами, в целом датирующимися началом II тыс. [Ермоленко 2004: 102, рис. 21; Ермоленко, Курманкулов 1992: 116–119; Ермоленко, Гецова, Курманкулов 1985: 137–161].

В 15 м северо-западнее данного святилища в 1985 г. С. М. Ахинжановым было исследовано аналогичное сооружение четырехугольной в плане формы, стенки которого сложены строительной кладкой. В центральной и восточной частях зафиксированы 2 изваяния [Ермоленко 2004: 36, 100, рис. 17а].

В 1990 г. в долине реки Жинишке (Карагандинская обл.) раскопан аналогичный мыржикскому комплекс, содержавший под насыпью ограду размерами 5,8 х 5,6 м, высотой до 0,5 м. Во внутренней камере были установлены двумя рядами 5 изваяний, а на дне выявлена яма со следами воздействия огня и скоплением фрагментированных конечностей лошади. Возле изваяний найдена синяя бусина. Другие находки комплекса состояли из каменного диска с отверстием, неорнаментированного фрагмента керамики и железного гвоздя с массивной шляпкой [Ермоленко, Курманкулов 2002: 78–87].

Единственное на тот момент захоронение обнаружено в 1990 г. при раскопках поселения *Кент* (Карагандинская обл.). Оно было совершено в грунтовой яме овальной формы в плане, размерами 2,3 х 1,3 м и ориентированной в широтном направлении. В процессе расчистки погребения обнаружен частично потревоженный человеческий скелет, уложенный на спине в вытянутом положении и направленный черепом на запад. Останки сопровождались серебряными цепочкой и бляшками, перламутровой и азуритовой подвесками-нашивками, фрагмен-

том зеркала и стременем. Типологические аналоги обнаруженным изделиям позволили В. В. Варфоломееву и И. В. Рудковскому датировать захоронение XI–XII веками [Варфоломеев, Рудковской 2004: 220–225].

Новый ритуальный комплекс исследован в 2012 г. на памятнике *Тасшокы* (Карагандинская обл.). Он представлял собой каменно-земляной курган диаметром 9 м. У восточной полы насыпи найдено обломленное изваяние с характерным для кыпчакской традиции иконографическим обликом [Жусупов, Дмитриев 2017: 52–54].

В 2017 г. были проведены раскопки святилища *Унирек 1*, которое находится в 4,5 км восточнее одноименного аула (Карагандинская обл.). Комплекс состоял из двух сооружений, обведенных общим рвом. После снятия поверхностного грунта и разбора развалов камней были выявлены две ограды: одна диаметром 4 м, другая — 3,6 х 3,5 м, — содержавшие во внутреннем пространстве 4 антропоморфных детализированных кыпчакских изваяния [Курманкулов, Касенова 2017: 106–109].

В целях выполнения более полного обзора необходимо также в общих чертах упомянуть о еще двух неопубликованных памятниках, раскопанных авторами данной статьи.

В 2019 г. в долине реки Талды, в 1,5 км западнее от пос. Байбала, были проведены работы на ритуально-погребальном комплексе *Байбала* (Карагандинская обл.). Наиболее крупное из исследованных сооружений представляло собой каменный курган диаметром 10 м, в насыпи которого были установлены 2 балбала. Других находок объект не содержал. Периферию памятника составляли 3 каменные выкладки, под одной из которых выявлено безынвентарное захоронение, видимо, более позднего времени.

В 4,4 км юго-восточнее от пос. Беталыс, на правобережье р. Жарым в 2022 г. было исследовано святилище *Кызылмола* (Карагандинская обл.). Оно представляло собой земляной курган овальной в плане формы с едва заметными участками скоплений камней. После снятия насыпи был расчищен подчетырехугольный наброс камней на грунтовую подсыпку. В центральной части на уровне материка зафиксированы остатки деревянного столба. У восточного края наброса камней находились 5 статуарных объектов, три из которых имели антропоморфный облик.

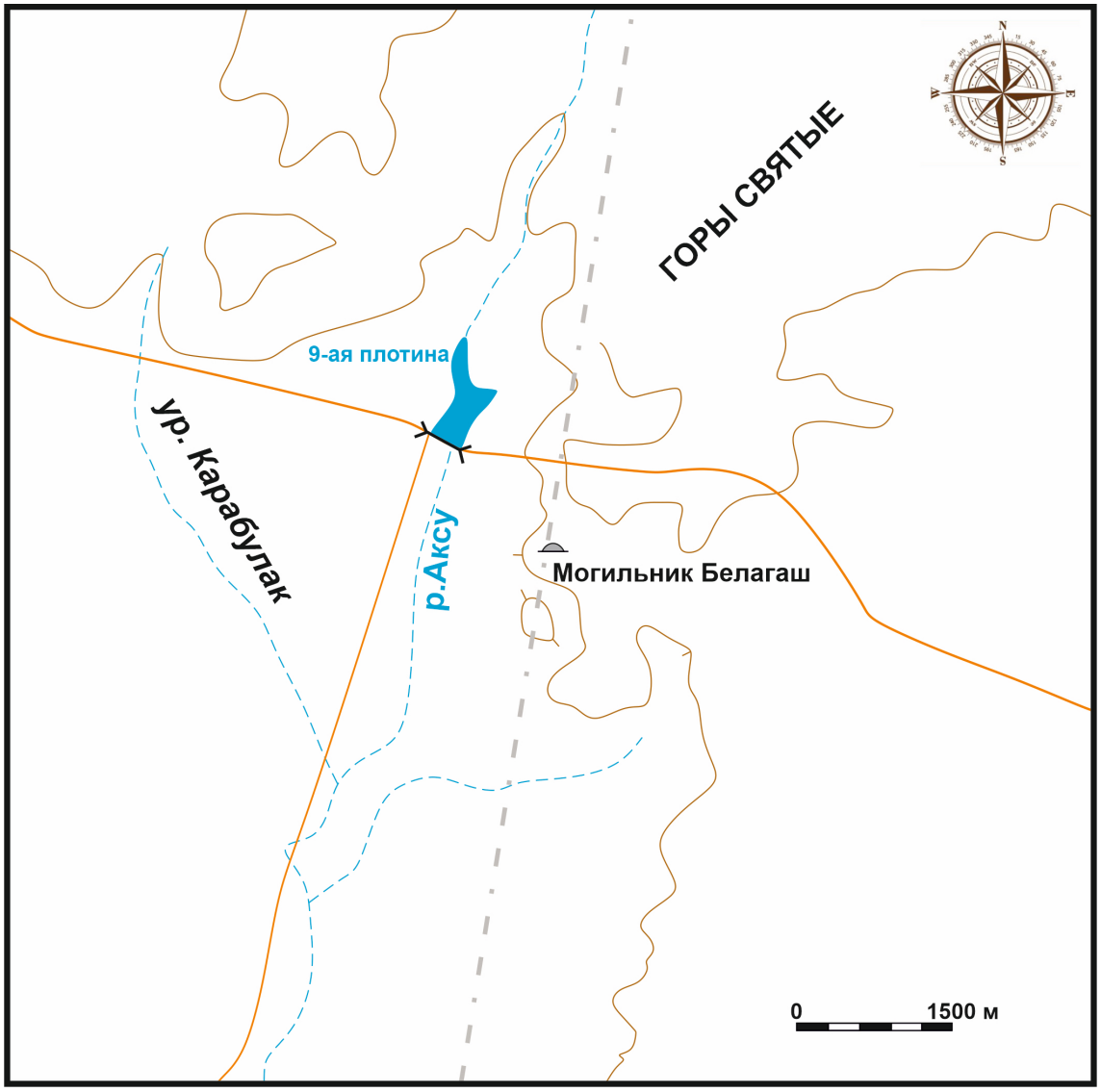
Подводя итоги изучения памятников IX–XII вв., следует отметить, что суммарно было раскопано 13 сооружений, из которых подавляющее большинство представлено объектами ритуально-поминального характера.

3. Материалы и методы

В 2021 г. экспедицией Карагандинского областного историко-краеведческого музея под руководством А. Б. Макена осуществлены археологические исследования памятника *Белагаш*, который находится в Бухаржырауском районе Карагандинской области, в 12 км юго-восточнее одноименного поселка, в 1 км южнее грейдера Белагаш – Рыбинское и расположен на вершине невысокой сопки, занимающей левобережную площадку реки Аксу. На погребальном поле были визуально фиксированы 4 кургана с каменными насыпями (см. карту 1). Впоследствии все они были раскопаны.

Сооружение № 1 — каменный курган диаметром 13 м, высотой до 1 м, с покрытыми дерном полами насыпи. В центральной части наблюдалось воронкообразное углубление. На объекте был разбит круговой раскоп диаметром 14 м (рис. 1). После расчистки основания кургана от грунта и кустарниковой растительности была разобрана восточная половина насыпи с целью фиксации стратиграфии комплекса. В ходе изучения надмогильной конструкции зафиксирована крепида, сложенная из крупных камней и имевшая диаметр около 10,5 м, а ширину до 1 м. В центральной части подкурганной площадки, на уровне материка, расчищено перекрытие могилы размерами 4,2 х 2,3 м, состоящее из массивных каменных плит и камней, вытянутое по линии «Запад – Восток». Вблизи зафиксирован астрагал мелкого рогатого скота (МРС). Центральная часть перекрытия на момент раскопок оказалась завалена в погребение. Могила представляла собой выбитую в скале нишу, близкую к прямоугольной в плане формы, размерами 2,2 х 1,6 м, глубиной до 0,95 м, ориентированную сообразно перекрытию. Погребение находок не содержало.

Сооружение № 2 — курган с каменной насыпью диаметром 6,5 м, высо-

Карта 1. Расположение памятника *Белагаш*
[*Map 1*. Location of the site of Belagash]

той 0,5 м. На объекте разбит круговой раскоп диаметром 6,5 м (см. рис. 1). После расчистки основания кургана от грунта и кустарниковой растительности была разобрана восточная половина насыпи с целью фиксации стратиграфии комплекса. На уровне материка были обнаружены разрозненные кости животных. Погребение не обнаружено.

Сооружение № 3 представляло собой овальный каменный курган размерами 3х2 м, высотой 0,6 м. На объекте был разбит круговой раскоп диаметром 3,5 м (см. рис. 1). После разбора насыпи, на уровне материка, по контрасту цветов грунта были зафиксированы очертания погребения размерами 1,7 х 0,9 м, ориентированного по линии «Запад – Восток». В процессе выборки заполнения было установлено, что могила была полностью ограблена. Глубина ямы составила 0,8 м.

Сооружение № 4 — каменный курган диаметром 6,5 м, высотой до 0,4 м. На объекте был разбит круговой раскоп диаметром 7 м (см. рис. 2). После расчистки основания кургана от грунта и кустарниковой растительности была полностью разобрана насыпь. В центральной части, на уровне материка, зафиксировано погребение. Оно представляло собой выбитую в скале нишу

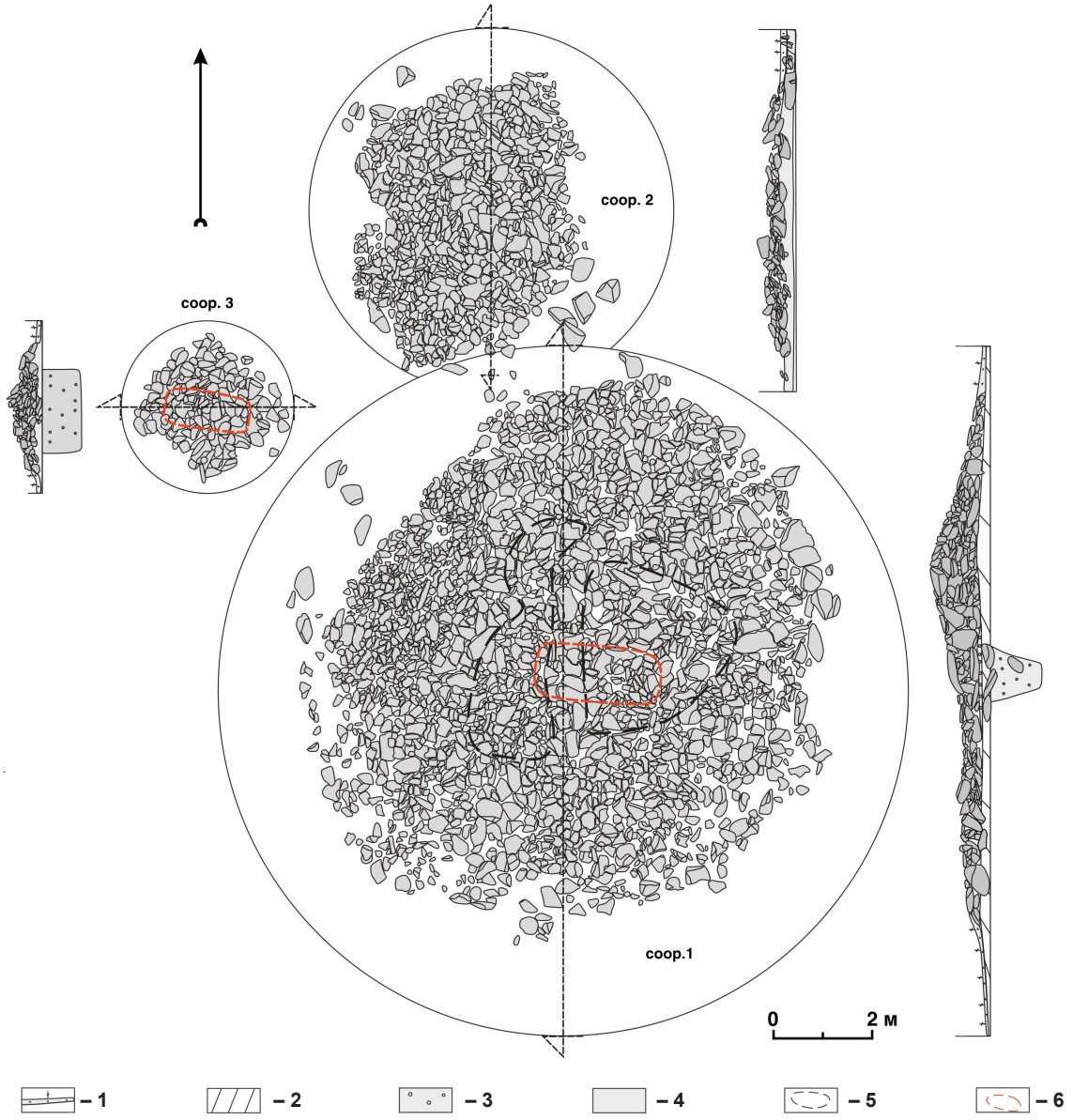

Рис. 1. Планы и профили сооружений №№ 1–3: 1 — дерн; 2 — темно-коричневый слой; 3 — заполнение могилы; 4 — коричневый слой; 5 — западины в насыпи, вызванные грабительским проникновением; 6 — контуры погребений

[*Fig. 1*. Plans and profiles of facilities nos. 1–3: 1 — turf; 2 — dark brown layer; 3 — grave filling; 4 — brown layer; 5 — depressions caused by grave robbers; 6 — contours of burials]

размерами 2,6 х 1,7 м, глубиной 1 м, ориентированную по линии «Запад-Северо-Запад – Восток-Юго-Восток» (см. рис. 3). В процессе выборки заполнения могилы, у дна, были зафиксированы два скопления костей лошади, в одном из которых обнаружены фрагменты железного стремени и подпружной пряжки. В восточной половине ямы найдены бронзовые наконечник ремня и накладка.

Железное стремя — арочной формы; дужки имеют округлое сечение размерами 1,3 х 0,9 см; в верхней части имеется подпрямоугольный выступ (4,2 х 3,9 см) с прямоугольным разрезом для крепления путлища (1,5 х 0,8 см); подножка уплощенная, размерами 9,5 х 3,8 см, с продольным ребром жесткости на внешней поверхности. Общие размеры по дужкам и подножке — 12 х 11,8 см (см. рис. 4: *4*).

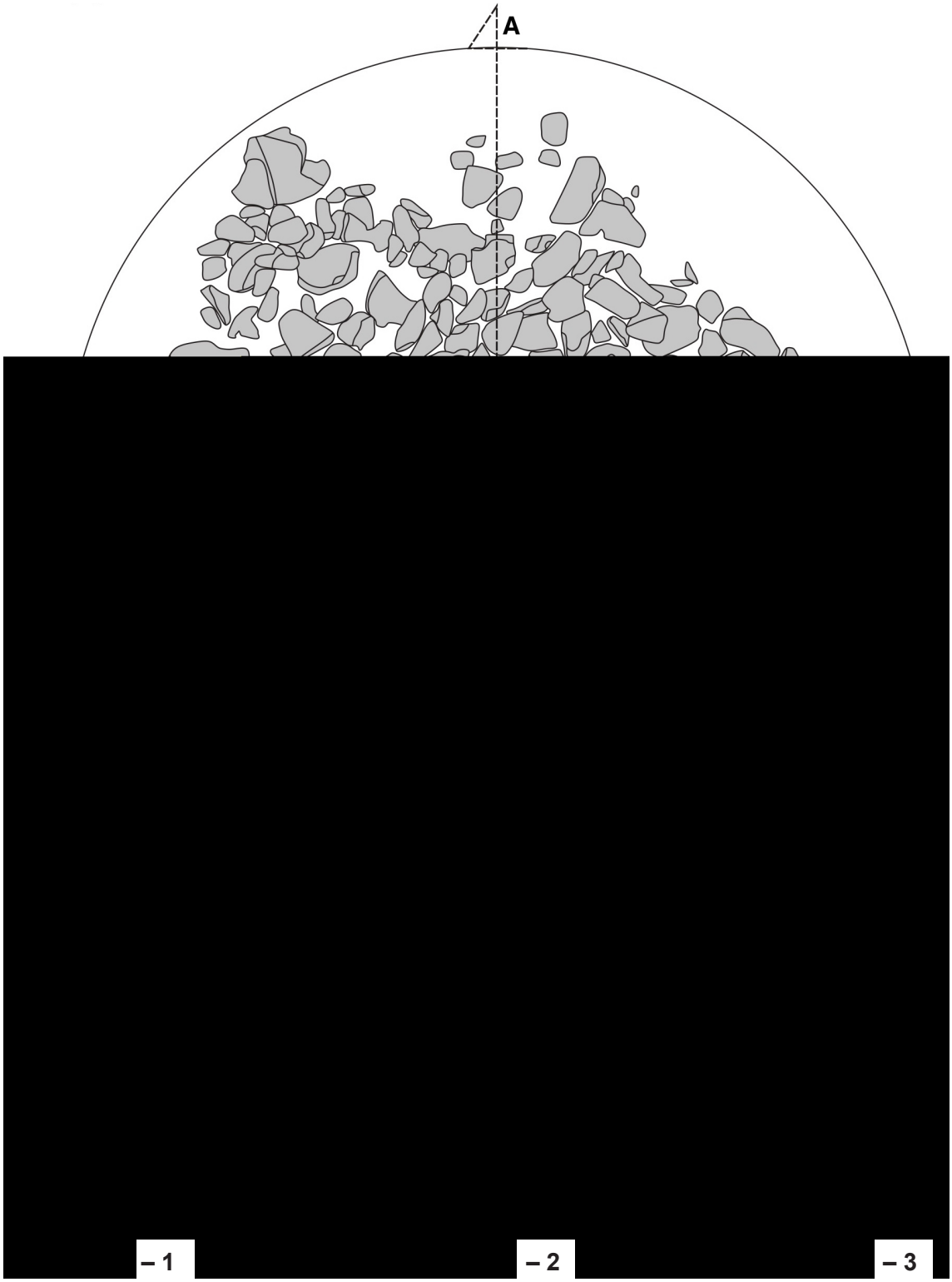

Рис. 2. План и профиль сооружения № 4: 1 — дерн; 2 — темно-коричневый слой; 3 — заполнение могилы

[*Fig. 2.* Plan and profile of facility no. 4: 1 — turf; 2 — dark brown layer; 3 — grave filling]

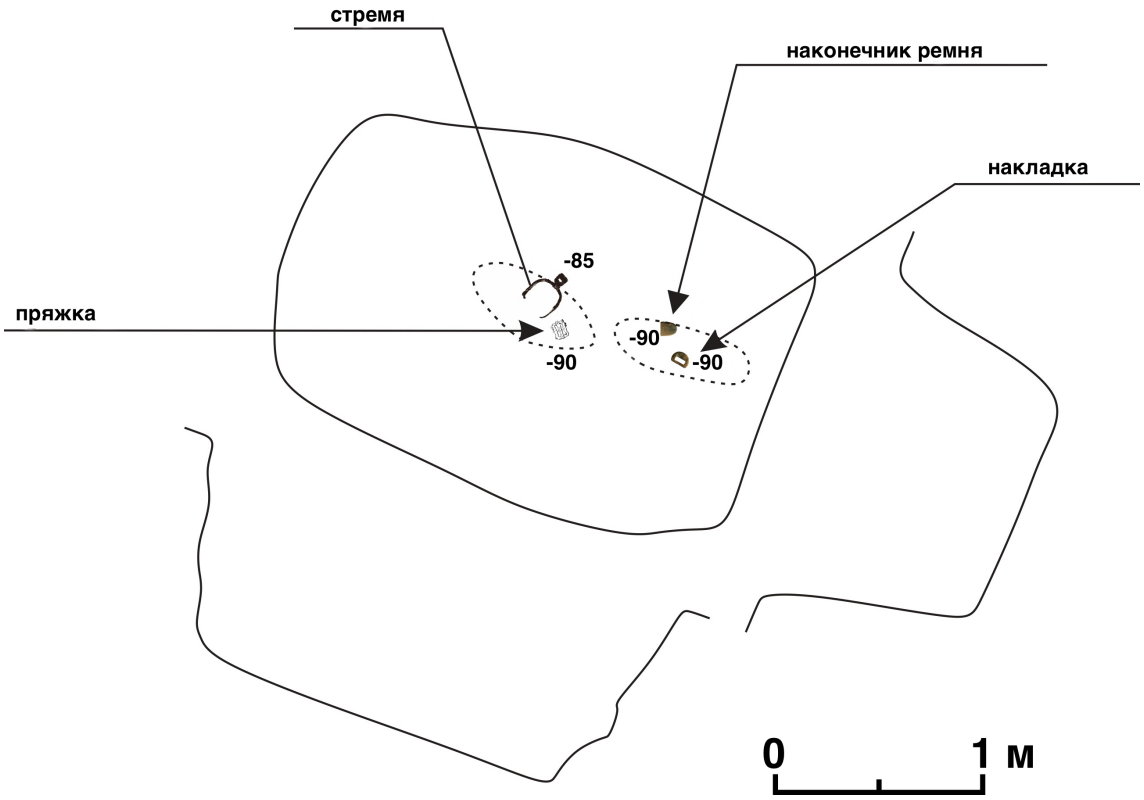

Рис. 3. План и разрезы погребения сооружения № 4
[*Fig. 3*. Plan and sections (profiles) of burials in facility no. 4]

Железная подпружная пряжка имеет четырехугольную рамку со скругленными углами, размерами 4,3 х 3,5 см; сечение рамки прямоугольное размерами 1 х 0,9 см. К одному из краев рамки прикреплен подвижный вращающийся по оси язычок длиной 4,7 см (см. рис. 4: *3*).

Бронзовый наконечник ремня — длиной 2,5 см, шириной у основания 2,2 см, двухчастный (половинки скреплены тремя шпеньками), полый внутри (рис. 4: *1*).

Бронзовая накладная бляшка — сегментовидная, длиной 1,3 см, шириной у основания 1,6 см. Имеет в планке прямоугольное отверстие размерами 1,1 х 0,4 см. На тыльной стороне по краям расположены три приостренных шпенька длиной до 0,4 см (см. рис. 4: *2*).

4. Анализ полученного материала

Исследованные сооружения памятника *Белагаш* имеют довольно типичные для кочевнической погребальной архитектуры Центрального Казахстана надмогильные конструкции в виде не покрытых грунтом каменных насыпей, которые получают распространение еще в раннем железном веке [Бейсенов и др. 2017: 66–77] и становятся, вероятно, доминирующими в раннем средневековье.

Белагашские комплексы структурно представляли собой набросы из крупных и средних по размерности камней, достигавшие в диаметре до 13 м. Однако стоит отметить, что соотношение диаметра и высоты насыпей иллюстрирует их компактность при относительно значительной высоте.

Погребальные камеры, выявленные в сооружениях №№ 1, 3, 4, представляли собой однотипные ниши, вырубленные в скальных породах. Их совокупные размеры составили 2,6–1,7 х 1,7–0,9 х 1–0,8 м, а ориентировка — «Запад – Восток» (2 случая) и «Запад-Северо-Запад – Восток-Юго-Восток» (1 случай).

К сожалению, отсутствие находок в сооружениях №№ 1–3 делает их малоинформативными для реконструкции обрядности

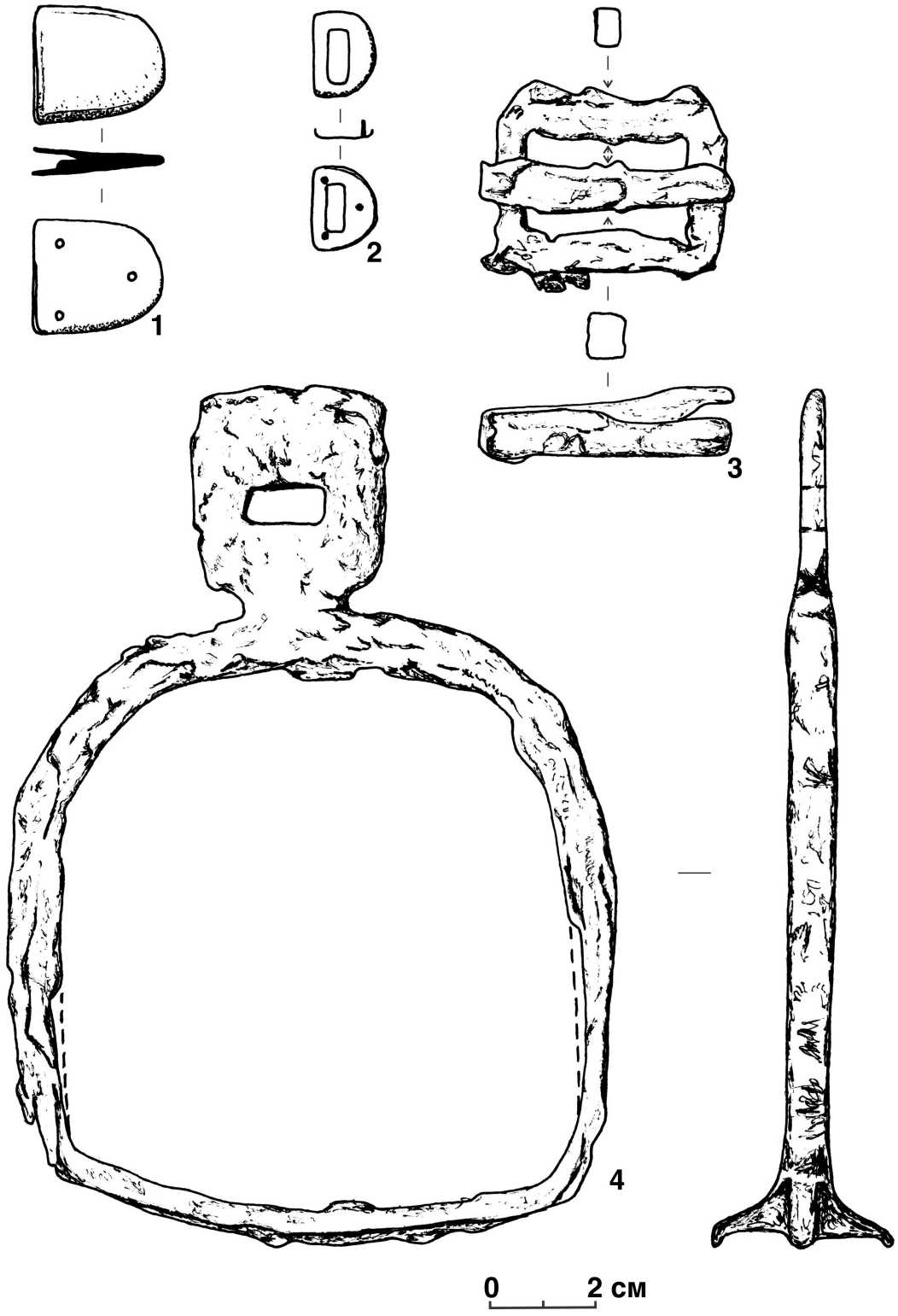

Рис. 4. Предметный комплекс сооружения № 4
[*Fig. 4.* Grave goods set from facility no. 4]

и оставляет вопросы в области датирования. Необходимо иметь в виду, что присутствие разновременных комплексов на одном погребальном поле — нередкое явление. Показательным в этом плане является некрополь *Кетабан*, раскопки которого проводились в течение двух полевых сезонов (2018 и 2022 гг.). Планиграфически он состоял из крупного сооружения в окружении более малых, периферийных объектов (все комплексы представляли собой каменные курганы). В 2018 г. раскопки охватили одно периферийное сооружение, давшее материалы тюркской культуры [Кукушкин, Дмитриев, Кукушкин 2019: 135–137].

Впоследствии были осуществлены исследования наиболее крупного комплекса, содержавшего предметный набор раннего железного века. Таким образом, принимая во внимание ситуацию на могильнике *Кетабан*, авторы статьи считают резонным исключить из дальнейшего рассмотрения не содержавшие культуродиагностирующих маркеров комплексы *Белагаш*.

Полученные при исследовании сооружения № 4 материалы представлены разрозненными останками лошади в сопровождении железных стремени, пряжки и бронзовых наконечника ремня с накладной бляшкой.

Захоронения костяков лошадей — довольно распространенное явление в обрядовой практике средневекового населения евразийских степей, однако обладающее определенной вариативностью. Расположение и состав костяков обнаруженных животных рассматривается исследователями в качестве маркеров определенных этнокультурных групп. Зачастую размещение анатомически целой туши животного воспринимается как характерный для древнетюркских племен обряд, а помещение фрагментов скелета или его шкуры трактуется в качестве кимакской, кыпчакской или огузской традиции [Хасенова 2017: 357].

В данном случае потревоженность захоронения не позволяет восстановить положение останков животного. Однако даже при столь значительной ограбленности погребения следует подчеркнуть полное отсутствие человеческих останков. Данное обстоятельство позволяет под другим ракурсом рассмотреть интерпретацию комплекса.

Самостоятельные захоронения лошадей, как проиллюстрировано в сводке С. П. Нестерова, известны на протяжении VI–XIV вв. [Нестеров 1990: 85–92] и представляют собой устойчивое явление в обрядовой практике средневекового населения [Илюшин 2003: 132–137]. Обобщая критерии их выделения, Н. Н. Серегин считает наиболее важными следующие: отсутствие человеческих останков; отсутствие предметов сопроводительного инвентаря, предназначенного для человека, и внутримогильных конструкций, связанных с оформлением погребения человека или отделением его от лошади [Серегин 2017а: 37–38].

Погребение сооружения № 4 можно признать соответствующим данным критериям, причем, как будет показано ниже, достоверно предназначавшихся для человека предметов также не обнаружено.

В вопросе интерпретации одиночных захоронений лошадей в настоящее время консенсуса не имеется. В разные годы исследователями предлагались различные версии. Так, по мнению С. П. Нестерова, они могут быть связаны с преждевременной гибелью животного или объясняются невозможностью его погребения вместе с человеком [Нестеров 1990: 79–80]. В целом признавая резонность предложенных С. П. Нестеровым вариантов, Г. В. Кубарев отметил, что нельзя исключать возможный культовый характер части из них [Кубарев 2005: 20].

Ключевое значение для установления возраста сооружения № 4 имеет железное стремя. Массовый характер встречаемости стремян в средневековых комплексах акцентирует внимание исследователей, способствуя созданию разнообразных типологических схем и выделению маркеров хронологии (см., к примеру: [Серегин 2017б: 9–23; Кубарев 2005: 131–133; Неверов 1998: 129–151]). В качестве одних из таких критериев отмечаются тенденция к смене округлой формы арочной и выделение ребра жесткости на подножке [Серегин 2017б: 14].

Первые стремена с прямоугольным выступом для крепления путлища появляются во второй половине VI в., что соответствует эпохе Первого Тюркского каганата [Археология СССР 1981: 32], и получают максимальное распространение в VII–IX вв. [Кубарев 2005: 131].

В Центральном Казахстане первое металлическое изделие данного типа было обнаружено во время работ на могильнике *Майбулак II*, однако оно имело округлую форму и было датировано по известным аналогам VII–IX в. [Дмитриев, Ломан, Кукушкин 2017: 50–51].

Согласно типологии С. В. Неверова, белагашское стремя типологически близко типам 19 и 23. С первым его сближает пластинчатое ушко для крепления путлища, со вторым — четырехугольная (арочная) форма дужек, распространенная в VIII–X вв. [Неверов 1998: 147–149].

Аналогичным образом типологически близкие выделеннопластинчатые стремена [Кубарев 2005: рис. 37: 9, 12–14] датированы и Г. В. Кубаревым, указавшим, однако, что наибольшее распространение они получают в VIII–IX вв. [Кубарев 2005: 131].

Территориально ближайшие по форме белагашскому аналоги стремени известны по случайным находкам у г. Павлодара [Арсланова 2013: 188, рис. 63–64]. По мнению Ф. Х. Арслановой, они относятся к IX–XI вв.

Однако необходимо подчеркнуть, что, несмотря на некоторую вариативность предлагаемых датировок, изделия арочной формы с выделенной пластиной и ребром жесткости на подножке вряд ли могут быть моложе VIII/IX–XI вв.

Остальные обнаруженные изделия, к сожалению, малоинформативные с точки зрения датирования, что объясняется их использованием длительное время. К примеру, аналогии железным пряжкам известны как в комплексах тюркского [Серегин, Матренин 2016: рис. 66: 13–17; Серегин, Матренин 2016: рис. 57: 25], так и монгольского времени [Тишкин 2009: рис. 124: 9; рис. 125: 9–10; рис. 118: 5; рис. 96: 7].

Сочетание в одном скоплении железного стремени и железной пряжки в сооружении № 4, возможно, связано с их принадлежностью к предметам конской упряжи, что объясняет применение нами к последнему изделию уточнения — подпружная.

Типологически близкие наконечники ремней имеются в материалах могильников *Балык-Сөөк-I* [Кубарев 2002: рис. 6: 12, 15], *Бирюзовая Катунь-3* [Серегин, Матренин 2016: рис. 55: 36], а также *Сапогово* и *Саратовка* в Кузнецкой котловине [Илюшин 2005: табл. 5: 42, 75, 76], хронологические рамки которых соответствуют 2-й половине I тыс. Среди тюркских материалов некрополя *Бирюзовая Катунь-3*, к примеру, имеются аналоги белагашской накладной бляшки [Серегин, Матренин 2016: рис. 55: 30–32].

Несмотря на то, что обнаруженные наконечник ремня и накладную бляшку можно считать элементами поясной гарнитуры [Кубарев 2005: рис. 12], авторы статьи солидарны с Г. В. Кубаревым в возможности их отнесения к иным элементам снаряжения лошади [Кубарев 2005: 48]. Тем более, во-первых, несмотря на потревоженный характер погребения сооружения № 4 *Белагаш*, человеческие останки не были обнаружены; во-вторых, найденный набор предметов явно неполный.

5. Заключение

Из четырех исследованных сооружений однозначную хронологическую позицию имеет только сооружение № 4, представлявшее собой каменный курган диаметром 6,5 м, высотой до 0,4 м и содержавшее выбитую в скальной породе нишу, в которой обнаружены фрагменты костей лошади в сопровождении предметов конской упряжи. Характер комплекса позволяет атрибутировать его в качестве самостоятельного одиночного захоронения лошади. Аналоги полученного инвентаря, прежде всего железного стремени, позволяют датировать комплекс в рамках VIII/IX–XI вв., т. е. кыпчакским временем.

Литература

Арсланова 2013 — *Арсланова Ф. Х.* Памятники Павлодарского Прииртышья (VII–XII вв.) // Материалы и исследования по археологии Казахстана: Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. Астана: Филиал Ин-та археологии им. А. Х. Маргулана в г. Астане, 2013. С. 179–190.

Археология СССР 1981 — Археология СССР. Т. 18. Степи Евразии в эпоху средневековья / отв. ред. тома С. А. Плетнева. М.: Наука, 1981. 303 с.

Бейсенов и др. 2017 — *Бейсенов А. З., Бедельбаева М. В., Хабдулина М. К., Самашев З., Ермолаева А. С., Джумабекова Г. С., Базарбаева Г. А., Лукпанова Я. А., Курманкулов Ж.,*

Утубаев Ж. Р., Алтынбекова Э. К. Казахстан в сакскую эпоху. Алматы: Ин-т археологии им. А. Х. Маргулана, 2017. 228 с.

Варфоломеев, Рудковский 2004 — *Варфоломеев В. В., Рудковский И. В.* Средневековое погребение на речке Кызылкеныш в Кентских горах // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 3. Уральск: ЦИА, 2004. С. 220–225.

Дмитриев, Ломан, Кукушкин 2017 — *Дмитриев Е. А., Ломан В. Г., Кукушкин И. А.* Могильник *Майбулак II*. Новый памятник эпохи средневековья Сарыарки // Актуальные проблемы отечественной истории и археологии. Караганда: КарГУ, 2017. С. 48–51.

Ермоленко 1987 — *Ермоленко Л. Н.* Средневековые каменные изваяния с верховьев реки Атасу // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда: КарГУ, 1987. С. 102–108.

Ермоленко 2004 — *Ермоленко Л. Н.* Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2004. 132 с.

Ермоленко, Гецова, Курманкулов и др. 1985 — *Ермоленко Л. Н., Гецова Н. С., Курманкулов Ж. К.* Новый вид сооружений с изваяниями из Центрального Казахстана // Проблемы охраны археологических памятников Сибири / отв. ред. В. Е. Медведев, Ю. С. Худяков. Новосибирск: Наука, 1985. С. 137–161.

Ермоленко, Курманкулов 1992 — *Ермоленко Л. Н., Курманкулов Ж. К.* Центральноказахстанские памятники с изваяниями кыпчакского облика // Маргулановские чтения / отв. ред. В. Ф. Зайберт. Петропавловск: Лаб. археолог. исследований Петропавловского педагог. ин-та, 1992. С. 116–119.

Ермоленко, Курманкулов 2002 — *Ермоленко Л. Н., Курманкулов Ж. К.* Святилище на реке Жинишке и проблема первоначального вида кыпчакских изваяний // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 3(11). С. 78–87.

Жусупов, Дмитриев 2017 — *Жусупов Д. С., Дмитриев Е. А.* Археологические исследования 2012 года в местности *Тортколь* // Актуальные проблемы Отечественной истории и археологии. Караганда: КарГУ, 2017. С. 52–54.

Илюшин 2003 — *Илюшин А. М.* Об ритуале захоронения коней как этнографо-археологическом источнике // Древности Алтая: межвуз. сб. тр. Вып. 10 / отв. ред. В. И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2003. С. 132–137.

Илюшин 2005 — *Илюшин А. М.* Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово: КузГТУ, 2005. 240 с.

Касенова 2020 — *Касенова А. Д.* Каменные изваяния Сарыарки (история изучения). Алматы: Ин-т археологии им. А. Х. Маргулана, 2020. 196 с.

Кубарев 2002 — *Кубарев Г. В.* Доспех древнетюркского знатного воина из Балык-Сёёка // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий: сб. науч. тр. / под ред. В. В. Горбунова, А. А. Тишкина. Барнаул: АлтГУ, 2002. С. 88–112.

Кубарев 2005 — *Кубарев Г. В.* Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2005. 400 с.

Кукушкин, Дмитриев, Кукушкин 2019 — *Кукушкин И. А., Дмитриев Е. А., Кукушкин А. И.* Предварительные результаты исследований памятников тюркского времени Центрального Казахстана в 2018 году // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований: сб. науч. ст. IV Междунар. конгресса средневековой археологии евразийских степей, посв. 100-летию российской академической археологии (г. Улан-Удэ, 16–21 сентября 2019 г.). В 2 кн. Кн. 1 / отв. ред.: Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2019. С. 135–137.

Курманкулов, Касенова 2017 — *Курманкулов Ж. К., Касенова А. Д.* Предварительное сообщение о святилище *Унирек* в Центральном Казахстане // Мәдениет. Культура. Culture. 2017. № 1 (1–2). С. 105–110.

Кызласов 1951 — *Кызласов Л. Р.* Памятники поздних кочевников Центрального Казахстана (из работ Центрально-Казахстанской археологической экспедиции в 1948 году) // Известия Академии наук Казахской ССР. Серия археологическая. 1951. Вып. 3. С. 53–63.

Маргулан 2003 — *Маргулан А. Х.* Сочинения: в 14 тт. Т. 3: Петроглифы Сарыарки. Гравюры с изображением волчьего тотема; Т. 4: Каменные изваяния Улытау / сост. Д. А. Маргулан, Д. Маргулан. Алматы: Дайк-Пресс, 2003. 50 с. + вкл. 246 с.

Неверов 1998 — *Неверов С. В.* Стремена Верхнего Приобья в VI–XII в. (классификация и типология) // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье: сб. науч. тр. / под ред. Ю. Ф. Кирюшина и А. А. Тишкина. Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1998. С. 129–151.

Нестеров 1990 — *Нестеров С. П.* Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 143 с.

Рыков 1935 — *Рыков П. С.* Работы в совхозе «Гигант» (Караганда) // Археологические работы Академии на новостройках в 1932–33 гг. Т. II. М.; Л.: ОГИЗ, 1935. С. 40–68.

Серегин 2017а — *Серегин Н. Н*. Отдельные захоронения лошадей в обрядовой практике раннесредневековых тюрок Центральной Азии // Теория и практика археологических исследований. 2017. № 1 (17). С. 36–47.

Серегин 2017б — *Серегин Н. Н.* Стремена из погребальных комплексов раннесредневековых тюрок Монголии // Народы и религии Евразии. 2017. № 3–4 (12–13). С. 9–23.

Серегин, Матренин 2016 — *Серегин Н. Н., Матренин С. С.* Погребальный обряд кочевников Алтая во II в. до н. э. – XI в. н. э. Барнаул: Алт. ун-т, 2016. 272 с.

Тишкин 2009 — *Тишкин А. А.* Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул: Азбука, 2009. 208 с.

Хасенова 2017 — *Хасенова Б. М.* Погребальный обряд населения Сарыарки в эпоху раннего средневековья: итоги изучения и новые вопросы // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. науч. ст., посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции АН Казахстана. Т. 2. Алматы: НИЦ истории и археологии «Бегазы-Тасмола», 2017. С. 354–358.

References

Arslanova F. Kh. Sites in the Irtysh River valley of Pavlodar Region, seventh to twelfth centuries CE. In: Arslanova F. Kh. The Sketches of Medieval Archaeology of the Upper Irtysh . Z. Samashev et al. (eds.). (Materials and Researches on Archaeology of Kazakhstan 3). Astana: Margulan Institute of Archaeology, 2013. Pp. 179–190. (In Russ.)

Beysenov A. Z., Bedelbayeva M. V., Khabdulina M. K., Samashev Z., Yermolaeva A. S., Dzhumabekova G. S., Bazarbayeva G. A., Lukpanova Ya. A., Kurmankulov Zh., Utubayev Zh. R., Altynbekova E. K. Kazakhstan in the Saka Era. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 2017. 228 p. (In Russ.)

Dmitriev E. A., Loman V. G., Kukushkin I. A. Burial ground of Maibulak II: A newly discovered medieval site in the Kazakh Uplands (Saryarqa). In: Smagulova G. M., Shotbakova L. K. (eds.) Topical Issues of Kazakhstan's History and Archaeology. Karaganda: Karaganda Buketov University, 2017. Pp. 48–51. (In Russ.)

E rmolenko L. N. Medieval megaliths in the upper reaches of the Atasu River. In: Yevdokimov V. V. (ed.) Central and North Kazakhstan: Questions of Archaeological Periodization. Karaganda: Karaganda State University, 1987. Pp. 102–108. (In Russ.)

Ermolenko L. N. Medieval Megaliths of Kazakh Steppes, Their Typology and Semantics: A Perspective from Military Ideologies and Traditional Worldviews. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography (SB RAS), 2004. 132 p. (In Russ.)

Ermolenko L. N., Getsova N. S., Kurmankulov Zh. K. A new type of constructions from Central Kazakhstan. In: Medvedev V. E., Khudyakov Yu. S. (eds.) Archaeological Sites of Siberia: Issues of Preservation. Novosibirsk, 1985. Pp. 137–161. (In Russ.)

Ermolenko L. N., Kurmankulov Zh. K. One sanctuary in the Zhinishke River valley and the problem of earliest appearances of Kipchak megaliths. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2002. No. 3 (11). Pp. 78–87. (In Russ.)

Ermolenko L. N., Kurmankulov Zh. K. Sites of Central Kazakhstan with Kipchak-type megaliths. In: Zaibert V. F. (ed.) Margulan Readings. Petropavlovsk: Petropavlovsk Pedagogical Institute, 1992. Pp. 116–119. (In Russ.)

Ilyushin A. M. Ethnocultural History of Medieval Kuznetsk Depression. Kemerovo: Kuzbass State Technical University, 2005. 240 p. (In Russ.)

Ilyushin A. M. Horse burials as ethnoarchaeological sources. In: Soenov V. I. (ed.) Antiquities of the Altai. Collected papers. Vol. 10. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University, 2003. Pp. 132–137. (In Russ.)

Kasenova A. D. Megaliths of the Kazakh Uplands (Saryarqa): A History of Research. Almaty: Margulan Institute of Archaeology, 2020. 196 p. (In Russ.)

Khasenova B. M. Obsequies of Saryarka population in the early Middle Ages: Research results and new issues. In: Beysenov A. Z., Loman V. G. (eds.) Archaeological Heritage of Central Kazakhstan: Research and Preservation. Collected scholarly papers. Almaty: Begazy-Tasmola, 2017. Vol. 2. Pp. 354–358. (In Russ.)

Kubarev G. V. Armor of a noble warrior from Balyk-Söök. In: Gorbunov V. V., Tishkin A. A.

(eds.) Materials on the Military Archaeology of the Altai and Neighboring Lands. Barnaul: Altai State University, 2002. Pp. 88–112. (In Russ.)

Kubarev G. V. The Culture of the Ancient Turks of the Altai (On the Basis of Burials). Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography (SB RAS), 2005. 400 p. (In Russ.)

Kukushkin I. A., Dmitriev E. A., Kukushkin A. I. Göktürk-era sites of Central Kazakhstan: Preliminary results of 2018 surveys. In: Bazarov B. V., Kradin N. N. (eds.) Nomadic Empires of Eurasia in Archaeological and Interdisciplinary Studies. Jubilee congress proceedings (Ulan-Ude, 16–21 September 2019). In 2 vols. Vol. 1. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2019. Pp. 135–137. (In Russ.)

Kurmankulov Zh. K., Kasenova A. D. Sanctuary of Unirek from Central Kazakhstan: A preliminary report. *Mädeniet. Kultura. Culture*. 2017. No. 1(1–2). Pp. 105–110. (In Russ.)

Kyzlasov L. R. Sites of late nomads in Central Kazakhstan: Analyzing treatises of the 1948 Central Kazakhstan Archaeological Expedition. *Izvestiya Akademii nauk Kazakhskoy SSR. Seriya arkheologicheskaya*. 1951. No. 3. Pp. 53–63. (In Russ.)

Margulan A. Kh. [Complete] Writings. In 14 vols. Vol. 3: Petroglyphs of the Saryarqa. Wolf Totem Engravings; vol. 4: Megaliths of the Ulutau. D. Margulan (comp.). Almaty: Daik-Press, 2003. 50 p., 246 p. (In Russ.)

Nesterov S. P. Horse in Cults of Medieval Central Asian Turks. Novosibirsk: Nauka, 1990. 143 p. (In Russ.)

Neverov S. V. Stirrups from the Upper Ob, sixth–seventh centuries CE: Classification and typology. In: Kiryushin Yu. F., Tishkin A. A. (eds.) Riding Horse Harness in the Early Iron Age and Medieval Altai. Collected papers. Barnaul: Altai State University, 1998. Pp. 129–151. (In Russ.)

Pletneva S. A. (ed.) Eurasian Steppes in the Middle Ages (Archaeology of the Soviet Union 18). Moscow: Nauka, 1981. 303 p. (In Russ.)

Rykov P. S. Surveys in the sovkhoz of Gigant (Karaganda). In: Archaeological Surveys of the Academy in Construction Sites, 1932–1933. Moscow. Leningrad: OGIZ, 1935. Vol. 2. Pp. 40–68. (In Russ.)

Seregin N. N. Separate burials of horses in the ritual practice of early medieval Turkic people of Central Asia. *Theory and Practice of Archaeological Research*. 2017. No. 1 (17). Pp. 36–47. (In Russ.)

Seregin N. N. Stirrups from funerary complexes of early medieval Turks in Mongolia. *Peoples and Religions of Eurasia*. 2017. No. 3–4 (12–13). Pp. 9–23. (In Russ.)

Seregin N. N., Matrenin S. S. Funeral Rite of the Altai Nomads in II Century BC – XI Century AD. Barnaul: Altai State University, 2016. 272 p. (In Russ.)

Tishkin A. A. The Altai in the Mongol Era: Investigating Archaeological Sites. Barnaul: Azbuka, 2009. 208 p. (In Russ.)

Varfolomeev V. V., Rudkovsky I. V. One medieval burial from the Kyzylkenysh River valley in the Kent mountain ridge. In: Sdykov M. N. (ed.) West Kazakhstan: Issues of History and Archaeology. Vol. 3. Uralsk: Center for History and Archaeology, 2004. Pp. 220–225. (In Russ.)

Zhusupov D. S., Dmitriev E. A. Archaeological surveys of 2012 in Tortkol. In: Smagulova G. M., Shotbakova L. K. (eds.) Topical Issues of Kazakhstan's History and Archaeology. Karaganda: Karaganda Buketov University, 2017. Pp. 52–54. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 4, Pp. 826–846, 2023
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

УДК/ UDC 575.174
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-826-846

Чонос, тайджиут, хашханер: в поисках общего знаменателя (по материалам Y-STR-гаплотипов R2a-M124 у калмыков)

Санал Владимирович Джагрунов[1], *Алексей Александрович Булуктаев*[2], *Байр Саналович Намысов*[3], *Даяна Игоревна Мацакова*[4], *Василий Тимофеевич Саянов*[5], *Алтана Бадмаевна Адьянова*[6]

[1] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
младший научный сотрудник
0009-0002-8512-053X. E-mail: sanal.dzhagrunov[at]gmail.com

[2] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат биологических наук, научный сотрудник
0000-0002-2329-465X. E-mail: buluktaev89[at]mail.ru

[3] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
младший научный сотрудник
0000-0002-1797-6654. E-mail: namysovbair[at]gmail.com

[4] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
младший научный сотрудник
0000-0002-2877-4257. E-mail: matsakova_d[at]mail.ru

[5] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
младший научный сотрудник
0000-0002-1433-5499. E-mail: sajanov.vasilj[at]mail.ru

[6] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
младший научный сотрудник
0000-0002-9671-562X. E-mail: adyanovaaltana[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023
© Джагрунов С. В., Булуктаев А. А., Намысов Б. С., Мацакова Д. И., Саянов В. Т., Адьянова А. Б., 2023

Аннотация. *Введение.* Несмотря на большую степень изученности, этническая история калмыков (ойратов) и монголов в целом хранит еще много загадок, которые ждут своего разрешения. Генетические исследования конца XX – начала XXI в. применительно к народам Евразии и монгольским этносам, в частности, дают возможность пересмотреть отдельные аспекты истории, подтвердить другие, опровергнуть третьи. Исследования генетического пула калмыков до настоящего момента ограничивались преимущественно уровнем субэтноса, тогда как наиболее информативным в данном отношении у тюрко-монгольских кочевников видится изучение родовых образований, претендующих на патрилинейность. *Цель* настоящего исследования — провести анализ субклада мужской половой хромосомы R2a-M124 у калмыков и сформировать гипотезу о возможных этноисторических корнях данной предковой линии. *Материалами* исследования выступили 43 выявленных STR-гаплотипа указанного субклада, полученных в ходе исследования с применением набора «AmpFLSTR Yfiler Plus PCR Reagents». *Результаты.* Исследование показало, что носителями указанного субклада являются представители калмыцких родов, в наименовании которых доминируют лексические элементы «чонос», а также те, что указывают на аристократический характер основателей данной линии, как-то: тяячуд (калм. *тәәҗүд* ‘тайши, князья’, рус. *тайджиут*), хашханер (калм. *хашхнр* ‘наместники провинций’), сядюд (калм. *сәәдүд* ‘лучшие, знатные’), ха(а)нуд (калм. *хаануд* ‘ханы, правители’). Работа впервые формулирует гипотезу о возможности происхождения данной предковой линии от князей ойратов-хойтов, а через них — от ойратского Худуха-беки и далее до Дува Сохора и легендарного прапредка всех монголов — Борте-Чино.

Ключевые слова: калмыки, ойраты, монголы, субклад, STR-гаплотипы, R2a-M124, чонос, тайджиут, хашханер, хойт, Худуха-беки, Дува Сохор, Борте-Чино

Благодарность. Статья написана в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6). Лабораторное оборудование и реагенты приобретены в рамках субсидии из федерального бюджета, выделяемой для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущего ученого (проект «От палеогенетики до культурной антропологии: комплексное интердисциплинарное исследование традиций народов трансграничных регионов: миграции, межкультурное взаимодействие и картина мира»). Авторы выражают благодарность У. Б. Очирову и Д. С. Адамову за ценные замечания к рукописи статьи, а также всем участникам исследования. Особую признательность выражаем О. Л. Минаеву, Б. К. Элистаеву, Г. Б. Корнееву и другим за помощь в организации сбора образцов.

Для цитирования: Джагрунов С. В., Булуктаев А. А., Намысов Б. С., Мацакова Д. И., Саянов В. Т., Адьянова А. Б. Чонос, тайджиут, хашханер: в поисках общего знаменателя (по материалам STR-гаплотипов Y-хромосомы R2a-M124 у калмыков) // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 4. С. 826–846. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-826-846

Chonos, Taichiud, Khashikhanar: In Search of a Common Denominator (With Evidence from R2a-M124 Y-STR Haplotypes of Kalmyks)

Sanal V. Dzhagrunov[1], *Aleksey A. Buluktaev*[2], *Bair S. Namysov*[3], *Dayana I. Matsakova*[4], *Vasilij T. Sajanov*[5], *Altana B. Adyanova*[6]

[1] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Junior Research Associate
0009-0002-8512-053X. E-mail: sanal.dzhagrunov[at]gmail.com

[2] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Cand. Sc. (Biology), Research Associate
0000-0002-2329-465X. E-mail: buluktaev89[at]mail.ru

[3] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Junior Research Associate
0000-0002-1797-6654. E-mail: namysovbair[at]gmail.com

[4] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Junior Research Associate
0000-0002-2877-4257. E-mail: matsakova_d[at]mail.ru

[5] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Junior Research Associate
0000-0002-1433-5499. E-mail: sajanov.vasilj[at]mail.ru

[6] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Junior Research Associate
0000-0002-9671-562X. E-mail: adyanovaaltana[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023
© Dzhagrunov S. V., Buluktaev A. A., Namysov B. S., Matsakova D. I., Sajanov V. T., Adyanova A. B., 2023

Abstract. *Introduction*. Despite the centuries-long research, ethnic history of Kalmyks (Oirats) and Mongols at large still contains a number of unanswered questions. Recent academic insights into gene pools of Eurasian and, specifically, Mongolian peoples may be instrumental in revising some aspects of history, refuting others, and confirming the remainder. The Kalmyk gene pool investigation has so far been reduced to the level of sub-ethnic groups, while it is that of clans claiming common patrilineal descent which seems most promising when it comes to the study of Turko-Mongolian nomads. *Goals*. The paper attempts an analysis of Kalmyk R2a-M124 Y-STR haplotypes by clans and articulates a hypothesis as to possible ethnohistorical roots of the lineage. *Materials*. The study examines a total of forty three STR haplotypes of the mentioned Y-chromosomal subclade identified by Kalmyk Scientific Center (RAS) with the aid of AmpFLSTR Yfiler™ Plus PCR Reagents. *Results*. The study shows bearers of the subclade largely represent Kalmyk clans with names containing the lexical unit ‘chonos’, and ones attesting to the clans had been founded by some noblemen, namely: Taichiud (Kalm. *məəҗçүд* ‘tayijis, princes’), Khashikhanar (Kalm. *хашхир* ‘chiefs of appanages, governors’), Saiduud (Kalm. *сəəдүд* ‘superior ones, noblemen’), Kha(a)nud (Kalm. *хааһүд* ‘Khans, rulers’). The paper articulates a hypothesis suggesting the lineage may descend from rulers of the *Khoid* Oirats and via the latter — from *Quduqa-bäki* of the medieval Oyïrad, and even further up to *Duwa-soqor* and the legendary ancestor of all Mongols — *Börtä-Čïno*.

Keywords: Kalmyks, Oirats, Mongols, subclade, STR-haplotypes, R2a-M124, Chonos, Taichiud, Khashikhanar, Khoid, Quduqa-bäki, Duwa-soqor, Börtä-Čïno

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 ‘The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups’.

The laboratory equipment was funded by federal budget subsidy aimed to support scientific research directed by the Leading Scientist (project ‘From Paleogenetics to Cultural Anthropology: Comprehensive Interdisciplinary Research of Peoples and Traditions of Cross-Border Regions — Migrations, Cross-Cultural Interactions and Worldviews’).

Authors express gratitude to U. Ochirov and D. Adamov for most precious remarks to the manuscript, as well as to all test-takers involved. Particular words of appreciation are extended to O. Minaev, B. Elistaev, G. Korneev and others for their hearty assistance is research arrangements.

For citation: Dzhagrunov S. V., Buluktaev A. A., Namysov B. S., Matsakova D. I., Sajanov V. T., Adyanova A. B. Chonos, Taichiud, Khashikhanar: In Search of a Common Denominator (With Evidence from R2a-M124 Y-STR Haplotypes of Kalmyks). *Oriental Studies*. 2023; 16(4): 826–846. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-826-846

1. Введение

Калмыки — западно-монгольский народ, потомки ойратов — прибыли в пределы России в первой половине XVII в. За историю изучения этноса предпринимались многочисленные попытки его описания и классификации в части собственно истории, этнографии, культурологии, а в XX и начале XXI вв. — генетики.

Опубликованные работы [Nasidze et al. 2005; Roewer et al. 2007; и др.] показывают картину генетической структуры калмыцкого народа по маркерам половых хромосом, уточняют место калмыков в общем генетическом пуле народов Центральной Азии и Евразии в целом. Уже составлено достаточно подробное филогенетическое древо Y-хромосомы у калмыков, в том числе по отдельным крупным субкладам [Balinova et al. 2019: 1470–1471], приводятся доказательства генетического родства — как собственно в номенклатуре субкладов мужской половой хромосомы, так и их структуре — между калмыками и ойратами Монголии [Balinova et al. 2019: 1472].

При всем этом необходимо помнить, что, как отметил видный монголовед К. Этвуд, «происхождение (ойратских этнических. — *С. Д.*) групп исключительно разнообразное» [Atwood 2004: 420], «каждое племя состояло из множества … мужских предковых линий», и лишь «наименьшие единицы таковой социальной организации по сути и имели общее происхождение» [Atwood 2004: 420]. Справедливости ради необходимо заметить, что то же самое можно сказать практически о каждом крупном этническом образовании, в том числе из числа тюрко-монгольских кочевников.

На сегодняшний день самым «глубоким» по уровням этнической идентичности опубликованным исследованием генетического пула калмыков является работа Б. А. Малярчука и др. [Malyarchuk et al. 2013], где по данным, полученным в результате исследования 426 калмыцких образцов, приводится структура субкладов Y-хромосомы в разрезе субэтносов калмыков — торгутов, дербетов, хошутов и частично бузавов. Данная работа впервые показала широкую картину внутренней структуры указанных групп, выявила характерные различия и многочисленные сходства, а равно подстегнула дальнейший интерес к этнической истории народа, поскольку наиболее важным с точки зрения идентичности кочевника является именно принадлежность к мужскому — отцовскому — роду, каковой и маркируется данными уникального субклада Y-хромосомы.

Очевидно, что непростые исторические условия калмыцкого народа (политические, военные, экономические, социальные и проч.), прошедшего долгий путь становления от долины Орхона и Саяно-Алтая до Южного Урала и Волго-Донского междуречья, в числе прочего не могли не сказаться на генетической структуре популяции и ее основных групп, а равно тех самых «наименьших единиц», каковые претендуют на патрилинейность.

Вместе с тем наличие четких кластеров по субкладам мужской половой хромосомы с достаточно небольшим для популяционной генетики расчетным возрастом общего предка в пределах указанных субэтносов калмыков [Malyarchuk et al. 2013: 806, 808–809] указывает на возможность определенных закономерностей такового распределения, продиктованных этноисторическими факторами.

Такие попытки уже предпринимаются [Балинова и др. 2022], что является новым этапом в изучении генетики и этнической истории ойратов и калмыков. Таким образом, достаточные научные обоснования на широком материале исторических, этнографических, историографических, а теперь и генетических данных могут прояснить многие вопросы истории (в том числе этнической) калмыцкого народа и его групп, а равно монголов в целом.

Наиболее распространенными субкладами мужской половой хромосомы по

SNP-маркерам у калмыков по проведенным исследованиям являются следующие: C-F6379 — более 40 % исследованных калмыков [Balinova et al. 2019: 1471], C-M407 — около 11 %, C-M217 (X C-F6379) — 6,6 %, O-P31 — 5,2 %, O-M122 — 6,8 %, R2a-M124 — 7,7 %, N-TAT — 10,1 % [Malyarchuk et al. 2013: 806]. Данная номенклатура предковых линий подтверждает монгольское происхождение калмыков [Nasidze et al. 2005: 851] и приближает их к ойратам Монголии [Balinova et al. 2019: 1472].

Особенностью, открывающей перспективы для исследования этнической истории калмыков и, соответственно, ойратов и монголов в целом является то, что из числа указанных многие мужские предковые линии у калмыков имеют относительно неглубокий расчетный возраст общего предка, а именно: C-F6379 — около 1,5 тыс. лет [Balinova et al. 2019: 1466], C-M407>F8536 — до 730 лет [Huang et al. 2018], R2-M124 — 411±168 лет [Malyarchuk et al. 2013: 808] и т. д.

Так, кроме повсеместно распространенного в субэтносах калмыков субклада C-M48 (F6379), в структуре дербетов по маркерам мужской хромосомы выделяются два крупных кластера, а именно: C-M407 (F8536) — 18,8 % и R2a-M124 — 15,2 % [Malyarchuk et al. 2013: 806].

По кластеру C-M407 (F8536) проводились специальные исследования. Д. С. Адамов и В. Г. Волков приходят к выводу о возможности соотнесения субклада C-M407 (F8536), характеризуемого значениями STR-локуса 385 = 11-11, с ойратским родом чорос/цорос [Adamov, Volkov 2012]. Однако кластер R2a-M124 у дербетов еще не был предметом специального исследования. В настоящей работе предпринимается попытка восполнить этот пробел и исследовать происхождение кластера R2a-M124 у калмыков.

2. Материалы и методы генетического исследования

В настоящей работе для генетического анализа были отобраны карты-хранения ДНК «Биохран» с образцами капиллярной крови и буккального эпителия мужчин-калмыков. Все молекулярно-генетические исследования выполнены в блоке генетических исследований Калмыцкого научного центра РАН (далее — КалмНЦ РАН) (г. Элиста). Процедуры выделения ДНК, постановка на ПЦР и электрофорез проводили в соответствии с протоколами.

Принадлежность гаплотипов к той или иной гаплогруппе оценивали с помощью онлайн-программы «Y-DNA Haplogroup Predictor – NEVGEN».

3. R2a-M124, его «ойратский» субклад и калмыцкие гаплотипы в разрезе родов

3.1. Общие сведения о R2a-M124 и его «ойратском» субкладе

В случае с гаплотипом R2a-M124 необходимо отметить, что он распространен преимущественно в Южной Азии, на Иранском нагорье, а также на прилегающих территориях.

Наиболее ранние образцы R2a-M124 (Y3399) по материалам палеогенетики идентифицированы в образцах с неолитической стоянки *Ганджи-Даре*, расположенной в западной части гор Загрос (Иран) к востоку от города Керманшах. Указанный SNP выявлен в 4 мужских образцах, датируемых концом 9-го – началом 8-го тыс. до н. э. [Narasimhan et al. 2019: прилож.]. Расчетный же возраст общего предка имеющихся образцов R2a-M124 оценивается в 11 200 лет от настоящего времени, при возрасте всей ветви в 16 300 лет [YFull: R-Y3399].

По данным, опубликованным на сайте компании YFull [YFull: R-Y3399], из 288 образцов субклада R2a-M124, включенных в древо данной линии и находящихся в открытом доступе, 40 образцов происходят из Индии, 20 — из Пакистана, 10 — из Ирана, 9 — из Сингапура, 5 — из Бангладеш и т. д. Изобилие же образцов с Ближнего Востока на указанном Интернет-ресурсе можно объяснить активностью научных и гражданских групп, проявляющих интерес к исследованию этнической истории арабских стран и народов с помощью инструментов молекулярной генетики, так как значительная часть таковых образцов образуют круп-

ные по численности кластеры с TMRCA (‘time to most recent common ancestor’) от 500 и менее лет [YFull: R-Y3399]. Большая же часть указанных индийских и пакистанских образцов принадлежит к подветви R2-M124 >> R2-L295 (27 из 40 и 13 из 20 соответственно). В этой связи примечательно, что «ойратский» образец R2-M124 из Синьцзяна (КНР) локализуется в последних работах в кластере с образцом HG02660 — носителем языка панджаби из Лахора (Пакистан) [Bai et al. 2018: схема], имеющим конечный SNP R2-L294 >> R-FT333560 (ответвление указанного R2-L295) с текущим расчетным возрастом конечной линии — 4,5 тысячи лет от настоящего времени [YFull: R-L294]. В работе В. Нарасимхана [Narasimhan et al. 2019] несколько палеообразцов R2-M124, датируемых началом 1-го тыс. до н. э., фиксируются в Пакистане же — в долине Сват, причем в двух из них конечный выявленный SNP R2a–Y1334 (X Y1357) — является сыновним от L295 и предковым к L294.

В ходе рассмотрения «монгольского» кластера R2-M124 Д. С. Адамов приходит к выводу об ойратском происхождении монгольских гаплотипов R2 с возрастом общего предка более 900 лет [Адамов 2011: 49–50]. В целом обретаемые с помощью современных естественно-научных инструментов данные открывают новые перспективы изучения, а равно ставят новые вопросы о фактической этнической истории ойратских и смежных групп на протяжении по меньшей мере последних десяти веков (с учетом приводимых выше расчетных возрастов мужских предковых линий), собственно об этнониме «ойрат» и о составе этнополитических объединений ойратов на протяжении истории становления и развития данной монголоязычной общности.

3.2. Исследование субклада R2a-M124 в КалмНЦ РАН (2021–2022 гг.)

В ходе исследования КалмНЦ РАН с апреля 2021 г. по март 2022 г. был осуществлен забор и анализ (STR-маркеры) 380 образцов мужчин-калмыков, из которых у 43 с помощью онлайн-программы «Y-DNA Haplogroup Predictor – NEVGEN» был идентифицирован SNP R2-M479, по значениям STR-локусов соотносимый с SNP R2a-M124 [Malyarchuk et al. 2013: 808], а именно с калмыцким («монгольским», «ойратским») субкладом указанного гаплотипа. Данные по значениям STR-локусов выявленных калмыцких образцов субклада R2-M479>R2a-M124 приводятся в Приложении 1.

В структуре указанных калмыцких образцов R2a-M124 преобладают этнические дербеты (33 из 43), на втором месте — бузавы (8), а также имеется по одному образцу из числа торгутов и хошутов, причем по номенклатуре деления калмыков середины XIX в. [Митиров 1998: 324] большая часть дербетских образцов — 21 прямо (ики-чоносы, бага-чоносы, шарнут-чоносы, ики-бухус, хончнур), а еще 2 опосредованно (нямсюд) — относятся к родовой группе «зюны». Более же предметный анализ данных этнографического и генетического характера указывает на то, что и среди остальных образцов многие могут иметь отношение к дербетам-зюнам.

Забегая вперед, уточним, что среди исследованных зюнов фиксируется минимальное присутствие субклада C-M407>F8536 (1 из 35), соотносимого с правящим родом дербетов и джунгаров — цорос/чорос [Adamov, Volkov 2012: 19], тогда как у дербетов в целом последний наблюдается на уровне 18,8 % (31 из 165) [Malyarchuk et al. 2013: 808]. Данный факт может свидетельствовать об относительно независимом положении зюнов в структуре калмыков-дербетов. В первом приближении это подтверждается и данными генетики: у достоверного представителя арвана *шаджнахн* (калм. *шаҗнахн*) — подветви рода хазгуд — Багачоносовского аймака фиксируется тот же калмыцкий субклад гаплогруппы R2a-M124, а согласно опубликованному генеалогическому древу [Борликов 2018: 195], основатель данного рода по имени Хазг (р. 1559) был сыном Мангадая (р. 1535) и родным братом нойона Сэрденки (р. 1563 г.), который во главе своего двухтысячного отряда участвовал в разгроме ойратами Шолой-Убаши-хунтайджи [Козин 1947: 97, 103] и к которому в свою очередь

возводили свое происхождение зайсанги зюнов Дондуковы.

В части ономастики отметим, что в наименованиях уровней субэтнической идентичности у 24 из 43 достоверно, а еще у 2 исторически (арван *бяргяс* аймака *Дунду-Хурул*) фиксируется компонент «чонос». Также 5 протестированных идентифицировали себя как «тяячуд» (калм. *тәәҗүд* ‘тайши, князья’, рус. *тайджиут*), 2 — как «сядюд» (калм. *сәәдүд* ‘лучшие, знатные’), 2 — «ха(а)нуд» (калм. *хаануд* ‘ханы, правители’), 2 — «хашханер» (последнее по анкетным данным; титул наместников провинций неясной этимологии) [Желтая история 2017: 118]. Таким образом, налицо тенденция носителей данного субклада к самоидентификации с аристократическим слоем, в том числе монголов (ойратов) дочингисовой эпохи: этнонимы «чонос», «шарнут», «бухус» и др. у дербетов Г. О. Авляев относит к названиям, маркирующим рода и племена «ойратского и собственно древнемонгольского происхождения» [Авляев 2002: 53].

3.2.1. Чоносы

В ходе исследования авторам удалось охватить чоносов, исторически проживавших как в Малодербетовском (в том числе Манычском) улусе Калмыцкой степи, так и в Большедербетовском улусе.

Чоносы издревле составляли часть дербетов и наряду с прочими зафиксированы в составе владений дербетовского нойна Лабан-Дондука (ум. в 1749 г.) [Митиров 1998: 257].

Чоносовский аймак распался на Икичоносовский и Багачоносовский в первой половине XVIII в. [Авляев 2002: 47], а далее уже Икичоносовский аймак был разделен между владельцами в результате раскола Дербетовского улуса на Большедербетовский и Малодербетовский в конце XVIII – начале XIX в. [Митиров 1998: 292, 297]. При этом Бага-Чоносовский аймак остался в составе Малодербетовского улуса.

Согласно Списку калмыцких родов и аймаков главного попечителя калмыцкого народа К. И. Костенкова, приводимого в труде А. Г. Митирова, в середине XIX в. численность чоносов была следующей: в Малодербетовском улусе ики-чоносов владельца Очира Аржуева — 309 кибиток (домохозяйств), бага-чоносов и шарнут-чоносов владельца Занджина Дондукова — 391 и 138 кибиток соответственно [Митиров 1998: 324]; около 1837 г. в Большедербетовском улусе ики-чоносов род зайсанга Раши-Церена Норбаева включал десять хотонов — 145 кибиток [Митиров 1998: 329]. Вероятно, имели место и перемещения групп чоносов между аймаками. Например, представители достаточно многочисленного ныне арвана *му-чонос* Дунду-Хурула считают себя выходцами из Багачоносовского аймака [ПМА 2021: Инф. 1].

В своем фундаментальном труде Г. О. Авляев на широком массиве письменных и устных, а равно полевых и архивных данных приходит к выводу о том, что «в конце XIX в. калмыцкие аймаки в этническом отношении представляли собой не „род“ и не „родовое деление“, а различные по происхождению этнотерриториальные, административно-территориальные … или даже … этносоциальные группы или объединения калмыков внутри улусов, состоявшие, как правило, из различных этнических и иных компонентов (арбаны, торели, ясуны), но объединенных под общим аймачным этнонимом (или названием) в течение длительного времени» [Авляев 2002: 46].

Несмотря на то, что авторы в целом согласны с позицией Г. О. Авляева, по которой аймаки и более крупные объединения калмыков имеет смысл рассматривать не как собственно «рода», но как «группы … из различных … компонентов» [Авляев 2002: 46], необходимо учитывать тот факт, что сами представители указанных групп склонны воспринимать друг друга именно как родственников одного корня, давшего ответвления в незапамятные времена. Зачастую это и составляет ту основу, которая — особенно в сельской местности — во многом позволяет сохранять добрососедские отношения даже в условиях острого экономического соперничества (например, при распределении земельных паев между жителями населенного пункта), нередко сопровождаемого противо-

речиями и ростом социальной напряженности ввиду неизбежного столкновения интересов [ПМА 2021: Инф. 2].

Таким образом, в целях сохранения статуса-кво и во избежание иных разногласий внутри родовых объединений чоносов в части указания уровней идентичности участников исследования настоящая работа ограничится уровнем исторического аймака, а наименования арванов или торелей (калм. *төрл*) с идентифицированным R2a-M124 будут опущены, кроме случаев, когда это необходимо для формулировки сущностных выводов.

Вместе с тем подчеркнем, что проведение исследования для целей установления фактической этнической истории калмыков (ойратов) с применением инструментов генетики тем более необходимо ввиду того, что сельские населенные пункты (например, п. Ики-Чонос) переживают отток коренного населения среднего и младшего возраста, а знания старших о структуре и истории родов уходят вместе с ними, подробнейшие генеалогические записи последних после их смерти порой бесследно исчезают [ПМА 2021: Инф. 3].

По данным старожила В. А. Манджиева [ПМА 2021: Инф. 4], Икичоносовский аймак Малодербетовского (с конца XIX в. — Манычского) улуса включает в себя следующие семь арванов: му авгнр (калм. *му авһнр*), сян авгнр (*сән авһнр*), хазгуд, хаануд, буудршнр, яндгуд (*яндһуд*) и адгуд (*адһуд*). Исследованием были охвачены все указанные арваны в составе 13 мужчин, из которых 4 оказались носителями «ойратского» субклада R2a-M124, в числе каковых 1 образец принадлежит мужчине из малочисленного арвана *хаануд*, который может быть ответвлением от хазгудов [ПМА 2021: Инф. 5]. К числу же наиболее крупных относят арваны *хазгуд*, *му авгнр*, *адгуд* [ПМА 2021: Инф. 5]. Примечательно, что харнуды в составе ики-чоносов не фиксируются.

По меньшей мере три представителя бага-чоносов озвучили одинаковый список из восьми арванов их аймака [ПМА 2021: Инф. 2; Инф. 6; Инф. 7], а именно: авгнр, келькет (калм. *келькд*), гончкуд, хадргс (*хадрһс*), харнуд, ходжгрмуд (*хожһрмуд*), шарнуд и шаджнахн (*шажңнахн*). Исследованием были охвачены 7 из 8 указанных арванов в составе 14 мужчин, из которых 10 оказались носителями субклада R2a-M124, в том числе все 5 харнудов, что служит подтверждением достоверности генеалогического древа, согласно которому среди чоносов харнуды, хазгуды и зайсанги Дондуковы ведут свое происхождение от трех сыновей Мангадая — Хар, Хазг и Сэрденки, соответственно [Борликов 2018: 195]. Наиболее многочисленными являются арваны: харнуд, ходжгрмуд, авгнр и хадргс [ПМА 2021: Инф. 2]. Хазгуды среди бага-чоносов не фиксируются, но представлены их подветвью — шаджнахн. В 1926 г. был обследован Багачоносовский аймак, в котором зафиксированы 6 хотонов: Хадаргисовский, Абганеровский, Ходжигормутовский, Шажнанкиновский, Харнутовский и Шарнутовский [Республика Калмыкия 2019: 46].

Шарнут-чоносы Малодербетовского улуса подразделяются на восемь торелей [ПМА 2021: Инф. 8] (т. е. представителями аймака априори подчеркивается патрилинейность конечных родовых групп), причем между собой они различают собственно «чоносов» и «шарнутов» [ПМА 2021: Инф. 9]: авг, аатг, джаанг (калм. *җааңг*) — «шарнуты»; сяядюд (*сәәдүд*), байгуд (*байһуд*), эмгячюд (*эмгәчүд*), ээджинхн (*ээҗинхн*), джава-ламинхн (*Җава ламинхн*) — «чоносы». Исследованием были охвачены 6 из 8 указанных торелей в составе 7 мужчин, из которых 5 оказались носителями субклада R2a-M124, в том числе 2 представителя тореля *сяядюд*, а также оба протестированных «шарнута» — аатг и джаанг. Кстати, в последнем случае исследование подтвердило родовую легенду о происхождении этих двух торелей от родных братьев. Наиболее многочисленными являются торели: аатг, джаанг, сяядюд и байгуд [ПМА 2021: Инф. 9]. Отметим, что на боевой карте РККА 1942 г. [Карта РККА 1942] в составе аймака Деде-Ламин фиксируются два населенных пункта — Шарнут и Харнут, жители каковых могут быть представителями

двух арванов, составленных из выходцев из Шарнут-Чоносовского аймака [ПМА 2021: Инф. 9]. Таким образом, можно в первом приближении предпринять попытку отождествления торелей «чоносов» последнего аймака с наименованием «харнут/харнуд».

Из числа протестированных, чьи предки по мужской линии являются уроженцами бывшего Большедербетовского улуса (19 человек), 11 идентифицировали себя как представители чоносовских аймаков в составе следующих арванов: сяркис (калм. *сәркс*), шарнуд, хёёдюд (*хөөдүд*), авгнр и ха(а)нуд. Из них в четырех образцах идентифицирован субклад R2a-M124, в том числе у всех трех шарнудов и у представителя арвана *ха(а)нуд*.

3.2.2. Тяячуд, *«хашханер»*, *бухус*, *бяргяс и му чонос*

Как отмечают П. Э. Алексеева и А. Э. Борманджинов, представители ясуна (калм. *ясн* ‘кость’) *тяячуд* («собственно тяячуд»), отождествляемого ими с древнемонгольским племенем тайджиут [Алексеева, Борманджинов 1999: 11], проживали во всех тринадцати станицах донских калмыков [Алексеева, Борманджинов 1999: 18, 24]. При этом, кроме «собственно» тяячуд, имелись еще и шесть ответвлений: барун, дилдинг (вероятно, калм. *делдң*), зюн (*зүн*), тугтун (*тугтн*), хо бухс, хун (*хуң*) [Алексеева, Борманджинов 1999: 18]. Барун и зюн тяячуд фиксировались в станицах Власовская (калм. *Бембдәхнә әәмг*), Денисовская (*Богшрахна әәмг*) и Кутейниковская (*Көвүдә әәмг*); тугтун тяячуд — в ст. Чунусовская (*Чонса әәмг*; выделилась из Власовской в начале XX в. [Максимов 2016: 305]); хун и хо бухс тяячуд — только в ст. Ново-Алексеевская (*Гелңгәхнә әәмг*) [Алексеева, Борманджинов 1999: 20, 24, 32].

На широком массиве данных этнографии, историографии, генеалогии, архивных и полевых материалов по донским калмыкам независимый исследователь и автор ряда публикаций О. Л. Минаев приходит к выводу, что, несмотря на повсеместное присутствие многих ясунов бузавов по станицам, в каждой отмечались ясуны, которые выступали условно «стволовыми»: их представители занимали ведущие военно-административные посты и имели крепкие хозяйственно-экономические позиции, а также во многом определяли содержание общественной и культурной жизни своих сообществ. Так, тяячуды выступали в таковой роли в ст. Чунусовская, а также были весьма влиятельны («входили в тройку лидеров») в ст. Денисовская (она же Ново-Николаевская) [ПМА 2023: Инф. 10]. Отметим данный аспект устойчивого сосуществования этнонимов «чонос» (название станицы) и «тяячуд/тайджиут». На известную тождественность наименований «тайджиут» и «чонос» указывают в своей работе Н. Н. Крадин и Т. Д. Скрынникова [Крадин, Скрынникова 2006: 179].

При этом ясун собственно «чонос» у донских калмыков — даже в станицах Чунусовская и Власовская условно дербетовского происхождения с «чоносовскими» же корнями — не фиксируется вовсе [Алексеева, Борманджинов 1999: 14–22], т. е., вероятнее всего, имела место замена родового наименования при первичном присвоении наименования ясуна на Дону, каковой, очевидно, и применялся в дальнейшем к выходцам из соответствующих родов калмыков.

Г. О. Авляев, приводя данные Рашид ад-Дина, склонен возводить происхождение калмыцких чоносов к Кайду — праправнуку Бодончара — по линии его сына Чаракэ-лингума, который по смерти старшего брата Байшинхора (предка Чингис-хана) взял к себе его жену, родившую ему двух сыновей — Гэнду-чинэ и Улугчин-чинэ (где «чинэ» значит «волк») — родоначальников ветви «чинос» (что значит «волк») (цит. по: [Авляев 2002: 163]). Вероятно, княжичей именно этих чоносов Джамуха приказал сварить заживо в семидесяти котлах после одной из побед над партией Чингис-хана [Козин 1990: 49], поскольку, будучи природными тайджиутами (потомками Чаракэ-лингума), они все же выступили против сородичей в союзе с Чингис-ханом [Рашид ад-Дин 1952: 180–183]. Возможно, народная память о тождественности этнонимов «чинос/чонос» и «тайджиут» на определенном этапе истории монголов (и ойратов) и отразилась в

позднейшем смешении (взаимозаменяемости) этих двух наименований у носителей «ойратского»/«монгольского» субклада R2-M124 среди калмыков. О том, что таковая память об эпохе и фигуре Чингис-хана (его предков) в устной традиции калмыков сохранялась и по прошествии трехсот лет пребывания на берегах Волги и Дона, свидетельствуют вновь обретаемые фольклорные памятники, вводимые в научный оборот сотрудниками КалмНЦ РАН [Мирзаева 2021].

Данные генетики также не обнаруживают существенной разницы между калмыцкими образцами тяячудов и чоносов, что может служить дополнительным свидетельством того, что тяячуды являются выходцами из чоносовских аймаков дербетов. На то, что доля дербетов в составе донских калмыков может быть значительно выше традиционно оцениваемой, указывает К. П. Шовунов, приводя данные о более чем двукратном увеличении численности последних между 1800 г. (более 5 тыс. чел.) и 1819 г. (13 326 чел.) — и параллельно цитируя официальное сообщение от 1818 г. о несанкционированном пребывании в землях войска Донского до «до трех тысяч кибиток дербетовских калмыков», дальнейшая судьба которых, однако, неясна [Шовунов 1992: 70].

В исследовании приняли участие 7 представителей ясуна *тяячуд*, предки которых происходят из следующих станиц: Денисовская (2), Ново-Алексеевская (2), Батлаевская (1), Власовская (1) и Потаповская (1). «Ойратский» субклад R2a-M124 идентифицирован у 5 тяячудов из Денисовской, Ново-Николаевской и Батлаевской станиц. В целом из 84 образцов бузавов R2a-M124 выявлен в 8 случаях, т. е. еще у 3 бузавов за вычетом тяячудов: «ойратский» субклад — у кептюля из ст. Ново-Николаевская и у бургуда из ст. Денисовская, а у шавада из ст. Граббевская наблюдается совершенно иной субклад R2a-M124.

В отношении носителей этнонима «сяядюд» (у шошолдакинов и шарнут-чоносов) авторы склонны предполагать обратный дрейф генов, что могло бы объяснить трансформацию этнонима «тяячуд» в собственно не очень характерное для калмыков условно статусное наименование «сяядюд».

Особое внимание привлекают образцы R2-M124, обнаруженные вне крупных групп собственно чоносов и соотносимых с ними тяячудов.

В структуре Оргакинского аймака имеется арван *няямсюд*. Два (из трех) представителя последнего, принявшие участие в исследовании, также оказались носителями «ойратского» субклада R2-M124. С «хашханерами» же мы их ассоциируем предварительно и на основе следующих полевых данных (собственно хашханеры исследованием охвачены пока не были): по рассказу представителя арвана *няямсюд* Б. Б. Алексеева [ПМА 2021: Инф. 11], слышанному им в детстве от стариков его рода, основателями последнего был мужчина и его восемь сыновей из аймака Хашханер, которые в XIX в. кочевали недалеко от оргакинов и были присоединены к ним ввиду нехватки людей. Рассказ этот информант привел уже в ходе интервью по итогам тестирования, уточнив, что многие вовсе не знают этого об их роде, да и сам он вспомнил эту легенду только в связи с данным исследованием.

Образцы представителя арвана *му чонос* и арвана *бяргяс* Дунду-Хурула могут служить подтверждением следующего: 1) му чоносы действительно могут происходить из Багачоносовского аймака [ПМА 2021: Инф. 1]; 2) полное наименование арвана *бяргяс* включает компонент «чонос» на основании этногенетического родства с собственно чоносами. Последнее подтверждается зафиксированной легендой, возводящей бяргяс-чоносов к трем братьям — выходцам из Багачоносовского аймака [ПМА 2023: Инф. 13].

Наконец, не меньший интерес представляет результат представителя арвана *хоонуд* Икибухусовского аймака, а именно: данный образец может пролить, на наш взгляд, свет на происхождение арванов *хаануд* у ики-чоносов Малодербетовского (Манычского) улуса и *ха(а)нуд* большедербетовских ики-чоносов, т. е. последние могут быть инвариантами наименования *хоонуд*, хотя точный ответ о степени родства могут дать лишь более глубокие SNP-марке-

ры. Примечателен здесь и тот момент, что протестированный хооноуд указал данные генеалогии, сводящие его ветвь с мужскими предками выдающегося джангарчи Ээлян Овла [ПМА 2023: Инф. 12], что может также свидетельствовать об особенном статусе представителей данной линии у калмыков (ойратов), ведь именно эпос «Джангар» по праву считается жемчужиной народного творчества и квинтэссенцией калмыцкого (ойратского) духа, ментальности.

3.3. Исторический контекст и R2-M124 у калмыков

Абсолютное большинство идентифицированных образцов R2a-M124 у калмыков прямо или косвенно соотносится с этнонимом «чонос» и исторически связано с дербетами-зюнами.

При этом неглубокий расчетный возраст данной линии и ее широкое присутствие в популяции указывает на исторически привилегированное положение ее представителей (власть, статус как популяционное преимущество) в структуре ойратов (калмыков), последнее же подтверждается данными ономастики («хаануд», «сяядюд», «тяячуд/тайджиут») и почти полным отсутствием в среде протестированных зюнов «цоросовского» субклада мужской половой хромосомы, маркирующего правящий род дербетов и джунгаров.

Наличие же двух правящих линий в рамках небольшой по сути дербетовской группировки в междуречье Волги и Дона едва ли возможно. Значит речь, вероятнее всего, может идти о некой «старой» аристократии — правящей ветви поглощенной (если не ассимилированной), инкорпорированной общности.

Таковые поглощения и инкорпорации в ойратско-монгольской среде действительно активно протекали в конце XVI – начале XVII в. Отголоски этих процессов можно различить в том, что из почти двухсот пунктов ойрат-монгольского свода законов Их Цааз 1640 г. уже в третьем пункте разбирается вопрос о возвращении баргутов, батутов и хойтов их природным владельцам, а равно устанавливаются соответствующие меры взыскания для нарушителей [Их Цааз 1981: 14]. К аналогичному выводу о поглощении «багатутов, хойтов и других … более крупными и мощными отоками и улусами» в указанный период приходит И. Я. Златкин [Златкин 1983: 50].

В. П. Санчиров же поясняет, что из числа древних ойратских родов и племен в результате таковых поглощений «сохранились в качестве более или менее консолидированной этнической группы, *да и то попавшей в зависимость к дэрбэтам, лишь одни хойты* (курсив наш. — *С. Д.*)» [Санчиров 1990: 53].

О нойонах же хойтов «Шара Туджи» сообщает следующее: «Хойдские нояны — потомки Сулэн, Иналчи, Турулджи» [Желтая история 2017: 106]. Из Сокровенного Сказания [Козин 1990: 119] и, например, той же «Шара Туджи» [Желтая история 2017: 98] известно, что двое последних — сыновья ойратского правителя Худуха-беки, породнившиеся с родом Чингис-хана: младший Иналчи (в транскрипции П. Пеллио: *Ïnalčï*) [Pelliot 1949: 93] получил в жены дочь Чингис-хана Цэцэйхэн (*Čäčäyigän*), а старший Турулчи (*Törälčï*) — дочь Джучи Холуйхан (*Qoluïqan*). Вероятно, к числу сыновей (потомков) Худуха-беки стоит отнести и упоминаемого Сулэна, хотя иных данных о нем нет. Вопрос о том, почему Худуха-беки назван «хойдским» [Желтая история 2017: 98], весьма интересен, а равно запутан — и требует рассмотрения в будущих работах.

Саган Сэцэн в «Эрдэнийн тобчи» сообщает, что четыре сына Дува Сохора (Доной, Докшин, Эмнэг и Эркэ), об уходе которых от их родного дяди Дубан Мергана упоминается в самом начале «Сокровенного сказания» [Козин 1990: 13], выступили родоначальниками четырех ойратских племен (родов; монг. *овог*) — «өгэлэд, багатуд, хойт и кэргуд (ögeled, baγatud, qoyid, kergüd)» (цит. по: [Санчиров 1990: 52]). Еще более лаконична «Шара туджи»: она называет ойратов потомками Дува Сохора [Желтая история 2017: 106], но не уточняет деталей такового кровного преемства.

Дува Сохор же и его младший брат Дубан Мерган возводили свое происхождение к легендарным предкам монголов — Борте-Чино и Гоа-Марал [Козин 1990: 12]. Согласно «Сокровенному сказанию [Козин 1990: 16–17], потомство Дува Сохора пред-

ставлено ойратами (какой-то их частью), а Дубан Мергана — потомством его сыновей Бельгунотая (в транскрипции П. Пеллио: *Bälgünütäi*) и Бугунотая (*Bügünütäi*), которые основали рода бельгунот (*Bälgünüt*) и бугунот (*Bügünüt*) соответственно [Pelliot 1949: 9]. По сути, на этом данные о сыновьях Дубан Мергана и основанных ими у монголов родах в «Сокровенном сказании» заканчиваются. Как поясняет А. Очир, племя бэлгэнудэй (*beljïüdei*) [Желтая история 2017: 214], наряду с некоторыми другими, было включено в состав поколения *онгнигууд* (*ongnigud*, *ongligud*), которое было передано в управление младшему брату Чингис-хана Хачиуну и его потомкам [Очир 2016: 133]. Носители последнего этнонима и поныне проживают на территории Халхи (Монголия) и частично во Внутренней Монголии (КНР). Племя же *букунут* в составе 2 тыс. кибиток указывалось Н. Я. Бичуриным [Бичурин 1854: 132] в числе отоков Джунгарского ханства, и, вероятно, оно в основной массе сгинуло в огне геноцида ойратского населения 1756–1758 гг., однако род *бүгүнүд* и в наши дни встречается у дербетов и захчинов Монголии [Очир 2016: 58]. В этой связи характерно, что к XVIII в. указанная группа фиксируется (и пребывает поныне) именно в составе ойратов, с которыми она состояла в прямом патрилинейном родстве. Равно вызывает интерес у Н. Я. Бичурина же [Бичурин 1854: 131] созвучие наименований отоков *букунут* и даже более многочисленных в Джунгарии (3 тыс. кибиток) — *букус*, каковым у калмыков могут соответствовать бухусы [Авляев 2002: 166], однако историческое значение и структура образцов калмыцких бухусов требует рассмотрения в отдельной работе. Опубликованные данные свидетельствуют о том, что «ойратский» субклад R2a-M124 все же встречается у современных халха-монголов, но в единичных образцах [Kim et al. 2011; Di Cristofaro et al. 2013], что может объясняться указанными выше факторами.

4. Выводы

На основе данных ономастики, историографии, этнографии и генетики авторы впервые формулируют гипотезу о том, что предки носителей «ойратского» («монгольского») субклада R2a-M124 среди калмыков могли претендовать на происхождение от нойонов средневековых ойратов-хойтов, а через них — от легендарного предка монголов и ойратов «благородного волка» Бортэ Чино, и собственно таковая претензия их выразилась в выборе этнонима «чонос», а также тех этнонимов, что прямо или косвенно указывают на их аристократическое, благородное происхождение, как-то: «тяячуд», «сяядюд», «хаануд», «хашханер».

Вероятно, по вступлении в казачье сословие представители указанных родов — на тот момент уже дербетов — были склонны растождествляться с дербетовской же идентичностью в целях утверждения в новом статусе при сохранении по умолчанию притязаний на высокое происхождение, а равно для целей аннулирования претензий владельцев дербетовских улусов на их возвращение в лоно основной группы. На Дону такая трансформация «ясуна», т. е. родовой идентичности, вероятно, не была редкостью и обуславливалась практическими соображениями [ПМА 2023: Инф. 10].

Не исключено, что и сам процесс формирования группы носителей субклада R2a-M124 внутри собственно дербетов в Волго-Донском междуречье — ввиду запутанности структур и наименований чоносов — не был так прост и мог быть растянут во времени. Более же внимательное изучение может обернуться весьма неожиданными и оригинальными выводами, которые, впрочем, требуют дополнительных оснований, в том числе естественнонаучного характера.

Также подтверждены отдельные родословные данные и выделены основные линии, которые требуют анализа с применением технологий секвенирования следующего поколения (NGS — next generation sequencing) на предмет установления соответствующих SNP-маркеров и возможно точного расчета возраста отдельных мужских предковых линий для целей восстановления этнической и политической истории калмыков (ойратов).

Приложение 1

№ п/п	Номер образца	Субклад Y-хромосомы	Субэтнос	Аймак	Род / родовая группа
1	7700-0048	R2 M479	бузав	Батлаевская ст. (Багуда)	
2	7700-0362	R2 M479	бузав	Граббевская ст. (Цевдняхня)	
3	7700-0376	R2 M479	бузав	Денисовская (Ново-Николаевская) ст. (Богшрахна)	
4	7700-0049	R2 M479	бузав	Денисовская (Ново-Николаевская) ст. (Богшрахна)	
5	7700-0050	R2 M479	бузав	Денисовская (Ново-Николаевская) ст. (Богшрахна)	
6	7700-0178	R2 M479	бузав	Ново-Алексеевская ст. (Гелнгяхня)	
7	7700-0146	R2 M479	бузав	Ново-Алексеевская ст. (Гелнгяхня)	
8	7700-0393	R2 M479	дербет (бага)	Аршань-Зельмень	Ики хурул
9	7700-0388	R2 M479	дербет (бага)	Аршань-Зельмень	Ики хурул
10	7700-0099	R2 M479	дербет (бага)	Бага-Чонос	Бага чонос
11	7700-0103	R2 M479	дербет (бага)	Бага-Чонос	Бага чонос
12	7700-0093	R2 M479	дербет (бага)	Бага-Чонос	Бага чонос
13	7700-0095	R2 M479	дербет (бага)	Бага-Чонос	Бага чонос
14	7700-0096	R2 M479	дербет (бага)	Бага-Чонос	Бага чонос
15	7700-0097	R2 M479	дербет (бага)	Бага-Чонос	Бага чонос
16	7700-0100	R2 M479	дербет (бага)	Бага-Чонос	Бага чонос
17	7700-0106	R2 M479	дербет (бага)	Бага-Чонос	Бага чонос
18	7700-0101	R2 M479	дербет (бага)	Бага-Чонос	Бага чонос
19	7700-0205	R2 M479	дербет (бага)	Ики-Бухус	Ики бухс
20	7700-0045	R2 M479	дербет (бага)	Ики-Чонос	Ики чонос
21	7700-0224	R2 M479	дербет (бага)	Ики-Чонос	Ики чонос
22	7700-0041	R2 M479	дербет (бага)	Ики-Чонос	Ики чонос
23	7700-0254	R2 M479	дербет (бага)	Ики-Чонос	Ики чонос
24	7700-0075	R2 M479	дербет (бага)	Оргахн	Оргахн
25	7700-0077	R2 M479	дербет (бага)	Оргахн	Оргахн
26	7700-0056	R2 M479	дербет (бага)	Салын Тугтун	Шошолдахн (ики)
27	7700-0407	R2 M479	дербет (бага)	Дунду Хурул	Дунд хурл
28	7700-0213	R2 M479	дербет (бага)	Дунду Хурул	Дунд хурл
29	7700-0212	R2 M479	дербет (бага)	Дунду Хурул	Дунд хурл
30	7700-0337	R2 M479	дербет (бага)	Хонч Нур	Хончн(у)р
31	7700-0365	R2 M479	дербет (бага)	Шарнут-Чонос	Шарнут чонос
32	7700-0379	R2 M479	дербет (бага)	Шарнут-Чонос	Шарнут чонос
33	7700-0417	R2 M479	дербет (бага)	Шарнут-Чонос	Шарнут чонос
34	7700-0061	R2 M479	дербет (бага)	Шарнут-Чонос	Шарнут чонос
35	7700-0197	R2 M479	дербет (ики)	Ики-Чонос	Ики чонос
36	7700-0228	R2 M479	дербет (ики)	Ики-Чонос	Ики чонос
37	7700-0253	R2 M479	дербет (ики)	Ики-Чонос	Ики чонос
38	7700-0256	R2 M479	дербет (ики)	Ики-Чонос	Ики чонос
39	7700-0243	R2 M479	зюнгар (бузав)	Ново-Алексеевская ст. (Гелнгяхня)	
40	7700-0085	R2 M479	торгут	Цомок	Дойда багуд
41	7700-0398	R2 M479	хошут	Сарпа	
42	7700-KA	R2 M479	дербет (бага)	Бага-Чонос	Бага чонос
43	7700-SG	R2 M479	дербет (бага)	Шарнут-Чонос	Шарнут чонос

DYS385b	DYS449	DYS393	DYS439	DYS481	DYF387S1a	DYF387S1b	DYF387S1c	DYS533
19	31	14	10	25	37			11
14	33	14	11	25	35	36		11
19	32	15	10	25	37	39		11
19	31	14	10	25	37	40		11
19	31	14	10	25	37	40		11
19	31	14	10	25	37	40		11
19	31	14	10	25	38	40		11
18	31	14	10	25	37	40		11
19	30	14	10	25	37	39		11
19	31	14	10	25		40		11
19	31	14	10	25		40		11
19	31	14	10	25	37	40		11
18	31	14	11	25	37	40		11
19	31	14	11	25	37	40		11
19	31	14	11	25	37	40		11
19	31	13	10	25	37	39	40	12
19	31	14	10	25	37	40		11
19	32	14	10	25	37	40		11
19	31	14	10	25	37	40		11
19	30	14	10	25	37	40		11
19	32	14	10	25	37	40		11
19	31	14	10	25	37	41		11
19	33	14	10	25	37	40		11
19	30	14	10	25	37	40		11
19	31	14	10	25	37	40		11
20	31	14	10	25	37	40		11
18	31	14	10	25	37	41		11
19	31	14	11	25	37	39		11
19	31	14	10	25	37	40		11
19	31	14	10	25	40			12
19	31	14	10	25	37	40		11
18	31	14	10	25	37	40		11
19	31	14	10	25	37	40		11
19	32	14	10	25	37	40		11
19	31	14	10	25	37	40		11
19	31	14	10	25	37	40		11
19	31	14	9	25	37	40		11
19	32	14	10	25	37	40		11
19	30	14	10	25	37	40		11
19	31	14	10	25	37	40		11
19	31	14	10	25	37	40		11
19	31	14	10	25	37	40		11

Полевые материалы С. В. Джагрунова

ПМА 2021: Инф. 1 — М. Б. О., муж., 1986 г. р., арван *му чонос* (запись 2021 г., г. Элиста).

ПМА 2021: Инф. 2 — К. О. М., муж., 1959 г. р., арван *келькет* (запись 2021 г., г. Элиста).

ПМА 2021: Инф. 3 — Ц. И. Л., муж., 1954 г. р., арван *хазгуд* (запись 2021 г., г. Элиста).

ПМА 2021: Инф. 4 — М. В. А., муж., 1939 г. р., арван *му авгнр* (запись 2021 г., г. Элиста).

ПМА 2021: Инф. 5 — С. В. Э., муж., 1953 г. р., арван *буудршнр* (запись 2021 г., п. Ики-Чонос).

ПМА 2021: Инф. 6 — К. А. А., муж., 1975 г. р., арван *келькет* (запись 2021 г., г. Элиста).

ПМА 2021: Инф. 7 — С. Ц. Б., жен., 1977 г. р., уроженка п. Бага-Чонос (запись 2021 г., г. Элиста).

ПМА 2021: Инф. 8 — Д. В. Б., муж., 1956 г. р., торель *сядюд* (запись 2021 г., г. Элиста).

ПМА 2021: Инф. 9 — Л. М. А., муж., 1975 г. р., торель *джава ламинхн* (запись 2021 г., г. Элиста).

ПМА 2023: Инф. 10 — М. О. Л., муж., 1967 г. р., ясун *хорха тугтун* (запись 2023 г., г. Элиста).

ПМА 2021: Инф. 11 — А. Б. Б., муж., 1965 г. р., арван *няямсюд* (запись 2021 г., г. Элиста).

ПМА 2023: Инф. 12 — Б. Д. Н., муж., 1959 г. р., арван *хоонуд* (запись 2023 г., г. Элиста).

ПМА 2023: Инф. 13 — Х. Г. Ч., муж., 1966 г. р., арван *бяргяс чонос* (запись 2023 г., г. Элиста).

Field Data of S. Dzhagrunov

Informant 1: M. B. O., male, b. 1986, arvan *Mu Chonos*. Rec. in Elista (Republic of Kalmykia, Russia), 2021. (In Russ.)

Informant 2: K. O. M., male, b. 1959, arvan *Kelket*. Rec. in Elista (Republic of Kalmykia, Russia), 2021. (In Russ.)

Informant 3: Ts. I. L., male, b. 1954, arvan *Khazgud*. Rec. in Elista (Republic of Kalmykia, Russia), 2021. (In Russ.)

Informant 4: M. V. A., male, b. 1939, arvan *Mu Avgnr*. Rec. in Elista (Republic of Kalmykia, Russia), 2021. (In Russ.)

Informant 5: S. V. E., male, b. 1953, arvan *Buudrshnr*. Rec. in Elista (Republic of Kalmykia, Russia), 2021. (In Russ.)

Informant 6: K. A. A., male, b. 1975, arvan *Kelket*. Rec. in Elista (Republic of Kalmykia, Russia), 2021. (In Russ.)

Informant 7: S. Ts. B., female, b. 1977, native of Baga-Chonos. Rec. in Elista (Republic of Kalmykia, Russia), 2021. (In Russ.)

Informant 8: D. V. B., male, b. 1956, torel *Säädüd*. Rec. in Elista (Republic of Kalmykia, Russia), 2021. (In Russ.)

Informant 9: L. M. A., male, b. 1975, torel *Java Laminkhn*. Rec. in Elista (Republic of Kalmykia, Russia), 2021. (In Russ.)

Informant 10: M. O. L., male, b. 1967, yasun *Khorkha Tugtun*. Rec. in Elista (Republic of Kalmykia, Russia), 2023. (In Russ.)

Informant 11: A. B. B., male, b. 1965, arvan *Nyäämsüd*. Rec. in Elista (Republic of Kalmykia, Russia), 2021. (In Russ.)

Informant 12: B. D. N., male, b. 1959, arvan *Khoonud*. Rec. in Elista (Republic of Kalmykia, Russia), 2023. (In Russ.)

Informant 13: Kh. G. Ch., male, b. 1966, arvan *Bärgäs Chonos*. Rec. in Elista (Republic of Kalmykia, Russia), 2023. (In Russ.)

Источники

YFull: R-L294 — R-L294 [электронный ресурс] // YFull.com. URL: https://www.yfull.com/tree/R-L294/ (дата обращения: 14.06.2023).

YFull: R-Y3399 — R-Y3399 [электронный ресурс] // YFull.com. URL: https://www.yfull.com/tree/R-Y3399/ (дата обращения: 14.06.2023).

Карта РККА 1942 — Карта РККА юга России 1942 г. (масштаб 1:200 000) [электронный ресурс] // ЭтоМесто. URL: http://www.etomesto.ru/map-rkka_ug/ (дата обращения: 25.07.2023).

Sources

1942 Red Army Map of South Russia (1:200,000). On: EtoMesto. Available at: http://www.etomesto.ru/map-rkka_ug/ (accessed: 25 July 2023). (In Russ.)

R-L294. On: YFull.com. Available at: https://www.yfull.com/tree/R-L294/ (accessed: 14 June 2023). (In Eng.)

R-Y3399. On: YFull.com. Available at: https://www.yfull.com/tree/R-Y3399/ (accessed: 14 June 2023). (In Eng.)

Литература

Авляев 2002 — *Авляев Г. О.* Происхождение калмыцкого народа. 2-е изд., перераб и исправл. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 325 с.

Адамов 2011 — *Адамов Д. С.* Распространение и происхождение Y-STR гаплотипов «монгольского» кластера R2a-M124 // The Russian Journal of Genetic Genealogy (Рус-

ская версия). 2011. Т. 3. № 2. С. 48–52.

Алексеева, Борманджинов 1999 — *Алексеева П. Э., Борманджинов А. Э.* Об этническом составе донских калмыков. Элиста: КИГИ РАН, 1999. 41 с.

Балинова и др. 2022 — *Балинова Н. В., Джаубермезов М. А., Хуснутдинова Э. К., Зинченко Р. А., Хомякова И. А., Спицына Н. Х., Ельчинова Г. И., Пост Х., Виллемс Р., Роотси С.* Популяционное исследование ойратов и вопрос генетического родства с потомками Чингисхана // Медицинская генетика. 2022. Т. 21. № 6. С. 25–36.

Бичурин 1854 — *Бичурин (Иакинф)*. Историческое обозрение ойратов, или калмыков, с XV столетия до настоящего времени. СПб.: Тип. мед. деп-та Мин-ва внутр. дел, 1854. 253, XII с.

Борликов 2018 — *Борликов Г. М.* Из глубины веков до дней сегодняшних. Элиста: НПП «Джангар», 2018. 224 с.

Желтая история 2017 — Желтая история (Шара туджи) / пер. с монг., транслит., введ. и коммент. А. Д. Цендиной. М.: Наука, Вост. лит., 2017. 406 с. (Памятники письменности Востока. CXLVII).

Златкин 1983 — *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства (1635–1758). 2-е изд. М.: Наука, ГРВЛ, 1983. 333 с.

Их Цааз 1981 — Их Цааз («Великое уложение»). Памятник монгольского феодального права XVII в. Ойратский текст / транслитер. сводного ойр. текста, реконстр. монг. текст и его транслитер., пер., введ. и коммент. С. Д. Дылыкова. М.: Наука, ГРВЛ., 1981. 148 с.

Козин 1947 — *Козин С. А.* Ойратская историческая песнь о разгроме халхасского Шолой-Убаши хунтайджи в 1587 году. Советское востоковедение IV. М.; Л.: АН СССР, 1947. С. 91–104.

Козин 1990 — Сокровенное сказание монголов (на бурятском и русском языках) / пер. на рус. С. А. Козина; пер. на бур. Ч. Р. Намжилова; ред.: В. Б. Намсараев, Н. Н. Ильина; науч. ред. Л. Д. Шагдаров; предисл. Л. Д. Шагдарова, Ц. Дамдинсурэна, М. П. Хомонова. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1990. 318 с.

Крадин, Скрынникова 2006 — *Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д.* Империя Чингис-хана. М.: Вост. лит., 2006. 557 с.

Максимов 2016 — *Максимов К. Н.* Калмыки в составе донского казачества (XVII – середина XX в.). Ростов-н/Д: ЮНЦ РАН, 2016. 584 с.

Мирзаева 2021 — *Мирзаева С. В.* К сыну Есугея, избранному владыке Чингис-хану, взывал я девять раз: текст Урюс сара в записи И. И. Попова // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 3. С. 297–318. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-297-318

Митиров 1998 — *Митиров А. Г.* Ойраты — калмыки: века и поколения. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 384 с.

Митиров 2002 — *Митиров А. Г.* Истоки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 272 с.

Очир 2016 — *Очир А.* Монгольские этнонимы: вопросы происхождения и этнического состава монгольских народов. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 286 с.

Рашид ад-Дин 1952 — *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. I. Кн. первая. Раздел четвертый / пер. с перс. Л. А. Хетагурова; ред. и примеч. А. А. Семенова; отв. ред. С. П. Толстов. М.; Л.: АН СССР, 1952. С. 152–197.

Республика Калмыкия 2019 — Республика Калмыкия. Административно-территориальное деление. 1918–2017 гг. Справочник. Элиста: КалмНЦ РАН, 2019. 908 с.

Санчиров 1990 — *Санчиров В. П.* «Илэтхэл шастир» как источник по истории ойратов. М.: Наука, ГРВЛ, 1990. 137 с.

Шовунов 1992 — *Шовунов К. П.* Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII–XIX вв.). Элиста: Союз казаков Калмыкии, Калм. инст. обществ. наук, 1992. 320 с.

Adamov, Volkov 2012 — *Adamov D., Volkov V.* About C3d (M407) haplotype of the Teleut clan Choros. The Russian Journal of Genetic Genealogy. 2012. Vol. 4. Is. 2. Pp. 17–21.

Atwood 2004 — *Atwood Ch. P.* Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire. New York: Facts on File, 2004. 678 p.

Bai et al. 2018 — *Bai H., Guo X., Narisu N., Lan T., Wu Q., Xing Y., Zhang Y., Bond S. R., Pei Z., Zhang Y., Zhang D., Jirimutu J., Zhang D., Yang X., Morigenbatu M., Zhang L. et al.* Whole-genome sequencing of 175 Mongolians uncovers population-specific genetic architecture and gene flow throughout North and East Asia // Nature Genetics. 2018. Vol. 50. Pp. 1696–1704.

Balinova et al. 2019 — *Balinova N., Post H., Kushniarevich A., Flores R., Karmin M., Sahakyan H., Reidla M., Metspalu E., Litvinov S., Dzhaubermezov M., Akhmetova V., Khusainova R., Endicott Ph., Khusnutdinova E., Orlova K., Bakaeva E., Khomyakova I., Spitsina N., Zinchenko R., Villems R., Rootsi S.* Y-chromosomal analysis of clan structure of Kalmyks, the only European Mongol people,

and their relationship to Oirat-Mongols of Inner Asia. European Journal of Human Genetics. 2019. Vol. 27. Is. 9. Pp. 1466–1474.

Di Cristofaro et al. 2013 — *Di Cristofaro J., Pennarun E., Mazières S., Myres N. M., Lin A. A. et al*. Afghan Hindu Kush: where Eurasian sub-continent gene flows converge. PLOS ONE. 2013. Vol. 10. Is. 8. Article e76748.

Huang et al. 2018 — *Huang Y.-Z., Wei L.-H., Yan S., Wen S.-Q., Wang C.-C., Yang Y.-J., Wang L. X., Lu Y., Zhang C., Xu S.-H., Yao D. L., Jin L., Li H*. Whole sequence analysis indicates a recent southern origin of Mongolian Y-chromosome C2c1a1a1-M407. Molecular Genetics and Genomics. 2018. Vol. 293. Is. 3. Pp. 657–663.

Kim et al. 2011 — *Kim S. H., Kim K. C., Shin D. J., Jin H. J., Kwak K. D., Han M. S., Song J. M., Kim W., Kim W*. High frequencies of Y-chromosome haplogroup O2b-SRY465 lineages in Korea: a genetic perspective on the peopling of Korea. Investigative Genetics. 2011. Vol. 2. Article 10 [электронный ресурс] // Investigative Genetics. URL: https://investigativegenetics.biomedcentral.com/articles/10.1186/2041-2223-2-10 (дата обращения: 25.07.2023).

Malyarchuk et al. 2013 — *Malyarchuk B., Derenko M., Denisova G., Khoyt S., Woźniak M., Grzybowski T., Zakharov I*. Y-chromosome diversity in the Kalmyks at the ethnical and tribal levels. Journal of Human Genetics. 2013. Vol. 58. Is. 12. Pp. 804–811.

Narasimhan et al. 2019 — *Narasimhan V. M., Patterson N., Moorjani P., Lazaridis I., Lipson M., Mallick S., Rohland N., Bernardos R., Kim A. M., Nakatsuka N. et al*. The formation of human populations in South and Central Asia // Science. 2019. Vol. 365. Is. 6457.

Nasidze et al. 2005 — *Nasidze I., Quinque D., Dupanloup I., Cordaux R., Kokshunova L., Stoneking M.* Genetic evidence for the Mongolian ancestry of Kalmyks. American Journal of Physical Anthropology. 2005. Vol. 128. Is. 4. Pp. 846–854.

Pelliot 1949 — Histoire secrète des Mongols / Restitution du texte mongol et traduction des chapitres I à VI par Paul Pelliot. Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient Adrien-Maisonneuve, 1949. 198 p. .

Roewer et al. 2007 — *Roewer L., Krüger C., Willuweit S., Nagy M., Rodig H., Kokshunova L., Rothämel T., Kravchenko S., Jobling M. A., Stoneking M., Nasidze I*. Y-chromosomal STR haplotypes in Kalmyk population samples. Forensic Science International. 2007. Vol. 173. Is. 2–3. Pp. 204–209.

References

Adamov D. The 'Mongolian' cluster of R2a-M124: Distribution and origins of its haplotypes. *The Russian Journal of Genetic Genealogy*. 2011. Vol. 3. Is. 2. Pp. 48–52. (In Russ.)

Adamov D., Volkov V. About C3d (M407) haplotype of the Teleut clan Choros. *The Russian Journal of Genetic Genealogy*. 2012. Vol. 4. Is. 2. Pp. 17–21. (In Eng.)

Alekseeva P. E., Bormanshinov A. E. Revisiting the Ethnic Composition of the Don Kalmyks. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 1999. 41 p. (In Russ.)

Atwood Ch. P. Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire. New York: Facts on File, 2004. 678 p. (In Eng.)

Avlyaev G. O. Origins of the Kalmyk People. Second edition, rev. & suppl. Elista: Kalmykia Book Publ., 2002. 325 p. (In Russ.)

Bai H., Guo X., Narisu N., Lan T., Wu Q., Xing Y., Zhang Y., Bond S. R., Pei Z., Zhang Y., Zhang D., Jirimutu J., Zhang D., Yang X., Morigenbatu M., Zhang L. et al. Whole-genome sequencing of 175 Mongolians uncovers population-specific genetic architecture and gene flow throughout North and East Asia. *Nature Genetics*. 2018. Vol. 50. Pp. 1696–1704. (In Eng.)

Balinova N. V., Dzhaubermezov M. A., Khusnutdinova E. K., Zinchenko R. A., Khomyakova I. A., Spitsyna N. K., Elchinova G. I., Post H., Villems R., Rootsi S. Historical and genetic research of the Oirats and the question of kinship with the descendants of Genghis Khan. *Medical Genetics*. 2022. Vol. 21. No. 6. Pp. 25–36. (In Russ.)

Balinova N., Post H., Kushniarevich A., Flores R., Karmin M., Sahakyan H., Reidla M., Metspalu E., Litvinov S., Dzhaubermezov M., Akhmetova V., Khusainova R., Endicott Ph., Khusnutdinova E., Orlova K., Bakaeva E., Khomyakova I., Spitsina N., Zinchenko R., Villems R., Rootsi S. Y-chromosomal analysis of clan structure of Kalmyks, the only European Mongol people, and their relationship to Oirat-Mongols of Inner Asia. *European Journal of Human Genetics*. 2019. Vol. 27. Is. 9. Pp. 1466–1474. (In Eng.)

Bichurin (Hyacinth). A Historical Review of Oirats or Kalmyks: From the Fifteenth Century to the Present. St. Petersburg: Ministry of Internal Affairs, 1854. 253, XII p. (In Russ.)

Borlikov G. M. From the Depths of Past Centuries to Present Days. Elista: Dzhangar, 2018. 224 p. (In Russ.)

Di Cristofaro J., Pennarun E., Mazières S., Myres N. M., Lin A. A. et al. Afghan Hindu Kush: where Eurasian sub-continent gene flows converge. *PLOS ONE*. 2013. Vol. 10. Is. 8. Article e76748. Available at: https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0076748 (accessed: 25 July 2023). (In Eng.)

Histoire secrète des Mongols. P. Pelliot (text rest., transl.). Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient Adrien-Maisonneuve, 1949. 198 p. (In Mong. and Fr.)

Huang Y.-Z., Wei L.-H., Yan S., Wen S.-Q., Wang C. C., Yang Y.-J., Wang L.-X., Lu Y., Zhang C., Xu S.-H., Yao D.-L., Jin L., Li H. Whole sequence analysis indicates a recent southern origin of Mongolian Y-chromosome C2c1a1a1-M407. *Molecular Genetics and Genomics*. 2018. Vol. 293. Is. 3. Pp. 657–663. (In Eng.)

Kim S. H., Kim K. C., Shin D. J., Jin H. J., Kwak K. D., Han M. S., Song J. M., Kim W., Kim W. High frequencies of Y-chromosome haplogroup O2b-SRY465 lineages in Korea: a genetic perspective on the peopling of Korea. *Investigative Genetics*. 2011. Vol. 2. Article 10. Available at: https://investigativegenetics.biomedcentral.com/articles/10.1186/2041-2223-2-10 (accessed: 25 July 2023). (In Eng.)

Kozin S. A. Oirat historical song of How [Oirats] Defeated Sholoi-Ubashi Khong Tayiji of the Khalkha in 1587. In: Soviet Oriental Studies (Sovetskoe vostokovedenie IV). Vol. 4. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1947. Pp. 91–104. (In Russ.)

Kradin N. N., Skrynnikova T. D. The Empire of Genghis Khan. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2006. 557 p. (In Russ.)

Maksimov K. N. Kalmyks in the Don Cossack Host: Seventeenth to Mid-Twentieth Centuries. Rostov-on-Don: Southern Scientific Center (RAS), 2016. 584 p. (In Russ.)

Malyarchuk B., Derenko M., Denisova G., Khoyt S., Woźniak M., Grzybowski T., Zakharov I. Y-chromosome diversity in the Kalmyks at the ethnical and tribal levels. *Journal of Human Genetics*. 2013. Vol. 58. Is. 12. Pp. 804–811. (In Eng.)

Mirzaeva S. V. To mighty Lord Genghis Khan, the son of Yesükhei, I pray nine times: An Üres Sara text recorded by Ivan I. Popov. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2021. No. 3. Pp. 297–318. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-3-19-297-318. (In Russ.)

Mitirov A. G. Oirats — Kalmyks: Centuries and Generations. Elista: Kalmykia Book Publ., 1998. 384 p. (In Russ.)

Mitirov A. G. The Beginnings. Elista: Kalmykia Book Publ., 2002. 272 p. (In Russ.)

Narasimhan V. M., Patterson N., Moorjani P., Lazaridis I., Lipson M., Mallick S., Rohland N., Bernardos R., Kim A. M., Nakatsuka N. et al. The formation of human populations in South and Central Asia. *Science*. 2019. Vol. 365. Is. 6457. Available at: https://www.science.org/doi/10.1126/science.aat7487 (accessed: 25 July 2023). (In Eng)

Nasidze I., Quinque D., Dupanloup I., Cordaux R., Kokshunova L., Stoneking M. Genetic evidence for the Mongolian ancestry of Kalmyks. *American Journal of Physical Anthropology*. 2005. Vol. 128. Is. 4. Pp. 846–854. (In Eng.)

Ochir A. Ethnonyms of Mongols: Insights into Genesis and Ethnic Composition of Mongolic Peoples. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2016. 286 p. (In Russ.)

Rashid al-Din. Accounts of Turkic tribes once referred to as Mongols which gave rise to a variety of tribes as shall be explained hereinafter (Section 4). In: Rashid al-Din. Compendium of Chronicles. Vol. 1. Book 1. L. Khetagurov (transl.); S. Tolstov (ed.), A. Semenov (ed., comment.). Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1952. Pp. 152–197. (In Russ.)

Roewer L., Krüger C., Willuweit S., Nagy M., Rodig H., Kokshunova L., Rothämel T., Kravchenko S., Jobling M. A., Stoneking M., Nasidze I. Y-chromosomal STR haplotypes in Kalmyk population samples. *Forensic Science International*. 2007. Vol. 173. Is. 2–3. Pp. 204–209. (In Eng.)

Sanchirov V. P. Iletkhel Shastir as a Source on Oirat History. Moscow: Nauka — GRVL, 1990. 137 p. (In Russ.)

Shovunov K. P. Kalmyks in Cossack Hosts of Russia: Mid-Seventeenth to Nineteenth Centuries. Elista: Cossack Union of Kalmykia, Kalmyk Institute of Social Sciences, 1992. 320 p. (In Russ.)

Tapkina A. O. et al. (comps.) Republic of Kalmykia: Administrative and Territorial Divisions, 1918–2017. Reference book. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2019. 908 p. (In Russ.)

The Great Code of Laws (Ikh Tsaaz): A Monument of Seventeenth-Century Mongolian Feudal Law. Oirat Text. S. Dylykov (transl., introd.,

etc.). Moscow: Nauka — GRVL, 1981. 148 p. (In Oir., Mong. and Russ.)

The Secret History of the Mongols. S. Kozin (Russ. transl.), Ch.-R. Namzhilov (Bur. transl.); V. Namsaraev, N. Ilyina, L. Shagdarov (eds.), etc. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1990. 318 p. (In Bur. and Russ.)

The Yellow History (Sira Tuγuji; Written Monuments of the Orient 147). A. Tsendina (transl., introd., etc.). Moscow: Nauka — Vostochnaya Literatura, 2017. 406 p. (In Russ. and Mong.)

Zlatkin I. Ya. History of the Dzungar Khanate, 1635–1758. Second edition. Moscow: Nauka — GRVL, 1983. 333 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 4, Pp. 847–859, 2023
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК / UDC 811.512.156
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-847-859

Родовая группа *монгуш ~ мунгуш*. К вопросу этногенеза и этимологии названия

Любовь Салчаковна Кара-оол[1], *Табылды Абдраманович Акеров*[2]

[1] Тувинский государственный университет (д. 36, ул. Ленина, 667000 Кызыл, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, доцент
0000-0001-9270-2912. E-mail: lkaraool61[at]mail.ru

[2] Институт этнологии при Международном университете Кыргызстана (д. 255, пр. Чуй, 720001 Бишкек, Кыргызская Республика)
кандидат исторических наук, доцент
0009-0007-7460-3567. E-mail: akttar[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023
© Кара-оол Л. С., Акеров Т. А., 2023

Аннотация. *Цель* исследования — изучение и анализ этногенеза тувинского рода *монгуш* и киргизского рода *мунгуш*. *Материалы* извлечены из литературы по теме исследования, а также использованы полевые материалы, собранные авторами во время диалектологических и комплексных экспедиций. *Результаты.* На основе проведенного исследования авторы приходят к выводу, что данная тема интересовала исследователей Центральной Азии и Сибири еще с XIX в., остается она актуальной и в настоящее время. Тувинцы, идентифицирующие себя с родом *монгуш*, воспринимают себя не только частью крупного рода, но и представителями внутриродовой группы — одного из восьми патронимов, зафиксированных в тувинском языке, так же, как и киргизские мунгуши, которые имеют две крупные ветви — *жагалмай тамга* и *кош тамга* (внутри каждой ветви имеется по шесть внутриродовых групп). В основе этногенеза *монгуш ~ мунгуш* лежит тюркоязычный компонент. Род *монгуш* распространен не только на территории Тувы, но и за ее пределами — это мунгуши Ошской области Кыргызстана, Ферганской долины Узбекистана и Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая. Тем не менее мнение ученых о том, что тувинские монгуши имеют родственные контакты с ферганскими кара-киргизами и с ошскими кыргызами, требует более глубокого исследования с привлечением фольклорных и исторических материалов.

Ключевые слова: этноним, монгуш, мунгуш, патронимы, ветви, этногенез, тувинцы, киргизы, идентификация, тюркоязычный этнос

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Комплексные этногенетические, лингвоантропологические исследования родовых групп Тувы: универсальность, локальность, трансграничье» (№ 22-18-20113, https://rscf.ru/project/22-18-20113/).

Для цитирования: Кара-оол Л. С., Акеров Т. А. Родовая группа монгуш ~ мунгуш. К вопросу этногенеза и этимологии названия // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 4. С. 847–859. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-847-859

Clan Group Mongush ~ Mungush: Revisiting the Issues of Ethnogenesis and Name Etymology

Lyubov S. Kara-ool[1], *Tabyldy A. Akerov* [2]

[1] Tuvan State University (36, Lenin St., 667000 Kyzyl, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Associate Professor
0000-0001-9270-2912. E-mail: lkaraool61[at]mail.ru

[2] International University of Kyrgyzstan, Institute of Ethnology (255, Chüy Ave., 720001 Bishkek, Kyrgyz Republic)
Cand. Sc. (History), Associate Professor
0009-0007-7460-3567. E-mail: akttar[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023
© Kara-ool L. S., Akerov T. A., 2023

Abstract. *Goals*. The article attempts an ethnogenetic analysis of the Tuvan clan *Mongush* and the Kyrgyz clan *Mungush*, seeks to delineate some features of their intra-clan patronymy, and provides an insight into the clan name etymology with the aid of folk etymologies. *Materials*. The study focuses on publications dealing with the topic, analyzes field data collected by the authors during dialect and comprehensive research expeditions. *Results*. The analysis concludes the issue had stirred interest of many researchers of Central Asia and Siberia since the nineteenth century, and remains as relevant to date. Tuvans who identify themselves as Mongush tend to perceive themselves not only as members of the large clan but also as representatives of some certain intra-clan group — one of the eight patronymies recorded in the Tuvan language, just like the Kyrgyz Mungush who have two large branches — *zhagalmai tamga* and *kosh tamga* — each to comprise six intra-clan clusters. The Mongush ~ Mungush ethnogenesis is based on Turkic population pool. The Mongush are distributed not only in Tuva but also beyond its borders, namely: those are the Mungush from Osh Region of Kyrgyzstan, the Fergana Valley of Uzbekistan, and the Xinjiang Uygur Autonomous Region of China. However, the academic opinions about kin relations between the Tuvan Mongush and those of Fergana Kara-Kirghizes/Osh Kyrgyzes require further historical and folklore insights.

Keywords: ethnonym, Mongush, Mungush, patronyms, branches, ethnogenesis, Tuvans, Kirghiz, Turkic ethnic group

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 22-18-20113 ‘Comprehensive Ethnogenetic and Linguoanthropological Research into Clan/Tribal Groups of Tuva: Universal, Local, and Cross-Border Features’ (https://rscf.ru/project/22-18-20113/).

For citation: Kara-ool L. S., Akerov T. A. Clan Group Mongush ~ Mungush: Revisiting the Issues of Ethnogenesis and Name Etymology. *Oriental Studies*. 2023; 16(4): 847–859. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-847-859

1. Введение

Родовая группа *моңгуш ~ монгуш* является одной из многочисленных на территории современной Тувы, поэтому с уверенностью можно предположить, что представителей данного рода можно обнаружить в каждом из 17 районов Тувы. Этому способствовала миграция тувинцев внутри республики в основном по социально-экономическим факторам [Анайбан 2020: 62–66], среди которых преобладают такие причины, как создание семьи, сближение и укрепле-

ние родовых связей, учеба или повышение по службе, безработица и т. д.

Основная цель данной статьи — изучить этногенез тувинской родовой группы *монгуш* и киргизского рода *мунгуш*, особенности их внутриродовой патронимии, а также точки зрения ученых, связанных с этимологией названия *монгуш ~ мунгуш* в сравнении с народной этимологией. Исходя из поставленной цели, ставились следующие задачи: систематизировать список патронимов рода *монгуш ~ мунгуш*; изучить особенности идентификации *монгушей ~ мунгушей*; уточнить места проживания монгушей и мунгушей.

Источниковую базу исследования составили полевые материалы авторов, собранные во время диалектологических и комплексных экспедиций, а также материалы, извлеченные из работ, посвященных теме исследования.

2. Этногенез рода тувинских монгушей

Данный вопрос еще в XIX в. интересовал многих исследователей Центральной Азии и Сибири, например географа, этнографа-фольклориста Г. Н. Потанина [Потанин 2007], одного из основателей отечественной школы тюркологов В. В. Радлова [Радлов 2007], историка-востоковеда и этнографа Н. А. Аристова [Аристов 2007], географа-путешественника Г. Е. Грумм-Гржимайло [Грумм-Гржимайло 2007] и др.

В XX в. этногенез рода *монгуш*, наравне с другими этническими группами тувинцев, исследовали этнограф Л. П. Потапов [Потапов 1969], этнограф, археолог, востоковед-тюрколог С. И. Вайнштейн [Вайнштейн 1957; Вайнштейн 1980; Вайнштейн, Москаленко 2008], историк и писатель Н. А. Сердобов [Сердобов 1970; Сердобов 1971], лингвист-тюрколог Б. И. Татаринцев [Татаринцев 1986; Татаринцев 2009], этнолог и этнограф, Народный писатель Тувы М. Б. Кенин-Лопсан [Кенин-Лопсан 2017], историк и этнограф, краевед Г. Н. Курбатский [Курбатский 2001], археолог и историк М. Х. Маннай-оол [Маннай-оол 2004], историк и этнограф М. В. Монгуш [Монгуш 2005], этнолог и этносоциолог З. В. Анайбан [Анайбан, Маннай-оол 2013], философ Ч. К. Ламажаа [Ламажаа 2021], тувинский генетик Л. Д. Дамба и др. [Дамба и др. 2018] и др.

На основе данных работ вышеуказанных авторов, подтверждающихся материалами, собранными во время полевых исследований [ПМА 1999–2022], выяснено, что род тувинских *монгушей* состоит из нескольких патронимов [Кара-оол, Кормушин 2022: 1258], которые отражают следующие идентификационные особенности внутри рода *монгуш*.

1. Антропологические особенности представителей рода [Кара-оол, Кормушин 2022: 1260] — *ак-моңгуш* ‘букв. белые, т. е. светлые монгуши’ и *кара-моңгуш* ‘букв. чернявые монгуши — смуглые’ [Радлов 2007: 250; Потанин 2007: 422; Яковлев 2007: 205].

По сведениям нашего респондента Монгуш Сулдер Санчай-ооловны, 1949 г. р., проживающей в с. Алдан-Маадыр, *ак-монгуши* жили и живут по правую сторону р. Хемчик до р. Хандагайты и Улаатай, а *кара-монгуши* — по левую сторону р. Хемчик, по р. Алаш, а также в местечке Суг-Аксы, Хол-Оожу и по р. Шеми, Чыргакы [ПМА 1999–2022].

Ак-монгуши жили также в Чаа-Холском районе: в местностях Бедик-Хавак и Кызыл-Даг до р. Аянгаты, а *кара-монгуши* — в местностях Ак-Туруг, Ак-Хеме [Кара-оол 2015: 92] и по р. Чаа-Хол [Грумм-Гржимайло 2007: 512].

Существует несколько преданий о данных внутриродовых группах.

По одному из них, в 1800 г. *чалан* (высокопоставленный чиновник) Монгуш Бошка во время охоты в тайге Хан-Дээр встретился со светлолицым, синеглазым молодым человеком из другой *сөөк* ‘народности’, тот блуждал в тайге несколько дней, и силы его были на исходе. Монгуш Бошка привел его в свой стан, накормил и обогрел. Так представитель другой народности стал членом семьи Монгуш Бошка, спустя некоторое время его женили на дочери соседа из рода *ондар*, а когда появился первенец молодоженов, назвали *Хайнакай* ‘букв. метис’. Он был похож на отца, но был выше и сильнее его, в народе ему дали прозвище *Улуг-Ашак* ‘большой старик’. У Улуг-Ашака было девять сыновей и три дочери. И от них, говорят, пошла внутриродовая группа *ак-монгуш* [Ховалыг 2015: 131].

О кара-монгушах существует следующее предание: в летнее время на таежную стоянку Чайлаг-Озен пришел раненый са-

мец-косуля. Монгуши выходили косулю и отпустили в тайгу. После этого случая род монгушей стал размножаться, и стали их называть *кара-монгушами*, см. *кара шаар* ‘очень много’, т. е. в переносном смысле — «бесчисленное множество». Монгуши считают, что так отблагодарил их предков дух-покровитель местности [Ширап 2015: 146]. Поэтому в данном случае идентификация кара-монгушей связана с численностью представителей рода, а не с антропологической особенностью.

2. Статус представителя монгушей внутри рода — *биче-моңгуш* ‘букв. младший монгуш’, *улуг-моңгуш* ‘букв. старший монгуш’. Улуг-монгуши и биче-монгуши, по сведениям респондентов, жили и живут на территории с. Бажын-Алаак Дзун-Хемчикского района [ПМА 1999–2022], а также по р. Тас-Булун Сут-Хольского района [Потапов 1969: 75].

3. Род занятия монгушей отражен в их названии *алдынчы моңгуш* ‘монгуш-золотодобыватель’. Представители данного рода работали на Эйлиг-Хемском золоторудном прииске, где начали добывать золото еще с 80-х гг. XIX в.

Один из достойных сыновей рода *монгуш* из Шеми-Аксы Дзун-Хемчикского района Байсклан Монгуш, заместитель командира эскадрона по политической части, участник Великой Отечественной войны, в 1930 г. в 17-летнем возрасте работал на Эйлиг-Хемском золоторудном прииске [Орус-оол 2015: 139]. По информации респондентов, в те годы многие мужчины и молодые люди из шеминских монгушей работали на этом прииске, поэтому в народе их стали называть *алдынчы-монгуши* ‘монгуши-золотодобыватели’ [ПМА 1999–2022].

4. Административно-территориальный признак, указывающий на места компактного проживания представителей рода, также отражен в текстах, употребляемых вместе с названиями, *Чаа-Хөл моңгуштары* ‘чаа-хольские монгуши’, *Улаатай моңгуштары* ‘улатайские монгуши’, *Чыргакы кара-моңгуштары* ‘чыргакинские кара-монгуши’, *Сүт-Хөл моңгуштары* ‘сут-хольские монгуши’, *Ишкин моңгуштары* ‘ишкинские монгуши’, *Хорум-Даг моңгуштары* ‘хорум-дагские монгуши’, *Оргу-Шөл моңгуштары* ‘оргу-шолские монгуши’.

Административно-территориальное разграничение родовых групп тувинцев установлено маньчжурскими властями еще в XVIII в. [Вайнштейн, Москаленко 2008: 23; Ламажаа, Намруева 2018: 211].

5. Княжеский род — *ноян монгуш* ‘букв. князь-монгуш, т. е. монгуш из княжеского рода’ — это представители рода Хун ноян Буян Бадыргы Монгуша, основоположника тувинской государственности. По информации Монгуш Чараштаа Агбаан-Ламаевны, 1953 г. р., из местности Чазадыр, представители рода *ноян монгуш* жили и живут в Дзун-Хемчикском районе — на территории современного г. Чадаан и с. Хайыракан, в Баруун-Хемчикском районе — в местности Кижи-Кожээ и Чазадыр, в с. Аянгаты [ПМА 1999–2022].

6. Воинская доблесть мужчин рода: *адай монгуш* — представители данного рода жили на территории с. Аянгаты Баруун-Хемчикского кожууна, по р. Хемчик, близи устья его правого притока Чыргакы в Дзун-Хемчикском кожууне. Адай-монгуши также жили в соседстве с родом *салчак* в местечке Мугур-Шивилиг Бай-Тайгинского кожууна [Сердобов 1971: 18].

Один из известных людей данного рода — это Адай-Монгуш Сарай, родом из Аянгаты, в 1890–1895 гг. был 9-м *угером* ‘правителем’ Хемчикского района [Монгуш 2015: 127; Ооржак 2015: 129].

В тувинском языке *адай* не используется как отдельная лексема. *Адай* отмечается как один из компонентов названия родовой группы тувинцев *адай монгуш*, как единица административного деления — сумона и арбана *Адай-Монгуш* [Татаринцев 2009: 227] и как этническое название монголов — *адай даргат* [Потанин 2007: 425] и этнических тувинцев Монголии — *адай иргит* [ПМА 1999–2022].

В тофаларском языке *адай* используется в значении ‘монгол, монгольский’ [Рассадин 1995: 9]. В отличие от тофаларского тувинский *адай* произносится с фарингализацией гласного — [аъдай], и, как отметил Б. И. Татаринцев, «оно должно восходить к исходной форме с сильным (оглушенным) согласным, следующим за фарингализованным гласным первого слога, т. е. в форме **атай*», и предположил, что слово может быть «связано с общетюркской глагольной основой *ат-* (>*ыт-*), означающей не толь-

ко ‘стрелять’, но и ‘бросать, метать; выпускать’ и др.» [Татаринцев 2009: 231–232]. Таким образом, можно предположить, что мужчины данного рода были отличными воинами-стрелками.

7. Связь с ойратскими этническими группами — *дөрбет моңгуш* ‘дербетский монгуш’ [Монгуш 2015: 127], т. е. монгуши, относящиеся к ойратам-дербетам, см. *дөрвөд* ‘дэрбэты’ [БАМРС 2001: 63].

Л. П. Потапов отметил, что в начале XX столетия ак-монгуши кочевали вместе с арбаном дербетов по р. Аянгаты, в бассейне правобережья верхнего течения Хемчика [Потапов 1969: 75], которые участвовали в этногенезе современных тувинцев и оставили следы в названиях таких групп, как *өөлет* ‘олет’ и *дөрбет* ‘дербет’ [Сердобов 1971: 131].

8. Объект поклонения, тотем, называемый эвфемизмом, связанный с табуированным названием волка, отражен в одном из компонентов названия *ыт моңгуш* ‘букв. собака-монгуш’, в значении ‘волк-монгуш’. Название волка, о котором в народе сохраняется память как о тотеме, в тувинском языке заменяется эвфемизмами, которые отражены в одном из компонентов названия: *чер ыды* ‘дикая собака’, *коккаарак* ‘синеглазый’, *кокай* ‘синенький’, *кокай-ашак* ‘синенький старик’, *кончуг ашак* ‘опасный старик’, *кызыл-карак* ‘красноглазый’, *көк-хелиң* ‘синий гелунг (ламский чин)’, *узун-кудурук* ‘длиннохвостый’, *чер чүвези* ‘существо земли’. Представители рода *ыт монгуш* живут на территории вокруг с. Хорум-Даг Дзун-Хемчикского района.

Таким образом, мнения исследователей по процессу формирования и развития на определенной территории родовой группы *монгуш* неоднозначны. Тем не менее можно заключить, что они жили на территории Даа или Хемчикского кожууна (района) — это от Чаа-Холя до р. Аянгаты, от р. Хемчик до р. Хандагайты и Улаатай Овюрского кожууна, а также по верхнему течению Хемчика — по р. Алаш, в местечке Суг-Аксы, Хол-Оожу и по р. Шеми, Чыргакы.

Монгуши идентифицировали себя внутри большого рода по следующим признакам:

– по антропологическим особенностям представителей рода (*ак-моңгуш* ‘светлые монгуши’ и *кара-моңгуш* ‘смуглые монгуши’);

– по численности представителей рода: кара-монгуши идентифицируют себя не только по антропологическим особенностям, но и по численности (*кара-моңгуш*, см. *кара шаар* ‘очень много’ или ‘бесчисленное множество’);

– по статусу представителя *монгуш* внутри рода (*биче-моңгуш* ‘букв. младший монгуш’, *улуг-моңгуш* ‘букв. старший монгуш’);

– по роду занятия монгушей (*алдынчы-моңгуш* ‘монгуш-золотодобыватель’);

– по административно-территориальному признаку, установленному маньчжурскими властями еще в XVIII в.: *Чаа-Хөл моңгуштары* ‘чаа-хольские монгуши’, *Улаатай моңгуштары* ‘улатайские монгуши’, *Чыргакы кара-моңгуштары* ‘чыргакинские кара монгуши’ и т. д.;

– по объекту поклонения, в названии которого применена замена названию волка (*ыт монгуш* ‘букв. собака-монгуш’ — род, спасенный от опасности уничтожения вожаком-волком);

– по принадлежности к княжескому роду, произошедшему от Буяна Бадыргы Монгуша (*ноян моңгуш* ‘монгуши из княжеского рода Хун ноян Буян Бадыргы Монгуша’, основоположника тувинской государственности);

– по воинской доблести мужчин рода (*адай моңгуш* ‘монгуши-стрелки’);

– по связи с ойратскими этническими группами (*дөрбет моңгуш* ‘дербетский монгуш’ — монгуши, относящиеся к ойратам-дербетам).

3. Этногенез рода киргизских мунгушей

Этногенез киргизского рода *мунгуш* и его внутриродовые группы были изучены и проанализированы в работах ученых-историков Я. Р. Винникова, С. А. Аттокурова, Т. А. Акерова [Винников 1956: 136–184; Аттокуров 1995: 84–86; Акеров 2012: 88, 124, 166–168; Акеров 2017: 62, 77; Акеров 2020: 466, 504] и др.

Исследователи этнонимики в своих работах отмечали, что тувинские монгуши могут иметь родственные контакты с ферганскими кара-киргизами [Аристов 2007: 351; Сердобов 1971: 133] и с ошскими киргизами [Акеров 2017: 62–64].

С. А. Аттокуров писал, что этноним имеет две формы: *мунгуш* и *монгуш*, отож-

дествляя киргизских *мунгушей* с тувинскими *монгушами* [Аттокуров 1995: 84–86].

Н. А. Сердобов был убежден, что «киргизские *монгуши* имеют северное, иначе говоря, тувинское происхождение», и в этом его убеждает «наличие в составе того же отдела адгене подразделения *очржак* (*ооржак*), также многочисленной группы среди современных тувинцев. Группы *монгуш*, *ооржак*, *сат* среди тянь-шаньских киргизов мы считаем пришлыми из Тувы» [Сердобов 1971: 133].

Версии о связи тувинских монгушей с киргизскими мунгушами заинтересовали участников проекта «Комплексные этногенетические, лингвоантропологические исследования родовых групп Тувы: универсальность, локальность, трансграничье». И в августе 2022 г. была организована комплексная экспедиция в Кыргызстан. С киргизской стороны к экспедиции присоединился канд. ист. наук, доцент, директор Института этнологии при Международном университете Кыргызстана Т. А. Акеров.

Основной целью экспедиции было комплексное исследование киргизской родовой группы *мунгуш* (*муңгуш*) в Кыргызстане: исследование рода и его внутриродовых групп, сбор этнографических, а также лингвистических и фольклорных материалов по роду *мунгуш*.

Основную часть экспедиции составили поездки по населенным пунктам — *айылам* высокогорного Алайского района Ошской области, где компактно проживают представители рода *мунгуш*: с. Гульча — административный центр района, с. Сары-Таш, граничащий с Китаем, с. Джош, с. Булолу, с. Ак-Босого, с. Талдык, с. Тээке, г. Ош, а также восточная часть Ферганской долины. Населенные пункты расположены по берегам реки Гульча и на равнинах Алайской впадины и Ферганской долины (киргизская часть). Местное население умело пользуется климатическими условиями своего региона, занимаются животноводством — держат лошадей, коров, овец, а на высокогорной местности — яков, здесь раньше, чем в других местах, созревают фрукты и овощи, поэтому развито садоводство и огородничество, развиваются экологический туризм, рыбное хозяйство.

По информации респондентов, киргизский род *мунгуш* насчитывает более миллиона человек вместе с мунгушами, проживающими на территории узбекской части Ферганской долины и в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая [ПМА 2005–2022].

Киргизский род *мунгуш* состоит из двух ветвей — *жагалмай тамга* ‘дербник тамга’ и *кош тамга* ‘парная тамга’, внутри каждой ветви имеется по шесть внутриродовых групп (см. табл. 1) [Винников 1956: 136–184; Аттокуров 1995: 84–86; Акеров 2012: 88, 124, 166–168; Акеров 2017: 62–64].

Таблица 1. Киргизский род *муңгуш* и его ветви

[*Table 1*. The Kyrgyz Mungush and their branches]

Муңгуш	
жагалмай тамга ‘дербник тамга’	*кош тамга* ‘парная тамга’
Төлөйкөн ‘букв. сваренная голова барана, преподносимая уважаемому гостю’: указывается на социальное положение представителей данного рода.	*Маңгыт* (см. ногайский *мангыт*). Предки жили на берегу Амура, этноним переводится как ‘река’, считается отуреченным монгольским народом [Акеров 2017: 198].
Жоош ‘букв. ‘смирный, кроткий’: представители рода отличаются спокойным характером, степенностью. См. *чеши* (предки современных чувашей).	*Эрке-кашка* (*эрке* ‘баловень’ / *эркин* ‘свободный’ + *кашка* ‘с белой отметиной на лбу’, ‘со звездой на лбу’), ср. с сары-уйг. *еркер*.
Жылкелди ‘букв. ‘год пришел’ — род, пришедший с наступлением весны, т. е. в начале года. Название рода, скорее всего, связано с празднованием Нового года — Нооруза, который проводится в День пробуждения природы — 21 марта.	*Соколок* от *сокта* ‘толочь’ → *соктааш* ‘ступа’: представители рода были земледельцами, сеяли хлеб и рушили просо в ступе. Ср. с сары-уйг. *сокалык*.

Тээке ‘букв. палочка петли в нижней части недоуздка жеребенка’. Род *тээке* занимался скотоводством и особо ценил лошадей. Ср.: огузский этноним *теке* ‘горный козел’.	*Сарылар* ‘желтые’, т. е. представители рода рыжие.
Жапалак ‘сова’, этноним восходит к названию птицы, которая выступала тотемом.	*Көкжатык* ‘букв. радужный’, тотем — синяя птичка джатык.
Көдөгөчүн ‘букв. шторы’, может быть, связано с тем, что род жил особняком от всех. Лексема связана с названием владения Гаочань (гаоче) в Восточном Туркестане.	*Сарай* ‘постоялый двор, дворец’ — род, служащий при дворе.

Таким образом, киргизские мунгуши делятся на два «крыла» — *жагалмай тамга* и *кош тамга*, и внутри рода идентифицируют себя по следующим признакам:

1) по внешнему признаку представителей рода — *сарылар*, *эрке-кашка*;

2) по объекту поклонения, тотему, связанному с птицами — *жапалак*, *коктажык*;

3) по статусу представителя внутри рода — *толойкон*, *сарай*;

4) по роду занятия — *соколок*, *тээке*;

5) по характеру представителя рода — *жооош*;

6) по месту прежнего проживания — *мангыт*;

7) с праздником преодоления суровой зимы Нооруз — *жылкелди*.

В ходе экспедиции нам удалось встретиться с представителями следующих внутриродовых групп — *тээке* (*төөке*), *соколок*, *толойкон* (*төлөйкөн*), *кодогочун* (*көдөгөчүн*), *жапалак*, *жылкелди*. Были собраны интересные фольклорные и этнографические материалы, связанные с родом *мунгуш*: песни-прибаутки или дразнилки, меткие выражения о внутриродовых представителях рода (одни спокойны и степенны, другие серьезны, даже кажутся грозными, а третьи — драчуны и смельчаки и т. д.). Например, о внутриродовой группе мунгушей *жапалак* говорят: *Кулак кезер жапалак* ‘букв. жапалак, режущий ухо’, т. е. драчун. Или о *джоочу*: *Джоочу чокка эл болбас* ‘букв. без джоочу не будет государства’, т. е. без их представительства не решаются государственные или важные вопросы. О *жылкелди* говорят, что они силачи, о *толойкон* — спокойны, степенны, и их предки всегда напоминали детям, что они родом из Тувы [ПМА 1999–2022; ПМА 2005–2022].

У ошских кыргызов существуют несколько преданий о мунгушах. Например, в предании о Долон бие его младшая жена родила сына, которому дали имя *Мунгуш*. И последний имел двух сыновей Коштамга и Жагалмай, от которых произошли все роды мунгушей [ПМА 2005–2022].

Полевые исследования показали также то, что отличительный атрибут рода мунгуш из Ошской области, тамга, схожа с тамгой тувинских монгушей, т. е. они имеют одинаковое начертание.

Таким образом, киргизские мунгуши делятся на два «крыла» — *жагалмай тамга* и *кош тамга*, каждая ветвь состоит из шести внутриродовых групп. Мунгуши в основном компактно живут в Алайском районе Ошской области, а также в Ферганской долине. В фольклорных и этнографических материалах сохранились песни-прибаутки, меткие выражения, предания о родовой группе *мунгуш*.

4. Об этимологии этнонима *монгуш* ~ *мунгуш*

Монголоязычные этнические группы в разные времена, особенно в период могущества и расцвета Монгольской империи (начало XIII – конец XIV в.), сыграли значительную роль в формировании тувинского этноса. По мнению исследователей, монгуши связаны с монголоязычными народами, ученые, главным образом, сопоставляют эту номинацию с этнонимом *монгол*, однако приходят к выводу, что гипотеза происхождения монгуш от монголов не обоснована [Маннай-оол 2004: 85; Татаринцев 2009: 180; Ушницкий 2016: 96].

По мнению Б. И. Татаринцева, «…зависимость тюркского (в частности тувинского и киргизского) этнонима от монгольского маловероятна. Тюркский этноним, помимо этого, имеет достаточно древние соответствия в тюркской ономастике, примером чего может служить антропоним *монгуш* у средневековых кипчаков рода *дутур*, быто-

вавший у них еще до подчинения кипчаков монголам» [Татаринцев 1986: 82]. Б. И. Татаринцев отметил, что «в случае *моңгуш ~ моңгол (монггол)* гомогенность соотносимых этнонимов весьма вероятна, но и здесь практически исключено монгольское заимствование, поскольку переход [л] > [ш] для монголизмов тувинского языка нехарактерен, в нем *моңгол* вполне закономерно предстает в виде *моол*» [Татаринцев 1986: 75].

«В тюркской этнонимии тув. *моңгуш* имеет ближайшее (бесспорное и уже давно установленное) соответствие в виде киргизского этнонима *муңгуш*, отмеченного также и в варианте *моңгуш* и являющегося названием племени или, точнее, их «ветви», одной из трех в составе правого крыла киргизских племен» [Татаринцев 1986: 78], и «…конечный *-ш* в рассматриваемых этнонимах…мог быть общетюркским аффиксом, образующим от глаголов имена со значением названия действия, а также … — признака и субъекта» [Татаринцев 1986: 79].

Таким образом, структурно киргизское слово *муңгуш* и тувинское *моңгуш* могут являться тюркскими словами с аффиксом *-(α)ш*, и их производящие глагольные основы представляются в виде **муң(г)у ~ *моң(г)у-*, где **муң ~ моң* — имя, а *-(г)у-* — глаголообразующий аффикс» [Татаринцев 1986: 80].

По мнению Б. И. Татаринцева, в плане сопоставления с именной основой представляет интерес якут. *муң* ‘предел, граница; крайняя степень, превосходство’ и глагол *мугутай- ~ муңгутаа ~ могутаа- ~ мууга-* ‘достигать совершенства, поднатореть’, прилагательное *муңутуур* ‘великолепный, превосходный’ и, возможно, глагольная основа *могон-* ‘созревать, поспевать’. Сопоставление с якутскими данными позволяет реконструировать первоначальную семантику этнонима как «тот, кто достиг высокой степени (зрелости, совершенства)» [Татаринцев 1986: 80]. Также ученый указывает, что «сближение с данными чувашского языка (*ман ~мана* „большой, старший, великий“ по другому источнику — „большой (по величине, силе…)“) приводит к исходному значению типа „большой, сильный“ и т. п.» [Татаринцев 1986: 80].

Рассмотрим также и народную этимологию и узнаем, как сами киргизские *мунгуши* и тувинские *монгуши* понимают значение названия своего рода.

Киргизские *мунгуши* дают следующие толкования:

1) *мунгуш* — *муң* + *куш* ‘букв. тысячи птиц (крыльев)’. Связывая название своего рода с пернатыми, *мунгуши* имеют в виду именно количественный аспект. Первую ветвь киргизских мунгушей называют *жагалмай тамга* ‘букв. дербник тамга’, где дербник — хищная птица семейства соколиных, мелкий сокол;

2) *мунгуш* — от *муңгак* ‘горюющий’. По легенде самый младший сын семьи остался в детстве без отца, вырос без отцовской ласки и поддержки, поэтому всю жизнь горевал по этому поводу, и его потомков стали называть *мунгушами*, т. е. «горюющими» [ПМА 1999–2022; ПМА 2005–2022].

Тувинские монгуши считают, что название рода произошло из двух основ: *муң* ‘тысяча’, *куш* ‘сила’, т. е. ‘тысяча сил ~ объединенная сила’. Согласно другой версии, *моңгуш ~ мөңгүш — мөң* ‘массивный; крепкий; свежий’ + *күш* ‘сила’, т. е. ‘крепкая сила ~ объединенная сила’.

По одному преданию, предки современных монгушей получили название *моңгуш* со значением ‘крепкая или объединенная сила’ после сражения на одном из участков по р. Хемчик. Объединившись, предки монгушей одержали победу, остались на земле своих предков, а врагам пришлось бежать из этих мест [ПМА 1999–2022].

Лексемы *монгуш* (*моңгуш*) ~ *мунгуш* (*муңгуш*) являются, скорее всего, тюркскими по происхождению словами, лексическое значение которых еще требует дополнительного исследования, однако мы предполагаем, что это имя со значением признака ‘большая сила’, т. е. ‘объединенная сила’.

5. Заключение

Многочисленный род тувинских монгушей жил на территории Даа или Хемчикского кожууна — это от Чаа-Холя до р. Аянгаты, от р. Хемчик до р. Хандагайты и Улаатай Овюрского кожууна, а также по верхнему течению Хемчика — по р. Алаш, в местечке Суг-Аксы, Хол-Оожу и по р. Шеми, Чыргакы, и идентифицировали себя внутри своего рода по следующим признакам: по антропологическим особенностям представителей рода; по

численности представителей рода; по статусу представителя *монгуш* внутри рода; по роду занятия монгушей; по административно-территориальному признаку, установленному маньчжурскими властями еще в XVIII в.; по объекту поклонения, связанному с табуированным названием волка; по княжескому роду; по воинской доблести мужчин рода; по связи с ойратскими этническими группами.

Киргизский род *мунгуш* состоит из двух ветвей — *жагалмай тамга* (‘дербник тамга’) и *кош тамга* (‘парная тамга’), внутри каждой ветви — по 6 внутриродовых групп, которые идентифицируют себя по внешнему признаку представителей рода; по объекту поклонения, тотему, связанному с названиями птиц; по статусу представителя внутри рода; по роду занятия; по характеру представителя рода; по месту прежнего проживания и с праздником преодоления суровой зимы Нооруз.

На данном этапе исследования выявлено:

а) сходство этнонимов *моңгуш ~ муңгуш*, но внутриродовые группы отличаются;

б) идентификационные признаки в основном схожи, за исключением отдельных признаков;

в) отличительный атрибут, тамга племени *мунгуш* из Ошской области, схож с тамгой тувинских монгушей;

г) структурно киргизская лексема *муңгуш* и тувинская *моңгуш* могут являться тюркскими словами с аффиксом -(α)*ш*, их производящие глагольные основы представлены в виде **муң(г)у ~ *моң(г)у*-, где **муң ~ моң* — имя, а *-(г)у*- — глаголообразующий аффикс. По народной этимологии у этнонимов *монгуш* и *мунгуш* есть связующее звено — толкование их значений: тув. ‘тысяча сил’ и кирг. ‘тысяча птиц’, которые в переносном значении передают значение не только ‘множество чего-то’, а множество как ‘сплоченная, объединенная сила’.

Тем не менее мнение ученых о том, что тувинские монгуши имеют родственные контакты с ферганскими кара-киргизами и с ошскими кыргызами, требует более глубокого исследования с привлечением фольклорных и исторических материалов.

Сокращения

букв. — буквально
сары-уйг. — сары-уйгурский
якут. — якутский

Полевые материалы авторов

ПМА 1999–2022 — Полевые материалы Л. С. Кара-оол с 1999 по 2022 гг.
ПМА 2005–2022 — Полевые материалы Т. А. Акерова с 2005 по 2022 г.

Author’s Field Data

Field data collected by L. Kara-ool, 1999–2022. (In Tuv.)
Field data collected by T. Akerov, 2005–2022. (In Kir.)

Литература

Акеров 2012 — *Акеров Т. А*. Каркырахан Великий Кыргызский каганат. Бишкек: КНУ им. Ж. Баласагына, 2012. 200 с.

Акеров 2017 — *Акеров Т. А*. Маджму ат-Таварих как исторический источник (Перевод, анализ и комментарии). Бишкек: КНУ им. Ж. Баласагына, 2017. 348 с.

Акеров 2020 — *Акеров Т. А.* Усуни-Кыргызы. Кыргызы на просторах Евразии. Бишкек: КНУ им. Ж. Баласагына, 2020. 582 с.

Анайбан, Маннай-оол 2013 — *Анайбан З. В., Маннай-оол М. Х.* Происхождение тувинцев. История вопроса // Новые исследования Тувы. 2013. № 3. С. 19–37.

Анайбан 2020 — *Анайбан З. В.* Современная миграционная ситуация в Республике Тыва // Sciences of Europe. № 49–4 (49). С. 62–66.

Аристов 2007 — *Аристов Н. А.* Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае —Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах, о древностях Тувы: в 7 тт. Т. 2: Племена Саяно-Алтая. Урянхайцы (IV в. – начало XX в.) / сост. С. К. Шойгу. М.: Слово, 2007. С. 282–353.

Аттокуров 1995 — *Аттокуров С. А.* Кыргыз санжырасы (= Киргизская генеалогия). Бишкек: Кыргызстан, 1995. 214 с.

БАМРС 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь. В 4 тт. Т. 2. Д–О / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. 536 с.

Вайнштейн 1957 — *Вайнштейн С. И.* Очерк этногенеза тувинцев // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, истории и литературы. Вып. V / отв. ред. Н. А. Сердобов. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1957. С. 178–214.

Вайнштейн 1980 — *Вайнштейн С. И.* Происхождение саянских оленеводов (Проблема этногенеза тувинцев-тоджинцев и тофаларов) // Этногенез народов Севера / отв. ред. и авт. предисл. И. С. Гурвич. М.: Наука, 1980. С. 68–88.

Вайнштейн, Москаленко 2008 — *Вайнштейн С. И., Москаленко Н. П.* Общие сведения о Туве и тувинцах // Тюркские народы Восточной Сибири. Глава «Тувинцы» / отв. ред. Д. А. Функ (сост.), Н. А. Алексеев. М.: Наука, 2008. С. 19–40.

Винников 1956 — *Винников Я. Р.* Родо-племенной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. I / под ред. Г. Ф. Дебеца. М.; Фрунзе: Наука, 1956. С. 136–184.

Грумм-Гржимайло 2007 — *Грумм-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Антропологический и этнографический очерк этих стран // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах, о древностях Тувы: в 7 тт. / сост. С. К. Шойгу. Т. 2: Племена Саяно-Алтая. Урянхайцы (IV в. — начало XX в.). М.: Слово, 2007. С. 496–638.

Дамба и др. 2018 — *Дамба Л. Д., Айыжы Е. В., Монгуш Б. Б., Жабагие М. К., Юсупов Ю. М., Сабитов Ж. М., Агджоян А. Т., Маркина Н. В., Доржу Ч. М., Балановская Е. В., Балановский О. П.* Комплексный подход в изучении родовой структуры тувинцев Республики Тыва на примере родов *монгуш* и *ооржак* // Вестник Тувинского государственного университета. Естественные и сельскохозяйственные науки. 2018. Вып. 2. С. 37–44.

Кара-оол, Кормушин 2022 — *Кара-оол Л. С., Кормушин И. В.* Названия родовых групп тувинцев // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 6. С. 1254–1270. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1254-1270

Кара-оол 2015 — *Кара-оол О. Т.* Чаа-Хөл кожуунда төрел-бөлүктерниң чурттап чораан черлери (= Места проживания родственных групп в Чаа-Хольском районе) // Төөгүге даянмышаан — келир үеже (= Опираясь на исторические знания — в будущее). Кызыл: Тываполиграф, 2015. С. 125–126.

Кенин-Лопсан 2017 — *Кенин-Лопсан М. Б.* Тыва чаңчыл (= Тувинские традиции). Ч. I и II. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2017. 360 с.

Курбатский 2001 — *Курбатский Г. Н.* Тувинцы в своем фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2001. 464 с.

Ламажаа, Намруева 2018 — *Ламажаа Ч. К., Намруева Л. В.* Субэтнические дифференциации российских этносов (на примере калмыков и тувинцев) // Новые исследования Тувы. 2018. № 2. С. 206–226. DOI: 10.25178/nit.2018.2.11

Ламажаа 2021 — *Ламажаа Ч. К.* Основные проблемы исследования родства и родственных групп современных тувинцев: паспортизация, терминология и поддержание родства // Новые исследования Тувы. 2021. № 4. С. 6–21. DOI: 10.25178/nit.2021.4.1

Маннай-оол 2004 — *Маннай-оол М. Х.* Тувинцы: происхождение и формирование этноса. Новосибирск: Наука, 2004. 166 с.

Монгуш 2015 — *Монгуш Б. Б.* Адайлар дугайында кезек медээлер (= Некоторые сведения об адайах) // Төөгүге даянмышаан — келир үеже (= Опираясь на исторические знания — в будущее). Кызыл: Тываполиграф, 2015. С. 127–129.

Монгуш 2005 — *Монгуш М. В.* Тувинцы России, Монголии и Китая: этнические и этнокультурные процессы, современная идентичность: автореф. дисс. … д-ра ист. наук. М., 2005. 52 с.

Ооржак 2015 — *Ооржак М. Э.* Адай-Монгуш Сарай үгер-дааның салгалдары (= Поколения Адай-Монгуш Сарай угер-даа) // Төөгүге даянмышаан — келир үеже (= Опираясь на исторические знания — в будущее). Кызыл: Тываполиграф, 2015. С. 129–130.

Орус-оол 2015 — *Орус-оол С. М.* Тыва эскадрон комиссары — М. Т. Байсклан (= Комиссар тувинского эскадрона — М. Т. Байсклан) // Төөгүгү даянмышаан — келир үеже (= Опираясь на исторические знания — в будущее). Кызыл: Тываполиграф, 2015. С. 139–140.

Потанин 2007 — *Потанин Г. Н.* Очерки Севе-

ро-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 годах по поручению Императорского Русского Географического Общества. Вып. II. Материалы этнографические // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах, о древностях Тувы: в 7 тт. / сост. С. К. Шойгу. Т. 2: Племена Саяно-Алтая. Урянхайцы (IV в. — начало XX в.). М.: Слово, 2007. С. 374–495.

Потапов 1969 — *Потапов Л. П.* Этнический состав и расселение тувинцев в XIX и начале XX в. // Потапов Л. П. Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука, 1969. С. 43–78.

Радлов 2007 — *Радлов В. В.* Из Сибири. Страницы дневника (извлечения) // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах, о древностях Тувы: в 7 тт. / сост. С. К. Шойгу. Т. 2: Племена Саяно-Алтая. Урянхайцы (IV в. – начало XX в.). М.: Слово, 2007. С. 247–255.

Рассадин 1995 — *Рассадин В. И.* Тофаларско-русский словарь / отв. ред. И. Д. Бураев. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1995. 288 с.

Сердобов 1970 — *Сердобов Н. А*. Современное расселение носителей тувинских этнонимов // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, истории и литературы. Вып. XIV. Кызыл: Тип. Управл. по печати при СМ ТувАССР, 1970. С. 66–107.

Сердобов 1971 — *Сердобов Н. А.* История формирования тувинской нации / отв. ред. Л. П. Потапов. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1971. 482 с.

Татаринцев 1986 — *Татаринцев Б. И.* Проблемы изучения тувинской этнонимии (на примере некоторых предполагаемых этнонимов монгольского происхождения) // Исследования по тувинской филологии. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1986. С. 64–86.

Татаринцев 2009 — *Татаринцев Б. И.* Два тувинских этнонима (*адай, чаг-тыва*) // Татаринцев Б. И. Избранные научные труды. Кызыл: Тываполиграф, 2009. С. 225–240.

Ушницкий 2016 — *Ушницкий В. В.* Этногенез кыргызских племен в аспекте изучения проблемы происхождения тюрко-монгольских этносов. Бишкек: МАРТСНАБ, 2016. 184 с.

Ховалыг 2015 — *Ховалыг С. Б.* Ак-Монгуштарның салгалдары (= Поколения ак-монгушей) // Төөгүге даянмышаан — келир үеже (= Опираясь на исторические знания — в будущее). Кызыл: Тываполиграф, 2015. С. 131–134.

Ширап 2015 — *Ширап М. Ч.* Кара-Монгуш Самбыл — өгбевис (= Кара-Монгуш Самбал — наш предок) // Төөгүге даянмышаан — келир үеже (= Опираясь на исторические знания — в будущее). Кызыл: Тываполиграф, 2015. С. 146.

Яковлев 2007 — *Яковлев Е. К.* Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея // Урянхай. Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах, о древностях Тувы: в 7 тт. / сост. С. К. Шойгу. Т. 5: Урянхайский край: от Урянхая к Танну-Туве (конец XIX – первая половина XX вв.). М.: Слово, 2007. С. 204–210.

References

Akerov T. A. Karkyrakhan. The Great Kyrgyz Khaganate. Bishkek: Balasagyn Kyrgyz National University, 2012. 200 p. (In Russ.)

Akerov T. A. Majmu al-Tawarikh as a Historical Source: A Complete Translation, Analysis, and Comments. Bishkek: Balasagyn Kyrgyz National University, 2017. 348 p. (In Russ.)

Akerov T. A. The Wusun-Kyrgyz: Kyrgyzes in the Great Spaces of Eurasia. Bishkek: Balasagyn Kyrgyz National University, 2020. 582 p. (In Russ.)

Anaiban Z. V., Mannay-ool M. H. Tuvans' genesis. Historical background. *The New Research of Tuva*. 2013. No. 3. Pp. 19–37. (In Russ.)

Anayban Z. V. Contemporary migration situation in the Republic of Tuva. *Sciences of Europe*. 2020. No. 49–4 (49). Pp. 62–66. (In Russ.)

Aristov N. A. Notes on ethnic compositions of Turkic tribes and groups [supplemented] with their population numbers. In: Shoigu S. K. (comp.) Uryankhay. Tyva Depter. Anthology. In 7 vols. Vol. 2: Tribes of the Sayan-Altai. The Uryankhay, Fourth to Early Twentieth Centuries CE. Moscow: Slovo, 2007. Pp. 282–353. (In Russ.)

Attokurov S. A. The Kyrgyz Genealogy. Bishkek: Kyrgyzstan, 1995. 214 p. (In Russ.)

Damba L. D., Aiyzhy E. V., Mongush B. B., Zhabagin M. K., Yusupov Yu. M.,

Sabitov Zh. M., Agdzhoyan A. T., Markina N. V., Dorzhu Ch. M., Balanovska E. V., Balanovsky O. P. Complex approach in clan structure of Tuvans by the example of clans *Mongush* and *Oorzhak*. *Vestnik of Tuvan State University*. Issue 2. Natural and Agricultural Sciences. 2018. No. 2 (37). 2018. Pp. 37–44. (In Russ.)

Grum-Grshimailo G. Ye. Western Mongolia and Uryankhay Krai: An essay in the anthropology and ethnography of these territories. In: Shoigu S. K. (comp.) Uryankhay. Tyva Depter. Anthology. In 7 vols. Vol. 2: Tribes of the Sayan-Altai. The Uryankhay, Fourth to Early Twentieth Centuries CE. Moscow: Slovo, 2007. Pp. 496–638. (In Russ.)

Kara-ool L. S., Kormushin I. V. Names of Tuvan clan / tribal groups analyzed. *Oriental Studies*. 2022. Vol. 15. No. 6. Pp. 1254–1270. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1254-1270. (In Russ.)

Kara-ool O. T. Chaa-Kholsky District: Kindred groups and areas of their habitation. In: With Knowledge of History — into the Future. Kyzyl: Tyvapoligraf, 2015. Pp. 125–126. (In Tuv.)

Kenin-Lopsan M. B. Tuvan Traditions. Pts. 1, 2. Kyzyl: Tuva Book Publ., 2017. 360 p. (In Tuv.)

Khovalyg S. B. The Ak-Mongush. In: With Knowledge of History — into the Future. Kyzyl: Tyvapoligraf, 2015. Pp. 131–134. (In Tuv.)

Kurbatsky G. N. Tuvans in Their [Own] Folklore: Historical and Ethnographic Aspects of Tuvan Folklore. Kyzyl: Tuva Book Publ., 2001. 464 p. (In Russ.)

Lamazhaa Ch. K. The main issues of the study of kinship and kin groups of contemporary Tuvans: Passportization, terminology and maintenance of kinship. *The New Research of Tuva*. 2021. No. 4. Pp. 6–21. DOI: https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.1. (In Russ.)

Lamazhaa Ch. K., Namrueva L. V. Sub-ethnic differentiations of Russian ethnic groups: The case of Kalmyks and Tuvans. *The New Research of Tuva*. 2018. No. 2. Pp. 206–226. DOI: 10.25178/nit.2018.2.11. (In Russ.)

Mannay-ool M. Kh. Tuvans: Origins and Ethnogenesis. Novosibirsk: Nauka, 2004. 166 p. (In Russ.)

Mongush B. B. The Adai: [Introducing] some data. In: With Knowledge of History — into the Future. Kyzyl: Tyvapoligraf, 2015. Pp. 127–129. (In Tuv.)

Mongush M. V. Tuvans of Russia, Mongolia and China: Ethnic and Ethnocultural Processes, Present-Day Identity. Dr. Sc. (history) thesis abstract. Moscow, 2005. 52 p. (In Russ.)

Oorzhak M. E. The Aday-Mongush of [Noyon] Saray Ǔger-daa. In: With Knowledge of History — into the Future. Kyzyl: Tyvapoligraf, 2015. Pp. 129–130. (In Tuv.)

Orus-ool S. M. Commissar of the Tuvan Squadron M. T. Baysklan. In: With Knowledge of History — into the Future. Kyzyl: Tyvapoligraf, 2015. Pp. 139–140. (In Tuv.)

Potanin G. N. Essays on Northwestern Mongolia: Outcomes of the Journey Undertaken in 1876–1877 on Instructions from the Imperial Russian Geographical Society. Vol. 2: Ethnographic Materials. St. Petersburg. In: Shoigu S. K. (comp.) Uryankhay. Tyva Depter. Anthology. In 7 vols. Vol. 2: Tribes of the Sayan-Altai. The Uryankhay, Fourth to Early Twentieth Centuries CE. Moscow: Slovo, 2007. Pp. 374–495. (In Russ.)

Potapov L. P. Tuvans in the late nineteenth to early twentieth centuries: Sub-ethnic groups and areas of their habitation. In: Potapov L. P. Essays on Household Life of Tuvans. Moscow: Nauka, 1969. Pp. 43–78. (In Russ.)

Pyurbeev G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 2: Д–О. Moscow: Academia, 2001. 536 p. (In Mong. and Russ.)

Radlov V. V. From Siberia: Diary notes (collections). In: Shoigu S. K. (comp.) Uryankhay. Tyva Depter. Anthology. In 7 vols. Vol. 2: Tribes of the Sayan-Altai. The Uryankhay, Fourth to Early Twentieth Centuries CE. Moscow: Slovo, 2007. Pp. 247–255. (In Russ.)

Rassadin V. I. Tofalar-Russian Dictionary. I. Buraev (ed.). Irkutsk: Eastern Siberia Book Publ., 1995. 288 p. (In Tof. and Russ.)

Serdobov N. A. Bearers of Tuvan ethnonyms and their present-day [geographical] distribution. In: Scholarly Notes [Tuvan Institute of Language, History and Literature]. Kyzyl: Tuvan ASSR Council of Ministers (Print Media Dept.), 1970. Vol. 14. Pp. 66–107. (In Russ.)

Serdobov N. A. The Shaping of the Tuvan Nation: A History. L. Potapov (ed.). Kyzyl: Tuva Book Publ., 1971. 482 p. (In Russ.)

Shirap M. Ch. Our ancestor Kara-Mongush Sambyl. In: With Knowledge of History — into the Future. Kyzyl: Tyvapoligraf, 2015. P. 146. (In Tuv.)

Tatarintsev B. I. Aday, Chag-Tyva: [Analyzing] the two Tuvan ethnonyms. In: Tatarintsev B. I. Selected Scholarly Works. Kyzyl: Tyvapoligraf, 2009. Pp. 225–240. (In Russ.)

Tatarintsev B. I. Research problems in Tuvan ethnonymy: Analyzing some supposedly Mongolian-derived ethnonyms. In: Studies in Tuvan Linguistics. Kyzyl: Tuva Book Publ., 1986. Pp. 64–86. (In Russ.)

Ushnitsky V. V. Ethnogenesis of Kyrgyz Tribes: A Perspective from Insights into Origins of Turko-Mongols. Bishkek: MARTSNAB, 2016. 184 p. (In Russ.)

Vainshtein S. I. Origins of Sayan reindeer herders: Ethnogenesis of Tozhu Tuvans and Tofalars revisited. In: Gurvich I. S. (comp.) Peoples of the North: Ethnogenesis. Moscow: Nauka, 1980. Pp. 68–88. (In Russ.)

Vainshtein S. I. Tuvan ethnogenesis: An essay. In: Serdobov N. A. (ed.) Scholarly Notes [Tuvan Institute for the Study of Language, History and Literature]. Kyzyl: Tuva Book Publ., 1957. Vol. 5. Pp. 178–214. (In Russ.)

Vainshtein S. I., Moskalenko N. P. Tuva and Tuvans: An overview. In: Funk D. A. (comp., ed.) East Siberian Turks (Chapter ‘Tuvans’). N. Alekseev (ed.). Moscow: Nauka, 2008. Pp. 19–40. (In Russ.)

Vinnikov Ya. R. Kyrgyzes of South Kyrgyzstan: Clan/tribal structures and areas of habitation. In: Debets G. F. (ed.) Archaeological and Ethnographic Expedition to Kyrgyzstan. Transactions. Moscow, Frunze: Nauka, 1956. Vol. 1. Pp. 136–184. (In Russ.)

Yakovlev E. K. Non-Russian population of the Southern Yenisei valley: An ethnographic review. In: Shoigu S. K. (comp.) Uryankhay. Tyva Depter. Anthology. In 7 vols. Vol. 5: Uryankhay Krai. From Uryankhay k Tannu-Tuva, Late Nineteenth to Mid-Twentieth Century. Moscow: Slovo, 2007. Pp. 204–210. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 4, Pp. 860–886, 2023
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК / UDC 390 (510/517)
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-860-886

Особенности традиционной одежды этнических тувинцев Монголии

Роланда Биче-ооловна Ховалыг[1], *Анчы Васильевич Хомушку*[2]

[1] Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва (д. 30, ул. Титова, 667000 Кызыл, Российская Федерация)
главный хранитель
0000-0002-6390-7406. E-mail: hovrol[at]mail.ru

[2] Тувинский государственный университет (д. 36, ул. Ленина, 667000 Кызыл, Российская Федерация)
младший научный сотрудник
0000-0002-6203-7592. E-mail: anchy.1991[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2023
© Ховалыг Р. Б., Хомушку А. В., 2023

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена результатам экспедиции по изучению традиционной одежды этнических тувинцев, проживающих в Баян-Ульгийском, Ховдинском (Кобдоском) аймаках и сомоне Цэнгэл Монголии. *Целью* исследования является изучение особенностей традиционной одежды этнических тувинцев Монголии и выявление ее идентичности и отличий от традиционной одежды материнского этноса — «тыва улус» Республики Тыва Российской Федерации. *Результаты*. Авторы анализируют причины разъединения этнических тувинцев Монголии с материнским этносом (с российскими тувинцами), рассматривают разновидности их традиционной одежды, отличия в названиях ее деталей. Во время экспедиции выявлены единые истоки одежды у этнических тувинцев Монголии и российских тувинцев. Они особенно проявляются в женской одежде *агай тону* и безрукавной одежде *шегедек*, в головных уборах *бүргүүл* и *тоорчак* у этнических тувинцев Монголии и в женской *ибчи-тон*, безрукавной одежде *шегедек*, головных уборах *довурзак* и *бүдээлге* у российских тувинцев. Из-за длительного совместного проживания с монголами этнические тувинцы подверглись монголизации как в отношении языка, так и культуры. Особенно сильно отличается терминология в названиях одежды у этнических тувинцев Монголии от терминологии костюмов материнского этноса. Новизна статьи состоит в том, что традиционная одежда этнических тувинцев Монголии малоизучена, специальные исследования по данной теме не проводились. Впервые рассматриваются особенности и отличия традиционной одежды этнических тувинцев Монголии от традиционной одежды российских тувинцев на основе полученной информации и работ местных мастеров по пошиву традиционной одежды ховдинских и баян-ульгийских тувинцев.
Ключевые слова: этнические тувинцы Монголии, традиционная одежда, головной убор, на-

плечная одежда, безрукавка, верхняя одежда, агай тон, шегедек, лапшак, тоорчак, кожаная обувь-

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Комплексные этногенетические, лингвоантропологические исследования родовых групп Тувы: универсальность, локальность, трансграничье» (№ 22-18-20113, https://rscf.ru/project/22-18-20113/).

Для цитирования: Ховалыг Р. Б., Хомушку А. В. Особенности традиционной одежды этнических тувинцев Монголии // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 4. С. 860–886. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-860-886

Ethnic Tuvans of Mongolia: Distinct Features of Traditional Clothing

Rolanda B. Khovalyg[1] , *Anchy V. Khomushku*[2]

[1] Aldan-Maadyr National Museum of the Tyva Republic (30, Titov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation)
Chief Custodian
0000-0002-6390-7406. E-mail: hovrol[at]mail.ru

[2] Tuvan State University (36, Lenin St., 667000 Kyzyl, Russian Federation)
Junior Research Associate
0000-0002-6203-7592. E-mail: anchy.1991[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2023
© Khovalyg R. B., Khomushku A. V., 2023

Abstract. *Introduction*. The article summarizes some outcomes of the November 2022 expedition to Bayan-Ölgii (Tsengel) and Khovd Provinces of Mongolia for the study of traditional clothing worn by ethnic Tuvans. *Goals*. The paper attempts a review of distinct features inherent to garments of Mongolia's Tuvans, identifies similarities and differences therein as compared to corresponding patterns of the mother ethnos — Tuvan people (*Tyva ulus*) of the Tyva Republic (Russian Federation). The work analyzes the reasons which resulted in that Tuvans of Mongolia were separated from the mother ethnos (Tuvans of Russia), examines various types of their traditional clothing, and differences in names of the latter's elements. The Expedition has identified some common backgrounds of clothing patterns adopted by Tuvans of both Mongolia and Russia. The latter are primarily manifested in women's *agai tonu* and sleeveless *shegedek*, *bürgüül* and *toorchak* headgears (Mongolia's Tuvans), women's *ibchi-ton*, sleeveless *shegedek*, *dovurzak* and *büdeelge* headgears (Russian Tuvans). The fact ethnic Tuvans have long lived next to Mongols has resulted in the former's mongolization — both in terms of language and culture. Those are garment names that differ most of all. However, the article introduces a decent scholarly insight into the understudied topic of Tuvan clothing in Mongolia. It also publishes data collected from tailors with expertise in clothing of Khovd and Bayan-Ölgii Tuvans, and examines available items for differences and similarities in traditional Tuvan costumes of Russia and Mongolia.

Keywords: ethnic Tuvans of Mongolia, traditional clothing, headgear, shoulder clothing, sleeveless coat, upper garments, *agai ton*, *shegedek*, *lapshak*, *toorchak*, leather footwear

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 22-18-20113 'Comprehensive Ethnogenetic and Linguoanthropological Research into Clan/Tribal Groups of Tuva: Universal, Local, and Cross-Border Features' (https://rscf.ru/project/22-18-20113/).

For citation: Khovalyg R. B., Khomushku A. V. Ethnic Tuvans of Mongolia: Distinct Features of Traditional Clothing. *Oriental Studies*. 2023; 16(4): 860–886. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-860-886

1. Введение

Тувинцы в значительном количестве проживают, кроме России, в Монголии и Китае. Тувинцев Саяно-Алтайского нагорья разделяют на три большие группы: 1) население Республики Тыва, российских тувинцев, называют по названию хребтов Танну-Ола (*Таңды-Уула*) — *таңды тывалары* (тандынские тувинцы), в научной литературе их именуют «материнским этносом» [Айыжы 2007: 4]; 2) тувинцев, живущих южнее Алтайских гор в Монголии и на территории Китайской Народной Республики, — *алтай тывалары* (алтайские тувинцы); 3) тувинцев, живущих севернее Алтайского хребта на территории Монголии, в верховьях реки Ховд (Кобдо), — *хомду тывалары* (кобдоские тувинцы) [Таубе 1994: 6].

В рамках проекта «Комплексные этногенетические, лингвоантропологические исследования родовых групп Тувы: универсальность, локальность, трансграничье» (№ 22-18-20113) при поддержке Российского научного фонда в ноябре 2022 г. в ходе экспедиции в Монголии была исследована и изучена традиционная одежда этнических тувинцев, живущих в городах Ховд, Баян-Улгий и в сомоне Цэнгэл. Целью исследования стали изучение особенностей традиционной одежды этнических тувинцев Монголии и выявление ее отличий от традиционной одежды материнского этноса.

Историографический аспект изучения этнических тувинцев Монголии был представлен учеными Е. В. Айыжы, Н. Д. Сувандии и Е. М. Куулар [Айыжы 2007; Сувандии, Куулар 2017].

Одни из первых упоминаний о тувинцах зафиксированы еще в «Сокровенном сказании монголов» и «Сборнике летописей» Рашид-ад-Дина [Рашид-ад-Дин 1952: 123–125; Баярсайхан 2015: 244–245].

В данных исторических документах говорится о «лесных урянхайцах» [Рашид-ад-Дин 1952: 123–125], которых современные монгольские ученые считают предками монгольских цаатанов, являющихся частью тюркоязычных тувинцев-оленеводов, населяющих отроги Танну-Ола и Саянских гор [Баярсайхан 2015: 244–245].

Начало изучения культуры этнических тувинцев было положено российской наукой. В трудах путешественников и участников академических экспедиций второй половины XVIII в., прежде всего Г. Ф. Миллера, отведено место и тувинским урянхайцам [Миллер 1937: 55, 64].

В дореволюционный период в научной литературе появляются работы, посвященные различным сторонам жизни этнических тувинцев. К ранней группе можно отнести труды Н. А. Аристова, Г. Н. Потанина, П. К. Козлова, Б. Я. Владимирцова, Н. М. Пржевальского [Айыжы 2007: 12].

Тувинцев-цаатанов Монголии этнографы начали изучать с 1950–1960-х гг. Ими основательно занимался С. Бадамхатан в составе комплексной экспедиции Академии наук Монголии [Бадамхатан 1959; Бадамхатан 1996].

Известный российский этнограф Н. Л. Жуковская дала комментарий к очерку немецких журналистов о цаатанах, переведенному и опубликованному на сайте журнала «Вокруг света» [Цаатаны 2006].

В начале 1990-х гг. в регионе побывал тувинский этнограф М. Х. Маннай-оол [Маннай-оол 1995], народный эпос, сказки и предания этнических тувинцев изучены немецкой исследовательницей Э. Таубе [Таубе 1994].

Активизация этнографических исследований пришлась на начало 2000-х гг. Изучением тувинцев Монголии занимались М. В. Монгуш [Монгуш 2007; Монгуш 2010; Монгуш 2013] и Е. В. Айыжы [Айыжы 2007].

Этнографические особенности тухаларов сумона Цаган-Нур рассмотрены в монографии П. Серен, вышедшей на тувинском языке [Серен 2014].

Помимо этнографических работ, имеются и лингвистические труды. Опубликован ряд научных статей, посвященных особенностям речи и устного народного творчества тухаларов, Н. Д. Сувандии и Е. М. Куулар [Сувандии 2010; Сувандии 2015; Сувандии, Куулар 2017; Куулар 2012], а также А. М. Соян [Соян 2015а; Соян 2015б] и др.

Тувинской речью жителей Цаган-Нура занималась также немецкий языковед Э. Рагагнин [Ragagnin 2011; Ragagnin 2013].

Язык цэнгэльских и кобдоских тувинцев Северо-Западной Монголии стал предметом диссертационных исследований монгольских ученых Хийса Гансуха, Баярсайхана Бадарча и Уламсурэна Цэцэгдаря [Гансух 2009; Баярсайхан 2009; Цэцэгдарь 2013].

Однако традиционная одежда этнических тувинцев недостаточно изучена, нет отдельных научных статей и работ.

В научной литературе все тувинцы, в том числе и южно-сибирские, встречаются сначала под названием «урянхай», данным им монгольскими соседями [Таубе 1994: 7]. Но в Северо-Западной Монголии урянхайцами называли не только тюркоязычные, но и монголоязычные группы. Монголоязычные урянхайцы — это «те монгольские колена, которые, по-видимому, еще недавно принадлежали к урянхайскому народу и говорят теперь по-монгольски» [Потанин 1881: 7].

Кочевья тувинских племен в XVII и первой половине XVIII вв. охватывали огромную территорию, включавшую в себя целый ряд горных систем и хребтов: Русский и Монгольский Алтай, Западный и Восточный Саян, Танну-Ола и др. На севере районы кочевий тувинцев достигали бассейна Верхней Оби и Минусинской котловины, на юге они простирались через Монгольский Алтай до верховьев Урунгу, Черного Иртыша, на востоке доходили до оз. Хубсугул, а на западе через Алтай достигали Иртыша [История Тувы 2001: 191].

Впервые вопрос о территориальных пределах Тувы был косвенно затронут в документах Всетувинского Учредительного Хурала в августе 1921 г., где присутствовали представители 6 хошунов. Вследствие неявки представителей Хасутского хошуна, располагавшегося на территории Монголии, он решением Хурала был исключен из состава Танну-Тува [Минаев 2009: 14]. В настоящее время тувинцы Хасутского хошуна входят в состав Хубсугульского аймака Монголии. Таким образом, в Баян-Ульгийском и Хубсугульском аймаках Монголии, а также в Китае остались *алтай тывалары* ‘алтайские тувинцы’, а в Ховдинском (Кобдоском) аймаке Монголии — *хомду тывалары* ‘кобдоские тувинцы’, которые живут на исконной родине своих предков.

К тувинцам сомона Цэнгэл, т. е. алтайским тувинцам, относятся наиболее многочисленные роды *көк-мончак*, *кызыл-мончак*, *ак-соян*, *кызыл-соян*, *кара-соян*, в конце 1960-х гг. насчитывавшие всего 2 400 чел. [Таубе 1994: 8], в настоящее время, по сведениям цэнгэльских тувинцев, их число уменьшилось примерно до 2 000 чел. в связи с монголизацией населения [ПМА 2022: Инф. 1].

Численность кобдоских тувинцев Монголии на 2007 г. составляла приблизительно 2 300 чел. [Айыжы 2007: 8]. К ним относятся такие роды, как *чаг-тыва*, *хойт-тыва*, *иргиты*, *адай-иргит*, *ак-иргит*, *чооду-иргит* и т. д. [ПМА 2022: Инф. 3].

Тувинцы Кобдоского аймака, живущие среди монголов, испытали гораздо большее влияние монгольского языка и, возможно, даже культуры и быта, чем тувинцы сомона Цэнгэл. Монгольское влияние явно ощущается в различных областях их традиционной культуры: ориентировка юрт на юг, отказ от легкой тувинской юрты из ивняка без опорных шестов, монгольские имена и пр. [Таубе 1994: 8] Об этом писала Э. Таубе в 1990-х гг., то же положение можно наблюдать и в настоящее время.

Этнические тувинцы Монголии, по сравнению с тувинцами России, больше сохранили свои национальные традиции, культуру, быт и одежду.

Во время праздников все носят национальную одежду. Мужчины наряжаются в синие *лапшак* с красными полосками, а женщины — в зеленые *лапшак* с безрукавками *шегедек*, косы они обязательно заправляют в накосные футляры *чаш хавы*. В Монголии все еще бытует национальная традиционная одежда, которая удобна для пастьбы скота.

До сих пор у тувинцев Монголии сохранились обычаи и традиции в быту: в каждом доме обязательно присутствует белая пища: *курут* (*хурут*) (сушеный творог), *боорзак* (*поорсак*) (жаренные молочные палочки), *боова* (*поова*) (лепешки). Принимая гостей, каждая семья выкладывает на стол большую тарелку с белой мучной пищей и сладостями, сложенными в несколько слоев. В знак уважения к гостям они совершают обряд курения: хозяин дома или юрты преподносит гостям табакерку с нюхательным табаком, а те, взяв щепотку табака и понюхав его, подают табакерку обратно хозяину.

Но иначе обстоит дело с тувинцами, покинувшими за многие годы свои родные места на Алтае и поселившимися главным образом среди монголов Центральной и Северной Монголии. Там, где они поселились, монгольское влияние и вообще влияние современности чрезвычайно велико. Дети, увидевшие свет на новой родине, по словам информантов, уже не владеют тувинским как родным языком, так как даже в семьях говорят по-монгольски. Есть угроза исчезновения языка и культуры этнических тувинцев [ПМА 2022: Инф. 1]. Таким образом, исследование и изучение этнических тувинцев Монголии, их традиций, культуры, быта и одежды, ее особенностей, отличий от одежды материнского этноса в настоящее время очень актуальны.

Для исследования традиционной одежды этнических тувинцев в статье использованы практические методы в форме беседы с информантами, фотографирование, видеосъемки материалов, изготовленных самими информантами-мастерами по пошиву традиционной одежды тувинцев Монголии.

2. К вопросу о степени бытования традиционной одежды у тувинцев России и Монголии

Одной из задач культурной политики любой страны, особенно таких стран, как Монголия, состоящих из разных малых народов (аймаков — племен), на современном этапе является обеспечение идентичности каждой нации, живущей на ее территории, и прежде всего путем сохранения традиционных матриц национальной культуры. В связи с процессами глобализации, стандартизации и урбанизации появляется острая необходимость в отстаивании самобытной культуры народов и отдельных групп, их самоидентификации, что усиливает тенденцию, направленную на сохранение их традиций, обычаев [Ларина 2019: 108]. Эти процессы наблюдаются и у этнических тувинцев Монголии, особенно у людей пожилого возраста, ратующих за сохранение своей нации, языка, одежды, традиций и обычаев.

Наряду с моралью, религией, наукой, философией, политикой и правом, традиционная одежда является одной из форм общественного сознания. Эстетическая ценность традиционной одежды зависит не только от ее красоты и утилитарных качеств, но и от присущей ей способности быть носителем личных, классовых, национальных и общечеловеческих культурных значений, быть выразителем тех общественных обстоятельств, в которые она включена [Искусство 2015].

Формирование праздничной и будничной одежды происходит разными путями. Будничная одежда отвечает в основном утилитарным функциям, она должна быть практичной, немаркой, удобной. В праздничной одежде ярко проявляется единство духовной жизни личности и социума. Соответственно она несет в себе более сложные социально-культурные смыслы. И, конечно, праздничная одежда отличается от будничной более высоким качеством материалов, декором, количеством деталей и украшений.

В настоящее время традиционная одежда этнических тувинцев Монголии, как и одежда российских тувинцев, утратила в некоторой степени свое утилитарное значение, ее надевают по особым случаям или во время праздников, выражая этим свою национальную самобытность и идентичность. Пожилые люди все еще носят традиционную одежду повседневно, особенно в сельской местности. Как и у российских тувинцев, у монгольских тувинцев забыты многие разновидности традиционной одежды: нательное белье, штаны, рубашки, а также дополнительные меховые аксессуары к зимней одежде (рукавицы, нашейники, наушники). Со слов мастериц по пошиву национальной одежды, у них утрачиваются многие традиции и обычаи, в том числе и касающиеся традиционной одежды.

Тувинцы Монголии — малочисленный народ, поэтому внутри их общности ощущаются более близкие связи между собой. Такая тенденция укрепляет их национальную самобытность, единость культуры, быта, языка. Это было заметно при исследовании одежды кобдоских (*хомду тывалары*) и цэнгэльских тувинцев *(алтай тывалары*), которая не имела отличий в фасоне и практике шитья одежды.

3. Верхняя одежда

Результаты исследования еще раз подтверждают выводы ученых, ранее исследовавших этнических тувинцев Монголии,

в частности М. Х. Маннай-оола, о том, что тувинцы из-за длительного совместного с монголами проживания подверглись монголизации как в отношении языка, так и культуры [Маннай-оол 1995: 56–62], в связи с чем терминология в названиях одежды у них сильно отличается от терминологии материнского этноса, т. е. российских тувинцев. Например, в основе традиционной летней одежды российских тувинцев лежит наплечная одежда *шыва тон* (см. фото 1, 2, 3), а у этнических тувинцев Монголии такая же легкая летняя одежда, отличающаяся декором и покроем, имеет совсем не тувинское название — *лапшак* (см. например фото 4, 5). Скорее всего, это слово заимствовано из монгольского языка, на ойратском оно звучит как *лавшиг* [Аюуш 2012: 69]. В тувинском языке нет слов, начинающихся с буквы «л», кроме слов, заимствованных из других языков, например из монгольского — *лаа* ‘свеча’, *ланчыы* ‘винтовка’.

Название наплечной одежды *лапшак* у этнических тувинцев Монголии звучит

Фото 1. Девичий *шыва тон* материнского этноса [НМ РТ. КП 9710]
[*Photo 1.* Maidens’ *shyva ton* of the mother ethnos]

Фото 2. Мужской халат российских тувинцев *эр шыва тон* светлого тона [НМ РТ. КП 4849]
[*Photo 2.* Men's gown of Russian Tuvans *er shyva ton* of light tone]

по-разному в зависимости от местности. Например, мастерица Гапийн Долгармаа из г. Ховд произносит его как *тапшак*, Амархуу (оттуда же) называет его *лавашак*, а мастерицы Чопсан Байыр уруу из Баян-Олгий и Сэсээр Орост уруу из сумона Цэнгэл — *лапшак*.

3.1. Цвет в одежде тувинцев

Как у российских, так и у этнических тувинцев Монголии цвет одежды имеет большое значение. У тувинцев-мужчин Монголии цвет одежды — синий, что символизирует синее небо, а у женщин — зеленый, символизирующий землю. Небо у тувинцев Монголии и России называется *Ада-Дээр* (символ Отца), а земля — *Ие-Чер* (символ матери) [ПМА 2022: Инф. 1].

Как видим, символы «верх — Небо-Отец», «низ — Земля-Мать», обозначающие два плодородных начала, будущие рождения, имели значение в одежде восточных народов издавна [Сиянбиль, Сиянбиль 2000: 33].

У тувинцев материнского этноса красный цвет в одежде — женский цвет; по мнению стариков, красный цвет одежды или ее окантовка *хаш* красного цвета приносит женщине счастье, дети у такой женщины растут здоровыми и крепкими [Дьяконова 1960: 251], для мужской одежды характерны темные оттенки. Мужскую верхнюю одежду украшали кантом черного или синего цвета. Считалось, что такие цвета приносят мужчинам удачу в охоте и других занятиях [Вайнштейн 1991: 15].

Фото 3. Девичий *лапшак*, выполненный Оролт Сэсээр [ПМА 2022: Инф. 1]
[*Photo 3.* Maidens' *lapshak* by Örölt Seseer]

Фото 4. Девичий *лапшак* [ПМА 2022: Инф. 4]

[*Photo 4.* Maidens' *lapshak*]

У этнических тувинцев Монголии мужской *лапшак* шьют из ткани синего цвета, обычно из простой далембы (хлопчатобумажная ткань), с туникообразным, асимметричным, т. е. однобортным покроем (левая пола сбоку надставлена в ширину дополнительной частью, которая запахивается далеко направо, почти целиком перекрывая правую полу) [Ховалыг 2018: 46], с кокеткой вокруг воротника и широкой полоской красного цвета по краям передней полы и заднего подола. У материнского этноса такие детали, как *оорук* (кокетка вокруг воротника) и *кыдыг* (широкая полоска из черного бархата по краю передней полы и подола) имеются только у женского *эдектиг тон*.

Мужские лапшаки синего цвета, считают тувинцы, являются знаком почитания Синего Неба, а красные полоски по подолу означают поклонение огню, также красный цвет в одежде этнических тувинцев Монголии символизирует силу и мощь Великой Монголии и показывает причастность к этой стране [ПМА 2022: Инф. 2].

3.2. Ибчи тон

В традиционной одежде этнических тувинцев Монголии можно заметить истоки традиционной одежды XIX в. тувинцев материнского этноса. Например, наплечная одежда замужних женщин тувинцев Монголии *агай тону* (*кадай тон*, *кадай лапшак* —

Фото 5. Мужской *лапшак* этнических тувинцев Монголии, сшитый мастером Оролт Сэсээр- [ПМА 2022: Инф. 1]

[*Photo 5.* Men's *lapshak* of Mongolia's Tuvans by Örölt Seseer]

бабий тон, бабий лапшак, см. фото 6) напоминает женский *ибчи-тон* тувинцев материнского этноса, вышедший из обихода еще в XIX в. и не сохранившийся до наших дней.

Об исчезнувшем виде тувинского женского халата *ибчи тон*, у которого подол на уровне колен «изнутри стягивался в сборки протянутыми жилами» [Кон 1934: 168], писали исследователи Тувы: Е. К. Яковлев [Яковлев 1900: 27], Г. Е. Грумм-Гржимайло [Грумм-Гржимайло 2003: 110], Л. Ш. Сат-Бриль [Сат-Бриль 1989: 46–47], С. И. Вайнштейн [Вайнштейн 1991: 164], М. О. Сиянбиль и А. А. Сиянбиль [Сиянбиль, Сиянбиль 2000: 34], Р. Б. Ховалыг [Ховалыг 2018: 30].

Все его детали, в немного измененной форме, сохранились и у этнических тувинцев Монголии. К XIX – началу XX в. тувинки носили халаты *ибчи тон*, подобные хакасским *идектиг тон* и женскому тону алтайцев. Об этом свидетельствует работа Н. Ф. Прытковой [Прыткова 1961: 228–238]. Позднее единственным напоминанием об *ибчи-тоне* осталась имитация воланов на женских *эдектиг тон* — незначительная

Фото 6. Женская наплечная одежда этнических тувинцев Монголии *агай тону* ‘женский тон’, выполненная мастером Ш. Байыр уруу [ПМА 2022: Инф. 2]
[*Photo 6.* Women’s shoulder garment of Mongolia’s Tuvans *agai tonu* (‘women’s *ton*’) by Sh. Baiyr uruu]

насборенность на уровне колен. *Агай тону* тувинцев Монголии на подоле тоже имеет имитацию волана, но, возможно, в XIX в. она могла выглядеть, как у *ибчи-тона*, сборками, образованными протянутыми изнутри жилами.

Под сильным влиянием маньчжурской власти и монгольской культуры в начале XX в. «такие шубы исчезли, и их сменили шубы монгольского покроя с маньчжурскими элементами» [Сат-Бриль 1989: 47].

С XIX в. тувинские женщины стали носить *эдектиг тон* (см. фото 7) с маньчжурскими элементами — низким стоячим воротником, ступенчатым вырезом *өөлет* и кушаком, появившимися в монгольское время [Вайнштейн 1991: 196].

Описание *ибчи-тона* оставил нам Г. Е. Грумм-Гржимайло: «...на груди, где опушка из черного плиса и цветных шелковых лент нашивается с таким расчетом, чтобы занять ее середину при застежке халата, который, хотя и шьется без талии, но из двух неравных половин, сшиваемых на высоте колен, причем нижняя настолько шире верхней, что собирается вокруг нее складками, образуя волан» [Грумм-Гржимайло 2003: 110]. У *агай тону* этнических тувинцев Монголии фасон такой же: в верхней части застегивается посередине груди, не приталенный, на высоте колен начинается присборенный широкий подол со складками. Такие детали *агай тону*, как присборенный подол чуть ниже пояса, запах в середине груди, напоминают описание *ибчи-тона*.

3.3. Агай тону

В *агай тону* на грудной части от середины до левой подмышечной впадины есть прямоугольный выступ, соединенный с застегивающейся частью переднего запáха и предназначенный для кормления ребенка. В описаниях исследователей Тувы у *ибчи-тон* такой детали не было [Грумм-Гржимайло 2003: 110; Яковлев 1900: 27; Кон 1934: 168], но, возможно, когда-то она была, так как застегивающаяся часть посередине груди *ибчи-тон* выглядела, как у *агай тону*. Кроме этого, у *агай тону* воротник отложной и прямоугольный, в отличие от маньчжурского низкого и стоячего воротника у тувинской наплечной одежды. Можно предположить, что воротник женского *ибчи-тона* тоже когда-то был отложным и прямоугольным. К сожалению, в работах исследователей Тувы воротник не упоминается.

У *агай тону* манжета рукава *нутурма* имеет вид копыта животного и отличается по фасону и манере шитья от манжеты *уштук* в одежде материнского этноса. *Уштук* шьют перевернутым, в отличие от *нутурма*, но *уштук* имеет такой же острый угол, как у *нутурма*.

Женщине впервые надевают *агай тону*, когда она приезжает в *аал* (стойбище кочевников-скотоводов) жениха, т. е. родственники жениха облачают невесту в одежду замужней женщины: *агай тону*, безрукавку *шегедек*, и также заплетают волосы невесты в две косы, которые укладывают в специальный тканевый футляр — *чаш хавы*. Эта традиция бытовала у тувинцев Монголии в XIX в., сейчас такого нет, но в праздники замужние женщины носят праздничные *агай тону*, а невесты на свадьбах наряжаются в самые роскошные девичьи *лапшак* [ПМА 2022: Инф. 1].

Петли для пуговиц у этнических тувинцев Монголии называются *шилби*, у российских тувинцев — *илги.* Тувинцы Монголии пришивают к груди петлю *шилби* как бы в лежачем положении так, чтобы одна из них была длиннее другой, тем самым, как считается, благословляя родных братьев и сестер всегда поддерживать и заботиться друг о друге [ПМА 2022: Инф. 2].

Этнические тувинцы Монголии пуговицу называют заимствованным монгольским словом *допшу* (монг. *товч* [БАМРС 2001: 210]), а российские тувинцы — *өөк*).

Рукава женского *агай тону* раскраивают иногда с широкой проймой, чтобы они были просторными. Такой покрой предназначен для матери с грудным ребенком. Он появился во времена маньчжурской Цинской империи, когда во время междоусобных войн матери для спасения своих грудничков клали их за пазуху под широкой проймой. Такие женские *тоны* с широкой проймой тувинцы Монголии носили до 60-х гг. XX столетия [ПМА 2022: Инф. 3].

В последнее время у российских тувинцев возрождается свадебный *эдектиг тон* со свадебными головными уборами *думаалай* и *баштангы*, и в обновленном виде они только начинают входить в свадебную традицию. *Думаалай*, который раньше шили из плотной ткани с отверстиями для

Фото 7. Женский *эдектиг тон* материнского этноса [НМ РТ. КП 2463]
[*Photo 7.* Women's *edektig ton* of the mother ethnos]

глаз, сегодня шьется из прозрачных тканей типа шифона. Свадебный головной убор *баштангы* навсегда уходит из традиции народа.

3.4. Шегедек

У тувинцев Монголии до сих пор используется в качестве национальной одежды безрукавная одежда *шегедек*, которая у российских тувинцев давно вышла из обихода, в связи с чем возникает мысль о том, что истоки тувинской традиционной одежды сохранились у этнических тувинцев Монголии.

Безрукавную одежду *шегедек* и накосные украшения *чаш хавы* ‘мешок для кос’ замужние женщины-тувинки Монголии надевают вместе с *агай тону*. У тувинцев России напоминание о *шегедеке* осталось только в их устном народном творчестве, он упоминается в работах исследователей [Сат-Бриль 1989: 49; Сиянбиль, Сиянбиль 2000: 10].

У этнических тувинцев Монголии женская безрукавная одежда *шегедек* похожа на подобную одежду у народов Центральной Азии — бурятов, алтайцев, хакасов, а также у монгольских народов — ойратов и калмыков [Бакаева 2015: 76]. Об этом пишет В. П. Дьяконова: «Данный вид одежды был достаточно распространен среди тюркоязычных и монголоязычных народов Сибири и Монголии» [Дьяконова 2001: 92].

Воротник безрукавной одежды *шегедек* у тувинцев Монголии имеет название *ша*, он имеет отложную форму и округлые края. У российских тувинцев в традиционной одежде — низкие и стоячие воротники маньчжурского стиля называют *моюндурук*. Воротник монгольских тувинцев *ша* шьют из белой ткани с 13 складками, символизирующими 13 алтайских хребтов [ПМА 2022: Инф. 4]. Белый цвет символизирует белоснежные вершины алтайских хребтов, также считается, что белый цвет благословляет женщину на белую дорогу в жизни, т. е. хорошую судьбу [ПМА 2022: Инф. 1].

Еще одной особенностью безрукавки *шегедек* у тувинцев Монголии является наличие 5 кусков ткани размером с носовой платок (30–40 см²), называемых *алчыыр* (от монг. *алчуур*), которые пришиваются с двух сторон *шегедек*, к боковым деталям квадратной формы. Эти платки женщин-хозяек предназначены для вытирания пота и рук во время работы. По словам мастериц, цвета этих платков должны соответствовать цветам радуги. Каждый платок и его цвет имеют символическое значение: красный цвет у монголов — цвет силы и мощи, которым тувинцы Монголии показывают, что являются частью Великой Монгольской империи, белый символизирует дорогу жизни без препятствий и бед, желтый — поклонение солнцу и желтой вере — буддизму, синий — поклонение синему Небу-Отцу, зеленый — цвет Земли-Матери [ПМА 2022: Инф. 1] (см. фото 8).

Напомним, что у тувинцев, как и у народов Восточной Азии и саянских тюрков, есть такое понятие, как пространственная конструкция, окружающая человека, которая воспринималась в универсальных категориях верха и низа. Это понятие особенно сильное выражение находит у этнических тувинцев Монголии.

У женской безрукавной одежды *шегедек* запáх открытый. *Шегедек* состоит из 2-х частей: грудной части и подола, которые разграничены поясом. Подол складчатый сзади, с боковых сторон имеет большие разрезы с окантованными краями. *Шегедек* этнических тувинцев Монголии идентичен по фасону безрукавкам монголов, бурят, алтайцев, хакасов: широкие проймы, дугообразно заходящие на спинку, широко окантованные края подола, большие разрезы в боковых, передней и задней частях. Иногда края подола безрукавки *шегедек* украшали вышивкой *калыын тавак* в виде гусиных лапок и узором в виде гор [ПМА 2022: Инф. 2].

Безрукавный *шегедек* у российских тувинцев в разных кожуунах назывался по-разному: *шегедек*, *сегедек*, *чегедек*, он был подобен монгольскому *цегедек*, хакасскому *сигедек*, алтайскому *чегедек*, бурятскому *дэгэлэй* или *уужа* [Сиянбиль, Сиянбиль 2000: 10].

У всех народов Алтае-Саянского нагорья — тувинцев, хакасов, алтайцев, бурят и монголов — женская безрукавная одежда, видимо, имела единый покрой: глубокая пройма, заходящая на спинку, и большие разрезы на подоле.

3.5. Зимние шубы

Зимние нагольные шубы урянхайцы называли *ак тон* ‘белая шуба’, иногда *куу тон* ‘серая шуба’ и *ак кеш тон* ‘белая мехо-

Фото 8. Женская безрукавная одежда *шегедек*. Мастер Ш. Байыр уруу [ПМА 2022: Инф. 2]
[*Photo 8.* Women's sleeveless coat *shegedek* by Sh. Baiyr uruu]

вая шуба’. У российских тувинцев нагольные шубы называют *додар чок негей тон* ‘шуба без покрытия’. В отличие от зимних шуб российских тувинцев нагольная шуба монгольских тувинцев имеет на подоле по бокам разрезы длиной 30–40 см и отложной воротник. До маньчжурского времени у тувинцев материнского этноса в разные исторические периоды в наплечной одежде, кроме коротких стоячих, были и отложные воротники, в древнетюркское время — широкие лацканы и V-образные воротники [Вайнштейн 1991: 191].

Об этом свидетельствуют как исторические, в том числе письменные и изобразительные, материалы, так и каменные изваяния *кижи-кожээ*. Видимо, это была характерная черта покроя халата древних тюрков Центральной Азии. Ношение широких лацканов неизвестно тувинцам XIX – начала XX в., что указывает на исчезновение этой традиции у населения Тувы лишь в послетюркскую эпоху [Вайнштейн 1991: 191].

4. Головные уборы

Названия деталей головных уборов этнических тувинцев Монголии отличаются от соответствующей терминологии материнского этноса: например, навершие в виде плетеного узла у этнических тувинцев Монголии называется *сиңзе*, а у российских тувинцев — *дошка. Дошка* и *сиңзе* — это один и тот же узловой вариант тувинского узора *олчей удазыны* ‘нить счастья’.

Во второй половине XVIII в. во время господства маньчжурской Цинской династии буддизм стал государственной религией тувинцев. Согласно буддийской символике, пришедшей из Тибета, узор «шриватса» (санскрит), аналогичный тувинскому узору *өлчей удазыны*, означает бесконечную любовь ко всем живым существам [Сиянбиль 2018: 3].

Словом *чиңзе* российские тувинцы называли навершие чиновничьего головного убора в виде шарика из драгоценного камня, который определял ранг чиновника во времена господства Цинской империи (II половина XVIII в. – начало XX в.) на территории Тувы. Тулья головных уборов у материнского этноса отмечается словом *бөрттүң тейи* или *шаалынчын*, а у тувинцев Монголии — *орайы* [ПМА 2022: Инф. 1].

Женские головные уборы тувинцев Монголии имеют на макушке длинную кисть из красных шелковых нитей — *чалаа*, такой головной убор у российских тувинцев был только у просватанной невесты *дүгдеп каан кыс* [Потапов 1969: 237].

Тувинцы Монголии представляли членам экспедиции несколько видов широко бытующих у них головных уборов: мужские, женские *тоорчак*, *бүргүүл* и *хойгу* зимних и летних типов.

Головной убор *бүргүүл* — это головной убор тувинцев Монголии, который, как и у тувинцев России, — *будээлге* (*калбак бөрт*, *чалбак бөрт* — разные диалекты), выкраивался из 2 одинаковых половин ткани, войлока или овчины мехом внутрь, они сшивались продольным швом, в готовом виде шапка имела капорообразный вид, но без назатыльника и выступающих наушников. Шили такие головные уборы из овчины, мерлушки и из шкур промысловых зверей, снаружи они обычно обшивались тканью [Ховалыг 2018: 91]. Такие капорообразные головные уборы разных видов (с длинными или короткими назатыльниками, наушниками, островерхие, с плоской тульей и т. д.) у степных кочевников известны со скифского времени. Аналогичные головные уборы *махуз*, *юден* были распространены у монголов [Вайнштейн 1991: 167].

Головной убор этнических тувинцев Монголии *тоорчак*, похожий на тюбетейкообразные круглые шапки российских тувинцев *довурзак* и *оваадай*, до сих пор носят в Монголии все — и стар, и млад, вне зависимости от пола. Только у женщин эта шапка изящнее, ярче и красочнее, чем у мужчин. Иногда дополняется длинной кистью из красных нитей *чалаа. Тоорчак* шьют с наушниками *кулактар* и околышами спереди (козырек *сарыпчы*) и сзади, а также и без них [ПМА 2022: Инф. 1]. У зимних шапок наушники и околыши из меха, а летние — из китайского плиса *хамбы* [ПМА 2022: Инф. 1], у российских тувинцев плис имеет название *хилиң.* Тувинцы Монголии наушники головных уборов *тоорчак* выкраивают высокими для того, чтобы «владелец обладал острым слухом», а козырек выкраивали низким, чтобы «владелец был зорким» [ПМА 2022: Инф. 1].

Летние женские *тоорчаки* шьют из 6 клиньев из ткани. При шитье использу-

ют специально приготовленную формовку: в муку (*кулур*) добавляют сахар, соль и воду, потом ее варят на медленном огне до клейкообразной консистенции (типа клейстера), которая называется *чаңгыы*. На деревянную форму надевают мягкую ватную ткань (ватин), сверху ее обмазывают клейстером, а потом надевают верхнее тканевое покрытие шапки из 6 клиньев *кадар* и на некоторое время оставляют застывать. К застывшей форме шапки подшивают подкладочную ткань *додар*, у российских тувинцев покрывающая ткань называется *даштыкы додар*, внутренняя подладочная часть — *иштики додар*. Женские *тоорчаки* украшают бусами, драгоценными камнями и пришивают к макушке длинную кисть из красных нитей *чалаа* (см. фото 9).

Слово *тоорчак* у этнических тувинцев Монголии и слово *довурзак* у российских тувинцев — однокоренные слова с одинаковым значением: это названия одинаковых круглых шапок. Российские тувинцы название шапки *довурзак* сокращали до *доорзак*, а у тувинцев Монголии произношение получилось мягче и глуше — *тоорчак* из-за специфичного диалекта.

Старые тувинцы Монголии носят капорообразные головные уборы *хойгу бөрт* (см. фото 10), похожие на *бүргүл* (см. фото 11), только с выступающим назатыльником и высокой дугообразной тульей. Название этой шапки происходит от слова *хой* (овца), видимо, она удобна в работе, особенно для пастьбы скота, защищая от ветра. Также бытуют головные уборы с названием *ловуза*, типа чепчика маленьких детей, но только с меховым перевернутым широким околышем [ПМА 2022: Инф. 1].

Специального свадебного головного убора у тувинцев Монголии не было (ср. с тувинцами России: см. фото 12). Когда родственники жениха приезжали за невестой, самые уважаемые (авторитетные, образцовые) жены старших братьев невестки держали перед ней *көжеге* — платок или покрывало со специальными петлями для подвешивания к жердям юрты при входе в юрту. Затем невестку сажали в укромное место и перед ней подвешивали покрывало к жердям юрты. Невеста вместе с женами старших братьев сидела за *көжеге*, скрываясь от родственников жениха. Затем отец жениха в специально приготовленную для невестки пиалу

Фото 9. Головной убор этнических тувинцев Монголии *тоорчак*. Мастер Ш. Байыр уруу, г. Улгий, 2022 г.

[*Photo 9.* Headgear of Mongolia's Tuvans *toorchak* by Sh. Baiyr uruu. Ölgii, 2022]

Фото 10. Головной убор этнических тувинцев *хойгу бөрт*, сшитый Оролт Сесээр, с. Цэнгэл, 2022 г.

[*Photo 10.* Headgear of Mongolia's Tuvans *hoigu bört* by Örölt Seseer. Tsengel, 2022]

накладывал кусочки мяса от берцовой кости барана. Перед подношением пиалы невесте ее окуривали и завязывали белым *кадаком* (тонкий мягкий шелк, предназначенный для подношения почетным гостям).

Көжеге этнических тувинцев Монголии напоминает свадебный полог *көшг* у калмыков, который прикрепляли к стене над постелью новобрачных [Шараева 2015: 141–164]. На самой свадьбе калмыки голову невесты накрывали покрывалом, цвет которого указывал астролог [Житецкий 1893: 23; Душан 1976: 37]

У тувинцев материнского этноса во время свадьбы невесте надевали специальный головной убор *думаалай*, поверх которого накидывали второй свадебный головной убор — *баштаңгы*. Об этом свадебном головном уборе поется в тувинской народной песне:

Дунда-карам көзүлбейн-дир,
Думаалайлап алган чоор бе?
Баштак-карам көзүлбейн-дир
Баштаңгылап алган чоор бе?

Милая моя не видится мне,
Наверно, *думаалай* накинули на нее.
Любимая моя не видится мне,
Наверно, *баштаңгы* накинули на нее.

Думаалай снимали на второй день после свадьбы и надевали *маактыг бөрт*[1] — такая традиция бытовала у жителей Монгун-Тайгинского района Тувы [Потапов 1969: 239]. В большинстве кожуунов после свадьбы, когда снимали *думаалай*, носили на голове *баштаңгы*.

Думаалай — свадебное покрывало (широкое четырехугольное полотнище с отверстиями для глаз), которым молодая, прибыв в юрту мужа, прикрывала в первые дни лицо от старших родственников мужа [ТРС 1968: 183]. *Думаалай* представляет собой четырехугольное полотнище длиной 1,8 м, шириной 1,34 м. К верхнему его краю пришивался овальный кусок ткани, кото-

[1] 'Шапка с лентой'. Еще одно название головного убора — *кожагар бөрт*.

Фото 11. Головной убор этнических тувинцев Монголии *бүргүүл*, выполненный мастером Оролт Сесээр, с. Цэнгэл, 2022 г.

[*Photo 11.* Headgear of Mongolia's Tuvans *bürgüül* by Örölt Seseer. Tsengel, 2022]

рый надевался на голову. Он собирался на вздержки, концы которых соединялись и образовывали небольшое округлое отверстие, от которого расходились складки. *Думаалай* шили из красной, зеленой, синей, голубой и белой ткани [Вайнштейн 1991: 171]. *Думаалай* надевали под *баштангы*.

Баштаңгы — накидка на голову и плечи, выкраивалась из цветной ткани [Вайнштейн 1991: 171]. Ее длина доходила до талии. В качестве украшений, пришиваемых к краю *баштангы*, использовали бусы, монеты, а также просверленные резцы марала и раковины каури. В свадебные дни *баштангы* носили поверх *думаалай*, а в дальнейшем — по праздникам, нередко и в будни — *баштангы* надевали и без *думаалай*.

О тувинской свадьбе материнского этноса писали многие исследователи, один из них, Е. К. Яковлев, описал ее так: «Во время самой свадьбы родичи невесты привозят юрту с полным хозяйственным обиходом, которая ставится сначала подле юрты родителей жениха. Молодежь с женихом и невестой устраивают пир в новой юрте, а пожилые родственники молодых пируют в юрте отца жениха. Невеста садится рядом со свекровью и закрывается брачной вуалью *думаалай*, пока свекор не сдернет ее с головы» [Яковлев 1900: 58].

Фото 12. Свадебный наряд конца XIX – начала XX в.
(*баштангы*, *думаалай* [НМ РТ. КП-5801/1,2]; *эдектиг тон* [НМ РТ. КП-1579];
кадыг идик [НМ РТ. КП-10245/1; Ховалыг 2018: 141, рис. 121]
[*Photo 12.* Wedding garments, late nineteenth – early twentieth centuries
(*bashtangy*, *dumaalay*, *edektig to*n, *kadyg idik*]

5. Обувь

У тувинцев материнского этноса известны три вида обуви. Степные тувинцы-скотоводы носили кожаную обувь двух видов: *кадыг идик* (на толстой подошве, с загнутым кверху носком) и *чымчак идик* (мягкая обувь из выделанной кожи в виде чулок). Восточные таежные тоджинцы-оленеводы носили мягкие *бышкак идик* (*бышкак* — шкурка с ног животного, камус), позволявшие бесшумно передвигаться во время охоты.

Традиционную обувь этнических тувинцев Монголии называют *бөөдүк* (см., например, фото 13). Она похожа на мягкую обувь тувинцев материнского этноса — *чымчак идик*, но только с незначительным плоским прямоугольным каблуком. Она шьется из кожи и войлока, каблук и подошву выкраивают из толстой кожи спинной части крупного рогатого скота, как и у российских тувинцев.

Фото 13. Обувь этнических тувинцев Монголии. Мастер Ш. Байыр уруу. г. Улгий, 2022 г.
[*Photo 13.* Footwear of Mongolia's Tuvans by Sh. Baiyr uruu. Ölgii, 2022]

6. Заключение

Приграничные территории, на которых в настоящее время живут этнические тувинцы Монголии, издавна являлись кочевьями, где тувинцы кочевали рядом с монголами. С установлением официальной границы между соседними странами — Тувинской Народной Республикой и Монгольской Народной Республикой — часть кочевий тувинцев оказалась на монгольской стороне. С этих пор тувинцы, проживающие на территории Монголии, были оторваны от своего материнского этноса и обрели свою собственную самобытность.

Ознакомившись с повседневной жизнью, культурой и бытом этнических тувинцев Монголии, мы пришли к выводу, что у *алтай тывалар* наблюдаются большие раз-

личия с материнским этносом *таңды тывалар* в названиях, цвете, деталях одежды, некоторых элементах быта, обычаях и традициях, в том числе свадебных. Например, летнюю наплечную одежду материнского этноса *шыва тон* этнические тувинцы Монголии называют заимствованным из монгольского языка словом *лапшак* (в тувинском произношении).

Женскую наплечную одежду в материнском этносе называют *эдектиг тон*, а у тувинцев Монголии — *агай тону* или *кадай лапшак*, которые также отличаются от *эдектиг тона* покроем, фасоном, деталями украшений и цветом.

Повседневный головной убор в материнском этносе носит название *бүдээлге* (*калбак бөрт*), у этнических тувинцев Монголии — *бүргүүл*, обувь материнского этноса — *кадыг* и *чымчак идик*, а у этнических тувинцев Монголии — *бөөдүк*. В названиях деталей одежды тоже есть много различий: манжету на женском *агай тону* тувинцы Монголии называют *нутурма,* а российские тувинцы — *уштук*, пуговица и петля пуговицы у этнических тувинцев Монголии — *допшу* и *шилби*, у российских тувинцев — *өөк* и *илги* соответственно.

Мужчины материнского этноса предпочитают темные тона одежды, а у этнических тувинцев почитают синий или голубой — цвет неба, Неба-Отца. Женщины материнского этноса предпочитают красный цвет, который всегда присутствовал в женском *тоне*, а женщины-тувинки Монголии отдают предпочтение зеленому цвету — цвету Земли-Матери и т. д.

Наблюдаются различия и в свадебной традиции. Этнические тувинцы Монголии не знают о свадебных головных уборах материнского этноса *баштаңгы* и *думаалай*, вместо них они пользуются пологом *көжеге*.

Тесная связь монгольских тувинцев с монгольским народом не помешала им в проявлении своей национальной идентичности, но культура тувинцев Монголии в определенной степени обрела некоторые черты монгольской культуры. Например, в цвете одежды появился такой символ: красный цвет в мужской и женской одежде символизирует силу и мощь Великой Монголии (*Улуг Моолдуң*, по выражению этнических тувинцев), свидетельствуя об их принадлежности к ней [ПМА 2022: Инф. 1].

В их одежде также можно увидеть монгольские черты, например в покрое наплечной одежды *лапшак*, когда передняя и задняя полы раскраиваются, как у монголов. Одежда у тувинцев, по Н. Ф. Прытковой, относится к восточноазиатскому типу: стан одежды покроя типа кимоно, т. е. спинка, полки и часть рукавов выкраиваются из одного полотнища ткани, при этом большей частью целиком выкраивают левую полку, а правую надставляют из другого куска [Прыткова 1961: 237–238].

У монголов раскрой такого же типа, но наоборот: переднюю левую полу надставляют из другого полотнища. Таким образом, у монгольской наплечной одежды на передней поле образуется вертикальный шов. Этим швом и некоторыми особенностями (узкие рукава, узкие полы) монгольская наплечная одежда отличается от тувинской, у которой отсутствие этого шва и цельная передняя пола являются одними из канонов тувинской национальной наплечной одежды.

Тувинки Монголии вкладывают свои косы, как и монголки, в специальные футляры *чаш хавы*, а в материнском этносе такой традиции нет.

Безрукавная одежда *шегедек*, вышедшая из обихода у материнского этноса, полностью сохранилась у *алтай тывалары*.

Таким образом, можно сделать вывод, что у одежды тувинцев Монголии (*алтай тывалары*) и материнского этноса (*таңды тывалары*) единые истоки, которые после исторического разобщения единого тувинского народа получили отдельные векторы развития. Одежда тувинцев материнского этноса претерпела кардинальные изменения под властью Цинской империи Китая и практически вышла из обихода в советское время, когда многие традиции, обычаи, элементы национальной культуры искоренялись как «пережитки темного прошлого» и во многом были утрачены. Несмотря на то, что все эти процессы затронули и Монголию, многие традиции и обычаи доманьчжурского периода, в том числе одежда, у этнических тувинцев Монголии сохранились. По всей видимости, в скотоводческой Монголии традиционный быт и традицион-

ная материальная культура никогда не теряли своего значения, потому и во многом сохранились. Вот такое положение культурных традиций наблюдается в начале XXI в. у двух групп населения соседних стран, некогда бывших единым народом.

Источники

НМ РТ. КП — Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва. Книга поступлений.

Sources

Aldan-Maadyr National Museum of the Tyva Republic. Accession register.

Полевой материал авторов

ПМА 2022: Инф. 1 — информант Оролт [Өрөлт] Сэсээр, 1959 г. р., уроженка сомона Цэнгэл Баян-Олгийского аймака (запись 10 ноября 2022 г. в с. Цэнгэл);

ПМА 2022: Инф. 2 — информант Шовзан Байыр уруу, 1966 г. р., уроженка с. Цэнгэл (запись в ноябре 2022 г. в г. Улгий)

ПМА 2022: Инф. 3 — информант Амархуу Байыр уруу, 1966 г. р., уроженка с. Цэнгэл (запись в ноябре 2022 г., г. Улгий)

ПМА 2022: Инф. 4 — информант Долгармаа Гапийн уруу, 1952 г. р., уроженка г. Ховд (запись 13 ноября 2022 г. в г. Улгий)

Author's field material

Informant 1: Örölt Seseer, b. 1959, native of Tsengel (Bayan-Ölgii Province, Mongolia). Rec. Tsengel, 10 November 2022. (In Tuv.)

Informant 2: Shovzan Baiyr uruu, b. 1966, native of Tsengel (Bayan-Ölgii Province, Mongolia). Rec. in Ölgii, November 2022. (In Tuv.)

Informant 3: Amarkhuu Baiyr uruu, b. 1966, native of Tsengel (Bayan-Ölgii Province, Mongolia). Rec. in Ölgii, November 2022. (In Tuv.)

Informant 4: Dolgarmaa Gapiyin uruu, b. 1952, native of Khovd (Khovd Province, Mongolia). Rec. in Ölgii, November 2022. (In Tuv.)

Литература

Айыжы 2007 — *Айыжы Е. В.* Тувинцы Кобдосского аймака Монголии: этничность и культура. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2007. 84 с.

Аюуш 2012 — *Аюуш Ц.* Дөрвөд // Монгол улсын угсаатны зүй. 2 боть. Ойрадын угсаатны зүй (= Этнография Монголии: в 2 тт. Т. 2. Ойратская этнография). Улаанбаатар: Монсудар Хэвлэлийн газар, 2012. Х. 27−206.

Бадамхатан 1959 — *Бадамхатан С.* К вопросу о происхождении цаатан // Шинжлэх ухаан. 1959. № 2. С. 30–35.

Бадамхатан 1996 — *Бадамхатан С.* Тува цаатан // Монгол Улсын Угсаатний цуй. 1996. № 2. С. 300–329. (На монг. яз.).

Бакаева 2015 — *Бакаева Э. П.* К исследованию семантики женского костюма ойратов и калмыков (историографический аспект) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. Т. 8. № 3. С. 74–83.

БАМРС 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 тт. Т. 3: Ө–Ф / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. 440 с.

Баярсайхан 2009 — *Баярсайхан Б.* Лексика животноводства в цэнгэльском диалекте тувинского языка: автореф. дисс. … канд. филол. наук. Новосибирск, 2009. 25 с.

Баярсайхан 2015 — *Баярсайхан Б.* Некоторые особенности речи тувинцев сумона Цагаануур Хубсугульского аймака Монголии // Гуманитарные науки в XXI веке: человек, общество, глобальный мир: мат-лы Междунар. конф., посвящ. 70-летию ТНИИЯЛИ – ТИГИ – ТИГПИ / отв. ред. К. А. Бичелдей. Кызыл: Изд-во ТИГИ, 2015. 663 с.

Вайнштейн 1991 — *Вайнштейн С. И.* Мир кочевников Центра Азии. М.: Наука, 1991. 296 с.

Гансух 2009 — *Гансух Х.* Особенности тувинской речи жителей Цэнгэла: автореф. дисс. … канд. филол. наук. Новосибирск, 2009. 20 с.

Гордеева 2021 — *Гордеева А. А.* Чегедек (женская одежда) в алтайской обрядовой традиции // Литературное наследие Бориса Укачина: мат-лы всерос. науч.-практ. конф. (г. Горно-Алтайск, 29 апреля 2021 г.). Горно-Алтайск: БИЦ Горно-Алтайск. гос. ун-та, 2021. С. 123–130.

Грумм-Гржимайло 2003 — *Грум-Гржимайло Г. Е.* Западная Монголия и урянхайский край // Традиционная культура тувинцев глазами иностранцев (конец XIX – начало XX в.) / сост. А. К. Кужугет. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2003. С. 108–134.

Душан 1976 — *Душан У. Д.* Обычаи и обряды дореволюционной Калмыкии // Этнографический сборник. Вып. 1. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. С. 5–89.

Дьяконова 1960 — *Дьяконова В. П.* Материалы по одежде тувинцев // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. 1957–1958. М.; Л.: АН СССР, 1960. С. 238–266.

Дьяконова 2001 — *Дьяконова В. П.* Алтайцы (материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая. Горно-Алтайск: Юч-Сумер, 2001. 221 с.

Житецкий 1893 — *Житецкий И. А.* Очерки быта астраханских калмыков (этнографические наблюдения 1884–1886 гг.). М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1893. 87 с.; Репринт. изд-е: Элиста: Калм. гос. галерея, 1991. 73 с.

Цаатаны 2006 — Цаатаны — имеющие оленей. Комментарий к статье журналистов ученого Н. Л. Жуковской [электронный ресурс] // Вокруг света. 20 октября 2006 г. URL: http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/1314/ (дата обращения: 03.06.2023).

Искусство 2015 — Искусство народного костюма как выражение общественного сознания [электронный ресурс] // Эстетическая природа народного костюма, его основные функции. 2 апреля 2015 г. Студопедия. URL: https://studopedia.ru/5_37144_iskusstvo-narodnogo-kostyuma-kak-virazhenie-obshchestvennogo-soznaniya.html (дата обращения: 03.06.2023).

История Тувы 2001 — История Тувы: в 2 тт. 2-е изд., перераб. и доп. / под общ. ред. С. И. Вайнштейна, М. Х. Маннай-оола. Т. 1. Новосибирск: Наука, 2001. 367 с.

Кон 1934 — *Кон Ф. Я.* За пятьдесят лет. Собр. соч. Т. 3: Экспедиция в Сойотию. М.: Изд-во Всесоюз. об-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934. 293 с.

Куулар 2012 — *Куулар Е. М.* Цагаан-Нур тываларының чугаазының онзагайы // Эртем бижиктери: ТКУ-нуң тыва болгаш ниити дыл эртемнериниң кафедразының чыл чыындызы. V-ки үндүрүлгези (= Особенности речи тувинцев Цагаан-Нура // Ученые записки: годовой сборник кафедры тувинского языка и общей филологии ТГУ). Кызыл: ТывКУ, 2012. С. 12–17. (На тув. яз.)

Ларина 2019 — *Ларина Т. Ю.* Вышивка традиционной одежды воронежских переселенцев Алтайского края как отражение культурной самобытности этнической группы // Society and Security Insights. 2019. Т. 2. № 2. С. 107–114. DOI 10.14258/ssi(2019)2-6235

Маннай-оол 1995 — *Маннай-оол М. Х.* Тувинцы Монголии: традиции и современность // Ученые записки Тувинского института гуманитарных исследований. Серия историческая. Вып. XVIII / отв. ред. Ч. М. Доржу. Кызыл: ТИГИ, 1995. С. 56–62.

Миллер 1937 — *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. 1. М.; Л.: АН СССР, 1937. 607 с.

Минаев 2009 — *Минаев А. В.* Государственная граница в приграничном субъекте РФ: историко-правовое исследование опыта Республики Тыва: автореф. … канд. юр. наук. М., 2009. 26 с.

Монгуш 2007 — *Монгуш М. В.* Вдали от своих, свои среди чужих. Заметки о тувинцах Монголии и Китая // Проблемы общей и региональной этнографии: (к 75-летию А. М. Решетова): сб. ст. / отв. ред. Е. В. Иванова и др. СПб.: РИО МАЭ РАН. 2007. С. 341–352.

Монгуш 2010 — *Монгуш М. В.* Один народ: три судьбы. Тувинцы России, Монголии и Китая в сравнительном контексте. Осака: Национальный музей этнологии, 2010. 360 с.

Монгуш 2013 — *Монгуш М. В.* У тувинцев Цэнгела // Новые исследования Тувы. 2013. № 2. С. 26–43.

Потанин 1881 — *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии: результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 гг. по поручению Имп. Русского географического общества. Вып. 2: Материалы этнографические. СПб.: Тип. Киршбаума, 1881. 182, 87, [3] с., 26 л. ил.

Потапов 1969 — *Потапов Л. П.* Очерки народного быта тувинцев. М.: Наука, 1969. 402 с.

Прыткова 1961 — *Прыткова Н. Ф.* Верхняя одежда // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л.: АН СССР, 1961. С. 237−338.

Рашид-ад-Дин 1952 — *Рашид-ад-Дин Ф. Х.* Сборник летописей / пер. с перс. Л. А. Хетагурова; ред. и прим. А. А. Семенова. Т. 1. Кн. 1. М.; Л.: АН СССР. 1952. С. 123–125.

Сат-Бриль 1989 — *Сат-Бриль Л. Ш.* Традиционная верхняя одежда тувинцев // Культура тувинцев: традиция и современность. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1989. С. 41–49.

Серен 2014 — *Серен П. С.* Моолда Цагаан-Нуур тываларынын ёзу-чанчылдары (= Традиции и обычаи тувинцев Цаган-Нура Монголии). Кызыл: Тув. кн. изд-во. 2014. 192 с. (На тув. яз.)

Сиянбиль 2018 — *Сиянбиль М. О.* Дошка // Тувинская правда. 2018. 11 октября. № 113 (18154). С. 3.

Сиянбиль, Сиянбиль 2000 — *Сиянбиль М. О., Сиянбиль А. А.* Традиционный тувинский костюм. Кызыл: Респ. тип., 2000. 72 с.

Соян 2015а — *Соян А. М.* Обрядовая поэзия этнических тувинцев Цагаан-Нуура // Казан-

ская наука. № 10. Казань: Казанский изд. дом, 2015. С. 206–209.

Соян 2015б. — *Соян А. М.* Народные песни и частушки этнических тувинцев Цагаан-Нуура // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 6. С. 333–335.

Сувандии 2010 — *Сувандии Н. Д.* Цагаан-Нуур тываларының чугаазында иви лексиказының ажыглалы (= Использование оленьей лексики в языке тувинцев Цагаан-Нуура) // Эртем бижиктери: ТКУ-нуң тыва болгаш ниити дыл эртемнериниң кафедразының чыл чыындызы. IV-кү үндүрүлгези (= Ученые записки: годовой сборник кафедры тувинского языка и общей филологии ТывГУ. IV издание). Кызыл: ТывКУ (= ТывГУ), 2010. С. 31–39. (На тув. яз.).

Сувандии 2015 — *Сувандии Н. Д.* Лексемы, отражающие национально-бытовые особенности жителей сумона Цагаан-Нур Монголии // Мат-лы Междунар. конф., посвящ. 20-летнему юбилею ТувГУ. Кызыл: РИО ТувГУ. 2015. С. 139–140.

Сувандии, Куулар 2017 — *Сувандии Н. Д., Куулар Е. М.* Этнические тувинцы сумона Цагаан-Нуур Монголии: исследовательские проблемы // Новые исследования Тувы. 2017. № 1. С. 58–72. DOI 10.25178/nit.2017.1.4

Таубе 1994 — *Таубе Э.* Сказки и предания алтайских тувинцев. М.: Вост. лит., 1994. 384 с.

ТРС 1968 — Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. 646 с.

Ховалыг 2018 — *Ховалыг Р. Б.* Тувинская традиционная одежда. Тыва үндезин хеп. Новосибирск: Наука, 2018. 335 с.

Ховалыг 2022 — *Ховалыг Р. Б.* Историко-этнографические аспекты тувинской женской наплечной одежды «эдектиг тон» // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 6. С. 1293–1307. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1293-1307

Цэцэгдарь 2013 — *Цэцэгдарь У.* Особенности тувинской речи жителей Кобдо: автореф. дисс. … канд. филол. наук. М., 2013. 18 с.

Шараева 2015 — *Шараева Т. И.* Свадебный полог у тюрко-монгольских народов: ритуал, функции, семантика (сравнительно-сопоставительный аспект) // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. 2015. № 3. С. 141–164.

Яковлев 1900 — *Яковлев Е. К.* Этнографический обзор инородческого населения долины южного Енисея и объяснительный каталог этнографического отдела музея. Минусинск: Тип. В. И. Корнакова,1900. 357 с.

Ragagnin 2011 — *Ragagnin E.* Dukhan, a Turkic Variety of Northern Mongolia Description and Analysis. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. 2011. 304 p.

Ragagnin 2013 — *Ragagnin E.* Archaic linguistic features in Khövsgöl aymag's sayan varieties // Тюркская руника: язык, история, культура: мат-лы междунар. науч. конф. (г. Кызыл, 10–11 июля 2013 г.) / отв. ред. К. А. Бичелдей. Ч. 1. Абакан: Хакасск. кн. изд-во, 2013. С. 99–105.

References

Aiyzhy E. V. Tuvans of Khovd Province (Mongolia): Ethnicity and Culture. Kyzyl: Tuva Book Publ., 2007. 84 p. (In Russ.)

Art of folk costume as manifested mentality of community. In: Aesthetic Nature of Folk Costume, Its Key Functions. Posted on 2 April 2015. On: Studopedia (learning website). Available at: https://studopedia.ru/5_37144_iskusstvo-narodnogo-kostyuma-kak-virazhenie-obshchestvennogo-soznaniya.html (accessed: 3 June 2023). (In Russ.)

Ayuush Ts. The Dörbet. In: Ethnography of Oirats (Ethnography of Mongolia 2). Ulaanbaatar: Monsudar, 2012. Pp. 27−206. (In Mong.)

Badamkhatan S. The Tsaatan: Origins revisited. *Shinzhlekh ukhaan*. 1959. No. 2. Pp. 30–35. (In Russ.)

Badamkhatan S. The Tuva Tsaatan. In: Ethnography of Oirats (Ethnography of Mongolia 2). Ulaanbaatar: State Publ. House, 1996. Pp. 300–329. (In Mong.)

Bakaeva E. P. To the study of semantics of the Oirat and Kalmyk women's costume (Historiographical aspect). *Oriental Studies*. 2015. Vol. 8. No. 3. Pp. 74–83. (In Russ.)

Bayarsaikhan B. [Examining] some features of Tuvan spoken in Tsagaanuur District of Khövsgöl Province (Mongolia). In: Bicheldey K. A. (ed.) The Humanities in the Twenty First Century: Man, Society, and the Global World. Jubilee conference proceedings. Kyzyl: Tuvan Institute for Humanities Research, 2015. 663 p. (In Russ.)

Bayarsaikhan B. Livestock terms in Tsengel Tuvan. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Novosibirsk, 2009. 25 p. (In Russ.)

Dushan U. D. Customs and rituals in pre-revolutionary Kalmykia. In: Collected Ethnographic Writings. Elista: Kalmykia Book Publ., 1976. Vol. 1. Pp. 5–89. (In Russ.)

Dyakonova V. P. Materials on Tuvan traditional garments. In: Comprehensive Archaeological and Ethnographic Expedition to Tuva (1957–1958). Transactions. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1960. Pp. 238–266. (In Russ.)

Dyakonova V. P. The Altai People: Materials in the Ethnography of Telengits. Gorno-Altaysk: Ùch-Sumer, 2001. 221 p. (In Russ.)

Gansukh Kh. [Analyzing] Some Features of Tuvan Spoken in Tsengel District (Mongolia). Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Novosibirsk, 2009. 20 p. (In Russ.)

Gordeeva A. A. Chegedek (women's clothing) in the Altai ritual tradition. In: Literary Heritage of Boris Ukachin. Conference proceedings (Gorno-Altaysk, 29 April 2021). Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University, 2021. Pp. 123–130. (In Russ.)

Grum-Grshimailo G. E. Northwestern Mongoliya and Uriankhai Land. In: Kuzhuget A. K. (comp.) Tuvan Traditional Culture in Foreign Eyes, Late Nineteenth to Early Twentieth Centuries. Kyzyl: Tuva Book Publ., 2003. Pp. 108–134. (In Russ.)

Khovalyg R. B. *Edektig ton*: Historical and ethnographic aspects of the Tuvan women's shoulder garment. *Oriental Studies*. 2022. Vol. 15. No. 6. Pp. 1293–1307. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-64-6-1293-1307. (In Russ.)

Khovalyg R. B. Tuvan Traditional Clothing. Novosibirsk: Nauka, 2018. 335 p. (In Tuv. and Russ.)

Kon F. Ya. Over the Fifty Years. Collected writings. Vol. 3: Expedition to Soyotia. Moscow: Society of Former Political Prisoners and Exiled Settlers, 1934. 293 p. (In Russ.)

Kuular E. M. Some features of Tuvan spoken in Tsagaanuur District (Mongolia). In: Scholarly Notes (Yearbook) [Department of Tuvan and General Linguistics (Tuvan State University)]. Kyzyl: Tuvan State University, 2012. Pp. 12–17. (In Tuv.)

Larina T. Yu. Embroidery of the Altai regional Voronezh settler's traditional native dress as a reflection of cultural identity of the ethnic group. *Society and Security Insights*. 2019. Vol. 2. No. 2. Pp. 107–114. DOI 10.14258/ssi(2019)2-6235. (In Russ.)

Mannay-ool M. Kh. Tuvans of Mongolia: Traditions and present-day agenda. In: Dorzhu Ch. M. (ed.) Scholarly Notes [Tuvan Humanities Research Institute]. Series 'History'. Vol. 18. Kyzyl: Tuvan Humanities Research Institute, 1995. Pp. 56–62. (In Russ.)

Miller G. F. History of Siberia. Vol. 1. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1937. 607 p. (In Russ.)

Minaev A. V. National Borders in Russia's [Ethnic] Border Region: A Study in the History of Tuva's Law. Cand. Sc. (law) thesis abstract. Moscow, 2009. 26 p. (In Russ.)

Mongush M. V. At Tuvans of Tsengel. *The New Research of Tuva*. 2013. No. 2. Pp. 26–43. (In Russ.)

Mongush M. V. Far from tribesmen, native to aliens: Notes on Tuvans of Mongolia and China. In: Ivanova E. V. et al. (eds.) Issues of General and Regional Ethnography. Collected papers. St. Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (RAS). 2007. Pp. 341–352. (In Russ.)

Mongush M. V. One Ethnos — Three Destinies: Tuvans of Russia, Mongolia and China in Comparative Contexts. Osaka: National Museum of Ethnology, 2010. 360 p. (In Russ.)

Potanin G. N. Essays on Northwestern Mongolia: Outcomes of the Journey Undertaken in 1879 on Instructions from the Imperial Russian Geographical Society. Vol. 2: Ethnographic Materials. St. Petersburg: V. Kirschbaum, 1881. 182, 87, [3] p. (In Russ.)

Potapov L. P. Essays on Household Life of Tuvans. Moscow: Nauka, 1969. 402 p. (In Russ.)

Prytkova N. F. Upper garments. In: Levin M. G., Potapov L. P. (eds.) Siberia: Atlas of History and Ethnography. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1961. Pp. 237−338. (In Russ.)

Pyurbeev G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 3: Ө–Ф. Moscow: Academia, 2001. 440 p. (In Mong. and Russ.)

Ragagnin E. Archaic linguistic features in Khövsgöl aymag's Sayan varieties. In: Bicheldey K. A. (ed.) Turkic Runes: Language, History, Culture. Conference proceedings (Kyzyl, 10–11 July 2013). Pt. 1. Abakan: Khakassia Book Publ., 2013. Pp. 99–105. (In Russ.)

Ragagnin E. Dukhan, a Turkic Variety of Northern Mongolia: Description and Analysis. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. 2011. 304 p. (In Eng.)

Rashid al-Din. Compendium of Chronicles. L. Khetagurov (transl.), A. Semenov (ed., comment.). Vol. 1. Book 1. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1952. Pp. 123–125. (In Russ.)

Russian-Mongolian online translation service (Russian-Mongolian dictionary). On: Webtran.ru. Available at: https://www.webtran.ru/translate/mongolian/ (accessed: 26 June 2023). (In Russ.)

Sat-Bril L. Sh. Traditional upper garments of Tuvans. In: Aranchyn Yu. L. (ed.) Tuvan Culture: Tradition and Present-Days. Kyzyl: Tuva Book Publ., 1989. Pp. 41–49. (In Russ.)

Seren P. S. Tuvans of Tsagaanuur, Mongolia: Traditions and Customs. Kyzyl: Tuva Book Publ., 2014. 192 p. (In Tuv.)

Sharaeva T. I. Wedding curtain in rites of Turko-Mongols: Ritual, functions, semantics (A comparative study). *Turko-Mongols. Issues of Ethnic History and Culture*. 2015. Vol. 3. Pp. 141–164. (In Russ.)

Siyanbil M. O. Doshka. *Tuvinskaya pravda*. 2018, October 11. No. 113 (18154). P. 3. (In Russ.)

Siyanbil M. O., Siyanbil A. A. Traditional Tuvan Costume. Kyzyl: Respublikanskaya Tipografiya, 2000. 72 p. (In Russ.)

Soyan A. M. Especially good wishes of ethnic Tuvinians Tsagaan-Nuur. *Kazan Science*. 2015. No. 10. Pp. 206–209. (In Russ.)

Soyan A. M. Ethnic Tuva folk songs of Tsagaan-Nuur style. *Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniya*. 2015. No. 6. Pp. 333–335. (In Russ.)

Suvandii N. D. Culture- and economy-specific lexemes in Tsagaanuur Tuvan (Mongolia). In: Celebrating the Twentieth Anniversary of Tuvan State University. Conference proceedings. Kyzyl: Tuvan State University, 2015. Pp. 139–140. (In Russ.)

Suvandii N. D. Reindeer terms in Tsagaanuur Tuvan. In: Scholarly Notes (Yearbook) [Department of Tuvan and General Linguistics (Tuvan State University)]. Vol. 4. Kyzyl: Tuvan State University, 2010. Pp. 31–39. (In Tuv.)

Suvandii N. D., Kuular E. M. Ethnic Tuvans in Tsagaan-Nuur sumon, Mongolia: Research issues. *The New Research of Tuva*. 2017. No. 1. Pp. 58–72. DOI 10.25178/nit.2017.1.4 . (In Russ.)

Taube E. Tuvans of the Altai: Tales and Legends. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1994. 384 p. (In Russ.)

Tenishev E. R. (ed.) Tuvan-Russian Dictionary. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1968. 646 p. (In Russ.)

Tsaatans — [people] that herd reindeer. Narrative commented by Dr. N. Zhukovskaya. On: Vokrug Sveta (Russian geographic magazine). Posted on 20 October 2006. Available at: http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/1314/ (accessed: 3 June 2023). (In Russ.)

Tsetsegdar U. [Analyzing] Some Features of Tuvan Spoken in Khovd [Province]. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Moscow, 2013. 18 p. (In Russ.)

Vainshtein S. I. The World of Central Asian Nomads. Moscow: Nauka, 1991. 296 p. (In Russ.)

Vainshtein S. I., Mannay-oola M. Kh. (eds.) History of Tuva. In 2 vols. Second edition, rev. and suppl. Vol. 1. Novosibirsk: Nauka, 2001. 367 p. (In Russ.)

Yakovlev E. K. Non-Russian Population of the Southern Yenisei Valley: An Ethnographic Review and the Museum's Explanatory Catalogue (Ethnography Dept.). Minusinsk: V. Kornakov, 1900. 357 p. (In Russ.)

Zhitetsky I. A. Essays on Household Life of Astrakhan Kalmyks: Ethnographic Observations, 1884–1886. Moscow: M. Volchaninov, 1893. 87 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 4, Pp. 887–902, 2023
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК / UDC 323.15
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-887-902

Социокультурная ситуация в селах Провиденского городского округа Чукотки глазами их жителей по полевым материалам 2021 г. Часть 2

Оксана Петровна Коломиец[1], *Надежда Ивановна Вуквукай*[2]

[1] Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н. А. Шило ДВО РАН (д. 15, ул. Энергетиков, 689000 Анадырь, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
0000-0003-0027-7539. E-mail: okkolo[at]mail.ru

[2] Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н. А. Шило ДВО РАН (д. 15, ул. Энергетиков, 689000, Анадырь, Российская Федерация)
старший инженер
0009-0009-4057-079X. E-mail: kerker[at]inbox.ru

© КалмНЦ РАН, 2023
© Коломиец О. П., Вуквукай Н. И., 2023

Аннотация. *Введение.* Чукотка была и остается особенным регионом в силу отдаленности, малодоступности и этнокультурной самобытности. Помимо общих закономерностей политического, экономического, социального и культурного развития современного государства и его северных территорий, в Чукотском автономном округе сохраняется ярко выраженная региональная специфика, которая проявляется во всех сферах жизни. В настоящей работе представлена оценка современной социокультурной ситуации сельскими жителями Провиденского городского округа Чукотского автономного округа. *Цель* статьи — представление мнения населения о жизни в селах о том, в каких сферах общественной жизни они видят дальнейшие перспективы для развития, какие проблемы, противоречия и угрозы обозначают. *Материалы и методы*. Основные источники работы — полевые материалы, собранные в пгт. Провидения, селах Энмелен, Нунлигран, Сиреники, Новое Чаплино, Янракыннот в 2021 г., а также публикации, характеризующие социально-экономическое положение коренных малочисленных народов Чукотки. Обозначенные в статье проблемы под разными ракурсами освещались этнографами, социологами и антропологами разных поколений. Данные материалы являются источниками, «отправной точкой» для понимания и анализа текущей социокультурной ситуации в Провиденском городском округе Чукотского автономного округа. *Результаты*. В первой части статьи сделан обзор научной литературы по итогам экспедиций в Провиденский район, дано краткое описание традиционных занятий сельских жителей, охарактеризована социокультурная ситуация в селах Энмелен, Сиреники, Нунлигран. Во второй части статьи

представлена социокультурная ситуация в селах Новое Чаплино и Янракыннот. *Выводы.* Согласно итогам Всероссийской переписи населения 2020 г., в Провиденском городском округе проживает 3 707 чел., из них городское население — 2 140 чел., сельское население — 1 567 чел. Около половины жителей района — чукчи (36,7 %) и эскимосы (19,1 %). За десять лет выросло население только в двух населенных пунктах: в пгт. Провидения и селе Новое Чаплино. Основные причины оттока населения из сел: низкий уровень жизни, изношенность жилищного фонда, неразвитость сельской инфраструктуры, низкое качество образования, медицинских услуг, нехватка и отсутствие рабочих мест, низкий уровень заработной платы в селах, изолированность и, как следствие, невозможность проведения полноценного досуга. Все опрошенные жители отмечали важность существования морского зверобойного промысла как основы современной жизни в селах. Представители старшего поколения надеются на развитие оленеводства и сопутствующих отраслей хозяйства. Языковая ситуация характеризуется практически полным вытеснением родных языков из употребления в семье и в быту.

Ключевые слова: Чукотский автономный округ, Провиденский городской округ, коренные жители, социокультурная ситуация, сельское население, традиционное хозяйство, социальные проблемы

Благодарность. Работа выполнена при частичной поддержке НОЦ «Север: территория устойчивого развития» (технологический проект № 9 «Технологическое обеспечение социальной стабильности полиэтнических сообществ на Северо-Востоке России», подпроект «Коренные малочисленные народы Северо-Востока Российской Федерации в условиях глобальных вызовов XXI века: ГИС-технологии в оценке потенциала устойчивости системы жизнеобеспечения и этнических культур»).

Для цитирования: Коломиец О. П., Вуквукай Н. И. Социокультурная ситуация в селах Провиденского городского округа Чукотки глазами их жителей по полевым материалам 2021 г. Часть 2 // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 4. С. 887–902. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-887-902

Sociocultural Situation in Villages of Providensky Urban Okrug (Chukotka) through the Eyes of Their Residents: Analyzing Field Materials of 2021. Part Two

Oksana P. Kolomiets[1], *Nadeghda I. Vukvukai*[2]

[1] Shilo North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute, Far Eastern Branch of the RAS (15, Energetikov St, 689000 Anadyr, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Leading Research Associate
0000-0003-0027-7539. E-mail: okkolo[at]mail.ru

[2] Shilo North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute, Far Eastern Branch of the RAS (15, Energetikov St, 689000 Anadyr, Russian Federation)
Senior Engineer
0009-0009-4057-079X. E-mail: kerker[at]inbox.ru

© KalmSC RAS, 2023
© Kolomiets O. P., Vukvukai N. I., 2023

Abstract. *Introduction.* Due to remoteness, limited accessibility and ethnocultural uniqueness, Chukotka used to be — and still is — a particular region of Russia. In Chukotka Autonomous Okrug, the nationwide and specifically ‘northern’ political, economic, social and cultural processes are paralleled by vivid local specifics manifested in all life spheres. The work introduces accounts of the current sociocultural situation articulated by rural residents of Providensky Urban Okrug. *Goals*. The paper aims to deliver native inhabitants’ opinions on village life, including which realms of social agenda they tend to view as promising, their actual challenges, controversies, and threats. *Materials and methods*. The study focuses on field materials collected in the town of Provideniya, villages of

Enmelen, Nunligran, Sireniki, Novoye Chaplino, and Yanrakynnot in 2021. Special attention is paid to publications characterizing the socioeconomic situation of Chukotka's indigenous peoples. The problems identified in the article have been approached by a number of ethnographers, sociologists and anthropologists of different generations from a variety of angles. So, the latter serve a 'starting point' for understanding and analyzing the current sociocultural situation in Providensky Urban Okrug of (Chukotka Autonomous Okrug). Part One of the article reviewed publications, summarized results of expeditions to Providensky District, briefly described traditional occupations of rural dwellers, and characterized the sociocultural situation in the villages of Enmelen, Sireniki and Nunligran. Part Two deals with the sociocultural situation in the villages of Novoye Chaplino and Yanrakynnot. *Conclusions*. According to the Russian Census of 2020, the population of Providensky Urban Okrug is 3,707 people, of which 2,140 live in urban areas and 1,567 — in rural ones. About half of the residents are ethnic Chukchis (36.7%) and Eskimos (Siberian Yupiks; 19,1 %). The last ten years have witnessed a minor population growth only in two settlements — town of Provideniya and village of Novoye Chaplino. The main reasons of rural depopulation are low living standards, deterioration of housing facilities, underdevelopment of rural infrastructure, poor educational and medical services, under- and unemployment, low wages, isolation and limited leisure time opportunities. All the interviewed residents stress the importance of sea-hunting industry as a basis of present-day life in the villages. Elders still hope for further development of reindeer breeding and related sectors. The language situation is characterized by a virtually complete displacement of native languages in family and everyday communicative practices.

Keywords: Chukotka Autonomous Okrug, Providensky District, native inhabitants, sociocultural situation, rural population, traditional economy, social problems

Acknowledgements. The reported study was co-funded by Research and Education Center 'North: The Territory of Sustainable Development' (technological project no. 9 'Technological Support for Social Stability of Multiethnic Communities in Russia's Northeast'; subproject 'Indigenous Peoples of Russia's Northeast in the Context of Global 21st-Century Challenges: GIS Technologies to Assess Sustainability Potentials of the Life Support System and Ethnic Cultures').

For citation: Kolomiets O. P., Vukvukai N. I. Sociocultural Situation in Villages of Providensky Urban Okrug (Chukotka) through the Eyes of Their Residents: Analyzing Field Materials of 2021. Part Two. *Oriental Studies*. 2023; 16(4): 887–902. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-887-902

1. Введение ко второй части статьи

В первой части статьи [Коломиец, Вукувукай 2023] мы представили обзор и список научной литературы по итогам экспедиций в Провиденский район, дали краткое описание традиционных занятий сельского населения, охарактеризовали социокультурную ситуацию в селах Энмелен, Сиреники, Нунлигран. Во второй части статьи будет представлено мнение жителей сел Новое Чаплино и Янракыннот Провиденского городского округа Чукотского автономного округа, а также продублирован список литературы.

2. Материалы и методы

Основные источники работы — полевые материалы, собранные в пгт. Провидения, селах Энмелен, Нунлигран, Сиреники, Новое Чаплино, Янракыннот в 2021 г., а также публикации, характеризующие социально-экономическое положение коренных малочисленных народов Чукотки (КМНЧ).

Основные методы, используемые авторами при сборе материалов, — включенное наблюдение и интервьюирование. По обозначенной тематике авторами было собрано 24 интервью, 14 из них представлены в первой части работы. Во вторую часть вошли беседы с жителями сел Новое Чаплино и Янракыннот. При работе со статистическими материалами и литературой были применены общенаучные методы систематизации, синтеза и анализа.

3. Село Новое Чаплино

3.1. Общие сведения

Село Новое Чаплино расположено в 25 км к западу от пос. Провидения. В 2021 г. в нем было зарегистрировано 402 чел. Это единственное село с преобладанием эскимосского населения (более 2/3 жителей — эскимосы). Национальный состав села: 279 эскимосов, 97 чукчей, 17 русских и др.) [ПМА 2021а]. В селе 39 жителей старше

60 лет [ПМА 2021а]. Основное традиционное занятие жителей — морской зверобойный промысел. Китов, моржей и тюленей чаплинцы добывают в бухте Ткачен, а также в проливе Сенявина, где построена промысловая база Инахпак. В селе осуществляют деятельность 3 предпринимателя. У населения имеется 25 единиц техники (в том числе 15 автомашин, 5 снегоходов и 4 квадроцикла) [ПМА 2021а].

«Наше село считается эскимосским, в нем проживает 85 % эскимосов. У нас есть основная школа, и в ней преподают эскимосский язык. После 9 класса для получения среднего образования дети едут в Провидения, а кто — в колледж или в лицей в Анадыре. Из тех, кто выехал для дальнейшей учебы, возвращаются единицы. В основном остаются в Анадыре. Мало кто работает по специальности. Одна училась на медсестру, работает продавцом. Другая девочка получила образование по специальности «дошкольное воспитание» и работает по ней в Анадыре. Другая учится в Хабаровске на ветврача и там осталась работать. Понимаю, что в городе комфортнее жить. Да и в селе нет перспектив на устройство по специальности.

Родной язык преподают с первого класса. У нас преподают и чукотский, и эскимосский языки. В среднем звене идет как факультативное занятие по родному языку. Я не скажу, что после занятий в школе дети начинают говорить, но понимать понимают и ответить односложно могут.

3.2. Традиционные промыслы чаплинцев в современных условиях

«На сегодня из традиционных промыслов функционирует морской промысел, рыболовство. Раньше было и оленеводство, и звероводство. На сегодня мы живем только морским промыслом. Мясо морского зверя берут не только коренные жители. У нас много смешанных семей. Украинцы на жир морских животных отзываются: сало как сало! Кроме растений тундры мы собираем дары моря после шторма. Здесь на берегу собрали, если есть машина, то поехали на старое Чаплино и там собрали. Там в одном месте так хорошо выкидывает. Капуста метровая. Как и в Киваке тоже. Новое Чаплино не такое уж и благодатное место. Здесь бухта насчет зверя для охотников практически пустая. Приходится ездить в другие места. Охотникам тяжело приходится. Департамент сельского хозяйства одинаково распределяет горючее по всем ТСО[1]. Мы много писали, что у нас у единственных отдаленная база. Везде охотники уходят от села, а мы от базы. Горючего не хватает на нашу деятельность. Хотя бы раз приехали посмотреть, как и что здесь происходит. Округ не всегда поддерживал морской промысел. Раньше нам больше помощи было со стороны Аляски: дарственные лодки, моторы, датинганы для гуманного убоя китов и патроны к ним. Это все оттуда шло. Были первые лодки, где еще писали „Программа губернатора“ при Назарове, дрянные лодки были. Затем, при Юрии Михайловиче Тототто, он был председателем союза морских охотников, он настоял и контролировал, привезли хорошие лодки, маленькие ДМБ-ушки. До сих пор на них ездят. Вроде в Кирове их заказывали. Сейчас делает лодки Ендальцев. Охотники ими тоже недовольны. Даже на малой воде они прыгучие. Не должно быть такого, охотник не прицелится никак. Его лодки тяжелые, охотники даже спустить на воду не могут. Одна у нас перевернутая на берегу лежит. Неудобная.

Съедобные растения 40 % населения собирают. Молодежь ходит кушать к родителям в основном. Правда, они помогают собирать растения. А зимой приходят лакомиться.

Здесь без техники никак. Квадроциклы самые удобные для поездки в тундру, это вездеходы. Машины стали покупать. Стали хорошо жить. Лодки бы еще хорошие нам. Зимой используют снегоходы. У частников скоростные. А у нас „Бураны“, тоже закупил департамент. Теперь проблема в запчастях. Все, что было в селе, уже использовали.

Для нас больной вопрос — это нерпичьи шкуры. В прошедшую весну я чуть не плакала, говорю Макотрику: „Сколько денег выброшено!“. Даже, если найдем, кто будет выделывать шкуры, никто не будет это делать бесплатно. Даже если шить из этого одежду, то носить ее уже некому. Ушло то поколение, кто ее носил. Ее же еще носить надо уметь. Хотя преимуществ больше: не промокает, встряхнуть, и влага скатилась по шерсти, сушить не надо. Пока есть, кому научить, как хранить меховую одежду, как носить ее. Нам рассказывали, как раньше

[1] Территориально-соседская община.

сошьют одежду охотнику и заставляли сына ее разнашивать. Сын бегал, таскал тяжести в ней. Хоть выделка и хорошая, но новая одежда достаточно жестковата. Мастера по изготовлению одежды еще остались. Когда им заказывают, то они шьют.

Сейчас нам оленину поставляет Тынеру. В наш район оттуда поставляют мясо оленя. Олени худые, мясо жесткое. Мясо наших оленей было мягче и жирное. В совхозе „Заря коммунизма“ было 3 оленеводческих бригады. Третья бригада была от нашего села. Там работали бывшие охотники, и мой отец в ней работал. Я удивлялась, как мой отец быстро бегал за оленями. Ему было уже за 50 лет. Две бригады выпасали оленей возле Янракыннота. У нас тоже были хорошие пастбища. Забой проводили на Синявинской. Провиденскому стаду можно спокойно использовать пастбища от Янракыннота до Сиреников. Площадей же хватает. В свое время были два знаменитых оленевода: Туккай Владимир и Тевлягиргин. Это такое стадо было огромное. В голодное время Туккай увел стадо глубоко в тундру, чтобы не съели. Потому что нет-нет да забивали оленей. Туккай увел стадо, нарастил поголовье. Его надо благодарить за то, что сохранил стадо, а не ругать» [ПМА: Инф. 1].

«В ТСО Чаплино, по штату 14 охотников, 6 учеников, АУП: бухгалтер, кладовщик-кассир, 2 сторожа в селе работают. На базе Инахпак постоянно охотники находятся. Там лодки, охотничье снаряжение. Там постоянно находятся охотники до октября месяца. Одни отработали, другие заступают, пока не закончится промысел на китов. И здесь до декабря охотимся на мелких ластоногих и остатки моржей. За моржами ходим далеко, отсюда до Лысой головы. Это примерно вход до Провидения, мыс Чукотский. Разделываем специально на рулеты. Конец августа – сентябрь — заготовка рулетов. Держим их в специальном помещении, они там доходят до определенной кондиции, должны опухнуть, как шары становятся. Там же идет термообработка. Специально сшивают, чтобы воздух не проходил. Так по всей северо-восточной Чукотке делают. На наш поселок делаем 25–30 рулетов, один рулет — 80 кг. На 2022 год для гонок на собачьих упряжках по южной стороне уже заказали. Поэтому будем делать 30 рулетов.

В Чаплино уже не держат собачьи упряжки. Последняя упряжка была 3 года назад у Мумихтыкака Ивана. Он умер. Мумихтыкак Василий тоже держал. Зрение упало, и распустил их. В советское время у каждого была своя упряжка. Когда в 2007 г. мы объединились в ТСО, было 5–7 упряжек. С упряжками удобно было, но надо с собаками возиться, кормить. Сейчас техника появилась, и молодежь не хочет заниматься собаками. С техникой проще, но нужны запчасти. Ломается часто, тем более российская техника.

Охотники села занимались морпромыслом для звероводства. Для собак рулеты делали, 6–7 штук на упряжку. За сезон должны были добыть 450–500 голов моржа на нужды села. Было много моржа. Климат изменился, и летом моржа практически не стало. Поэтому мы промысловый сезон делим на весеннюю охоту, летнюю и осеннюю. Основной промысел у нас весной проводится, апрель – июнь. Бьем моржа, лахтака. Летом китов и осенью — мелких ластоногих. Раньше на село заказывали 30 моржей. Последние 2–3 года квоту стали уменьшать. В первый раз на 3 уменьшили, потом на 8 и в этом году — на половину. Дали 17 моржей. Этого мало на нужды населения. В последнее время Северо-Восточное управление[1] активно дает квоты частникам. У нас много старой техники, которую надо ремонтировать. Надо делать гараж, который стоит около 2 млн руб. В прошлом году мы много закупили».

3.3. Жизнеобеспечение села

«Правительство Чукотки вплотную занялось экологией, и община получила 300 тыс. руб. на экологическую уборку. Мы этим занимались все лето. Убирались вокруг поселка, по побережью. Отдельно работает партия зеленых. Они тоже выделили деньги на уборку западной стороны территории Аракамчечен. В советское время туда было завезено много бочек с топливом. В Старом Чаплино, где я родился, очень много бочек. Должно подойти судно и вывезти все это. Я так понял, что это большая программа по северным территориям России. Много больных животных появилось, и грешат на нарушение экологического равновесия. Нерпа

[1] Имеется в виду Северо-восточное территориальное управление Росрыболовства по Камчатскому краю.

лысая попадается, с болячками. В Инахпаке много вонючих китов появилось. Предположительно, это от активности вулканов. Из Питера ученые изучают этот вопрос. Мы второй год собираем пробы. Если добыли, и кит вонючий, т. е. не годится для питания населения, значит он актируется, мясо утилизируется. С 2021 г. вонючие киты входят в квоту. В этом году чиновники переиграли правила. В этом году Северо-Восточное управление многое усложнило с заявками. Раньше мы отсылали заявку на 3–4 листа: морж, акиба, лахтак. Теперь заявку составлять надо на 90 листах. Кроме самой заявки, нужно отправлять уставные документы, являются ли члены общины коренными жителями, дают ли они добро на обработку данных…

Новые машины нам направляют — „Уралы“. Хорошие машины, делают с каким-то компьютером, который отвечает за работу двигателя. Три года отработал, а в этом году он накрылся. Отправили запрос на завод. Они говорят: это из-за того, что они ставят туда оборудование Евро-4. Для этого нужно хорошее топливо — соляра. По мелочи мы покупаем, до полумиллиона можем потратить. На гараж никаких денег не хватит. В 2017 г. сгорел гараж. Поставили финский холодильник, а проводка старая. Все сгорело, и мы остались без техники. Снегоходы можно убрать в контейнер. Но крупная техника стоит на улице.

В 2006 г. подали заявку на создание своего хозяйства. Нам пришел ответ, что сможем работать только при поддержке правительства Чукотки. Потому что очень затратные поставки топлива, боеприпасов и зарплаты. К ноябрю провели собрание общины. Тогда были родовые общины: Энмелен, Нунлигран, Сиреники. На нашем районе обкатали эти общины. Потом по всему чукотскому полуострову это закрепили. Когда тяжело было, создали общественные организации, которые боролись за работу охотников. Первая, в 90-х гг., была создана под Ю. М. Тототто, он стал председателем Союза морских зверобоев Чукотки и помощником губернатора ЧАО. Потом создали ЧАЗТО[1]. Сейчас возник вопрос создания союза общин морских охотников. Формально есть союз морских зверобоев. Председателем был А. Емельянов. Остался исполнительный секретарь Березкин. Сейчас нет лидера, который мог бы организовать работу общественной организации. Мы ведь в 2014 г. вышли из ЧАЗТО.

В Анадыре есть рыбохозяйственный комитет, который занимается распределением квот. Почему-то этот комитет третий год выделяет квоты по сравнению с Чукотским районом очень маленькие. У нас 30 голов, у „Дауркина“ 500–600 голов. ТСО „Дауркин“ — это 5 сел: Лаврентия, Уэлен, Инчоун. Кроме того, что квоты даются на общину, там еще много частников, которые квоты получают в личное пользование. У меня даже моя жена получила квоту на 5 голов. Она послала заявку как частное лицо, но она является и членом общины. По уставу мы можем оплачивать работу как основных работников общины еще и членам общины, которые помогают общине. На этот год нам выделили квоту на 17 моржей, хотя заявляли 30 голов. Теперь придется делать заявку с учетом этих сокращений.

В чатах обсуждается вопрос создания союза из всех морзверобойных общин. Но это надо тщательно обдумать, потому что для его организации нужны будут деньги на зарплату сотрудникам, оплаты счетов, штрафов. Не уверены, что общины потянут данный союз, для этого мало общин. Есть более простой вариант создания союза на базе уже существующего союза морских зверобоев, который создавался от правительства округа.

При правительстве Чукотки была создана соцгруппа „Союз морзверобоев Чукотки“. Тут администратор Березкин. Здесь мало общин участвует. Только поздравляли друг друга. Сиреникovцы создали свою группу в соцсети „Морзверобои Чукотки“, администратор — Каваугье Валерий. В эту группу влился почти весь Чукотский район. Там наболевшие вопросы быстро решаются. Здесь же обсуждается тема создания новой формы работы морских охотников.

Правительство Чукотки решило поддержать Ендальцева как изготовителя морской техники для охотпромысла. Он нам предложил небольшую лодку, которую мы будем использовать в весенней охоте. Но она стоит 3 млн 100 тыс. руб. Может, для правительства Чукотки это не деньги, но для общины это огромные деньги. Поэтому меня

[1] ЧАЗТО — Чукотская ассоциация зверобоев традиционной охоты.

интересует вопрос грантовой поддержки от правительства Чукотки.

Мы раньше выделывали шкуры морского зверя. Этим занимались женщины. Шкуры выделывают зимой. Мандарку[1] надо квасить и выбеливать на морозе. Спрос на эти шкуры большой. В бухте много белька. Его тоже можно заготавливать весной. У нас был парень, ему за 70 лет, у него была собака обучена этих бельков находить. В начале работы общины у нас было 5–7 женщин, которые занимались обработкой шкур. Сейчас они состарились. Шкура „обезьяны“ — крылатки, тонкая и их хорошо на *ярар*[2]. Хоть дубиной бей, ничего ей не будет. Или молодую нерпу, только родившуюся. Но у нее шкура маленькая. Эти ярары не с ручкой, а с крестовиной посередине. На нерп охотились в апреле в Сенявинском проливе. Это называется „дурная охота“. Охотник сидит у лунки, а из нее выглядывает нерпа, он ее вытащил, следом другая лезет. Они любопытные и друг за другом выглядывают. Успевай только вытаскивать. Почему-то они такие глупые. Район обитания у них далеко от берега. Может, они не видят там людей, вот и лезут посмотреть. Ларги пугливые, их сложнее добыть. Они как леопард. В Анадыре их полно. Из ларги делали *ан'ъян'ыстак*[3]. Маленькие байдарки на 1 человека. Они бывают большие. Шкуры обезжиривают, высушивают, смоют ворс и натягивают на остов. Ларги много, и можно менять покрышки. Четыре вида байдарок. Есть на 5 человек. Делали лодку до 10 метров. Это байдарная команда до 10 человек. Раньше ходили на Аляску. Там были лодки до 30 человек, 18–20 метров длиной. На такую лодку уходило до 4–6 шкур моржа. Чаплинские считали, что только нижняя часть шкуры крепкая и пригодна для лодки. В Сиреники раскалывали и делали с обеих сторон шкуры. У нас в контейнере стоит байдара. Мы ее используем только в регате. Были три байдары. В пожаре сгорели две байдары. Сиреникovцы хотят возродить строительство байдар. Григорий в 1992 г. в Инахпаке две шкуры молодого моржа выделал. Обычно из шкур самок делают байдары. Шишкари — не старые моржи. Это самцы, которых бьют клыками, особенно самки, у них же клыки острые, и бьются они за места на лежбище. Самцы огромные, прут как танки, а самки бьют по-настоящему. Потом эти ранки рубцуются как шишки. Нас старики учили, им нравились *кымгыт* из шишкарей. Мы обычно делаем из тазовой части, где больше мяса. Закладываем печень моржа. Она прокисает и дает кислинку. Из печени много чего делали. Ежегодно в Инахпаке в большие стеклянные банки нарезают небольшие куски моржовой печени и ставят их в тепло. Саму печень употребляют с жиром. Витаминов море! Когда такого объешься, становится жарко. Были пацанами, нам солдатики давали витамины в банках. Горсть съешь, и становится так жарко, что в октябре в море купаешься и не холодно. Тот же эффект, когда поешь *кымгыт*. Тоже сильно согревает.

Моя жена выделывает желудки моржа ежегодно, штук 6–7 для своего ансамбля. Там есть ансамбль пацанов и отдельно девочек. Дети ходят на репетиции с большой охотой. Питерцы удивлялись, что молодежь ходит танцевать» [ПМА: Инф. 2].

«На морском промысле поддерживалось звероводство. Собачьих упряжек было много. На 1992 г., когда вели похозяйственные книги, почти каждая семья имела упряжку собак. Это от 6–8 до 12–16 собак у каждого охотника. У нас база морских охотников отдаленная, в 12 км от села. Весной и осенью добычу доставляли до базы, а оттуда на упряжках в село везли. Собаки — это самый надежный транспорт для охотников. Снегоход может провалиться в полынью, а собаки знают, где можно пробежать. В одну предвыборную кампанию добыли много моржей, и на базу поехало много упряжек. Я же поехала на снегоходе, чтобы провести голосование. Снегоход оказался на льдине, и мы, как на поплавке, были, а собаки мимо нас пробегают, как насмехаются над нами. Страшно было. С собаками все-таки надежнее. На сегодняшний день у нас нет ни одной упряжки. Не осталось каюров, которые могли бы возродить собаководство. Раньше Сергей Рентин заявлялся на участие в гонках. Кутылин Сергей тоже участвовал в районных гонках от Янракыннота до

[1] Мандарка — хорошо выделанная сыромятная замша белого или светло-коричневого цвета из кожи нерпы.

[2] *Ярар* (чук.) — бубен.

[3] *Ан'ъян'ыстак* (эск.) — маленькая лодочка или байдара.

Провидения. Три года назад у нас была последняя собачья упряжка. Распустил собак, потому что кормить было нечем. Хотя мог бы обратиться в общину. Они всегда дают на корм собакам. Для них специально заготавливали мясо.

Морские охотники уходят в отпуск в конце декабря до конца февраля. В это время кромка далеко, и приходится очень далеко ехать за добычей. В марте только начинает ломаться лед, и кромка приближается. А когда и в апреле начинается охота. Вот с апреля и пока лед не встанет, все идет промысел на морского зверя. А так можно ставить ловушки на нерп. Правда, 24 июля умер последний охотник, который мог ставить *купрэн*[1] на нерп зимой. Теперь кто так умеет, и не знаю. Детей у него не осталось. Хотя теоретически это не сложно. С папой ходила, и он мне показывал, как все делается. Только нужны все приспособления для ловли. Надо самим делать. У покойников нельзя брать их вещи. Если бы только он сам кому передал своевременно или его дети могли взять. Весной начинается охота на ластоногих. Летом их не добывают. Морж у нас проходящий, поэтому охотники летом переезжают на охотничью базу Инахпак, 30 км от села. И там ведут охоту на моржей. Добычу в село везут на машине.

Раньше на Сенявинском проливе были нормальные киты. Мог попасть один-два. В этом году киты сплошь с запахом. Приходится уходить далеко за китом. Крайнего кита брали, и горючего не хватило, чтобы довезти до села. Приходилось дозаправляться. За 50–60 км приходится идти за китом. Аж за Кивак приходилось идти, в ту сторону. Кита для нас сложно добыть, а этот год вообще. Не знаю, как будет в другие годы. Нам осталось взять 5 китов. Игорь Николаевич говорит, что они сейчас перейдут на летнюю базу Инахпак, у нас пока лари забиты мясом. Изначально у нас была квота на 7, потом — 6 голов кита. По просьбе провиденских коренных жителей мы попросили квоту побольше. Да вот пандемия вмешалась, нельзя лишний раз ездить в райцентр, еще машина сломалась, на которой можно мясо возить. Ну, хоть пассажирский транспорт ездит. Люди могут приезжать к нам. Вроде провиденцы хотят мясо морзверя, но так и не решился вопрос, куда это мясо можно было бы привозить для них. С машины не будешь продавать, погода не всегда это позволяет. Обычно на автобусе люди приезжают за мясом» [ПМА: Инф. 1].

«Насчет жилья самая лучшая картина в Чаплино. Рядом порт, дорогу подсыпают. Там все поменяли. В Нунлигране с ЧС, конечно, катастрофа. Калорифер ставят у батареи, чтобы не замерзла» [ПМА: Инф. 3].

4. Янракыннот

4.1. Общие сведения

Чукотское село Янракыннот расположено на невысоком холме у самого берега пролива Сенявина (название от чук. ‘отдельная твердая земля’, где янра- ‘отдельно’ + -кын- ‘твердая’ + -нот ‘земля’). Согласно сведениям администрации села, в нем в 2021 г. было зарегистрировано 295 жителей, из которых 260 — чукчи, 22 эскимоса, 12 русских. Фактически в селе проживают 241 чел.; работающих — 87 чел., неработающих — 58. Зарегистрированных предпринимателей нет. В селе 104 ребенка, 3 чел. старше 70 лет [ПМА 2021б]. Местные оленеводы сохранили единственное в Провиденском районе оленье стадо. Кроме оленеводства, в селе есть две морзверобойные бригады, которые ведут промысел китов, моржей и тюленей. Морзверобои Янракыннота добывают серых китов, а осенью, если позволяют погодные условия, выходят на промысел гренландского кита, вес которого достигает 60 и более тонн. В селе около 30 единиц техники, в том числе 15 снегоходов, 7 квадроциклов.

«По моим меркам село благоустроенное. Коттеджная застройка. Несколько домов из старой застройки, но у таких домов крыши затянуты сайдингом. Фактически все обеспечены жильем или приемлемыми условиями проживания. Если дом старый, то крыши отремонтированы. Для многих сел протекающие крыши — бич номер один. Есть школа, ФАП, основные службы размещены в административном здании: почта, соцработник, ЖКХ, библиотека, участковый. Есть баня, хлеб пекут, набор продуктов хороший, субсидированный. Набор продуктов даже лучше, чем в Нунлигране и Энмелене. Правда, в других поселках в продаже есть оленина, а здесь ее нет, хотя здесь оленеводческое хозяйство „Корат“. ФАП по размерам большой. Ни в одном селе Провиденского района такого не видели».

[1] *Купрэн* (чук.) — сеть, невод.

4.2. Социальные проблемы янракынноцев

«Бухгалтер ЖКХ говорила, что работает половина взрослого населения и содержит вторую половину. При этом есть рабочие места, но люди не хотят работать. У охотников картина ужасная. Громоздкая иерархия — кто кому подчиняется, в каком плане. В ТСО рефрижератор сломан, и некуда складывать добычу. Население мяса не берет, охотники не знают, куда реализовать свою продукцию. Привозят добычу в село, но население даже не спускается помогать добычу разделывать. В Нунлигране та же картина. Апалю приводил пример, как охотники в 2020 г. взяли кита, обратились к населению в оказании помощи в разделке туши. Стояли 4 человека в стороне и ждали, когда им отрежут куски мяса. По сравнению с Нунлиграном, где за мясом надо добираться до бухты Преображения, в Янракынноте добычу доставляют прямо к селу, и то люди не спускаются на берег, чтобы взять себе кусок мяса. Получается, что необходимость в добыче морского зверя для населения уже не актуальна. То же противостояние охотников и сельчан. Казалось бы, морская охота занимается обеспечением людей своей продукцией, и округ поддерживает этот вид деятельности, выделяя средства для сохранения жизнедеятельности коренного населения. А населению мясо не нужно. Параллельно существует вопрос задолженности населения за мясную продукцию. Хотя у ТСО есть списки льготников: малообеспеченные, пенсионеры, многодетные. И все равно люди не идут за мясом. Охотники даже готовы бесплатно раздавать мясо, но все равно оно не востребовано. Непонятная ситуация. Работать не хотят, мясо не берут, потому что не на что брать» [ПМА: Инф. 4].

«В нашем хозяйстве собраны олени со всего Провиденского района, валились хозяйства, а я собирал. Здесь и нунлигранские и сиреникoвские олени. Поголовье — 2 500. Пастухи нунлигранские — 5 человек, сиреникoвские пастухи ушли. Численный состав — 27 чел., оленеводов — 19 чел. Кто в отпуске, кто гуляет, водку пьет. В бригаде сейчас 5 мужчин и 2 женщины, из них 2 специалиста. Там 2 яранги, и третья здесь стоит. Женщины шьют меховую одежду, без нее зимой никак. Из техники у нас 2 вездехода, один нерабочий. 5 снегоходов: „Бураны“, „Ямаха“ и „Росомахи“. Для связи используем спутниковые телефоны. Сейчас связи нет, антенну сломали. Можно и мобильной связью пользоваться. На сопку поднялись и дозвонились. Периодически округ организует видеосвязь, обсуждаем насущные вопросы. Сейчас мы делаем только выбраковку. Нам не с чего делать забой, оленей мало. Оленеводы сидят на зарплате, в среднем получают 40 тыс. руб. Кто работает, те получают зарплату. Если он отработал в месяц 22 дня, он и получит за 22 дня. А кто пил и работал 5 дней, то за 5 дней и получит. В конце года из-за нехватки оленеводов получают еще и по остаточному принципу. Желающих работать в оленеводстве нет. Старики ушли. Самому старшему Пананита — 57 лет. Тевлягиргин — из потомственных оленеводов, но работать не хочет: то пьет, то гуляет. Из потомственных самые старые оленеводы — Айпин Саша, Панонита Дмитрий. Один болеет, другой в отпуске.

Людей нет, некому работать в оленеводстве. На зиму утекают, остается там 2 человека. Можно было бы увеличивать поголовье, но у нас обратный процесс. Как можно летом терять оленей?! На вопрос, куда делись олени, молчат. Не хотят работать. Всех устраивают копейки, которые они получают. А могли бы получать больше. Я всегда им напоминаю об их родителях, какими они были уважаемыми людьми. В селе ходили упакованными с полки оленевода[1]. А нынешние оленеводы больше на бичей похожи, и вечно они пьяные.

4.3. Традиционное хозяйство

Перспективы развития в районе хорошие. Пастбища свободные, когда-то на них выпасалось 25 тыс. оленей. Во всех районах Чукотки наблюдается такая же картина. На всех совещаниях одно и тоже: никто не хочет работать… В прошлые годы мне на ГСМ и запчасти давали 900 тыс. рублей. Что сегодня можно купить на эти деньги? В этом году дали 1 млн 700 тыс. руб. Купил 5 тонн бензина, 10 тонн солярки. На запчасти осталось 300 тыс. руб. Мне на запчасти большого вездехода не хватает. У меня 2 раза в год весенняя и осенняя корализации оленей. Средств на хозяйство выделяется под пого-

[1] Полка оленевода — спецотдел или спецполка в промышленном магазине с дефицитным, часто импортным товаром для оленеводов.

ловье оленей. Было бы с кем увеличивать поголовье! Февраль, март, апрель — мы сожгли 3 тонны бензина на поиски разбежавшихся оленей. Пурга началась, а в стаде 2 человека. Пурга за пургой. Нашли откол — пурга, опять поиски и т. д. Не знаю, как долго продержится оставшееся поголовье. У нас есть радиоошейники, 5 шт. весной выдали. По осени через кораль будем прогонять и повесим их. Да скорее оленеводам надо их одевать! Я ничего не слышал об эффективности этих ошейников. Надо пробовать. На ведущих оленей повесим. Диких оленей в районе нет. Все, кто бегает по территории, то бывшие домашние. Их гоняют волки, а оружие некому дать: один судимый, другой — агрессивный... Раньше же оленеводство было семейное, клановое. А сейчас сброд в бригадах. Костяк ушел со стариками. Деды палкой воспитывали» [ПМА: Инф. 5].

Жители негативно оценивают современные технологичные палатки, закупленные правительством округа для проживания оленеводов (так называемые нано-яранги): «У нас числится две бригады, два бригадира и две яранги, а фактически одна бригада работает. Их объединили. Там еще числится шатер, нано-яранга. Это ужас какой-то. Там только телефоны заряжают, теперь стоит бесхозная. Ею только летом пользоваться можно. Тем более — мы не привыкли буржуйками пользоваться. В пологе у нас *ораак/ээк*[1] стоит» [ПМА: Инф. 6].

«У нас в ТСО работает 15 человек, по штату должно быть 18 вместе с АУП. Охотников должно быть 12 человек, 2 звена. Сейчас работает 9 человек — вместе со мной. Текучка кадров, в основном из-за пьянки. Коллектив молодой, мой отец тоже охотник, наставник. В первом звене я звеньевой. Во втором звене нет звеньевого. Моторист, гарпунер, смотрящий. Как наберется команда, так выходит в море. У нас 5 лодок: 4 лодки рабочие, а одна не эксплуатируется. Население не берет мясо. Мы второй год практикуем раздачу мяса серого кита бесплатно. Люди не идут на разделку туши на берегу, им проще взять упакованное в конторе. Я запретил раздавать мясо населению из конторы. Даем только пенсионерам и сотрудникам общины. У нас рефрижератор не работает, компрессор сгорел в 2018 г., мясо в морозильные лари закладываем. Поэтому я ввел ограничения на выдачу населению. У нас база в 11 км отсюда, там охотдомики. Добычу в хорошую погоду подвозим к конторе. У нас рядом с конторой причал. Население плохо стало брать мясо.

Квота на 22 моржа в этом году, 5 китов. Начнем бить к осени, когда естественный холодильник заработает. Мы в прошлом году промысел закончили 27 декабря. Сейчас нет горючего, и складывать добычу пока некуда, рабочие лари все забиты моржовым мясом и китовым салом… Население ведет себя странно. Когда добыча не ведется, то ходят везде, жалуются. Когда привозим добычу, то население не выходит помогать разделывать добычу. В прошлом году я к населению обратился за помощью в разделке. Когда мясо давали за деньги, люди выходили на берег, помогали. А здесь никакой реакции. Ждут, когда мы нарежем мясо. Нас 8 человек, охотников, мы сутки кита тянули, а они стоят на берегу, ждут, когда им в руки вложат кусок мяса. Один-два могут еще наклониться для разделки.

Мы общаемся с чаплинскими охотниками, с лаврентьевскими — решаем вопросы. Насчет квот на морского зверя. Как-то несправедливо ее распределяют. На нас 22 моржа выделяют, у кого-то — 245 голов. И где справедливость? Они с продажи тонны клыков могут себе позволить обновить технику. У меня, если наберется 100 кг, и не знаешь, на какие услуги их кинуть. Я знаю, куда реализовать клык моржа. Если надо, то могу соседям помочь в этом деле. Мы только кита бесплатно населению раздаем. Мясо моржа — 100 за кг. Малоимущим — 5 кг бесплатно. У нас тоже за много лет долги по мясу от населения накопились.

Ледника у нас нет. У нас есть яма, но ее затопило. Раньше туда закидывали мясо на хранение. Рулеты сейчас не делаем, негде их хранить.

У меня наставник — отец. Был еще один, на прошлой неделе его похоронили. Отец был в свое время председателем ТСО. Потом надоело ему возиться с алкоголиками, ушел. До 2018 г. председателем ТСО был Кутылин.

До 1 кг сырца[2] стоит 8 тыс. руб., больше 2 кг — 12 тыс. руб. Это все носит рекомен-

[1] *Ораак*, *ээк* (чук.) — лампа.

[2] Сырец — необработанный клык моржа.

дательный характер. При обсуждении продаж определяется цена. В округе стараются купить за копейки. Нам выгоднее вывозить сырье за пределы округа. Моржа мало выделяют. Так бы развернулись. Рулеты будем делать. В этом году будем пробовать. Если бы квоту увеличили, то и мясо можно бесплатно населению раздавать. А расходы окупать на кости. У нас главная проблема — негде хранить продукцию морзверобойного промысла. Мы бы вели промысел регулярно, население бы получало бесплатную продукцию. Который год я пишу в департамент сельского хозяйства о необходимости выделения рефрижератора. У меня промысел не идет, потому что хранить продукцию негде. Никто не хочет работать. Мои работники себя позиционируют как кормильцы села. Ходят гордые, смотрят свысока. Я им говорю: „С небес спуститесь немного. Вам за ваше хобби еще и зарплату платят! Вас одели, обули, ружья дали и моторы“. Не понимают этого: „Если бы не мы, с голоду бы подохли все!“. Есть адекватные, но иногда их надо отряхивать. Забываются иногда. Раньше воспитывали жестко, отец рассказывал. Не дай бог веслом прилетело, не обижались. А мы теперь носимся с молодыми, как курица с яйцом» [ПМА: Инф. 7].

4.4. Социальные недуги

В селах существует давняя проблема с наличными деньгами. Всех перевели на карту «Мир», и чтобы обналичить деньги, приходится платить комиссию. Иногда из-за неустойчивого интернета в магазинах не работают терминалы, люди ничего не могут купить [ПМА: Инф. 8].

Жители постоянно поднимают вопрос алкоголизации, считают, что деревня спилась, но трудно что-либо изменить. Если в магазине не продают спиртное, то начинают торговать частники спиртом, самогоном, брагой. Это бедствие для села. «Люди ведут себя, как будто им кто-то все должен делать. 90 % населения так живут, с таким ощущением. Молодые девчонки пьют, рожают. Большинство из них одинокие мамаши. Рожают помногу, за детьми не смотрят, не видят их за рюмкой. Их лишают материнства. Двух девчонок точно знаю, по 2–3 детей. Детей спасает только приют при школе. Жалко их. В эту навигацию пришло 7 контейнеров, из них 2 — с алкоголем» [ПМА: Инф. 7].

«Сами жители спаивают своих же. Молодежь этим стала промышлять. И даже те, кто сами бросили пить. Трудно этот вопрос решить. Хороший пример — село Илирней Билибинского района. Там коренной житель Владимир стал главой администрации, он сам бывший алкоголик. Там запретили продажу алкогольной продукции, и расцвело самогоноварение. И он не смог с этим бороться. Нужны же заявления от самих жителей. Никто не станет писать на своих. Проблема еще в том, что здесь молодежи негде работать. Уезжают учиться и не возвращаются, потому что нет рабочих мест. В свое время это был крепкий совхоз, хорошая деревня. Один из вариантов для трудоустройства — увеличивать оленепоголовье. Здесь у всех есть собаки. Раньше были упряжки в каждой семье, сейчас нет, но собак держат по привычке» [ПМА: Инф. 5].

«Сложилось ощущение, что люди навеселе постоянно. Спиртное продают неограниченно в муниципальном магазине, 6 дней в неделю. Кроме этого, развита нелегальная торговля спиртным. Молодежь ничем не занята, фактически она выпала из жизни. На улице постоянно ходят пьяные люди, с утра до вечера. Это самая большая проблема для Янракыннота. Все деньги пропиваются. К 12 часам люди кучкуются у магазина, покупают вскладчину бутылку. И так — каждый день! Вчера видели список должников за услуги ЖКХ. Цифра астрономическая — 1,5 млн рублей! И вряд ли ее когда погасят. Притом, что социальные пособия, пенсию получают регулярно. День получки село празднует. Вокруг пенсионеров пасутся великовозрастные дети. Смертность выше, чем рождаемость. Это уже показатель деградации» [ПМА: Инф. 4].

4.5. Хранители традиций

Несмотря на все трудности современной сельской жизни, в Янракынноте есть знатоки традиционной культуры, мастерицы, хранители народных знаний. «Шить меня учили мама, бабушки. Сначала учили камуса выделывать, когда я маленькая была. Потом выделывала шкуры, ногами училась выделывать. Начинала шить *рэтэм*[1], штаны, чижи, рукавицы, торбаза. Сейчас в тундре шью, когда на работу езжу. Муж в селе по состоянию здоровья, поэтому в тундре бы-

[1] *Рэтэм* (чук.) — покрышка яранги из оленьей шкуры, традиционного жилища чукчей-оленеводов.

ваю наездами… Мы праздник уже не проводим. Когда родители умирали, то наказали все праздничное с ними сжечь. Это же их древние праздники. Сожгли древние отцовские, бабушкины кухлянки, чашки всякие. У меня одна чашка берестяная осталась. *Кухлянки* старые со всякими шкурками (обереги) были. *Кемлилют*[1] еще при маме были, а эти кухлянки, женские, из тонкой-тонкой шкуры. Сожгли старые вещи, мы в детстве еще носили. Переходили от старших к младшим, донашивали их. *Гыргочаӈ`эръын*[2] и мы носили, девочки. Вот их сожгли… Здесь чукотской одежды нет, она в бригаде в *майнах*[3] хранится. Здесь нет условий ее держать. У меня много заказов (в Москву), но шить могу только в тундре. Одну *кухлянку* могу сшить в три дня. Одежда всякая бывает. Могу шить *иръын*[4] с капюшоном или с воротником. Кому как нравится. У нас обычно с капюшоном предпочитают. С капюшоном намокнет и тяжелеет. А с воротником легче в обиходе. У меня лучше получается мужская одежда. Шапки только не умею шить, только учусь. Шапку надевают в пургу. Обычно шьют из камуса, полосками. Бывают шкурные. Настю Тнанаут учу шить. Она молодая, с прошлого года у нас работает. Показываю, как что делать. Говорю ей: „На следующий год сама будешь шить“. Я так же начинала. Если что не получалось, до упора делала, пока не получится. Мои дети в *керкерах*[5] были, в торбазах. Я им все шила. У нас из нерпичьей шкуры только мешок для мяса. Из нерпы одежду не умею шить» [ПМА: Инф. 9].

«Сырье закупила без проблем. Начинала шить сувениры: тапочки, мячики. Но времени не хватает на это дело. Оленьи шкуры можно заказать в бригаду, они привезут. Могу выделать песцовую шкуру. Есть нерпичьи шкуры, но выделывать не умею. В школе, на рукоделии нам учитель давала мандарку для вышивки. Только там ее видела. Учитель и объясняла, как мандарку делать. Но не все запомнила» [ПМА: Инф. 10].

«В позапрошлом году заготавливала зелень и не получилось. По поверьям, это к несчастью. Последний сын ушел в том году. Решила больше не заготавливать. Боялась повторения. В этом году решила заготовить зелень. Хочу показать внукам, что, несмотря ни на что, надо продолжать жить. Стала крутиться. Надо жить дальше. Пока люди питаются национальной пищей, морской промысел будет» [ПМА: Инф. 11].

5. Заключение

Чукотка была и остается особенным регионом в силу отдаленности, малодоступности и этнокультурной самобытности. Помимо общих закономерностей политического, экономического, социального и культурного развития современного государства и его северных территорий, в Чукотском автономном округе сохраняется ярко выраженная региональная специфика, которая проявляется во всех сферах жизни. Восприятие и оценку социокультурной ситуации, а по сути, собственной жизни сельчан Провиденского городского округа можно охарактеризовать несколькими тезисами.

Основными формами экономической деятельности в селах продолжают оставаться традиционные виды хозяйства: оленеводство и морской зверобойный промысел, собирательство и рыболовство. Вместе с тем часть традиционного хозяйственного уклада безвозвратно теряется: например, ездовое собаководство, пушная охота, ремесло по изготовлению нарт, упряжи и т. п.

Жители скептически относятся к современным приемам хозяйствования в традиционных видах деятельности (убыточность МУПов, ТСО, невостребованность промысловой продукции на местах, отсутствие рынков сбыта, непопулярность профессий оленевода и морзверобоя у молодежи). В частности морзверобои недооснащены современными техническими средствами: автотехникой, лодками, рефрижераторами, вакууматорами.

В селах наблюдается экономическая депрессия, следствием которой являются социальные проблемы. В селах они приобретают достаточно острые формы: это отток молодежи в районные центры и города,

[1] *Кемлилют* (чук.) — ритуальная верхняя одежда (*кухлянка*), покрашена ольхой, украшена вышитыми розетками.

[2] *Гыргочаӈ`эръын* (чук.) — верхняя одежда, сшитая из пыжика или летней шкуры оленя.

[3] *Майны* (от слова *магны*) (чук.) — имущество, оставленное, чтобы взять в удобное время, склад.

[4] *Иръын* (чук.) — *кухлянка*, пальто, верхняя одежда.

[5] *Керкер* (чук.) — женский комбинезон.

сокращение и старение поселков, пьянство и алкоголизм, социальное иждивенчество, безразличие к собственной судьбе и судьбе своего народа.

Сельские жители недовольны невозможностью получения элементарных качественных государственных социальных услуг — образования, медицины, организации культурного досуга, скудным ассортиментом завозимых продуктов питания.

Отметим, что многочисленные интервью, собранные у сельских жителей Провиденского городского округа, пронизаны тоской по советскому времени. При этом информанты весьма критичны в восприятии себя и односельчан применительно к современным реалиям; считают, что в существующих социальных проблемах виноваты, в первую очередь, сами жители.

Все опрошенные жители отмечали важность существования морского зверобойного промысла как основы современной жизни в селах. Представители старшего поколения надеются на развитие оленеводства и сопутствующих отраслей хозяйства. Языковая ситуация характеризуется практически полным вытеснением родных языков из употребления в семье и в быту.

Изложенные в статье оценки и суждения жителей необходимо учитывать представителями региональной власти при разработке долгосрочных программ развития муниципалитета и формировании проектов бюджета.

Полевые материалы авторов

ПМА: Инф. 1 — информант Л., житель с. Новое Чаплино.
ПМА: Инф. 2 — информант И., житель с. Новое Чаплино.
ПМА: Инф. 3 — информант В., житель п. Провидения.
ПМА: Инф. 4 — информант Н., житель г. Анадыря.
ПМА: Инф. 5 — информант С., житель п. Провидения.
ПМА: Инф. 6 — информант А., житель с. Янракыннот.
ПМА: Инф. 7 — информант И., житель с. Янракыннот.
ПМА: Инф. 8 — информант Я., житель с. Янракыннот.
ПМА: Инф. 9 — информант М., житель с. Янракыннот.
ПМА: Инф. 10 — информант О., житель с. Янракыннот.
ПМА: Инф. 11 — информант И. А., житель с. Янракыннот.
ПМА 2021а — Сведения о жителях села Новое Чаплино по состоянию на 01.08.2021 г.
ПМА 2021б — Сведения о жителях села Янракыннот по состоянию на 01.08.2021 г.

Author's Field Data

Informant 1: L., resident of Novoye Chaplino (Providensky Dist., Chukotka Autonomous Okrug). (In Russ.)
Informant 2: I., resident of Novoye Chaplino (Providensky Dist., Chukotka Autonomous Okrug). (In Russ.)
Informant 3: V., resident of Provideniya (Providensky Dist., Chukotka Autonomous Okrug). (In Russ.)
Informant 4: N., resident of Anadyr (Anadyrsky Dist., Chukotka Autonomous Okrug). (In Russ.)
Informant 5: S., resident of Provideniya (Providensky Dist., Chukotka Autonomous Okrug). (In Russ.)
Informant 6: A., resident of Yanrakynnot (Providensky Dist., Chukotka Autonomous Okrug). (In Russ.)
Informant 7: I., resident of Yanrakynnot (Providensky Dist., Chukotka Autonomous Okrug). (In Russ.)
Informant 8: Ya., resident of Yanrakynnot (Providensky Dist., Chukotka Autonomous Okrug). (In Russ.)
Informant 9: M., resident of Yanrakynnot (Providensky Dist., Chukotka Autonomous Okrug). (In Russ.)
Informant 10: O., resident of Yanrakynnot (Providensky Dist., Chukotka Autonomous Okrug). (In Russ.)
Informant 11: I. A., resident of Yanrakynnot (Providensky Dist., Chukotka Autonomous Okrug). (In Russ.)
Data on residents of Novoye Chaplino (Providensky Dist., Chukotka Autonomous Okrug) as of 1 August 2021 (In Russ.).
Data on residents of Yanrakynnot (Providensky Dist., Chukotka Autonomous Okrug) as of 1 August 2021 (In Russ.).

Литература

Афанасьева, Симченко 2006 — *Афанасьева Г. М., Симченко Ю. Б.* Энмеленские чукчи // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1981–1984 годы / под ред. З. П. Соколовой, Е. А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 69–104.

Афанасьева и др. 2006 — *Афанасьева Г. М., Калашников С. В., Симченко Ю. Б., Харитонов Е. И.* Нунлигранские чукчи // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1981–1984 годы / под ред. З. П. Соколовой, Е. А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 22–68.

Вахтин 1993 — *Вахтин Н. Б.* Коренное население Крайнего Севера Российской Федерации. СПб.; Париж: Изд-во Европейского Дома, 1993. 96 с.

Венстен 2018 — *Венстен Ш.* Чукотско-французско-англо-русский словарь. 2-е изд. Анадырь; СПб.: Лема, 2018. Т. 3. 734 с.

ВПН 2020 — Всероссийская перепись населения 2020. Т. 1: Численность и размещение населения. Таблица 5. Численность населения России, федеральных округов, субъектов РФ, городских округов, муниципальных районов, муниципальных округов, городских и сельских поселений, городских населенных пунктов, сельских населенных пунктов с населением 3000 человек и более [электронный ресурс] // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 10.02.2023).

Головнев, Данилова 2021 — *Головнев А. В., Данилова Е. Н.* Советская версия этноэкспертизы: докладные записки этнографов-североведов 1950–1990-х гг. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 1 (52). С. 132–143.

Гурвич 2006а — *Гурвич И. С.* Докладная записка в Главрыбвод // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1981–1984 годы / под ред. З. П. Соколовой, Е. А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 116–118.

Гурвич 2006б — *Гурвич И. С.* Некоторые вопросы экономического и культурного развития коренного населения Чукотского и Корякского автономного округов. 1980 г. // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1981–1984 годы / под ред. З. П. Соколовой, Е. А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 355–372.

Гурвич 1985 — *Гурвич И. С.* Некоторые черты современного этнического развития чукчей и коряков (изменения в этнической и социально-профессиональной структуре) // Этнокультурные процессы у народов Сибири и Севера / отв. ред. И. С. Гурвич. М.: Наука, 1985. С. 144–158.

Давыдов, Давыдова 2021 — *Давыдов В. Н., Давыдова Е. А.* Проекты развития инфраструктуры на Чукотке: использование ресурсов жителями национальных сел // Этнография. 2021. 1 (11). С. 25–49.

Депсельхоз 2023 — Депсельхоз: Оленеводы Чукотки работают на пределе возможностей [электронный ресурс] // ИА «Чукотка». 23.01.2023. URL: https://prochukotku.ru/news/selskoe_khozyaystvo/depselkhoz_olenevody_chukotki_rabotayut_na_predele_vozmozhnostey/ (дата обращения: 20.02.2023).

Итоги 2022 — Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года по Чукотскому автономному округу. Численность и размещение населения. Статистический сборник. Хабаровск: Хабаровскстат, 2022. 35 с.

Коломиец 2022 — *Коломиец О. П.* На дальних рубежах: современные реалии жизни чукотского села Мейныпильгыно // Журнал фронтирных исследований. 2022. Т. 7. № 4 (28). С. 76–90.

Коломиец О. П., Вуквукай Н. И. Социокультурная ситуация в селах Провиденского городского округа Чукотки глазами их жителей по полевым материалам 2021 г. // Oriental Studies. 2023. Т. 16. No 3. С. 584–601. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-584-601

Крупник, Членов 1979 — *Крупник И. И., Членов М. А.* Динамика этнолингвистической ситуации у азиатских эскимосов // Советская этнография. 1979. № 2. С. 19–29.

Лебедев 2006а — *Лебедев В. В.* Коренное население Тавайваамского сельского совета Чукотского автономного округа // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1981–1984 годы / под ред. З. П. Соколовой, Е. А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 139–148.

Лебедев 2006б — *Лебедев В. В.* Коренное население Энурминского сельского совета Чукотского района Чукотского автономного округа Магаданской области // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1981–1984 годы / под ред. З. П. Соколовой, Е. А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 205–2019.

Лебедев 2006в — *Лебедев В. В.* Некоторые вопросы современного состояния хозяйства, культуры и быта коренного населения Лоринского сельского совета Чукотского автономного округа // Этнологическая эксперти-

за: Народы Севера России. 1981–1984 годы / под ред. З. П. Соколовой, Е. А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 243–261.

Наши льды 2013 — Наши льды, снега и ветры. Народные и научные знания о ледовых ландшафтах и климате Восточной Чукотки / сост. Л. С. Богословская, И. И. Крупник. М.: Институт наследия, 2013. 360 с.

Нувано 2021 — *Нувано В. Н.* Традиционный хозяйственный цикл ваежских оленеводов: 1980-е – начало 2000-х гг. // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2021. Т. 8. № 2(30). С. 145–154.

Основные итоги 2012 — Основные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года (в 11 томах). Т. 11. Анадырь: Чукотстат, 2012. 81 с.

Основы 2007 — Основы морского зверобойного промысла: науч.-метод. пособ. / Л. Богословская, И. Слугин, И. Загребин, И. Крупник. М.: Институт Наследия, 2007. 480 с.

Опарин 2013 — *Опарин Д. А.* Поминальный обряд азиатских эскимосов и современное ритуальное пространство Нового Чаплина и Сиреников // Этнографическое обозрение. 2013. № 2. С. 53–69.

Пилясов 1992 — *Пилясов А. Н*. Динамика демографических процессов в Магаданской области и Чукотском автономном округе. Магадан: СВКНИИ; Облстатуправление, 1992. 95 с.

Прикладная этнология 2020 — Прикладная этнология Чукотки: народные знания, музеи, культурное наследие (к 125-летию поездки Н. Л. Гондатти на Чукотский полуостров в 1895 году) / под ред. О. П. Коломиец, И. И. Крупника. М.: PressPass, 2020. 468 с.

Север 2012 — Север и северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России / отв. ред. Н. И. Новикова, Д. А. Функ. М.: ИЭА РАН, 2012. 288 с.

Симченко, Лебедев 1985 — *Симченко Ю. Б., Лебедев В. В.* Смешанные браки у южных и восточных чукчей // Этнокультурные процессы у народов Сибири и Севера / отв. ред. И. С. Гурвич. М.: Наука, 1985. С. 158–175.

Чукотка 2009 — Чукотка в прошлом и настоящем. Серия «Наследие народов Российской Федерации». М.: НИИ Центр, 2009. 592 с.

Ященко 2016 — *Ященко О. Е.* «Смотри и учись»: молодые чукотские и эскимосские морские охотники сел Лорино и Сиреники 2010 г. // Лицом к морю. Памяти Людмилы Богословской / ред., сост. И. И. Крупник. М.: Тип. Август Борг, 2016. С. 191–213.

References

2010 Russian Census: Key Outcomes. In 11 vols. Vol. 11. Anadyr: Chukotstat, 2012. 81 p. (In Russ.)

2020 [2021] Russian Census in Chukotka Autonomous Okrug: Population Numbers and Inhabited Areas. Statistical digest. Khabarovsk: Khabarovskstat, 2022. 35 p. (In Russ,)

2020 [2021] Russian Census. Vol. 1: Population Numbers and Inhabited Areas. Table 5. Population numbers across Russia, federal districts, federal subjects, urban districts, etc. On: Federal State Statistics Service of Russia (Rosstat; website). Available at: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (accessed: 10 February 2023). (In Russ.)

Afanasyeva G. M., Kalashnikov S. V., Simchenko Yu. B., Kharitonov E. I. Nunligran Chukchis. In: Sokolova Z. P., Pivneva E. A. (eds.) Ethnological Expertise: Peoples of Russia's North, 1981–1984. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology (RAS), 2006. Pp. 22–68. (In Russ.)

Afanasyeva G. M., Simchenko Yu. B. Enmelen Chukchis. In: Sokolova Z. P., Pivneva E. A. (eds.) Ethnological Expertise: Peoples of Russia's North, 1981–1984. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology (RAS), 2006. Pp. 69–104. (In Russ.)

Agriculture and Food Department: Reindeer breeders of Chukotka work at their limits. On: Chukotka news agency. Posted on 23 January 2023. Available at: https://prochukotku.ru/news/selskoe_khozyaystvo/depselkhoz_olenevody_chukotki_rabotayut_na_predele_vozmozhnostey/ (accessed: 20 February 2023). (In Russ.)

Bogoslovskaya L. S., Krupnik I. I. (comps.) Our Ice, Snow and Winds: Folk and Scientific Knowledge on Ice Landscapes and Climate of East Chukotka. Moscow: Russian Heritage Institute, 2013. 360 p. (In Russ.)

Bogoslovskaya L., Slugin I., Zagrebin I., Krupnik I. Fundamentals of Sea Hunting: An Instructional Guide. Moscow: Russian Heritage Institute, 2007. 480 p. (In Russ.)

Davydov V. N., Davydova E. A. Infrastructure development projects in Chukotka: The use of resources by the dwellers of the national villages. *Etnografia*. 2021. No. 1 (11). Pp. 25–49. (In Russ.)

Golovnev A. V., Danilova E. N. Soviet version

of ethno-expertise: Reports of Northern ethnographers of 1950s–1990s. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii.* 2021. No. 1 (52). Pp. 132–143. (In Russ.)

Gurvich I. S. Glimpses of present-day ethnic development among the Chukchi and the Koryak: Changes in ethnic and socioprofessional structures. In: Gurvich I. S. (ed.) Ethnocultural Processes among Peoples of Siberia and Russia's North. Moscow: Nauka, 1985. Pp. 144–158. (In Russ.)

Gurvich I. S. Indigenous peoples of Chukotka and Koryak autonomous okrugs: Some issues of economic and cultural development (1980). In: Sokolova Z. P., Pivneva E. A. (eds.) Ethnological Expertise: Peoples of Russia's North, 1981–1984. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology (RAS), 2006. Pp. 355–372. (In Russ.)

Gurvich I. S. Reporting notice to Glavrybvod. In: Sokolova Z. P., Pivneva E. A. (eds.) Ethnological Expertise: Peoples of Russia's North, 1981–1984. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology (RAS), 2006. Pp. 116–118. (In Russ.)

Kolomiets O. P. On the far frontiers: The modern realities of life in the Chukchi village of Meynypilgyno. *Journal of Frontier Studies*. 2022. Vol. 7. No. 4 (28). Pp. 76–90. (In Russ.)

Kolomiets O. P., Krupnik I. I. (eds.) Applied Ethnology of Chukotka: Folk Knowledge, Museums, Cultural Heritage (Celebrating the 125th Anniversary of N. Gondatti's Travel to the Chukotka Peninsula [Undertaken in] 1895). Moscow: PressPass, 2020. 468 p. (In Russ.)

Kolomiets O. P., Vukvukai N. I. Sociocultural Situation in Villages of Providensky Urban Okrug (Chukotka) through the Eyes of Their Residents: Analyzing Field Materials of 2021. Part One. Oriental Studies. 2023; 16(3): 584–601. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-584-601. (In Russ.)

Krupnik I. I., Chlenov M. A. Siberian Yupiks: Ethnolinguistic dynamics. *Sovetskaya etnografiya*. 1979. No. 2. Pp. 19–29. (In Russ.)

Lebedev V. V. Indigenous population of Enurmino (Chukotka Autonomous Okrug, Magadan Oblast). In: Sokolova Z. P., Pivneva E. A. (eds.) Ethnological Expertise: Peoples of Russia's North, 1981–1984. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology (RAS), 2006. Pp. 205–219. (In Russ.)

Lebedev V. V. Indigenous population of Lorino (Chukotka Autonomous Okrug): Revisiting some issues of present-day economy, culture and household life. In: Sokolova Z. P., Pivneva E. A. (eds.) Ethnological Expertise: Peoples of Russia's North, 1981–1984. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology (RAS), 2006. Pp. 243–261. (In Russ.)

Lebedev V. V. Indigenous population of Tavayvaam (Chukotka Autonomous Okrug). In: Sokolova Z. P., Pivneva E. A. (eds.) Ethnological Expertise: Peoples of Russia's North, 1981–1984. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology (RAS), 2006. Pp. 139–148. (In Russ.)

Novikova N. I., Funk D. A. (eds.) North and Northerners: Present-Day [Life] Conditions of Peoples Inhabiting Russia's North, Siberia and Far East. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology (RAS), 2012. 288 p. (In Russ.)

Nuvano V. N. Traditional economic cycle of Vaegi reindeer herders: 1980s – beginning of 2000s. *Herald of Omsk University. Series 'Historical Studies'*. 2021. Vol. 8. No. 2 (30). Pp. 145–154. (In Russ.)

Oparin D. A. Commemoration of the dead among Asiatic Yupik and the contemporary ritual space of Novoye Chaplino and Sireniki. *Etnograficheskoe obozrenie (Ethnographic Review*). 2013. No. 2. Pp. 53–69. (In Russ.)

Pilyasov A. N. Magadan Oblast and Chukotka Autonomous Okrug: Demographic Dynamics. Magadan: Northeastern Institute for Comprehensive Research, Magadan Oblast Statistics Dept., 1992. 95 p. (In Russ.)

Simchenko Yu. B., Lebedev V. V. Interethnic marriages among the Southern and Eastern Chukchi. In: Gurvich I. S. (ed.) Ethnocultural Processes among Peoples of Siberia and Russia's North. Moscow: Nauka, 1985. Pp. 158–175. (In Russ.)

Tarunov A. M. (ed.) Chukotka in the Past and Present. Series 'Heritage of Russia's Peoples'. Moscow: Center Research Institute, 2009. 592 p. (In Russ.)

Vakhtin N. B. Indigenous Peoples of Russia's Far North. St. Petersburg, Paris: Evropeyskiy Dom, 1993. 96 p. (In Russ.)

Weinstein Ch. Chukchi-French-English-Russian Dictionary. 2nd ed. Anadyr, St. Petersburg: Lema, 2018. Vol. 3. 734 p. (In Chuk., Fr., Eng. and Russ.)

Yashchenko O. E. 'Watch to learn': Young Chukchi and Eskimo sea hunters from Lorino and Sireniki, 2010. In: Krupnik I. I. (comp., ed.) Facing the Sea: In Memoriam Lyudmila Bogoslovskaya. Moscow: Avgust Borg, 2016. Pp. 191–213. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 4, Pp. 903–913, 2023
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

УДК / UDC 81’42:316.472.45:004.738.5(510)
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-903-913

Дискурсивное пространство ведущих китайских «новых медиа»

Станислав Витальевич Мажинский[1, 2], *Ирина Геннадьевна Нагибина*[3, 4], *Юй Чжан*[5]

[1] Тюменский государственный университет (д. 6, ул. Володарского, 625003 Тюмень, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, доцент
[2] Сибирский федеральный университет (д. 79, пр. Свободный, 660041 Красноярск, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, доцент
0000-0002-3398-8559. E-mail: mazhinsky[at]yandex.ru

[3] Сибирский федеральный университет (д. 79, пр. Свободный, 660041 Красноярск, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой
[4] Хулунбуирский институт (д. 26, ул. Чэньцзисыхань чжунлу, 021008 Хулун-Буир, Китайская Народная Республика)
профессор
0000-0003-0696-5797. E-mail: irina_nagibina[at]mail.ru

[5] Сибирский федеральный университет (д. 79, пр. Свободный, 660041 Красноярск, Российская Федерация)
старший преподаватель
0000-0002-4202-2895. E-mail: yuzhang0829[at]foxmail.com

© КалмНЦ РАН, 2023
© Мажинский С. В., Нагибина И. Г., Чжан Юй, 2023

Аннотация. *Введение.* Активное развитие интернет-пространства в Китае способствовало появлению такого феномена, как «новые медиа». Новые медиа стали важной площадкой для реализации дискурсивных практик и появления новых особенностей дискурса. Специфика социальных платформ и интернет-пространства в Китае, а также комплексность языковых форм и жанров способствуют появлению специфических дискурсивных практик, которые являются предметом изучения как отечественных исследователей, так и зарубежных. *Целью* данного исследования является выявление посредством анализа китайских социальных платформ современного состояния новых медиа. На сегодняшний день китайское интернет-пространство используется не только для быстрого информационного обмена, но и для понимания общественного мнения по политическим, социальным, экономическим и традиционным культур-

ным повесткам. Изучение дискурсивных практик в рамках китайского интернет-пространства осуществляется исследователями преимущественно в рамках двух стратегий: жанрово-структурного потенциала (М. Халлидей и Р. Хасан) и структурных особенностей (Дж. Мартин). *Материалы и методы*. В рамках данной статьи авторами были использованы как общенаучные, так и лингвистические методы исследования, что позволило построить комплексную таблицу с анализом аудитории и контента «новых медиа» КНР. Более того, были приведены подробные описания функционирования каждой выбранной социальной платформы, что позволяет сформировать емкое представление о деятельности каждой социальной сети. Гендерный состав пользователей и их возраст позволят определить дискурсивные стратегии и популярные обсуждаемые тематики. Реализация в рамках «новых медиа» дискурсивных стратегий, а также появление новых дискурсивных практик требуют новых подходов и методов изучения.

Ключевые слова: китайские новые медиа, китайский дискурс, китайские социальные платформы, китайские блоги, Китай

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Исследование медиа-коммуникативного пространства современного Китая: специфика политического дискурса и социальных сетей» (№ 23-28-01172, https://rscf.ru/project/23-28-01172/).

Для цитирования: Мажинский С. В., Нагибина И. Г., Чжан Юй. Дискурсивное пространство ведущих китайских «новых медиа» // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 4. С. 903–913. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-903-913

Discursive Space of Leading Chinese ‘New Media’

Stanislav V. Mazhinskiy[1, 2], *Irina G. Nagibina*[3, 4], *Yu Zhang*[5]

[1] Tyumen State University (6, Volodarsky St., 625003 Tyumen, Russian Federation)
Cand Sc. (History), Associate Professor
[2] Siberian Federal University (79, Svobodny Ave., 660041 Krasnoyarsk, Russian Federation)
Associate Professor
0000-0002-3398-8559. E-mail: mazhinsky[at]yandex.ru

[3] Siberian Federal University (79, Svobodny Ave., 660041 Krasnoyarsk, Russian Federation)
Cand Sc. (Philology), Associate Professor, Head of Department
[4] Hulunbuir University (26, Genghis Khan Middle Rd., 021008 Hulunbuir, Hailar District, People’s Republic of China)
Professor
0000-0003-0696-5797. E-mail: irina_nagibina[at]mail.ru

[5] Siberian Federal University (79, Svobodny Ave., 660041 Krasnoyarsk, Russian Federation)
Senior Lecturer
0000-0002-4202-2895. E-mail: yuzhang0829[at]foxmail.com

© KalmSC RAS, 2023
© Mazhinskiy S. V., Nagibina I. G., Zhang Yu., 2023

Abstract. *Introduction*. The active development of China’s Internet space i has facilitated the shaping of such a phenomenon as ‘new media’ that become an important platform for discursive practices and new patterns of discourse. The specifics of social platforms and Internet space in China — coupled with complex linguistic forms and genres — yield original discursive practices currently investigated by both domestic and foreign researchers. *Goals*. The paper attempts an analysis of Chinese social platforms for up-to-date accounts of the new media. Nowadays, the Chinese Internet space is used not only for quick information exchange but also for understanding public opinions on political, social, economic, and cultural agendas. *Materials and methods*. The study of discursive practices within the Chinese Internet space is implemented herein mainly with the aid of two strategies, namely: Generic Structure Potential theory (by Halliday and Hassan); and that of system and structure (by Martin). The article employs both scientific and humanities (linguistic) research methods which

make it possible to compile a comprehensive analytical table on the audience and content of China's new media. Moreover, it provides some detailed descriptions of how each selected social platform works to form an in-depth understanding of their individual activities. *Results*. The identified gender and age structure is instrumental in delineating discursive strategies and popular discussion topics. The implementation of certain discursive strategies within the new media and the emergence of new discursive practices — require new approaches and methods of study. Further development of Internet space in China shall dramatically increase the role of the popular social platforms to be accompanied by even more diversified discursive patterns.

Keywords: Chinese new media, Chinese discourse, Chinese social platforms, Chinese blogs, China
Acknowledgements. The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 23-28-01172 'Research into the Media Communicative Space of Contemporary China: Specifics of Political Discourse and Social Networks' (https://rscf.ru/project/23-28-01172/).
For citation: Mazhinskiy S., Nagibina I., Zhang Yu. Discursive Space of Leading Chinese 'New Media'. *Oriental Studies*. 2023; 16(4): 903–913. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-903-913

1. Введение

Современный дискурс Китая связан с таким явлением, как «новые медиа». Китайские «новые медиа» (新媒体 синьмэйти) на сегодняшний день представляют собой активно развивающуюся среду интернет-пространства. Составляющая «новых медиа» достаточно велика и включает в себя огромное количество дискурсивных источников, например: форумы, блоги, сервисы мгновенных сообщений, сетевые журналы, сетевое радио, телевизионное вещание, СМС, а также одна из основных платформ для общения в КНР — WeChat, через которую осуществляется не только общение, но и оплата товаров и услуг. На сегодняшний день новые медиа играют активную роль в коммуникации современного Китая.

Целью данной статьи является рассмотрение современного состояния китайских «новых медиа» через анализ популярных социальных платформ и особенностей дискурсивных практик, реализуемых в рамках новых медиа.

2. Материалы и методы

Методологическая основа данного исследования состоит из общенаучных методов — индуктивного и дедуктивного, позволяющих обобщить теоретические данные, провести теоретический анализ состояния дискурсивного пространство «новых медиа». Метод лингвистического анализа позволил выявить жанровые специфики выбранных социальных платформ.

Проблематика появления и определения новых медиа как феномена XXI в. стала предметом изучения не только отечественных исследователей, но и зарубежных. Новые медиа приобрели качества масштабного феномена, которые проявлены во множестве форм социальных сетей, форумов, блоговых и микроблоговых платформ, интернет-СМИ, маркетплейсов, поисковых сервисов. Основной для возникновения этого феномена послужила технология web 2.0, обозначенная в 2005 г. Тимом О'Рейлли [O'Reilly 2009], которая позволила пользователю не только обращаться в сеть за необходимой информацией, но и самому быть создателем и оценщиком контента, активным участником коммуникации. Благодаря этой технологии в интернет-среде появились такие понятия, как social web и new media, которые показали эффективность и преимущества перед традиционными социальными связями и средствами массовой информации [Горошко 2013: 27–32].

В определении границ понятия «новые медиа» в современной науке существует два подхода. Первый подход направлен на выявление классификаций и типов всех явлений новых медиа в Интернете. Однако в связи с быстрыми технологическими изменениями классификации утрачивают актуальность, и возникает необходимость их постоянного обновления. Второй подход связан с поиском критериев и формированием системы четких признаков, с помощью которых можно определить новые

медиа. Среди критериев, соответствующих им, исследователи выделяют следующие: интернет как технологическая и коммуникативная среда для новых медиа, интерактивность, конвергенция, гипермедийность, доступность и мгновенность. На основе перечисленных критериев отечественный исследователь С. Г. Носовец сформулировала следующее определение новых медиа как высокотехнологичных интерактивных интернет-медиа, обладающих потенциалом гипермедийности и мобильного доступа к контенту [Носовец 2016: 45].

Кроме того, стоит отметить, что феномен новых медиа не ограничивается только интернет-средой. Коммуникация, начатая в рамках социальной платформы или блога, может быть продолжена в реальной жизни в виде собрания, митингов, знакомств, клубов по интересам и иной активности. Таким образом, инфраструктура электронного коммуникативного взаимодействия пользователей может сформировать инфраструктуру оффлайн-коммуникации. По этой причине регулирование конъюнктуры интернет-пространства является на сегодняшний день одной из важнейших задач многих стран мира.

3. Специфика «новых медиа» в китайском дискурсивном пространстве

В Китае блогосфера начала развиваться с 2002 г. одновременно с появлением в китайском языке слова «блог» (博客 bókè), введенного двумя китайскими учеными Фан Синдуном (方兴东) и Ван Цзюньсюем (王俊秀). В том же году появился сайт www.blogchina.com.

С 2002 г. китайское интернет-пространство активно развивает множество сервисов и социальных платформ, вовлекая большое количество пользователей. Спустя двадцать лет, в 2022 г., лидирующие позиции в китайской блогосфере занимают следующие платформы: WeChat (微信), Sina Weibo (新浪微博), TikTok (aka Douyin 抖音), Tencent QQ, Bilibili (哔哩哔哩), Douban (豆瓣), Zhihu (知乎), Kuaishou (快手), Xiaohongshu (小红书) [Portoles 2022; Kiely 2023].

Развитие социальных платформ обусловило и развитие дискурсивных практик и стратегий. На сегодняшний день дискурс в китайских «новых медиа» обладает следующими особенностями, большинство из которых пересекаются с ведущими российскими и мировыми платформами:

1) близость. В интернет-пространстве происходит сближение источника информации и потребителя. Осуществляется возможность давать обратную связь [Лю 2020: 47–50];

2) эффективность и высокая скорость распространения знаний и информации. Это позволяет информации проделать более короткий путь от источника к потребителю;

3) большое количество реализуемых дискурсивных стратегий. Это обеспечивается вовлеченностью в дискурс различных социальных групп, классов, профессиональных сообществ;

4) конфликтность между идеологическим медиа и само-медиа [Гао 2019: 63];

5) самобытность. Система «Золотого щита»[1], которая ограничила доступ ко внешним интернет-ресурсам, стала основой для уникального китайского современного дискурса и интернет-пространства КНР в целом;

6) отсутствие анонимности.

Китайские новые медиа представляют собой огромные комплексные массивы языковых форм и жанров, что обуславливает трудность их интерпретации. Для работы с дискурсом в киберпространстве китайские ученые используют системно-функциональный лингвистический метод для изучения жанровых проявлений. В рамках системно-функционального метода выделяют два подхода, представленные М. Халлидеем и Р. Хасан, а также и Дж. Р. Мартином. Р. Хасан выдвигает концепцию жанрового структурного потенциала, направленную на описание возможности определенного жанра в его смысловой структуре, а содержание включает определенный порядок и количественные показатели компонентов (цит. по: [Ли 2016: 47–48]).

С другой стороны, Дж. Р. Мартин говорил о сходных структурных особенностях, приводя в пример учебники или научные статьи, и предлагает использовать синоптическую структуру при анализе структу-

[1] Проект «Золотой щит» или «Великий китайский файрвол» (金盾工程 — цзиньдунь гунчэн) был запущен в 2003 г. и представляет собой систему интернет-фильтрации, блокирующую доступ к запрещенным иностранным сайтам.

ры жанра дискурса (цит. по: [Ли 2016: 48]). С помощью двух подходов можно рассматривать жанры дискурса, описывая системно-функциональную основу в медиапространстве.

При исследовании «новых медиа» через дискурсивный анализ можно изучать общественное мнение. Данное направление в рамках глобализационных процессов и управления государством является достаточно востребованным в современных исследованиях, а поле киберпространства является самым доступным. Несмотря на то, что в современном мире уже существуют автоматизированные средства по сбору информации из соцсетей, что позволяет выявлять основные направления общественного мнения, анализ дискурса также является важным методом интерпретации и выявления конкретных общественных настроений. Среди важных аспектов в данном подходе выделяют следующие:

1) различие вопросов и жанров;

2) события, акцентирующие общественное внимание, и паттерны повествования;

3) визуализация и источники данных;

4) анализ характеристик идентичности субъектов речи;

5) оценочный анализ различных дискурсов;

6) выбор языкового корпуса и его временная актуальность [Ли 2016: 50–54].

В рамках дискурса китайских новых медиа важной точкой изучения является концепт лица как важной культурной составляющей китайского общества. Лицо как важная психокультурная особенность китайского социума является широким и разноплановым термином. Актуальным направлением среди китайских исследователей является рассмотрение стратегий сохранения лица и сохранения репутации в дискурсах новых медиа на примере сервисов микроблогов, где осуществляется коммуникация между пользователями и компаниями. В рамках данных работ рассматриваются стратегии и тактики создания положительных коммуникативных взаимодействий, направленных на сохранение лица как компании, так и аудитории [Ли, У 2016: 97].

Концепт лица традиционно воплощается в живом общении. В эпоху «новых медиа» Китая, где отсутствует анонимность участников дискурса, концепт лица перенесен в поле киберпространства.

Важным процессом в китайских «новых медиа» является вхождение традиционных медиа в новую киберсреду и их адаптация в новых условиях. Ярким примером является газета «Жэньминь жибао», играющая роль рупора политической повестки и идеологической риторики. Вхождение газеты в киберпространство обусловило появление быстрой обратной связи со стороны читателей, которой не было до информационных платформ. Комментарии к событиям, освещенным в газете, стали отдельным жанром дискурса, который вызвал большой интерес у исследователей ведущих китайских вузов Пекина, Шанхая, Гуанчжоу. На сегодняшний день остается актуальным вопрос об изменениях подачи новостей, которые произошли под влиянием киберпространства, а вместе с этим и об изменениях характера комментариев к ним [Чэнь 2019].

Как видно из приведенных выше некоторых особенностей современных китайских новых медиа, пространство и процесс коммуникации имеют страновые особенности и динамику.

Силовой линией китайских новых медиа является пространство социальных медиа и блоговых платформ. Именно в этом пространстве происходит возникновение новых языковых форм, формирование новых дискурсивных стратегий и тактик.

4. Комплексный анализ популярных китайских социальных платформ

Исследование китайских социальных платформ позволяет сформировать понимание их особенностей развития и функционирования. Анализ социальных платформ демонстрирует особенности, которые связаны не только с контентом, но и с гендерными и географическими особенностями пользователей. В сравнительной Таблице 1 представлены основные характеристики популярных китайских «новых медиа», включая составляющие контента.

Таблица 1. Анализ аудитории и контента «новых медиа» КНР
[*Table 1*. Audience and content analysis of China's 'new media']

Социальная платформа / **Описание**	**MAU**[1]	**Гендерный состав пользователей**		**Особенности контента**	**География пользователей**	**Возрастной состав**
微信 WeChat (Вэйсинь)	1,31 млрд	Муж. 53 %	Жен. 47 %	Текст, фотографии, видео	Города прямого подчинения, первой и второй линий[2]	Наиболее широкий возрастной охват — от 10 до 70 лет
Масс-медийный контент на данной платформе бывает как в формате теста с разными вставками (гиперссылки, картинки, длинные и короткие видео), так и в формате видео (короткие видео и видеотрансляция). Тексты выкладываются через подписной аккаунт (微信订阅号 вэйсинь динюэхао) или сервисный аккаунт (微信服务号 вэйсинь фувухао) (корпоративные сервисы для компаний). Первый представляет собой подписку на канал или публичную страничку человека / группы. Пост через данные сервисы публикуется 1 раз в день и представляет собой блок новостей, максимально состоящий из 8 модулей. Второй — подтвержденный верифицированный корпоративный аккаунт для разных организаций. Посты через данный сервис публикуются 4 раза в месяц и несут коммерческий характер. Видео транслируется аудитории через сервис видеороликов Вэйсинь (微信视频号 вэйсинь шипиньхао). Тематика видео и текстового контента достаточно широкая, включающая новости, бизнес, образ жизни, музыка, искусство, мода, автомобили, досуг и т. д.						
QQ	569 млн	муж. 57 %	жен. 43 %	текст, документы, видео	города первой и второй линий	поколение 1990-х гг.
Данная платформа, как и WeChat, является продуктом, разработанным компанией Tencent. Функционал данного сервиса такой же, как и у WeChat. Однако, в отличие от WeChat, QQ имеет более расширенные опции в функциях чата, например встроенное облачное пространство, позволяющее загружать документы большого объема, совместная редакция документов в режиме реального времени и т. д. В связи с этим пользователи данной платформы представляют собой более молодое поколение, которое активно использует данные функции. В качестве медийной платформы QQ также имеет дополнительные встроенные сервисы, позволяющие читать текстовые посты и смотреть видеоблоги. Однако, в отличие от WeChat, данные функции не имеют четкой структуры, невозможно подписаться на автора поста или видеоблога. Информация подается пользователям в случайном виде на основе истории просмотров, лайков и последних горячих тем. Учитывая также особенности аудитории, контент в больших случаях молодежный, тематика вращается вокруг компьютерных игр, сериалов, фильмов, музыки, развлечения, путешествия, работы и т. д. На более серьезные темы, такие как политика, медицина, контент представляется реже. Кроме этого, в отличие от WeChat, пользователи QQ предпочитают скрывать свою идентичность и данные о себе в описании анкеты пользователя, что затрудняет использование данной платформы компаниями в качестве корпоративной системы или для продвижения. Актуальные верифицированные данные о пользователе хранятся в базе данных сервиса обслуживающей компании и могут использоваться в качестве доказательств в судебных и следственных процессах.						
微博 Вэйбо	584 млн	муж. 55 %	жен. 45 %	текст, видео, фото	города первой линии	поколение 1990-х гг.

[1] MAU (Monthly Active Users) — количество уникальных пользователей в приложении или в онлайн-сервисе за месяц без учета повторных сессий.

[2] Стратегия линий китайских городов основана на рейтинге экономической активности и привлекательности городов. Первую линию составляют 19 городов, во вторую линию включают 30 городов. На сегодняшний день в Китае насчитывается пять линий, которые включают 337 городов.

<table>
<tr><td colspan="7">Данная платформа представляет собой комбинированный аналог Twitter и Facebook. Контент на данной платформе представляет собой краткие сообщения в режиме реального времени, выделяющиеся хэштэгами и сопровождающиеся картинками и видео. Чаще всего выполняют функцию информирования: анонсы о мероприятиях, официальные извещения от органов власти о последних событиях, информация об изменении или обновлении программ мероприятий и т. д. Наблюдается четкое разделение пользователей: государственные аккаунты (органы власти, административные органы), компании и организации (новостные, производственные, обслуживающие и т. д.), знаменитости и лидеры мнений (звезды, актеры, профессора, музыканты, художники, каллиграфы, бизнесмены и т. д.; политики отсутствуют, за исключением представителей пресс-служб). Также особенностью данной платформы являются так называемые «горячие темы» (热搜 жэсоу), которые представляют собой наиболее горячие и популярные темы на текущий момент. Этими темами выступают события, как положительные, так и негативные.</td></tr>
<tr><td rowspan="2">抖音 TikTok (Доуинь)</td><td rowspan="2">706 млн</td><td>муж.</td><td>жен.</td><td rowspan="2">видео</td><td rowspan="2">города новой первой линий и города 3, 4, 5 линий</td><td rowspan="2">поколения 1970–1990-х гг.</td></tr>
<tr><td>42 %</td><td>58 %</td></tr>
<tr><td colspan="7">Представляет собой платформу коротких видео и видеотрансляций. Контент коротких видео охватывает все сферы жизнедеятельности, включая работу, образование, досуг, развлечения, образ жизни, туризм, музыку, кинообзоры, кулинарию и др. В связи с цензурными ограничениями к контенту предъявлены жесткие и строгие требования. Платформа адаптирована под разных пользователей, в связи с чем имеет как информативный характер, так и коммерческий. Особое внимание уделяется коммерции, в связи с чем в видео пользователей с большим количеством подписчиков часто наблюдается большое количество рекламы, или же блогеры направляют аудиторию в зал трансляции, где проходят вводные лекции, онлайн-аукционы, онлайн-туры с продажей билетов и др. Кроме этого, многие компании и брэнды используют данную платформу для повышения своей знаменитости путем создания популярного видеоконтента.</td></tr>
<tr><td rowspan="2">快手 Куайшоу</td><td rowspan="2">626 млн</td><td>муж.</td><td>жен.</td><td rowspan="2">видео</td><td rowspan="2">города новой первой линий и города 3, 4, 5 линий</td><td rowspan="2">поколения 1970–1990-х гг.</td></tr>
<tr><td>59 %</td><td>41 %</td></tr>
<tr><td colspan="7">Конкурент Тик-тока на китайском рынке. Также представляет собой платформу коротких видео и видеотрансляций. Контент также покрывает все сферы деятельности. В отличие от Тик-Тока данная платформа специализирована на коммерции, в связи с чем большинство контента, независимо от его характера, направлены на продажу услуги или продукта.</td></tr>
<tr><td rowspan="2">哔哩哔哩 Билибили</td><td rowspan="2">333 млн</td><td>муж.</td><td>жен.</td><td rowspan="2">видео, текст</td><td rowspan="2">города 1 и 2 линии</td><td rowspan="2">поколения 1990–2000-х гг.</td></tr>
<tr><td>61 %</td><td>39 %</td></tr>
<tr><td colspan="7">Платформа представляет собой аналог Youtube на китайском рынке. Контент в основном несет развлекательный и образовательный характер. Информация передается также посредством видео или видеотрансляции. Тематика контента в основном включает в себя видеообзоры на продукцию разного вида, кулинарию, образа жизни, короткие видео обучения и онлайн-лекции профессоров и лекторов вузов, прямые игровые трансляции и др. Также имеется сервис для текстовых информаций, но в сравнении с видеоконтентом текстовые посты занимают меньшую часть.</td></tr>
<tr><td rowspan="2">小红书 Сяохуншу</td><td rowspan="2">200 млн</td><td>муж.</td><td>жен.</td><td rowspan="2">видео, текст</td><td rowspan="2">города 1 и 2 линии</td><td rowspan="2">поколения 1990–2000-х гг.</td></tr>
<tr><td>30 %</td><td>70 %</td></tr>
<tr><td colspan="7">Данная платформа представляет собой социальную информативную сеть, с помощью которой пользователи делятся моментами из своей жизни. Так как большая часть пользователей молодые девушки, основной контент на данной платформе связан с образом жизни, кулинарией, модой, косметикой и средствами ухода. Контент выкладывается в виде коротких видео, видео-трансляций или текстовых постов с картинками.</td></tr>
</table>

知乎 Чжиху	97 млн	муж. 56 %	жен. 44 %	текст	города 1 и 2 линии	поколение 1990-х гг.
Платформа специализирована для обсуждения в формате вопрос-ответ и представляет собой социальное медийное пространство, где специалисты из разных сфер делятся своим опытом и приобретенными навыками. Существуют также текстовые обзорные посты на конкретные услуги (медицинские, образовательные и т. д.) или продукты (техника, девайсы, инструменты для специальной деятельности и т. д.). Посты и темы обсуждения в основном несут образовательно-обучающий характер. Возможен видеоконтент, однако по сравнению с текстовым видеоконтент пользуется меньшим спросом.						
大众点评 Дачжун дяньпин	165 млн	муж. 35 %	жен. 65 %	текст, фото	города 1 и 2 линии	поколение 1980-х и 1990-х гг.
Данная платформа представляет собой информационный сервис, в котором пользователи оставляют комментарии о разных заведениях, в том числе об общепите, досуге, проживании и др. Комментарии бывают короткими, также бывают в формате постов и представляют собой обзорный формат, написанный с более профессиональной позиции специалистами сфер обслуживания. В связи с этим пользователи данной платформы разделяются в основном на две группы: простые пользователи и профессиональные критики.						
百度贴吧 Байду теба	37 млн	муж. 60 %	жен. 40 %	текст, видео	города 1, 2 и 3 линий	поколение 1970–1990-х гг.
Данная платформа представляет собой крупный информативный социальный онлайн-форум. На данной платформе существуют различные секции, созданные пользователями. Секции могут быть связаны со всем, что угодно: это могут быть секции, связанные с организациями и компаниями, вузами; секции по книгам, сериалам, фильмам; секции, связанные с определенными знаменитостями и т. д. Контент также может быть в формате текстовых постов, обсуждений, а также видео разной длительности.						

Источник: таблица составлена на основе следующих источников [Цянгуа 2022; Билибили 2022; Вэйбо 2021; Вэйсинь 2022; Доуинь 2023; Доуинь vs Куайшоу 2021; Дачжун дяньпин 2021; Чжиху 2019; Шэцзяо 2020; Вэй Инин 2021].

Как видно из приведенной таблицы, среднее число пользователей современных китайских социальных сетей, а соответственно участников дискурса, ежемесячно составляет около 463 млн пользователей. Такое количество пользователей обеспечивает активную дискурсивную динамику в китайском интернет-пространстве. Более того, как видно из географии пользователей, большинство из них проживают в городах первой либо второй линии. Данная особенность является причиной того, что на береговой линии Китая — в восьми прибрежных провинциях и трех муниципалитетах (Пекин, Шанхай, Тяньцзинь) — в 2021 г. проживало 993,37 млн человек при населении 1 млрд 411 млн человек [Мажинский 2023: 134], что составляло 70 % от всего населения КНР.

Видеоконтент на сегодняшний день является самым популярным из визуальных способов донесения информации как в большинстве китайских социальных платформ, так и во всемирно известных: Telegram, Youtube, Facebook и др. Очевидно, что из-за доступности, легкости его понимания и визуальных компонентов, которые формируют большое число пользователей, видеоконтент является главным каналом донесения информации в китайских социальных платформах.

5. Заключение

В китайские «новые медиа» на сегодняшний день вовлечено огромное количество пользователей. Разная направленность основных китайских «новых медиа»

обуславливает специфическое содержание контента, а следовательно, и особенности реализаций дискурсивных стратегий и практик. Развитие каждой социальной сети будет способствовать появлению новых характеристик и форм дискурса, которые потребуют дальнейших исследовательских усилий.

В связи с большой емкостью китайских новых медиа можно наблюдать разнообразие жанрового потенциала. Внутри новых медиа формируются массивные дискурсивные структуры, которые могут быть подвергнуты дискурсивному анализу в контексте представленных медиафактов и медиаобразов. Из-за комплексности в китайских социальных платформах формируются новые дискурсивные практики, которые требуют новых методов их изучения и оценки.

Спецификой китайских дискурсивных практик является то, что в них реализуются традиционные культурные нормы и контексты.

Развитие китайских социальных платформ будет обуславливать развитие специфики китайского дискурса. Дальнейшие исследования китайских новых медиа позволят сформировать комплексное понимание дискурсивных практик в рамках китайской языковой среды.

Литература

Билибили 2022 — Билибили юнху хуасян фэнси_Вчжань юнху шуцзю фэнси цзуисинь (Bilibili 用户画像分析_B站用户数据分析最新) (= Анализ пользовательского портрета Bilibili_Последний анализ пользовательских данных Bilibili) [электронный ресурс] // Bilibili.com. 8.09.2022. URL: https://www.bilibili.com/read/cv18496411/ (дата обращения: 30.05.2023).

Вэй Инин 2021 — Вэй Инин (魏一宁). Юнъю 6 и юнху дэ QQ, сян лючжу 00 хоу (拥有6亿用户的QQ，想留住00后) (= QQ с 600 млн пользователей хочет сохранить поколение пользователей 2000-х гг.) [электронный ресурс] // SinaFinance. 27 ноября 2021. URL: https://finance.sina.com.cn/tech/2021-11-27/doc-ikyamrmy5364435.shtml (дата обращения: 30.05.2023)

Вэйбо 2021 — Вэйбаогао (微报告) (= Отчет платформы Вэйбо) [электронный ресурс] // Data Weibo.com. 2021. URL: https://data.weibo.com/report/report (дата обращения: 30.05.2023).

Вэйсинь 2022 — Вэйсинь (WeChat) 2022 тунцзи шуцзюй цзыляо (微信(WeChat)2022統計數據資料) (= Материалы статистики WeChat за 2022 год) [электронный ресурс] // ImBee.com. Oktober 16, 2022. URL: https://www.imbee.io/resource/wechat-statistics-2022-tc (дата обращения: 30.05.2023).

Гао 2019 — *Гао Чжунцзянь* (高中建). Чжулю иши синтай дэ цзымэйти яньцзю (主流意识形态的自媒体话语研究) (= Исследование дискурса мейнстримной идеологии самомедиа). Хэнань шэкэ вэньчжай (河南社科文摘) (= Рефераты по социальным наукам провинции Хэнань), 2019. № 5. С. 62–65.

Горошко 2013 — *Горошко Е. И.* Возникновение лингвистики новых медиа и перспективы развития этого направления // Гипертекст как объект лингвистического исследования: матлы III междунар. науч.-практ. конф. (г. Самара, 20 июня 2013 г.) / отв. ред. С. А. Стройков. Самара: ПГСГА, 2013. С. 27–41.

Дачжун дяньпин 2021 — Фасянь пиньчжи шэньхо: дачжун дяньпин чаньпинь фэнси баогао (发现品质生活：大众点评产品分析报告) (= Появление качественной деятельности: отчет об анализе продукта Дачжун дяньпин) [электронный ресурс] // woshipm.com. 18.06.2021. URL: https://www.woshipm.com/evaluating/4686633.html (дата обращения: 30.05.2023).

Доуинь 2023 — Доуинь юнху фэнси баогао (抖音用户分析报告) (= Отчет об анализе пользователей Доуинь) [электронный ресурс] // Top10bit.com. URL: https://www.top10bit.com/douyin-user-analysis-report-2023/ (дата обращения: 30.05.2023).

Доуинь vs Куайшоу 2021 — Доуинь VS Куайшоу, цзай юнху тиян шан ю шэнмэ цубе? (抖音VS快手，在用户体验上有什么区别？) (= Douyin VS Kuaishou, в чем разница пользовательского опыта?) [электронный ресурс] // woshipm.com. 18.05.2021. URL: https://www.woshipm.com/evaluating/4476532.html (дата обращения: 30.05.2023).

Ли 2016 — *Ли Чжаньцзы* (李战子). Хуаюй фэнси юй синь мейти яньцзю (话语分析与新媒体研究) (= Анализ дискурса и исследования новых медиа). Дандай сюцысюэ (当代修辞学) (Современная риторика). 2016. № 4 (196). С. 46–55.

Ли, У 2016 — *Ли Чаоюань* (**李朝渊**), *У Дунъин* (**吴东英**). Синьмэйти хуаюй чжун дэ мянь-

цзы цэлюэ: и цие вэйбо вэйли (新媒体话语中的面子策略：以企业微博为例) (= Стратегия лица в дискурсе новых медиа: на примере корпоративного Вэйбо) // Инъюн яньцзю (应用研究) (= Прикладные исследования). 2016. Т. 2. С. 93–104.

Лю 2020 — *Лю Цзяньчжэнь* (刘建桢). Синьмэйти юйцзинься кэпу хуаюй циньхэли цзяньгоу яньцзю (新媒体语境下科普话语亲和力建构研究) (= Конструирование интимизации научно-популярного дискурса в контексте новых медиа). Кэпу яньцзю (科普研究) (= Научно-популярные исследования). 2020. № 4 (87). С. 47–54.

Мажинский 2023 — *Мажинский С. В.* «Линия Ху Хуаньюна» и проблема диспропорции территориального развития Китая // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2023. № 2. С. 131–141.

Носовец 2016 — *Носовец С. Г.* Новые медиа: к определению понятия // Коммуникативные исследования. 2016. № 4 (10). С. 39–47.

Цяньгуа 2022 — 2022 нянь цяньгуа хоюэ юнху хуасян цуши баогао (сяохуншу пинтай) (2022年千瓜活跃用户画像趋势报告（小红书平台)) (= Отчет портала Цяньгуа о тенденциях пользовательских портретов активных пользователей в 2022 г. (платформа Сяохуншу) [электронный ресурс] // Qiangua Data. 23.03.2022. URL: https://www.cbndata.com/report/2891/detail?isReading=report&page=1 (дата обращения: 30.05.2023).

Чжиху 2019 — Чжиху юнху шуцзюй фэнси баогао (知乎用户数据分析报告) (= Отчет об анализе пользовательских данных Чжиху) [электронный ресурс] // zhihu. com. August 2019. URL: https://zhuanlan.zhihu.com/p/79521617 (дата обращения: 30.05.2023).

Чэнь 2019 — *Чэнь Юйцянь* (陈禹潜). Жэньминь жибао синьмэйти синьвэнь пинлунь хуаюй фэнси — и вэйсинь динъюэ хао вэй ли (人民日报新媒体新闻评论话语分析 — 以微信订阅号为例) (= Дискурсивный анализ комментариев новостей новых медиа Жэньмин жибао — на примере учетных записей подписки WeChat). 新闻战线 (Синьвэнь чжаньсянь) (= Передовые известия). 2019. № 23. С. 66–69.

Шэцзяо 2020 — Шэцзяо чаньпинь юнху люши фэнси: байду теба вэйхэ люши юнху (社交产品用户流失分析：百度贴吧为何流失用户) (= Анализ оттока пользователей в социальных продуктах: почему Baidu Tieba теряет пользователей) [электронный ресурс] // woshipm.com. 06.11.2020. URL: https://www.woshipm.com/operate/4245799.html (дата обращения: 30.05.2023).

Kiely 2023 — *Kiely T. J.* The 8 Top Chinese Social Media Apps, Sites & Platforms 2023 [электронный ресурс] // Meltwater. March 27, 2023. URL: https://www.meltwater.com/en/blog/top-chinese-social-media-apps-sites (дата обращения: 30.05.2023).

O'Reilly 2009 — *O'Reilly T.* What is Web 2.0. Sebastopol: O'Reilley Media Inc., 2009. 12 p.

Portoles 2022 — *Portoles S.* Top 12 Chinese Social Media and Blog Platforms [электронный ресурс] // Sapore di Cina. Ferbruary 21, 2022. URL: https://www.saporedicina.com/english/chinese-social-media/ (дата обращения: 30.05.2023).

References

2022 Qiangua (XiaoHongshu) Active User Portrait Trend Report. On: CBNData. Posted on 23 March 2022. Available at: https://www.cbndata.com/report/2891/detail?isReading=report&page=1 (accessed: 30 May 2023). (In Chin.)

Analysis of User Loss of Social Products: Why Baidu Tieba Loses Users. On: woshipm.com. Posted on 6 November 2020. Available at: https://www.woshipm.com/operate/4245799.html (accessed: 30 May 2023). (In Chin.)

Bilibili User Portrait Analysis: Latest User Data Analysis Report. On: Bilibili.com. Posted on 8 September 2022. Available at: https://www.bilibili.com/read/cv18496411/ (accessed: 30 May 2023). (In Chin.)

Chén Yǔqián. Discourse analysis of news comments in the People's Daily new media: WeChat subscription account. *Xīnwén zhànxiàn (The Press)*.2019. No. 23. Pp. 66–69. (In Chin.)

Discovering Quality of Life: Dianping Product Analysis Report. On: woshipm.com. Posted on 18 June 2021. Available at: https://www.woshipm.com/evaluating/4686633.html (accessed: 30 May 2023). (In Chin.)

Douyin User Analysis Report [2023]. On: Top10bit.com. Available at: https://www.top10bit.com/douyin-user-analysis-report-2023/ (accessed: 30 May 2023). (In Chin.)

Douyin VS Kuaishou: What is the difference in user experience? On: woshipm.com. Posted on 18 May 2021. Available at: https://www.woshipm.

com/evaluating/4476532.html (accessed: 30 May 2023). (In Chin.)

Gāo Zhōngjiàn. Self-media: A study in the discourse of mainstream ideologies. *Hénán shè kē wénzhāi (Henan Social Science Digest)*. 2019. No. 5. Pp. 62–65. (In Chin.)

Goroshko E. Linguistics of new media: Emergence and development prospects. In: Stroykov S. A. (ed.) Hypertext as the Subject of Linguistic Research. Conference proceedings (Samara, 20 June 2013). Samara: Samara State Academy of Social Science and Humanities, 2013. Pp. 27–41. (In Russ.)

Kiely T. J. The 8 top Chinese social media apps, sites & platforms 2023. On: Meltwater. Posted on 27 March 2023. Available at: https://www.meltwater.com/en/blog/top-chinese-social-media-apps-sites (accessed: 30 May 2023). (In Eng.)

Lǐ Cháoyuān, Wú Dōngyīng. Face strategy in new media discourse: A corporate Weibo account. *Yìngyòng yánjiū (Applied Research)*. 2016. Vol. 2. Pp. 93–104. (In Chin.)

Lǐ Zhànzi. New media: Discourse analysis and research. *Dāngdài xiūcí xué (Contemporary Rhetoric)*. 2016. No. 4 (196). Pp. 46–55. (In Chin.)

Liú Jiànzhēn. Constructing popular science-like discourse in new media contexts. *Kēpǔ yánjiū (Popular Science)*. 2020. No. 4 (87). Pp. 47–54. (In Chin.)

Mazhinskiy S. V. “Hu Line” and the problem of imbalance in China’s territorial development. *Vostok (Oriens)*. 2023. No. 2. Pp. 131–141. (In Russ.)

Nosovets S. G. New media: Defining the notion. *Communication Studies*. 2016. No. 4 (10). Pp. 39–47. (In Russ.)

O’Reilly T. What is Web 2.0? Sebastopol: O’Reilley Media Inc., 2009. 12 p. (In Eng.)

Portoles S. Top 12 Chinese social media and blog platforms. On: Sapore di Cina. Posted on 21 Ferbruary 2022. Available at: https://www.saporedicina.com/english/chinese-social-media/ (accessed: 30 May 2023). (In Eng.)

Wēi Bàogào. Weibo report[s]. On: DataWeibo.com. 2021. Available at: https://data.weibo.com/report/report (accessed: 30 May 2023). (In Chin.)

Wèi Yīníng. QQ with 600 million [monthly active] accounts eager to retain its Gen Z users. On: Sina Finance. Posted on 27 November 2021. Available at: https://finance.sina.com.cn/tech/2021-11-27/doc-ikyamrmy5364435.shtml (accessed: 30 May 2023). (In Chin.)

Wēixìn (WeChat). 2022 WeChat [Usage] Statistics. On: ImBee.com. Posted on 16 October 2022. Available at: https://www.imbee.io/resource/wechat-statistics-2022-tc (accessed: 30 May 2023). (In Russ.)

Zhihu User Data Analysis Report. On: zhihu.com. August 2019. Available at: https://zhuanlan.zhihu.com/p/79521617 (accessed: 30 May 2023). (In Chin.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 4, Pp. 914–928, 2023
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК / UDC 811.512.156
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-914-928

Отражение религиозно-теологических представлений ислама в башкирских, узбекских и таджикских пословицах в свете теории культурно-языкового трансфера

Ольга Валентиновна Ломакина[1], *Искандер Расулевич Саитбатталов*[2], *Юлия Аликовна Саитбатталова*[3], *Халимахон Отамбековна Хушкадамова*[4]

[1] Российский университет дружбы народов (д. 6, ул. Миклухо-Маклая, 117198 Москва, Российская Федерация)
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, профессор
0000-0003-0298-5678. E-mail: lomakina-ov[at]rudn.ru

[2] Уфимский университет науки и технологий (д. 32, ул. Заки Валиди, 450076 Уфа, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, ведущий специалист
0000-0002-5948-4666. E-mail: saitbattaloff[at]yahoo.com

[3] Уфимский университет науки и технологий (д. 32, ул. Заки Валиди, 450076 Уфа, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, старший преподаватель
0000-0001-9971-2697. E-mail: j.gimranova[at]gmail.com

[4] Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (д. 76, пр. Вернадского, 119454 Москва, Российская Федерация)
доктор социологических наук, профессор
0000-0001-7188-2029. E-mail: columnist07[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023
© Ломакина О. В., Саитбатталов И. Р., Саитбатталова Ю. А., Хушкадамова Х. О., 2023

Аннотация. *Введение*. В статье показано, как в пословичном фонде башкирского, узбекского и таджикского языков отражаются религиозные представления народов, исповедующих ислам. *Цель* исследования — показать результаты вызванного исповеданием ислама языкового и культурного трансфера на примере определенной тематической группы башкирских, таджикских и узбекских паремий, содержащих религиозно-теологические представления. *Материалы и методы*. Исследование включает примеры из авторской картотеки пословиц, извлеченных приемом сплошной выборки из лексикографических источников (75 единиц), и данные опроса респондентов разных возрастов, владеющих башкирским, таджикским и узбекским

языками как родными (20 человек). Авторы используют методику, опирающуюся на ценностные критерии при выделении ценностных констант, выделяют семантический конденсат, проводят сравнительно-сопоставительный анализ. *Результаты*. Проведенное в рамках настоящей статьи контрастивное рассмотрение паремиологического фонда трех языков, образующих своего рода треугольник взаимосвязей (башкирский и узбекский — родственные, таджикский и узбекский — контактные), демонстрирует, какие именно религиозно-теологические представления ислама оказались наиболее востребованы коллективами их носителей, устойчивы по отношению к внешним воздействиям и получили аксиологическое осмысление в качестве «своих». *Выводы*. Выделение семантических доминант показало общность рассматриваемых языков. Частичное совпадение паремиологического фонда трех народов объясняется культурным и языковым трансфером, при котором мусульманские представления проникали в тюркскую языковую среду через иранское посредство, а на Южный Урал — через Среднюю Азию. Все это дает основание говорить о сложном и многоступенчатом культурно-языковом трансфере, мотивированном исламом.

Ключевые слова: ислам, Коран, ценность, религиозно-теологические представления, культурно-языковой трансфер, башкирские пословицы, узбекские пословицы, таджикские пословицы

Благодарность. Публикация выполнена в рамках проекта D.2-F/S2022 Системы грантовой поддержки научных проектов Российского университета дружбы народов.

Для цитирования: Ломакина О. В., Саитбатталов И. Р., Саитбатталова Ю. А., Хушкадамова Х. О. Отражение религиозно-теологических представлений ислама в башкирских, узбекских и таджикских пословицах в свете теории культурно-языкового трансфера // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 4. С. 914–928. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-914-928

Religious and Theological Concepts of Islam in Bashkir, Uzbek and Tajik Proverbs: A Perspective from the Theory of Cultural and Linguistic Transfer

Olga V. Lomakina[1], *Iskander R. Saitbattalov*[2], *Iuliia A. Saitbattalova*[3], *Khalimakhon O. Khushkadamova*[4]

[1] RUDN University (6, Miklouho-Maclay St., 117198 Moscow, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate, Professor
0000-0003-0298-5678. E-mail: lomakina-ov[at]rudn.ru

[2] Ufa University of Science and Technology (32, Zaki Validi St., 450076 Ufa, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Leading Specialist
0000-0002-5948-4666. E-mail: saitbattaloff[at]yahoo.com

[3] Ufa University of Science and Technology (32, Zaki Validi St., 450076 Ufa, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Senior Lecturer
0000-0001-9971-2697. E-mail: j.gimranova[at]gmail.com

[4] Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (76, Vernadsky Ave., 119454 Moscow, Russian Federation)
Dr. Sc. (Sociology), Professor
0000-0001-7188-2029. E-mail: columnist07[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023
© Lomakina O. V., Saitbattalov I. R., Saitbattalova Iu. A., Khushkadamova Kh. O., 2023

Abstract. *Introduction.* The article shows how Bashkir, Uzbek and Tajik proverbs reflect religious ideas of the Islamic peoples. *Goals*. The study examines a certain thematic group of Bashkir, Tajik and Uzbek proverbs containing religious and theological concepts to illustrate how the Muslim profession of faith yielded somewhat linguistic and cultural transfer. *Materials and methods*. The paper analyzes patterns contained in the authors' proverbial database compiled via continuous sampling from a

variety of dictionaries (75 publications) and survey results of different aged Bashkir, Tajik and Uzbek native speakers (20 individuals). The employed techniques rest on value criteria when it comes to select value constants, highlight some semantic condensate, and conduct comparative analyses. *Results*. The contrastive insights into proverbial collections of the three languages that form a sort of a triangle of interconnections (Bashkir and Uzbek — cognate languages, Tajik and Uzbek — contacting ones) are indicative of which religious and theological ideas of Islam did prove most required by the latter's speakers, stable in relation to external influences, and would receive further axiological comprehension as 'their own'. *Conclusions*. The identification of semantic dominants shows a commonality of the languages under consideration. The partial coincidence of the three paremiological clusters is explained by the cultural and linguistic transfer, when Muslim ideas penetrated into the Turkic language environment through Iran and its cultural mediation, while it is through Central Asia that the former arrived in the South Urals. All this attests to a complicated and multi-stage cultural and linguistic transfer ignited by Islam.

Keywords: Islam, Quran, value, religious and theological concepts, cultural and linguistic transfer, Bashkir proverbs, Uzbek proverbs, Tajik proverbs

Acknowledgements. This publication has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project № D.2-F/S2022.

For citation: Lomakina O. V., Saitbattalov I. R., Saitbattalova Iu. A., Khushkadamova Kh. O. Religious and Theological Concepts of Islam in Bashkir, Uzbek and Tajik Proverbs: A Perspective from the Theory of Cultural and Linguistic Transfer. *Oriental Studies*. 2023; 16(4): 914–928. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-914-928

1. Введение

Понятие «исламский язык» было введено в 1981 г. итальянским ученым Алессандро Баусани, который определял его как «язык, находящийся в определенный момент своей истории под лексическим, графическим, до определенных пределов морфологическим, синтаксическим и даже фонологическим влиянием великих культурных языков исламского мира — арабского и персидского» [Bausani 1981: 5]. Такой подход, сводящий представление о влиянии ислама на тот или иной язык исключительно к объему лексических заимствований, неоднократно подвергался справедливой критике, задающейся в конечном итоге вопросом: «Может ли вообще язык быть исламским?» и переносящей акцент с языка на людей, которые и ассоциируют себя с мусульманской религией и культурой [Versteegh 2020: 6–7]. Тем не менее рассмотрение отдельных языков, посредством которых происходит концептуализация и трансляция религиозных представлений и ценностей ислама, остается востребованным и продуктивным междисциплинарным научным направлением.

Малайский мыслитель-традиционалист Мухаммад Накиб аль-Аттас, одним из центральных понятий философии которого является исламизация, трактуемая как «освобождение человека сначала от магической, мистической, анимистической, национально-культурной традиции, противостоящей исламу, а затем — от секулярного контроля над его разумом и языком» (цит. по: [Ahmad 2013]), отстаивал идею того, что исламизация начинается с языка, а первым исламизированным языком стал арабский, целые лексические и стилистические пласты которого были радикально переосмыслены в ходе пророческой миссии Мухаммада, длившейся с 610 по 632 гг. нашей эры [Mabruroh 2019: 14]. Решающее влияние, оказанное Кораном на семантику и стилистику арабского языка, отмечают и российские исследователи Корана [Резван 2001: 113; Фролов 2006: 185].

Первым после арабского языком, подвергнувшимся исламизации, стал персидский (новоперсидский, фарси), возникший в VIII–IX вв. нашей эры на востоке «Большого Ирана» и с самого своего возникновения использовавший арабский алфавит, активно заимствовавший из арабского целые пласты лексики и применявшийся для проповеди ислама среди неарабов. Все это сделало его

орудием исламизации народов восточной части Халифата и языком трансрегионального общения на этой территории [Фрагнер 2018: 44–54]. Уже в IX–X вв. персидский язык был признан «пригодным» для выражения сакрального мусульманского содержания, что выразилось в появлении первых толкований к Корану, первоначально представлявших собой пословный перевод священного текста, записанный между строк оригинала.

Массовое принятие ислама представителями тюркских народов Средней Азии в X–XI вв. и их миграция на запад через иранские земли в XI–XII столетиях привели к расширению ареала персидского языка, который стал языком высокой культуры во многих тюркских государствах средневековья. Вместе с тем в этих государствах начал развиваться собственный литературный язык, пользовавшийся арабской графикой и плотно насыщенный арабскими и персидскими заимствованиями. В обиходе этот язык чаще всего назывался тюрки. Литература на тюрки, прежде всего мистико-дидактическая поэзия, стала одним из действенных средств проповеди ислама среди тюркских народов. По мере расширения географии этого языка и изменения этнического состава его носителей в языке тюрки возникло несколько региональных вариантов, наиболее распространенными среди которых стали анатолийский (османский) и среднеазиатский (чагатайский). Последний достиг своего расцвета в творчестве А. Навои (XV в.), Бабура (XVI в.) и Абулгази Бахадур хана (XVII в.) и стал основой для формирования в советское время современного литературного узбекского языка.

Формирование норм таджикского литературного языка происходило в 20–30-е гг. XX в. синхронно с процессами национально-государственного строительства в советской Средней Азии, приведшими к образованию сначала Таджикской АССР в составе Узбекистана, а затем — к поднятию ее статуса до союзной республики. Выделение таджикского в качестве самостоятельного языка в рамках персидского континуума происходило путем сближения норм языка классической литературы с живыми народными говорами при изменении графической основы — сначала с арабской на латинскую, затем — на кириллическую [Керимова 1997: 6–8].

Предки носителей современного башкирского языка начиная с XIII–XIV вв. использовали в качестве литературного тюрки, сочетающий среднеазиатские и ближневосточные черты, причем контакты со Средней Азией были настолько широки, что произведения, импортированные оттуда, воспринимались как собственные [Галяутдинов 2000: 96], однако в 1923 г. советскими властями Башкирии было принято решение о формировании литературного языка республики на основе диалектов, наиболее далеко отстоящих от прочих тюркских языков, т. е. о фактическом разрыве с религиозно ориентированной языковой и литературной традицией [Галяутдинов 2000: 185].

Все три народа, несмотря на принадлежность к разным языковым семьям и географическую разобщенность, объединяют давние культурные и языковые связи: высокая мусульманская культура, одним из центров которой были территории будущих Узбекистана и Таджикистана, стала образцом и средством для исламизации тюркских народов средневековья — предков башкир и узбеков. Совместное проживание на одних территориях, приведшее к формированию общих черт в быту, хозяйстве, образе жизни и мировоззрении, предопределило и многочисленные схождения в языке таджиков и узбеков. Наконец, многовековая ориентация мусульман Урало-Поволжья и Западной Сибири на культурные центры Средней Азии, прежде всего на Бухару и Хиву, подкрепляемая устойчивыми торговыми связями, стала причиной формирования целого слоя среднеазиатских по происхождению культурных и языковых черт у башкир.

Теория трансфера, обоснованная в работах зарубежных авторов [Espagne 1999; Kaelble 2006; Lüsebrink 2010; Middell 2000; Middel 2016], первоначально ставила целью поиск и дальнейшее описание инокультурных элементов в литературе и культуре, впоследствии стала широко применяться и в лингвистике [Лингвистика и семиотика 2016] для доказательства культурно-языковых связей пограничных территорий, с одной стороны, и взаимовлияний родственных языков и культур — с другой [Бредис, Ломакина 2020; Бредис, Ломакина, Мокиенко 2020], а также для интерпретации общих элементов в пословичных фондах и в национально-языковых картинах мира

генетически и ареально далеких этносов [Иванов, Ломакина, Петрушевская 2021], в том числе и тюркских народов на азиатском и европейском культурно-языковом фоне [Бредис, Иванов 2022; Петрушевская 2022а; Петрушевская 2022б; Петрушевская 2023; Иванов 2023].

Исходя из этого, теорию культурно-языкового трансфера целесообразно рассматривать в качестве теоретического обоснования такого значимого в лингвокультурной типологии факта, как наличие обширного общего слоя инспирированных исламом паремий в башкирском, таджикском и узбекском языках.

Цель данной статьи — показать результаты вызванного исповеданием ислама языкового и культурного трансфера на примере определенной тематической группы башкирских, таджикских и узбекских паремий, содержащих религиозно-теологические представления.

2. Материалы и методы исследования

Источником исследования являются следующие лексикографические источники: «Таджикские пословицы и поговорки в аналогии с русскими» Я. И. Калонтарова [Калонтаров 1965], «Узбекские народные пословицы и поговорки» под редакцией А. Наумова[1] [Узбекские народные 1985], «Мудрость трех народов (таджикские, узбекские, русские пословицы, поговорки и афоризмы в аналогии)» Я. И. Калонтарова [Калонтаров 1989], «Ўзбек халқ мақоллари» (Узбекские народные пословицы) [Ўзбек халқ 2003], «Словарь башкирских пословиц и поговорок» М. Х. Ахтямова [Ахтямов 2008]. Материал (около 75 паремий) получен приемом сплошной выборки из перечисленных словарей, а также путем социолингвистического эксперимента среди носителей (20 человек) таджикского и узбекского языков: после определения веры как одной из ценностных констант народа предлагалось перечислить пословицы, которые будут составлять ценностное ядро. Социолингвистический эксперимент ставил целью дополнить полученный из лексикографических источников советского периода список пословиц, чтобы добиться максимальной репрезентативности материала. При выявлении религиозных источников паремиологического материала привлекался текст Корана, суннитских хадисов из авторитетных сборников, трактатов о вероучении А. ал-Матуриди и ан-Насафи. Для получения данных о номинации Бога и сопредельных с ним понятий использовались одноязычные толковые словари: «Фарҳанги забони тоҷикӣ: аз асри X то ибтидои асри XX» в 2 томах под редакцией М. Ш. Шукурова, В. А. Капранова, Р. Хашима, Н. А. Масуми (1969) [Фарҳанги забони 1969, 1; Фарҳанги забони 1969, 2], «Ўзбек тилининг изоҳли луғати» А. Мадвалиев таҳрири остида (2006–2008) («Толковый словарь узбекского языка» в 33 томах под редакцией А. Мадвалиева) [Ўзбек тилининг 2006-2008], «Академический словарь башкирского языка» в 10 томах (2011–2018) [АСБЯ 2011]. Таким образом, для получения репрезентативных результатов использовалась методика, опирающаяся на ценностные критерии при выделении ценностных констант, включающая анализ семантических конденсатов в сравнительно-сопоставительном аспекте.

3. Влияние ислама на языки исповедующих его народов

Религия и используемый ею язык оказывают заметное, если не решающее воздействие на формирование картин мира тех народов, которые ее исповедуют, причем это воздействие выходит далеко за пределы мифологической и собственно религиозной картин мира, вырабатывая базисные механизмы логики и смыслополагания — то «полотно, осмысленности, в котором оно (сознание. — *О. Л.*, *И. С.*, *Ю. С.*, *Х. Х.*) движется» [Смирнов 2015: 421].

Арабский язык Корана и мусульманского богослужения сформировали особую, процессуальную логику смыслополагания, а вместе с ней и целый ряд языковых механизмов, ее выражающих. Этим обстоятельством объясняется, по мнению академика А. В. Смирнова, та «инаковость» текстов, созданных в рамках арабо-мусульманской культуры, которая требует от их исследователя и переводчика целого ряда интерпретаторских усилий, без которых диалог культур и являющееся его основой понимание невозможны [Смирнов 2015: 442–443].

Ключевой особенностью таких текстов является их многоуровневость: в любом из

[1] Псевдоним поэта Ильи Ароновича Наймарка (1929–2008).

них выделяются планы явного, выраженного (араб. *зāхир*) и сокрытого (араб. *бāṭин*). Первое указывает на второе, но не равно ему. Нормативным же требованием арабской, а вслед за ней и классической персидской и тюркской риторики является указание на максимум сокрытого минимумом явного, выражающееся в соотношении *лафз* (араб. ‘выговаривание’) и *ма‘нан* (араб. ‘смысл’) [Смирнов 2015: 540].

Классическим примером такого соотношения считаются образные средства и притчи (араб. *амсāл*) Корана — «собственно пословицы, выражения пословичного типа, мудрые изречения, формульные высказывания. В *амсāл* сохранялась память о ярких событиях, достижениях предков, „провалах“ противников» [Резван 2001: 100].

Термин встречается в самом тексте писания: «Воистину, не зазорно Аллаху приводить в качестве примера и притчи комара и даже то, что меньше его» [Коран 2009: 2:26][1]. При этом в качестве единственных, кому доступно понимание этих притч, выступают сам Бог и Его пророк: «Не приводите же Аллаху притч. Поистине, Аллах знает, а вы не знаете!» [Коран 2009: 16:76].

Эти притчи, в свою очередь, проникли как в классическую словесность народов, исповедующих ислам (наиболее ярким примером может быть названа «Поэма о скрытом смысле» (перс. *Маснавӣ-йи Ма‘навӣ*) Дж. Руми), а также в повседневную речь, насыщенную многочисленными отсылками к священному тексту, зачастую уже не осознаваемыми носителями языка [Хуррамшахи 2016: 227–228].

Собственно лингвистическим фактором столь глубокого проникновения в языки мусульманских народов коранических притч, пословиц, выражений пословичного типа, мудрых изречений, формульных высказываний выступает общее, связывающее их свойство «афористичности», предполагающее наличие у всех этих малых текстовых форм как разновидностей афористических единиц одинаковых облигаторных характеристик «однофразовости, обобщенности (универсальности) значения, дискурсивной автономности» [Иванов 2022а: 904] и основных языковых функций «коммуникативной, познавательной, кумулятивной» [Иванов 2022в: 170].

Языковая картина мира как один из конструктов современной лингвистики требует последовательного описания. «Паремиологический фонд языка, включающий пословицы, приметы, загадки, присловья, представляет набор ситуаций, отражающих межличностные отношения, несет информацию культурологического и прагматического содержания и образует паремиологическую картину мира (далее — ПКМ), которая содержит стереотипные представления народа о мире и его социокультурный опыт» [Комова, Ломакина 2019: 79].

Несмотря на различия в номинации ценностей «Инвентаризация языкового (прежде всего, паремиологического) материала позволяет уточнить перечень ценностей, выделив ядро и периферию состава» [Ломакина, Мокиенко 2018: 306].

Последовательный анализ отдельных ценностей, представленных в паремиологическом фонде языка, позволит выявить ценностные константы и ценностные переменные, а также получить сведения о системе ценностей определенного народа. Хотя лингвоаксиология заняла важное место среди лингвистических дисциплин, понятие *ценность* не имеет общепринятого определения, с одной стороны, в силу междисциплинарного существования и, с другой стороны, эволюции этого термина во времени и пространстве. Ценности позволяют охарактеризовать «совокупность идеалов, принципов, нравственных норм, прав, имеющих приоритетное значение в жизни людей независимо от их социального положения, национальности, вероисповедания, образования, возраста, пола и т. п. При этом иерархии базовых общечеловеческих ценностей в разных культурах различны» [Бредис 2019: 10].

Вера, будучи одной из ценностных доминант как мусульманского, так и христианского мира, является общечеловеческой ценностью, однако в разных языках может содержаться различная информация о религиозно-теологических представлениях каждого народа [Иванов, Маслова, Мокиенко 2022], в том числе и имеющая уникальный характер [Гишкаева, Ломакина, Макарова 2021].

[1] Здесь и далее цитаты из Корана приводятся по: [Коран 2009]. Первая цифра после выходных данных — номер *сӯры*, вторая — номер *айата*.

4. Теонимы в языковой картине мира башкир, таджиков и узбеков

Универсальной лексемой, представляющей веру как ценность, является лексема *Бог*. Последовательное описание паремий с этой лексемой в первую очередь поможет сформировать представление о Боге и вере в трех лингвокультурах — башкирской, таджикской и узбекской. Анализ номинаций Бога в мусульманских культурах осложняется тем обстоятельством, что они нормативно многообразны. Сам Коран заявляет: «У Аллаха Имена Прекрасные, так зовите же Его этими именами» [Коран 2009: 7:180], из чего вырастает теологическое учение о «прекрасных именах» (араб. *асмā' ал-ḥусна*) Бога, понимаемых как указание на Его сущность, не поддающуюся пониманию средствами человеческого разума [Аль-Матуриди 2018: 31–32]. В мусульманской вероучительной и богослужебной практике традиционно используются 99 «прекрасных имен», извлеченных из текста Корана и хадисов.

Для неарабских языков и культур характерно также синонимичное употребление исконных и заимствованных из арабского наименований Бога. Так, согласно «Словарю таджикского языка», в таджикском языке сосуществуют лексемы-арабизмы *Аллох*, *Худо/Худой*, а также *Эзид*, *Яздон* [Фарҳанги забони, 1 1969: 58; Фарҳанги забони, 2 1969: 501, 628].

Составители «Толкового словаря узбекского языка» включают следующие лексемы: *Аллох*, *Тангри*, *Худо / Худой* и *Яздон* [Ўзбек тилининг 2006–2008: 73, 100, 420, 662].

В «Академическом словаре башкирского языка» русскому понятию Бог соответствуют *Алла / Аллаһ*, *Тәңре*, *Хоҙа / Хоҙай* [АСБЯ, 1 2011: 243–245].

Стоит обратить внимание на данные о происхождении этих лексем: лишь *Алла / Аллаһ* / *Аллох* имеет арабское происхождение. Лексема *Тәңре / Тангри* трактуется в башкирском словаре как исконная [АСБЯ, 1 2011: 244], а в узбекском — как монголизм [Ўзбек тилининг 2006: 420]. Лексемы *Хоҙа / Хоҙай* / *Худо / Худой* и *Яздон* заимствованы из иранских языков. Судя по тому, что первая из них встречается в тюркских языках Сибири, включая якутский, заимствование ее относится к более раннему, чем время формирования новоперсидского языка, периоду, а источником заимствования может быть согдийский язык [Семенов 2019: 74]. Лексема *Яздон* в узбекском является фарсизмом [Ўзбек тилининг 2006: 662].

Перечисленные номинации в башкирском, таджикском и узбекском языках употребляются как синонимы в качестве обозначения единого Бога ислама. Эта семантика подчеркивается уважительным именованием с помощью арабского заимствования *Таоло / Тәғәлә* ‘Всевышний’, сочетающегося со всеми приведенными лексемами вне зависимости от их происхождения: *Аллоҳ Таоло / Аллаһу Тәғәлә*, *Худо Таоло / Хоҷай Тәғәлә*, *Тангри Таоло / Тәңре Тәғәлә*. Это показывает, что ислам оказал настолько сильное влияние на мировоззрение каждого из этих народов, что произошло полное переосмысление доисламских понятий, обозначавших Бога, и их встраивание в общемусульманскую систему этикетных именований Бога.

Это является иллюстрацией культурно-языкового трансфера, продиктованного географическим положением и общим вероисповеданием: под влиянием ислама иранская лексема, обозначавшая правителя, была переосмыслена и стала обозначением Единого Бога ислама и в таком качестве проникла в тюркские языки Средней Азии, а через их посредство — в родственные им идиомы, причем собственно тюркское обозначение высшего существа пережило аналогичную семантическую трансформацию. Следует отметить, что поглощение и ассимиляция религиозным сознанием языческих номинаций Верховного Божества, имеет ярко выраженный типологический характер и широко наблюдается в языках и культурах принявших христианство тюркских этнических групп, например нагайбаков, в паремиях которых «компонент *Қодай* ‘Бог’ может как иметь соответствующий библейский прототип (как правило, в составе устойчивого оборота), так и не соотноситься прямо и непосредственно с текстом Священного Писания (преимущественно при употреблении в качестве одиночной лексемы в составе пословиц и поговорок)» [Иванов 2022б: 79].

5. Теологические представления ислама в паремиологии башкир, таджиков и узбеков

Бог воспринимается мусульманами как единственный Создатель всего сущего (араб. *ал-Ха̄лиқ*), Наделяющий Своих созданий пропитанием (араб. *ар-Раззақ*), Властный над дольним и горним мирами (араб. *ал-Ма̄лик*), единственный Обладатель могущества, способный на совершение действий (араб. *ал-Ка̄дир*), Справедливый (араб. *ал-‘Адл*) и Истинный (араб. *ал-Хаққ*). Значительная часть этих представлений нашла свое выражение в пословицах трех народов.

1. Представление о Боге как единственном обладателе истинной власти, не нуждающемся ни в чем и не отчитывающемся перед сотворенными в своих действиях, мотивируемых Его мудростью, выражено в таких таджикских паремиях, как *Худо дод, худо гирифт* ‘Бог дал — Бог взял’, *Худо тияд, номатана мепурсад* ‘Бог, когда дает, имени не спрашивает’, *Худо дихандааст — на гиранда* ‘Бог — дающий, а не берущий’. Эти представления выражены в узбекских пословицах *Бой бўлмасим билибман, оч ўлдирма Худойим* ‘Знаю, что богатым не стану, не дай голодным умереть, Боже’, *Синмасни қулол ясамас, ўлмасни Худо яратмас* ‘Гончар не сделает того, что не разобьется, Бог не создаст того, кто не умрет’, *Тангри берганнинг ўғли тўрт бўлар, бири номард бўлса, бири мард бўлар* ‘У того, кому Бог дает, четверо сыновей: один невежда, зато другой — муж’. Башкирские пословицы *Алла биргәнде мулла бирмәҫ* ‘Дарованного Богом мулла не даст’, *Тәңре эше — фарман менән, бәндәнеке — дарман менән* ‘Божье дело — по велению, человеческое — по духу’, *Хоҙайҙың көҙрәте киң* ‘Божье могущество широко’ также выражают эти представления.

2. Теологическое представление о Боге как о Наделяющем благами (араб. *ар-Раззак*) и заботящемся о каждом из Своих созданий занимает важное место как в мусульманском богословии, так и в народном сознании верующих и реализуется в догмате о том, что каждый получает полностью свое пропитание, будь оно дозволенным или запретным.

Таджикская пословица *Худо дандон додааст, ризқашро ҳам медиҳад* ‘Бог дал зубы, даст и пропитание’ указывает именно на этот догмат. В узбекской языковой картине мира теологическая концепция *ризқ* становится основанием для представлений о надежде и Божьей заботе: *Ризқ камимас, банда очдан ўлмас* ‘Ризқ не уменьшится, творение не умрет от голода’, *Умид ўлмас, ризқ камимас* ‘Надежда не умирает, ризк не уменьшается’, *Ризқ-и меҳмон ош устидан чиқар* ‘пропитание гостя появится над пищей’. Эти представления отражены и в башкирских пословицах *Ғүмер бөтмәһә, ризык бөтмәй* ‘Пока жизнь не закончится, не кончится и пропитание’, *Өмөт өҙөлмәһә, ризык өҙөлмәҫ* ‘Пока не оборвется надежда, не прервется пропитание’, *Ҡунаҡ үҙ ризығы менән килер* ‘Гость придет с собственным пропитанием’.

3. Бог воспринимается мусульманами не только как Создатель, но и как источник высшей справедливости, тот, кто воздает людям по их истинным заслугам. Уже один из первых *айатов* Корана прямо именует Бога «Царем в День Суда» [Коран 2009: 1:3]. Божья кара — важный концепт Корана. Священное писание мусульман представляет ее как действенное воплощение Божьей справедливости, неотвратимости воздания за проступки, настигающее людей как на этом, так и на том свете: «Воздерживайтесь от греха и явного, и скрытого. Воистину, те, кто совершает грех, будут наказаны за деяния свои» [Коран 2009: 6:120].

Так, таджикская пословица *Худо ҳар касро ба нияташ медиҳад* ‘Бог дает каждому по намерениям’ буквально повторяет хадис: «Поистине, дела оцениваются (только) по намерениям, и поистине каждому человеку достанется то, что он намеревался (обрести)», переданный ал-Бухари и Муслимом [Ан-Навави 2001: 9–10] и закладывающий основы мусульманской этики, видящей благой поступок в единстве хорошего намерения и реализующего его действия.

Семантика таджикской пословицы *Худо дергири сахтгир аст* ‘Бог не скоро возьмется, да крепко возьмется’ связана с пониманием Бога как карающей силы, наказывающей каждого по его по заслугам тогда, когда это угодно самому Богу, в соответствии с коранических стихами: «А тех, кто отвергает айаты Наши, низвергнем мы [в ад] одного за другим так, что и не почувствуют, [как произойдет это]. И [тем не менее] даю я отсрочку им, но замысел Мой неотвратим» [Коран 2009: 7:182–183].

Неотвратимость Божьего наказания подчеркивается в узбекских пословицах тем, что никто, включая пророков и святых, не в состоянии на него повлиять и изменить: *Худо ўрганни пайғамбар ҳам ҳассаси билан тўртар* ‘Кого Бог ударит, того и пророк ткнет посохом’, *Худо ўрган туяни Вайсулқаро на қилсин* ‘Что поделать Увайсу ал-Карани[1] с верблюдом, которого Бог поразил’.

4. Мусульманская этика как система представлений о надлежащем поведении разворачивается по трем осям: божественное — человеческое, человеческое — человеческое, внутричеловеческое [Смирнов 2015: 442–450].

Ряд этически одобряемых качеств описывает отношение человека к Богу и посылаемым Им испытаниям. Естественной и одобряемой реакцией верующего человека на возможность и неотвратимость Божьих испытаний является страх. Коран прямо предписывает его верующим как вообще: «Обращаясь к Аллаху, бойтесь Его, творите молитву обрядовую и не будьте в числе многобожников» [Коран 2009: 30:31], так и в связи с предстоящим ответом перед Ним: «Страшитесь того дня, когда будете возвращены вы к Аллаху» [Коран 2009: 2:281]. Несоответствие этим повелениям строго осуждает таджикская пословица *На тарси худо, на шарми мардум* ‘Ни перед богом страха, ни перед людьми стыда’, построенная на дихотомии «страх — стыд», содержащая семантику «Человек за свои поступки должен бояться Бога и стыдиться людей».

Важное место в мусульманском этосе занимает терпение (араб. *сабр*), проявляющееся в стойком перенесении насылаемых Богом невзгод и причиняемых людьми несправедливостей. Оно многократно превозносится в Коране: «Терпите: ведь Аллах с терпеливыми!» [Коран 2009: 8:46], «А тем, кто терпеливо сносит [лишения в мире этом], непременно воздадим Мы наградой, превосходящей деяния их добрые» [Коран 2009: 16:96]. Таджикская пословица *Сабр ба рохаш ор*, *то ёби савоб* ‘Будь смиренным и терпеливым, Аллах наградит тебя’ призывает к реализации именно этих теологических установок. Высокий статус терпения подчеркивается и узбекской пословицей *Сабрлиқ худонинг ояти*, *сабрсизлиқ шайтоннинг сифати* ‘Терпение — Божье чудо, нетерпение — признак дьявола’, построенной на двух дихотомиях терпение — нетерпение и Бог — дьявол.

Честность в мусульманской картине мира предстает как полное взаимное соответствие внутреннего и внешнего — намерения и поступка, мотива и действия. В этой связи авторитетные тексты ислама резко осуждают ложь: «Честность приводит к благочестию, и поистине благочестие приведет к раю, и станет человек говорить правду, пока не будет записан пред Аллахом как правдивейший. И, поистине, лживость приводит к греховности, и, поистине, греховность приведет к огню, и станет человек лгать, пока не будет записан пред Аллахом как отъявленный лжец» [Ан-Навави 2001: 652], лицемерие: «За то, что нарушили мунафики обещание, данное Аллаху, за то, что лгали они, наполнил Он лицемерием сердца их до того самого дня, когда предстанут они пред Ним» [Коран 2009: 9:77]. Эти положения нашли отражение в таджикской пословице *Худованд ҳам ҳақиқатро дўст медорад* ‘Бог тоже любит честность’ и узбекской пословице *Душманингдан қўрқма*, *мунафиқдан қўрқ* ‘Бойся не своего врага, а лицемера’.

Одним из видов лицемерия, строго осуждаемым авторитетными текстами ислама, является совершение добрых дел напоказ: «О вы, которые уверовали! Не сводите на нет подаяний ваших, обязывая облагодетельствованных быть благодарными, и не напоминайте о них обидным образом, подобно тем людям, которые расточают имущество свое из тщеславия и не веруют при этом ни в Аллаха, ни в День судный» [Коран 2009: 2:164].

Узбекская и башкирская пословицы, совпадающие почти дословно, рекомендуют совершать добрые дела втайне: *Яхшилиқ қил*, *дарёга тошла*, *балиқ билар*, *балиқ билмаса*, *Холиқ билар* ‘Сделай доброе дело и брось в море — рыба узнает, не узнает рыба — узнает Творец’, *Якшылык кылып диңгезгә ташлаһаң да кайтыр* ‘Добро вернется, даже если сделать его и выбросить в море’.

Щедрость также является важным качеством правоверного мусульманина: «Не скупись, словно прикована рука твоя к шее,

[1] Увайс ал-Карани — сподвижник пророка Мухаммада, аскет, ведший отшельнический образ жизни, занимаясь пастьбой верблюдов.

и не будь расточительным, а не то начнут порицать тебя, и будешь ты печалиться» [Коран 2009: 17:29]. Это представление отражено в таджикской пословице *Худованд неконро дӯст медорад* ‘Бог любит добрых, щедрых’.

Наконец, Коран предписывает почтительное отношение к родителям: «И повелел вам Господь твой не поклоняться никому, кроме Него Самого, и выказывать отношение доброе к родителям. Если достигнет возраста преклонного один из родителей или оба, то не говори с ними сердито, не ворчи на них и обращайся к ним уважительно. Осеняй их крылом смирения и милосердия» [Коран 2009: 17:23–24]. Это предписание отражается в узбекской пословице *Ота рози — худо рази* ‘Если отец доволен, то и Бог доволен’ и в таджикской пословице *Модар рози — худо рози* ‘Если мать довольна, то и Бог доволен’.

Неэтичное поведение, нарушающее нормы божественного закона и человеческого общежития, находит осуждение как в авторитетных текстах, так и в паремиях всех трех народов. Строго осуждаются Кораном обидчики, преступающие границы дозволенного в обращении с другими людьми, ленивые и беспечные люди: «О вы, которые уверовали! Не стяжайте имущества друг друга путем неправедным, а только путем торговли по взаимному согласию. И не убивайте друг друга. Воистину, милостив Аллах к вам. А того, кто будет грешить по злому умыслу и склонности к насилию, ввергнем мы в огонь адский» [Коран 2009: 4:29–30].

Таджикская пословица *Аз дилозор худо (ҳама) безор* и ее узбекский аналог *Дилозордан худо безор* ‘Обидчик и богу не угоден’ говорят об отрицательном отношении Бога к тем, кто несправедливо и незаслуженно обижает другого.

Та же отрицательная семантика содержится в узбекской паремии *Бекордан ҳама (худо) безор* и ее таджикском аналоге *Аз бекор худо (ҳама) безор* ‘Бездельник (всем) богу надоедает’, а также ее башкирское переосмысление *Тик йөрөгәндән Тәңре биҙер* ‘От того, кто ничего не делает, Бог откажется’. Авторитетные тексты ислама многократно акцентируют внимание на необходимости самостоятельно обеспечивать себя и своих близких честным трудом. Так в собрании хадисов ал-Бухари есть следующий текст: «Никто и никогда не ел ничего лучше той пищи, которую он заработал трудом своих рук, и поистине пророк Аллаха Дауд, мир ему, питался тем, что он зарабатывал (и готовил) своими руками» [Ан-Навави 2001: 280].

5. Целый ряд пословиц всех трех народов иллюстрирует реализацию принципа *таваккул* (араб. полагание на Бога) — упование на Бога, при котором человек строго придерживается божественного закона и предпринимает максимум усилий для достижения цели, отдавая себе отчет в том, что результат усилий находится исключительно в области Божьей воли [Смирнов 2015: 193].

Башкирские пословицы *Аллаға ышан, үҙең кымшан* ‘Богу верь, а сам шевелись’, *Көтмә Алланан, көт балтанан* ‘От Бога не жди, жди от топора’, узбекская пословица *Ишонмагин худога, буттани тут* ‘На бога не надейся, держись за куст (а то утонешь)’ и таджикские пословицы *Ба умеди худо нашав, буттаро дор* ‘На бога не надейся, держись за куст (а то утонешь)’, *Худоро ёд куну буттаро сахт гир* ‘О боге помни, а за куст крепко держись’, *Ба умеди Худо нашуда, буттаро махкам дор* ‘На бога не надейся, а клетку держи закрытой’. Эти пословицы хорошо согласуются с принятыми в советское время этическими стандартами, в центре которых находился труд и самостоятельность человека [Фаткуллина 2019: 242], однако в соответствии с принципом организации мусульманских текстов, при котором смысла всегда больше, чем слов, они могут быть прочитаны как призыв к активной реализации *таваккул.*

Сходная семантика и у таджикских пословиц *Аз ту харакат, аз Худо баракат* ‘Тому, кто трудится, Божья благодать’, *Ба «худо» гуфтан кор пеш намеравад* ‘Обращением к богу дело не сделается’, *Бо «бисмиллоҳ» гуфтан об ранг намегирад* ‘Тем, что скажешь «во имя бога», вода не окрасится’, *Бо «бисмиллоҳ» шикам сер намешавад* ‘Тем, что скажешь «во имя бога», живот не насытится’.

Всеобъемлющим законом, который регулирует самые разные стороны жизни мусульман, является шариат (араб. *шарīʻа*). Дискуссии о его точных границах и демаркации с мусульманским правом (араб. *фиқх*) ведутся как среди богословов, так и среди востоковедов. В пословичном фонде трех языков шариат получил отрицательную оценку: башк. *Шәриғәттә оят юк*,

тадж. *Ба шариат шарм нест* и узб. *Шариатда шарм йўқ* ‘В шариате нет стыда’, а также тадж. *Ба шариат шарм нест, Ҳилаю найранг кам нест* ‘В шариате стыда нет, но немало хитрости и уловок’. Лишь узбекская половица *Шариатнинг йўли кўп* ‘У шариата много дорог’ имеет нейтральную характеристику.

6. Заключение

Анализ собранного паремиологического материала башкирского, таджикского и узбекского языков подтвердил универсальность пословиц, что позволяет группировать их в соответствии с их общей семантикой и выделять семантические доминанты, а также показал, что языковые картины мира народов, традиционно исповедующих ислам и говорящих на так называемых «исламизированных языках», сохраняют обусловленные исламом как религией, его авторитетными текстами и этико-аксиологическими установками черты. Эти черты демонстрируют устойчивость, сохраняясь в глубинных слоях паремиологического фонда всех трех народов и могут быть эксплицированы при сопоставлении с авторитетными текстами ислама.

Для полноты характеристики ценности *вера в Бога* были сопоставлены номинации Бога и связанных с ним понятий в башкирском, таджикском и узбекском языках: для номинации Бога и в литературных языках, и в паремиях употребляются как собственно мусульманские наименования арабского происхождения *Алла / Аллоҳ* и *Холиқ*, так и исламизированные иранские слова *Хоҷа / Худо* и тюркские *Тангри / Тәңре*.

Пословичный материал показал, что объединение в группы по семантическим доминантам соответствует реализуемым теологическим представлениям: Бог как единственный обладатель истинной власти; Бог как наделяющий людей благами, Бог как справедливый судья, Бог как источник этических норм, Бог как помощник человека в его добрых делах. В количественном отношении преобладают пословицы нравственно-этического содержания.

Совпадение части пословичного материала башкирского, таджикского и узбекского языков объясняется общностью мусульманского пласта культуры трех народов, возникшей благодаря распространению среди всех трех народов суннитского ислама ханафитского мазхаба, классических образцов высокой персоязычной культуры, а также длительным этническим и культурным контактам, что дает основание говорить о примере культурно-языкового трансфера.

Богатый паремиологический материал трех лингвокультур — башкирской, таджикской и узбекской — и отраженные в нем ценности мусульманской религии, базовые концепты арабо-мусульманской культуры, присутствующие в нем аллюзии на авторитетные тексты ислама, а также на классические богословские труды и религиозную поэзию, представляют собой богатое поле как для теолого-исламоведческих, так и для филологических изысканий, которые не ограничиваются настоящей статьей.

Сокращения

араб. — арабский
башк. — башкирский
перс. — персидский
тадж. — таджикский
узб. — узбекский

Источники

Коран 2009 — Коран / пер. с араб. и коммент. М.-Н. О. Османова. СПб.: Диля, 2009. 576 с.

АСБЯ 2011 — Академический словарь башкирского языка. Т. 1 (Буква А) / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. Уфа: Китап, 2011. 432 с.

Ахтямов 2008 — *Ахтямов М. Х.* Словарь башкирских пословиц и поговорок. Уфа: Китап, 2008. 776 с. (На башк. яз.)

Калонтаров 1989 — *Калонтаров Я. И.* Мудрость трех народов (таджикские, узбекские, русские пословицы, поговорки и афоризмы в аналогии). Душанбе: Адиб, 1989. 432 с.

Калонтаров 1965 — *Калонтаров Я. И.* Таджикские пословицы и поговорки в аналогии с русскими. Душанбе: Ирфон, 1965. 535 с.

Узбекские народные 1985 — Узбекские народные пословицы и поговорки / пер., сост. послесл.: А. Наумов. Ташкент: Узбекистан, 1985. 93 с.

Фарҳанги забони, 1 1969 — Фарҳанги забони тоҷикӣ: аз асри X то ибтидои асри XX: тақрибан 45 000 калима ва ибора, бо иловаи мифтоҳи арабӣ: иборат аз ду ҷилд / дар зери таҳрири М. Ш. Шукуров, В. А. Капранов, Р. Ҳошим, Н. А. Масъумӣ; Академияи фанҳои РСС Тоҷикистон, Институти забон

ва адабиёти ба номи Рӯдакӣ (= Словарь таджикского языка (X века – начало XX века): около 45 000 слов и фразеологизмов, с приложением арабских написаний: в 2 тт. / под ред. М. Ш. Шукурова, Р. Хошима, Н. А. Масъуми, В. А. Капранова). Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1969. 952 с.

Фарҳанги забони, 2 1969 — Фарҳанги забони тоҷикӣ: аз асри X то ибтидои асри XX: тақрибан 45 000 калима ва ибора, бо иловаи мифтоҳи арабӣ: иборат аз ду ҷилд / дар зери таҳрири М. Ш. Шукуров, В. А. Капранов, Р. Ҳошим, Н. А. Масъумӣ; Академияи фанҳои РСС Тоҷикистон, Институти забон ва адабиёти ба номи Рӯдакӣ (= Словарь таджикского языка (X века – начало XX века): около 45 000 слов и фразеологизмов, с приложением арабских написаний: в 2 тт. / под ред. М. Ш. Шукурова, Р. Хошима, Н. А. Масъуми, В. А. Капранова). Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1969. 950 с.

Ўзбек тилининг 2006–2008 — Ўзбек тилининг изоҳли луғати / ЎзР ФА А. Навоий номидаги Тил ва адабиёти ин-ти; А. Мадвалиев таҳрири остида; таҳрир ҳайъати Э. Бегматов (= Толковый словарь узбекского языка / Институт языка и литературы им. А. Навои; ред.: А. Мадвалиев, Э. Бегматов). Тошкент: Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2006–2006. 687 с. (На узб. яз.)

Ўзбек халқ 2003 — Ўзбек халқ мақоллари / тузувчилар: Т. Мирзаев, А. Мусоқулов, Б. Саримсоқов; масъул муҳаррир: Ш. Турдимов (= Узбекские народные пословицы / сост.: Т. Мирзаев, А. Мусокулов, Б. Саримсаков; отв. ред. Ш. Турдимов). Тошкент: Шарк, 2003. 512 б. (На узб. яз.)

Sources

Akhtyamov M. Kh. Dictionary of Bashkir Proverbs and Sayings. Ufa: Kitap, 2008. 776 p. (In Bash.)

Kalontarov Ya. I. Tajik Proverbs, Sayings, and Their Russian Analogues. Dushanbe: Irfon, 1965. 535 p. (In Russ.)

Kalontarov Ya. I. The Wisdom of Three Nations: Analogous Tajik, Uzbek, and Russian Proverbs, Sayings and Aphorisms. Dushanbe: Adib, 1989. 432 p. (In Taj., Uzb. and Russ.)

Khisamitdinova F. G. (ed.) Academic Dictionary of the Bashkir Language. Vol. 1: Letter A. Ufa: Kitap, 2011. 432 p. (In Bash. and Russ.)

Madvaliev A., Begmatov E. (eds.) Explanatory Dictionary of the Uzbek Language. A. Nava'i Institute of Language and Literature. Tashkent: National Encyclopedia of Uzbekistan, 2006–2008. (In Uzb.)

Mirzaev T., Musokulov A., Sarimsakov B. (comps.) Uzbek Folk Proverbs. Sh. Turdimov (ed.). Tashkent: Shark, 2003. 512 p. (In Uzb.)

Naumov A. (comp.) Uzbek Folk Proverbs and Sayings. Tashkent: Uzbekistan, 1985. 93 p. (In Russ.)

Shukurov M. Sh., Hoshim R., Masumi N. A., Kapranov V. A. (eds.) Dictionary of the Tajik Language: Tenth to Early Twentieth Centuries CE. Ca. 45,000 word entries and phrases suppl. with Arabic inscriptions. In 2 vols. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1969. Vol. 1. 952 p. (In Taj.)

Shukurov M. Sh., Hoshim R., Masumi N. A., Kapranov V. A. (eds.) Dictionary of the Tajik Language: Tenth to Early Twentieth Centuries CE. Ca. 45,000 word entries and phrases suppl. with Arabic inscriptions. In 2 vols. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1969. Vol. 2. 950 p. (In Taj.)

The Quran. M.-N. Osmanov (transl., comment.). St. Petersburg: Dilya, 2009. 576 p. (In Russ.)

Литература

Аль-Матуриди 2018 — *Аль-Матуриди*. Китаб ат-таухид. Казань: Хузур, 2018. 520 с.

Ан-Навави 2001 — *Ан-Навави*. Сады праведных из слов Господина Посланников. М.: Бадр, 2001. 880 с.

Бредис 2019 — *Бредис М. А.* Человек и деньги: Очерки о пословицах и не только. СПб.: Петербургское востоковедение, 2019. 296 с.

Бредис, Ломакина 2020 — *Бредис М. А., Ломакина О. В.* Пограничные территории как пример культурно-языкового трансфера (на материале латгальской и русинской паремиологии) // Вопросы этнополитики. 2020. № 2. С. 28–38.

Бредис, Ломакина, Мокиенко 2020 — *Бредис М. А., Ломакина О. В., Мокиенко В. М.* Русинская фразеология как пример культурно-языкового трансфера в славянских языках (на материале нумеративных единиц) // Русин. 2020. № 60. С. 198–212.

Бредис, Иванов 2022 — *Бредис М. А., Иванов Е. Е.* Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц // Вопросы лексикографии. 2022. № 26. С. 5–29. DOI: 10.17223/22274200/25/1

Галяутдинов 2000 — *Галяутдинов И. Г.* Два века башкирского литературного языка. Уфа: Гилем, 2000. 448 с.

Гишкаева, Ломакина, Макарова 2021 — *Гишкаева Л. Н., Ломакина О. В., Макарова А. С.* Отражение веры в Бога как ценностной константы в пословичном фонде (на примере христианской и мусульманской лингвокультур) // Cuadernos de Rusística Española. 2021. Vol. 17. С. 135–147.

Иванов 2022а — *Иванов Е. Е.* Афоризм в кругу малых текстовых форм в устном, письменном и электронном дискурсах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 4. С. 898–924. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-4-898-924

Иванов 2022б — *Иванов Е. Е.* Пословицы и поговорки из библейских источников в современном нагайбакском языке // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 9(467). С. 74–83. DOI: 10.47475/1994-2796-2022-10910

Иванов 2022в — *Иванов Е. Е.* Функции афористических единиц в русском языке // Русистика. 2022. Т. 20. № 2. С. 167–185. DOI: 10.22363/2618-8163-2022-20-2-167-185

Иванов 2023 — *Иванов Е. Е.* Лингвокультурологический комментарий в тувинско-русско-английском паремиологическом словаре // Новые исследования Тувы. 2023. № 1. С. 243–258. DOI: 10.25178/nit.2023.1.14

Иванов, Ломакина, Петрушевская 2021 — *Иванов Е. Е., Ломакина О. В., Петрушевская Ю. А.* Национальная специфичность пословичного фонда (основные понятия и методика выявления) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 4. С. 993–1032. DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-4-993-1032

Иванов, Маслова, Мокиенко 2022 — *Иванов Е. Е., Маслова В. А., Мокиенко В. М.* Наследие Библии в языках и культурах народов России и Беларуси. М.: РУДН, 2022. 406 с.

Керимова 1997 — *Керимова А. А.* Современный таджикский литературный язык (функционирование и развитие): автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 1997. 30 с.

Комова, Ломакина 2019 — *Комова Д. Д., Ломакина О. В.* Словарное и дискурсивное направления реконструкции паремиологической картины мира: опыт интерпретации (на материале русского языка) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2019. № 3(103). Ч. 1. С. 78–86.

Лингвистика и семиотика 2016 — Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии: коллективная монография / отв. ред. В. В. Фещенко. М.: Культурная революция, 2016. 500 с.

Ломакина, Мокиенко 2018 — *Ломакина О. В., Мокиенко В. М.* Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. 2018. № 4(54). С. 306. С. 303–317. DOI: 10.17223/18572685/54/18

Петрушевская 2022а — *Петрушевская Ю. А.* Белорусские параллели вепсских пословиц: в поисках типологически общего и этноспецифического // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 3. С. 497–505. DOI: 10.30624/2220-4156-2022-12-3-497-505

Петрушевская 2022б — *Петрушевская Ю. А.* Тувинские и белорусские пословичные параллели (типологическая общность на фоне этнокультурной специфичности) // Новые исследования Тувы. 2022. № 3. С. 241–263. DOI: 10.25178/nit.2022.3.16

Петрушевская 2023 — *Петрушевская Ю. А.* Провербиальные универсалии в тувинском пословичном фонде (на фоне современных европейских языков) // Новые исследования Тувы. 2023. № 1. С. 259–279. DOI: 10.25178/nit.2023.1.15

Резван 2001 — *Резван Е. А.* Коран и его мир. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. 608 с.

Семенов 2019 — *Семенов Н. А.* Этимология якутского слова *кудай*: заимствование из персидского языка? // Северо-восточный гуманитарный вестник. 2019. № 3(28). С. 70–76.

Смирнов 2015 — *Смирнов А. В.* Сознание. Логика. Язык. Культура. Смысл. М.: Языки славянской культуры, 2015. 712 с.

Фаткуллина 2019 — *Фаткуллина Ф. Г.* Отражение национального менталитета в паремиологической системе языка // Феномен Мустая Карима и глобальный XX век: национально-духовная культура в мировом контексте: сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф. (г. Уфа, 30 октября 2019 г.) / отв. ред. Г. С. Кунафин. Уфа: РИЦ БашГУ, 2019. С. 241–244.

Фрагнер 2018 — *Фрагнер Б. Г.* «Персофония»: региональность, идентичность, языковые контакты в истории Азии. М.: Фонд Марджани, 2018. 136 с.

Фролов 2006 — *Фролов Д. В.* Арабская филология: грамматика, стихосложение, корановедение. Статьи разных лет. М.: Языки славянской культуры, 2006. 440 с.

Хуррамшахи 2016 — *Хуррамшахи Б.* Корановедение (очерки о Коране и его роли в формировании культуры). М.: Садра, 2016. 390 с.

Ahmad 2013 — *Ahmad S.* The Role of Language in the Process of Islamization: A Brief Analysis of Syed Muhammad Naquib al-Attas's Thought [электронный ресурс] // Seminar Kebangsaan Isu Ketamadunan dan Cabaran Semasa (SIKCAS 2013), University Sains, Malaysia, 27, November 2013. URL: https://www.academia.edu/9541377/The_Role_of_Language_in_the_Process_of_Islamization_A_Brief_Analysis_of_Syed_Muhammad_Naquib_al_Attas_s_Thought (дата обращения: 10.10.2022).

Bausani 1981 — *Bausani A.* Le lingue islamiche: Interazioni e acculturazioni // Il mondo islamico tra interazione e acculturazione / A. Bausani, B. S. Amoretti (eds.). Rome: Istituto di Studi Islamici, 1981. Pp. 3–19.

Mabruroh 2019 — *Mabruroh Khoiriah R.* Islamization of Malay Language and its Role in the Development of Islam in Malaya // Academic Journal of Islamic Studies (AJIS). 2019. Vol. 4. № 1. Pp. 13–29.

Versteegh 2020 — *Versteegh K.* Can a language be Islamic? // Eurasian studies. 2020. № 18. Pp. 5–25.

References

Ahmad S. The role of language in the process of Islamization: A brief analysis of Syed Muhammad Naquib al-Attas's thought. In: Seminar Kebangsaan Isu Ketamadunan dan Cabaran Semasa (SIKCAS 2013), University Sains (Malaysia, 27 November 2013). Available at: https://www.academia.edu/9541377/The_Role_of_Language_in_the_Process_of_Islamization_A_Brief_Analysis_of_Syed_Muhammad_Naquib_al_Attas_s_Thought (accessed: 10 October 2022). (In Eng.)

Al-Maturidi. Kitab al-Tawhid (Book of Monotheism). Kazan: Khuzur, 2018. 520 p. (In Russ.)

Al-Nawawi. Riyad as-Salihin (The Gardens of the Righteous). Moscow: Badr, 2001. 880 p. (In Russ.)

Bausani A. Le lingue islamiche: Interazioni e acculturazioni. In: Bausani A., Amoretti B. S. (eds.) Il mondo islamico tra interazione e acculturazione. Rome: Istituto di Studi Islamici, 1981. Pp. 3–19. (In It.)

Bredis M. A. Man and Money: Essays on Proverbs and More. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2019. 296 p. (In Russ.)

Bredis M. A., Ivanov E. E. Linguoculturological commentary in polylingual dictionaries of proverbs. *Russian Journal of Lexicography*. 2022. No. 26. Pp. 5–29. DOI: 10.17223/22274200/25/1. (In Russ.)

Bredis M. A., Lomakina O. V. Border territories as an example of cultural and linguistic transfer (Based on the material of Latgalian and Rusin paremiology). *Issues of Ethnopolitics*. 2020. No. 2. Pp. 28–38. (In Russ.)

Bredis M. A., Lomakina O. V., Mokienko V. M. Rusin phraseology as an example of cultural and linguistic transfer in Slavic languages (Based on numerative units). *Rusin*. 2020. No. 60. Pp. 198–212. (In Russ.)

Espagne M. Les Transferts culturels franco-allemands. Paris: Presses universitaires de France, 1999. 296 p. (In Fr.)

Fatkullina F. G. Ethnic mentality in paremiological system. In: Kunafin G. S. (ed.) The Phenomenon of Mustayi Karim and the Global Twentieth Century: Ethnic and Spiritual Cultures in Global Contexts. Conference proceedings (Ufa, 30 October 2019). Ufa: Bashkir State University, 2019. Pp. 241–244. (In Russ.)

Feshchenko V. V. (ed.) Linguistics and Semiotics of Cultural Transfers: Methods, Principles, Techniques. Joint monograph. Moscow: Kulturnaya Revolyutsiya, 2016. 500 p. (In Russ.)

Fragner B. G. Persian as Lingua Franca: Regional Features, Identity, Language Contacts in Asian History. Moscow: Märcani Foundation, 2018. 136 p. (In Russ.)

Frolov D. V. Arabic Linguistics: Grammar, Versification, Quran Studies. Articles of different years. Moscow: Yazyki Slavyanskoy Kultury, 2006. 440 p. (In Russ.)

Espagne 1999 — *Espagne M.* Les Transferts culturels franco-allemands. Paris: Presses universitaires de France, 1999. 296 p.

Kaelble 2006 — *Kaelble H.* Herausforderungen an die Transfergeschichte // B. Schulte (Hrsg.). Transfer lokalisiert: Konzepte, Akteure, Kontexte (= Comparativ; 16, 3). Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2006. S. 7–12.

Lüsebrink 2010 — *Lüsebrink H.-J.* Kulturtransfer und Übersetzung. Theoretische Konfigurationen und Fallbeispiele (aus dem Bereich des Theaters) // E.-Mengel, L. Schnauder, R. Weiss (Hrsg.). Weltbühne Wien – World Stage Vienna, Approaches to Cultural Transfer. Vol. I. Trier: WVT, 2010. S. 21–35.

Middell 2016 — *Middell M.* Kulturtransfer, Transferts culturels, Version: 1.0 // Docupedia-Zeitgeschichte, 28.01.2016. URL: https://zeitgeschichte-digital.de/doks/frontdoor/index/index/docId/702 (дата обращения: 10.03.2023). DOI: 10.14765/zzf.dok.2.702.v1

Middell 2000 — *Middell M.* Kulturtransfer und Historische Komparatistik. Thesen zu ihrem Verhältnis // Comparativ. 2000. № 10. Hf. 1. S. 7–41.

Galyautdinov I. G. The Two Centuries of Standard Bashkir. Ufa: Gilem, 2000. 448 p. (In Russ.)

Gishkaeva L. N., Lomakina O. V., Makarova A. S. Reflection of faith in God as a value constant in the State Fund (On the example of Christian and Muslim linguistic cultures). *Cuadernos de Rusística Española*. 2021. Vol. 17. Pp. 135–147. (In Russ.)

Ivanov E. E. Aphorism in the circle of small text forms in oral, written and electronic discourses. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2022. Vol. 13. No. 4. Pp. 898–924. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-4-898-924. (In Russ.)

Ivanov E. E. Functions of aphoristic units in the Russian language. *Russian Language Studies*. 2022. Vol. 20. No. 2. Pp. 167–185. DOI: 10.22363/2618-8163-2022-20-2-167-185. (In Russ.)

Ivanov E. E. Linguoculturological commentary in the Tuvan-Russian-English Paremiological Dictionary. *The New Research of Tuva*. 2023. No. 1. Pp. 243–258. DOI: 10.25178/nit.2023.1.14. (In Russ.)

Ivanov E. E. Proverbs and sayings from biblical sources in the modern Nagaybak language. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022. No. 9 (467). Pp. 74–83. DOI: 10.47475/1994-2796-2022-10910. (In Russ.)

Ivanov E. E., Lomakina O. V., Petrushevskaya Yu. A. The national specificity of the proverbial fund: Basic concepts and procedure for determining. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2021. Vol. 12. No. 4. Pp. 993–1032. DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-4-993-1032. (In Russ.)

Ivanov E. E., Maslova V. A., Mokienko V. M. The Biblical Heritage in Languages and Cultures of Russia and Belarus. Moscow: RUDN University, 2022. 406 p. (In Russ.)

Kaelble H. Herausforderungen an die Transfergeschichte. In: Schulte B. (ed.). Transfer lokalisiert: Konzepte, Akteure, Kontexte (Comparativ 16, 3). Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2006. Pp. 7–12. (In Germ.)

Kerimova A. A. Contemporary Standard Tajik: Functioning and Development. Dr. Sc. (philology) thesis abstract. Moscow, 1997. 30 p. (In Russ.)

Khurramshahi B. Encyclopedia of the Qur'an and Quranic Studies. Moscow: Sadra, 2016. 390 p. (In Russ.)

Komova D. D., Lomakina O. V. Vocabulary and discursive directions of reconstruction of the paremiological picture of the world: Interpretation (On the material of the Russian language). *I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*. 2019. No. 3 (103). Pt. 1. Pp. 78–86. (In Russ.)

Lomakina O. V., Mokienko V. M. Value constants of the Rusin paremiology (Compared with the Ukrainian and Russian languages). *Rusin*. 2018. No. 4(54). Pp. 303–317. DOI: 10.17223/18572685/54/18. (In Russ.)

Lüsebrink H.-J. Kulturtransfer und Übersetzung. Theoretische Konfigurationen und Fallbeispiele (aus dem Bereich des Theaters). In: Mengel E., Schnauder L., Weiss R. (eds.). Weltbühne Wien – World Stage Vienna, Approaches to Cultural Transfer. Vol. 1. Trier: WVT, 2010. Pp. 21–35. (In Germ.)

Mabruroh M., Khoiriyah R. Islamization of Malay language and its role in the sevelopment of Islam in Malaya. *Academic Journal of Islamic Studies (AJIS)*. 2019. Vol. 4. No. 1. Pp. 13–29. (In Eng.)

Middell M. Kulturtransfer und Historische Komparatistik. Thesen zu ihrem Verhältnis. Comparativ. 2000. No. 10. Pt. 1. Pp. 7–41. (In Germ.)

Middell M. Kulturtransfer, Transferts culturels, Version: 1.0. On: Docupedia-Zeitgeschichte. Posted on 28 January 2016. Available at: https://zeitgeschichte-digital.de/doks/frontdoor/index/index/docId/702 (accessed: 10 March 2023). DOI: 10.14765/zzf.dok.2.702.v1. (In Germ.)

Petrushevskaya Yu. A. Belarusian parallels of Vepsian proverbs: In search of typologically common and ethno-specific. *Vestnik Ugrovedenia (Bulletin of Ugric Studies)*. 2022. Vol. 12. No. 3. Pp. 497–505. DOI: 10.30624/2220-4156-2022-12-3-497-505. (In Russ.)

Petrushevskaya Yu. A. Tuvan and Belarusian proverbial parallels (Typological community amid ethnocultural specificity). *The New Research of Tuva*. 2022. No. 3. Pp. 241–263. DOI: 10.25178/nit.2022.3.16. (In Russ.)

Petrushevskaya Yu. A. Universals in the Tuvan proverbial fund (As compared to modern European languages). *The New Research of Tuva*. 2023. No. 1. Pp. 259–279. DOI: 10.25178/nit.2023.1.15. (In Russ.)

Rezvan E. A. The Quran and Its World. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2001. 608 p. (In Russ.)

Semenov N. A. The etymology of the Yakut word kudai: Borrowing from the Persian language? *North-Eastern Journal of Humanities*. 2019. No. 3(28). Pp. 70–76. (In Russ.)

Smirnov A. V. Consciousness. Logic. Language. Culture. Meaning. Moscow: Yazyki Slavyanskoy Kultury, 2015. 712 p. (In Russ.)

Versteegh K. Can a language be Islamic? *Eurasian Studies*. 2020. No. 18. Pp. 5–25. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 4, Pp. 929–947, 2023
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

УДК / UDC 811.512.156
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-929-947

Лингвоаксиологический анализ калмыцких пословиц и поговорок с пищевым компонентом (на русском и французском паремиологическом фоне)

Наталия Юрьевна Нелюбова[1], *Наталья Михайловна Дугалич*[2], *Ольга Александровна Кадилина*[3], *Чодураа Шолбан-ооловна Кол*[4]

[1] Российский университет дружбы народов (д. 6, ул. Миклухо-Маклая, 117198 Москва, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
0000-0002-6538-8267. E-mail: nat.nelubova[at]mail.ru

[2] Российский университет дружбы народов (д. 6, ул. Миклухо-Маклая, 117198 Москва, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой
0000-0003-1863-2754. E-mail: dugalich_nm[at]pfur.ru

[3] Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (д. 9, ул. Садовая-Кудринская, 125993 Москва, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, доцент
0000-0002-9471-6143. E-mail: olgakadilina[at]gmail.com

[4] Средняя общеобразовательная школа им. Л. Б. Чадамба (д. 26, ул. Советская, 668530 с. Тоора-Хем, Тоджинский район, Республика Тыва)
заместитель директора по учебно-воспитательной работе, учитель
0009-0000-2231-5802. E-mail: 4odon[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023
© Нелюбова Н. Ю., Дугалич Н. М., Кадилина О. А., Кол Ч. Ш., 2023

Аннотация. *Введение*. В статье представлен анализ калмыцких пословиц и поговорок, связанных с едой, на фоне паремиологического фонда европейских языков в аксиологическом ракурсе. *Цель* исследования — проведение лингвоаксиологического анализа калмыцких паремий с гастрономическим компонентом на фоне русского и французского паремиологического материала. *Материалы и методы*. Материалом послужила авторская картотека паремий, полученная путем сплошной выборки из словарей пословиц и поговорок. Картотека составляет 1 500 паремий, для подробного лингвоаксиологического анализа использовано 260 единиц, в статье представлено около 60 наиболее репрезентативных примеров. В процессе исследова-

ния была применена комплексная методика, предусматривающая следующие этапы: составление картотеки паремий с гастрономическими компонентами отдельно по каждому языку; определение с помощью количественного подсчета частотности гастрономических компонентов и, посредством семного анализа, их соотношения с ценностями; характеристика эмоционально-оценочных языковых средств, позволяющих соотнести гастрономические образы с аксиологическим смыслом паремии; анализ материала калмыцкого языка на фоне русского и французского, осуществленный на основе сравнительно-сопоставительного метода. *Результаты*. Анализ паремий с пищевыми компонентами трех неблизкородственных языков показал их высокий аксиологический потенциал. Наиболее частотные компоненты отражают особенности образа жизни и традиций этносов, паремии которых подверглись анализу. В материале трех языков выявлено соотношение со следующими ценностями и ценностными диадами: жизнь, знания, вера и религия, богатство — бедность. Средства выражения оценочности и их роль в создании аксиологического смысла паремий трех языков обладают рядом сходств, несмотря на их типологические различия. *Выводы*. Изучение культурно значимого пищевого компонента в паремиях азиатских и европейских языков является показательным в процессе исследования функционирования системы ценностей этносов, в том числе с точки зрения направленности изучаемых культур: степени проявления в них тенденций социоцентричности, ориентированности на духовные или материальные ценности.

Ключевые слова: калмыцкие паремии, европейский паремиологический фон, русские паремии, французские паремии, лингвоаксиологический потенциал паремий, пищевой компонент паремий, словарь пословиц и поговорок, лингвоаксиологический анализ, языковые средства выражения оценочности

Благодарность. Исследование выполнено в рамках проекта D.2-F/S2022 Системы грантовой поддержки научных проектов Российского университета дружбы народов.

Для цитирования: Нелюбова Н. Ю., Дугалич Н. М., Кадилина О. А., Кол Ч. Ш. Лингвоаксиологический анализ калмыцких пословиц и поговорок с пищевым компонентом (на русском и французском паремиологическом фоне) // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 4. С. 929–947. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-929-947

Linguoaxiological Analysis of Kalmyk Proverbs and Sayings with Food-Related Components: A Perspective from European Paremiological Contexts

Natalia Yu. Neliubova[1], *Natalia M. Dugalich*[2], *Olga A. Kadilina*[3], *Choduraa Sh. Kol*[4]

[1] RUDN University (6, Miklouho-Maclay St., 117198 Moscow, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Leading Research Associate
0000-0002-6538-8267. E-mail: nat.nelubova[at]mail.ru

[2] RUDN University (6, Miklukho-Maklaya St, 117198 Moscow, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Head of Foreign Languages Department, Institute of Medicine, Associate Professor
0000-0003-1863-2754. E-mail: dugalich_nm[at]pfur.ru

[3] Kutafin Moscow State Law University (9, Sadovaya-Kudrinskaya Str, 125993 Moscow, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Associate Professor
0000-0002-9471-6143. E-mail: olgakadilina[at]gmail.com

[4] Secondary School of the Village of Toora-Khem named after Leonid Chadamba (26, Sovetskaya str., 668530 Toora-Khem village, Todzhinsky District, Republic of Tyva)
Deputy Director for educational work, Teacher of the first qualification category
0009-0000-2231-5802. E-mail: 4odon[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023
© Neliubova N. Yu., Dugalich N. M., Kadilina O. A., Kol Ch. Sh., 2023

Abstract. *Introduction.* The article presents an analysis of Kalmyk food-related proverbs and sayings — comparing the latter to paremiological units of European languages from an axiological perspective. *Goals*. The study attempts a linguoaxiological analysis of Kalmyk proverbs with gastronomic components and compares them to Russian and French paremiological units. *Materials and methods*. The paper focuses on a database of paroemias selected via continuous sampling from a variety of dictionaries. The author's database contains a total of 1,500 paroemias, 260 units have been used in a detailed linguoaxiological analysis, and the article publishes ca. 60 most representative examples. The work employs a complex methodology which includes the steps as follows: to compile an individual cluster of paroemias with gastronomic components for each language; calculate a frequency of gastronomic components and semantically relate the latter to values; characterize emotional and evaluative language means instrumental in correlating gastronomic images with the axiological meaning of a paroemia; analyze Kalmyk paroemias against Russian and French ones via the comparative method. *Results*. The analysis of paroemias with food components of the three not that closely related languages has showed their high axiological potential. The most frequent components tend to reflect peculiarities of lifestyles and traditions once adopted by the investigated ethnic groups. The material of the three languages is indicative of some correlations within the following values (value dyads): life, knowledge, faith and religion, wealth – poverty. Despite the evident typological differences, the means of expressing evaluativity and their role in creating axiological meanings of paroemias in the three languages have a number of similarities. *Conclusions*. Such insights into the culturally significant food component in paroemias of Asian and European languages are indicative enough when it comes to investigate the functioning of ethnic value systems, including in terms of their cultural orientations, such as actual degrees of trends towards sociocentrism, primary orientations towards spiritual or material values.

Keywords: Kalmyk paroemias, European paremiological contexts, Russian paroemias, French paroemias, linguoaxiological potential of paremias, food-related component of paroemias, dictionary of proverbs and sayings, linguoaxiological analysis, linguistic means of expressing evaluativity

Acknowledgements. This publication has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System, project № D.2-F/S2022.

For citation: Neliubova N. Yu., Dugalich N. M., Kadilina O. A., Kol Ch. Sh. Linguoaxiological Analysis of Kalmyk Proverbs and Sayings with Food-Related Components: A Perspective from European Paremiological Contexts. *Oriental Studies*. 2023; 16(4): 929–947. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-929-947

1. **Введение**

Лингвоаксиологический ракурс изучения культурно-языковых особенностей различных народов, проживающих на территории Российской Федерации, позволяет выявить разнообразие и специфику функционирования ценностей в языковом сознании их представителей. Республика Калмыкия располагается на юго-востоке европейской части России. История калмыцкого народа начиналась в Азии. Его предки — западномонгольские племена и народности — назывались ойратами. С середины XVII в. судьба Калмыкии тесно связана с судьбой России [Калмыки 2010: 8].

Говоря о специфике калмыцкой культуры, необходимо отметить, что «она включает в себя три культурные доминанты — древнемонгольскую, ойратскую и российскую. Синтез древнемонгольской и ойратской картин мира обусловил основное содержание этнокультурных ценностей калмыков» [Бадмаева 2007: 8–9].

Традиционным и современным ценностным ориентациям калмыков посвящен ряд исследований [Абрамова 2010; Амыкова 2019; Бадмаева 2007; Уланов 2021; Шарманджиев 2011; и др.].

В контексте современных глобализационных процессов и трансформации

ценностных ориентаций вполне объяснимо стремление отдельных этносов «к сохранению этнических языков и культур и их самобытности» [Нелюбова 2022: 147], а также возврату к традиционным ценностям. Последние получают отражение в фольклорных текстах, в частности в пословицах: «фольклор сохраняет алгоритм нравственного поведения <...> каждый народ содержит сохраненные в устном творчестве крупицы драгоценного опыта, который передается из поколения в поколение ради выживания сообщества» [Амыкова 2019: 29]. Консервация традиционных ценностей приобретает в паремиях, с одной стороны, наибольшую долговечность, а с другой стороны, постоянную актуальность, чему способствуют свойства пословицы как афористической единицы, во-первых, наличие вневременного содержания за счет «обобщенности (универсальности) значения» и устойчивой текстовой формы благодаря «дискурсивной автономности» [Иванов 2022а: 904], а во-вторых, выполнение в речи основных языковых функций — коммуникативной, познавательной, кумулятивной [Иванов 2022в: 170].

В рассматриваемом ракурсе определенный интерес представляет изучение ценностей в пословицах с гастрономическим компонентом, поскольку традиции выбора, приема и приготовления пищи занимают важное место в культуре многих этносов, а еда представляет собой ярко выраженную этническую и национальную константу [Павловская 2022: 285]. Как известно, сама «еда, ее приготовление и употребление — важные элементы жизни общества, они тесно связаны с национальными традициями и ритуалами, историческими, экономическими и политическими процессами, что находит отражение в фоновой семантике языковых единиц соответствующей лингвокультурной парадигмы, неочевидной для представителей иных культур» [Ли Чи 2022: 5]. Актуальной в этой связи представляется проблематика отражения ценностей калмыков в пословицах с гастрономическим компонентом, не подвергавшаяся ранее специальному исследованию на фоне паремиологического материала европейских языков, в частности русского и французского.

Характеристика продуктов питания и пищевых традиций калмыков, в том числе получивших отражение в паремиологическом фонде, была представлена в ряде научных работ [Батыров 2009; Батыров 2010; Боваева 2012; Гучинова 2001; Монраев и др. 2021; Мукабенова, Лиджиев 2020; Очирова, Мукабенова, Шарапова 2019; и др.].

Цель исследования — проведение анализа калмыцких паремий с гастрономическим компонентом на фоне русского и французского паремиологического материала в аксиологическом ракурсе.

2. Материалы и методы

Материалами для настоящего исследования послужили 72 калмыцкие паремии с гастрономическим компонентом, полученные путем сплошной выборки из рубрики «Хот-хол, ундн. Пища и напитки» словаря «Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая» [Пословицы и поговорки 2007][1]; 1 130 русских паремий с аналогичным компонентом, полученных путем сплошной выборки с целью анализа частотности пищевых компонентов из словаря «Народная мудрость» [Народная мудрость 2011], из которых детально были изучены 72 единицы рубрики «Гость и хозяин» как одной из содержащих максимальный процент единиц с гастрономическими компонентами; 121 французская паремия о еде и напитках, полученная путем фронтальной выборки из тематических рубрик «La nourriture, la table. Еда, стол» (87 единиц) и «La vigne, les vendanges et le vin. Лоза, сбор винограда, вино» (34 единицы) в составе рубрики «Le travail de la terre. Земледелие» словаря пословиц и поговорок [Dictionnaire 2006]. Выбор указанных источников обоснован их построением по тематическому принципу, что облегчает соотношение материала с определенными ценностями.

Методологическую основу составил современный подход к пониманию языковой семантики паремий, разграничения национального и универсального в паремиологическом фонде языка [Паремиология без границ 2020; Паремиология на перекрестках… 2021], лингвокультурологическому и лингвоаксиологическому анализу паремий на материале различных языков [Бредис, Иванов 2021; Бредис и др. 2021; Иванов 2022б; Нелюбова 2022; и др.], в том числе

[1] В исследовании использованы только образцы калмыцкого фольклора.

с гастрономическим компонентом [Нелюбова, Семина, Казлаускене 2020; Нелюбова 2023а; Нелюбова 2023б].

В процессе анализа паремий была использована комплексная методика, опирающаяся на новейшие теоретические научные положения в изучении лингвоаксиологического потенциала паремий [Ломакина, Мокиенко 2018; Ломакина 2022; Мокиенко, Никитина 2022]. В ходе исследования языковых средств и приемов репрезентации ценностей были также использованы основные положения трудов Т. Г. Бочиной [Бочина 2003; Бочина 2022] и Е. И. Селиверстовой [Селиверстова 2022].

Исследование было проведено в несколько этапов: создание авторской картотеки, включающей калмыцкие, русские и французские паремии гастрономической тематики на основе аутентичных паремиографических источников; выявление наиболее частотных пищевых компонентов и их роли в формировании аксиологического смысла паремий; анализ языковых средств выражения оценочности с точки зрения их функции в создании эмоционально-экспрессивной составляющей аксиологического смысла; сопоставительный анализ полученных результатов изучения калмыцких, русских и французских паремий в аксиологическом ракурсе.

3. Репрезентация ценностей в калмыцких, русских и французских паремиях с гастрономическим компонентом

В калмыцком языке лексико-семантическая группа «пища» представлена наименованиями пищи как общего понятия, молочной пищи, мясной пищи, мучной пищи, напитков, ритуальной пищи, подношений первой порции *дээҗ* [Калмыки 2010: 186–199, 296]. «Паремии калмыцкого народа отражают именно кочевой образ жизни, где в лексике пище на первый план выходят продукты, характерные для скотоводческого хозяйственно-экономического типа деятельности. Основу хозяйства и благополучия человека составляет скот, а основным продуктом питания являются мясо и молоко, тогда как растительная пища, а также рыба и дичь находятся на периферии пищевых предпочтений» [Монраев и др. 2021: 2]. В тексте статьи приведены около 60 наиболее показательных примеров паремий трех языков.

3.1. Репрезентация ценностей в калмыцких паремиях с гастрономическим компонентом

Проследим функционирование компонентов, связанных с пищевыми традициями, в паремиографическом источнике [Пословицы, поговорки 2007], в котором его составителем Б. Х. Тодаевой выделена отдельная тематическая рубрика «Хот-хол, ундн. Пища и напитки», насчитывающая 72 паремии, из которых 19 содержат элемент *хот* — общее название пищи, 21 — наименования мяса и мясных продуктов (из них 16 включают компонент *махн* ‘мясо’ с обозначением различных его видов, 5 — *өөкн* ‘сало, жир’, 1 — *бөөр* ‘почка’), 13 единиц включают названия молочных продуктов: общее название молочных продуктов — *цаһан идән* ‘белая пища’, *үсн* ‘молоко’, *әәрг* ‘кумыс’, *тарг* ‘тарак’, из которых самым частотным является компонент *тосн* ‘масло’, встретившийся в 8 паремиях, компонент *цә* ‘чай’ присутствует в 3 единицах.

Кроме того, единицы с гастрономическими компонентами встречаются и в других тематических группах: «Күмн, күн. Человек»; «Эр, эр күмн, залу, залу күмн. Мужчина, муж»; «Эм, эм күмн, күүкд күн, экнр, гергн, баавһа, аваль. Женщина, жена»; «Төрл-садн. Родственники. Өөрхн төрл-садн. Близкие родственники. Аав ээж, ээж аав, эцк эк, эк эцк. Родители»; «Әмн, әмд. Жизнь, жизнедеятельность, живой»; «Гер, бүл, өрк-әәл, хам-хоша. Юрта (дом), семья, соседи» и др., что можно объяснить свойством еды обеспечивать жизнедеятельность человека.

В первую очередь обращает на себя внимание важность для калмыков как кочевого народа наличие скота (*мал*) — основного источника пищи: *Өвсн уга болвл мал уга, мал уга болвл хот уга* ‘Без сена не будет скота, без скота не будет пищи’; *Хашадан мал уга, хәәснднән шөлн уга* ‘Во дворе нет скотины, в котле — бульона’; *Экин аля үрән геедг, эзнә самһа малан геедг* ‘Непутевая мать теряет дитя, плохой хозяин теряет скот’; *Гер мал уга күн гендн нохад орхнь дор* ‘Человек, не имеющий ни юрты, ни скота, хуже бродячего пса’ и др. В данном контексте необходимо еще раз подчеркнуть, что для калмыков на протяжении многих веков скот был мерилом ценности, обозначавшим

успешность и богатство [Очирова, Мукабенова, Шарапова 2019: 96], являлся «основным жизненным ресурсом, символизировал благополучие и достаток, плодородие и богатство кочевника» [Монраев и др. 2021: 5].

Однако по сравнению с рядом других ценностей скот мог занимать второстепенное место: в данном случае такая иерархия отражена в паремии *Эркн байн — сурһаль, дунд байн — көвүд, адг байн — мал* ‘Высшее богатство — учение, среднее богатство — сыновья, меньшее богатство — скот’, где посредством употребления в метафорическом смысле единицы оценочного значения *байн* ‘богатый’ передается степень важности учения и наличия детей, которое связано с семейными ценностями. В контексте упоминания учения как высшего богатства необходимо отметить, что в современной калмыцкой этнокультуре, в которой большое место занимают буддийская философия, «важнейшей ценностью становится сам человек, способный к усвоению новых знаний и принятию нестандартных решений» [Бадмаева 2007: 9].

Само понятие *богатство* также отражает одну из универсальных ценностей, входящих в аксиологическую диаду *богатство — бедность*. Непосредственно о богатстве приведем следующий пример: *Өнр байн болв чиг авхас зәәцх уга, өөкн тарһн болв чиг идхәс зәәцх уга* ‘Хоть и богат, не откажется от мзды, хоть сала и жира много — не откажется от еды’. В данной двухчастной паремии, где сало и жир упоминаются в связи с богатством и являются символом сытости и зажиточности, осуждению подвергается ненасытность и жадность, выступающие как антиценности, которые могут проявляться и в переедании и злоупотреблении напитками: *Идәчин геснь өлн, уухачин урлнь чиигтә* ‘У обжоры желудок всегда пуст, у любителя пить губы всегда мокрые’.

Относительно языковых средств выражения оценочности, усиливающих аксиологический смысл приведенных паремий, отметим, что к ним относятся единицы, выражающие отсутствие чего-либо (*уга*), отражая в данном случае ценность его наличия.

В той же функции выступают единицы с отрицательным оценочным значением в паремии о нерадивой матери и хозяине (*аля*, *самһа*) *Экин аля үрән геедг, эзнә самһа малан геедг* ‘Непутевая мать теряет дитя, плохой хозяин теряет скот’, подразумевая, что хорошая мать должна бережно относиться к своему ребенку, а хороший хозяин — к скоту. Данная паремия состоит из двух частей, в которых проводится параллель между важностью ребенка для матери (ценность детей была отмечена нами ранее), который для матери так же важен, как скот для хозяина.

В паремии о бродячем псе *Гер мал уга күн гендн нохад орхнь дор* ‘Человек, не имеющий ни юрты, ни скота, хуже бродячего пса’ экспрессивность дополняется анималистическим образом собаки (*ноха*).

О ценности **жизни** и о **пище** как о витальной ценности свидетельствуют следующие единицы с гастрономическими компонентами: *Күмн хотар, күлг өвсәр* ‘Человек (живет) пищей, конь — сеном’. *Хот олдна, Әмн олдх уга* ‘Пища найдется, а жизнь — не вернуть’. *Әмдин җирһл (байр) өрм шикр хойр* ‘Для живого — жизнь во благо (как сливки и сахар)’. В связи с наличием в последнем примере гастрономического компонента *өрм* ‘сливки, сметана’, символизирующего в данном случае сытую и счастливую жизнь в достатке, важно отметить важную роль молочных продуктов в питании калмыков. Молочная пища — основная в питании скотоводов, для которых скот является источником жизнеобеспечения.

Молочная пища — основная в питании скотоводов, для которых скот является источником жизнеобеспечения. Помимо молочных продуктов, в паремиях встречается и упоминание фруктов: *Альмн җимс амтта деерән сән, әәрг тарг соньн деерән сән* ‘Хороши фрукты пока вкусны, а кумыс и тарак — пока свежи’ (*тарг* ‘тарак’ представляет собой разновидность простокваши [Пюрбеев 1996: 107–108]; *әәрг* ‘айран, кумыс’ (напиток из квашеного кобыльего или коровьего молока [Пюрбеев 1996: 102]).

Отметим, что «в пищевой набор калмыков в летне-осенний период входили овощи и фрукты, которые сложно было найти в калмыцкой степи, они являлись деликатесом» [Монраев и др. 2021].

Приведем еще ряд примеров паремий с гастрономическими компонентами, выявляющих ценность семьи и семейных отношений, а также выражающих оценку отдельных ситуаций семейной жизни: *Хөөт герн хөөнә махнас әмтәхн* ‘Вторая жена

слаще баранины’; *Ховдг гергтә күн хорһта шөл уудг уга* ‘У кого жадная жена, тому не есть жирного супа’; *Ээҗин ачиг альхн деерән мах чанҗ өгв чиг хәрулҗ болш уга* ‘Материнский долг ничем нельзя отплатить, даже если мясо на ладони пожарить и подать; *Му хот гесни зовлң, му садн чеҗин зовлң* ‘Плохая еда — мучение для желудка, плохие родственники — мучение для души’. В данных единицах аксиологический смысл выражен в том числе с помощью элементов с оценочной семантикой: компоненты *баранина* (*хөөнә махн*), *жирный бульон* (*хорһта шөл*) и *мясо* (*махн)* выражают положительную оценку, а лексема отрицательной оценки (*му*), употребляемая по отношению к еде (*хот)* и родственникам (*садн*) — негативную, при этом плохая еда, о которой идет речь в одной части паремии равноценна по степени принесенного страдания (*зовлң*) плохим родственникам. В паремии о жадной жене снова осуждается **жадность**, так как с ней не видать жирного супа, что выражено с помощью лексемы отрицания *уга*.

Отдельного внимания заслуживают компоненты, обозначающие различные виды мяса: *Өөктә махнд зүркн хандг* ‘Жирному мясу сердце (душа) радуется’, причем упоминается мясо разных животных самых разных видов: *Һазр гер дулахн, Һахан махн әмтәхн* ‘Землянка тепла, свинина вкусна’; *Ишкин махн халундан* ‘Козлятину едят, пока она горяча’; *Сарван махн әмтәхн, Сагсг девл дулахн* ‘Мясо годовалого жеребенка вкусное, шуба из овчины теплая’; *Цадхла цаһан хурһна сүл һашун, Өлсхлә өл буһин өвр әмтәхн* ‘Когда сыт, горчит курдюк белого ягненка, когда голоден, сладки рога сизого оленя’. Названия данных продуктов, как правило, сопровождаются положительными характеристиками: им душа радуется, мясо вкусное, сочное, жирное, а состояние полного довольства передается с помощью паремии *Өндгнә уург мет, өөкн дотр бәәх бөөр мет* ‘Словно желток в яйце, словно почки в жиру’. Почки были важным субпродуктом, а их жирность определялась степенью упитанности овец, а значит, показателем благополучия хозяйства, поэтому «когда почки животного были в жиру, то за трапезой они считались лакомством, символизировали сытость и благополучие» [Монраев и др. 2021].

Из наименований напитков, кроме молока, упоминается чай (*цә*): *Хойрин хоорнд зогсвл хот чиг уга, цә чиг уга* ‘Если остановиться на середине дела, то не будет ни еды, ни чая’; *Цә шиңгн болв чиг хотын дееж, цаасн нимгн болв чиг номин девскр* ‘Как ни жидок чай — начало еды, как ни тонка бумага — основа книги’. Известно, что основу всех калмыцких напитков составляет молоко. «Особое место в калмыцкой кухне занимает молочный чай *цә*, или жомба, который распространился среди других народов Северного Кавказа и Поволжья» [Калмыки 2010: 195]. Калмыцкий чай традиционно использовался при благопожелании [Ханинова 2023].

В первом из данных примеров отражена ценность **труда** и важность завершать начатое дело, трудиться добросовестно, тогда будет и пища. Во втором — в двух его разных частях ценность еды сравнивается с ценностью книги — основы учения (о ценности учения мы упоминали выше), источника **знаний**, в том числе о своей культуре и истории.

Кроме того, в паремиях с пищевыми компонентами обозначается ценность гостеприимства: *Хотын сәәниг күмнд өг, хувцсни сәәниг эврән өмс* ‘Лучшее из пищи отдай гостю, лучшее из одежды носи сам’; *Гишәс хот хармндг уга* ‘Для гостя пищу не жалеют’, иначе говоря, как и в культуре других народов, «хозяину следует уметь пригласить, принять, угостить гостя, то есть продемонстрировать уважение, приветливость и благожелательность к гостю, что соотносится с признанием значимости гостя» [Юнусова 2009: 12]. Восточные культуры нередко ассоциируются с «гостеприимством, что представлено различными языковыми средствами, прежде всего — лексического и фразеологического уровней» [Гишкаева, Гишкаева, Дубинина 2022: 653].

В целом анализ калмыцких паремий с пищевыми компонентами, представленных в основном в рубрике «Хот-хол, ундн. Пища и напитки», и отдельных примеров из других рубрик словаря «Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая» [Пословицы, поговорки 2007] показал наиболее высокую частотность обозначений мясных и молочных продуктов и их разнообразие, что связано с традиционно кочевым образом жизни кал-

мыков, получившим отражение в паремиологическом фонде.

Необходимо отметить высокий аксиологический потенциал исследованных пословиц и поговорок, изучение которых позволило выявить следующие ценности: **жизнь** и сама **пища**, необходимая для жизни, **знания** и **учение**, **семья и дети**, **труд**, **гостеприимство**. Ряд паремий связан с ценностной диадой *богатство — бедность*. Среди человеческих качеств как антиценность выступают **ненасытность** и **жадность**.

Аксиологический смысл паремий усиливается с помощью экспрессивных оценочных средств: выражение ценности чего-либо через отсутствие путем употребления отрицания, а также единиц отрицательной семантики, указывающих на антиценность и подразумевающих второй элемент оппозиции — положительный, указывающий на ценность. Многочисленны двухчастные пословицы, содержащие либо подобные противопоставления, либо параллели образов, имеющих между собой определенные аксиологические ассоциативные связи. При этом в одной части паремии употребляется пищевой компонент, а в другой — равный ему по значимости или противоположный компонент-образ из другой области жизни. Расширение объема материала путем сплошной выборки пословиц и поговорок с пищевым компонентом во всех рубриках словаря позволит дополнить полученные выводы и получить соотношение с другими ценностями и ценностными диадами, а также выявить дополнительные языковые средства оценки, усиливающие аксиологический смысл паремий.

3.2. Репрезентация ценностей в русских паремиях с гастрономическим компонентом

В материале словаря русских пословиц [Народная мудрость 2011] отсутствует тематическая группа «Еда», однако гастрономические компоненты встречаются в паремиях различных тематических групп. Среди гастрономических компонентов отметим общие названия: *еда*, *пища*, *стол*, названия продуктов питания и напитков: *хлеб*, *соль*, *щи*, *пирог(и)*, *каша*, *мясо*, *пряник*, *блины*, *оладьи*, *сметана*, *сало*, *редька*, *яблоко*, *грибы и их виды (грузди)*, *ягоды и их виды (малина, клюква)*, *орехи*, *мед*, *квас*, *кисель*, *молоко*, *брага*, *пиво*, *вино*, *водка*.

Проведенный анализ показал самую высокую частотность лексемы *хлеб*, встретившейся в словаре 93 раза (в том числе в составе фразеологической единицы *хлеб-соль*), намного превосходя наименования всех остальных продуктов питания. Многочисленны и единицы, обозначающие разновидности хлеба и связанные с ним понятия: *калач* (8 раз), *ломоть* (7 раз), *каравай* (5 раз), *сухарь/сухарик* (4 раза), *краюшка/краюха* (2 раза), *крошка/кроха* (2 раза), *корка* (1 раз), наименования зерновых культур: *рожь* (8 раз), *пшеница* (2 раза), *овес* (1 раз) и др. Лексема *кус(ок)*, обозначающая меру и отмеченная 19 раз, в основном относится к хлебу, а не к другим видам продуктов.

Достаточно высока частотность упоминания следующих продуктов: *пирог/пирожок* (33 раза), *кость* (26 раз), *соль* (18 раз — чаще в составе единицы *хлеб-соль*), *щи* (16 раз), *каша* (16 раз), *гриб/грибок* (12 раз), *блин/блинок* (10 раз). Остальные продукты встречаются менее 10 раз. Это *яйцо/яичко* (9 раз), *малина* (9 раз), *рыба/рыбка* (8 раз), *мясо/мяско* (7 раз) и др.

Из напитков самая высокая частотность наблюдается у единиц *вино* (80 раз), *пиво/пивцо* (43 раза), *вода* (36 раз), *мед* (18 раз), *брага/бражка* (15 раз). Менее частотными являются компоненты *молоко/молочко* (6 раз), *квас/квасок* (5 раз), *кисель* (5 раз), *медовуха* (2 раза).

Анализ функционирования некоторых гастрономических компонентов в русских паремиях в аксиологическом ракурсе был проведен и представлен нами ранее [Нелюбова 2023а; Нелюбова 2023б], в рамках данной статьи считаем важным отметить, что в различных тематических группах паремии с гастрономическим компонентом представлены в неодинаковом количественном соотношении, которое объясняется не только и не столько связью темы еды с тематикой рубрик, но и ролью гастрономического компонента как метафорической основы для представления определенных ценностей, имеющих отношение к различным сферам жизни и деятельности человека. Полученные данные представлены в таблице 1.

Таблица 1. Процентное соотношение единиц с гастрономическим компонентом в тематических рубриках словаря В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной

[*Table 1*. Units with a gastronomic component in thematic sections of the dictionary by V. Mokienko and T. Nikitina (in percentage terms)]

№	Тематическая рубрика	Процент единиц с гастрономическим компонентом
1.	Добродетели и пороки	38,5
2.	Гость и хозяин	35
3.	Труд и безделье	17,5
4.	Страсти и желания	14
5.	Мужчина и женщина	14
6.	Время и возраст	10,8
7.	Радость и печаль	10
8.	Вера и религия	8,76
9.	Любовь и ненависть	8,6
10.	Красота и несовершенство	8,1
11.	Брак и семья	8
12.	Счастье и горе	7,8
13.	Богатство и бедность	7
14.	Дружба и вражда	6,7
15.	Знание и невежество	6,3
16.	Государство и власть	5,9
17.	Правда и ложь	5,1
18.	Здоровье и болезни	4,9
19.	Ум и глупость	4,7
20.	Война и мир	3,9
21.	Добро и зло	3,3
22.	Жизнь и смерть	2,6

Таким образом, самый большой процент паремий с гастрономическим компонентом выявлен в рубрике о добродетелях и пороках человека (они касаются в основном пристрастия к пьянству, которое в большинстве случаев подвергается осуждению и, соответственно, выступает как антиценность) и о гостеприимстве. В рамках данного исследования ограничимся наиболее показательными примерами анализа функционирования пищевых компонентов как элементов создания аксиологического смысла единиц, выбранных из рубрики «Гость и хозяин».

Значительный процент паремий с гастрономическим компонентом, выявленный в рубрике «Гость и хозяин», объясняется русской традицией гостеприимства. Данное качество характеризуется как «важнейший императив русского менталитета, национальная ценность» [Прохоров, Стернин 2006: 59], как один из ключевых, национально-детерминированных концептов, отражающих этнический характер народа, нравственно-этическую ценность человека, «что подтверждается обширным пословичным материалом» [Смирнова 2011: 48] и позволяет верифицировать **гостеприимство** в русской культуре как ценность.

Гостеприимство связано в первую очередь с тем, чтобы накормить пришедшего в дом, принять его хлебосольно: *Гостя сперва накорми, а потом вестей спроси*; *Умел в гости звать, умей и угощать*; *Встречай хлебом-солью, провожай добрым словом*; *Не зови гостей, коли нет и костей* и др.

Единица *хлеб-соль* выявлена как один из наиболее частотных гастрономических компонентов в единицах рассматриваемой рубрики (8 случаев употребления), которая в ряде случаев служит синонимом и аналогом «гостеприимства» [Афинская 2015: 106]: *Милости просим, а хлеб-соль по-ста-*

ринному; *Хлеб-соль и разбойника смиряет*; *Сердись, бранись, держись, а за хлебом-солью сходись*; *Старая хлеб-соль не забывается*; *Хлеб-соль — взаимное дело*; *Хлеб-соль платежом красна*; *Хлеб-соль кушай, а хозяина слушай*.

Приведенный материал подтверждает, что в паремиях, как и в фольклоре в целом, «хлеб-соль» может употребляться и в прямом, и в более широком значении как «еда, угощение», а может переноситься в межличностную сферу как «услуги, благодеяния» [Медведева 2011: 104], оказываемые в том числе взаимно, как следует из примеров. В целом «хлеб-соль — это одновременно и приветствие, и выражение радушия, и пожелание гостю добра, и благополучия» [Смирнова 2011: 50].

Среди гастрономических компонентов встречаются как общие наименования (*еда*, *пища*): *Семь гостей — еда, а девять — беда*; *Хозяин не ест — и у гостей пища в горле колом становится*, так и в единичных случаях названия конкретных продуктов, поскольку «древняя, исконно русская кухня не отличалась особым разнообразием» [Павловская 2022: 14]: *Зови гостей меньше, так хлеба будет больше* (хлеб в данной тематической группе в основном встречается в составе лексемы *хлеб-соль*, о которой было сказано выше); *Ешь, кума, десятую шанежку, я не считаю*; *Куму блинками, а Фому — пинками*; *Кум к куме с мылом, а кума к куму с пряником*; *Лаком гость к меду, да пить ему воду*; *Осенью любого гостя молочком потчуют, нелюбого — пивом*.

В приведенных примерах наиболее сытные и праздничные продукты питания (*пряники*, *шанежки*, *блины*) упоминаются в контексте приема гостей-родственников (*кум*, *кума* — как второй ключевой элемент пословиц), что позволяет говорить о важности поддержания контактов с **семьей** и ценности **родственных отношений**.

В ракурсе проводимого анализа необходимо подчеркнуть связь паремий с гастрономическим компонентом на тему гостеприимства с **религиозными ценностями**: *И мил гость, да велик пост.* Данная единица, как и ряд примеров, приведенных выше, подчеркивает амбивалентный характер паремий и человеческого мышления в целом. В частности ситуация приема гостей во время поста показывает, что «некоторые мнения и ценностные установки, выраженные в пословицах, могут показаться противоречащими друг другу» [Медведева 2011: 110]. В данном случае в противоречии находятся гостеприимство как одна их традиционных патриархальных ценностей русского народа и религиозные обязательства. В целом «православие с его строгими и частыми постами оказало значительное влияние на формирование русской кухни: долгое время постный (растительно-рыбно-грибной) и скоромный (мясной) столы были разделены» [Павловская 2022: 14].

Говоря о связи гостеприимства и религиозных установок общества в широком смысле, необходимо помнить, что «представления о ценности гостеприимства восходят к традициям, мифологии и религиозным учениям» [Юнусова 2009: 20] и «гостеприимство как феномен европейской культуры связан с христианской моралью, обязывающей помогать бедным, делить кров со странниками и богомольцами, оказывая им радушный прием, облегчая их страдания и болезни, разделяя с ними семейную трапезу. Гостеприимство — одна из моральных ценностей, религиозных по своему существу» [Афинская 2015: 105].

Среди средств создания оценки в паремиях о гостеприимстве необходимо в первую очередь обратить внимание на специфику синтаксических конструкций, выражающих предписание быть гостеприимным, т. е. имплицитно характеризующих гостеприимство как ценность. Из 72 единиц с пищевым компонентом рубрики «Гость и хозяин» 22 содержат глаголы во 2-м лице в основном единственного числа повелительного наклонения, усиливающие назидательность русских паремий. В примерах, приведенных выше, выявляем следующие формы: *накорми*, *спроси*, *умей* (*угощать*), *встречай* (*хлебом-солью*), *провожай* (*добрым словом*), *не зови*, *сердись*, *бранись*, *держись*, *кушай*, *слушай* (*хозяина*), *зови*, *ешь* и мн. др.

Аксиологический смысл пословиц выражается и/или усиливается с помощью единиц оценочной семантики. В основном это прилагательные, в том числе в краткой форме, в сравнительной степени и наречия. Например, ценность гостеприимства и уважение к гостю (*гость мил*), которого нужно провожать добрым словом, а также ценность

веры и религиозных традиций (*велик пост*). Употребление оценочных прилагательных в краткой форме усиливает экспрессивную функцию пословицы. Аксиологическая семантика прилагательных может проявляться в контексте: прилагательное *старый* в сочетании с единицей *хлеб-соль* выражает положительную оценку (*не забывается* — т. е. всегда остается в памяти человека, которого хозяева приняли гостеприимно).

Необходимо отметить частотность употребления слов с отрицательной семантикой: в 21 пословице из 72 встречаются отрицательные наречия, предлоги и частицы, отрицательные префиксы в составе прилагательных (*не зови*, *нет и костей*, *не забывается*, *не ест*, *не считаю*, *нелюбого* и др.), которые способствуют выражению определенных сценариев через антисценарии. Например, употребление существительного отрицательной семантики *разбойник*, которого смиряет хлеб-соль, подчеркивает ценность гостеприимства. Кроме того, «на отрицании значения языкового знака базируется техника иронии» [Бочина 2003: 14]: *я не считаю* (*десятую шанежку*).

Часто представлению оценочности способствует прием контраста. В нашем материале встретились примеры оппозиций (*встречай — провожай*, *сперва — потом*, *хозяин — гость*, *меньше — больше*, *кум — кума*, *любой — нелюбой*), которые могут быть рассмотрены как паремийные биномы, представляющие собой сочетания двух компонентов в составе паремиологических единиц, «называющих предметы и явления окружающего мира, которые, будучи знакомыми и понятными говорящему, позволяют устанавливать связи и зависимости между ними, из которых в конечном итоге выводится смысл всего изречения» [Селиверстова 2022: 117].

Контрастность усиливается с помощью употребления синтаксических конструкций с союзом *а*, которую мы наблюдали в ряде приведенных выше примеров. Интересны в данном ракурсе пословицы *Куму блинками, а Фому — пинками*; *Семь гостей — еда, а девять — беда*, в которых имеют место яркие контекстуальные оппозиции, строящиеся на ассоциативном восприятии и являющиеся к тому же рифмопарами, по терминологии Т. Г. Бочиной [Бочина 2003: 33–34]. Рифмы в паре *блинками — пинками*, *еда — беда* еще больше усиливает эмоционально-экспрессивный эффект пословицы, как и суффикс субъективной оценки в слове *блинками*.

Употребление суффиксов субъективной оценки существительных также выполняют экспрессивно-оценочную функцию. Например, в паремии *Краюшечка маленька, да гостя как черт принесет, так и последнее унесет* размер *краюшечки* подчеркивается не только с помощью уменьшительного суффикса, но и употребления существительного с кратким прилагательным *маленька*, чтобы подчеркнуть крайнюю бедность (или жадность) хозяев, имплицитно обращаясь к аксиологическим диадам **богатство — бедность** и **жадность — щедрость, радушие** соответственно. У таких хозяев последнее съедят непрошеные гости, которых, естественно, *черт принесет*. Лексема *черт* в данном случае является эксплицитным выражением ценности **веры, религии** через его оппозицию Богу, который не посылает в данном случае в дом непрошеных гостей.

Исследование русских пословиц и поговорок с пищевыми компонентами, полученных путем сплошной выборки из словаря «Народная мудрость» [Народная мудрость 2011], как и анализ калмыцкого материала, показал их высокий аксиологический потенциал. Необходимо отметить самую высокую частотность лексемы *хлеб*, превосходящую частотность употребления других компонентов не менее, чем в 3 раза. Имеется в виду самая частотная после хлеба лексема *пирог(и)*, представляющая также мучную пищу. Из напитков к хлебу по частотности приближается компонент *вино*, встречающийся в основном в рубрике «Добродетели и пороки», содержащей самый высокий процент единиц с пищевым компонентом, осуждающих **пьянство**, которое представлено в паремиях как антиценность.

Анализ рубрики «Гость и хозяин» — второй по частотности наличия единиц с гастрономическим компонентом — позволил выявить следующие ценности и ценностные диады: **гостеприимство, семья и родственные отношения, вера и религия, богатство — бедность, щедрость — жадность**. К средствам создания оценки в паремиях о гостеприимстве относятся глаголы в форме повелительного наклонения, усиливающие степень назидательности, оценочные при-

лагательные, в том числе в краткой форме, наречия и существительные; широкое употребление лексем с отрицательной семантикой и в отрицательной форме, которое позволяет представлять определенные сценарии через антисценарии. Важно отметить различные формы выражения контраста, в котором важную роль играют рифмопары. Кроме того, экспрессивность содержания паремий усиливается за счет суффиксов субъективной оценки.

Наличие репрезентации ценности гостеприимства, семьи и родственных отношений в паремиях калмыцкого и русского языков может быть обусловлено среди прочих причин отнесенностью данных культур к социоцентрическому типу, в которых важна ориентированность не на отдельного человека как индивидуальность, а на человека в составе группы, коллектива в отличие от культур европейских, в частности французской (подробнее см.: [Нелюбова, Хильтбруннер, Ершов 2019; Нелюбова 2022; и др.]).

Подробное изучение гастрономических паремий, представленных в меньшей степени в других рубриках, позволит расширить представление о репрезентации ценностей и языковых средствах оценки в русском паремиологическом фонде.

3.3. Репрезентация ценностей во французских паремиях с гастрономическим компонентом

Прежде чем обращаться к обсуждению функционирования пищевого компонента во французских паремиях, необходимо отметить исключительно важную роль гастрономии во французской культуре, где пища не просто рассматривается как безусловное удовольствие (см.: [Кургузенкова 2011: 54–55]), а представляет собой отдельную ценность [Нелюбова 2023б: 771], базовый концепт французской лингвокультуры [Абакарова, Омарова 2016: 68]. Во Франции кулинария имеет статус научной дисциплины, а с целью сохранения и приумножения традиции французской кухни, объявленной национальным достоянием, был создан первый в мире гастрономический университет [Барилова 2011: 153].

Французские паремии с гастрономическими компонентами были изучены нами ранее достаточно подробно на материале рубрик «La nourriture, la table. Еда, стол» (87 единиц), а также в подрубрике «La vigne, les vendanges et le vin. Лоза, сбор винограда, вино» (34 единицы) в составе рубрики «Le travail de la terre. Земледелие» словаря пословиц и поговорок [Dictionnaire 2006] и представлены в ряде публикаций [Нелюбова, Семина, Казлаускене 2020; Нелюбова 2023а; Нелюбова 2023б].

В частности был произведен подсчет, представлена количественная иерархия паремий подрубрик, связанных с темой гурманства и еды, а также приведен ряд примеров с лингвокультурологическим комментарием и пояснением их соотношения с ценностями [Нелюбова, Семина, Казлаускене 2020: 976–980]. Результаты исследования показали, что самым частотным пищевым компонентом, как и в русском материале, является *le pain* ‘хлеб’. Он встретился в 20 паремиях. Компоненты *le miel* ‘мед’ и *le lard* ‘сало’ встречаются в 5 единицах, в 4 — *le fromage* ‘сыр’, традиционный продукт для французской кухни, в 3 — *le beurre* ‘масло’, в 3 — *les choux* ‘капуста’, в 2 — *la viande* ‘мясо’.

Отдельно отметим гастрономическую поговорку *Aile de perdrix, cuisse de bécasse, dos de carpe, ventre de brochet* ‘Крыло куропатки, бедро бекаса, спинка карпа, брюшко щуки’, которая, используя образы, связанные с разнообразием гастрономических изысков, рекомендует брать от жизни все самое лучшее. Общее название *le poisson* ‘рыба’ упоминается в трех паремиях с отрицательной коннотацией: *Jamais poisson à deux mains ne fut du gout des humains* ‘Никогда рыба, которую нужно есть двумя руками, не нравилась людям’ — в данном случае рыбу нужно есть руками из-за того, что в ней много костей. Другой пример — *La sauce fait passer le poisson* ‘С соусом рыба вкуснее’ — говорит о том, что с соусом или приправой можно съесть все. Лексема *la sauce* ‘соус’ встретилась в 3 единицах, как и компонент *le sel* ‘соль’. В единичных случаях употреблены лексемы *le piment* ‘острый перец’ и *la moutarde* ‘горчица’. В 18 паремиях подрубрики «La vigne, les vendanges et le vin. Лоза, сбор винограда, вино» встречается компонент *le vin* ‘вино’, представляя, таким образом, один из самых частотных компонентов французских гастрономических паремий.

В результате анализа аксиологической составляющей французских паремий были выявлены следующие ценности [Нелюбова 2023а: 459–461; Нелюбова 2023б: 770]: **еда** как отдельная ценность (*On ne vieillit point à table* ‘За столом не стареют’); **знания** (*Table vaut bien école* ‘Застолье стоит школы’); **мир** (*La paix engraisse plus que la table* ‘В мирное время толстеешь больше, чем за столом’); **жизнь** и **здоровье** (*Soupe aux choux au médecin ôte cinq sous* ‘Суп с капустой отнимает у доктора пять су’; *Un bon verre de vin enlève un écu au médecin* ‘Бокал доброго вина отнимает у доктора экю’ — в данном случае имеются в виду целебные свойства капусты и вина, более эффективные, чем платные услуги врача, что отсылает к аксиологической диаде **богатство — бедность** и стремлению французов к **экономности**); **труд** (*Les peines sont bonnes avec le pain* ‘И горести хороши с хлебом’; *Nul pain sans peine* ‘Нет хлеба без труда’); **вера, религия** (*Le Christ n’a pas changé le vin en eau mais l’eau en vin* ‘Христос превратил не вино в воду, а воду в вино’).

Несмотря на то, что вино является традиционным продуктом и его ценность приравнивается к ценности хлеба: *Les peines sont bonnes avec le pain* ‘И горести хороши с хлебом’; *Le pain et le vin sont le commencement d’un festin* ‘С хлеба и вина праздник начинается’, паремии напоминают о вреде злоупотребления им (*Pain tant qu’il dure, mais vin à mesure* ‘Хлеб (ешь), сколько хочешь, а вино (пей) в меру)’, как и переедания (*Il faut manger pour vivre et non vivre pour manger* ‘Нужно есть, чтобы жить, а не жить, чтобы есть’).

Ценность **дружбы** и **добрососедских отношений** отражена в паремии *Au fromage et jambon connaît-on voisin et compagnon* ‘По сыру и ветчине узнаются сосед и спутник’, содержащей типично французские гастрономические образы и сходной по семантике с единицей *Au besoin on connaît l’ami* ‘Друг познается в нужде’.

К средствам выражения оценки в приведенных примерах относятся выражение *valoir bien* ‘стоить’; сравнительная степень наречий *plus que* ‘больше, чем’; прилагательные, выражающие положительную оценку *bon* ‘хороший’, *un festin* ‘праздник’; безличная конструкция *il faut* ‘нужно’; неопределенно-личное местоимение *on* — для передачи общепринятого или очевидного факта. Как и в калмыцких, и в русских примерах, во французских паремиях передача аксиологического смысла может осуществляться посредством употребления отрицания и единиц, выражающих отрицательную оценку (*on ne vieillit point* ‘не стареют’, *ôter* ‘отнимать’, *le besoin* ‘нужда’). Экспрессивность достигается и путем применения синтаксического приема хиазма, усиливающего антитезу в примерах о вине и воде и о том, что нужно не жить, чтобы есть, а есть, чтобы жить. Во французском материале были выявлены многочисленные рифмопары: *choux — sous*, *vin — médecin*, *pain — vin*, *vin — festin*, *dure — mesure*, *jambon — compagnon*, также усиливающие экспрессивность паремий с точки зрения их аксиологической семантики.

Исследование французского паремиологического материала с гастрономическими компонентами, приведенного в соответствующих рубриках словаря пословиц и поговорок [Dictionnaire 2006], так же, как и анализ калмыцкого и русского материала, продемонстрировал его богатый аксиологический потенциал. Самая высокая частотность, что наблюдалась и в русских паремиях, была выявлена у компонентов *le pain* ‘хлеб’ и *le vin* ‘вино’. Другие компоненты, отражающие специфику французской гастрономической традиции, употребляются единично, но играют определенную роль в создании аксиологического смысла паремий.

Проведенный анализ позволил выявить следующие ценности и ценностные диады: **еда, знания, мир, жизнь и здоровье, вера и религия, богатство — бедность, труд, вера и религия, дружба**. Как положительное качество оценивается **экономность**. К средствам создания оценки в паремиях о гостеприимстве относятся неопределенно-личные и безличные формы глаголов, прилагательные и существительные оценочной семантики; употребление лексем с отрицательной семантикой и в отрицательной форме, которое так же, как и в двух других языках, способствует выражению определенных сценариев через антисценарии. Экспрессивность паремий в контексте их аксиологического потенциала усиливает

использование стилистического приема хиазма, а также рифмопар, имеющих достаточно высокую частотность употребления.

В целом, несмотря на различия самих гастрономических компонентов в материале трех языков и типологические особенности их строя, необходимо подчеркнуть важную роль общего, универсального компонента и его выявления как на уровне отражения сходных ценностей, так и в языковых средствах и приемах выражения оценки, учитывая, что «национальная специфичность пословичного фонда — это наиболее сложная его характеристика, которая основана на национально-языковом своеобразии и национально-культурной маркированности как уникальных (на фоне других языков), так и общих с другими языками пословиц» [Иванов, Ломакина, Петрушевская 2021: 1001].

Объективное разграничение национально специфического и универсального в пословичном фонде, как показывает практика, имеет решающее значение для его лексикографического описания (прежде всего в зоне лингвокультурологического комментария) [Бредис и др. 2021; Бредис, Иванов 2022а; Иванов 2023], а также при переводе пословиц на другие языки, особенно генетически и типологически далекие [Бредис, Иванов 2022б: 17–30].

4. Заключение

Анализ паремий с пищевыми компонентами, проведенный на материале трех генетически и типологически далеких языков, показал их высокий аксиологический потенциал. Выявленные наиболее частотные компоненты отражают особенности образа жизни этносов, паремии которых подверглись анализу, и их традиционный род деятельности. Разнообразие обозначений мясных и молочных продуктов характерно для паремиологического фонда калмыцкого языка, что объясняется их традиционно основным занятием — скотоводством. Частотность упоминаний хлеба и вина в русских и французских паремиях объясняется преобладанием роли земледелия. Восприятие хлеба как символа сытости и достатка характерно для этих двух культур, тогда как отношение к вину имеет существенные различия: в русских паремиях данный компонент упоминается преимущественно в контексте осуждения пьянства, а во французских рассматривается как отдельная ценность в основном в контексте положительной оценки, что объясняется традиционной важной ролью виноделия во Франции.

Выявленные ценности и ценностные диады в трех языках в основном совпадают. Во всех изучаемых культурах пища представляет собой отдельную ценность, однако для калмыков и русских она важна в основном для поддержания жизни человека, в то время как французская культура относится к гастрономическому типу, что находит яркое подтверждение в паремиях через употребление различных специфических пищевых компонентов: продуктов и дополнений к блюдам.

В пословицах и поговорках трех языков были выявлены следующие ценности и ценностные диады: **жизнь, знания, вера и религия, богатство — бедность.** В калмыцком и русском материале обнаружена связь с ценностями **семьи и родственных отношений,** а также с **гостеприимством** и осуждением жадности, что определяется преимущественно социоцентрической направленностью данных культур в отличие от индивидуалистской европейской французской, где эти ценности в единицах с пищевыми компонентами выявлены не были, экономность рассматривается как достоинство и больший акцент делается на материальное восприятие ценностей.

Несмотря на типологические различия калмыцкого, русского и французского языков, средства выражения оценочности и создания аксиологического смысла в паремиях обладают рядом сходств: выражение сценариев через антисценарии путем использования различных средств выражения приема контраста и использование оценочных лексем. Высокая степень назидательности присуща русским паремиям. Наибольшей нейтральностью в этом отношении отличаются французские паремии, которые чаще носят констатирующий характер, а не побуждают к активному действию, что также объясняется разницей культур.

Перспективы проведенного исследования заключаются в дальнейшем подробном изучении калмыцких паремий с различными компонентами с точки зрения их роли в

формировании аксиологического смысла в сопоставительном аспекте на более широком языковом фоне, в рамках евразийского паремиологического континуума.

Источники

Народная мудрость 2011 — Народная мудрость / М. В. Мокиенко, Т. Г. Никитина. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011. 416 с.

Пословицы, поговорки 2007 — Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / сост., пер. Б. Х. Тодаевой. Элиста: Джангар, 2007. 761 с.

Dictionnaire 2006 — Dictionnaire de proverbes et dictons / par F. Montreynaud, A. Pierron, F. Suzzoni. Paris: Le Robert, 2006. 759 p.

Sources

Mokienko M. V., Nikitina T. G. Folk Wisdom. Moscow: OLMA Media Group, 2011. 416 p. (In Russ.)

Montreynaud F., Pierron A., Suzzoni F. Dictionnaire de proverbes et dictons. Paris: Le Robert, 2006. 759 p. (In Fr.)

Todaeva B. Kh. (comp.) Kalmyks of Russia and Oirats of China: Proverbs, Sayings, and Riddles. Elista: Dzhangar, 2007. 761. (In Kalm. and Russ.)

Литература

Абакарова, Омарова 2016 — *Абакарова М. А., Омарова Ф. Т.* Концептуализация понятия еда во французской языковой картине мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5(59). Ч. 3. С. 66–68.

Абрамова 2010 — *Абрамова М. А*. Духовные и материальные ценности как факторы адаптации молодежи Калмыкии и Якутии (на материалах социологического опроса в Республиках Калмыкия и Саха (Якутия) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. «Философия». 2010. Т. 8. № 1. С. 109–116.

Амыкова 2019 — *Амыкова В. Н.* К вопросу о трансформации ценностной системы калмыцкого общества // Аспирантский вестник Поволжья. 2019. № 7–8. С. 28–31. DOI: 10.17816/2072-2354.2019.19.4.28-31

Афинская 2015 — *Афинская З. Н.* Гостеприимство и семья в ракурсе лингвокультуры // Paradigmata poznání. 2015. № 4. С. 105–110.

Бадмаева 2007 — *Бадмаева Ц. А.* Этнокультурные ценности калмыков: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 2007. 22 с.

Барилова 2011 — *Барилова Е. Э.* «Еда» как фрагмент русской и французской языковой картины мира // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2011. № 13. С. 152–155.

Батыров 2009 — *Батыров В. В.* Растительная пища в рационе калмыков в XIX в. // Вестник Калмыцкого научного центра РАН. 2009. № 2. С. 73–75.

Батыров 2010 — *Батыров В. В.* Пища и домашняя утварь // Калмыки. М.: Наука, 2010. С. 186–199.

Боваева 2012 — *Боваева Г. М.* Лингвокультурная специфика этнических пищевых предпочтений: на материале глюттонических номинаций калмыцко-, русско- и немецкоязычных этносов: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2012. 21 с.

Бочина 2003 — *Бочина Т. Г.* Контраст как лингвокогнитивный принцип русской пословицы: автореф. дисс. … докт. филол. наук. Казань, 2003. 50 с.

Бочина 2022 — *Бочина Т. Г*. Контраст в тувинских пословицах // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 37–46. DOI: 10.25178/nit.2022.1.3

Бредис, Иванов 2021 — *Бредис М. А., Иванов Е. Е.* Типология пословиц прибалтийско-финских народов России о богатстве и бедности (на европейском паремиологическом фоне) // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 4. С. 607–615. DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615.

Бредис, Иванов 2022а — *Бредис М. А., Иванов Е. Е.* Лингвокультурологический комментарий в полилингвальных словарях пословиц // Вопросы лексикографии. 2022. № 26. С. 5–29. DOI: 10.17223/22274200/26/1

Бредис, Иванов 2022б — *Бредис М. А., Иванов Е. Е.* Провербиальные факторы перевода тувинских пословиц в аспекте нормативной и полилингвальной паремиографии (на фоне русского и английского языков) // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 17–36. DOI: 10.25178/nit.2022.1.2

Бредис и др. 2021 — *Бредис М. А., Иванов Е. Е., Ломакина О. В., Нелюбова Н. Ю., Кужугет Ш. Ю.* Лексикографическое описание тувинских пословиц: принципы, структура, этнолингвокультурологический комментарий (на европейском паремиологическом фоне) // Новые исследования Тувы. 2021. № 4. С. 143–160. DOI: 10.25178/nit.2021.4.11

Гишкаева, Гишкаева, Дубинина 2022 — *Гишкаева Л. И., Гишкаева Л. Н., Дубинина Н. В.* Представления о гостеприимстве в мусульманских лингвокультурах (на материале пословиц) // Когнитивные исследования языка. 2022. № 4(51). С. 652–656.

Гучинова 2001 — *Гучинова Э.-Б. М.* Пища калмыков в России и в США: опыт сравнительного анализа // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М.: Наука. 2001. С. 231–249.

Иванов 2022а — *Иванов Е. Е.* Афоризм в кругу малых текстовых форм в устном, письменном и электронном дискурсах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 4. С. 898–924. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-4-898-924

Иванов 2022б — *Иванов Е. Е.* Семантическая типология тувинских пословиц (эмпирический и аксиологический аспекты) // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 317–337. DOI: 10.25178/nit.2022.4.22

Иванов 2022в — *Иванов Е. Е.* Функции афористических единиц в русском языке // Русистика. 2022. Т. 20. № 2. С. 167–185. DOI: 10.22363/2618-8163-2022-20-2-167-185

Иванов 2023 — *Иванов Е. Е.* Лингвокультурологический комментарий в тувинско-русско-английском паремиологическом словаре // Новые исследования Тувы. 2023. № 1. С. 243–258. DOI: 10.25178/nit.2023.1.14

Иванов, Ломакина, Петрушевская 2021 — *Иванов Е. Е., Ломакина О. В., Петрушевская Ю. А.* Национальная специфичность пословичного фонда: основные понятия и методика выявления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 4. С. 996–1035. DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035

Калмыки 2010 — Калмыки / отв. ред. Э. П. Бакаева, Н. Л. Жуковская. М.: Наука, 2010. 568 с.

Кургузенкова 2011 — *Кургузенкова Ж. В.* Идентификация основных черт французского национального характера путем анализа способов когнитивного моделирования во французской фразеологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2011. № 3. 52–56.

Ли Чи 2022 — *Ли Чи.* Гастрономический код русской лингвокультуры: лексико-фразеологический аспект: дисс. … канд. филол. наук. М., 2022. 256 с.

Ломакина, Мокиенко 2018 — *Ломакина О. В., Мокиенко В. М.* Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. 2018. № 4. С. 303–317.

Ломакина 2022 — *Ломакина О. В.* Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 6–16. DOI: 10.25178/nit.2022.1.1

Медведева 2011 — *Медведева Д.* Гостеприимство (на материале русской и сербской лингвокультур // Славянская концептосфера в сопоставительном освещении: лексикон / под ред. Е. Е. Стефанского. Самара: Самар. гуманит. акад., 2011. С. 103–114.

Мокиенко, Никитина 2022 — *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Славянский мир в паремиологической интерпретации: аксиологические доминанты и их лингвокультурологическая интерпретация. СПб.: СПбГУ, 2022. 358 с.

Монраев и др. 2021 — *Монраев М. У., Лиджиев А. Б., Алексеева С. С., Худогулова Е. П.* Лексика пищи в традиционной культуре калмыков // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2021. Т. 12. № 4. URL: https://sfk-mn.ru/11FLSK421.html (дата обращения: 10.02.2023).

Мукабенова, Лиджиев 2020 — *Мукабенова Ж. А., Лиджиев А. Б.* Традиционная пища калмыков в семейно-бытовой обрядности // Вестник Бурятского государственного университета: Язык, литература, культура. 2020. Вып. 3. С. 94–98.

Нелюбова, Хильтбруннер, Ершов 2019 — *Нелюбова Н. Ю., Хильтбруннер В. И., Ершов В. И.* Отражение иерархии ценностей в пословичном фонде русского и французского языков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23. № 1. С. 223–243. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-223-243

Нелюбова, Семина, Казлаускене 2020 — *Нелюбова Н. Ю., Семина П. С., Казлаускене В.* Гурманство в иерархии ценностей французов и бельгийцев (на материале пословиц и поговорок) // Russian Journal of Linguistics. 2020. Т. 24. № 4. С. 969–990. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-969-990

Нелюбова 2022 — *Нелюбова Н. Ю.* Аксиологические доминанты паремий как типологические маркеры тувинской, русской и французской этнокультур // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 146–163. DOI: 10.25178/nit.2022.1.10

Нелюбова 2023а — *Нелюбова Н. Ю.* Метафорическое представление гастрономического культурного кода во французских, русских и тувинских паремиях: аксиологический аспект // Когнитивные исследования языка. 2023. № 2(53). С. 458–465.

Нелюбова 2023б — *Нелюбова Н. Ю.* Репрезентация концепта ЕДА в русских и французских пословицах: лингвоаксиологический анализ // Когнитивные исследования языка. 2023. № 3(54). С. 767–772.

Очирова, Мукабенова, Шарапова 2019 — *Очирова Н. Ч., Мукабенова Ж. А., Шарапова Н. Н.* Лексика, отражающая традиционную пищу калмыков (этнолингвистический аспект) // Вестник Калмыцкого университета. 2019. № 4. С. 93–100.

Павловская 2022 — *Павловская А. В.* Человек есть то, что он ест. Пищевые системы мира. М.: Ломоносовъ, 2022. 288 с.

Паремиология без границ 2020 — Паремиология без границ / под ред. М. А. Бредиса, О. В. Ломакиной. М.: РУДН, 2020. 244 с.

Паремиология на перекрестках… 2021 — Паремиология на перекрестках языков и культур / под ред. Е. Е. Иванова, О. В. Ломакиной. М.: РУДН, 2021. 246 с.

Прохоров, Стернин 2006 — *Прохоров Ю. Е., Стернин И. А.* Русские: коммуникативное поведение. 2-е изд. испр. и доп. М.: Флинта; Наука, 2006. 238 с.

Пюрбеев 1996 — *Пюрбеев Г. Ц.* Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1996. 176 с.

Селиверстова 2022 — *Селиверстова Е. И.* Бинарные структуры в тувинских пословицах как проявление национально-маркированного видения мира // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 115–130. DOI: 10.25178/nit.2022.1.8

Смирнова 2011 — *Смирнова Л. А.* Национально-культурная специфика реализации концепта ‘гостеприимство’ в русской пословичной картине мира // Филология и лингвистика: проблемы и перспективы: мат-лы междунар. заоч. науч. конф. (г. Челябинск, июнь 2011 г.) / под общ. ред. Г. Д. Ахметовой. Челябинск: Два комсомольца, 2011. С. 48–51.

Уланов 2021 — *Уланов М. С.* Трансформация этнической ментальности калмыков в конце XIX – первой половине XX в. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2021. № 4(69). С. 140–146. DOI: 10.21672/1818-510X-2021-69-4-140-146

Ханинова 2023 — *Ханинова Р. М.* Благопожелание чаю в современной калмыцкой лирике: фольклорный аспект // Монголоведение. 2023. Т. 15. № 2. С. 253–270. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-2-253-270

Шарманджиев 2011 — *Шарманджиев Д. А.* О ценностных представлениях населения республики Калмыкия: поколенческие предпочтения (по материалам социологических опросов) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 4(2). С. 172–175.

Юнусова 2009 — *Юнусова Р. Д.* Аксиология фразеологизмов со значением «гостеприимство / кунакчыллык» в русском и татарском языках: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2009. 22 с.

References

Abakarova M. A., Omarova F. T. The conceptualization of the notion food in the French linguistic worldview. *Philology. Theory & Practice*. 2016. No. 5 (59). Pt. 3. Pp. 66–68. (In Russ.)

Abramova M. A. Spiritual and physical values as adaptation factors of Kalmykia and Yakutia’s youth: A sociological survey in Kalmykia and Sakha (Yakutia). *Siberian Journal of Philosophy*. 2010. Vol. 8. No. 1. Pp. 109–116. (In Russ.)

Afinskaya Z. N. Hospitality and family in a linguocultural perspective. *Paradigmata poznání*. 2015. No. 4. Pp. 105–110. (In Russ.)

Amykova V. N. The transformation of the value system Kalmyk society. *Aspirantskiy Vestnik Povolzhiya*. 2019. No. 7–8. Pp. 28–31. DOI: 10.17816/2072-2354.2019.19.4.28-31. (In Russ.)

Badmaeva Ts. A. Kalmyk Ethnocultural Values. Cand. Sc. (philosophy) thesis abstract. Stavropol, 2007. 22 p. (In Russ.)

Barilova E. E. “Food” as the fragment of the Russian and French linguistic world mapping. *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki*. 2011. No. 13. Pp. 152–155. (In Russ.)

Batyrov V. V. Plant food in the diet of nineteenth-century Kalmyks. *Oriental Studies*. 2009. Vol. 2. No. 2. Pp. 73–75. (In Russ.)

Bochina T. G. Contrast as a Linguocognitive Principle of Russian Proverbs. Dr. Sc. (philology) thesis abstract. Kazan, 2003. 50 p. (In Russ.)

Bochina T. G. Contrast in Tuvan proverbs. *The New Research of Tuva*. 2022. No. 1. Pp. 37–46. DOI: 10.25178/nit.2022.1.3. (In Russ.)

Bovaeva G. M. Linguocultural Specifics of Ethnic Food Preferences: A Case Study of Glutonic Names in Kalmyk, Russian, and German. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Kazan, 2012. 21 p. (In Russ.)

Bredis M. A., Ivanov E. E. Linguoculturological commentary in polylingual dictionaries of proverbs. *Russian Journal of Lexicography*. 2022. No. 26. Pp. 5–29. DOI: 10.17223/22274200/26/1. (In Russ.)

Bredis M. A., Ivanov E. E. Proverbial factors in translating Tuvan proverbs in the light of normative and poly-lingual paremiography (As contrasted to Russian and English languages). *The New Research of Tuv*a. 2022. No. 1. Pp. 17–36. DOI: 10.25178/nit.2022.1.2. (In Russ.)

Bredis M. A., Ivanov E. E. Typology of proverbs of the Baltic-Finnish peoples of Russia about wealth and poverty (On the European paremiological material). *Bulletin of Ugric Studies*. 2021. Vol. 11. No. 4. Pp. 607–615. DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-4-607-615. (In Russ.)

Bredis M. A., Ivanov E. E., Lomakina O. V., Nelyubova N. Yu., Kuzhuget Sh. Yu. A lexicographical description of Tuvan proverbs: Principles, structure and an ethnolinguoculturological commentary as compared to European paremies. *The New Research of Tuva*. 2021. No. 4. Pp. 143–160. DOI: 10.25178/ nit.2021.4.11. (In Russ.)

Bredis M. A., Lomakina O. V. (eds.) Paremiology without Borders. Moscow: RUDN University, 2020. 244 p. (In Russ.)

Gishkaeva L. I., Gishkaeva L. N., Dubinina N. V. Concepts of hospitality in Muslim linguocultures (On the material of proverbs). *Cognitive Studies of Language*. 2022. No. 4 (51). Pp. 652–656. (In Russ.)

Guchinova E.-B. M. Food of Kalmyks in Russia and the United States: A comparative analysis. In: Traditional Food as Manifested Ethnic Consciousness. Moscow: Nauka. 2001. Pp. 231–249. (In Russ.)

Ivanov E. E. Aphorism in the circle of small text forms in oral, written and electronic discourses. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2022. Vol. 13. No. 4. Pp. 898–924. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-4-898-924. (In Russ.)

Ivanov E. E. Functions of aphoristic units in the Russian language. *Russian Language Studies*. 2022. Vol. 20. No. 2. Pp. 167–185. DOI: 10.22363/2618-8163-2022-20-2-167-185. (In Russ.)

Ivanov E. E. Semantic typology of Tuvan proverbs (Empirical and axiological aspects). *The New Research of Tuva*. 2022. No. 4. Pp. 317–337. DOI: 10.25178/nit.2022.4.22. (In Russ.)

Ivanov E. E., Lomakina O. V. (eds.) Paremiology at the Crossroads of Languages and Cultures. Moscow: RUDN University, 2021. 246 p. (In Russ.)

Ivanov E. E. Linguoculturological commentary in the Tuvan-Russian-English Paremiological Dictionary. *The New Research of Tuva*. 2023. No. 1. Pp. 243–258. DOI: 10.25178/nit.2023.1.14. (In Russ.)

Ivanov E. E., Lomakina O. V., Petrushevskaya Yu. A. The national specificity of the proverbial fund: Basic concepts and procedure for determining. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2021. Vol. 12. No. 4. Pp. 996–1035. DOI: 10.22363/2313-2299-2021-12-4-996-1035. (In Russ.)

Khaninova R. M. Tea Well-Wishes in Contemporary Kalmyk Lyric Poetry: The Folklore Aspect Revisited. *Mongolian Studies*. 2023. Vol. 15. Is. 2. Pp. 253–270. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-2-253-270. (In Russ.)

Kurguzenkova Zh. V. Identification of main features of French national character through analysis of French phraseology. *Russian Journal of Linguistics. Vestnik RUDN*. 2011. No. 3. Pp. 52–56. (In Russ.)

Li Chi. Gastronomic Code of Russian Linguoculture: A Lexical/Phraseological Aspect. Cand. Sc. (philology) thesis. Moscow, 2022. 256 p. (In Russ.)

Lomakina O. V. Tuvan paremiology: Its linguoculturological and linguoaxiological potential. *The New Research of Tuva*. 2022. No. 1. Pp. 6–16. DOI: 10.25178/nit.2022.1.1. (In Russ.)

Lomakina O. V., Mokienko V. M. Value constants of the Rusin paremiology (Compared with the Ukrainian and Russian languages). Rusin. 2018. No. 4. Pp. 303–317. (In Russ.)

Medvedeva D. Hospitality: A case study of Russian and Serbian linguocultures. In: Stefansky E. E. (ed.) Slavic Conceptual Framework in a Comparative Perspective: Vocabulary. Samara: Samara Academy for the Humanities, 2011. Pp. 103–114. (In Russ.)

Mokienko V. M., Nikitina T. G. The Slavic World and Paremiological Interpretations: Axiological Dominants and Their Linguoculturological Interpretations. Monograph. St. Petersburg: St. Petersburg University, 2022. 358 p. (In Russ.)

Monraev M. U., Lidzhiev A. B., Alekseeva S. S., Khudogulova E. P. The vocabulary of food in the traditional culture of the Kalmyks. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultur-*

al Studies. 2021. Vol. 12. No. 4. Available at: https://sfk-mn.ru/11FLSK421.html (accessed: 10 February 2023). (In Russ.)

Mukabenova Zh. A., Lidzhiev A. B. Traditional Kalmyk food in family and household rituals. *Bulletin of BSU. Language. Literature. Culture*. 2020. No. 3. Pp. 94–98. (In Russ.)

Neliubova N. Yu. Axiological dominants of paremies as typological markers in Russian, Tuvan and French ethnic cultures. *The New Research of Tuva*. 2022. No. 1. Pp. 146–163. DOI: 10.25178/ nit.2022.1.10. (In Russ.)

Nelyubova N. U., Syomina P. S., Kazlauskiene V. Gourmandise in the hierarchy of values: A case study of French and Belgian proverbs and sayings. *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Vol. 24. No. 4. Pp. 969–990. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-969-990. (In Russ.)

Nelyubova N. Yu. Metaphorical representation of gastronomic cultural code in French, Russian and Tuvan paremias: Axiological aspect. *Cognitive Studies of Language*. 2023. No. 2 (53). Pp. 458–465. (In Russ.)

Nelyubova N. Yu. The concept food in Russian and French proverbs: Linguo-axiological analysis. *Cognitive Studies of Language*. 2023. No. 3(54). Pp. 767–772. (In Russ.)

Nelyubova N. Yu., Hiltbrunner V. I., Ershov V. I. The reflection of the hierarchy of values in the proverbial fund of the Russian and French languages. *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Vol. 23. No. 1. Pp. 223–243. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-223-243. (In Russ.)

Nelyubova N. Yu., Syomina P. S., Kazlauskiene V. Gourmandise in the hierarchy of values: A case study of French and Belgian proverbs and sayings. Russian Journal of Linguistics. 2020. Vol. 24. No. 4. Pp. 969–990. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-969-990. (In Russ.)

Ochirova N. Ch., Mukabenova Zh. A., Sharapova N. N. Words denoting traditional Kalmyk food (Ethnic and linguistic aspects). *Bulletin of Kalmyk University*. 2019. No. 4. Pp. 93–100. (In Russ.)

Pavlovskaya A. V. Man Is What He/She Eats: Food Systems of the World. Moscow: Lomonosov, 2022. 288 p. (In Russ.)

Prokhorov Yu. E., Sternin I. A. The Russian: Communicative Behaviors. Second edition, rev. & suppl. Moscow: Flinta; Nauka, 2006. 238 p. (In Russ.)

Pyurbeev G. Ts. Traditional Household Activities of Kalmyks: An Explanatory Dictionary. Elista: Kalmykia Book Publ., 1996. 176 p. (In Kalm. and Russ.)

Seliverstova E. I. Binary structures in Tuvan proverbs as a manifestation of the nationally marked vision of the world. *The New Research of Tuva*. 2022. No. 1. Pp. 115–130. DOI: 10.25178/ nit.2022.1.8. (In Russ.)

Sharmandzhiev D. A. About valuable ideas of population of Republic of Kalmykia: Generation preferences (Based on materials of sociological survey). *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS.* 2011. Vol. 4. No. 2. Pp. 172–175. (In Russ.)

Smirnova L. A. Implementing the concept 'hospitality' in the Russian proverbial worldview: Ethnocultural specifics. In: Akhmetova G. D. (ed.) Philology and Linguistics: Challenges and Prospects. Conference proceedings (Chelyabinsk, June 2011). Chelyabinsk: Dva Komsomoltsa, 2011. Pp. 48–51. (In Russ.)

Ulanov M. S. Transformation of the ethnic mentality of the Kalmyks at the end of the 19th and the first half of the 20th century. *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*. 2021. No. 4 (69). Pp. 140–146. DOI: 10.21672/1818-510X-2021-69-4-140-146. (In Russ.)

Yunusova R. D. Axiology of Set Phrases with the Meaning 'Hospitality / Kunakchyllyk' in Russian and Tatar. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Kazan, 2009. 22 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 4, Pp. 948–956, 2023
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК / UDC 811.512.37+811.161.1
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-948-956

Религиозная лексика в письмах хана Аюки и их русских переводах

Галина Михайловна Ярмаркина[1]

[1] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, ученый секретарь
0000-0002-3701-9157. E-mail: yarmarkinagm[at]kigiran.com

© КалмНЦ РАН, 2023
© Ярмаркина Г. М., 2023

Аннотация. *Введение.* Религиозная лексика представляет собой средство выражения особого образа мира, особой ценностной системы. *Целью* настоящей работы является выявление особенностей функционирования религионимов в деловых калмыцких письмах XVII–XVIII вв. и их русских переводах. *Материалом* для статьи послужили 79 писем калмыцкого хана Аюки за 1685–1715 гг. и синхронические русские переводы этих писем. Материалы хранятся в Российском государственном архиве древних актов и в Национальном архиве Республики Калмыкия. *Результаты*. Анализ религиозной лексики отчетливо демонстрирует различия в языковой картине мира представителей разных религий. В текстах встречаются религионимы, связанные с буддизмом (в калмыцких письмах), православием (в синхронических русских переводах) и исламом (единичные случаи в калмыцких письмах и в русских переводах). В большинстве случаев религионимы выступают в качестве важного средства дипломатического этикета. Сопоставление оригинальных текстов и их переводов позволило выявить расширение семантики некоторых калмыцких религионимов-топонимов — наименований мест паломничества, а также почти полное отсутствие буддийских терминов в русских переводах, которое объясняется, на наш взгляд, разными религиозными представлениями о мире.

Ключевые слова: калмыцкие деловые письма XVII–XVIII вв., русские переводы XVII–XVIII вв., религиозная лексика, буддизм, православие

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).

Для цитирования: Ярмаркина Г. М. Религиозная лексика в письмах хана Аюки и их русских переводах // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 4. С. 948–956. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-948-956

Letters of Khan Ayuka and Their Russian Translations: Revisiting Religious Terms

Galina M. Yarmarkina[1]

[1] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate, Scientific Secretary
0000-0002-3701-9157. E-mail: yarmarkinagm[at]kigiran.com

© KalmSC RAS, 2023
© Yarmarkina G. M., 2023

Abstract. *Introduction*. Religious vocabulary is a means to express a special view of the world, a special value system. *Goals*. The work aims to identify some specific patterns in the functioning of religionyms in seventeenth-eighteenth century Kalmyk official letters and their Russian translations. *Materials and methods*. The article examines a total of seventy nine letters by the Kalmyk Khan Ayuka for the years 1685 to 1715 — and their parallel Russian translations. The original texts are housed by the Russian State Archive of Ancient Acts and the National Archive of Kalmykia. *Results*. The analysis of religious vocabulary reveals certain differences in linguistic worldviews articulated by representatives of different religions. The texts contain religionyms associated with Buddhism (in Kalmyk letters), Orthodox Christianity (in Russian translations), and Islam (single mentions in Kalmyk letters and their Russian translations). In most cases, religionyms act as an important tool of diplomatic etiquette. Our comparison of the original texts and their translations made it possible to identify some semantic extensions pertaining to Kalmyk religion-related toponyms — names of places of pilgrimage, while there are almost no traces of Buddhist terms in Russian translations, which may be explained by differing religious ideas and concepts.

Keywords: Kalmyk official letters of the seventeenth and eighteenth centuries, Russian translations, religious terms, Buddhism, Orthodox Christianity

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198-4 ‘Universals and Specifics of the Traditions of the Mongolian-Speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China’.

For citation: Yarmarkina G. M. Letters of Khan Ayuka and Their Russian Translations: Revisiting Religious Terms. *Oriental Studies*. 2023; 16(4): 948–956. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-948-956

1. Введение

Религия как особая сфера духовной культуры оказывает значительное воздействие на язык и формирование языковой картины мира. Одним из значимых средств, демонстрирующих взаимосвязь религии и языка, является религиозная лексика, поскольку представляет собой средство выражения образа мира с особой ценностной системой, сложившейся в этнокультурной общности, исповедующей какую-либо религию.

В настоящее время исследуется культурологическая связь языка и религии [Мечковская 1998], религионимы рассматриваются в кругу терминов духовной культуры [Рассадин, Трофимова, Болд 2018; Дондокова 2001], выявляются сущностные характеристики понятия «религиозная лексика» [Якимов 2011], широко представлена типология религионимов, включающая в себя от трех [Тимофеев 2001] до 13–14 групп религиозной лексики [Скляревская 2012; Хафизова 2018], создаются словари религиозной лексики [Азаров 2007; Скляревская 2016]. По мнению П. А. Якимова, единого подхода к определению сущности понятия «религиозная лексика» пока нет [Якимов 2011: 76]. В настоящей работе под религиозной лексикой понимаются слова и устойчивые выражения, связанные с какой-либо религией (православие, буддизм, ислам и др.).

Восприятие религиозной лексики и ее функционирование имеют свои особенности в различные периоды развития языка и общества и зависят от сферы и жанра коммуникации [Будажапова 2000; Мирхаев, Гумеров 2017; Патюкова 2010]. В связи с этим изучение особенностей функционирования религиозной лексики в памятниках калмыцкой деловой письменности XVII–XVIII вв. представляется актуальным.

Религиозная лексика в калмыцком языке уже рассматривалась в ряде работ. Вопросам функционирования религионимов в калмыцкой художественной литературе посвящены статьи Н. М. Мулаевой и С. Е. Бачаевой, Н. Ч. Очировой [Мулаева, Бачаева 2011; Очирова 2012]. Религиозная лексика в эпических и сказочных текстах и эпосе «Джангар» рассмотрена в статьях Н. Б. Бадгаева, Э. У. Омакаевой и др. [Бадгаев 2014; Омакаева 1995]. Однако пока трудно говорить об исчерпывающем исследовании религиозной лексики на материале калмыцкого языка. Вопрос функционирования религионимов в текстах разных стилей и жанров практически не затрагивался. Не рассматривался вопрос функционирования данного пласта лексики и в памятниках калмыцкой деловой письменности XVII–XVIII вв. — в деловых письмах калмыцкого хана Аюки.

Целью настоящей работы является выявление особенностей функционирования религионимов в деловых калмыцких письмах XVII–XVIII вв. и их русских переводах.

2. Материалы и методы

Материалом для статьи послужили 79 писем калмыцкого хана Аюки за 1685–1715 гг. и синхронические русские переводы этих писем. Материалы хранятся в Российском государственном архиве древних актов (далее — РГАДА) и в Национальном архиве Республики Калмыкия (далее — НА РК). Религионимы, относящиеся к конфессиональным сферам буддизма, православия и ислама, обнаружены в 19 письмах из 79 и в 14 синхронических переводах XVII–XVIII вв. и проанализированы при помощи метода контекстуального анализа, сравнительно-сопоставительного метода. В работе также применяется описательный метод. Письма хана Аюки написаны «ясным письмом» («тодо бичиг»). В статье примеры из калмыцких писем приводятся в транслитерации, затем дается переложение на современный калмыцкий язык и далее — диахронический (современный) перевод на русский язык. Транслитерация, переложение на современный калмыцкий язык и диахронический перевод писем выполнены доктором исторических наук, ведущим научным сотрудником Калмыцкого научного центра РАН Д. Н. Музраевой и кандидатом филологических наук Д. Б. Гедеевой.

Примеры из калмыцких деловых писем XVII–XVIII вв. приводятся в статье следующим образом: текст оригинала дается в транслитерации, далее через знак «=» следует переложение на современный калмыцкий язык; после этого в марровских кавычках дается диахронический перевод на современный русский язык. В транслитерации использованы следующие знаки: внутри слова — двоеточие для передачи знака долготы; между словами — знаки в виде одной, двух, четырех точек, которые передавали знаки препинания в калмыцком вертикальном письме. Одна и две точки разграничивали предложения или отдельные части предложений, т. е. выполняли функции современных точки и запятой. Четыре точки, как правило, ставились в конце большого абзаца или текста. Принцип расстановки знаков препинания в старописьменных текстах остается неизученным. Знак «/» указывает на конец строки в тексте оригинала.

3. Религионимы в калмыцких деловых письмах

В текстах калмыцких деловых писем XVII–XVIII вв. используется религиозная лексика, связанная с буддизмом: переведенная с санскрита на калмыцкий язык мантра; ключевые понятия буддизма; лексика, эксплицирующая почитание неба; наименования мест поклонения; религионимы со значением лица.

Религионимы функционируют в текстах калмыцких деловых писем как элементы высокого стиля речи, создающие торжественность, способствуют эксплицитному выражению уважения к монаршей особе и передают понимание неординарности личностей адресата и адресанта. Так, в 7 письмах инициальной оказывается фраза Om sayin amuγoulang boltuγai = *Ом сән амулң болтха!* ‘Ом, да пребудет благо!’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1685 г. Д. 1. Л. 4]. Om sayin

amuγoulang boltuγai — перевод с санскрита на ойратское «ясное письмо» мантры Oṁ sarva maṅgalam (= Ом Сарва Мангалам ‘Да пребудет благо!’), которая часто встречается в буддийских текстах. Инициальная позиция мантры, возможно, избирается в зависимости от адресата и выполняет функцию этикетной формулы. В нашем материале перевод мантры использован только в письмах, датированных 1685, 1696, 1697, 1697, 1698 гг. и адресованных монаршим особам — государям Ивану Алексеевичу и Петру Алексеевичу.

В письмах 1701 г. инициальная фраза изменяется, хотя и она содержит религиозную лексику (tengger ‘небо’): dēre tenggerīse zayātu yeke caγān /xani gegēn-dü bičiq bariqsan učir: = *Деер Теңгрэс заята Ик Цаһан хаана гегәнд бичг бәрсн учр* ‘Причина подачи письма Сиятельному[1] Великому Белому хану, предопределенному Небом’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1701 г. Д. 2. Л. 2]. Лексема tengger ‘небо’ повторяется в этикетной части письма. Адресант выражает уверенность в покровительстве Неба, которым пользуется адресат — русский царь: tenggeri terigüüten ibeliyin küčīr / γadar dotoriyin zakā üyiledü / suladal ügei mendü amuγuulang / bayinai geǰi sonosōd bügüdēr bayar/laba bida: = *Теңгр тергүтн ивәлин күчәр һадр дотрин зака үүлд сулдл уга мend амулң бәәнә гиж соңсад, бүгдәр байр/лввидн* ‘В силу покровительства Неба, во внешних и внутренних делах закона, неусыпно в добром здравии и благополучии пребываете, — услышав об этом, все мы возрадовались’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1701 г. Д. 2. Л. 2]. Указанная этикетная формула встречается в 5 письмах за 1701, 1712, 1714 гг.

Высокий стиль делового послания поддерживается и при передаче информации об адресанте (от первого лица), где упоминается такое фундаментальное понятие буддизма, как Три драгоценности: bicü dēdü γurban erde/niyin[2] ölzöyigōr mendü bayinai = *Би чиг Деед Һурвн эрд/нин өлзәһәр мend бәәнә* ‘Да и я, [в силу] благословения Трех высших драгоценностей, также нахожусь в добром здравии’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1701 г. Д. 2. Л. 2]. Упоминание Трех драгоценностей в таком контексте находим в 3 письмах за 1701 и 1714 гг.

Рассмотренные примеры показывают, что религионимы функционируют в деловых калмыцких письмах в качестве обязательных элементов дипломатического этикета, не утрачивая при этом и сакрального смысла (об этикетных формулах в письмах хана Аюки см.: [Ярмаркина 2021]). Отметим однако, что не каждое письмо к русскому царю имеет такое начало: в некоторых посланиях адресант приступает сразу к изложению сути письма. Вероятно, религиозная лексика как показатель высокого стиля указывает и на ситуацию в целом.

Наименования святых мест, мест молитвы и поклонения не всегда включаются исследователями в отдельный класс религионимов. В калмыцких письмах за 1697 г., 1698 г. и 1701 г. имеется 4 примера упоминания Тибета: ügeni xudalliyin tölō oloyini ese bičibebida: mania zou-du = *Үгнь худлын төлә олынь эс бичввидн. Мана Зууд* ‘Поскольку слова их лживы, многое не стали писать. [В отношении] наших ходоков, идущих в Тибет и обратно, не совершайте беззакония, — такое письмо направьте туранским башкирам’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1697 г. Д. 10. Л. 3]. В словаре Г. Й. Рамстедт приводит слово zū ‘храм; храмовый город, святое место’ [Ramstedt 1935: 482]. Сокращенное слово от тибетского Джово (jo bo) со значением ‘владыка’. Так называют статую Будды в Джоханге — главном храме Лхасы. Калмыки стали произносить Джо как Зу. Затем это название распространилось как на Лхасу, так и на весь Тибет [Болдырева, Алимаа 2019: 290].

Дважды встречается в материале другое наименование Тибета — Барун-Тал: baroun talay abuxudu alta ögüye geleita = *Барун тал йовхд алт өгйә гиләт* ‘Когда поедем в Западную сторону[3], Вы обещали дать золота’

[1] Согласно устному комментарию д-ра ист. наук, ведущего научного сотрудника Калмыцкого научного центра РАН Д. Н. Музраевой, здесь буквально следует переводить как ‘Сиянию Великого Белого хана’.

[2] dēdü γurban erdeni ‘Три высшие драгоценности’, под которыми подразумеваются Будда, его учение (Дхарма) и монашеская община (Сангха); три опоры, в которых буддисты принимают Прибежище.

[3] Согласно устному комментарию д-ра ист. наук, ведущего научного сотрудника Калмыцкого научного центра РАН Э. П. Бакаевой, здесь под «Правой стороной» подразумевается Тибет, куда совершали паломничества калмыки-буд-

[РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1698 г. Д. 5. Л. 35]. Отметим, что в синхроническом русском переводе[1] данного фрагмента указание на место передается описательно (правая сторона, под Индию).

В следующем примере Тибет упоминается в связи с информацией о прибывших посланниках: Baroun talāsa Kitad ekilen ömönödü γazariyin {elči cuq} irebe = *Барун талас Китд эклн өмнд һазрин элч цуг ирв* ‘Приехали посланники из всех южных[2] земель (стран), начиная с Барун тал и Китая’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1698 г. Д. 5. Л. 36].

Из русской истории известно, что монаршие особы, по разным причинам отходя от дел, отправлялись в монастырь, принимали монашество. Вероятно, нечто подобное (по крайней мере, создается впечатление) могло быть и в кочевом обществе, исповедующем буддизм. Так, в письме Аюка сообщает, что восставшие сыновья, прогоняя его, говорили, чтобы тот уходил именно в Тибет: köböüd mini / ulušimi niabād barountala yabu geǰi kȫbö = *Көвүд мини улсим авад, Барун тал йов гиж көөв* ‘Сыновья мои, захватив мои улусы (кочевья), прогнали меня со словами: «Отправляйся в Барун тал»’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1701 г. Д. 5. Л. 1].

В текстах писем встретился религионим со значением лица аǰi: ene elči tei / aǰinari ötör ongγocōr yabuuluqtun = *Эн элчтэ ажңриг өтр оңһцар йовултн* ‘Паломников вместе с этим посланником (аджи), срочно отправьте лодкой’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 127]. Слово аǰi, вероятно, адаптированное к калмыцкому языку тюркское слово *хаджи*, означает почетный титул, который присваивается мусульманину, совершившему хадж (паломничество) в Мекку.

В следующем примере лексема аǰi использована по отношению к паломникам-мусульманам: Idegēr xāni Zouγāsa ireqsen / dörbön aǰiyigi nököd-töyigi-ni ötör / ilgeqtün mandu: = *Идгэр хаана Зуухас ирсн дөрвн ажңиг нөкдтәһинь өтр илгәтн манд* ‘Четырех паломников Йадигар-хана, прибывших из Зу, вместе с их товарищами скорейшим образом отправьте к нам’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 74об.]. Обращает на себя внимание тот факт, что религионим zou в русском синхронном переводе передается как Мекка, следовательно, можно предположить, что данный топоним в калмыцком языке XVIII в. мог иметь более широкую семантику и означать не только Тибет, но и любое святое место, место паломничества, в том числе и для представителей других религий.

4. Религионимы в синхронических русских переводах писем хана Аюки

Синхронические русские переводы также содержат религиозную лексику, которая практически вся относится к языку православия. Обращает на себя внимание тот факт, что для передачи понятий буддизма переводчики не пользуются безэквивалентной лексикой и буддийские термины в сохранившихся синхронических переводах отсутствуют. Православная лексика в то время была неотъемлемой частью живого языка, как и православие — частью сознания, поэтому сложно представить, чтобы переводчики XVII–XVIII вв. могли себе позволить использовать элементы иного конфессионального языка и понятия иной конфессии по отношению к русскому царю — помазаннику Божию.

Так, для передачи выражения «предопределенный Небом» используются средства общерелигиозной лексики (*вышний Бог*, *Божия милость*) и сохраняется представление богоизбранности и российского монарха, и адресанта: *От вышнега Бога сотворенному пресветлому Белому царю Божиею милостию всех стран владетель и неотложны управитель, слыша мы про твое царское величество счастие и здравие, все радуемся, а я со всеми своими здоров* [РГАДА. Ф. 119. 1714 г. Д. 2]. В нашем материале встретилось два подобных перевода.

В другом тексте находим перевод *созданный от Бога Царское величество*. Здесь же появляется упоминание святой земли, подразумевающее Российское государство:

дисты. Правая сторона в системе ориентации на юг, принятой у монголов, является западной. Если же счет сторон велся при ориентации на восток, то правой являлась южная сторона.

[1] О религионимах в синхронических русских переводах см. ниже.

[2] Согласно устному комментарию д-ра ист. наук, ведущего научного сотрудника Калмыцкого научного центра РАН Э. П. Бакаевой, в данном случае переводчик название стороны *барун* перевел как ‘южное’, что свидетельствует о применении счета сторон света, исходя из ориентации на восток, как это было принято у ойратов.

Созданный от Бога Царское величество, слышим мы, что ваше Царское величество в своей святой земле как прежде сего добро управлял, так и ныне управляешь в добром здравии, и мы тому радуемся. А я, Аюка хан, здесь милостию Божиею здоров [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 12]. Религионим *милость Божия* в данном фрагменте перевода соответствует использованному в калмыцком тексте буддийскому понятию Трех драгоценностей. О системности выбора данного религионима говорить трудно, поскольку в переводах более ранних писем с упоминанием Трех драгоценностей этот культурно значимый элемент никак не передан.

Не передается в русском переводе и мантра Om sayin amuγoulang boltuγai. Вместо нее используется традиционное официальное обращение к монаршим особам: *Великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичу [и] Петру Алексеевичу всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержцем Аюкай тайша челом бьет. А он де в своем улусе, дал Бог, здорово* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1685 г. Д. 1. Л. 16–18]. Приведенный пример — единственный имеющийся в нашем материале перевод письма, где в качестве инициальной фразы использована мантра. Русские переводы других имеющихся писем с данным религионимом не обнаружены.

В четырех переводах писем встретилась этикетная формула с религионимом *Дай Господи* с формой звательного падежа: *Дай Господи в добром здоровье и в радости великий белый царь Петр Алексеевичь здрав был* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1696 г. Д. 1. Л. 1об.]. Эта формула встречается только в указанных переводах, калмыцкие тексты писем-источников не обнаружены, поэтому не ясно, подбирался ли эквивалент к какому-либо буддийскому понятию или религионим использовался как традиционный элемент дипломатического этикета.

Синхронические русские переводы не содержат лексем, характерных для религиозной лексики буддизма. Рассмотренные выше примеры — перевод мантры, указание на предопределенность неба — переводятся средствами языка православия.

Набор религионимов и представленность тематических групп религиозной лексики синхронических русских переводов не совпадают с выявленными в калмыцких текстах религионимами. Так, появление выражения *дал Бог*, которое встречается в переводе этикетной части письма, может объясняться лишь складывающейся практикой перевода калмыцких деловых писем: *А он де в своем улусе, дал Бог, здорово* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1685 г. Д. 1. Л. 16–18].

О том, что в переводах регулярно встречается добавочная информация, уже говорилось в работах, посвященных стратегиям перевода калмыцких писем [Ярмаркина 2019: 1193–1194]. В данном случае мы имеем дело, по всей вероятности, с подобной ситуацией включения в текст перевода информации, полученной устно от лиц, доставивших письмо. К примеру, в одном из текстов описывается ситуация, связанная с пропажей у яицких казаков икон, предположением о нахождении икон у калмыков и уплаты за них определенной суммы с целью избежать ссоры: *< А> у ещких де казаков <пропали> иконы, и они де, казаки, ему, Аюкаю тайше, говорили, бутто видели они те иконы у калмык, и за иконы платил де он, Аюкай, две тысячи рублев казаком, чтоб не быть им в соре* [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1688 г. Д. 5. Л. 5]. В оригинале письма информация об иконах, выкупленных Аюкой у яицких казаков, отсутствует.

Для православного религиозного сознания закономерно связывать события, происходящие независимо от чьих-либо пожеланий, планов или расчетов, с проявлением воли Бога. В наибольшей степени это относится к рождению или смерти человека. В одном из писем хана Аюки передается информация о смерти человека, в отношении которого проходило судебное разбирательство. Религионим *воля Божия* включен в текст перевода именно в той части, где сообщается об уходе из жизни подозреваемого в нарушении закона: *И приказывал так, буде прав, и ты отпусти, а буде неправ, держи, а в том де свидетели астраханские жители, и ныне тот Байкунгур волею божиею умре* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 190].

В калмыцком письме, излагающем эти события, религионимы не используются: ariun bolxuna γarγaǰi talbiqtun / buzar bolxuna bariǰi bayiǰi zarγūrni bolγoqtun geǰi öqči / ilgelei bi. tegeǰi öqči ilgeqseni mini gereči Ayidarxani bedöün / sayidud cuγār medekü beyize geǰi sananayibi. odō tere zarγutai / Bayixongγor üküǰi: = *Әрүн болхна, haphж*

тәвтн, бузр болхла, бәрҗ бәәҗ зарһарнь болһтн гиҗ өгч илгәләв. Тигҗ өгч илгәсн мини герч Әәдрхнә бөдүн сәәдүд цуһар медх биив гиҗ саннав. Ода тер зарһта Бә Хоңһр үкҗ ‘Если окажется невиновным[1], то освободите, если виновен[2], то задержите и осудите по закону, — с таким наказом отправлял. Мои свидетели того, что отправил [его] с таким [условием], — важные астраханские вельможи, все [вместе], должно быть, знают, — так думается мне. Теперь же тот, [находившийся] под судом Бай-Хонгор умер’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 171].

К частнохристианской лексике относится и лексема *мольбище* (место общественных молений (язычников, не христиан) [Словарь 1982: 257]), которая вместе с лексемой *вера* встречается в переводе сообщения о предстоящей поездке в Тибет. Использование обоих религионимов в данном примере способствует лучшему пониманию религиозной специфики указанного в оригинале письма места *Барун тал*. Данный топоним, переведенный сочетанием *правая сторона* и снабженного указаниями на локус *под восток, под Индею*, дополняется формулировкой цели поездки — *для мольбища по своей вере*: *В прошлом году, как я виделся с твоим здоровьем, и я твоему здоровью говорил, что послал я в правую сторону под восток, под Индею для мольбища по своей вере, и говорил, чтоб прибавить золотых для той посылки и денег, и ныне я по вере своей и по обещанию для такого надобия и нужды для посылки прошу государской милости, прибавки золотых и денег к своей посылке* [РГАДА. Ф. 119. 1698 г. Д. 5. Л. 45–46].

В русских переводах встречаются религионимы со значением лица. Лексема аджи (аджий) (о ней в калмыцких текстах см. выше) может функционировать в тексте перевода как безэквивалентная: *И оных моих посыльщиков прикажи и с* ***аджием*** *на суде отправить* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 128]. По всей вероятности, здесь имеется в виду паломник. Однако в переводе другого письма в качестве эквивалента лексемы aǰi избрана лексема *поп*: *Хивинского Ядыгера хана ездили богу молитца к Меке четыре человека попов. И тех четырех человек прикажи отпустить к нам, а мне они люди надобные* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 76]. Контекст калмыцкого письма и его русского перевода указывает на то, что здесь речь идет о мусульманах, однако в русском переводе акцент делается на том, что речь идет именно о служителях религиозного культа.

Таким образом, тексты русских переводов калмыцких деловых писем указывают на следующую закономерность в функционировании религиозной лексики: религионимы, связанные с буддизмом и элементами культа неба, которые встречаются в калмыцких письмах, передаются при помощи общерелигиозной и частнохристианской лексики. Случаи использования в русских переводах безэквивалентной лексики единичны.

5. Заключение

Несмотря на сравнительно небольшое количество религионимов в письмах хана Аюки, анализ религиозной лексики отчетливо демонстрирует различия в языковой картине мира представителей разных религий. В текстах встречаются религионимы, связанные с буддизмом (в калмыцких письмах), православием (в синхронических русских переводах) и исламом (единичные случаи в калмыцких письмах и в русских переводах). В большинстве случаев религионимы выступают в качестве важного средства дипломатического этикета. Сопоставление оригинальных текстов и их переводов позволило выявить расширение семантики некоторых калмыцких религионимов-топонимов — наименований мест паломничества, а также почти полное отсутствие буддийских терминов в русских переводах, которое объясняется, на наш взгляд, разными религиозными представлениями о мире. Русская религиозная лексика имеется в синхронических переводах и в тех случаях, когда в оригиналах религионимы отсутствуют.

[1] Согласно устному комментарию д-ра ист. наук, ведущего научного сотрудника Калмыцкого научного центра РАН Д. Н. Музраевой, здесь буквально следует переводить как ‘если окажется чист’.

[2] Согласно устному комментарию д-ра ист. наук, ведущего научного сотрудника Калмыцкого научного центра РАН Д. Н. Музраевой, здесь буквально следует переводить как ‘если загрязнен / не чист’.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia.

Russian State Archive of Ancient Acts.

Литература

Азаров 2007 — *Азаров А. А.* Русско-английский словарь религиозной лексики. М.: РУССО, 2002. 768 с.

Бадгаев 2014 — *Бадгаев Н. Б.* Религиозная лексика в калмыцком героическом эпосе «Джангар» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 4. С. 113–118.

Болдырева, Алимаа 2019 — *Болдырева И. М., Алимаа А.* Предания о паломничестве Джиджетен в Тибет (сравнительный анализ разновременных записей) // Монголоведение. 2019. Т. 2. С. 287–321. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-2-287-321

Будажапова 2000 — *Будажапова Л. Б.* Буддийские термины в современном бурятском языке: дисс. … канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2000. 148 с.

Дондокова 2001 — *Дондокова Д. Д.* Лексика духовной культуры бурят: дисс. … канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2001. 187 с.

Мечковская 1998 — *Мечковская Н. Б.* Язык и религия. Пособие для студентов гуманитарных вузов. М.: ФАИР, 1998. 352 с.

Мирхаев, Гумеров 2017 — *Мирхаев Р. Ф., Гумеров И. Г.* Татарская религиозно-языковая картина мира: эволюция культурных и духовно-ценностных ориентиров. Казань: ИЯЛИ, 2017. 120 с.

Мулаева, Бачаева 2011 — *Мулаева Н. М., Бачаева С. Е.* Архаизмы, историзмы и религиозная лексика в калмыцком языке (на материале романа А. Бадмаева «Арнзлын гүүдл») // Монголоведение. 2011. Т. 5. № 1. С. 193–198.

Омакаева 1995 — *Омакаева Э. У.* Некоторые буддийские мотивы и буддийская лексика в калмыцких сказках о Гэсэре // Гэсэриада — духовное наследие народов Центральной Азии: мат-лы и тезисы Междунар. науч. конф. (г. Улан-Удэ, 1 декабря 1995 г.). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. С. 135–136.

Очирова 2012 — *Очирова Н. Ч.* Типологические особенности религиозной лексики в калмыцком художественном тексте (на материале прозы К. Эрендженова) // Вестник Калмыцкого университета. 2012. № 4 (16). С. 90–94.

Патюкова 2010 — *Патюкова Р. В.* Религиозная лексика как неотъемлемый компонент существования духовных грамот русских монархов XIV–XVI вв.: диахронический аспект // Теория и практика общественного развития. 2010. № 4. С. 298–301.

Рассадин, Трофимова, Болд 2018 — *Рассадин В. И., Трофимова С. М., Болд Л.* Тюрко-монгольские параллели среди терминов духовной культуры в монгольских языках // Сибирский филологический журнал. 2018. № 3. С. 222–231.

Скляревская 2012 — *Скляревская Г. Н.* Лексика православия в современном русском языке: опыт лексикографического анализа и лексикографического описания // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 9: Филология. С. 36–40.

Скляревская 2016 — *Скляревская Г. Н.* Лексика современного русского православия: толково-энциклопедический словарь. СПб.: Контраст, 2016. 684 с.

Словарь 1982 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 9 (М) / ред. вып.: В. Я. Дерягин, О. В. Малкова; сост.: Г. А. Богатова, О. В. Малкова, Г. П. Смолицкая, Э. Г. Шимчук. М.: Наука, 1982. 357 с.

Тимофеев 2001 — *Тимофеев К. А.* Религиозная лексика русского языка как выражение христианского мировоззрения. Новосибирск: НГУ, 2001. 88 с.

Хафизова 2018 — *Хафизова З. Р.* Тематическая классификация религиозных лексем в башкирском языке // Вестник Башкирского университета. 2018. Т. 23. № 1. С. 206–209.

Якимов 2011 — *Якимов П. А.* О сущности понятия «религиозная лексика» в современной лингвистике // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 11 (130). С. 74–76.

Ярмаркина 2019 — *Ярмаркина Г. М.* Стратегии перевода калмыцких деловых текстов XVIII в. (на материале писем хана Аюки и их русских переводов 1714 г.) // Oriental Studies. 2019. Т. 12. № 6. С. 1188–1197. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1189-1198.

Ярмаркина 2021 — *Ярмаркина Г. М.* Этикетные формулы как этнолингвистические компоненты оригинальных и переводных калмыцких деловых текстов XVIII в. (на материале

писем хана Аюки и их русских переводов 1714–1715 гг.) // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 5. С. 1102–1110. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-1102-1110.

References

Azarov A. A. Russian-English Dictionary of Religious Terms. Moscow: RUSSO, 2002. 768 p. (In Russ. and Eng.)

Badgaev N. B. Religious lexis in the Kalmyk heroic epic Dzhangar. *Oriental Studies*. 2014. Vol. 7. No. 4. Pp. 113–118. (In Russ.)

Bogatova G. A. et al. (comps.) A Dictionary of Eleventh-to-Seventeenth Century Russian. Vol. 9: M. Deryagin, O. Malkova (eds.). Moscow: Nauka, 1982. 357 p. (In Russ.)

Boldyreva I., Alimaa A. M. Tales of Jijeten's Pilgrimage Tibet: a Comparative Analysis of Multi-Temporal Recordings. *Mongolian Studies*. 2019. No. 2. Pp. 287–321. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-2-287-321. (In Russ.)

Budazhapova L. B. Buddhist Terms in Modern Buryat. Cand. Sc. (philology) thesis. Ulan-Ude, 2000. 148 p. (In Russ.)

Dondokova D. D. Vocabulary of Buryat Spiritual Culture. Cand. Sc. (philology) thesis. Ulan-Ude, 2001. 187 p. (In Russ.)

Khafizova Z. R. Thematic classification of religious lexemes in the Bashkir language. *Bulletin of Bashkir University*. 2018. Vol. 23. No. 1. Pp. 206–209. (In Russ.)

Mechkovskaya N. B. Language and Religion. Coursebook. Moscow: FAIR, 1998. 352 p. (In Russ.)

Mirkhaev R. F., Gumerov I. G. Tatar Religious and Linguistic Views of the World: The Evolution of Cultural and Spiritual Values. Kazan: Institute of Language, Literature and History, 2017. 120 p. (In Russ.)

Mulaeva N. M., Bachaeva S. E. Outdated words and word combinations in the Kalmyk language (On a material of the novel of A. Badmaev «Arnzlyn Gűűdl»). *Mongolian Studies*. 2011. Vol. 5. No. 1. Pp. 193–198. (In Russ.)

Ochirova N. Ch. Typology of religious lexicon in the Kalmuck artistic text (On material of K. Erendzhenov's prose). *Bulletin of Kalmyk University*. 2012. No. 4 (16). Pp. 90–94. (In Russ.)

Omakaeva E. U. Kalmyk tales of Geser: [Revisiting] some Buddhist motifs and terms. In: Geseriad — Spiritual Heritage of Central Asian Peoples. Conference theses. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 1995. Pp. 135–136. (In Russ.)

Patyukova R. V. Religious lexics as integral component of Russian monarchs' spiritual testaments of 14–16 centuries: Diachronic aspect. *Theory and Practice of Social Development*. 2010. No. 4. Pp. 298–301. (In Russ.)

Ramstedt 1935 — *Ramstedt G. J.* Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1935. 560 s.

Ramstedt G. J. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki: Finno-Ugric Society, 1935. 560 p. (In Germ.)

Rassadin V. I., Trofimova S. M., Bold L. Turkic-Mongolian parallels among the terms of spiritual culture in Mongolian languages. *Siberian Journal of Philology*. 2018. No. 3. Pp. 222–231. (In Russ.)

Sklyarevskaya G. N. Modern Russian Vocabulary of Orthodox Christianity: A Comprehensive Explanatory Dictionary. St. Petersburg: Kontrast, 2016. 684 p. (In Russ.)

Sklyarevskaya G. N. The vocabulary of Orthodoxy in modern Russian: An experience of lexicological analysis and lexicographical description. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2012. Vol. 11. No. 9: Philology. Pp. 36–40. (In Russ.)

Timofeev K. A. Russian Religious Vocabulary as Manifested Christian Worldview. Coursebook. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 2001. 88 p. (In Russ.)

Yakimov P. A. About essence of concept 'religious vocabulary' in modern linguistics. *Vestnik of the Orenburg State University*. 2011. No. 11(130). Pp. 74–76. (In Russ.)

Yarmarkina G. M. Etiquette formulas as ethnolinguistic components of original and translated 18th century Kalmyk official texts: A case study of letters by Khan Ayuka and related Russian translations, 1714–1715. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. No. 5. Pp. 1102–1110. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-1102-1110. (In Russ.)

Yarmarkina G. M. Translation strategies for 18th–century Kalmyk official texts: A case study of Khan Ayuka's letters and Russian translations of 1714. *Oriental Studies*. 2019. Vol. 12. No. 6. Pp. 1188–1197. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1189-1198. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 4, Pp. 957–970, 2023
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК / UDC 811.512.141
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-957-970

Лингвистические особенности живого разговорного языка жителей Бардымского района Пермского края (некоторые фонетические и грамматические отличия от литературного языка)

Гульфира Рифовна Абдуллина[1], *Лилия Баиковна Абдуллина*[2]

[1] Уфимский университет науки и технологий (д. 32, ул. Заки Валиди, 450076 Уфа, Российская Федерация)
доктор филологических наук, профессор, декан
0000-0002-3597-007X. E-mail: abguri[at]yandex.ru

[2] Уфимский университет науки и технологий (д. 32, ул. Заки Валиди, 450076 Уфа, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, доцент
0000-0002-7131-7019. E-mail: abdullina_lb[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023
© Абдуллина Г. Р., Абдуллина Л. Б., 2023

Аннотация. *Введение.* Северо-западный диалект башкирского языка представляет собой народно-разговорный язык башкир, проживающих на северо-западе Башкортостана, а также — в южной части Пермского края в бассейне реки Тулвы и ее левого притока реки Барды. Что касается пермских башкир, то они компактно расселены в Бардымском, Пермском, Осинском, Куединском, Чернушинском и ряде других районов. В сельской местности Пермского края до настоящего времени сохранился гайнинский говор северо-западного диалекта башкирского языка (говор представителей башкирского рода *гайна* (башк. *ғәйнә*)). *Цель.* Данная статья посвящена исследованию некоторых лингвистических особенностей живого разговорного языка жителей Бардымского района Пермского края. Исследование гайнинского говора имеет историческую значимость, и его до настоящего времени нельзя считать полностью изученной. Проблема изучения данного говора являлась объектом неоднократных научных дискуссий и продолжает оставаться одной из наиболее спорных проблем, представляя интерес для исследователей. В научном мире до сих пор не было однозначного мнения в определении национальных особенностей языка жителей данной зоны. *Материалы и методы.* Исследование материала с позиций межкультурной коммуникации в эпоху растущего интереса к иным культурам поможет осознать самобытность равноправного диалогического взаимодействия представителей различных лингвокультур, позволяющего познать иную культурную реальность в сравнении с собственной. В работе применялись следующие методы: аналитический

и структурно-типологический. Использовались приемы лингвистического наблюдения, экспедиционного сбора и систематизации. *Результаты.* Формированию своеобразного и уникального говора гайнинских башкир способствовало их длительное нахождение на относительном удалении от соплеменников в связи с территориальным расположением региона в отрыве от основной массы башкирского населения. Гайнинский говор жителей Бардымского района богат фонетическими и грамматическими особенностями, характерными для северо-западного диалекта башкирского языка, в том числе смежных говоров. Вместе с тем выяснилось, что есть фактические материалы, свойственные лишь для данного района.
Ключевые слова: башкирский язык, северо-западный диалект, говор, гайнинский говор, разговорный язык, Бардымский район, Пермский край
Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Язык и фольклор гайнинских башкир (экспедиция в Бардымский район Пермского края»)) (№ 23-28-01247, https://rscf.ru/project/23-28-01247/).
Для цитирования: Абдуллина Г. Р., Абдуллина Л. Б. Лингвистические особенности живого разговорного языка жителей Бардымского района Пермского края (некоторые фонетические и грамматические отличия от литературного языка) // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 4. С. 957–970. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-957-970

Linguistic Features of Bashkir Spoken by Natives of Bardymsky District (Perm Krai, Russia): Some Phonetic and Grammatical Differences from the Standard Language

Gulfira R. Abdullina[1], *Liliya B. Abdullina*[2]

[1] Ufa University of Science and Technology (32, Zaki Validi St., 450076 Ufa, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philology), Professor, Faculty Dean
0000-0002-3597-007X. E-mail: abguri[at]yandex.ru

[2] Ufa University of Science and Technology (32, Zaki Validi St., 450076 Ufa, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Associate Professor
0000-0002-7131-7019. E-mail: abdullina_lb[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023
© Abdullina G. R., Abdullina L. B., 2023

Abstract. *Introduction.* Northwestern Bashkir is a vernacular language spoken by Bashkirs inhabiting the northwestern parts of Bashkortostan and — the southern parts of Perm Krai in the valleys of the Tulva and the Barda (latter's left tributary). As for Perm Bashkirs, they form communities in Bardymsky, Permsky, Osinsky, Kuyedinsky, Chernushinsky and a number of other districts. The rural inhabitants still speak the Gaina dialect (a dialect of the Bashkir clan *Gaina*, Bash. *ғәүнә*) of northwestern Bashkir. *Goals*. The article examines some ethnolinguistic features of the living colloquial language spoken by inhabitants of Bardymsky District (Perm Krai, Russia). The study of the Gaina dialect is of historical significance, and the latter cannot be considered fully articulated to date. The former has been subject to repeated scientific discussions and is still a most controversial scientific issue that is of utmost interest to researchers. There is no unequivocal opinion in scientific discourse as to ethnic characteristics of the language spoken by the inhabitants of the delineated area. *Materials and methods*. Our insight into the material from the perspective of cross-cultural communication in the era of growing interest towards other cultures may prove instrumental in learning the originality of equal dialogic interaction between representatives of different linguocultures, which makes it possible to cognize a different cultural reality in comparison with one's own. The work employs the analytical and structural-typological methods, techniques of linguistic observation, expeditionary collection and systematization. *Results*. The shaping of a peculiar and unique dialect of Gaina Bashkirs was facilitated by that the latter had been geographically somewhat separated from the bulk of their fellow tribesmen. The Gaina dialect spoken in Bardymsky District is rich in phonetic and grammatical

features characteristic of northwestern Bashkir, including related dialects (and subdialects). At the same time, the paper's insight into the available material reveals some certain features inherent to the region only.

Keywords: Bashkir language, northwestern dialect, Gaina dialect, colloquial, Bardymsky District; Perm Krai

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, grant no. 23-28-01247 'Language and Folklore of Gaina Bashkirs (Expedition to Bardymsky District of Perm Krai, Russia)' (https://rscf.ru/project/23-28-01247/).

For citation: Abdullina G. R., Abdullina L. B. Linguistic Features of Bashkir Spoken by Natives of Bardymsky District (Perm Krai, Russia): Some Phonetic and Grammatical Differences from the Standard Language. *Oriental Studies*. 2023; 16(4): 957–970. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-957-970

1. Введение

Выбранный для исследования регион отличается многонациональным составом населения. Важность изучения диалектной картины мира конкретного региона определяется и тем, что эти языковые факты содержат ценные сведения об истории, традициях, обрядах, материальном укладе жизни и духовном мире гайнинских башкир.

«Известно, что пермские (бардымские) башкиры — потомки башкир крупного и древнего племени Гайна. По их преданиям, гайнинцы, выходцы из булгар, в конце XII века „поселились в Уральских горах… по всем местам“» [Мурзабулатов 2010: 65].

В прошлом они занимали обширную территорию в междуречье Камы, Сылвы, Быстрого Таныпа. Тулва была их внутренней рекой, отчего иногда их называют «тулвинскими башкирами» [Мурзабулатов 2010: 65].

С конца XVI в. гайнинцы вместе с уранскими, енейскими и гарейскими башкирами начали продавать, сдавать в аренду свои вотчинные земли переселенцам из Среднего Поволжья: мишарам, казанским татарам, тептярам-бобылям, русским крестьянам. Вскоре случилось то, чего не ожидали гайнинцы: бывших хозяев стали сгонять со своих вотчинных земель. Вытеснение башкир с особым размахом производилось при подавлении башкирских восстаний XVII–XVIII вв. и строительстве горных заводов [Мурзабулатов 2010: 66].

«Многовековые контакты с мишарами, татарами, тептярами, перекрестные браки, общность языков, верований и, наконец, единая природная среда обитания и пребывание в одной административной единице (Осинская дорога, Осинская волость) привели к тому, что часть гайнинских башкир стала идентифицировать себя с татарской диаспорой, обитающей по реке Тулве и в Сылвенско-Иренском поречье» [Нуретдинов 2016].

Действительно, проблема родного языка данного региона была вызвана сложным этносоциальным составом населения. Длительное время коренные башкиры северо-западных районов Башкортостана, а также южной части Пермского края в бассейне реки Тулвы и ее левого притока реки Барды жили в тесном контакте с татарами, чувашами, а также с финно-угорскими народами. В результате тесного взаимодействия, сотрудничества и общения указанных народов Среднего Поволжья с башкирами на северо-западе Башкирии формируется самостоятельный башкирский диалектный народно-разговорный язык со своими региональными особенностями, вобравший в себя некоторые особенности языков татар, мишарей и финно-угорских народов, который впервые квалифицируется Т. Г. Баишевым как северо-западный диалект башкирского языка [Баишев 2016: 9].

Сам северо-западный диалект различается по нескольким говорам. Так, известный башкирский диалектолог С. Ф. Миржанова на основе родоплеменного принципа выделяет следующие 4 говора: караидельский, танышский, нижнебельско-ыкский, гайнинский [Миржанова 2006: 206–287], а диалектолог Р. З. Шакуров — 5 говоров: караидельский, среднеуральский, танышский, гайнинский и нижнебельский (нижнебельско-ыкский) [Шакуров 2012: 206–287].

Местный говор жителей Бардымского района Пермского края относится по своим

признакам к гайнинскому говору. Данный говор является самой северной областью территориального расселения башкирских этнических групп, распространен не только среди башкир Альшеевского, Аскинского, Миякинского, Татышлинского районов Республики Башкортостан, но и на территории Бардымского, Куединского, Осинского, Пермского и Чернушинского районов нынешнего Пермского края [СБГ, III 1987: 8].

Согласно мнению этнографов, эта огромная территория традиционно является местом проживания представителей башкирской этногруппы *гайна* (башк. *ғәйнә*) [Янгузин 1998: 17].

Проблема изучения гайнинского говора Пермского края являлась объектом неоднократных научных дискуссий и продолжает оставаться одной из наиболее спорных проблем, представляя интерес для исследователей-языковедов, этнографов, историков, так как сами жители этого региона, считающие себя коренными башкирами, по-разному определяют свой язык. Так, «старшее поколение не признавало свой язык ни башкирским, ни татарским, а своеобразным (*үзебезнеңчә тел* ‘свойский язык’, *тик урындағы сөйләш(е)үтелде ни татарса, ни башҡортса итте* ‘местный говор не относится ни к татарскому, ни к башкирскому’), т. е. сугубо диалектным, что наиболее верно отражает языковую действительность [Миржанова 2006: 3].

Одни исследователи рассматривают разговорный язык жителей данного региона как «гайнинский говор северо-западного диалекта башкирского языка, на котором разговаривают пермские башкиры» [Миржанова 2006: 210–288], другие относят его к пермскому говору среднего диалекта татарского языка, к бардымскому подговору [Махмудов 2016; Рамазанова 1996: 36–38].

Тем не менее следует отметить, что самые первые научные сведения о данном говоре были описаны в работе А. Г. Бессонова, где русский языковед выделяет ряд некоторых фонетических и лексических особенностей говора, отмечает черты, сближающие его с речью башкир Оренбургской губернии [Бессонов 1881: 233–234].

С 1928 г. в Башкирской АССР начинаются диалектологические экспедиции, сначала под руководством Н. К. Дмитриева в Тамъян-Катайский кантон. Такие диалектологические выезды организовывались лингвистами вплоть до середины XX в. с целью изучения территориальных вариантов башкирского языка в пределах Башкирской АССР, Оренбургской, Челябинской, Свердловской, Курганской, Самарской и Пермской областей. Результаты этих экспедиций нашли отражение в различных словарях и учебных пособиях. Необходимо отметить то, что уже к началу 40-х гг. XX в. в науке сложилось достаточно полное и близкое к современному представление о трех диалектах башкирского языка в территориальных вариантах башкирского языка (южный, северо-восточный и северо-западный) [БДС 1959: 3–4].

Необходимо отметить, что в 1936 г. специальная экспедиция Областного комитета нового алфавита при Облисполкоме побывала в Бардымском районе «с целью изучения местных особенностей в реализации родного языка и внедрения нового алфавита среди татарского населения района, в связи с подготовкой материалов в лингвистической конференции, созываемой в октябре 1936 года в Казани» [Реализация 2021]. Комиссия экспедиции пришла к выводу, что «коренное население Бардымского района состоит преимущественно из башкир северо-западной группы… Татарский язык, внедрившийся на практике, более доступен массе коренного башкирского населения района, чем современный башкирский литературный язык, основанный на отдельных диалектах… Язык современных башкир Бардымского района представляет собой так называемый тептярский диалект…» [Реализация 2021].

В 1963 г. состоялась комплексная экспедиция башкирских ученых к гайнинским (пермским) башкирам, которая была организована Институтом истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР под руководством А. Н. Киреева. Участниками экспедиции стали С. А. Галин, Ф. А. Надршина, А. Вахитов и Н. Д. Шункаров [Хакимьянова, Юлдыбаева 2018: 156].

2. Материалы и методы

Материалом исследования послужили изданные на башкирском, русском и татарском языках: 1) экспедиционные материалы по исследованию народно-разговор-

ного говора жителей Бардымского района Пермского края; 2) научные труды по диалектологии, в частности по гайнинскому говору северо-западного диалекта башкирского языка; 3) диалектологические словари и т. д.

В соответствии с целью и поставленными задачами в данной работе использовались следующие методы: аналитический — для анализа научной и научно-методической литературы по теме исследования и структурно-типологический — для научного описания исследования, который включает в себя наблюдение, экспедиционный сбор, обобщение, научную интерпретацию языковых фактов диалектного происхождения.

В ходе исследования в качестве теоретико-методологической основы использовались труды следующих исследователей: Т. Г. Баишева [Баишев 1955], Н. Х. Ишбулатова [Ишбулатов 2000], Н. Х. Максютовой [Максютова 1996], С. Ф. Миржановой [Миржанова 2006], М. В. Мурзабулатова [Мурзабулатов 2010], С. Нуретдинова [Нуретдинов 2016], Д. Б. Рамазановой [Рамазанова 1996], В. Ю. Хотинец [Хотинец 1999], Р. З. Шакурова [Шакуров 2012] и др.

3. Описание географии экспедиции в Бардымский район Пермского края

В рамках реализации проекта «Язык и фольклор гайнинских башкир» (грант РНФ № 23-28-01247) представителями Уфимского университета науки и технологий организовываются экспедиционные выезды в населенные пункты Бардымского района Пермского края по сбору языковых и фольклорных материалов, образцов устного народного творчества. Языковому и фольклорному анализу подвергаются материалы, собираемые в 32 населенных пунктах: 1) Акбаш (*Әмзебаш*); 2) Аклуши (*Аклыш*); 3) Батырбай (Батырбай); 4) Барда (*Кажмакты*); 5) Бардабаш (Бардабаш); 6) Березники (*Каин аул*); 7) Бичурино (*Озон ялан*); 8) Брюзли (*Бөрөжлө*); 9) Верхний Ашап (Верхний Ашап); 10) Верх-Шлык (*Эшлекбаш*); 11) Елпачиха (*Удик*); 12) Ишимово (*Түбәнауыл*); 13) Искирь (*Искер*); 14) Конюково (*Әрәмауыл*); 15) Краснояр Первый (*Арзянаул*); 16) Краснояр Второй (Краснояр Второй); 17) Кудаш (Кудаш); 18) Куземьярово (*Байаул*); 19) Мостовая (*Сүзде / Чүжде*); 20) Нижняя Искильда (*Түбән Искилде*); 21) Новый Чад (*Төңгөк чат*), 22) Старый Ашап (*Иске Ашап*); 23) Старый Чад (*Кажмакты Чат / Верхний Казмакты*), 24) Султанай (*Солтанай*); 25) Сюзянь (*Сөжән*); 26) Тюндюк (*Төңгөк*); 27) Уймуж (Уймуж); 28) Усть-Тунтор (*Тауауыл*), 29) Учкул (Учкул); 30) Федорки (*Өчмөчтө*); 31) Чалково (*Бакчауыл*), 32) Юкшур (*Йөкшөр*).

Местный говор жителей Бардымского района Пермского края в целом относится по своим признакам к гайнинскому говору северо-западного диалекта башкирского языка. По справедливому замечанию профессора В. Ю. Хотинец, «гайнинские башкиры владеют собственным уникальным языком, схожим по диалекту с татарским, а по словарному составу — и с башкирским языками» [Хотинец 1999: 15].

Необходимо отметить, что местные жители этого региона через века с достоинством пронесли свою самобытную культуру, свой уникальный язык. Действительно, язык пермских башкир необычайно своеобразен, он отличается от диалектов башкирского и татарского языков сохранением древних языковых черт. Это явление в первую очередь отчетливо проявляется в области грамматики и фонетики.

Далее более детально рассмотрим фонетические особенности живого разговорного языка жителей Бардымского района с опорой на материалы, собранные во время экспедиции в 2023 г. сотрудниками Уфимского университета науки и технологий [ПМА 2023].

4. Диалектные различия гласных

Из диалектных признаков, наблюдаемых в системе гласных, видно нарушение закона сингармонизма литературного языка. Губная гармония по литературному звуку *ө* сохраняется в начальном слоге слова, а во втором слоге пропадает, гармония сохраняется по мягкости:

Диалектизм	Литературный башкирский	Русский перевод
бөйек	*бөйөк*	‘великий’
бөтен	*бөтөн*	‘целый’

Дүртөйле	*Дүртөйлө*	‘Дюртюли — название города и района в Республике Башкортостан’
йөрей	*йөрөй*	‘ходит’
бөгенге	*бөгөнгө*	‘сегодняшний’
бөтте	*бөттө*	‘закончился’
бөтерер	*бөтөрөр*	‘закончит’
йөрөйем	*йөрөйөм*	‘хожу’
көне	*көнө*	‘день’
көтеп	*көтөп*	‘ожидая’
сөлекле	*һөлөклө*	‘с пиявками’
өсте	*өҫтө*	‘(его/ее) поверхность’
төштем	*төштөм*	‘спустился’
шөкер	*(Аллаға) шөкөр*	‘слава (Богу)’
сөрентө	*һөрөнтө (ер)*	‘вспаханная (земля)’

Имеются случаи нарушения гармонии гласных заднего ряда: диал. *йәрдәм* – лит. башк. *ярҙам*, диал. *китапхәнә* – лит. башк. *китапхана.* В говоре встречаются нарушения губной гармонии по звуку [о]: диал. *онотыл* – лит. башк. *онотол*.

Иногда наблюдаемая в слове гармония заднего ряда в говоре переходит на гармонию переднего ряда: диал. *бәйрәм* – лит. башк. *байрам*, диал. *әйрән* – лит. башк. *айран*. В отдельных случаях наблюдается опущение гласного звука в последнем слоге: диал. *тергезү* – лит. башк. *тергеҙеү*. Это же явление можно наблюдать в середине слова: диал. *укуч/щ/ылар* – лит. башк. *уҡыусылар*.

В литературном языке в словах, где нарушен закон сингармонизма, в говоре наблюдается гармония переднего ряда гласных: диал. *шиғерләр* – лит. башк. *шиғырҙар*.

Губная гармония башкирского литературного языка нарушается при добавлении окончаний: диал. *өстен* – лит. башк. *өҫтөн*, диал. *өске* – лит. башк. *өҫкө*, диал. *сөте* – лит. башк. *һөтө*, диал. *озын* – лит. башк. *оҙон*.

С. Ф. Миржанова отмечает в качестве одной из важных диалектных особенностей гайнинского говора сужение широких гласных в басовом закрытом слоге, т. е. использование в слове звуков [ы], [е], [и] вместо [а], [ә]: диал. *алый* – лит. башк. *алай*, диал. *шулый* – лит. башк. *шулай*, диал. *береү* – лит. башк. *берәү*, диал. *икеү* – лит. башк. *икәү*, диал. *жейеү* – лит. башк. *йәйәү* [Миржанова 2006: 4].

В области гласных звуков можно выделить следующие диалектные признаки.

у – а. В начале слова вместо литературного звука [у] в говоре используется звук [а]: диал. *анта* – лит. башк. *унда*, диал. *аннан* – лит. башк. *унан*, диал. *алар* – лит. башк. *улар*, диал. *аны* – лит. башк. *уны.*

ө – ү. В первом слоге литературная фонема [ө] в говоре передается звуком [ү]: диал. *сүлә* – лит. башк. *һөйлә.*

у, ү – о, ө. вместо менее огубленных кратких [о], [ө] в отдельных словах употребляются сильные губные [у], [ү]: диал. *сура* – лит. башк. *һора*, диал. *йумуш* – лит. башк. *йомош*, диал. *йумарт* – лит. башк. *йомарт*, диал. *мүгеш* – лит. башк. *мөйөш*, диал. *ҡурбан* – лит. башк. *ҡорбан*, диал. *бүжәк* – лит. башк. *бөжәк*, диал. *күпшә* – лит. башк. *көпшә*, диал. *бүген* – лит. башк. *бөгөн*, диал. *сүлек* – лит. башк. *һөлөк.*

ә – е, и. Башкирский диалектолог Р. З. Шакуров отмечает, что в гайнинском говоре в некоторых словах вместо узких гласных [э], [и] следует гласный переднего ряда [ә]: диал. *әнәй* – лит. башк. *инәй*, диал. *дәгәнәк* – лит. башк. *дегәнәк*, диал. *тәңкәгә тейеү* – лит. башк. *теңкәгә тейеү*. В ударных слогах после узких гласных, наоборот, звук [ә] переходит на звук [э]: диал. *белен* – *белән* – лит. башк. *менән*, диал. *мәктеп* – лит. башк. *мәктәп*, диал. *ч/щ/ибер* – лит. башк. *сибәр* и т. д. [Шакуров 2012: 191].

В конце слова, как и в литературном башкирском языке, применяются дифтонги *-ай/әй*, *-май/-мәй* с широкими гласными [а], [ә]: *алмай*, *бармай*, *килмәйбез*, *бармайбыз*, *әҙәмгә санамайлар*, *атай*, *әтәй*, *түтәй*, *йеңгәй*.

5. Диалектные различия согласных

В системе согласных звуков признаки говора нашли большее отражение.

h – с. В словах, относящихся к башкирскому литературному языку, во всех позициях, где идет звук [h], в говоре используется фонема [с]. Эта фонетическая особенность является одним из главных показателей общего северо-западного диалекта:

– в начале слова:

Диалектизм	Литературный башкирский	Русский перевод
сары	*һары*	‘желтый’
сиксән	*һикһән*	‘восемьдесят’
сирәк	*һирәк*	‘редко’
сыйлау	*һыйлау*	‘угощать’
сөлек	*һөлөк*	‘пиявка’
сөнәр	*һөнәр*	‘ремесло’
сөт	*һөт*	‘молоко’
сәнәк	*һәнәк*	‘вилы’
буткасы	*бутҡаһы*	‘(его/ее) каша’
салҡын	*һалҡын*	‘холодно’
сауытта	*һауытта*	‘в посуде’
суу	*һыу*	‘вода’
сыйырыбыз	*һыйырыбыҙ*	‘(наша) корова’
сүзенән	*һүҙенән*	‘от (его/ее) слов’
сарыҡ	*һарыҡ*	‘овца’
сөзмә	*һөҙмә*	‘национальное молочное блюдо’
сары	*һары*	‘желтый’
суған	*һуған*	‘лук’
сүрәт	*һүрәт*	‘рисунок’

– в середине слова:

Диалектизм	Литературный башкирский	Русский перевод
бурсук	*бурһыҡ*	‘барсук’
ҡайсы	*ҡайһы*	‘который’
сиксән	*һикһән*	‘восемьдесят’
туҡсан	*туҡһан*	‘девяносто’
ясаҡ	*яһаҡ*	‘дань, налог’
яса	*яһа*	‘сделай’
булсын	*булһын*	‘пусть будет’
яусын	*яуһын*	‘пусть идет (снег, дождь)’
йылғасы	*йылғаһы*	‘(его/ее) река’
күбесе	*күбеһе*	‘большинство’
бауырсак	*бауырһаҡ*	‘баурсак’

– наблюдается чередование при образовании форм слова:

Диалектизм	Литературный башкирский	Русский перевод
баласы	*балаһы*	‘(его/ее) ребенок’
быуасы	*быуаһы*	‘(его/ее) пруд’
өмәсе	*өмәһе*	‘(его/ее) общее дело’
шишмәсе	*шишмәһе*	‘(его/ее) родник’
булсын	*булһын*	‘пусть будет’
күрәсең	*күрәһең*	`видимо’
өндәмәсе	*өндәмәһе*	‘(его/ее) призыв’

– в процессе образования слов также имеет место переход данных звуков:

Диалектизм	Литературный башкирский	Русский перевод
йәмсез	*йәмһеҙ*	‘некрасивый’
аяҡсыз	*аяҡһыҙ*	‘безногий’
ташсарай	*ташһарай*	‘каменный сарай’

ҫ – с. Звук [ҫ] литературного башкирского языка в местном говоре переходит на звук [с]. Данное фонетическое явление встречается во всех позициях, где употребляется звук [ҫ]:

Диалектизм	Литературный башкирский	Русский перевод
иске	*иҫке*	‘старый’
исән	*иҫән*	‘живой’
өстәл	*өҫтәл*	‘стол’
сайыскан	*һайыҫкан*	‘сорока’
тастамал	*таҫтамал*	‘полотенце’
урынбасар	*урынбаҫар*	‘заместитель’
тустаҡ	*туҫтаҡ*	‘дервянная чаша’
нәсел	*нәҫел*	‘потомство’
дусларым	*дуҫтарым*	‘друзья (мои)’
кисәге	*киҫәге*	‘(его/ее) часть’
өскә	*өҫкә*	‘наверх’
оста	*оҫта*	‘мастер’
бас	*баҫ*	‘наступай’
урыс	*урыҫ*	‘русский’
быйма пасыущы	*быйма баҫыусы*	‘мастер валенок’
үс	*үҫ*	‘расти’
асра	*аҫра (ат)*	‘развести (лошадь)’
өстәлә	*өҫтәлә*	‘добавляется’
ис	*иҫ*	‘память’

с – ч/щ. В первую очередь бросается в глаза переход литературного звука [с] на мягкую аффрикату [ч/щ]*:*

Диалектизм	Литературный башкирский	Русский перевод
балч/щ/ыҡ	*балсыҡ*	‘глина’
ч/щ/аҡыралар	*саҡыралар*	‘зовут’
өч/щ/	*өс*	‘три’
ҡач/щ/ып	*ҡасып*	‘убегая’
буйынч/щ/а	*(эш) буйынса*	‘по (делу)’
ҡуркыныч/щ/	*ҡуркыныс*	‘страшно’
языуч/щ/ыбыз	*яҙыусыбыҙ*	‘(наш) писатель’
торғач/щ/	*торғас*	‘когда встали’
ч/щ/итенә	*ситенә*	‘на край’
ч/щ/әч/щ/кә	*сәскә*	‘цветок’
ч/щ/ыға	*сыға*	‘выходит’
ч/щ/ир	*сир*	‘болезнь’
әтәч/щ/	*әтәс*	‘петух’
ч/щ/ыҡтым	*сыҡтым*	‘вышел’
икенч/щ/е	*икенсе*	‘второй’
уҡыуч/щ/ылар	*уҡыусылар*	‘ученики’
сатыуч/щ/ы	*һатыусы*	‘продавец’
уч/щ/аҡ	*усаҡ*	‘костер’
эремч/щ/ек	*эремсек*	‘творог’
ач/щ/тылар	*астылар*	‘открыли’

алмағач/щ/	*алмағас*	‘яблоня’

В процессе образования новых слов сохраняется переход звуков *щ → с:*

Диалектизм	Литературный башкирский	Русский перевод
башланғыщ	*башланғыс*	‘начало`
Башҡорточ/щ/тан	*Башҡортостан*	‘Башкортостан`
уҡытуч/щ/ы	*уҡытыусы*	‘учитель`
көтөүч/щ/е	*көтөүсе*	‘пастух`
ч/щ/елтәрләп	*селтәрләп*	‘узорчато`
төрлөч/щ/ә	*төрлөсә*	‘по-разному`
эшләүч/щ/е	*эшләүсе*	‘делающий`
үзебезщә	*үзебезсә*	‘по-нашему`

ҙ – з. Также в различных позициях слова следует фонема [з]: вместо литературного звука [ҙ] в говоре

Диалектизм	Литературный башкирский	Русский перевод
ауыз	*ауыҙ*	‘рот’
бизә	*биҙә*	‘украшай’
башлы-күзле	*башлы-күҙле (булыу)*	‘обзавестись семьей’
зур	*ҙур*	‘большой’
ҡаз	*ҡаҙ*	‘копай’
ҡызыбыз	*ҡыҙыбыҙ*	‘(наша) дочь’
ҡондоз	*ҡондоҙ*	‘ондатра’
үзебез	*үҙебеҙ*	‘мы сами’
зур базар	*ҙур баҙар*	‘большой базар’
намаз	*намаҙ*	‘молитва’
хәзер	*хәҙер*	‘сейчас’
утыз туғыз	*утыҙ туғыҙ*	‘тридцать девять’
йөз	*йөҙ*	‘сто’
ҡыз	*ҡыҙ*	‘дочь/девочка/девушка’
кейезлек	*кейеҙлек*	‘войлок’
ҡабыз	*ҡабыҙ*	‘включай’
йөретәбез	*йөрөтәбеҙ*	‘водим’

ҙ – д. В отдельных словах литературный звук [ҙ] в говоре заменяется звуком [д]:

Диалектизм	Литературный башкирский	Русский перевод
әдәби	*әҙәби*	‘литературный’
бардыр	*барҙыр*	‘наверно, есть’
ярдам	*ярҙам*	‘помощь’

В формах местно-временного и исходного падежей имен существительных в говоре вместо фонемы [ҙ] используется [д]:

Диалектизм	Литературный башкирский	Русский перевод
мәч/щ/етләрдә	*мәсеттәрҙә*	‘в мечетях’
бакч/щ/ада	*баҡсала*	‘в саду’
шишмәдә	*шишмәлә*	‘у родника’
башҡортлардан	*башҡорттарҙан*	‘у башкир’
ҡамырдан	*ҡамырҙан*	‘из теста’
бабайдан	*бабайҙан*	‘у дедушки’

теге яҡларда	*теге яҡтарҙа*	‘в тех краях’
йылларда	*(ул) йылдарҙа*	‘в те годы’
шул арада	*шул арала*	‘за это время’
шәжәрәдән	*шәжәрәнән*	‘из родословной’
ғаиләдән	*ғаиләнән*	‘из семьи’
музейда	*музейҙа*	‘в музее’

й, ж – з. Отличительной особенностью данного говора является употребление в начале слова вместо литературного [й] и диалектного [ж] фонемы [з] (*з – й/ж*):

Диалектизм	Литературный башкирский	Русский перевод
зыябыз – жыйабыз	*йыябыҙ*	‘собираем’
зәмғиәт– жәмғийәт	*йәмғиәт*	‘общество’
зигәрле – жигәрле	*егәрле*	‘энергичный’
зиңгә – жиңгә	*еңгә*	‘жена старшего брата’
зебеү – жебеү	*ебеү*	‘скисать’

й – ж. В отдельных словах вместо звука [й] в говоре используется мягкая фонема [ж]:

Диалектизм	Литературный башкирский	Русский перевод
жыр	*йыр*	‘песня’
жомош	*йомош*	‘услуга’
жәлләп	*йәлләп*	‘сжалившись’
Шәрипжан	*Шәрипйән*	‘Шарипьян (мужское имя)’
жөн	*йөн*	‘шерсть’
жүгер	*йүгер*	‘беги’
жыйын	*йыйын*	‘сход’

е, ю – ж. Фонемы [йэ] и [йу] башкирского литературного языка в говоре переходят в звук [ж]:

Диалектизм	Литературный башкирский	Русский перевод
жиләк	*йе(э)ләк*	‘ягода’
жир	*йе(э)р*	‘земля’
жин	*йе(э)н*	‘черт’
жул	*йу(ю)л*	‘дорога’
жип	*йе(э)п*	‘нить’
гөлжимеш	*гөлйе(э)меш*	‘шиповник’

ң – н. В некоторых словах иногда вместо специфического звука [ң] башкирского языка в говоре используется фонема [н]. Чередование этих звуков идет в разных позициях слов:

Диалектизм	Литературный башкирский	Русский перевод
тәнкәләр	*тәңкәләр*	‘монеты’
аның	*уның*	‘его/ее’

Установленный фонетический переход — не столь широко распространенное явление.

б – п. В большинстве случаев в начале слова наблюдается употребление вместо звонкого [б] глухого [п]:

Диалектизм	Литературный башкирский	Русский перевод
палас	*балаҫ*	‘палас’

патша	*батша*	‘царь’
пешер	*(ашарға) бешер*	‘готовь (еду)’
пыйма	*быйма*	‘валенки’
песәй	*бесәй*	‘кошка’
печ/щ/ән	*бесән*	‘сено’
пәке	*бәке*	‘перочинный нож’
пешкән	*бешкән*	‘сваренный’
палауз	*балауыз*	‘воск’
палан	*балан*	‘калина’

Также встречается оглушение звонкого [б] после глухого согласного, что характерно в целом для башкирского языка:

Диалектизм	Литературный башкирский	Русский перевод
сарык-пәрән	*һарык-бәрән*	‘овцы и ягнята’
пытпылдык	*бытбылдақ*	‘перепелка’

к, қ – ғ, г. В сложных словах и словосочетаниях начальные звуки второго компонента [к], [қ] регулярно озвончаются, что не допускается в татарском языке:

Диалектизм	Литературный башкирский	Русский перевод
алағарға	*ала ғарға*	‘ворона’
маллар ғайтты	*малдар ғайтты*	‘скот вернулся’
қызлар гитте	*қыҙҙар гитте*	‘девушки ушли’

Как показывают фактические материалы, фонетические признаки разговорной речи жителей Бардымского района отражают общий северо-западный диалект.

6. Некоторые грамматические отличия

В форме прошедшего определенного времени изъявительного наклонения глагола встречается фонема [д]. Вместо литературных звуков [ҙ] и [н] в говоре появляется фонема [д]:

Диалектизм	Литературный башкирский	Русский перевод
башладылар	*башланылар*	‘начинали’
бөтердем	*бөтөрҙөм*	‘закончили’
салдырды	*һалдырҙы*	‘(заставил) положить’
эшләдем	*эшләнем*	‘работал’

При образовании формы прошедшего неопределенного времени изъявительного наклонения глагола фонема [д] в говоре чередуется с [н]:

Диалектизм	Литературный башкирский	Русский перевод
жибәргәннәр	*ебәргәндәр*	‘отправили’
йөреткәннәр	*йөрөткәндәр*	‘водили’
қалдырғаннар	*қалдырғандар*	‘оставили’
атағаннар	*атағандар*	‘назвали’
булғаннар	*булғандар*	‘были’
күмгәннәр	*күмгәндәр*	‘похоронили’

В форме настоящего времени глагола и имен существительных окончание множественного числа начинается на фонему [л]:

Диалектизм	Литературный башкирский	Русский перевод
сөйләйләр	*һөйләйҙәр*	‘рассказывают’
эшләйләр	*эшләйҙәр*	‘работают’
уқыйлар	*уқыйҙар*	‘учатся’

аптрайлар	*аптырайҙар*	‘удивляются’
башлағанлар	*башлағандар*	‘начинали’
башлайлар	*башлайҙар*	‘начинают’
төзейләр	*төҙөйҙәр*	‘строят’
кисмәйләр	*киҫмәйҙәр*	‘не срубают’
урманнар	*урмандар*	‘леса’
жәйләр	*йәйҙәр*	‘лето’
ҡышлар	*ҡыштар*	‘зимы’
башҡортлар	*башҡорттар*	‘башкиры’
ҡазаҡлар	*ҡазаҡтар*	‘казахи’
әбийләр	*әбейҙәр*	‘старухи’
ҡызлар	*ҡыҙҙар*	‘девушки’
егетләр	*егеттәр*	‘парни’

Если слово заканчивается на звук [н], значение прошедшего времени глагола и имен существительных во множественном числе передается с помощью окончания *-нар/-нәр*:

Диалектизм	**Литературный башкирский**	**Русский перевод**
эшләгәннәр	*эшләгәндәр*	‘работали’
барғаннар	*барғандар*	‘сходили’
аптыраған нар	*аптырағандар*	‘удивились’
уйыннар	*уйындар*	‘игры’
суйыннар	*суйындар*	‘чугуны’

При образовании формы определенного прошедшего времени изъявительного наклонения глагола наблюдаются случаи наличия звука [д]:

Диалектизм	**Литературный башкирский**	**Русский перевод**
үстердем	*үҫтерҙем*	‘вырастил’
ҡуйды	*ҡуйҙы*	‘поставил’
эшләдем	*эшләнем*	‘работал’

В живом разговорном языке притяжательный падеж имен существительных и местоимений передается с помощью аффикса, который начинается на фонему [н]:

Диалектизм	**Литературный башкирский**	**Русский перевод**
ауылның	*ауылдың (кешеһе)*	‘(житель) деревни’
безнең	*беҙҙең (өй)*	‘наш (дом)’
инәйнең	*инәйҙең (һыйыры)*	‘(корова) тети’
кешеләрнең	*кешеләрҙең (һүҙе)*	‘(молва) людей’
мәщетнең	*мәсеттең (түбәһе)*	‘(крыша) мечети’
районның	*райондың (даны)*	‘(слава) района’
үзебезнең	*үҙебеҙҙең (эш)*	‘своя (работа)’

В местном говоре форма винительного падежа имени существительного передается с помощью аффикса, начинающегося на [н]*:*

Диалектизм	**Литературный башкирский**	**Русский перевод**
ағасларны	*ағастарҙы (һелкетә)*	‘(качает) деревья’
арышларны	*арыштарҙы (сәстеләр)*	‘(засеяли) рожь’
йәшлегемне	*йәшлегемде (һағынам)*	‘(скучаю) по молодости’
киленне	*киленде (алып ҡайтты)*	‘(привел) невесту’
музейны	*музейҙы (астыҡ)*	‘(открыли) музей’
мәщетне	*мәсетте (төҙөнөк)*	‘(построили) мечеть’
төбәкне	*төбәкте (тергеҙә)*	‘(восстанавливает) регион’
шишмәләрне	*шишмәләрҙе (һаклай)*	‘(охраняет) родники’

7. Заключение

Наше исследование в очередной раз показало, что на формирование своеобразного и уникального говора гайнинских башкир повлияло длительное нахождение на относительном удалении от соплеменников в связи с территориальным расположением региона в отрыве от основной массы башкирского населения. Анализ живого общенародного разговорного языка Бардымского района показал, что имеются фонетические особенности, характерные для северо-западного диалекта башкирского языка, в том числе смежных говоров. Вместе с этим выяснилось, что есть фактические материалы, свойственные лишь для данного района. Имеют место фонетические свойства, характерные для татарского литературного языка; это, скорее всего, результат преподавания в образовательных учреждениях Бардымского района татарского языка как родного. Дальнейшее более углубленное изучение диалектов и говоров башкирского языка в фонетическом, морфологическом, лексическом и стилистическом аспектах остается актуальной задачей диалектологической науки.

Сокращения

башк. — башкирский

диал. — диалектное слово

лит. башк. — литературный башкирский

Полевые материалы авторов

ПМА 2023 — Материалы экспедиции 2023 г. в рамках проекта «Язык и фольклор гайнинских башкир» (грант РНФ № 23-28-01247).

Authors' Field Data

Materials of the 2023 expedition funded by Russian Science Foundation, grant no. 23-28-01247 'Language and Folklore of Gaina Bashkirs'.

Литература

Баишев 1955 — *Баишев Т. Г.* Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку / под ред. Н. К. Дмитриева. М.: МГУ, 1955. 112 с.

Баишев 2016 — *Баишев Т. Г.* Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку. 2-е изд., стереотип. Уфа: Гилем, 2006. 132 с.

БДС 1959 — Башкирский диалектологический сборник / под ред. Т. М. Гарипова и др. Уфа: АН СССР, Башкирский филиал, Ин-т истории, языка и литературы, 1959. 222 с.

Бессонов 1881 — *Бессонов А. Г.* О говорах казанского татарского наречия и об отношении его к ближайшим к нему наречиям и языкам // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. CCXVI. СПб.: Тип. В. С. Балашева и К°, 1881. С. 200–242.

Реализация 2021 — Реализация родного языка в Бардымском национальном районе Свердловской области [электронный ресурс] // Гайнинский край. VK.ru. 23 окт. 2021. URL: https://vk.com/wall-114620260_13003 (дата обращения 13.01.2023).

Ишбулатов 2000 — *Ишбулатов Н. Х.* Башкирский язык и его диалекты. Уфа: Китап, 2000. 212 с. (На башк. яз.).

Максютова 1996 — *Максютова Н. Х.* Башкирские говоры, находящиеся в иноязычном окружении. Уфа: Китап, 1996. 285 с.

Махмудов 2016 — *Махмудов А.* Гайнинский говор — шаг 1, 2, 3 [электронный ресурс] // VK.ru. Тюркский народ. 9 июня 2016 г. URL: https://vk.com/wall-21242429_864160 (дата обращения: 13.01.2023).

Миржанова 2006 — *Миржанова С. Ф.* Северо-западный диалект башкирского языка (формирование и современное состояние). Уфа: Гилем, 2006. 296 с.

Мурзабулатов 2010 — *Мурзабулатов М. В.* Башкиры Пермского края // Проблемы востоковедения. 2010. № 1 (47). С. 65–67.

Нуретдинов 2016 – *Нуретдинов С.* Башкиры в Пермском крае [электронный ресурс] // Посреди России: люди, традиции, взгляды, идеалы и символы. 27.01.2016. URL: https://posredi.ru/bashkiry-v-permskom-krae.html?ysclid=ldmm17ynry943590460 (дата обращения: 02.02.2023).

Рамазанова 1996 — *Рамазанова Д. Б.* К истории формирования говора пермских татар. Казань: ИЯЛИ, 1996. 239 с.

СБГ, III 1987 — Башҡорт һөйләштәренең һүҙлеге = Словарь башкирских говоров: в 3 тт. Т. III: Западный диалект / сост.: Н. Х. Максютова, С. Ф. Миржанова и др.; отв. ред. Н. Х. Максютова. Уфа: Башкнигоиздат, 1987. 232 с. (На башк. яз.).

Хакимьянова, Юлдыбаева 2018 — *Хакимьянова А. М., Юлдыбаева Г. В.* Фольклорные традиции пермских (гайнинских) башкир (по материалам экспедиций) // Oriental Studies. 2018. Т. 38. № 4. С. 156–164. DOI 10.22162/2619-0990-2018-38-4-156-164

Хотинец 1999 — *Хотинец В. Ю*. Этнопсихологический анализ особенностей развития гайнинских башкир. Барда: Бардымский газетно-книжн. изд. комплекс, 1999. 36 с.

Шакуров 2012 — *Шакуров Р. З.* Башкирская диалектология. Уфа: Китап, 2012. 240 с. (На башк. яз).

Янгузин 1998 — *Янгузин Р. З.* Башкирские племена. Уфа: Китап, 1995. 96 с. (На башк.яз.)

References

Baishev T. G. Bashkir Dialects in Their Relation to the Standard Language. N. Dmitriev (ed.). Moscow: Lomonosov Moscow State University, 1955. 112 p. (In Russ.)

Baishev T. G. Bashkir Dialects in Their Relation to the Standard Language. Second edition. Reprint. Ufa: Gilem, 2006. 132 p. (In Russ.)

Bessonov A.G. About dialects of Kazan Tatar in the latter's relation to nearest dialects and languages. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1881. Pt. CCXVI. Pp. 200–242. (In Russ.)

Garipov T. M. et al. (eds.) Collected Studies in Bashkir Dialectology. Ufa: Institute of History, Language and Literature, 1959. 222 p. (In Russ.)

Ishbulatov N. Kh. Bashkir and Its Dialects. Ufa: Kitap, 2000. 212 p.(In Bash.)

Khakimyanova A. M., Yuldybaeva G. V. Folklore traditions of Perm (Gaina) Bashkirs (A case study of expeditionary materials). *Oriental Studies*. 2018. Vol. 11. No. 4. Pp. 156–164. DOI 10.22162/2619-0990-2018-38-4-156-164. (In Russ.)

Khotinets V. Yu. The Shaping of Gaina Bashkirs: An Ethnopsychological Analysis. Barda: Barda Press, 1999. 36 p. (In Russ.)

Makhmudov A. Gaina Bashkir — Steps 1, 2, 3. On: VK (service). Tyurksky Narod (Turkic People community). Posted on 9 June 2016.Available at: https://vk.com/wall-21242429_864160 (accessed: 13 January 2023). (In Russ.)

Maksyutova N. Kh. Bashkir Dialects in Non-Bashkir Environment. Ufa: Kitap, 1996. 285 p. (In Russ.)

Maksyutova N. Kh., Mirzhanova S. F. et al. (comps.) Western Bashkir (Dictionary of Bashkir Dialects 3). N. Maksyutova (ed.). Ufa: Bashkortostan Book Publ., 1987. 232 p. (In Bash.)

Mirzhanova S. F. Northwestern Bashkir: Its Shaping and Present-Day Conditions. Ufa: Gilem, 2006. 296 p. (In Russ.)

Mother-tongue practice in Bardymsky [Ethnic] District of Sverdlovsk Oblast. On: VK (service). Gaininsky Krai (Gaina Land community). Posted on 23 October 2021. Available at: https://vk.com/wall-114620260_13003 (accessed 13 January 2023). (In Russ.)

Murzabulatov M. V. The Bashkirs from Perm territory. *The Problems of Oriental Studies*. 2010. No. 1(47). Pp. 65–67. (In Russ.)

Nuretdinov S. Bashkirs in Perm Krai. On: Posredi Rossii (In the Heart of Russia). People, Traditions, Views, Ideals and Symbols. Posted on 27 January 2016. Available at: https://posredi.ru/bashkiry-v-permskom-krae.html?ysclid=ldmm17ynry943590460 (accessed: 2 February 2023). (In Russ.)

Ramazanova D. B. Revisiting the Shaping of Perm Tatar. Kazan: Institute of Language, Literature and History, 1996. 239 p. (In Russ.)

Shakurov R. Z. Bashkir Dialect Studies. Ufa: Kitap, 2012. 240 p. (In Bash.)

Yanguzin R. Z. Bashkir Tribes. Ufa: Kitap, 1995. 96 p. (In Bash.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 4, Pp. 971–982, 2023
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

УДК / UDC 811.512.141’373.45
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-971-982

Заимствования и кодовые переключения в башкирском языке (на примере караидельского говора)

Линара Камиловна Ишкильдина[1]

[1] Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
0000-0002-3376-7721. E-mail: lina86_08[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023
© Ишкильдина Л. К., 2023

Аннотация. *Введение.* В контактной лингвистике проблема дифференциации переключения кодов и заимствований является весьма актуальной. Причиной тому является отсутствие единых подходов в изучении и, как следствие, точных определений данных явлений и критериев их классификации. Сложности разграничения этих двух лингвистических процессов вызваны тем, что в условиях интенсивных языковых контактов они имеют больше сходств в фонологическом, морфологическом и синтаксическом аспектах, чем отличий. Некоторые ученые утверждают, что переключение кода — это первый этап в освоении лексемы в матричном языке, т. е., прежде чем стать «ядерными» заимствованиями, эти слова были переключениями кодов. Процесс переключения кодов в речи связан с явлением массового билингвизма. *Цель*. Проблема кодовых переключений является малоизученной в башкирском языкознании, в связи с чем нами предпринята попытка их разграничения от заимствований в условиях башкирско-русского двуязычия. *Материалы и методы*. Материалом для исследования послужили расшифрованные записи живой речи башкир (представителей караидельского говора северо-западного диалекта башкирского языка), полученные в экспедиционных выездах автора (в 2022–2023 гг.). При описании кодовых переключений автор придерживается рамочной модели матричного языка, разработанной американской исследовательницей К. Майерс-Скоттон. В статье рассмотрены внутрифразовые переключения в виде вкраплений и островных переключений в пределах одного предложения. *Результаты*. В ходе исследования выяснились сложности разграничения заимствований от кодовых переключений. Заимствования, по Г. Н. Чиршевой, делятся на культурные и окказиональные (ядерные). Вторые по своим особенностям и функционированию приближены к кодовым переключениям. По К. Майерс-Скоттон, основные их отличия сводятся к тому, что последние употребляются единично (или не чаще трех раз) и не входят в ментальный лексикон матричного языка. Поэтому варваризмы типа *еще / ищо*, *уже / ужы*, *вис*, *сәпсим* и др., часто употребляющиеся в речи башкир-билингвов, необходимо относить в ряд окказиональных / ядерных заимствований (по Г. Н. Чиршевой), а единичные иноязычные вкрапления считать переключениями кодов.

Ключевые слова: языковые контакты, билингвизм, переключения кодов, заимствование, варваризм, пиджинизированные переключения, башкирский язык, караидельский говор
Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Кодовые переключения в условиях башкирско-русского двуязычия (на материале диалектных дискурсов)» (№ 23-28-01343, https://rscf.ru/project/23-28-01343/).
Для цитирования: Ишкильдина Л. К. Заимствования и кодовые переключения в башкирском языке (на примере караидельского говора) // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 4. С. 971–982. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-971-982

Loanwords and Code Switches in Bashkir: A Case Study of the Karaidel Dialect

Linara K. Ishkildina[1]

[1] Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., 450054 Ufa, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate
0000-0002-3376-7721. E-mail: lina86_08[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023
© Ishkildina L. K., 2023

Abstract. *Introduction.* In contact linguistics, the problem of differentiating between code switches and loanwords is relevant enough, which arises from that there are no unified research approaches thereto, and consequently nor there any precise definitions for the phenomena and classification criteria. The difficulties in distinguishing between the two linguistic processes result from that in intensive language contacts they tend to gain more similarities in terms of phonology, morphology and syntax — rather than differences. Some scholars argue that code-switching is the first stage in the development of a token in a matrix language, i.e. the lexemes had been code switches before they became 'nuclear' borrowings. The process of switching codes in speech is associated with the phenomenon of mass bilingualism. *Goals*. The problem of code-switching is understudied in Bashkir linguistics, and the paper attempts to distinguish the former from borrowings in the context of Bashkir-Russian bilingualism. *Materials and methods*. The study analyzes transcribed recordings of colloquial Bashkir (from speakers of Karaidel, a dialect of northwestern Bashkir) obtained during the author's expeditions of 2022 and 2023. When it comes to describe code-switching, the workr employs Myers-Scotton's Matrix Language Frame model. The article deals with intraphrasal switches in the form of inclusions and insular switches within one sentence. *Results*. The study identifies some difficulties of distinguishing between borrowings and code switches. According to G. Chirsheva, borrowings are divided into cultural and occasional (nuclear) ones. The latter are essentially and functionally close to code switches. K. Myers-Scotton presumes their main differences can be reduced to that code switches are used in individual cases (or no more than three times) and are not included in the mental lexicon of the matrix language. Therefore, barbarisms, such as *еще / ищо*, *уже / ужы*, *вис*, *сәпсим*, etc., which are often used in the speech of bilingual Bashkirs, must be referred to as occasional / nuclear borrowings (according to G. Chirsheva), while individual foreign-language inclusions be considered code switches.
Keywords: language contacts, bilingualism, code-switching, loanword, barbarism, pidginized switching, Bashkir language, Karaidel dialect
Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, grant no. 23-28-01343 'Code-Switching in Bashkir-Russian Bilingualism: Insights into Dialectal Discourses' (https://rscf.ru/project/23-28-01343/).
For citation: Ishkildina L. K. Loanwords and Code Switches in Bashkir: A Case Study of the Karaidel Dialect. *Oriental Studies*. 2023; 16(4): 971–982. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-971-982

1. Введение

Проблема переключения кодов (далее — ПК) является одной из наиболее актуальных в последние десятилетия в российской лингвистике. Она взаимосвязана с билингвизмом (двуязычием) как результат языковых контактов (межнациональных и даже международных), взаимодействия национальных и государственных языков, глобализации и межэтнической интеграции и т. д. Теоретические основы изучения языковых контактов и одного из его аспектов — переключения кодов — были разработаны в зарубежной лингвистике начиная с середины XX в. [Вайнрайх 1979; Мартине 1972; Auer 1999; Appel, Muysken 2005; Myers-Scotton 1997; Muysken 1995; Muysken 2000; Poplack, Sankoff 1988; и др.].

У истоков отечественной контактной лингвистики стояли И. А. Бодуэн де Куртенэ, Л. В. Щерба и др. Проблема переключения кодов как новейшего направления в российской лингвистике исследуется Л. П. Крысиным [Крысин 2000], Е. В. Головко [Головко 2001], Г. Н. Чиршевой [Чиршева 2004], М. Г. Исаевой [Исаева 2009] и др.

В последние годы в башкирском языкознании также начали обращаться к проблеме ПК [Бускунбаева и др. 2014; Бускунбаева 2022]. Первым на явление контактного влияния русского языка на башкирский обратил внимание еще Н. К. Дмитриев в своей статье «Варваризмы в башкирской речи» [Дмитриев 1930]. Русские заимствования, в том числе и терминология, заимствованная из русского языка как в досоветскую, так и советскую эпохи, были монографически изучены Р. Н. Терегуловой [Терегулова 1957]. Русские заимствования стали предметом исследования многих башкирских ученых в научных статьях и разделах монографий [Гарипов, Мустафин 1968; Ишбердин 1986; Закирьянов 1985; Миржанова 1973; и др.]. Башкирскими языковедами составлен «Словарь ранних русских заимствований башкирского языка» [СРРЗБЯ 2021] и т. д.

ПК с башкирского языка на русский неразрывно связано с явлением массового билингвизма, которое получило широкое распространение в Республике Башкортостан. Русский язык выступает в качестве основного языка-посредника, обслуживающего многонациональное население республики [Бускунбаева 2022: 18]. Многовековые контакты башкир с русским населением (активно с середины XVI в.), введение русского языка как государственного и обслуживание русским языком всех сфер жизнедеятельности населения в Башкортостане способствовали развитию среди башкир массового башкирско-русского двуязычия.

2. Цель и материалы исследования

Целью данной статьи является попытка решения проблемы разграничения явлений кодового переключения и заимствований в речи башкир-билингвов на примере носителей караидельского говора северо-западного диалекта башкирского языка. Предметом исследования стали иноязычные элементы (слова, словосочетания, предложения), встраиваемые в морфосинтаксическую структуру родного языка. В роли матричного (родного) языка выступает башкирский язык, в роли гостевого — русский. В ходе исследования были выявлены преимущественно внутрифразовые переключения в пределах словосочетания или простого предложения.

Основным источником для анализа выступили экспедиционные материалы, собранные автором в 2022–2023 гг. у носителей караидельского говора северо-западного диалекта башкирского языка. Использованы расшифрованные тексты более 20 информантов. Ввиду однородности полученных текстов и ограниченности объема статьи приведены примеры по 3 информантам. В работе также использованы материалы по другим говорам, собранные автором в разные годы.

3. Типы и виды заимствований

Использование билингвами (полилингвами) в одном речевом акте элементов, относящихся к разным языковым системам, принято называть переключением кодов. В контактной лингвистике одной из актуальных проблем является дифференциация действительных кодовых переключений от заимствований. Основные вопросы сводят-

ся к выделению критериев их разграничения.

Заимствование — элемент чужого языка (слово, оборот, морфема, фонема), перенесенный из одного языка в другой в результате контактов языковых, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой. Заимствования приспосабливаются к системе заимствующего языка и зачастую настолько им усваиваются, что иноязычное происхождение таких слов не ощущается носителями этого языка и обнаруживается лишь с помощью этимологического анализа [Заимствование 1990]. К примеру, в башкирском языке ранние русские заимствования, вошедшие через устную речь, были фонетически адаптированы, следовательно, начали восприниматься как исконные лексемы, например, *арыш* < рожь, *бүрәнә* < бревно, *өстәл* < стол, *биҙрә* < ведро, *бит* < ведь, *мисәт* < печать, *өйәҙ* < уезд и т. д. [БРС 1996: 47, 88, 92, 116, 434, 482].

Арабо-персидские заимствования также не воспринимаются как элементы «чужой» лексики ввиду их раннего проникновения и лингвистической адаптации в башкирском языке: (араб.) [джауабун] — *яуап* ‘ответ’, (араб.) [′иджадун] — *ижад* ‘творчество’, (араб.) [китабун] — *китап* ‘книга’, (араб.) [бала’ун] — *бәлә* ‘беда’, (араб.) [джинсун] — башк. *енес* ‘пол’ и т. д. [Бейешев 2009: 21, 42, 48, 58, 137].

Далее подробнее остановимся на русских заимствованиях, поскольку их анализ необходим при решении проблемы ПК как явления башкирско-русского билингвизма.

Русские заимствования в башкирском языке классифицируются по следующим периодам: 1) ранние заимствования (слова, заимствованные после вхождения башкир в русское государство и до 1917 г.); 2) поздние заимствования (слова, заимствованные в советский период); 3) новые заимствования (слова, заимствованные в постсоветский период) [СРРЗБЯ 2021: 12].

Как было уже отмечено выше, ранние русские заимствования фонетически адаптированы и подчиняются грамматическим законам башкирского языка. В «Словарь ранних русских заимствований башкирского языка» вошли лексемы, функционирующие не только в литературном языке, но и в диалектной речи. Поздние и новые заимствования практически не подчиняются фонетическим законам башкирского языка наподобие ранних. Это утверждение касается литературного языка, так как в просторечии поздние русизмы адаптируются в башкирском языке, возможно, и в меньшей степени, чем ранние. Например, в наших экспедиционных материалах по караидельскому говору башкирского языка (2022–2023 гг.) были зафиксированы следующие произношения русских заимствований советского и постсоветского (нового) периодов, а также иностранных лексем, заимствованных посредством русского языка: *совхоз* — караид. *сафхоз*, *колхоз* — караид. *калхоз / калхуз*, *профессия* — караид. *профессийа*, *пенсия* — караид. *пинсийа*, *тракторист* (совр. лит. *тракторсы*) — караид. *трактарис*, *пилорама* — караид. *пиларама*, *бутерброд* — караид. *бутерврот*, *методист* — караид. *метадис* и др. [ПМА 2022: Инф. 1; ПМА 2022: Инф. 2; ПМА 2023: Инф. 3]. В данных примерах наблюдаются закон гармонии гласных, усечение сочетания согласных в конце слова и др.

Приток заимствований в башкирский язык особенно увеличился в 1990-е гг. В нашу жизнь в последние годы входят новые явления, а с ними новые слова, отсутствующие в башкирском языке. Подобные процессы обогащения лексики за счет заимствований происходят во всех современных языках [Фатхуллина 2008: 586]. В настоящее время преимущественно заимствуются не русские слова, а интернационализмы и иностранные слова через русский язык (*президент*, *мэр*, *компьютер*, *ноутбук*, *модем*, *менталитет*, *дизайн*, *модель*, *колледж* и т. д.).

Вместе с тем в постсоветский период наметилась тенденция борьбы за чистоту башкирского языка. В официальной речи русизмы заменяются либо арабо-персидскими заимствованиями, либо собственными лексемами, образованными путем калькирования, полукалькирования. Например, слово *пенсия*, активно употребляющееся в живой разговорной речи, в литературном языке заменяется сложным словом-калькой — *хаҡлы ял* (‘досл. оплачиваемый, заслуженный отпуск’), *колхоз* — *күмәк хужалыҡ* ‘колхоз’, *активист* — *әүҙем кеше* ‘активист’, *пекарня* — *икмәкхана* ‘пекарня’, *мэр* — *ҡала башлығы* ‘мэр’, *вуз* — *юғары*

уҡыу йорто ‘вуз’и др. [БРС 1996: 314, 339, 822, 825].

Иноязычные лексемы стараются заменить более «привычными» арабо-персидскими заимствованиями: профессия — *һөнәр* (перс.), врач — *табип* (араб.), художник — *рәссам* (араб.), студент — *талип* (араб.) и т. д. В башкирском литературном языке русизмы и иностранные слова претерпевают «обработку» в языке-реципиенте путем переоформления окончаний. В иностранных лексемах окончания либо заменяются на собственно башкирские либо усекаются: тракторист — *тракторсы*, гитарист — *гитарасы*, археологический — *археология* (*археология ҡомарткылары* ‘археологические памятники’), министерство — *министрлыҡ*, террорист — *террорсы*, активный — *актив* (*актив кеше* ‘активный человек’) и т. д.

Первичный этап в освоении иноязычных слов и один из видов заимствований называют варваризмами. Лингвисты дают разные определения данному термину и рассматривают реализацию варваризмов в различных языках неоднозначно. Например, в «Большой советской энциклопедии» дается следующее определение варваризмов: «Иноязычные слова и выражения, используемые в речи при описании реалий, обычаев и т. п. других народов. В. могут быть не вполне освоены языком (семантически, а иногда также морфологически и синтаксически). Используются, как правило, для передачи местного колорита обозначениях собственных имен („Жан“, „Хосе“), монет („доллар“, „сантим“), должностей и лиц („кюре“, „мэр“, „гангстер“), деталей быта, одежды, украшений, кушаний, титулов („кастаньеты“, „сюзане“, „редингот“, „щербет“, „сэр“) и т. п.» [БСЭ 1971: 297].

В словаре Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой варваризмом называется «иноязычное слово или выражение, не до конца освоенное заимствующим языком, чаще всего в связи с трудностями грамматического освоения» [Розенталь, Теленкова 1985: 30].

Л. М. Баш под варваризмами понимает «иноязычные слова и выражения, употребляемые в русском языке без перевода, с соблюдением графики и орфографии языка-источника. Это как бы самый чистый образец заимствования, при котором степень адаптации равна нулю. Точнее говоря, это даже еще не заимствования, а чужеродные вкрапления в устную и письменную речь, характеризующие, как правило, язык образованной части общества» [Баш 1989: 27]. Необходимо отметить, что соблюдение графики касается письменной речи, в особенности художественных и публицистических текстов, где варваризмы используются в стилистических целях для передачи местного колорита, выделения иноязычного персонажа, создания иронии и т. д.

Таким образом, все неологизмы, жаргонизмы, экзотизмы, иноязычные вкрапления, по мнению указанных выше авторов, должны считаться варваризмами, так как они заимствуются без адаптации в заимствующем (матричном) языке. «Главный признак варваризмов не в том, что это слова-заимствования, а в том, что варваризмы почти всегда осознаются как чужеродные» [Хохонин, Овсянникова 2017: 14].

Н. К. Дмитриев под термином «варваризмы» в башкирском языке понимает «все те инородные лексические элементы, которыми наводнена современная башкирская разговорная речь и которые сознаются как нечто чуждое как самими башкирами, так и исследователями башкирского языка. Это не относится к старым заимствованиям (арабским, персидским и очень немногим русским), которые получили право гражданства в языке и подверглись обработке в духе его фонетики. Гораздо многочисленнее заимствования последних лет, революционного периода: они не вполне усвоены языком, зачастую противоречат его духу и представляют собою своего рода непереваренный материал» [Дмитриев 1930: 74]. Во второй части статьи ученый представил словарь варваризмов башкирского языка, куда включены не только знаменательные части речи, но «масса служебных морфологических элементов и, особенно, наречия и союзы, которыми башкирский язык, как и все турецкие (тюркские. — *Л. И.*), весьма беден» [Дмитриев 1930: 76]. Примеры: *бит* < ведь (вошел в литературный язык.— *Л. И.*), *туже* < тоже, *тулкә / тулке / тулка* < только, *йеше* < еще, *зашим* < зачем, *пашиму* < почему, *вапше* < вообще, *вис* < весь и т. д. [Дмитриев 1930: 80–105]. Как показывают примеры, данные лексемы все же имеют некую фонетическую адаптацию в заимствующем языке, хотя существуют их эквиваленты: уже — *инде*; тоже — *шулай*

ук; весь — *бөтөн*, *барыһы*; только — *бары*, *бары тик*, *ләкин* и др.; еще — *тағы*, *тағы ла*; вообще — *гөмүмән*, *бөтөнләй* и т. д.

Таким образом, согласно Н. К. Дмитриеву, варваризмами в башкирском языке могут считаться лексемы, заимствованные из русского языка, фонетически не до конца адаптированные, имеющие эквиваленты в собственном языке, считающиеся чуждыми для родной речи. Варваризмами весьма пестрит башкирская разговорная речь в отличие от литературного языка.

4. Переключения кодов vs заимствования

В лингвистике нет единого мнения и четких критериев по разграничению заимствований и кодовых переключений.

По К. Майерс-Скоттон, ПК — это использование форм гостевого языка (языков) в высказываниях на матричном языке в пределах одной беседы [Myers-Scotton 1997: 3].

П. Муйскен определяет ПК как попеременное использование билингвами двух или более языков в пределах одной беседы. Ученым отмечается также, что ПК может наблюдаться между разными говорящими в разговоре, между высказываниями в рамках реплики, иногда даже и в пределах предложения [Muysken 1995: 177].

ПК (code-switching) — специфическая способность билингва успешно участвовать в двуязычном типе коммуникации, осуществляя выбор языка в соответствии с экстралингвистическими факторами (компонентами коммуникативной ситуации), соединять в одном высказывании, предложении или словосочетании единицы двух языков, не нарушая при этом грамматические нормы ни одного из них [Чиршева 2004: 48].

К. Майерс-Скоттон рассматривает межфразовые / интерсентенциональные переключения (intersentential) и внутрифразовые / интрасентенциональные переключения (intrasentential) в рамках ПК. П. Муйскен разграничивает эти явления и считает ПК внутри предложения (интрасентенциональные переключения) смешением кодов, хотя и подчеркивает, что между ними нет принципиальной разницы [Muysken 2000: 4].

Среди внутрифразовых переключений выделяют также вкрапления и островные кодовые переключения. Вкрапления представляют собой одиночные лексические единицы гостевого языка — морфемы или слова, которые подчиняются грамматическим правилам матричного (родного, первичного) языка. Островные переключения состоят из одной или нескольких лексических единиц гостевого языка и сопровождающих их системных морфем. Островные переключения в речи легче распознать из-за их структурных особенностей, включающих несколько показателей.

Одной из основных задач в контактной лингвистике является проблема разграничения иноязычных вкраплений от заимствований. По мнению ученых, главным признаком иноязычных вкраплений является их принадлежность к речи билингвов. В то время для лексических заимствований не обязательно условие билингвизма, они достаточно быстро распространяются в речи и монолингвов [Чиршева 2004: 3–7].

В лингвистике выделяются два типа заимствований: «культурные» и «ядерные» («окказиональные»), первые представляют собой обозначения реалий, объектов и понятий, новых для культуры матричного языка (заимствующего языка), вторые не заполняют лексические лакуны в матричном языке и часто являются избыточными [Чиршева 2004: 102].

Исходя из этих принципов, анализированные выше варваризмы разговорного башкирского языка относятся к окказиональным заимствованиям, так как они имеют эквиваленты в матричном языке, не признаются лексическими единицами башкирского языка и не включены в лексическую систему литературного языка. В то же время они активно используются билингвами в потоке живой речи.

Заимствования (и «культурные», и «окказиональные») подчиняются (хотя бы частично) фонетическим и грамматическим правилам матричного (заимствующего) языка. Например: *өҫтәл* < стол, *бүрәнә* < бревно, *трактарис-тар* < трактористы, *архив-ка* < в архив, *артел-гә* < артелю, *туже* < тоже, диал. *кәртүк* < картофель и т. д. При переключении кодов говорящий использует элементы гостевого языка в полном соответствии с фонетическими, грамматическими и иными свойствами этих элементов (пример: ***оказывается*** *ул шулай икән* ‘оказывается, это так’). По утвержде-

нию К. Майерс-Скоттон, прежде чем стать «ядерными» заимствованиями, лексемы гостевого языка были переключениями кодов [Myers-Scotton 1997: 175].

Формы переключений кодов для агглютинативных языков часто состоят из основы гостевого языка и аффиксов матричного языка. Примеры из наших экспедиционных материалов: *примета-лар-ы* ‘приметы’, *савременный-са* ‘по-современному’, *балница-ҙа* ‘в больнице’, *темный-ырак* ‘темнее’, *крук-ка* ‘кругу’, *могут-лар* ‘(они) могут’ [ПМА 2022: Инф. 1; ПМА 2022: Инф. 2; ПМА 2023: Инф. 3].

Заимствования и переключения кодов различаются по частотности употребления. К. Майерс-Скоттон утверждает, что если слово появляется три и более раз, то его можно считать заимствованием. Если происходит единичное включение иноязычного слова в речь, наблюдается переключение кодов. У «культурных» заимствований большая частотность, так как они не имеют эквивалентов в матричном языке. «Ядерные» заимствования менее частотны, однако их употребляемость выше, чем у кодовых переключений [Myers-Scotton 1997: 168–170]. По этим критериям напрашивается вывод, что если в речи одного говорящего «чужое» слово употребляется больше трех раз, то оно считается заимствованием.

Таким образом, ПК употребляется в речи 1–2 раза, «ядерные» («окказиональные») заимствования — чаще 3 раз, а «культурные» частотны, так как они вошли в лексическую систему языка-реципиента.

Рассмотрим примеры с **внутрифразовым** (в пределах словосочетания или простого предложения) **вкраплением** (единичная морфема или слово), исходя из критериев К. Майерс-Скоттон по нашим экспедиционным материалам 2022–2023 гг., собранным у различных информантов, носителей караидельского говора северо-западного диалекта башкирского языка.

У нашего респондента были выявлены следующие русизмы, повторяющиеся в речи более трех раз: *но*, *например*, *уже*, *каждый*. Следующие примеры с лексемами, встречающимися менее 3 раз: *ә фактижски без — башҡорт* ‘а фактически мы — башкиры’; *минем сүләшеүе мне башҡортҡа принимать иттеләр* ‘мою речь приняли за башкирскую’; *ладны миәйтәм* ‘ладно, я говорю’; *патамушто пиғәмбәрҙән бошҡа, үзеңә сразы салырға йорамай* ‘потому что, кроме пророка, сразу в честь себя нельзя резать скот (приносить жертву)’; *аны бөтөнөсө апладировали* ‘там все апплодировали’; *ул үзенән үзе атлишатся итә* ‘он(а) само собой отличается’; *ул ныҡ шутник былған* ‘он был шутником’; *абитҡа барыға кирәк тей* ‘говорит, что надо идти на обед’; *менә без говяжийны солабыз инде* ‘вот мы кладем (в суп) говяжее (мясо)’; *кемгә кирәк, пажалуста бушҡа бирәм* ‘кому надо, пожалуйста, отдаю даром’; *бер онаны ҡолдырырға кирәк абизателне* ‘обязательно надо оставлять одну пчеломатку’ и т. д. [ПМА 2022: Инф. 1].

У другого информанта выявлены следующие русизмы, употребляющиеся три и более раз: *вапшы / вапши / вопшем*, *тоже / туже*, *и*, *и фсе*, *уже*, *абизателнә*, *ищо*, *ну*, *как*. Примеры с переключением кодов: *ойырма канешна бик зур* ‘отличия, конечно, большие’; *шон та далше китәвез* ‘потом дальше идем’; *бер атказ иткәне йуҡ* ‘ни разу не отказал’; *без менә әле ҡортым белән дүртәр сутка ҡунавыз* ‘мы с моим дедом по четверо суток ночуем’; *например йарамай иҙән йыуырға* ‘например, нельзя мыть полы’; *или ҡопҡаға сыҡҡаста ҡойсы вер кеше түгә* ‘или же некоторые люди выливают сразу за ворота’; *оаның спесиальный урын бар* ‘у него (нее) есть специальное место’; *хазер атвищат итәлмәсәң, у нейтә инде* ‘если сейчас не ответишь, то он что-то сделает’; *по ощереди шулай килә ине* ‘так шло по-очереди’; *вис үзем бәйләдем* ‘все сама связала’; *штоп йомға көн, сишәмбе көннө ҡора су түкмәскә* ‘чтобы в пятницу и субботу не выливать грязную воду’ [ПМА 2022: Инф. 2].

В речи носителей встречаются и **островные переключения** в пределах одного предложения: *рак поджелудешный железы апнаружили инде кинәт кенә* ‘неожиданно обнаружили рак поджелудочной железы’ [ПМА 2022: Инф. 1]; *мында э ней былды, вешерний школа* ‘здесь была того, вечерняя школа’ [ПМА 2022: Инф. 2]; *шул бездә как абышно инде, ней субота, васкресенйе* ‘ну у нас, как обычно, суббота и воскресенье’ [ПМА 2022: Инф. 2]; *ун сигезенсе декаберне по документу* ‘по документам восемнадцатого декабря’ [ПМА 2023: Инф. 3]; *хәр мыны*

ищет милиций, ищет пожарные ‘сейчас ее (его) ищет милиция, ищут пожарные’ [ПМА 2023: Инф. 3]; *әллә ҡойҙа женская тюрма бар икән, әйме*? ‘где-то есть женская тюрьма, да ведь?’ [ПМА 2023: Инф. 3] и т. д.

Можно заметить, если у одного информанта одно слово встречается менее одного раза, то у другого информанта оно употребляется чаще: слово *например* у информанта 1 частотнее, чем у информанта 2, а слово *абизәтелнә*, наоборот, у 2-го информанта выступает чаще, чем у 1-го и т. д. Предположительно, при более длительной записи информанты также употребят менее частотные лексемы более 3 раз. Тогда возникает вопрос: действует ли закон К. Майерс-Скотон относительно частотности заимствований и переключения кодов?

Г. Н. Чиршева отмечает сходство «ядерных» («окказиональных») заимствований и переключения кодов: «„Ядерные“ заимствования и ПК при речепроизводстве подчиняются одним и тем же ограничениям и проходят одинаковые морфосинтаксические процессы» [Чиршева 2004: 103]. Она выделяет следующие критерии сходства и отличия «окказиональных» («ядерных») заимствований (ОЗ) и переключений кодов (ПК) [Чиршева 2004: 107–109]. Для большей наглядности приводим их в форме таблицы (см. табл. 1), составленной нами по данным Г. Н. Чиршевой.

Таблица 1. Окказиональные заимствования и переключения кодов по Г. Н. Чиршевой
[*Table 1*. Occasional borrowings and code switches according to G. N. Chirsheva]

Характеристики	ОЗ	ПК
Появление непредсказуемо	+	+
Характеризуют речь билингвов	+	+
Выступают в качестве «голых» форм	+	+
Происходит дублирование морфологии	+	+ (чаще)
Побеждают аффиксы матричного языка (в заимствованиях полностью)	+ (побеждают полностью)	+
Могут подчиняться морфосинтаксическим процессам матричного языка	+	+
Являются частью ментального лексикона	+	—
Входят в матричный язык	напрямую через собственную лемму	через лемму гостевого языка, если она тождественна аналогу матричного языка
Частотность	появляются часто и предсказуемы	встречаются редко (обычно появляются 1 раз) и не являются предсказуемыми
Если интегрировалось в матричный язык для обозначения какого-либо понятия, то его можно ожидать каждый раз, когда вновь появляется необходимость обозначать это понятие	+	—

Исходя из данной таблицы, можно сделать вывод, что между ядерными заимствованиями и ПК больше аналогий, чем различий. Основные отличия ПК сводятся к тому, что они менее частотны (обычно 1 раз) и не входят в ментальный лексикон матричного языка.

Таким образом, вышеуказанные лексические заимствования в башкирском языке типа *вис*, *вапши / вапшы*, *уже / ужы*, *туже / тоже*, *абизателне / әбизәтелнә* и др. не могут быть рассмотрены как ПК, так как они не единичны и употребляются в речи практически у каждого башкира-билингва, даже в речи старшего поколения, плохо владеющего русским языком. Их можно отнести к категории окказиональных (ядерных) заимствований, так как они, хоть и не входят в лексическую систему литературного языка, существуют в ментальном сознании билингвов. Башкирско-русские билингвы часто не знают (либо знают, но

редко употребляют или вспоминают с трудом) их эквиваленты в родном башкирском языке.

Таким образом, иноязычные вкрапления в башкирском языке, которые активно употребляются в неофициальной живой речи у многих билингвов, являющиеся варваризмами, по определению Н. К. Дмитриева, можно условно отнести к окказиональным заимствованиям, так как по определению Г. Н. Чиршевой они должны быть менее частотны, чем культурные заимствования. «У „культурных“ заимствований в этом плане очень высокая частотность, так как эквивалентов для них в МЯ не существует. У „ядерных“ заимствований — более низкая частотность, но выше, чем у ПК» [Чиршева 2004: 110]. Однако, как показывает практика башкирско-русского билингвизма, ядерные заимствования весьма частотны в живой речи наравне с культурными заимствованиями, входящими в литературный язык.

Переключениями кодов в башкирском языке, следовательно, необходимо считать иноязычные вкрапления или целые фразы (островные переключения), встречающиеся менее трех раз и преимущественно в речи одного информанта, например, *<u>атказ</u> итеү* — лит. *баш тартыу*, *үтәмәү* ‘отказывать’, *<u>атвишат</u> итеү* — лит. *яуап биреү* ‘отвечать’, *<u>шутник</u> былған* — лит. *шаян булған* ‘был шутником’, *<u>атлишатся</u> итә* — лит. *айырыла* ‘отличается’ и т. д.

Особым видом кодовых переключений выделяют еще и *пиджинизированные переключения*. «Пиджинизированное переключение — процесс и результат сознательного использования лексической единицы одного языка в высказывании на другом языке. При этом слово обычно адаптируется к фономорфологическим нормам принимающего языка. Пиджинизация характерна для неофициального стиля общения между билингвами, компетентными в обоих языках» [Чиршева 2004: 113].

В наших экспедиционных материалах по караидельскому говору башкирского языка были зафиксированы следующие пиджинизированные переключения: *<u>говяжийны</u>* (говяжий+-*ны* *солабыз* ‘кладем говяжье (мясо)’, *<u>абитҡа</u>* (обед+-*ҡа*) *барырға* ‘идти на обед’, *<u>семействасы</u>* (семейство+*сы*) *велән* ‘с семейством’, *<u>давленизыр</u>* (давление+-*ҙыр*) *инде* ‘скорее всего давление’, *<u>давиттыр</u>* (давить+-*тыр*) *инде* ‘давит наверное’ и т. д. [ПМА 2022: Инф. 1; ПМА 2022: Инф. 2]. Как видим, лексемы гостевого (русского) языка принимают фономорфологическое оформление матричного (башкирского) языка.

5. Выводы

Русский язык как государственный язык и язык межнационального общения обслуживает все сферы жизнедеятельности Республики Башкортостан: образование, документация, официальная речь, СМИ, интернет и т. д. Им начинают владеть башкирские дети с детского сада или даже с рождения. У некоторых башкир русский язык выступает в роли матричного, так как они общаются и мыслят на данном языке, а башкирским владеют на уровне понимания. В связи с этим очень сложно «вытеснить» иноязычные элементы из речи билингвальных башкир, которые разговаривают на родном языке, но также хорошо владеют русским языком. Так, к примеру, следующие варваризмы как *вапшы / вапши / вопшем*, *тоже / туже*, *и*, *и фсе*, *вис*, *уже*, *абизателнә*, *ищо / ишшу / еще*, *ну / ныу / но*, *например*, *как / кәк* настолько укоренились в сознании и речи башкир, что часто билингв не сразу может найти им эквиваленты в родном языке. Их следует рассматривать, на наш взгляд, как окказиональные заимствования, так как они активно употребляются в речи большинства башкир (не только в рассматриваемом караидельском говоре), а единичные неповторяющиеся иностранные лексемы и целые фразы или даже предложения считать переключениями кодов.

Сокращения

араб. — арабский
башк. — башкирский
караид. — караидельский говор
лит. — литературный
перс. — персидский

Полевой материал автора

ПМА 2022: Инф. 1 — Г. Ф. У., 1962 г. р., д. Старые Багазы Караидельского района Республики Башкортостан, пенсионерка, образование среднеспециальное.

ПМА 2022: Инф. 2 — В. Р. В., 1957 г. р., д. Нижние Балмазы Караидельского района Республики Башкортостан, пенсионерка, образование 11 кл.

ПМА 2023: Инф. 3 — Д. Х. Г., 1962 г. р., д. Нижние Балмазы Караидельского района Республики Башкортостан, образование 10 кл., работает заведующим клубом.

Author's Field Data

Informant 1: F. U. G., b. 1962, resident of Starye Bagazy (Karaidelsky District, Republic of Bashkortostan, Russia), retiree, junior college graduate. (In Bash.)

Informant 2: R. V. V., b. 1957, resident of Nizhniye Balmazy (Karaidelsky District, Republic of Bashkortostan, Russia), retiree, secondary school graduate (complete). (In Bash.)

Informant 3: K. G. D., b. 1962, Nizhniye Balmazy (Karaidelsky District, Republic of Bashkortostan, Russia), secondary school graduate (incomplete), in charge of the community center. (In Bash.)

Литература

Баш 1989 — *Баш Л. М*. Дифференциация термина «заимствование»: хронологический и этимологический аспекты // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 1989. № 4. С. 22–34.

Бейешев 2009 — *Бейешев Э. Ғ*. Башҡорт телендә йөрөгән ғәрәп һәм фарсы һүҙҙәре (= Арабские и персидские слова в башкирском языке). Өфө: Тарих, тел һәм әҙәбиәт институты, 2009. 149 б.

БРС 1996 — Башкирско-русский словарь / ред.: З. Г. Ураксин. М.: Дигора, 1996. 884 с.

БСЭ 1971 — Большая советская энциклопедия: в 30 тт. / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. Т. IV. М.: Советская энциклопедия, 1971. 600 с.

Бускунбаева 2022 — *Бускунбаева Л. А*. Структурные типы кодовых переключений в устной речи башкир (на материале монологических текстов восточного диалекта) // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 7(465). С. 17–26.

Бускунбаева и др. 2014 — *Бускунбаева Л. А., Сиразитдинов З. А., Ишмухаметова А. Ш., Ибрагимова А. Д.* Иноязычные вкрапления в башкирском языке (на материале корпуса публицистики башкирского языка) // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: мат-лы XIV Всерос. конф. (г. Уфа, 20–22 ноября) / отв. ред. Ф. Г. Хисамитдинова. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. С. 240–242.

Вайнрайх 1979 — *Вайнрайх У.* Языковые контакты: состояние и проблемы исследования / пер. с англ. Киев: Вища школа, 1979. 263 с.

Гарипов, Мустафин 1968 — *Гарипов Т. М., Мустафин В. Х*. Из наблюдений над русскими заимствованиями дореволюционного периода в башкирском языке // Ученые записки Башк. гос. ун-та. Вып. 23. Серия филол. наук. № 10. Уфа: БГУ, 1968. С. 83–95.

Головко 2001 — *Головко Е. В*. Переключение кодов или новый код? // Труды факультета этнологии: сборник статей. СПб.: Европейск. ун-т, 2001. С. 298–316.

Дмитриев 1930 — *Дмитриев Н. К*. Варваризмы в башкирской речи // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Т. IV. Л.: АН СССР, 1930. С. 73–105.

Заимствование 1990 — Заимствование // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 158.

Закирьянов 1985 — *Закирьянов К. З*. Русские заимствования в составе башкирской лексики // Тюркское языкознание: мат-лы III Всесоюзн. тюрколог. конф. Ташкент: Фан, 1985. 413 с.

Исаева 2009 — *Исаева М. Г*. Кодовые переключения в письменных текстах СМИ (на материале русскоязычных журналов): дисс. … канд. филол. наук. Череповец: Череповец. гос. ун-т, 2009. 262 с.

Ишбердин 1986 — *Ишбердин Э. Ф*. Историческое развитие лексики башкирского языка. М.: Наука, 1986. 151 с.

Крысин 2000 — *Крысин Л. П*. Кодовые переключения как компонент речевого поведения человека // Речевое общение: специализированный вестник. 2000. Вып. 3(11). С. 61–64.

Мартине 1972 — *Мартине А*. Распространение языка и структурная лингвистика // Новое в лингвистике. Вып. 6 / сост. и ред. В. Ю. Розенцвейг. М.: Прогресс, 1972. С. 81–93.

Миржанова 1973 — *Миржанова С. Ф*. Старые русские заимствования в башкирском литературном языке // Вопросы башкирского языкознания. Уфа: БФ ИИЯЛ, 1973. С. 115–120.

Розенталь, Теленкова 1985 — *Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.* Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учите-

ля. 3-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1985. 399 с.

СРРЗБЯ 2021 — Словарь ранних русских заимствований башкирского языка / отв. ред. Ф. Г. Хисамитдинова. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2021. 254 с.

Терегулова 1957 — *Терегулова Р. Н.* Русские заимствования в башкирском языке. Уфа: Баш. кн. изд-во, 1957. 88 с.

Фатхуллина 2008 — *Фатхуллина Ф. Р.* Вхождение новых слов в лексику башкирского языка (на материале заимствований из индоевропейских языков) // Вестник Башкирского университета. 2008. Т. 13. № 3. С. 586–588.

Хохонин, Овсянникова 2017 — *Хохонин Д. Е., Овсянникова К. В.* Специфика функционирования варваризмов в русской речи // Лингвистика и межкультурная коммуникация. Вып. № 2(25). 2017. С. 10–16.

Чиршева 2004 — *Чиршева Г. Н.* Двуязычная коммуникация. Череповец: ГОУ ВПО ЧГУ, 2004. 189 с.

Appel, Muysken 2005 — *Appel R.*, *Muysken P.* Language Contact and Bilingualism. Amsterdam: University Press, 2005. 228 p.

Auer 1999 — *Auer P.* From codeswitching via language mixing to fused lects: Toward a dynamic typology of bilingual speech // International Journal of Bilingualism. 1999. No. 3(4). Pp. 309–332.

Muysken 1995 — *Muysken P.* Code-switching and grammatical theory // In One speaker, two languages: Cross-disciplinary perspectives on code-switching / L. Milroy, P. Muysken (eds). Cambridge: CUP, 1995. Pp. 177–198.

Muysken 2000 — *Muysken P.* Bilingual Speech: A Typology of Code-Mixing. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 306 p.

Myers-Scotton1997 — *Myers-Scotton C.* Duelling languages: Grammatical structure in codeswitching / 2nd ed. Oxford: Clarendon Press, 1997. 285 p.

Poplack, Sankoff 1988 — *Poplack Sh., Sankoff D.* Codeswitching // Sociolinguistics: An International Handbook of the Science of Language and Society. Vol. 2 / U. Ammon et al. (eds.). Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1988. Pp. 1174–1180.

References

Appel R., Muysken P. Language Contact and Bilingualism. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2005. 228 p. (In Eng.)

Auer P. From codeswitching via language mixing to fused lects: Toward a dynamic typology of bilingual speech. *International Journal of Bilingualism*. Vol. 3. No. 4. 1999. Pp. 309–332. (In Eng.)

Bash L. M. Differentiation of the term ‘loanword’: Chronological and etymological aspects. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9: Filologiya (Lomonosov Philology Journal)*. 1989. No. 4. Pp. 22–34. (In Russ.)

Biishev A. G. Arabic and Persian Loanwords in Bashkir. Ufa: Institute of History, Language and Literature, 2009. 149 p. (In Bash.)

Buskunbaeva L. A. Structural types of code-switches in the oral speech of Bashkirs... (Based on the texts of the eastern dialect of the Bashkir language). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022. No. 7 (465). Pp. 17–26. (In Russ.)

Buskunbaeva L. A., Sirazitdinov Z. A., Ishmukhametova A. Sh., Ibragimova A. D. Loanwords in Bashkir: A case study of the Bashkir Journalistic Corpus. In: Khisamitdinova F. G. (ed.) Dialect Studies of Russia’s Languages: Topical Issues. Conference proceedings (Ufa, 20–22 November [2014]). Ufa: Institute of History, Language and Literature (USC RAS), 2014. Pp. 240–242. (In Russ.)

Chirsheva G. N. Bilingual Communication. Cherepovets: Cherepovets State University, 2004. 189 p. (In Russ.)

Dmitriev N. K. Barbarisms in Bashkir speech. In: Notes of the Oriental Collegium [Asiatic Museum, USSR Academy of Sciences]. Vol. 4. Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1930. Pp. 73–105. (In Russ.)

Fatkhullina F. R. Penetration of foreign lexemes into Bashkir: A case study of Indo-European loanwords. *Bulletin of Bashkir University*. 2008. Vol. 13. No. 3. Pp. 586–588. (In Russ.)

Garipov T. M., Mustafin V. Kh. Some observations on Russian loanwords in pre-revolutionary Bashkir. In: Scholarly Notes [Bashkir State University]. Vol. 23. Series ‘Philology’. Is. 10. Ufa, 1968. Pp. 83–95. (In Russ.)

Golovko E. V. Code-switching or code-composing? In: Transactions of Ethnology Faculty. Collected papers. St. Petersburg: European University at St. Petersburg, 2001. Pp. 298–316. (In Russ.)

Hohonin D. E., Ovsyannikova K. V. The specificity of the functioning of w ararrism in Russian speech. *Actual Issues of Modern Philology and Journalism*. 2017. No. 2 (25). Pp. 10–16. (In Russ.)

Isaeva M. G. Code-Switching in Print Media Texts: A Case Study of Russian-Language Journals.

Cand. Sc. (philology) thesis. Cherepovets, 2009. 262 p. (In Russ.)

Ishberdin E. F. Historical Development of Bashkir Vocabulary. Moscow: Nauka, 1986. 151 p. (In Russ.)

Khisamitdinova F. G. (ed.) Dictionary of Earliest Russian Loanwords in Bashkir. Ufa: Institute of History, Language and Literature (UFRC RAS), 2021. 254 p. (In Russ.)

Krysin L. P. Code-switching in human switch behavior. *Rechevoe obshchenie: spetsializirovannyy vestnik*. 2000. No. 3 (11). Pp. 61–64. (In Russ.)

Loanword. In: Yartseva V. N. (ed.) Encyclopedic Dictionary of Linguistics. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1990. P. 158. (In Russ.)

Martinet A. Diffusion of language and structural linguistics. In: Rosenzweig V. Yu. (comp., ed.) New Trends in Linguistics. Vol. 6. Moscow: Progress, 1972. Pp. 81–93. (In Russ.)

Mirzhanova S. F. Old Russian loanwords in standard Bashkir. In: Issues of Bashkir Linguistics. Ufa, 1973. Pp. 115–120. (In Russ.)

Muysken P. Bilingual Speech: A Typology of Code-Mixing. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 306 p. (In Eng.)

Muysken P. Code-switching and grammatical theory. In: Milroy L., Muysken P. (eds.) One Speaker, Two Languages: Cross-Disciplinary Perspectives on Code-Switching. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. Pp. 177–198. (In Eng.)

Myers-Scotton C. Duelling Languages: Grammatical Structure in Codeswitching. Second edition. Oxford: Clarendon Press, 1997. 285 p. (In Eng.)

Poplack Sh., Sankoff D. Codeswitching. In: Ammon U.et al. (eds.) Sociolinguistics: An International Handbook of the Science of Language and Society. Vol. 2. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1988. Pp. 1174–1180. (In Eng.)

Prokhorov A. M. (ed.) The Great Soviet Encyclopedia. In 30 vols. Third edition. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1971. Vol. 4. 600 p. (In Russ.)

Rosenthal D. E., Telenkova M. A. Reference Dictionary of Linguistic Terms. Teacher's manual. Third edition, rev. & suppl. Moscow: Prosveshchenie, 1985. 399 p. (In Russ.)

Teregulova R. N. Russian Loanwords in Bashkir. Monograph. Ufa: Bashkortostan Book Publ., 1957. 88 p. (In Russ.)

Uraksin Z. G. (ed.) Bashkir-Russian Dictionary. Moscow: Digora, 1996. 884 p. (In Bash and Russ.)

Weinreich U. Languages in Contact: Findings and Problems. Kiev: Vishcha Shkola, 1979. 263 p. (In Russ.)

Zakiryanov K. Z. Russian loanwords in Bashkir. In: Turkic Linguistics. Conference proceedings. Tashkent: Fan, 1985. 413 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 4, Pp. 983–993, 2023
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

УДК / UDC 811.512.141’42
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-983-993

Прагмалингвистические аспекты кодовых переключений в башкирском языке (на материале устных дискурсов)

Лилия Айсовна Бускунбаева[1]

[1] Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
0000-0003-3495-3742. E-mail: buskl[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2023
© Бускунбаева Л. А., 2023

Аннотация. *Введение.* В условиях активного башкирско-русского двуязычия участники коммуникации регулярно используют ресурсы башкирского и русского языков. Даже в рамках одного высказывания встречается попеременное употребление речевых единиц двух языков. Иноязычный материал, относящийся к неассимилированной лексике и имеющий эквивалент в языке-реципиенте, представлен не только лексемами, но и словосочетаниями, фразами и даже морфемами. *Цель* исследования — анализ и выявление основных прагматических функций переключения кодов с башкирского на русский язык, типичных для устных монологических дискурсов. *Материалы и методы.* Исследование выполнено на материале устных дискурсов, собранных в рамках реализации проекта «Кодовые переключения в условиях башкирско-русского двуязычия (на материале диалектных дискурсов)» при поддержке гранта Российского научного фонда. Подбор примеров для анализа осуществлялся методом сплошной выборки. В исследовании применялись методы дискурсивного и контекстуального анализа, статистический метод. *Результаты.* Неподготовленность и спонтанность устной речи, отсутствие времени на обдумывание и построение структуры разговора являются стимуляторами для переключения кодов с башкирского на русский язык. Анализ исследуемого материала показал, что основными прагматическими функциями являются предметно-тематическая, металингвистическая, цитатная, юмористическая функции, функции экономии речевых усилий и компенсации лакун. В рамках одного переключения языкового кода можно часто наблюдать совмещение нескольких прагматических функций.

Ключевые слова: башкирский язык, русский язык, разговорная речь, диалектный дискурс, кодовые переключения, билингвизм, прагматика

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта «Кодовые переключения в условиях башкирско-русского двуязычия (на материале диалектных дискурсов)» (№ 23-28-01343, https://rscf.ru/project/23-28-01343/).

Для цитирования: Бускунбаева Л. А. Прагмалингвистические аспекты кодовых переключений в башкирском языке (на материале устных дискурсов) // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 4. С. 983–993. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-983-993

Pragmalinguistic Aspects of Code-Switching in Bashkir: A Case Study of Oral Discourses

Liliya A. Buskunbaeva[1]

[1] Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., 450054 Ufa, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate
0000-0003-3495-3742. E-mail: buskl[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2023
© Buskunbaeva L. A., 2023

Abstract. *Introduction*. Bashkir-Russian code-switching is inextricably linked with the phenomenon of mass bilingualism in the Republic of Bashkortostan. One single phrase can sequentially contain lexemes of both Russian and Bashkir. Guest-language material represented by unassimilated lexemes with adequate equivalents in the host language can be further extended to word combinations and even introduction of morphemes. *Goals*. The study attempts an analysis of pragmatic functions inherent to code-switching in oral discourses. *Materials and methods*. The paper focuses on oral narratives recorded within the project granted by Russian Science Foundation ('Code-Switching in Bashkir-Russian Bilingualism: Insights into Dialectal Discourses'). The to be analyzed patterns were selected via continuous sampling. The work employs the and statistical method, those of discourse and contextual analyses. *Results*. Bashkir-Russian code-switching is often triggered by unpreparedness and spontaneity of oral speech, lack of time to measure and structure one's narrative. The analysis shows the key pragmatic functions of code-switching are topic-related and metalinguistic ones, those of introducing citations, offering jokes, saving speech efforts and filling lacunas. One particular code switch may actually combine a variety of such pragmatic functions.

Keywords: Bashkir language, Russian language, colloquial speech, dialectal discourse, code-switching, bilingualism, pragmatics

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, grant no. 23-28-01343 'Code-Switching in Bashkir-Russian Bilingualism: Insights into Dialectal Discourses' (https://rscf.ru/project/23-28-01343/).

For citation: Buskunbaeva L. A. Pragmalinguistic Aspects of Code-Switching in Bashkir: A Case Study of Oral Discourses. *Oriental Studies.*2023; 16(4): 983–993. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-983-993

1. Введение

В условиях глобализации общества, урбанизации, интенсивного развития информационного пространства переключение языковых кодов становится одной из актуальных проблем в современной лингвистике. Для комплексного и всестороннего анализа кодовых переключений (далее — КП) исследуются как внутренние (чисто лингвистические), так и внешние (социолингвистические, психолингвистические и коммуникативно-прагматические) факторы их возникновения.

При анализе КП в рамках коммуникативно-прагматического подхода ведущее место занимает прагматика, изучающая «условия употребления языковых знаков индивидуумом в определенных коммуникативных ситуациях, так как адекватный выбор и использование языковых единиц являются конечной целью коммуникации» [Арутюнова 1981: 389–390]. Участники коммуникации прибегают к КП для достижения определенных прагматических функций.

При иследовании прагматических функций КП ученые берут за основу функциональную модель речевой коммуникации, разработанную Р. Якобсоном, в которой ученый выделил шесть основных функций языка: коммуникативная (референтивная), апеллятивная, поэтическая, экспрессивная, фатическая и метаязыковая [Якобсон 1975: 198].

Дж. Гамперц одним из первых исследовал прагматические функции КП. Наряду с анализом социолингвистических характеристик КП, он уделяет внимание и их прагматике, когда участники коммуникации для достижения той или иной коммуникативной цели используют в речи КП [Gumperz 1982]. Анализируя устные дискурсы, ученый приходит к выводу, что использование КП дает возможность реализовать следующие прагматические функции: цитирование, адресатную, междометную функции, повторение, пояснение, разграничение субъективной и объективной информации [Gumperz 1982: 75–85].

В качестве основных прагматических функций КП П. Ауэром выделены: повторы, цитирование, смена темы разговора, отклонение от основной темы общения, выделение адресата высказывания из всех участников коммуникации [Auer 1998: 4–20].

В отечественной лингвистике прагматика является одной из актуальных направлений при изучении КП. Г. Н. Чиршева на материале устной речи выделяет следующие прагматические функции, выполняемые КП: адресатная, эзотерическая, предметно-тематическая, фатическая, металингвистическая, декоративная, эмоциональная, эмфатическая, воздействия, самоидентификации и экономии языковых средств [Чиршева 2004: 37–46].

При исследовании прагматических функций КП отечественные лингвисты в основном опираются на классификацию, разработанную Г. Н. Чиршевой [Белова 2012; Котлярова 2013; Мишинцева 2011; и др.].

В башкирском языкознании кодовые переключения предметом исследования стали лишь в последние годы [Бускунбаева 2022; Бускунбаева, Рахматуллина, Ягафарова 2023]. Однако прагматическая роль переключения кодов с башкирского на русский язык в устных дискурсах не была раскрыта.

Переключение кодов в устной речи носителями языка воспринимается двояко. С одной стороны, оно облегчает процесс коммуникации. Такого мнения придерживается и известный социолингвист Р. Т. Белл, утверждая, что «языковое смешение, вовсе не делая общение билингвов более трудным, в действительности облегчает его» [Белл 1980: 156]. Информанты преимущественно употребляют те иноязычные слова и выражения, которые понятны для каждого билингва. При столкновении с проблемой лексического отбора они обращаются к лексическому фонду того языка, слова которого первыми приходят на ум. С другой стороны, масштабное переключение кодов в условиях башкирско-русского двуязычия свидетельствует о языковом сдвиге, способствующем утрате его уникальных национально-специфических черт, увеличению чужеродных, засоряющих родной язык слов и выражений. Если данная тенденция продолжит развиваться, то, к сожалению, это приведет к языковой смерти, поскольку башкирский язык уже включен ЮНЕСКО в перечень «потенциально уязвимых» [WAL 2014].

Цель данного исследования — выявление прагматических функций КП в устных монологических дискурсах.

2. Материалы и методы

Материалом для анализа КП выступили диалектные дискурсы, собранные в рамках выполнения проекта «Кодовые переключения в условиях башкирско-русского двуязычия (на материале диалектных дискурсов)», поддержанного Российским научным фондом. Дискурсы, отражающие живую речь различных говоров башкирского языка, представляют собой монологи. Такая форма речи предусматривает «отсутствие наложения реплик говорящих, т. е. перебивов, созданий помех и т. д. Следовательно, в представленных дискурсах выбор нужной речевой единицы полностью зависит от самого говорящего» [Бускунбаева 2021: 176]. При транскрибировании полевого материала переключение языковых кодов выделяется с двух сторон октоторпом (#) в целях дифференциации от башкирских слов и закрепленных в лексической системе башкирского языка заимствований. В качестве основных методов исследования выступили метод сплошной выборки и методы дискурсивного и контекстуального анализа.

3. Прагматические функции кодовых переключений в башкирских устных дискурсах

Прагматика играет очень важную роль при анализе и выявлении основных факторов возникновения переключения языковых кодов в условиях активного башкирско-русского двуязычия. Употребление в речи КП

обусловлено, прежде всего, коммуникативной интенсией участников коммуникации, поскольку она представляет собой «закрепленное в языковой единице (лексеме, аффиксе, граммеме, синтаксической конструкции) отношение говорящего: 1) к действительности, 2) к содержанию сообщения, 3) к адресату» [Апресян 1988: 21]. Именно прагматические функции могут дать ответ на вопрос, почему именно участники коммуникации прибегают к переключению кода.

Анализ исследуемого материала показал, что в башкирских устных дискурсах встречается большое количество КП, прагматическая функция которых достаточно разнообразна.

3.1. Предметно-тематическая функция

Переключение кодов в спонтанной речи в той или иной степени привязано к определенным темам.

Многими учеными отмечается предметно-тематическая функция кодовых переключений в качестве основных. При общении на «производственные» темы респонденты преимущественно переходят на тот язык, «который имеет соответствующую специальную терминологию для обозначения различных технических процессов, устройств, приборов», а при смене темы на бытовую, напротив, «происходит переключение с профессионального языка на общеупотребительные языковые средства» [Багана, Блажевич 2010: 65]. М. Г. Исаева, исследуя КП в публицистических текстах, отмечает высокую частотность использования кодовых переключений в дискурсах с темой «техника, спорт, кино, музыка, мода и косметика», «даже если в матричном языке есть точные эквиваленты для выражения денотата» [Исаева, Минкина 2016: 326].

В исследуемых диалектных дискурсах частота употребления кодовых переключений также связана с темой дискурса. Собранный в ходе экспедиций языковой материал условно был разделен на 15 тематических блоков, которые охватывают практически все стороны жизни сельского населения и позволяют выявить диалектную лексику и специфику местных говоров: свадьба; питание, блюда; домашние животные; родственники; огород, сад; дом; топонимия; история села, рода; работа, школа; времена года, погода; фольклор; поездка в райцентр; игры; друзья; животный мир. Представленная тематика текстов позволяет выявить основные сферы употребления КП (см. табл. 1[1]).

Как показывает таблица 1, частота употребления кодовых переключений в зависимости от тематики текста колеблется от 0,88 % до 4,04 %. Кодовые переключения больше всего зафиксированы в текстах с тематикой «друзья» (4,04 %), «работа, школа» (3,9 %) и «игры» (3,72 %), меньше всего встречаются в текстах с тематикой «фольклор» (0,88 %), «домашние животные» (1,1 %), «свадьба» (1,51 %).

В текстах с тематикой «друзья» (4,04 %) и «игры» (3,72 %) выявлен наибольший процент употребления кодовых переключений, что, в первую очередь, обусловлено возрастной группой информантов (12–16 лет), речь которых изобилует огромным количеством лексических единиц русского языка. Они преимущественно употребляются в названиях подвижных игр, являющихся неотъемлемой частью детского и подросткового досуга: *чижик*, *суйефа* ‘цу-е-фа’, *чирта* ‘классики’, *прятки*, *выше ноги от земли* и т. д. Слова, обозначающие участников игры (*охраняющий*, *нападающий*), спортивный инвентарь и оборудование (*ворота*, *площадка*), также являются русскими вкраплениями [ПМА 2023: Инф. 8].

В текстах с тематикой «работа, учеба» активно используется лексика русского языка, обозначающая профессии, должность, сферу деятельности, организации, учреждения, отделы (*главный врач* вм. лит. *баш табип*, *зафклуп* ‘завклубом’ вм. лит. *клуб етәксеһе*, *плотник* вм. лит. *балта оҫтаһы*, *жывотноводство* ‘животноводство’ вм. лит. *малсылыҡ*, *минежер по продажам* ‘менеджер по продажам’ вм. лит. *һатыу буйынса менеджер*): *дүртенсе класта Саныйа апа #класнайа# булды*[2] // лит. *дүртенсе класта Сания апай класс етәксеһе булды* // ‘в четвертом классе классной [руководительницей] была тетя Сания //’ [ПМА 2023:

[1] Для вычисления процентного соотношения кодовых переключений в спонтанной монологической речи используется следующая формула: **R%= N1/N2 × 100 %,** где **N1** — количество кодовых переключений в устных дискурсах, **N2** — количество словоупотреблений в устных дискурсах.

[2] / — знак сегментирования синтагмы; // — знак сегментирования повествовательного высказывания.

Таблица 1. Распределение кодовых переключений по темам[1]
[*Table 1*. Distribution of code switches by topics]

Тема	друзья	работа, учеба	игры	поездка в райцентр	огород, сад	животный мир	история села, рода	еда, блюда
Процентное соотношение	4,04 %	3,95 %	3,73 %	3,72 %	3,6 %	3,01 %	2,69 %	2,54 %
Тема	времена года, погода	дом	родственники	топонимия	свадьба	домашние животные	фольклор (малые жанры)	
Процентное соотношение	2,45 %	2,22%	2,16 %	2,04 %	1,51 %	1,1 %	0,88 %	

Инф. 3]; *#ҡурайыстарҙың# малайҙары #тожы# миңә теорияларға йөрөнөләр* // лит. *ҡурайсыларҙың малайҙары шулай уҡ миңә теорияға йөрөнөләр* // ‘ученики кураистов ко мне тоже ходили на теорию //’ [ПМА 2023: Инф. 6]. В последнем примере информант не использует в речи исконный агентив *ҡурайсы* ‘кураист’, образованный от *курай* ‘курай’ (название растения) и словообразовательного аффикса *-сы*, а применяет словообразовательный формант русского языка *-ист*.

Исходя из содержания таблицы, можно отметить низкую частотность употребления КП в текстах с тематикой «фольклор» (0,88 %), «домашние животные» (1,1 %), «свадьба» (1,51 %).

В текстах с тематикой «домашние животные» количество кодовых переключений значительно меньше, чем в остальных текстах. Низкая частотность употребления КП в башкирском языке связана прежде всего с тем, что основным видом традиционного хозяйства башкир издревле было скотоводство, следовательно, животноводческая лексика в башкирском языке относится к древнейшему пласту и имеет исконное происхождение.

В исследуемом диалектном материале употребляются преимущественно башкирские названия животных, за единственным исключением, когда информант не может вспомнить название индюка на родном языке (надо отметить, разведение индюков не является основным направлением животноводства в республике): *нимәкәй әле? #индюк# нисек +булале? күркә // күркә тоттоҡ элег электән* // лит. *нимә әле? индюк нисек була әле? күркә // күркә тоттоҡ элек электән* // ‘как там его? как будет индюк (по-башкирски)? куркэ // уже давно разводим индюков //’ [ПМА 2023: Инф. 6]. Иноязычные вкрапления часто употребляются при описании породы того или иного животного: *#курдувыймы#? нимә + тиб аталале шулар ҡойроктары / #кароще# // (ээ) #курдущныйҙар# / эйе* // лит. *курдувыймы? нимә тип атала әле шулар ҡойроктары / ҡыҫҡаһы // (ээ) ҡуй һарыктары / эйе* // ‘кажется курдувый? короче / как называются / у которых хвосты // (ээ) курдючные / да //’ [ПМА 2023: Инф. 9]. Информанты используют исконные слова для обозначения традиционных инструментов для заготовки кормов для животных, как *салғы* ‘коса’, *һәнәк* ‘вилы’, *тырма* ‘грабли’, в то время как в качестве названий современной сельхозтехники преимущественно употребляют русские эквиваленты: *#касилка# саб*[1]а / йыйа* // лит. *сапҡыс саба / йыя* // ‘косилка косит / убирает //’ [ПМА 2023: Инф. 14]; *#касилка# б*ар / #гравилка# б*ар* // лит. *сапҡыс бар / тырма-әйләндергес бар* // ‘есть косилка / есть грабли //’ [ПМА 2023: Инф. 12].

В текстах с тематикой «свадьба» зафиксировано незначительное количество примеров переключения кодов. Информант при описании традиционной башкирской свадьбы, включающей соблюдение множества предсвадебных, свадебных и послесвадебных ритуалов и *никах* (бракосочетание по законам шариата), редко прибегает к употреблению иноязычной лексики, передавая лексическими средствами родного языка.

В XX в. произошли масштабные социально-политические трансформации в обществе, которые коснулись и семейно-брачных отношений. Традиции башкирской свадьбы

[1] *б** — спирантизированный вариант *б*.

претерпели множество изменений, проникли нововведения в виде государственной регистрации заключения брака в ЗАГСе и стилизации свадьбы в европейском формате. Все эти новшества привели к появлению в башкирском языке новых понятий и терминов, которые были калькированы из русского языка: *никах теркәү* ‘регистрация брака’; *шаһит* ‘свидетель’; *ир-егеттәр кисәһе* ‘мальчишник’ и т. д. Для живой речи является редкостью употребление таких калькированных единиц, отдается предпочтение иноязычному варианту: *туй үткәрмәнек // былай ғына #вичер# үткәрҙек //* лит. ‘отпраздновали свадьбу // просто так вечер организовали //’ [ПМА 2023: Инф. 7]; *илтаб*анда #регистрация# үткәрҙеләр //* лит. *Илтабанда никах теркәү үткәрҙеләр //* ‘регистрацию провели в Ильтебаново //’; *#документы# свидетельство о браке# / тапшырғастар һуңынан китәләр / баралар мәжлескә инде //* лит. *никах теркәү тураһында таныклыҡ алғандан һуң китәләр / баралар мәжлескә инде //* ‘после получения документа (свидетельства) о регистрации брака / идут на свадебный пир’ [ПМА 2023: Инф. 9].

Что касается фольклорных текстов (записывались преимущественно афористические и лирические жанры), то в них доля иноязычной лексики минимальна. Зафиксированы единичные случаи употребления информантами названий фольклорных жанров: *мна шундайраҡ #частушка# //* лит. *бына шундайыраҡ таҡмаҡ //* ‘вот такая частушка //’ [ПМА 2023: Инф. 1]; *уҡытыусының ниндәй #щастушкаһы# / #пословицаһы# булһын инде // китапта нимә йазыла / шуны бергә бала менән өйрәнәб*еҙ //* лит. *уҡытыусының ниндәй таҡмағы / мәҡәле булһын инде // китапта нимә языла / шуны бергә бала менән өйрәнәбеҙ //* ‘откуда же у учителя частушки / пословицы // что дается в книге / то и изучаем с детьми //’ [ПМА 2023: Инф. 10].

3.2. Экономия речевых усилий

Регулярное употребление КП в речи может быть обусловлено экономией речевых усилий говорящего. При практически равноценном функционировании в сознании билингва башкирского и русского языков, в потоке речи он, имея одновременный лексический доступ к ресурсам обоих языков, выбирает слова того языка, которые в первую очередь всплывают в его памяти. О значимости и частотности данной функции указывает Г. Н. Чиршева, отмечая, что экономия речевых усилий, языковых средств и времени «позволяет прибегать к стратегии облегчения и использовать первый из эквивалентов, который вспомнился, особенно если он лаконичнее» [Чиршева 2004: 46].

Исследователи бурятско-русского двуязычия связывают данную функцию со стереотипизацией и автоматизацией речевого навыка, поскольку «говорящий использует те слова, которые первыми приходят ему на ум, лежат ближе в поверхностной структуре памяти и поэтому легче вспоминаются» [Бурятско-русский билингвизм 2010: 61].

Употребление КП в башкирской устной речи обусловлено не поиском лаконичного эквивалента, а прежде всего реализацией наиболее активного и доступного на момент речи иноязычного эквивалента. Информант не прибегает к развернутому описанию значения слова, когда не может вспомнить или не знает нужное исконное слово, а употребляет вместо него русский эквивалент во избежание заминки или обрыва текущего фрагмента речи: *оло / (э-э) #опытный# ( ) йегеттәр эштәй торғандар ыйы //* лит. *оло / тәжрибәле егеттәр эшләй торғайнылар //* ‘работали взрослые / опытные ребята //’ [ПМА 2023: Инф. 18]; *директор завуч итеп ҡуйҙы инде [тәрб...] / ней / #воспитательной части# инде //* лит. *директор завуч итеп ҡуйҙы инде [тәрб...] / ни / тәрбиә эше буйынса инде //* ‘директор назначил завучем / это самое / по воспитательной части //’ [ПМА 2023: Инф. 10]. В последнем предложении информант не смог вспомнить и точно сформулировать правильно фрагмент речи, поэтому после неудачной попытки заменил его на русский эквивалент.

Данная прагматическая функция преимущественно характерна для устной речи, поскольку в письменных текстах (не учитывая сетевую коммуникацию, поскольку в Интернете свои особенности общения) есть возможность и время выбора структуры построения текста, стиля изложения, выбора тех языковых средств, наиболее соответствующих поставленной цели. Так, И. Ю. Мишинцева, Л. А. Гунько, исследовав КП в художественных текстах, не фиксируют в них реализацию функции экономии языковых средств [Мишинцева 2011: 131; Гунько 2021: 72].

3.3. Функция компенсации лакун

Информант в потоке речи часто обращается к лексическому фонду другого языка при полном либо временном отсутствии в его сознании необходимого слова, несмотря на наличие соответствующей реалии и обозначающего непосредственно данную реалию слова на родном языке. Г. В. Быкова «отсутствие лексемы при наличии концепта у носителей языка» относит к личностным (субъективным) лакунам, «когда есть лексикализованная семема как некоторая совокупность признаков соответствующего концепта, которым пользуются общающиеся на данном языке, но отдельному его носителю он не известен» [Быкова 2003: 120]. Такие лакуны носят чисто субъективный характер, могут быть зафиксированы в речи одного информанта, отсутствовать у другого.

Вслед за Г. В. Быковой личностные лакуны в зависимости от степени глубины подразделяем на поверхностную личностную и глубокую личностную [Быкова 2003: 120].

Поверхностные личностные лакуны представляют собой временно забытые в процессе коммуникативного акта слова или выражения. Говорящий хорошо знает и регулярно употребляет его в повседневной речи, в то же время в нужный момент не способен воспроизвести незамедлительно звукографическую форму слова [Бускунбаева 2021: 177]. Следовательно, несмотря на то, что в родном языке существует соответствующий исконный эквивалент, в устной речи он часто прибегает к включению иноязычного слова или выражения, как отмечает Г. В. Быкова, «к временному компенсатору» [Быкова 2003: 120].

Говорящий может оперативно отреагировать и откорректировать КП на временно забытое слово родного языка: *бәләкәй генә #рыстар# йөрөй унда // һеләүһен тип әйтәләр инде //* лит. *бәләкәй генә рыстар йөрөй унда // һеләүһен тип әйтәләр инде //* ‘обитают там маленькие рыси // называют *хелэухен* //’ [ПМА 2023: Инф. 15].

Такие КП часто сопровождаются вопросами, адресованными самому себе либо интервьюеру (*нисек була әле?* ‘как это будет?’; *башҡортса нисек әле?* ‘как будет по-башкирски?’), тем самым выигрывая время на извлечение из языкового сознания необходимого эквивалента на родном языке. Преимущественно корректируются имена существительные: *#косуля# тиб* әйтәләр инде // #но# башҡортса нәмә икәнен аңлата алмайым // ҡоралай микән ул?* лит. *косуля тип әйтәләр инде // әммә башҡортса нимә икәнен аңлата алмайым // ҡоралаймы икән?* ‘называют косулей // но я не могу объяснить / как это будет по-башкирски // кажется косуля //’ [ПМА 2023: Инф. 12]; *шул #иван-чай# / беҙҙеңсә башҡортса нисек булалеү? әйе / боланут //* лит. *шул иван-чай / беҙҙеңсә башҡортса нисек була әле ул? эйе / боланут //* ‘иван-чай / как будет по-нашему, / по-башкирски? да / *боланут* //’ [ПМА 2023: Инф. 16].

Такие КП могут и не корректироваться, поскольку говорящий использует те русизмы, которые хорошо знакомы реципиенту и воспринимаются им без ущерба для правильного восприятия информации.

Анализируемый материал показал, что КП в башкирской разговорной речи чаще всего представлены союзами, наречиями, существительными, прилагательными, глаголами и частицами: *икенсе апайым #тоже# шул уҡ калхузда эшләне //* лит. *икенсе апайым да шул уҡ колхозда эшләне //* ‘вторая сестра тоже работала в том же колхозе //’ [ПМА 2023: Инф. 3]; *һөт #здавать# итеп / кер йыуыу машинаһын да алдым //* лит. *һөт тапшырып / кер йыуыу машинаһын да алдым //* ‘на деньги, / вырученные за сдачу молока, / купила стиральную машину //’ [ПМА 2023: Инф. 16].

Глубокие личностные лакуны. Информант в процессе коммуникативного акта в силу каких-либо субъективных причин (низкий уровень владения языком, неосведомленность либо дефицит знаний в определенной области, неологизм) нередко прибегает к переключению кодов при полном отсутствии в его лексическом арсенале необходимой лексемы на родном языке. В то же время в лексическом фонде родного языка для передачи определенной реалии есть соответствующая лексема. В подавляющем большинстве случаев глубокими личностными лакунами выступают имена существительные: *#йенатавидный сабака# тигән буллар инде / руссалаб* әйткәс //* лит. *янут эте тигән булалар инде / руссалап әйткәс //* ‘если по-русски сказать, / енотовидная собака //’ [ПМА 2023: Инф. 2]; *бер төп #аблипиха# бар //* лит. *бер төп һырғанат бар //* ‘есть один куст облепихи //’ [ПМА 2023: Инф. 16].

3.4. Металингвистическая функция

Данная функция КП в анализируемых устных дискурсах также достаточно широко распространена. Она реализуется прежде всего «в комментариях о языках общения, о коммуникации и ее компонентах, об одноязычной или многоязычной стратегии общения, о лингвистической компетенции коммуникантов. Такие комментарии могут осуществляться на языке, ином, чем язык обсуждения основного предмета разговора» [Чиршева 2004: 43].

Н. А. Котлярова дополняет, что данная функция КП используется при уточнении или пояснении значения слова либо смысла высказывания [Котлярова 2013: 111].

В исследуемых дискурсах металингвистическая функция КП реализуется для наиболее полного раскрытия значения произнесенного им слова либо выражения на родном языке. Информант сначала произносит слово на башкирском языке, затем повторяет русский эквивалент: *ҡандала үләне безеңсә / русса #донник# //* лит. *ҡандала үләне беззеңсә / русса донник //* ‘по-нашему кандала үлэне / по-русски донник //’ [ПМА 2023: Инф. 13]; *беззә шул бер генә йылға ғына аға инде / Ҡызыл йылғаһы исеме // русса #Кизил# булайнде //* лит. *беззә шул бер генә йылға аға инде / Ҡызыл йылғаһы исеме // русса Кизил була инде //* ‘возле нас протекает только одна река, / называем Кызыл // по-русски Кизил //’ [ПМА 2023: Инф. 6].

3.5. Цитатная функция

Информанты прибегают к данной функции КП при включении в свой рассказ чужой речи либо цитировании. В процессе коммуникативного акта наблюдается дословная передача чужой речи, сообщаемой на русском языке. Чужая речь вводится в речь при помощи скреп, в роли которых выступают глаголы речи башкирского языка, как *тиеү* ‘сказать’, *әйтеү* ‘говорить, сказать’: *[әтиләре] ҡайтыб йетмәгән // #без вести пропал# тип килтеләр //* лит. *[аталары] ҡайтып етмәгән // хәбәрһеҙ юғалған тип килделәр //* ‘[их отец] не вернулся// пришли [письма] / что пропал без вести //’ [ПМА 2023: Инф. 11]; *инәй / #нечего нищету разводить# тиҙе лә + ҡуйҙинде //* лит. *әбей / хәйерселекте арттырмағыҙ / тине лә ҡуйҙы инде //* ‘тетя сказала / нечего нищету разводить //’ [ПМА 2023: Инф. 4].

Иноязычный цитатный материал вводится в речь различными способами:

– препозиционно: *Левитан #в юбке# тип исем ҡушты шул //* лит. *юбкалағы Левитан тип исем ҡушты шул //* ‘он дал ей прозвище Левитан в юбке //’ [ПМА 2023: Инф. 19];

– интерпозиционно: *шунан паспыртты сығарып күргәзеп / #может неправильно написали# / тей //* лит. *шунан паспортты сығарып күрһәтеп // бәлки дөрөҫ яҙмағандарҙыр / ти //* ‘затем, вытащив и показав паспорт, / может, неправильно написали / говорит //’ [ПМА 2023: Инф. 5];

– постпозитивно: *Артур тигәнме кеше #звонить# итә тей / Сәғит ағай / #у меня или глюки или у вас ишак орет# //* лит. *Артур тигәнме кеше шылтырата ти / Сәғит ағай / әллә минең күземә күренә әллә һеҙҙә ишәк ҡысҡыра //* ‘говорит / звонит человек, кажется, по имени Артур / дядя Сагит, / у меня или глюки, / или у вас ишак орет //’ [ПМА 2023: Инф. 17].

Оформление цитатного материала в препозиции и интерпозиции по отношению к авторской речи является типичным для башкирского языка. В то же время включение чужой речи в постпозиции не является характерным для башкирского языка способом. Однако под влиянием синтаксиса русского языка данный способ передачи чужой речи получает все большее распространение в разговорной речи.

3.6. Юмористическая функция

Данная функция КП в анализируемом материале встретилась лишь единожды. Причина редкого употребления функции, возможно, кроется в присутствии исследователя, являющегося для информанта практически незнакомым человеком, поскольку в сети Интернет такие примеры КП довольно распространены. Данная функция реализована в следующем примере: *шулай итеп уйлағанский инде //* ‘так и подумал //’ [ПМА 2023: Инф. 1]. Здесь в качестве КП выступает русская морфема *-ский*, представляющая собой суффикс *-ск-* и окончание *-ий*, которая была присоединена к глаголу *уйлау* ‘думать’ в форме прошедшего неопределенного времени 3 лица мн. числа. Данная морфема не несет никакой смысловой и грамматической нагрузки, а применяется в речи для придания шутливого тона.

Анализируемый материал показал, что в процессе коммуникации КП выполняют не одну прагматическую функцию, а одновременно могут совмещать несколько

функций. Чаще всего одной из совмещенных функций выступает экономия речевых усилий и языковых средств.

4. Заключение

Анализ устных монологических дискурсов показал, что основными прагматическими функциями, которые наиболее часто активизируют переключение кода с башкирского на русский язык, являются предметно-тематическая, металингвистическая, цитатная, юмористическая функции, функции экономии речевых усилий и компенсации лакун. Для достижения определенных коммуникативных интенсий в рамках одного переключения языкового кода можно часто наблюдать совмещение нескольких прагматических функций.

КП с цитатной функцией встречаются прежде всего в пределах сложного предложения и представлены внутрифразовыми переключениями. Другие функции КП в речи реализованы преимущественно вкраплениями и островными переключениями.

В большинстве случаев КП интегрируются в морфосинтаксическую структуру башкирского языка без ущерба правильному восприятию передаваемой информации. В то же время чрезмерное употребление КП ведет и к утрате уникальных национально-специфических черт башкирского языка.

Полевые материалы автора

ПМА 2023: Инф. 1 — А. Г. А. (запись 2023 г., д. Кизги Архангельского района Республики Башкортостан)

ПМА 2023: Инф. 2 — А. Э. Г. (запись 2023 г., д. Баимово Абзелиловского района Республики Башкортостан)

ПМА 2023: Инф. 3 — А. Л. Р. (запись 2023 г., д. Родинский Архангельского района Республики Башкортостан)

ПМА 2023: Инф. 4 — А. С. К. (запись 2023 г., д. Кунакбаево Учалинского района Республики Башкортостан)

ПМА 2023: Инф. 5 — Б. З. К. (запись 2023 г., д. Ильтебаново Учалинского района Республики Башкортостан)

ПМА 2023: Инф. 6 — В. З. Г. (запись 2023 г., д. Туишево Абзелиловского района Республики Башкортостан)

ПМА 2023: Инф. 7 — Г. И. Ю. (запись 2023 г., д. Москово Учалинского района Республики Башкортостан)

ПМА 2023: Инф. 8 — К. Д. А. (запись 2023 г., д. Кадыси Караидельского района Республики Башкортостан)

ПМА 2023: Инф. 9 — К. А. Р. (запись 2023 г., д. Баимово Абзелиловского района Республики Башкортостан)

ПМА 2023: Инф. 10 — М. З. А. (запись 2023 г., д. Мишкино Учалинского района Республики Башкортостан)

ПМА 2023: Инф. 11 — М. Т. С. (запись 2023 г., д. Сабанкуль Караидельского района Республики Башкортостан)

ПМА 2023: Инф. 12 — Н. Ф. С. (запись 2023 г., д. Кизги Архангельского района Республики Башкортостан)

ПМА 2023: Инф. 13 — С. Ф. Ш. (запись 2023 г., д. Шамратово Караидельского района Республики Башкортостан)

ПМА 2023: Инф. 14 — С. Ф. М. (запись 2023 г., д. Шамратово Караидельского района Республики Башкортостан)

ПМА 2023: Инф. 15 — С. Б. М. (запись 2023 г., д. Кизги Архангельского района Республики Башкортостан)

ПМА 2023: Инф. 16 — С. Р. А. (запись 2023 г., д. Кизги Архангельского района Республики Башкортостан)

ПМА 2023: Инф. 17 — Ф. А. Ф. (запись 2023 г., д. Ильтебаново Учалинского района Республики Башкортостан)

ПМА 2023: Инф. 18 — Ш. Г. Г. (запись 2023 г., д. Кунакбаево Учалинского района Республики Башкортостан)

ПМА 2023: Инф. 19 — Ю. Т. Р. (запись 2023 г., д. Кунакбаево Учалинского района Республики Башкортостан)

Author's Field Data

Informant 1: G. A. A. Rec. in Kizgi (Arkhangelsky District, Republic of Bashkortostan, Russia), 2023. (In Bash.)

Informant 2: E. G. A. Rec. in Baimovo (Abzelilovsky District, Republic of Bashkortostan, Russia), 2023. (In Bash.)

Informant 3: L. R. A. Rec. in Rodinsky (Arkhangelsky District, Republic of Bashkortostan, Russia), 2023. (In Bash.)

Informant 4: S. K. A. Rec. in Kunakbayevo (Uchalinsky District, Republic of Bashkortostan, Russia), 2023. (In Bash.)

Informant 5: Z. K. B. Rec. in Iltebanovo (Uchalinsky District, Republic of Bashkortostan, Russia), 2023. (In Bash.)

Informant 6: Z. G. V. Rec. in Tuishevo (Abzelilovsky District, Republic of Bashkortostan, Russia), 2023. (In Bash.)

Informant 7: I. Yu. G. Rec. in Moskovo (Uchalinsky District, Republic of Bashkortostan, Russia), 2023. (In Bash.)

Informant 8: D. A. K. Rec. in Kadysi (Karaidelsky District, Republic of Bashkortostan, Russia), 2023. (In Bash.)

Informant 9: A. R. K. Rec. in Baimovo (Abzelilovsky District, Republic of Bashkortostan, Russia), 2023. (In Bash.)

Informant 10: Z. A. M. Rec. in Mishkino (Uchalinsky District, Republic of Bashkortostan, Russia), 2023. (In Bash.)

Informant 11: T. S. M. Rec. in Sabankul (Karaidelsky District, Republic of Bashkortostan, Russia), 2023. (In Bash.)

Informant 12: F. S. N. Rec. in Kizgi (Arkhangelsky District, Republic of Bashkortostan, Russia), 2023. (In Bash.)

Informant 13: F. Sh. S. Rec. in Shamratovo (Karaidelsky District, Republic of Bashkortostan, Russia), 2023. (In Bash.)

Informant 14: F. M. S. Rec. in Shamratovo (Karaidelsky District, Republic of Bashkortostan, Russia), 2023. (In Bash.)

Informant 15: B. M. S. Rec. in Kizgi (Arkhangelsky District, Republic of Bashkortostan, Russia), 2023. (In Bash.)

Informant 16: R. A. S. Rec. in Kizgi (Arkhangelsky District, Republic of Bashkortostan, Russia), 2023. (In Bash.)

Informant 17: A. F. F. Rec. in Iltebanovo (Uchalinsky District, Republic of Bashkortostan, Russia), 2023. (In Bash.)

Informant 18: G. G. Sh. Rec. in Kunakbayevo (Uchalinsky District, Republic of Bashkortostan, Russia), 2023. (In Bash.)

Informant 19: T. R. Yu. Rec. in Kunakbayevo (Uchalinsky District, Republic of Bashkortostan, Russia), 2023. (In Bash.)

Литература

Апресян 1988 — *Апресян Ю. Д.* Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенсиональности. М.: Наука, 1988. С. 7– 44.

Арутюнова 1981 — *Арутюнова Н. Д.* Фактор адресата // Известия Академии наук СССР. Сер. литературы и языка. М.: Наука, 1981. Т. 40. № 4. С. 356–367.

Багана, Блажевич 2010 — *Багана Ж., Блажевич Ю. С.* К вопросу о переключении кодов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. «Гуманит. науки». № 12. Т. 6. Белгород: БГУ, 2010. С. 63–67.

Белл 1980 — *Белл Р. Т.* Социолингвистика: Цели, методы и проблемы / пер. с англ. М.: Междунар. отношения, 1980. 318 с.

Белова 2012 — *Белова К. А.* Кодовое переключение в интернет-дискурсе Беларуси // Ученые записки УО «ВГУ имени П. М. Машерова». 2012. Т. 13. С. 185–195.

Бурятско-русский билингвизм 2010 — Бурятско-русский билингвизм: психолингвистический аспект / Дашинимаева П. П., Дырхеева Г. А., Жалсанова Ж. Б., Хилханова Э. В. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2010. 166 с.

Бускунбаева 2021 — *Бускунбаева Л. А.* Функционирование вербального хезитатива *ни / ней* ‘это самое’ в устной монологической речи башкир (на материале диалектных текстов башкирского языка) // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 1. С. 172–185. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-53-1-172-185

Бускунбаева, Рахматуллина, Ягафарова 2023 — *Бускунбаева Л. А., Рахматуллина З. Я., Ягафарова Г. Н.* Особенности функционирования дискурсива *ну* в башкирской монологической речи // Новые исследования Тувы. 2023. № 2. С. 166–178. DOI: 10.25178/nit.2023.2.12

Бускунбаева 2022 — *Бускунбаева Л. А.*Структурные типы кодовых переключений в устной речи башкир (на материале монологических текстов восточного диалекта) // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 7 (465). С. 17–26. DOI: 10.47475/1994-2796-2022-10702

Быкова 2003 — *Быкова Г. В.* Лакунарность как категория лексической системологии. Благовещенск: БГПУ, 2003. 276 с.

Гунько 2021 — *Гунько Л. А.* Структурно-прагматические особенности переключений кодов в речи персонажей произведения «Марсельская авантюра» Питера Мейла // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. № 7(3). С. 69–78. DOI: 10.22250/24107190_2021_7_3_69_78

Исаева, Минкина 2016 — *Исаева М. Г., Минкина Е. В.* Прагматические и стилистические особенности кодовых переключений в русскоязычных молодежных журналах // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 2. С. 325–328.

Котлярова 2013 — *Котлярова Н. А.* Кодовое переключение как стилистический прием и выразительное средство в современных публицистических текстах // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2013. № 7(25): в 2 ч. Ч. II. С. 110–112.

Мишинцева 2011 — *Мишинцева И. Ю.* Переключения кодов в художественных произведениях: дисс. … канд. филол. наук. Череповец, 2011. 211 с.

Чиршева 2004 — *Чиршева Г. Н.* Двуязычная коммуникация. Череповец: ЧГУ, 2004. 189 с.

Якобсон 1975 — *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: сб. ст. / пер. с англ. и др.; под ред. Е. Я. Басина, М. Я. Полякова (сост.). М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.

Auer 1998 — *Auer P.* Introduction: Bilingual conversation revisited // Code-switching in conversation: Language, interaction and identity / P. Auer (ed.). London: Routledge, 1998. Pp. 1–24.

Gumperz 1982 — *Gumperz J.* Discourse strategies. New York: Cambridge University Press, 1982. 225 p.

WAL 2014 — The World Atlas of Languages (WAL) [электронный ресурс] // UNESCO. 2014–2021. URL: https://en.wal.unesco.org/languages/bashkir (дата обращения: 23.08.2023).

References

Apresyan Yu. D. Pragmatic information for an explanatory dictionary. In: Pragmatics and Issues of Intentionality. Moscow: Nauka, 1988. Pp. 7–44. (In Russ.)

Arutyunova N. D. The addressee factor. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka*. 1981. Vol. 40. No. 4. Pp. 356–367. (In Russ.)

Auer P. Introduction: Bilingual conversation revisited. In: Auer P. (ed.) Code-Switching in Conversation: Language, Interaction and Identity. London: Routledge, 1998. Pp. 1–24. (In Eng.)

Baghana J., Blazhevich Yu. S. On the issue of code switching. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Gumanitarnye nauki»*. 2010. No. 12 (83). Is. 6. Pp. 63–67. (In Russ.)

Bell R. T. Sociolinguistics: Goals, Approaches, and Problems. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 1980. 318 p. (In Russ.)

Belova K. A. Code-switching in Internet discourse of Belarus. In: Scholarly Notes [Masherov Vitebsk State University]. Vol. 13. Vitebsk, 2012. Pp. 185–195. (In Russ.)

Buskunbaeva L. A. Structural types of code-switches in the oral speech of Bashkirs... (Based on the texts of the eastern dialect of the Bashkir language). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2022. No. 7 (465). Pp. 17–26. DOI: 10.47475/1994-2796-2022-10702. (In Russ.)

Buskunbaeva L. A. The functioning of the verbal hesitation marker ni / nei ‘whatchamacallit’ in oral monologues of Bashkirs: A case study of Bashkir dialectal texts. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. No. 1. Pp. 172–185. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-53-1-172-185. (In Russ.)

Buskunbaeva L. A., Rakhmatullina Z. Ya., Yagafarova G. N. Features of the functioning of discursive marker nu in Bashkir monologue speech. *The New Research of Tuva*. 2023. No. 2. Pp. 166–178. DOI: 10.25178/nit.2023.2.12. (In Russ.)

Bykova G. V. Lacunarity as a Category of Lexical Systematology. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University, 2003. 276 p. (In Russ.)

Chirsheva G. N. Bilingual Communication. Cherepovets: Cherepovets State University, 2004. 189 p. (In Russ.)

Dashinimaeva P. P., Dyrkheeva G. A., Zhalsanova Zh. B., Khilkhanova E. V. Buryat-Russian Bilingualism: Psycholinguistic Aspect. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2010. 166 p. (In Russ.)

Gumperz J. Discourse Strategies. New York: Cambridge University Press, 1982. 225 p. (In Eng.)

Gunko L. A. The structural and pragmatic features of code-switches in the dialogues of the novel “The Marseille Caper” by Peter Mayle. *Theoretical and Applied Linguistics*. 2021. No. 7 (3). Pp. 69–78. DOI: 10.22250/24107190_2021_7_3_69_78. (In Russ.)

Isaeva M. G., Minkina E. V. Pragmatic and stylistic peculiarities of code-switches in Russian youth magazines. *International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2016. No. 2. Pp. 325–328. (In Russ.)

Jakobson R. Linguistics and poetics. In: Polyakov M. Ya. (comp., ed.) Structuralism: Pro et Contra. E. Basin (ed.). Moscow: Progress, 1975. Pp. 193–230. (In Russ.)

Kotlyarova N. A. Code switching as stylistic device and expression means in modern journalistic texts. *Philology. Theory & Practice*. 2013. No. 7(25). Pt. 2. Pp. 110–112. (In Russ.)

Mishintseva I. Yu. Code-Switching in Fiction. Cand. Sc. (philology) thesis. Cherepovets, 2011. 211 p. (In Russ.)

The World Atlas of Languages (WAL). On: UNESCO. 2014–2021. Available at: https://en.wal.unesco.org/languages/bashkir (accessed: 23 August 2023). (In Eng.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 4, Pp. 994–1003, 2023
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК / UDC 811.512.37
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-994-1003

Эцкиннь мах ид!: концепт *отец* в проклятиях калмыков

Александра Тагировна Баянова[1]

[1] Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, заместитель директора
0000-0001-7718-802X. E-mail: ale-bayanova[at]yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2023
© Баянова А. Т., 2023

Аннотация. *Введение.* Проклятие как древнейший пласт народной словесности является малоизученным жанром фольклора. Происхождение его связано с верой людей в магию, в его способность наносить вред человеку. Статья посвящена текстологическому анализу речевого жанра проклятий в калмыцком языке. *Цель* исследования — выделение семантических особенностей формул проклятий в словаре калмыцких фразеологизмов, определение высказываний проклятий с лексемой «отец» в письмах Б. Б. Бергмана. *Материалы и методы*. Исследование проведено методом сплошной выборки с применением описательного анализа. Статья написана на основе материалов фразеологических словарей калмыцкого языка, писем Б. Б. Бергмана («Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803») и с привлечением материалов монгольского языка. *Результаты.* Анализ формул проклятий с лингвокультурологической и контекстологической точек зрения позволил выявить коммуникативную природу и семантику проклятий. В качестве иллюстративного материала послужили примеры, отобранные методом выборки из фразеологических словарей калмыцкого языка «Краткий калмыцко-русский словарь глагольных фразеологизмов», «Фразеологический словарь калмыцкого языка» и писем Б. Б. Бергмана. Тематическое разнообразие речевого жанра проклятий сводится к определенному набору зложеланий: утрата здоровья и жизни, семья, благополучие и т. д. Анализ семантики проклятий позволяет сделать вывод о том, что эти формулы имеют национально-культурное своеобразие, в ней отражены особенности духовного опыта и особенности мышления народа. Рассмотрены нераспространенные у калмыков проклятия с лексемой *отец*, выявленные в тексте писем Б. Б. Бергмана.

Ключевые слова: проклятие (харал), фразеологизм, концепт *отец*, Б. Б. Бергман, калмыцкий язык, фольклор, магическая формула

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).

Для цитирования: Баянова А. Т. *Эцкиннь мах ид!*: концепт *отец* в проклятиях калмыков // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 4. С. 994–1003. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-994-1003

'*May You Eat Your Father's Flesh!*': Concept of Father in Kalmyk Curses

Aleksandra T. Bayanova[1]

[1] Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate, Deputy Director
0000-0001-7718-802X. E-mail: ale-bayanova[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2023
© Bayanova A. T., 2023

Abstract. *Introduction*. Curses constitute an earliest stratum of ethnic oral narratives and still remain somewhat understudied. The former's shaping resulted from belief in magic and the latter's supposed ability to bring harm onto one's opponent. The article attempts a textual analysis of oral curses once recorded from ethnic Kalmyks. *Goals*. The study seeks to outline semantic features inherent to formulas of curses in B. Bergmann's dictionary of Kalmyk phraseological units, and investigate his letters for cursing phrases containing the lexeme 'father'. *Materials and methods*. The phrases subject to descriptive analysis have been selected via continuous sampling. The paper focuses on B. Bergmann's Kalmyk phraseological lists and letters ('Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803'), other Mongolian language materials. *Results*. The linguoculturological and contextual insights into the formulas of curses make it possible to delineate the latter's communicative essentials and semantic components. Thematically, the variety of curses can be reduced to a number of ill wishes, such as loss of health and life, misfortunes in family and decreased living standards, etc. Our semantic analysis suggests the formulas are largely culture-specific and may be viewed as manifested spiritual experiences and mental attitudes of the then Kalmyks. So, the paper comprehensively examines the not that widespread Kalmyk curses containing the lexeme 'father' from B. Bergmann's letters.

Keywords: curse (*kharal*), phraseological unit, concept of father, B. Bergmann, Kalmyk language, folklore, magic formula

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198-4 'Universals and Specifics of the Traditions of the Mongolian-Speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China'.

For citation: Bayanova A. T. '*May You Eat Your Father's Flesh!*': Concept of Father in Kalmyk Curses. *Oriental Studies*. 2023; 16(4): 994–1003. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-994-1003

1. Введение

В системе речевых актов имеется жанр ритуальной речи — проклятие, состоящее из клишированных формул, магическое действие которых направлено на причинение кому-либо зла, бед, болезней и т. д.

В толковых словарях слово проклятие трактуется как: 1) выражение кому-нибудь «безусловного и бесповоротного осуждения, знаменующего полный разрыв, отторжение (от себя, от общества)». 2) «негодующее бранное слово» [Ушаков 2014: 545]. В словаре В. И. Даля это означает действие по глаголу *проклинать* — «в гражданском быту лишать благоволенья, изгонять от себя, лишая наследия и всякого общения;

ругать, поносить, призывать на кого бедствия, желать кому зла» [Даль 1882: 508].

В качестве одной из малых форм фольклорного жанра проклятие является «архаическим по происхождению текстом сакрально-магического характера, продуцирование которого связано с верой древних людей в магию слова, в частности в его способность наносить вред, уничтожать благосостояние, вызывать болезни и даже причинять смерть» [Ветрова 2016: 18]. Как речевой акт, проклятие является вербальной агрессией «в виде причинения психологического вреда с использованием вокальных (крик, изменение тона) и вербальных (оскорбления, проклятья, уничижительные слова) компонентов речи» [Мамчич 2015: 43].

В научной литературе термин «проклятие» называют также «хулительными формулами» [Кабакова 1988: 105], злоречениями [Берзович, Сурикова 2020: 5], злопожеланиями [Виноградова 2012: 29].

С течением времени проклятия утратили свою сакральную функцию. По мнению Э. С. Ветровой, они «трансформировались в стереотипные экспрессивные высказывания», используемые сейчас «для выражения резкого осуждения, возмущения и ненависти» [Ветрова 2016: 16].

В культуре ряда тюрко-монгольских народов совокупность вербальной части проклятия с выполнением ритуальных действий до сих пор считается имеющей магическую силу, чем и объясняется трудность записей текстов проклятий современными исследователями у информантов. Так, информанты-калмыки говорили ученым, что «нельзя беспричинно произносить харал» [Борджанова 1999: 51], а тувинцы — что грешно «сознательное словесное нанесение вреда» человеку [Юша 2007: 108].

Целью статьи является выявление формул проклятий в словаре калмыцких фразеологизмов, выделение их семантических особенностей, определение высказываний проклятий с лексемой *отец* в письмах Б. Б. Бергмана.

2. Материалы и методы

В статье использованы метод сплошной выборки, метод описательного анализа. Материалом послужили материалы фразеологических словарей калмыцкого языка [Пюрбеев 1971; ФСКЯ 2018] и письма Б. Б. Бергмана из его труда «Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803» («Кочевнические скитания среди калмыков в 1802–1803 годах») [Bergmann 1804].

3. О жанре проклятий в калмыцком языке

Харал как жанр магической формы мало исследован в калмыковедении. По мнению Т. Г. Басанговой, харалы представляют собой «тексты и формулы, в основе которых заложена вера в магию слова» [Басангова 2007: 120].

Впервые к жанру проклятий обратился Н. Очиров в статье «Йорелы, харалы и связанный со вторым обряд „хар келе утулган“ у калмыков», написанной на основе его полевых материалов, записанных во время поездки к астраханским калмыкам летом 1909 г., где он утверждает, что харалы, в отличие от йорелов, «в обыденной жизни употребляются реже» и встречаются чаще «в сказках, песнях, былинах и пр.» [Очиров 2006: 264], и хотя специальных литературных образцов не имеется, но «вера в их злую и враждебную силу очень велика» [Очиров 2006: 264]. Калмыки часто обращались к священникам для проведения обряда «хар кел утлһн»[1] для снятия проклятия, сделанного кем-либо по отношению к ним [Очиров 2006: 264].

Проклятие в жанровой парадигме калмыцкой поэзии рассматривалось в научных публикациях Р. М. Ханиновой [Ханинова 2022а; Ханинова 2022б], где автор приходит к выводу, что хотя в поэзии и сохранились элементы харала, но он «остался на периферии жанровой системы …из-за специфики фольклорного источника» [Ханинова 2022б: 418].

Анализ проклятий у калмыков дан в трудах Т. Г. Борджановой (Басанговой) [Борджанова 1999; Басангова 2007]. Ею рассмотрены так называемые краткие проклятия, которые употреблялись в быту.

Во фразеологическом словаре калмыцкого языка найдено всего 12 фразеологических оборотов, которые можно отнести к проклятиям. Но количество этих оптативных высказываний расширяется за счет вариативных примеров употребления.

[1] Букв. ‘обрезание черного языка’.

С точки зрения содержания проклятий их можно объединить в 6 семантических моделей:

1) пожелание лишения потомства, детей: *Тохм уга од!*[1] ‘Чтоб ты остался без потомства’; *Үндс таср!* ‘Останься без корней’ [ФСКЯ 2018: 187]; *Үңг-дәңг уга од!* (син. *Тохмарн әрл, уга бол!*) ‘Исчезни всем родом’! [ФСКЯ 2018: 195];

2) пожелания болезней: *Цецгт од!* ‘букв. Иди к оспе’ (синоним: *Үк, уга бол! Үзгдлго од!* ≅ ‘Сгинь! Исчезни!’) [ФСКЯ 2018: 250];

3) пожелания ранней или скорой смерти: *Насан нассл уга од!* ‘Да будет короток твой век! Да будь ты проклят!’ [ФСКЯ 2018: 139]; *Толһа деерән мань хатхул!* (‘букв. Вонзи себе в голову маань!’) ≅ ‘Крест тебе на могилу’ (син. *Үк! Уга бол!* ‘Сдохни, сгинь!’) [ФСКЯ 2018: 182]. Маань означает ‘флажок’. Вероятно, это проклятие связано с тем, что в процессе погребения, когда умершего выносили в степь, положив головою к востоку, по обеим сторонам головы и у ног втыкали шесты, на которые навешивали флажки с текстами — «тангутскими молитвами исписанные синие китайские лоскуты, веющие флагам подобные», как писал П. С. Паллас [Паллас 1773: 534], т. е. с буддийскими молитвами;

4) пожелания страшной смерти: *Ноо-ста толһаһан нохад кемлүл!* ‘букв. Да чтоб ты свою волосатую голову дал собаке сгрызть!’ ≅ ‘Да умри страшной смертью!’ [ФСКЯ 2018: 144]; *Һалд одг цааран*! (‘букв. Иди дальше в огонь!’) ≅ ‘Пусть сгорит в огне!’ [ФСКЯ 2018: 69]; *Ноха долаг!* (‘букв. Пусть тебя лижет собака!’) ≅ ‘Пропади пропадом!’ [ФСКЯ 2018: 144]. Данное проклятие является наглядной иллюстрацией космогонической картины мира, согласно которой, по утверждению А. Г. Митирова, собака является хранителем трех миров как «небесная собака, или волк — существо верхнего мира; как спутник кочевника — существо срединного мира; в качестве четырехглазой собаки как проводник душ в мир мертвых» [Митиров 1977: 46]. У многих народов существует представление о собаке как связующем звене с душой умершего, в частности у коми-пермяков, у которых был обычай приводить собаку к постели умирающего и класть лапы ему на грудь. Считалось, что с последним вздохом душа умершего переходила в тело собаки [Зеленин 1936: 137];

К этой же группе можно отнести и следующие проклятия: *Эзән зальг!* ‘букв. Проглоти своего хозяина’ ≅ ‘Пропади пропадом!’ *Үндс уга од!* ‘Останься без корней’ [ФСКЯ 2018: 270]; *Эзнәннь толһа кемл!* ‘букв. Сгрызи голову хозяина’ ≅ ‘Будь проклят, пропади пропадом!’, *Үклин муухар үк!* ‘букв. Умри худшей смертью’ [ФСКЯ 2018: 270].

5) удаление от адресанта: *Үзг маань уга од!* ≅ ‘Сгинь с глаз!’ [ФСКЯ 2018: 206]; ‘Убирайся на все четыре стороны!’ [КРС 1977: 546];

6) перемещение адресата в инфернальные пространства: *Хар һазрт ор*! ‘букв. Войди в черную землю!’ ≅ ‘Да провались сквозь землю!’ [ФСКЯ 2018: 122]; *Һазр үмк (мр)!* ‘букв. Откуси землю!’ ≅ ‘Да чтоб ты провалился сквозь землю!’ ‘Провались сквозь землю!’ [ФСКЯ 2018: 67];

У. Д. Душаном приведены три текста проклятия, записанные им в Эркетеневском улусе Калмыкии.

1. «Пусть на том месте, где ты сидел, будет пожар». По мнению У. Д. Душана, это одно «жестоких проклятий», смысл которого заключается в гибели всей семьи, рода, жилища. Поэтому калмыками никогда не допускалось после кочевки сжигать что-либо на месте прежнего жилища, так как «пожаром уничтожается вообще все» [Душан 2016: 71].

2. «Пусть дымовое отверстие твоей кибитки упадет внутрь на очаг» [Душан 2016: 72]. Во время ненастья и буранов иногда калмыцкие кибитки падали, уносились ветром. Самым плохим предзнаменованием было, когда она падала дымовым отверстием на очаг, что означало: сама природа против создания семейного очага на этом месте, и на хозяина и семью надвигается какая-то опасность.

3. «Пусть твой невод притянет черепах и змей». Это проклятие произносилось при сильном гневе или ссоре. Попадание в невод рыбаков-калмыков этих земноводных считалось дурным предзнаменованием, для нейтрализации каких-либо последствий для человека приглашались гелюнги, которые читали специальные молитвы [Душан 2016: 201].

[1] Здесь и далее буквальный перевод дан автором статьи.

В «Обрядовой поэзии калмыков» Т. Г. Басанговой целая глава посвящена проклятиям у калмыков, где, в частности, приводятся примеры проклятий: *Керәд нудән цокул*! ‘Пусть глаза твои выклюет ворона!’; *Көлдән бүдр!* ‘Спотыкайся все время!’; *Келндчнь моом һарг!* ‘Пусть на твоем языке будет опухоль!’ [Басангова 2007: 43]; *Ахр наста бол!* ‘Проживи мало лет’ [Басангова 2007: 142] (перевод Т. Г. Басанговой. — *А. Б.*).

Тему разорения домашнего очага, маркируемого как центр родовой земли [Бакаева 2009: 87], находим в текстах следующих проклятий: *Һулмтчнь харлг!* ‘Пусть почернеет твой очаг!’; *Һулмтчнь арат маажг!* ‘Пусть твой очаг поцарапает лисица!’ [Басангова 2007: 149].

Интересно по своему значению проклятие *Зел тасртха!* ‘букв. Пусть оборвется привязь!’. *Зел* означает ‘веревка’ (для привязывания телят и жеребят [КРС 1977: 246]. Существовало суеверие, что, если подобрать какой-либо предмет, лежащий возле *зел*, то это ведет к обрыву веревки, что означает гибель молодняка. Для калмыка приплод скота считался признаком умножения богатства, поэтому самым страшным проклятие было *Зел тасртха!*, что означало пожелание бедности и нищеты оппоненту [Басангова 2007: 107]. Согласно семейной и родственной иерархии *зел үй* — «поколение по зел-привязи» — четвертое поколение по отцовской линии (правнуки), которые «жили своими юртами, но скот содержали вместе», кроме того, «молодняк своего скота привязывали к одному общему зел — привязи» [Пюрбеев 1996: 167]. Поэтому харал *Зел тасртха!* означал и пожелание смерти всему роду [Пюрбеев 1996: 167].

Проклиная, человек желает лишения проклинаемому того, что представляет для него ценность: жизнь, здоровье, продление потомства, семья, домашний очаг, счастье и т. д. В этом плане представляет особый интерес изучение концептов в данных клишируемых формах.

4. О концепте *отец* в калмыцкой лингвокультуре

В калмыцком языке одной из единиц лексико-семантического поля концепта семья является *эцк* ‘отец’. В словаре калмыцкого языка имеются две лексемы со значением ‘отец’: *аав* и *эцк* [КРС 1977: 17, 705]. В речи употребляются обе лексемы. Лексема *аав* имеет также значение ‘дед, дедушка’ [КРС 1977: 17], в «Калмыцком словаре» Г. Й. Рамстедта также отмечается, что лексема *эцк*, кроме значения «отец» (Vater, papa), может иметь и значение «старик» (alter Mann) [Ramstedt 1935: 129]. В отличие от лексемы *эцк*, которая в предложении выполняет номинативную функцию, *аав* часто употребляется в качестве вокатива, например: *Эцкдән одад келвә көвүн: «Аав, аав, мини нерм хаанәд бәәдв?» — генә*[1].‘К отцу своему пошел юноша и говорит: «Отец, отец, мое имя у хана есть?» — говорит’ [Баянова 2021: 104].

В словарях монгольского языка лексема *отец* имеет три лексико-семантических варианта: 1) *аав* ‘папа, папенька, папаша, батя, отец, родитель’ [БАМРС 2001: 123]; 2) *баавай* ‘батюшка, отец, папа’ [БАМРС 2001: 202]; 3) *эцэг* ‘отец’ [БАМРС 2002: 441].

В языках монголоязычных народов со словом «отец» нет таких разговорных вариантов, как в русском: папаня, папочка, батюшка, батя, родимый, родитель, тятя и т. д. Лексемы *аав* и *эцк* в калмыцком языке имеют следующие значения: 1) мужчина по отношению к своим детям; 2) дед, дедушка (то есть предшествующее поколение, предок); 3) используется как обращение к любому пожилому мужчине [КРС 1977: 17, 604].

Со словом «отец» в калмыцком языке имеются устойчивые сочетания: *төрсн аав* ‘родной отец’, *хадм аав* ‘свекор, отец мужа’, *көгшн аав* ‘дедушка’, *аавин улан* ‘подорожник’, *аавин заңта* ‘ведущий себя как взрослый; характером в отца’ [КРС 1977: 17], *хөөт эцк* ‘отчим’, *эк-эцк* ‘родители’, *өвк эцк* ‘дед’ (по отцовской линии), *хадм эцк* ‘свекор, тесть’, *элнцк эцк* ‘прадед’, *эцкин гер* ‘отцовский дом’ [КРС 1977: 604].

Устойчивые словосочетания со словом *эцэг* в монгольском языке расширяют этот список: *эцгийн ёсоор энхрийлдэг* ‘по-отечески нежный’, *эцгээ халамжлах* ‘заботиться об отце’, *эцгийн дээлтэй төрөх* ‘родиться в рубашке’, *эцгийн халамж* ‘отеческая забота’, *эцгийн өв хөрөнгө* ‘отцовское наследие’ [БАМРС 2002: 442].

Классическим образцом брака у калмыков является патернальный союз, где

[1] Фонетическая особенность дербетского говора: вместо *гинә — генә*.

устанавливается главенство мужа / отца. Патриархальный уклад жизни устанавливал строгую иерархию отношений с первых же дней брака, который поддерживался культурными и религиозными традициями. Согласно системе родственных отношений, родственники по линии отца образовывали род — *төрл*, четыре поколения родных братьев составляли *өөрх төрл* — ‘близкие родственники’ (близкая родня) [Пюрбеев 1996: 166–167]. Родственники по линии матери, хотя и считались близкими, но были людьми другой крови, потомки по дочерней линии «не являлись членами рода-төрл» и назывались *зеенр* по отношению к родителям [Пюрбеев 1996: 167].

В семье поддерживалось полное уважение и повиновение отцу [Калмыки 2010: 201]. Об авторитете отца в семье свидетельствуют и калмыцкие пословицы. Главенствующая роль отца в семье подкрепляется следующими пословицами: *Аавнь бүгдин хан, / Аавин көвүн дүүнрин хан* ‘Отец — хан над всеми, / А любимчик отца — хан над братьями’ [Пословицы... 2007: 40]; *Эгл хар улст / Эк эцк бурхн* ‘Для простых людей / Родители — божества’ [Пословицы... 2007: 181].

Отец-эцк является и учителем, наставником своих детей: *Аавин сурһмж алтн, / Ээжин сурһмж эрднь.* ‘Отцовские наставления, словно золото, / А поучения матери, как драгоценность’; *Аав гиж келнд ордг, / А гиж эрдм сурдг.* ‘Речь малыша начинается со слова «папа», / Грамота (образование) начинается с азов’. Об уважении к отцу свидетельствует пословица: *Эврән эцк эс болсн күн / Эцкин күндлһиг меддг уга* ‘Кто не был сам отцом, тот не знает, / Что такое отцовское уважение’ [Пословицы... 2007: 37].

Право наречения имени своему ребенку давалось только отцу. Отец выделял своим сыновьям наследство. Отсутствие сына в роду было трагедией для отца, он считался глубоко несчастным человеком, так как в старости и немощи не мог прибегнуть к его помощи как к продолжателю рода. Если сыновья умирали при жизни отца, калмыки называли его *му заята* ‘проклятый судьбой’ [Душан 2016: 104]. Поэтому калмыки говорят: *Эцкд — көвүн, эрдмтнд нөкд кергтә* ‘Отцу нужны сыновья, а ученому — друзья’ [Пословицы... 2007: 37]; *Аавин санан үрнд, / Үрнә санан көдәд* ‘Думы отца — о сыновьях, / Думы сыновей — о степи’ [Пословицы... 2007: 40].

Любовь к детям была настолько сильна у отца, что, став вдовцом по какой-либо причине, он не рисковал «вторично жениться, чтобы его дети не испытывали на себе всю тяжесть „нежных забот“ матери» [Душан 2016: 92].

Таким образом, концепт *отец* в калмыцкой лингвокультуре определяется его главенствующей ролью в семейной иерархии (отец — это хан, божество, глава, хозяин). При наличии такой положительной коннотации, казалось бы, лексема *отец* не может быть использована для формул проклятий.

5. Формулы проклятий в текстах писем Б. Б. Бергмана

В письмах Б. Б. Бергмана встречается два эпизода, где лексема *отец* употребляется в составе проклятия *Эцкиннь мах ид!*. В первый раз это происходит во время игры в баки[1], когда игрок в пылу азарта произносит это проклятие:

> Для игры в баки требуется восемь бараньих лодыжек, которые бросают на войлочное одеяло, потому что они не могут скатиться с него. Когда это происходит, то тот, кто выиграл, должен начать игру. Сначала он наблюдает за положением лодыжек. Если он дотронулся до одной из них, то забирает или убирает ее, а затем продолжает бросать и другие лодыжки в том же направлении. Если ему удастся убрать все восемь, то он выиграл и начинает игру заново. Обычно играют на калачи, которые продаются русскими булочниками. Живость, с которой эта игра будет сопровождаться, больше, чем следует предполагать. При каждом пропущенном легком ударе, все тело игрока приходит в движение. Рука сжимает рот, и только «Эцкиннь мах ид!» (Äzägijn machan idä) раздается один за другим. Это обычный вид ругательства у калмыков и означает буквально: «Съешь мясо отца!» Поиграв некоторое время, Бичхан уступил свое место другому гелюнгу и занялся четками, наблюдая за происходящим. Тем не менее, как бы беспрестанно он не раскручивал бусинки четок, это не мешало ему при каждом неожиданном ударе, даже во время молитвы выкрикивать свое «Эцкиннь мах ид!» (Äzägijn machan idä) [Bergmann 1804: 245][2].

[1] Разновидность игры в альчики.

[2] Здесь и далее перевод с немецкого на русский язык осуществлен автором статьи. — *А. Б.*

Во второй раз эту же фразу произносит один из священников во время жаркого спора:

«Я сидел в своей кибитке и писал. Эрдени, его брат и несколько других уважаемых калмыков, в основном священнослужители, заполнили кибитку. Одни играли в нарв[1], другие наблюдали за игрой, третьи болтали. Почтенный священник сел рядом со мной и довольно любезно протянул мне свою трубку. Я сделал несколько затяжек, а затем вернул ему трубку. Другой священник увидел это и упрекнул своего коллегу в том, что как он может унижать себя, позволяя черному человеку курить из своей трубки. Завязался жаркий спор, во время которого *Эцкиннь махан* (Äzägijn machan) сменилось яростью. Тот, кто поддерживал меня, хотя и признался, что я курил из трубки Бичхана и Джуянаха, но его так разозлили реплики противника, что он разъяренный вскочил, схватил его за горло, повалил и стал топтать ногами. Все это произошло в присутствии двух сыновей князя, которые только и делали, что смеялись над этим забавным инцидентом. Побежденный священник молча удалился» [Bergmann 1804: 248].

Рассмотрим более подробно данный фразеологизм. Без сомнения, он относится к жанру проклятий: здесь имеются все структурные его элементы: субъект, объект и предикат в форме императива. Фраза произносится спонтанно, в момент сильного эмоционального возбуждения — в пылу азарта, как в первом случае, или агрессивного состояния. Семантика проклятия труднообъяснима. Это, безусловно, глубоко архаичная форма, неизвестная современным исследователям. Но в любом случае, этот фразеологизм является пожеланием смерти.

В калмыцком фольклоре проклятие *Эцкиннь мах ид!* не найдено. В алтайском героическом эпосе «Кан-Алтын» встречается проклятие: Ай, голову отца своего съешь, злодей! — говорит. / Эй, грудь матери своей съешь, злодей! — говорит [Алтайские 1997: 323]. Учитывая общие исторические и культурные связи калмыков и алтайцев, возможно предположить, что данные фразеологизмы могли иметь сходное значение и происхождение.

По устным объяснениям филологов, можно выдвинуть две версии объяснения значения проклятия: 1) пожелание нищеты и разорения всего рода — будь настолько бедным, что тебе придется есть приплод скота отца (жить на средства отца), и тем самым ты разоряешь свой род; 2) пожелание смерти, соответствует русскому эквиваленту «Чтоб ты сдох!», «Будь ты проклят!».

Некоторые исследователи считают, что проклятия произносят женщины, «завистливые и мстительные», которые «желали отомстить своим обидчикам» [Юша 2007: 108]. По мнению Т. Г. Басанговой, жанр проклятий считается «преимущественно чисто женским творчеством», злоупотребление харалами вызывает осуждение, поэтому они чаще употребляются в женской речи, так как они менее устойчивы в эмоциональном плане, чем мужчины [Борджанова 1999: 51; Басангова 2007: 155]. В фольклорных произведениях проклятие может произнести птица (например, журавль) или животное (бытует волчье проклятие) [Басангова 2007: 144]. Б. Б. Бергман же замечает в одном из своих писем, что «только мужской, а не женский пол использует это выражение» [Bergmann 1804: 245].

В словаре монгольского языка находим одно проклятие со словом *эцэг*: *Эцгийн тархи* ‘голова отца’ (ругательство) [БАМРС 2002: 442].

У синьцзянских калмыков бытуют подобные проклятия, но субъектом становится не отец, а мать: *Экәнәм мах идмр!* (вариант — *Экәнәм цус сольмр!* [ПМА 2023: Инф. 1]). По мнению информанта, данное проклятие произносили старшие по отношению к младшим, например, отец сыну, если он не работал, бил баклуши, не оправдывал надежд отца, жил за его счет. Данное проклятие сохранилось у них до сих пор. Его часто используют в обыденной речи в качестве бранной фразы.

Во фразеологическом словаре калмыцкого языка имеется несколько фразеологизмов с лексемой *эцк*:

1. *Эцкин түрәд ор* (*орг, ортха, орцхатн*) — груб-прост. (букв. ‘войти в голенище (или штанину) отца’). Это выражение негодования, сильного раздражения и озлобления. Авторы считают, что слово *түрә* «обнаруживает в данном обороте свое устаревшее значение ‘штанина’» [ФСКЯ 2018: 279]. В «Калмыцко-русском словаре» дается два значения этого слова: ‘голенище’; ‘штанина’. Там же обозначен и такой вариант этого *фразеологизма: Эцкин һоснаннь түрәд ор!* ‘букв. влезай в голенище отцовского са-

[1] Нарв — игра в нарды.

пога!’ [КРС 1977: 523]. Перевод фразеологизма в двух изданиях фразеологического словаря под редакцией Г. Ц. Пюрбеева дается разный. В более раннем издании отмечается, что оборот приблизительно соответствует русскому: ‘Катись (проваливай, иди) ко всем чертям!’ (как вариант — ‘Черт с тобой!’) [Пюрбеев 1971: 58]. Во втором издании дается следующий русский эквивалент: ‘Мал, но очень прыткий’ (*Бичкн болвчн, зүткмһә*) [ФСКЯ 2018: 279]. К сожалению, в словаре не дается толкование фразеологизма. Возможно, что в основе семантики данного проклятия — пожелание удаления от адресанта: исчезни, сгинь, спрячься так глубоко, чтобы тебя не было видно.

2. *Эцкәнчнь цох!* ‘букв. [Ударь] в висок твоего отца! (вариант: *Эцкинчнь бор гүзән!* ‘букв. Брюхо твоего отца!’). Авторы дают следующие синонимы к данному фразеологизму: 1. *Тиим биш!* ‘Нет, не так!’ 2. *Төрүц буру!* ‘Ничего подобного’ [ФСКЯ 2018: 279].

3. *Эцкиннь цох меднә!* (‘букв. Отцовский висок знает!’) — в переводе на русский язык означает ‘Ничего не знает, не кумекает’, соответствует русскому: ни в зуб ногой [Пюрбеев 1971: 58]. Есть варианты данного фразеологизма: *Үкснә цох меднә!* ‘букв. Висок умершего знает!’, *Нохан цох меднә!* ‘букв. Висок собаки знает!’ [Пюрбеев 1971: 58].

Все три вышеназванных фразеологизма имеют негативную семантику, но не способствуют осуществлению определенного магического действия, что характерно для проклятий. Они используются большей частью для выражения осуждения, возмущения и определяют характер взаимоотношений между собеседниками.

6. Заключение

Проклятие — это архаическая по происхождению клишированная форма устно-речевого жанра, основанная на вере человека в магическую силу слова, в его способности наносить вред человеку, и характеризующуюся высокой степенью экспрессивности. Угрожающие действия в калмыцких харалах представлены следующими предикатами: *идх* ‘съедать, пожирать’; *тасрх* ‘прерываться, прекращаться’; *кемлх* ‘грызть’; *харлх* ‘чернеть’; *цокулх* ‘быть побитым’; *үмкх* ‘откусывать’; *бүдрх* ‘спотыкаться’; *дегә болх* ‘скрючиваться’ и т. д.

Анализ семантики проклятий позволяет сделать вывод о том, что эти формулы имеют ярко выраженную национальную специфику, в ней отражены особенности духовного опыта народа. В текстах проклятий в одних и тех же оптативных высказываниях могут встречаться вариативные случаи использования.

Главным признаком в негативных словесных формулах проклятий является тема смерти — ранней, быстрой, мученической. Достаточно распространены в калмыцких проклятиях и соматизмы.

Рассматриваемый концепт *отец* в формулах проклятий не является частым компонентом проклятия, представляет архаическую форму, семантику которого трудно определить. Следует отметить, что многие формулы проклятий бытуют и до сих пор, но со временем потеряли сакрально-магическую функцию и превратились в идиомы.

Полевой материал автора

ПМА 2023: Инф. 1 — Инф. Д. Таяа (запись 12.08.2023 в г. Элисте).

Author’s Field Data

Informant: D. Taya. Rec. on 12 August 2023 in Elista. (In Russ.)

Литература

Алтайские 1997 — Алтайские героические сказания: Очи-Бала. Кан-Алтын. Новосибирск: Наука, СО РАН, 1997. 668 с.

Басангова 2007 — *Басангова Т. Г.* Обрядовая поэзия калмыков: система жанров, поэтика. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 592 с.

Бакаева 2009 — *Бакаева Э. П.* Сакральные коды культуры калмыков. Элиста: ИКИАТ, 2009. 159 с.

Баянова 2021 — *Баянова А. Т.* Калмыцкий фольклорный текст в записи и переводе Г. Й. Рамстедта: лингвокультурологические особенности. Элиста: КалмНЦ РАН, 2021. 352 с.

Берзович, Сурикова 2020 — *Берзович Е. Л., Сурикова О. Д.* Наименования нечистой силы в русских проклятиях // Вестник Томского государственного университета. Сер. Филология. 2020. № 6. С. 5–27.

БАМРС 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 тт. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. I: А–Г. М.: Academia, 2001. 520 с.

БАМРС 2002 — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 тт. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. IV: Х–Я. М.: Academia, 2002. 532 с.

Борджанова 1999 — *Борджанова Т. Г.* Магическая поэзия калмыков: исследование и материалы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 182 с.

Ветрова 2016 — *Ветрова Э. С.* Пожелания зла в коммуникативной культуре украинцев и лезгин // Научный диалог. 2016. №1(49). С. 16–31.

Виноградова 2012 — *Виноградова Л. Н.* Семейные ценности традиционной культуры: аксиологический аспект изучения славянских проклятий // Славяноведение. 2012. № 6. С. 29–34.

Даль 1882 — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. СПб.: Изд. книгопродавца-типографа М. О. Вольфа, 1882. 576 с.

Душан 2016 — *Душан У. Д.* Избранные труды. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 376 с.

Зеленин 1936 — *Зеленин Д. К.* Культ онгонов в Сибири: пережитки тотемизма в идеологии сибирских народов. М.; Л.: АН СССР, 1936. 436 с.

Кабакова 1988 — *Кабакова Г. И.* О жанровых трансформациях хулительных форм // Этнолингвистика текста: семиотика малых форм фольклора. Тезисы и предвар. мат-лы к симпозиуму. М.: Ин-т славяновед. и балканистики, 1988. С. 105–109.

Калмыки 2010 — Калмыки / отв. ред. Э. П. Бакаева, Н. Л. Жуковская. М. Наука, 2010. 568 с.

КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под. ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.

Мамчич 2015 — *Мамчич Ю. В.* Место проклятия в группе экспрессивов // Вопросы филологии и переводоведения: сб. науч. ст. Чебоксары: Чувашский госуниверситет им. И. Я. Яковлева, 2015. С. 42–45.

Митиров 1977 — *Митиров А. Г.* К вопросу о культе собаки // Культура и быт калмыков: этнографические исследования. Элиста: КНИИЯЛИ, 1977. С. 40–58.

Очиров 2006 — *Очиров Н.* Живая старина (из литературного наследия) / сост., вступ. ст., коммент. Б. А. Бичеева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. 398 с.

Паллас 1773 — *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1. СПб.: Имп. Академия наук, 1773. 786 с.

Пословицы... 2007 — Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / сост., пер. Б. Х. Тодаевой. Элиста: НПП «Джангар», 2007. 839 с.

Пюрбеев 1971 — Краткий калмыцко-русский словарь глагольных фразеологизмов / сост. Г. Ц. Пюрбеев. М.; Элиста: Ин-т языкознания АН СССР, КНИИЯЛИ, 1971. 60 с.

Пюрбеев 1996 — *Пюрбеев Г. Ц.* Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1996. 176 с.

Ушаков 2014 — *Ушаков Д. Н.* Толковый словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 800 с.

ФСКЯ 2018 — Фразеологический словарь калмыцкого языка / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. Элиста: РИА «Калмыкия», 2018. 286 с.

Ханинова 2022а — *Ханинова Р. М.* Жанр проклятия (харал) и обряд снятия проклятия в лирике Владимира Нурова // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 4. С. 130–151. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-4-24-130-151

Ханинова 2022б — *Ханинова Р. М.* Жанр *харал* в калмыцкой поэзии XX в. // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 2. С. 418–440. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-418-440

Юша 2007 — *Юша Ж. М.* Магические формулы проклятий у тувинцев // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 4. С. 106–108.

Bergmann 1804 — *Bergmann B.* Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803. Teil I. Riga: bei J. G. Bartmann, 1804. 351 S..

Ramstedt 1935 — *Ramstedt G.* Kamükisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1935. 560 s.

References

Bakaeva E. P. Sacred Codes of Kalmyk Culture. Elista: Institute for the Comprehensive Study of Arid Territories, 2009. 159 p. (In Russ.)

Bakaeva E. P., Zhukovskaya N. L. (eds.) Kalmyks. Moscow: Nauka, 2010. 568 p. (In Russ.)

Basangova T. G. Kalmyk Ritual Poetry: Genre System, Poetics. Elista: Kalmykia Book Publ., 2007. 592 p. (In Russ.)

Bayanova A. T. Kalmyk Folklore Text as Recorded and Translated by G. J. Ramstedt: Linguoculturological Features. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2021. 352 p. (In Russ.)

Bergmann B. Nomadische Streifereien unter den Kalmüken in den Jahren 1802 und 1803. Pt. 1. Riga: J. G. Bartmann, 1804. 351 p. (In Germ.)

Berzovich E. L., Surikova O. D. Names of evil spirits in Russian imprecations. *Tomsk State*

University Journal of Philology. 2020. No. 67. Pp. 5–27. (In Russ.)

Bordzhanova T. G. Kalmyk Magic Poetry: Research Materials. Elista: Kalmykia Book Publ., 1999. 182 p. (In Russ.)

Dal V. I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. Vol. 3. St. Petersburg: M. Wolf, 1882. 576 p. (In Russ.)

Dushan U. D. Selected Works. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2019. 376 p. (In Russ.)

Kabakova G. I. Forms of verbal defamation: Genre transformations revisited. In: Ivanov V. V. et al. (eds.) Ethnolinguistics of Text: Semiotics of Minor Folklore Forms. Symposium theses. Moscow: Institute for Slavic and Balkan Studies, 1988. Pp. 105–109. (In Russ.)

Kalkin A. G., Chachiyakov T., Savdin S. Altaian Heroic Tales: Ochi-Bala, Kan-Altyn (Folklore Narratives of Siberians and Far Easterners 15). Kazagacheva Z. S., Katashev S. M. (rec.) Novosibirsk: Nauka, 1997. 668 p. (In Alt. and Russ.)

Khaninova R. M. Lyrics of Vladimir Nurov: The genre of curse (kharal) and ritual of its removal analyzed. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2022. No. 4. Pp. 130–151. DOI: 10.22162/2587-6503-2022-4-24-130-151. (In Russ.)

Khaninova R. M. The genre of kharal in 20th-century Kalmyk poetry. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022. Vol. 14. No. 2. Pp. 418–440. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-2-418-440. (In Russ.)

Mamchich Yu. V. Curse as an expressive tool. In: Issues of Philology and Translation. Collected scholarly papers. Cheboksary: Yakovlev Chuvash State University, 2015. Pp. 42–45. (In Russ.)

Mitirov A. G. The dog cult revisited. In: Mitirov A. G., Badmaeva T. B., Bovykova G. M. (eds.) Culture and Everyday Life of Kalmyks: Ethnographic Studies. Elista: Kalmyk Institute of Language, Literature and History, 1977. Pp. 40–58. (In Russ.)

Muniev B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)

Ochirov N. The Living Past: Collections from Literary Heritage. B. Bicheev (comp., foreword, etc.). Elista: Kalmykia Book Publ., 2006. 398 p. (In Russ.)

Pallas P. S. Travels in Various Provinces of the Russian Empire. Pt. 1. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1773. 786 p. (In Russ.)

Pyurbeev G. Ts. (comp.) A Concise Kalmyk-Russian Handbook of Verbal Phrases. Moscow, Elista: Institute of Linguistics (USSR Acad. of Sc.); Kalmyk Institute of Language, Literature and History, 1971. 60 p. (In Kalm. and Russ.)

Pyurbeev G. Ts. (ed.) A Dictionary of Kalmyk Set Phrases. Elista: RIA Kalmykia, 2018. 286 p. (In Kalm. and Russ.)

Pyurbeev G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 1: А–Г. Moscow: Academia, 2001. 520 p. (In Mong. and Russ.)

Pyurbeev G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 4: Х–Я. Moscow: Academia, 2002. 532 p. (In Mong. and Russ.)

Pyurbeev G. Ts. Traditional Household Activities of Kalmyks: An Explanatory Dictionary. Elista: Kalmykia Book Publ., 1996. 176 p. (In Kalm. and Russ.)

Ushakov D. N. Explanatory Dictionary of Modern Russian. Moscow: Adelant, 2014. 800 p. (In Russ.)

Vetrova E. S. Evil wishes in communicative culture of Ukrainians and Lezgians. *Nauchnyi Dialog (Scientific Dialogue)*. 2016. No. 1 (49). Pp. 16–31. (In Russ.)

Vinogradova L. N. Family values of traditional culture: an axiological aspect of the Slavic imprecations studies. *Slavianovedenie*. 2012. No. 6. Pp. 29–34. (In Russ.)

Yusha Zh. M. The Tuvinian magic damnation formulae. Humanitarian Sciences in Siberia. 2007. No. 4. Pp. 106–108. (In Russ.)

Zelenin D. K. The Ongon Cult in Siberia: Vestiges of Totemism in Ideologies of Siberian Peoples. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1936. 436 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 4, Pp. 1004–1014, 2023
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК / UDC 821.581
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-1004-1014

Эмотивная суггестивность в современном китайском художественном дискурсе (на примере романа Юй Хуа «Жить», 1992)

Александр Владимирович Игнатенко[1]

[1] Российский университет дружбы народов (д. 6, ул. Миклухо-Маклая, 117198 Москва, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, доцент
0000-0001-9261-4306. E-mail: ignatenko-av[at]rudn.ru

© КалмНЦ РАН, 2023
© Игнатенко А. В., 2023

Аннотация. *Введение.* В данном исследовании рассматриваются некоторые теоретические аспекты и намечаются практические подходы к анализу эмотивной плотности и ее суггестивности в современном китайском художественном дискурсе. Сдвиг фокуса внимания в работе на стилистические эмотивные аттракторы и точки структурного напряжения текста сформировали исследовательский интерфейс и позволили обозначить некоторые подходы к анализу эмотивной плотности в современном китайском художественном дискурсе. *Цели и задачи* исследования — определить функции эмотивности в языке художественного текста с точки зрения национально-культурной специфики и семантической реализации на примере романа Юй Хуа «Жить» (余华 «活着», 1992). *Материалы и методы.* В работе нашли отражение научные направления интегральной и суггестивной лингвистики, связанные с функциональным синтаксисом и прагматикой, что обусловило междисциплинарный подход. Художественный мир романа, представляя замкнутую субъективную модель мира, рассматривается как когнитивная совокупность эмотивных аттракций, переживание и восприятие которых определяется личностно-социальным опытом по линии «автор-персонаж-читатель». *Результаты.* Эмотивность и эмоциональный режим китайского художественного дискурса обладает свойством пространственной связности элементов структурного напряжения, функцией сюжетостроения, индивидуальными характеристиками речевого портрета носителей высказывания, а также речевым воздействием на реципиента. Становясь центральным элементом текста, эмотивность выступает метасущностью. Системные стилистические отношения разноуровневых языковых единиц художественного текста и дискурса отражают общий потенциал корреляции функционально-семантических полей эмотивности, экспрессивности и модальности.

Ключевые слова: эмотивность, суггестивность, Юй Хуа, роман «Жить» (1992), современный китайский художественный дискурс

Для цитирования: Игнатенко А. В. Эмотивная суггестивность в современном китайском художественном дискурсе (на примере романа Юй Хуа «Жить», 1992) // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 4. С. 1004–1014. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-1004-1014

Emotive Suggestiveness in Contemporary Chinese Fictional Discourse: A Case Study of Yu Hua's *To Live* (1992)

Alexander V. Ignatenko[1]

[1] RUDN University (6, Miklouho-Maclay St., 117198 Moscow, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Associate Professor
0000-0001-9261-4306. E-mail: ignatenko-av[at]rudn.ru

© KalmSC RAS, 2023
© Ignatenko A. V., 2023

Abstract. *Introduction.* The study examines some theoretical aspects and outlines practical approaches to the analysis of emotive density and its suggestiveness in contemporary Chinese fictional discourse. The work's shift of attention focus to stylistic emotive attractors and points of structural tension in the text has formed a research interface, and makes it possible to identify some approaches to the analysis of emotive density in contemporary Chinese fictional discourse. *Goals*. The study aims to determine the functions of emotivity in the language of literary text in terms of ethnocultural specificity and semantic realization through the example of Yu Hua's *To Live* (1992). *Materials and methods*. Theoretically, the work contains traces of integral and suggestive linguistics related to functional syntax and pragmatics, all that to yield an interdisciplinary approach. The artistic agenda of the novel acts as an isolated subjective world model and is viewed as a cognitive set of emotive attractions, the latter's understanding and perception be determined by personal and social experiences along the axis 'author–character–reader'. *Results*. Emotivity and emotional modes of Chinese fictional discourse are characterized by spatial connectivity between structural tension elements, the function of plot-building, individual features inherent to the speakers' speech portraits, and actual speech effects on the recipient. Becoming a central element of text, emotivity acts as a meta-entity. The systemic stylistic relations of the multi-level linguistic units of the literary text and discourse tend to reflect the general correlation potentials between the functional/semantic fields of emotivity, expressiveness and modality.

Keywords: emotivity, suggestiveness, Yu Hua, *To Live* (1992), contemporary Chinese fictional discourse

For citation: Ignatenko A. V. Emotive Suggestiveness in Contemporary Chinese Fictional Discourse: A Case Study of Yu Hua's *To Live* (1992). *Oriental Studies*. 2023; 16(4): 1004–1014. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-1004-1014

1. Введение

Эмотивность и эмотивная плотность в семантическом пространстве художественного дискурса как мультимодальное и прагматическое явление системных отношений языка привлекает внимание исследователей различных когнитивных областей. Это связано с тем, что эмотивная плотность художественного текста как часть стилистики может быть ключом к анализу идиостиля и авторской структуры языка в целом. Выступая в качестве особых элементов структурного напряжения текста, своего рода языковых и смысловых доминант или аттракторов, эмотивность материализуется в качестве языковых единиц различного уровня и может быть использована как инструмент для создания определенного эффекта в художественном дискурсе.

В повествовательной структуре художественного дискурса присутствует эмоциональный план нарратора и отдельно эмоциональный план различных персонажей в прямой и непрямой речи, который, хотя не лишен самостоятельности, зависим от авторских интенций, поскольку во многом ими определяется. Лингвопрагматический потенциал направлен на выявление экспрессивов и стилистически окрашенных языковых и речевых средств художественного дискурса в рамках идиостиля художника слова современной китайской литературы Юй Хуа (род. 1960) на примере романа «Жить» (余华 «活着», 1992). Юй Хуа хорошо известен российскому читателю, его роман «Жить» выдержал уже два издания на русском языке (2014, 2021) в переводе Р. Шапиро. Писатель является лауреатом многочисленных международных литературных премий, один из его последних романов «Братья» («兄弟», 2008), переведенный на русский язык Ю. Дрейзис (2015), в 2022 г. отмечен российской премией «Ясная поляна» как лучший иностранный роман [Игнатенко, Кондратова 2022: 370].

В данной работе, помимо сравнительно-сопоставительных, нашли отражение научные направления интегральной и суггестивной лингвистики, связанные с функциональным синтаксисом, а также индивидуальным восприятием стилистического плана, что обусловило междисциплинарный подход. Художественный мир романа, представляя замкнутую субъективную модель мира, рассматривается как когнитивная совокупность эмотивных аттракций и доминант, переживание и восприятие которых определяется личностно-социальным опытом по линии «автор-персонаж-читатель». Эмотивность, являясь одним из ключевых элементов художественного дискурса, может проявляться через язык, сюжет, хронотоп, различные описания системы образов и воздействовать на реципиента на основе когнитивных, эмоциовербальных и экстралингвистических параметров, которые обеспечивают восприятие и понимание эмоций. В работе эмотивность рассматривается как наиболее прагматически релевантный результат эмоциональности автора, который проявляется в его интенциональном идиостиле.

2. Теоретические основы и методы исследования

Понимание эмоций как определенных мозговых процессов начинает складываться в начале XIX в., до этого времени человечество пребывало в поиске и формировании культурных конструктов, выражающих конкретный тип чувств и связанных с исторической эпохой или модой. Похожие явления называли различными терминами: нравы (temperaments), страсти (passions), сантименты (sentiments) и пр. Со временем большинство этих понятий было вытеснено словом *эмоции* [Ферт-Годбехер 2022: 12]. Эмоции сегодня являются объектом изучения не только психологии, физиологии, философии, но и филологии (в частности лингвистики). Основу лингвистики эмоций, или эмотиологии, в языкознании заложил В. И. Шаховский [Шаховский 1987; Шаховский 2008].

В самом общем виде эмотиология понимается как наука о вербализации эмоций. Концептуализация эмоций осуществляется на языковом и параязыковом уровнях [Шаховский 2008: 26]. На обоих уровнях она выражается в семантизированных и коммуникативно релевантных формах. Ряд зарубежных исследователей также внесли весомый вклад в разработку различных аспектов этого направления [Wierzbicka 1995; Way 2021; и др.].

Вербализация эмоций, являясь одним из важнейших направлений современной лингвистики, формирует языковую или, точнее, модальную картину мира, которая в различных лингвокультурах организуется в соответствии с этнонациональными языковыми и культурными правилами и нормами. Выражение и понимание человеком различных чувств зависит также в сильной степени от эпохи и культуры. Культура эмоций китайцев по их речевому поведению довольно экспрессивна и проявляется в коммуникативном оптимизме, уклончивости. В то же время под влиянием социализации в определенных контекстах они могут скрывать, контролировать, стимулировать и имитировать эмоции [Спешнев 2017: 15].

Художественные тексты, в свою очередь, как зеркало воплощают и отражают эмоциональные переживания жизни людей, иногда усиливая их концентрацию. По словам В. И. Шаховского, «любой художе-

ственный текст облигаторно воспроизводит эмоциональную жизнь людей» [Шаховский 2008: 15]. Исследователь также утверждал, что «художественная коммуникация является слепком реальной коммуникации» [Шаховский 2008: 173].

Эмотивы всегда стилистически отмечены и наиболее полно реализуются в художественном дискурсе. Порождаемый с помощью лингвистических средств и приемов, эмотивный фон участвует в коммуникации между автором и читателем, создавая национальную картину чувств и эмотивную плотность художественного текста. Эффективность такого рода коммуникации зависит от знания читателем эмотивного фонда в контексте конкретной культуры и языка.

Под термином «эмоционализация» сегодня понимается инкорпорация эмоций и эмоционального дискурса в различные общественные сферы жизнедеятельности [Zappettini, Ponton, Larina 2021; Dobroskonskaya 2021; Bull, Waddle 2021; Озюменко, Ларина 2021; Way 2021; Буянова, Нечай 2021; и др.].

Эмоционализацию следует отличать от смежного понятия и лингвистической категории эмотивности, которая выражает способность языковых единиц отражать переживания определенных эмоций на коммуникативно-прагматическом уровне [Шаховский 2008: 26; Сажина, Семак 2019: 566]. Вклад в разработку и понимание взаимодействия между семантикой и прагматикой как коммуникативного явления и элемента культурной картины мира внес А. К. Киклевич [Киклевич 2022].

По мнению А. И. Трубкиной, эмотивность играет в художественном тексте одну из ведущих ролей, поскольку позволяет реализовывать перлокутивную функцию [Трубкина 2020: 331]. В этом русле рассуждений важное место также занимает суггестивность как направление культурной суггестии и индивидуальной способности восприятия, которая подразумевает исследование семантической структуры текста, в том числе эмотивной плотности художественного дискурса и ее интерпретации. Эмотивность в художественном дискурсе также напрямую коррелирует с экспрессивностью [Буянова, Нечаева 2021: 22].

Универсальные механизмы дефокусирования, проявляющиеся на лексическом, семантическом, синтаксическом, прагматическом и другом уровнях, в том числе художественного текста, на материале русского и английского языков предложила О. К. Ирисханова, исследовав вопросы распределения внимания в когнитивных науках в целом и моменты, связанные со способностью «затушевывать значимое, уклоняться от неприятного, отдалять нежелательное и подразумевать очевидное» [Ирисханова 2014: 7]. Этот подход, на наш взгляд, является продуктивным в подступах к модальности и эмотивности в художественных текстах.

Кроме того, в подходах к эмотивности в художественном дискурсе также представляется важным упомянуть последние достижения в области метафорологии. Метафоризация текста и речи может выступать универсальным когнитивным инструментом создания эмоционально-экспрессивного или модального нарратива. Она является неотъемлемой культурной (в том числе эмоциональной) парадигмой для носителей любого языка и одним из способов организации культурного опыта человека [Козлова 2020; Сунь, Калинин, Игнатенко 2021; и др.].

Говоря о китайском художественном дискурсе, отметим также относительно новое явление для современной китайской литературы — локализованные эмоциональные прагматические вставки, или парентетические конструкции, нарушающие линейное повествование, которые подробно рассмотрены на материале романа Мо Яня «Устал рождаться и умирать» (2005), где, в частности, утверждается, что эмотивность в парентетических конструкциях «выступает в качестве средства воздействия на реципиента и влияет на его мнение и модус восприятия, как правило, добиваясь результата независимо от желания или воли читателя, вводя его в соответствующий эмоциональный резонанс художественного нарратива» [Игнатенко 2023: 104]. Некоторые аспекты эмотивности в современном китайском художественном дискурсе также исследуются в рамках языковой игры на примере прозы Лю Чжэньюня [Игнатенко 2022].

Таким образом, эмотивность рассматривается нами как экстралингвистическое смыслопорождающее явление и семантическая категория, язык которой включает

эмоциональный лексикон, синтаксис, пунктуацию, языковую игру, различные семантико-стилистические приемы и т. д. Суммируя все теоретические разработки, в данном исследовании мы выделяем следующие способы создания эмотивного плана в художественном дискурсе в рамках конкретного интенционального идиостиля: 1) способ прямого называния эмоции (лексический уровень); 2) локальный способ использования междометий (модально-фразовый уровень); 3) дескриптивный способ (речевой или дискурсивный уровень); 4) образно-ситуативный способ (экстралингвистический уровень). Эмотивный фон при этом проявляется на разных уровнях: на уровне настроения персонажей, психического состояния читателя, сюжета, темы текста (эмотема) и т. д. Следует также учитывать, что определенный эмотивный фон соотносится и коррелирует с определенной — в нашем случае китайской — культурой.

3. Эмотивные особенности в романе Юй Хуа «Жить»

Художественный текст обладает гибкими возможностями синтеза лингвистических и экстралингвистических средств благодаря перекрестному контакту различных сознаний (сознания автора, персонажа и читателя). Эмотивность в художественном дискурсе может быть выражена с помощью различных языковых средств и на разных уровнях. Так, например, на лексическом уровне в языковой системе китайского языка имеется огромное количество единиц, выражающих эмоции непосредственно. Коммуникативная сущность и специфика эмотивных номинаций определяется модальностью как компонентом оценочности, которая инкорпорируется в семантическую структуру слова (например, экспрессивы в романе 孽子 ‘выродок’, 二流子 ‘шалопай’, 王八蛋 ‘ублюдок’, 畜生 ‘скотина’, 蠢蛋 ‘дурачье’ и т. д.).

Эмотивная семантика переносит на слово представление о предмете или человеке, а с представления — непосредственно на предмет или человека, а также на эмоции, потому что связь между представлением и эмоциями довольно тесная. Отметим, что в китайском языке есть ряд лексем и структур, обладающих изначальным эмотивным потенциалом (например: 难道 ‘неужели’, /好 ‘весьма’, /多(么) ‘так’, /这么 ‘такой’, /怎么能 ‘как можно’, /怎么可以 ‘как может’ и др.), которые могут продуцировать экспрессивные структуры, выводить эмоциональный баланс между коммуникантами и актуализировать модальные семантические доминанты.

Прагматическая индуктивность семантики эмоций, как правило, определяется интенсионалом (главные признаки), экстенсионалом (вторичные признаки) и импликационалом (потенциально-вероятностные характеристики), например: 粗糙的手指 ‘заскорузлые пальцы’ [Xya 2014: 50] = «пальцы, загрубевшие и ставшие жесткими от работы и тяжелой жизни» (интенсионал) + «это отклонение от нормы и приносит определенные неудобства хозяину рук» (экстенсионал) + «что выражается смирением персонажа и никак не удручает его» (импликационал). Такого рода индуктивно-прагматический анализ и понятия, которые он продуцирует, являются производными по отношению к дедуктивно-логическому содержанию.

Повествование в романе задается двумя планами — от лица условного автора и главного героя старика Сую Фугуя (徐福贵, где 福贵 ‘букв. счастье дорого’). В художественном тексте эмоциональная насыщенность выражается путем согласования семантических эмотивов с синтаксическими эмотивными структурами. Так, например, на синтактико-семантическом уровне труднопреодолимые беспокойные предчувствия и ожидание отрицательных событий могут реализовываться в нарративе романа временными конструкциями. Рассмотрим некоторые характерные примеры:

> (1) 那时候我们家境还没有败落，我们徐家有一百亩地，从这里一直到那边工厂地烟囱，都是我家的[1]。 [余华 2014: 7]
>
> ‘*Тогда мы еще не разорились*, семья Сюй владела полутораста му земли — отсюда до труб того завода все было наше’[2] [Xya 2014: 16].

В данном примере перфектный временной оборот представляет собой модель «бу-

[1] Текст на оригинальном языке цит. по: [活着 2014].

[2] Перевод на русский язык приведен по: [Xya 2014].

дущего в прошлом» и настраивает читателя на *еще не* произошедшее в настоящем, но *уже* случившееся в прошлом. В русском языке семантика будущего времени контекстно может передаваться глаголом прошедшего времени («еще один шаг, и мы *погибли*»), в китайском языке эту функцию на себя берет и выражает временной оборот 那时候 <…> 还没有 <…> (‘в то время как.., еще не…’), где отрицание произошедшего события в прошлом органично связывается с семантическим утверждением и фактом в настоящем: «мы разорились». При этом нарративно разворачиваемый интенционный дискурс *тревоги* и *угрозы* продуцируется контекстуально, не включая лексемы, содержащие словарные дефиниции с этим значением. Структурной канвой, оформляющей тревожные предчувствия, также может выступать оборот 一 <…>, [就] <…> (‘как только…, так сразу…’), который интенсифицирует временную смену действий. Например:

(2) 一想到爹，我心里一阵发麻，这下他还不把我给揍死？[余华 2014: 20]

‘При мысли об отце *на душе становилось погано*: неужели и на этот раз он не забьет меня до смерти?’ [Xya 2014: 36]

(3) 我娘从我身旁走了出去，她一走我心里是一阵发虚，说不定他马上就会从床上蹦起来和我拼命。[余华 2014: 24]

‘Когда матушка меня покинула, *сердце у меня опустилось* — вдруг он спрыгнет с кровати и набросится на меня?’ [Xya 2014: 39].

Кроме использования рамочной конструкции, организующей сложный синтаксис, в этих примерах точкой структурного напряжения становится выражение ‘心里’ (‘букв. в / на душе / сердце’). Эмоциональное состояние локализуется и кодируется в слове на семантическом уровне. Эмотивность «наводится» на семантику слова ‘心里’, продуцируя эмоциональный контекст и ситуацию. При этом такого рода модальные рамки являются излюбленным писательским приемом и практикой и используются регулярно. Приведем еще несколько примеров:

(4) 看着他孤身一人走去，我心里是一阵一阵地酸痛。[余华 2014: 27]

‘Я глядел на его одинокую спину, и *сердце выло волком*’ [Xya 2014: 43]

(5) 我心里咚咚乱跳，不知道该怎么办。[余华 2014: 32]

‘*Сердце у меня заколотилось*, я стоял как потерянный’ [Xya 2014: 50]

(6) 我一直没去龙儿家是怕自己心里发酸。 [余华 2014: 37]

‘А я к нему (*Лун Эру*) никогда не заглядывал — *боялся затосковать*. Я ведь в этом доме родился’ [Xya 2014: 56].

В примерах (4), (5) и (6) речевые контексты художественного нарратива показывают, что в определенных ситуациях практически любое слово может приобрести эмотивную коннотацию. Слова 酸痛 ‘ноющая боль’, 咚咚乱跳 ‘колотиться’, 发酸 ‘ныть’, а также 发麻 ‘отниматься’, 发虚 ‘ослабевать’ и многие другие создают модально-эмоциональное отражение действительности. Приведем еще один характерный фрагмент с той же лексемой:

(7) 想着想着心里像是被堵住了，都透不过气来，像被人捂住了嘴和鼻子一样。[余华 2014: 57]

‘И вдруг мне показалось, что сердце перестало качать кровь, и *мне будто зажали нос и рот*’ [Xya 2014: 76].

В примере (7) отглагольный предлог (амбивалентно выполняющий функцию глагола-сказуемого) 像 продуцирует сравнительные условия, создавая экспрессию, которая в конечном счете формирует эмотивную напряженность. Объективизация сложившихся условий для персонажа и его нарративное дистанцирование от причин, по которым у него возникли определенные переживания и эмоции (тоска, печаль, грусть, страдание и т. д.), формируется пассивным залогом (被 + [субъект]) в функции развернутого дополнения в виде придаточного простого предложения, которым управляет 像 в обеих частях.

При анализе эмоционального плана и эмотивности дискурса также важно учитывать мотивировку речи, ее интенциональность. Приведем пример описания выхода из равновесия в связи с внешними факторами:

(8) 看到家珍跪着我就火，心想我儿子还没有出来就跪着，这太不吉利。[余华 2014: 17]

‘Увидев ее (Цзячжэнь) на коленях, я *страшно разозлился* и подумал: «Если мой сын, еще не родившись, будет вставать на колени, *это дурной знак*»’ [Xya 2014: 29].

В примере (8) стимулом эмоции *злость* становится реакция на воздействие внешнего раздражителя, которая объективируется в языке средствами последовательного синтаксиса (一 <…>, [就] <…>) в первой части и использованием глагола 火 ‘вспыхнуть / загореться / разозлиться’ во второй. Дальнейшее разворачивание мысли объясняет, на чем основывается эта реакция: нарратор в модальном плане не одобряет ситуацию, которая вызвана тем, что на образном уровне его не родившийся ребенок преклоняется к земле. Таким образом, интегральный прагматический план художественной эмотивности выстраивается за счет прямого указания на конкретную эмоцию (злость, раздражение, гнев) и ее дескриптивного объяснения.

(9) 我从床上起来，心想这下非完蛋不可， <…>。[余华 2014: 23]

‘Я встал с кровати и пошел, размышляя по дороге, что *на этот раз мне точно крышка*. <…>’ [Xya 2014: 29].

В примере (9) эмотивный компонент 非完蛋不可 и его коннотация (‘букв. не избежать гибели’) локализуется в семантической структуре двойного отрицания 非…不可 (‘букв. не обойтись’) и является стилистическим фактором, влияющим на увеличение эмотивной плотности и, соответственно, воздействующим на реципиента. Субъективная модальность повествовательного плана помогает понять, как структурируется мысль персонажа, и воспринимается эмотивной единицей вне контекста.

(10) 我脑袋嗡的一下，拼命往村口跑，跑到粪缸前时我爹已经断气，我又推又喊，我爹就是不理我，我不知道该怎么办，站起来往回看，看到我娘扭着小脚又哭又喊地跑来，家珍抱着凤霞跟在后面。[余华 2014: 30–31]

‘У меня *в голове застучало*. Я *со всех ног побежал* к околице. Когда я добежал до корыта, отец уже не дышал. Я *кричал*, *толкал* его – но он *не обращал на меня внимания*. Я не знал, как быть. Поднялся и посмотрел назад. Матушка *с рыданиями семенила на маленьких ножках*, за ней *бежала* Цзячжэнь с дочкой на руках’ [Xya 2014: 48].

Субъективная модальность в примере (10) встраивается в повествовательную канву ингерентного нарратива от лица персонажа, перцептивный фундамент которой формируется внутри его индивидуальной психики, и конъюнктурно оказывает экспрессивное воздействие. Эмоциональная линия переживания смешанных эмоций (испуг, страх, ужас, замешательство, волнение и пр.) продуцируется в языковой картине мира персонажа согласно его внутренним ощущениям. Механизмом корреляции эмотивности и экспрессивности выступает способность суггестивно направленной интерпретации эмотивной валентности. Отметим также необычное языковое обыгрывание и использование звукоподражания 嗡 ‘букв. жужжать, гудеть’ в глагольной позиции и с глагольным классификатором 一下, что стилистически метафоризирует образ и создает его эмотивное воздействие. Структурной точкой притяжения выступает и образ бегущей на «маленьких ножках» матери, который отсылает к китайской традиции бинтования ног. Эмотивным уплотнителем, характеризующим действие «бежала», выступает союзный рамочный оборот 又哭又喊 ‘букв. плача и крича’.

(11) 龙儿成了这里的地主，常常穿着丝绸衣服，右手拿着茶壶在田埂上走来走去，神奇的很。镶着两颗大金牙地嘴总是咧开笑着，有时骂看着不顺眼的佃户时也咧着嘴，我起先还以为他对人亲热，慢慢地就知道他是要别人都看他的金牙。[余华 2014: 37]

‘Он (Лун Эр) стал нашим помещиком. Одевался в шелка, важно прохаживался вдоль полей с чайником и всегда *улыбался*, *даже когда ругал* нерадивого батрака. *Я сперва думал, что это он от широты души, а потом сообразил: просто показывает два своих золотых зуба*’ [Xya 2014: 56].

Из примера (11) видно, что эмотивная прагматика может быть не тождественна семантической, так как персонажи демонстрируют в примере различные эмоциональные индексы. Эмотивная рассогласовка вызывает различный коммуникативный эффект. Лакуну неопределенности в дескриптивном эмотиве данного примера заполняет комическая фигура парадокса, которая, с одной стороны, уравновешивает образ и линию сюжетостроения, а с другой — обнажает мотивировку действий персонажа, которые не соотносятся с ожиданиями и восприятием окружающих. При этом текстопорождающим стилистическим звеном, на котором основывается и держится вся фигура, выступает эмотивное поле. Эмоциональные аттракции, в свою очередь, разворачивают художественный образ, который продуцирует экстралингвистические сведения и выступает инструментом речевого воздействия, передавая определенный настрой реципиенту и вовлекая его в эмоциональный резонанс. В другом примере на интенциональном уровне наиболее ярко проявляется портрет языковой личности, в основе которого прием фигуры оксюморона:

(12) “你还好吧？” 长根擦擦眼睛说：“还好。” [余华 2014: 41]

‘— Ну как ты?

— Хорошо, — отвечает он, *а сам плачет*’ [Xya 2014: 60].

В примере (12) модальные рамки диалога создают полярный и контрастный эмоциональный эффект. Речевое поведение персонажа формируется из его отношения к теме диалога и личностных особенностей (бывший батрак и слуга). Дисгармонизм эмоционального фона проявляется в преднамеренно искаженной оценке фактов и несоответствии их истинному положению: в структуре реплики положительная оценка говорящим эксплицируется через его негативно-эмоциональный образ (擦擦眼睛 ‘букв. вытирать глаза’). Таким образом, акцент общения смещается с предмета на его отношение к нему говорящего и, по сути, ведет к формированию эмоционального смысла текста, становясь эмотивно коннотатирующей доминантой художественной коллизии.

(13) 连长一听到子弹朝他飞去，全没有了过去的威风，撒开两腿就疯跑起来，好几个人都端起抢来打他，连长哇哇叫着跳来跳去在雪地里跳远了。[余华 2014: 59]

‘С капитана *слетела вся важность*, он *заохал, запрыгал как заяц и затерялся в снежной равнине*’ [Xya 2014: 78].

Динамизм, эмотивная насыщенность и эмоциогенность в примере (13) достигается за счет спонтанной индивидуализации нарраторского сознания на семантическом уровне и передачи перцепции событий в речевом акте. Синтаксическая концептуальность, фиксирующая картину мира этого сознания, реализуется с помощью организации смыслового пространства в виде некоторых рамочных конструкций (一…就… ‘как только…, так сразу…’, …来…去 ‘туда и обратно’ и др.) и за счет превалирующей динамики глаголов на лексическом уровне (听到 ‘услышал’, 飞去 ‘летит, 撒开 ‘разлетается’, 疯跑起来 ‘понесся сломя голову’, 端起来 ‘поднял’, 跳来跳去 ‘запрыгал туда-сюда’, 跳远 ‘упрыгал далеко’ и т. д.), что придает ситуации не только эмотивную окрашенность, но и порождает комический эффект.

(14) <…> 走到家门口一想到再也看不到儿子，忍不住哭出了声音，又怕家珍听到，就捂住嘴巴蹲下来，蹲了很久<…> [余华 2014: 124]

‘У ворот вспомнил, как Юцин вчера бежал босиком в школу, сумка болталась на спине. А теперь лежит и не шелохнется. У меня *из груди вырвался вой*. Но я *испугался*, что услышит Цзячжэнь, зажал рот руками, сел на корточки и так и сидел’ [Xya 2014: 138].

Языковую личность в примере (14) можно интерпретировать как бесконечные интеграции прагматических образов разнородных уровней. Нарратор в данном отрывке переживает *боль* утраты ребенка. Эмпатизация реципиента выстраивается на основе внутреннего монолога героя, который он транслирует, и инкорпорируется в антиномическую связь концептов «жизнь – смерть». Восприятие речевого поведения сближает читателя с эмотивным планом персонажа и выступает интерпретацион-

ным элементом дискурса такого рода коммуникативно-речевой формы (читатель как соавтор). При этом в монологическую повествовательную форму персонажа также встраиваются комментативные элементы, которые объясняют его мотивировку (捂住嘴巴 ‘букв. зажал рот’ и пр.). Таким образом, интровертированность личности и его эмоциональное состояние эксплицируется экспансией глагольных слов, не называя при этом саму эмоцию.

Кроме приведенных примеров, отметим также, что в романе встречается огромное количество междометий, а также звукоподражаний, которые можно семантизировать как эмотивы. Приведем некоторые примеры: 叽叽喳喳和哼哼哈哈 ‘щебетать и фыркать’, 唉声叹气 ‘охать и ахать’, 哧哧笑 ‘фыркать’, 嘻嘻笑 ‘хихикать’, 哇哇叫 ‘выть’ и т. д. При этом междометия выступают рафинированными индикаторами эмоций и экспрессивами, которые выполняют перлокутивную функцию и напрямую воздействуют на читателя или реципиента.

4. Заключение

Вышеприведенный анализ показывает, что эмотивность и эмоциональный режим китайского художественного дискурса обладает свойством пространственной связности элементов структурного напряжения, функцией сюжетостроения, индивидуальными характеристиками речевого портрета носителей высказывания, а также речевым воздействием на реципиента. Становясь центральным элементом текста, эмотивность выступает метасущностью. Системные стилистические отношения разноуровневых языковых единиц художественного текста и дискурса отражают общий потенциал корреляции функционально-семантических полей эмотивности, экспрессивности и модальности.

Сдвиг фокуса внимания в работе на стилистические эмотивные аттракторы и точки структурного напряжения текста сформировали исследовательский интерфейс и позволили обозначить некоторые подходы к анализу эмотивной плотности в современном китайском художественном дискурсе. Художественный текст может воздействовать на реципиента моментально, неожиданно, как действует живопись по общепринятым представлениям, но также вербальному тексту свойственно сильнее картины действовать на «внутреннее зрение», т. е. на воображение. Если принять за аксиому то, что адекватное прочтение произведения подразумевает синестетическое восприятие текста читателем, то можно утверждать, что читатель выступает соавтором текста.

В данном исследовании мы рассмотрели некоторые теоретические аспекты и наметили возможные практические подходы к анализу эмотивной плотности и ее суггестивности в современном китайском художественном дискурсе, а также определили функции эмотивности в языке художественного текста с точки зрения специфики и семантической реализации. Все это свидетельствует и подтверждает гипотезу, что одной из характерных особенностей идиостиля Юй Хуа выступает встроенная эмотивность, которая выполняет модально-суггестивные функции и позволяет рефлексировать и резонировать на эмотивный план в тексте произведения в силу индивидуальных и социальных ориентиров и личностного опыта реципиента.

Литература

Буянова, Нечай 2021 — *Буянова Л. Ю., Нечай Ю. П.* Эмотивность и эмоциогенность языка: механизмы экспликации и концептуализации. М.: Флинта, 2021. 232 с.

Игнатенко 2022 — *Игнатенко А. В.* Особенности языковой игры в прозе Лю Чжэньюня на примере романа «Я не Пань Цзиньлянь» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Востоковедение и африканистика. 2022. № 14(3). С. 507–523. DOI: 10.21638/spbu13.2022.308

Игнатенко 2023 — *Игнатенко А. В.* Особенности парентетических конструкций в романе Мо Яня «Устал рождаться и умирать» (2005) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2023. Т. 22. № 4: Востоковедение. С. 115–126. DOI: 10.25205/1818-7919-2023-22-4-115-126

Игнатенко, Кондратова 2022 — *Игнатенко А. В., Кондратова Т. И.* Введение в китайскую литературу: от древности до наших дней. М.: ВКН, 2022. 448 с.

Ирисханова 2014 — *Ирисханова О. К.* Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014. 319 с.

Озюменко, Ларина 2021 — *Озюменко В. И., Ларина Т. В.* Угроза и страх: прагматические цели эмоционализации в медийном дискурсе // Russian Journal of Linguistics. 2021. Т. 25. № 3. С. 746–766. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-3-746-766

Киклевич 2022 — *Киклевич А.* Типология прагматических импликаций с точки зрения взаимодействия между прагматикой и семантикой // Russian Journal of Linguistics. 2022. Т. 26. № 1. С. 139–161. DOI: 10.22363/2687-0088-26538

Козлова 2020 — *Козлова Л. А.* Метафора как отражение этнокультурной детерминированности когниции // Russian Journal of Linguistics. 2020. Т. 24. № 4. С. 899–925. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-899-925

Сажина, Семак 2019 — *Сажина Е. В., Семак Д. С.* «Эмоциональность» и «эмотивность» в лингвистике: к разграничению понятий // Эпоха науки. 2019. № 20. С. 565–568.

Спешнев 2017 — *Спешнев Н. А.* Китайцы: особенности национальной психологии. СПб.: КАРО, 2017. 336 с.

Сунь, Калинин, Игнатенко 2021 — *Сунь Ю., Калинин О. И., Игнатенко А. В.* Использование индексов метафоричности для анализа речевого воздействия метафоры в текстах публичных выступлений политиков // Russian Journal of Linguistics. 2021. Т. 25. № 1. С. 250–277. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-250-277

Трубкина 2020 — *Трубкина А. И.* Коммуникативно-прагматический потенциал эмотивности в художественном тексте // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 1(30). С. 312–314.

Хуа 2014 — *Хуа Ю.* Жить / пер. с кит. Р. Шапиро, ред. О. Липкин. М.: Текст, 2014. 190 с.

Ферт-Годбехер 2022 — *Ферт-Годбехер Р.* Эмоции: великолепная история человечества. М.: МИФ, 2022. 320 с.

Шаховский 1987 — *Шаховский В. И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. 190 с.

Шаховский 2008 — *Шаховский В. И.* Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.

Bull, Waddle 2021 — *Bull P., Waddle M.* «Stirring it up!» Emotionality in audience responses to political speeches // Russian Journal of Linguistics. 2021. Vol. 25. № 3. Pp. 611–627. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-3-611-627

Dobrosklonskaya 2021 — *Dobrosklonskaya T. G.* Markers of emotionality in Russian news coverage of the 75-th anniversary of WWII Victory // Russian Journal of Linguistics. 2021. Vol. 25. № 3. Pp. 705–722. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-3-705-722

Way 2021 — *Way L. C.* Trump, memes and the Alt-right: Emotive and affective criticism and praise // Russian Journal of Linguistics. 2021. Vol. 25. № 3. Pp. 789–809. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-3-789-809

Wierzbicka 1995 — *Wierzbicka A.* Emotion and Facial Expression: A Semantic Perspective // Cultural and Psychology. Vol. 1. Iss. 2. 1995. Pp. 227–258.

Zappettini, Ponton, Larina 2021 — *Zappettini F., Ponton D. M., Larina T. V.* Emotionalisation of contemporary media discourse: A research agenda // Russian Journal of Linguistics. 2021. Vol. 25. № 3. Pp. 586–610. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-3-586-610

活着 2014 — 余华. 活着. 作家出版社. 2014. 191 页. (= Yu Hua. *Huozhe.* Zuojia chubanshe, 2014. 191 p.).

References

Bull P., Waddle M. “Stirring it up!” Emotionality in audience responses to political speeches. *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Vol. 25. No. 3. Pp. 611–627. DOI:10.22363/2687-0088-2021-25-3-611-627. (In Eng.)

Buyanova L. Yu., Nechay Yu. P. Emotivity and Emotiogenity of Language: Explication and Conceptualization Tools. Moscow: Flinta, 2021. 232 p. (In Russ.)

Dobrosklonskaya T. G. Markers of emotionality in Russian news coverage of the 75-th anniversary of WWII Victory. *Russian Journal of Linguistics.* 2021. Vol. 25. No. 3. Pp. 705–722. DOI:10.22363/2687-0088-2021-25-3-705-722. (In Eng.)

Firth-Godbehere R. A Human History of Emotion: How the Way We Feel Built the World We Know. Moscow: MIF, 2022. 320 p. (In Russ.)

Ignatenko A. V. Features of the language game in Liu Zhenyun’s prose on the example of the novel “I Am not Pan Jinlian”. *Vestnik of Saint Petersburg University*. Asian and African Studies. 2022. Vol. 14. No. 3. Pp. 507–523. DOI: 10.21638/spbu13.2022.308. (In Russ.)

Ignatenko A. V. Features of parenthetical constructions in Mo Yan’s novel “Tired of Being Born and Dying” (2005). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2023. Vol. 22. No. 4: Oriental Studies. Pp. 115–126. DOI: 10.25205/1818-7919-2023-22-4-115-126. (In Russ.)

Ignatenko A. V., Kondratova T. I. An Introduction to Chinese Literature: From Ancient Times to Present Days. Moscow: VKN, 2022. 448 p. (In Russ.)

Iriskhanova O. K. Focus Game in Language: Semantics, Syntax and Pragmatics of Defocusing. Moscow: Yazyki Slavyanskoy Kultury, 2014. 319 p. (In Russ.)

Kiklewicz A. Typology of pragmatic implications from the point of view of interaction between pragmatics and semantics. *Russian Journal of Linguistics*. 2022. Vol. 26. No. 1. Pp. 139–161. DOI: 10.22363/2687-0088-26538. (In Russ.)

Kozlova L. A. Metaphor as the refection of culture determined cognition. *Russian Journal of Linguistics*. 2020. Vol. 24. No. 4. Pp. 899–925. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-4-899-925. (In Russ.)

Ozyumenko V. I., Larina T. V. Threat and fear: Pragmatic purposes of emotionalisation in media discourse. *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Vol. 25. No. 3. Pp. 746–766. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-3-746-766. (In Russ.)

Sazhina E. V., Semak D. S. «Emotionality» and «emotivity» in linguistics: To distinguish the notions. *Epokha nauki (Era of Science)*. 2019. No. 20. Pp. 565–568. (In Russ.)

Shakhovsky V. I. Lexical-Semantic System of Language: Categorizing Emotion. Voronezh: Voronezh State University, 1987. 190 p. (In Russ.)

Shakhovsky V. I. Linguistic Theory of Emotion. Monograph. Moscow: Gnozis, 2008. 416 p. (In Russ.)

Speshnev N. A. The Chinese: Distinct Features of Ethnic Psychology. St. Petersbrug: KARO, 2017. 336 p. (In Russ.)

Sun Yu., Kalinin O. I., Ignatenko A. V. The use of metaphor power indices for the analysis of speech impact in political public speeches. *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Vol. 25. No. 1. Pp. 250–277. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-1-250-277. (In Russ.)

Trubkina A. I. Communicative-pragmatic potential of emotionality in a literary text. *Baltic Humanitarian Journal*. 2020. Vol. 9. No. 1 (30). Pp. 312–314. (In Russ.)

Way L. C. Trump, memes and the Alt-right: Emotive and affective criticism and praise. *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Vol. 25. No. 3. Pp. 789–809. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-3-789-809. (In Eng.)

Wierzbicka A. Emotion and facial expression: A semantic perspective. *Culture & Psychology*. 1995. Vol. 1. No. 2. Pp. 227–258. (In Eng.)

Yu Hua. To Live. Beijing: Zuòjiā chūbǎn shè, 2014. 191 p. (In Chin.)

Yu Hua. To Live. R. Shapiro (transl.), O. Lipkin (ed.). Moscow: Tekst, 2014. 190 p. (In Russ.)

Zappettini F., Ponton D. M., Larina T. V. Emotionalisation of contemporary media discourse: A research agenda. *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Vol. 25. No. 3. Pp. 586–610. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-3-586-610. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 16, Is. 4, Pp. 1015–1031, 2023
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

УДК / UDC 1751 (= 82-1/-9/. 82-1 /. 82-13)
DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-1015-1031

Приемы создания портрета главного героя в якутском эпосе (на материале текстов олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского и «Строптивый Кулун Куллустуур» И. Г. Тимофеева-Теплоухова)

Гульнара Егоровна Саввинова[1]

[1] Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (д. 42, ул. Кулаковского, 677000 Якутск, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
0000-0001-9868-4962. E-mail: savgul6767[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2023
© Саввинова Г. Е., 2023

Аннотация. *Введение*. Статья посвящена исследованию приемов создания портретов главного героя на примере текстов якутских олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» (1920–1930) П. А. Ойунского и «Строптивый Кулун Куллустуур» (1906) И. Г. Тимофеева-Теплоухова. Олонхо сказителя И. Г. Тимофеева-Теплоухова, по определению эпосоведа Н. В. Емельянова, относится к ранним типам архаического эпоса. Олонхо якутского писателя П. А. Ойунского является первым литературным, художественно-обработанным эпосом. В статье впервые предпринимается изучение особенностей применения приемов портрета-описания героя, функционирующих в записях П. А. Ойунского и И. Г. Тимофеева-Теплоухова. *Актуальность* исследования обусловлена тем, что сравнение текстов эпоса «Нюргун Боотур Стремительный» и раннего типа олонхо «Строптивый Кулун Куллустуур» позволяет проследить использование приемов создания портретов главных героев, и это, с одной стороны, ярко демонстрирует неповторимость художественного мира каждого из этих сказителей-авторов, а с другой — дает представление о развитии, об усложнении портрета-описания в эпосе, более глубоком его ассоциативном наполнении. *Цель* исследования заключается в выявлении особенностей приемов создания портрета главного героя в олонхо П. А. Ойунского и И. Г. Тимофеева-Теплоухова, их функционирования, а также отражения национальной специфики в портретных характеристиках. Для достижения цели решались следующие *задачи*: классифицировать портретные описания; охарактеризовать виды приемов и их функций в портрете-описании главного героя; выявить устойчивые формулы в создании образов героев; определить специфику портретирования как одного из главных приемов создания эпического героя. Кратко характеризуются существующие виды эпического портрета, их функции и особенности; рассматриваются изобразительные средства, служащие раскрытию характеров героев. В *результате* исследования

в текстах олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» и «Строптивый Кулун Куллустуур» установлена повышенная устойчивость портретов-описаний, в которых варьируется периферийная часть (эпитеты, способствующие выразительному и эмоциональному изображению героев). Отмечается многофункциональность, широта семантического поля портрета-описания; определяется его место среди существующих приемов создания эпического героя. Раскрывается идеализация героев посредством описаний внешности, изобилующих сравнениями, повторами, оценочными эпитетами. Рассматривается историческая изменчивость портретирования в олонхо П. А. Ойунского в зависимости от эпохи, художественного метода писателя. Особое внимание П. А. Ойунский уделяет художественной детали, в контексте народной традиции. Обнаружено, что изучение приемов создания портрета героев способствует выявлению новаторских приемов, которые использовал П. А. Ойунский в создании олонхо «Нюргун Боотур Стремительный».

Ключевые слова: якутский героический эпос олонхо, главный герой, приемы, портрет-описание, портретирование, деталь, специфика стиля, литературная обработка

Для цитирования: Саввинова Г. Е. Приемы создания портрета главного героя в якутском эпосе (на материале текстов олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского и «Строптивый Кулун Куллустуур» И. Г. Тимофеева-Теплоухова) // Oriental Studies. 2023. Т. 16. № 4. С. 1015–1031. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-1015-1031

Techniques for Portraying a Main Character in Yakut Epic: Investigating Olonkho Texts of *Nyurgun Bootur the Swift* by P. Oyunsky and *Kulun Kullustuur the Obstinate* by I. Timofeev-Teploukhov

Gulnara E. Savvinova[1]

[1] Ammosov North-Eastern Federal University, Research Institute of Olonkho (42, Kulakovsky St., 677000 Yakutsk, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate
0000-0001-9868-4962. E-mail: savgul6767[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2023
© Savvinova G. E., 2023

Abstract. *Introduction*. The article examines Yakut heroic *olonkho* epics — *Nyurgun Bootur the Swift* by P. Oyunsky and *Kulun Kullustuur the Obstinate* by I. Timofeev-Teploukhov — for techniques employed to create portraits of main characters. According to N. Yemelyanov, the olonkho Kulun Kullustuur the Obstinate recorded from taleteller I. Timofeev-Teploukhov clusters with earliest patterns of archaic epic, while that of Yakut writer P. Oyunsky (Nyurgun Bootur the Swift) is the first literary adaptation of olonkho texts. The study attempts an insight into how and which particular portrayal techniques were used by P. Oyunsky and I. Timofeev-Teploukhov to depict main characters of theirs. The comparative approach to the narratives recorded in different periods shall make it possible to trace the use of portrayal techniques, which shall underline the unique artistic features characterizing each of the taletellers, and show how such portrayal patterns developed to gain deeper associative essentials in further olonkho texts. *Goals*. The study aims to identify some distinct features inherent to the techniques of creating main characters' portraits in the olonkhos *Nyurgun Bootur the Swift* and *Kulun Kullustuur the Obstinate*, and outline ethnic specifics in portrayal characteristics. To facilitate this, the paper shall classify portrayals, articulate types of techniques and their functions in portraying a main character, identify stable formulas employed to depict heroes, determine specific features of portrayal as a key technique for the making of an epic hero. The work reviews the existing types of epic portraits, their functions and attributes, examines some visual means serving to unveil the images of main characters. *Results*. The study attests to the examined narratives are characterized by an increased stability of depictive portrayals with peripheral parts (artistic and emotional epithets)

tending to vary. Each such depictive portrayal proves multifunctional, semantically wide, and technically relevant. The descriptions of the heroes' appearances are somewhat idealized and rich in comparisons, repetitions, evaluative epithets. Portrayal agendas of P. Oyunsky vary through history and depend on actual artistic methods and style employed by the author who pays special attention to fictional details depicted in the context of folk traditions. The study of the techniques helps identify which innovative tools P. Oyunsky used when he was creating his Nyurgun Bootur the Swift.

Keywords: Yakut heroic olonkho epic, main character, techniques, depictive portrait, portrayal, detail, specifics of style, literary adaptation

For citation: Savvinova G. E. Techniques for Portraying a Main Character in Yakut Epic: Investigating Olonkho Texts of *Nyurgun Bootur the Swift* by P. Oyunsky and *Kulun Kullustuur the Obstinate* by I. Timofeev-Teploukhov. *Oriental Studies*. 2023; 16(4): 1015–1031. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-1015-1031

1. Введение

Портрет в эпосе — это одно из средств художественной характеристики, состоящее в идейном отношении к герою через изображение внешнего вида героя. В гуманитарном познании портрет главного героя в произведении является одним из ключевых, отражающих человеческую деятельность в предметах материального и духовного мира. Следовательно, портретное описание нельзя привязывать лишь к предметному миру, к одному узкому изучению. Вследствие этого оно должно трактоваться шире, масштабнее.

Среди всех жанров устного народного творчества портретное описание находит более распространенное использование в эпических произведениях. Представление героя в эпических произведениях, как и литературного героя, достигается различными художественными приемами, например: описание «поведения героя», при этом следует сочетать «не только изображающую, но и оценочную функцию» [Есин 2000: 51], что будет «способствовать формированию целостности образа героя» [Абдуллина 2014: 1343–1347] и др.

Исследования последних лет подтвердили, что главной характеристикой образа является его языковая составляющая, под которой понимаются изобразительно-выразительные средства языка, используемые для создания образа [Опарина 2017: 152].

К. Л. Сизова конкретизирует портретное описание, утверждая, что оно содержит такие детали характеристики героя как: черты лица, голос персонажа, одежда и др. [Сизова 1995: 152]. По мнению А. Б. Есина, портрет-описание может содержать в себе дополнительно множество компонентов и выполнять различные функции [Есин 2000: 51].

Н. А. Родионова считает, что целью портрета-представления является знакомство читателя с персонажем, поэтому он часто находится в начале текста. В портрете-оценке семантически значимым являются ощущения наблюдателя, в роли которого выступает повествователь или другой персонаж [Родионова 1999: 45].

Таким образом, каждая деталь несет определенную идейно-эмоциональную нагрузку. В. А. Кухаренко объясняет: «Деталь — выделение одной характеристики объекта или явления для воссоздания (воспринимающим. — *Г. С.*) всей картины изображаемого в ее целостности и полноте» [Кухаренко 1988: 17]. Следовательно, детальное, подробное описание дает создателям произведения всеобъемлющую возможность по обогащению образа.

Немало работ литературоведов и эпосоведов посвящено характеристике внешности главного героя в олонхо П. А. Ойунского «Нюргун Боотур Стремительный» [Ойунский 1982: 431]. Основной материал, имеющий теоретический характер, изложен в трудах литературоведа и эпосоведа И. В. Пухова [Пухов 2016: 46; Пухов 1962: 255]; изучение эпических образов занимает значительное место в научных трудах якутских исследователей В. Т. Петрова,

Л. Д. Нестеровой, В. П. Еремеева, Н. В. Покатиловой, Н. А. Оросиной [Петров 1978: 97–100; Нестерова 1978: 159–162; Еремеев 1980: 53–59; Покатилова 2000: 40; Покатилова 2018: 127–134; Покатилова, Оросина 2018: 24–25] и др.

Выявление специфики эпических портретов-описаний представляют исследования А. Н. Даниловой, А. Ф. Корякиной, С. Д. Львовой, Л. Н. Герасимовой [Данилова 2008: 21; Корякина 2018: 83–90; Львова 2021: 202–216; Герасимова, Львова 2016: 52–64] и др.

Эпический образ в якутском олонхо сложно представить без портрета-описания. Несомненно, мы понимаем, что объять необъятное невозможно, особенно когда речь идет о видах стилевых приемов портретирования героев в эпических произведениях. Вместе с тем портрет эпического героя становится предметом исследования не только с точки зрения эпосоведения, но и «с литературоведческой и с лингвистической точек зрения, делая его не только многофункциональным, но и многоаспектным» [Малетина 2004: 181]. Таким образом, жанры эпических произведений «дают более широкую платформу для создания сложного многокомпонентного» [Шинкевич 2017: 83–97] портрета эпического героя.

Остановимся на тех аспектах, которые касаются анализа оценочного, ситуативного портретов [Беспалов 2001: 160]: портрета-описания, портрета-сравнения и характеристического портрета [Есин 2000: 163; Малетина 2004: 181].

2. Материалы и методы исследования

В данной работе впервые проблемы приемов создания портрета главного героя рассматриваются на материале якутского героического эпоса олонхо. Для выявления приемов создания портретов главных героев нами представлено сравнение текстов олонхо «Дьулуруйар Ньургун Боотур» («Нюргун Боотур Стремительный», далее — НБС) П. А. Ойунского и раннего типа олонхо «Куруубай Хааннаах Кулун Куллустуур» («Строптивый Кулун Куллустуур», далее — СКК) И. Г. Тимофеева-Теплоухова. Исследование приемов создания портрета героя основывается на теоретических положениях отечественных фольклористов, литературоведов: А. Н. Веселовского [Веселовский 2004], В. Е. Хализева [Хализев 1999], В. П. Аникина [Аникин 2007], У. Б. Далгат [Далгат 1981], В. М. Гацака [Гацак 1989]. Работа выполнена с использованием методологии текстологического исследования, включающей сравнительно-исторические методы, описательный метод, а также когнитивный подход.

Среди наиболее популярных якутских олонхо сказания с названием «Нюргун Боотур» занимают особое место. Нюргун Боотур является образцом богатыря-защитника племен, который воспет олонхосутами на территории бывшего Ботурусского улуса, по определению В. В. Илларионова, «таттинской школы сказителей» [Илларионов 1982: 27].

Основоположник якутской литературы, писатель, поэт, олонхосут П. А. Ойунский родом из Таттинского улуса, впервые в истории якутской литературы он поэтически обработал, воссоздал и издал вариант олонхо «Дьулуруйар Ньургун Боотур» («Нюргун Боотур Стремительный», 1920–1930 гг.). Это авторское литературное олонхо писателя П. А. Ойунского, первое в истории. Вслед за ним создали литературные олонхо якутские писатели Эрилик Эристиин, Кюннюк Урастыров, С. С. Васильев. «Знаток и почитатель фольклора П. А. Ойунский был пленен многообразием сюжетов олонхо, легенд и преданий, снова и снова обращается к ним, переосмысливает, ищет формы и структуры зарождающейся литературной традиции…» [Гоголева 1996: 6]. Поддерживая традиционную точку зрения в создании олонхо, П. А. Ойунский искал способы внести эволюцию в эпический текст, вместе с тем «стремился утвердить генетическую связь письменной литературы с эпическим произведением (подчеркнуто мной. — *Г. С.*)» [Степанова 2022: 139].

В 1906 г. этнограф В. Н. Васильев записал у олонхосута Иннокентия Гурьевича Тимофеева-Теплоухова (1869–1962) «Куруубай Хааннаах Кулун Куллустуур» («Строптивый Кулун Куллустуур») [Тимофеев-Теплоухов 1985].

В 1911 г. в «Образцах народной литературы якутов» (под редакцией Э. К. Пекарского) [Образцы 1911] на якутском языке было опубликовано олонхо «Строптивый Кулун Куллустуур» И. Г. Тимофеева-Те-

плоухова. В 1985 г. оно было переиздано с переводом на русский язык в серии «Эпосы народов СССР» [Тимофеев-Теплоухов 1985].

По определению Н. В. Емельянова, олонхо «Строптивый Кулун Куллустуур» относится к ранним типам архаического эпоса [Емельянов 1983: 57]. Установлено, что олонхо «Строптивый Кулун Куллустуур» И. Г. Тимофеев-Теплоухов усвоил от олонхосутов центральных улусов, в частности, от олонхосута Николая Афанасьевича Каприна. В 1895 г. лексикограф-этнограф С. В. Ястремский со слов олонхосута, уроженца 2-го Оспекского наслега Дюпсюнского (ныне Усть-Алданского) улуса Якутского округа Н. А. Каприна записал первый вариант текста олонхо «Вороным конем владеющий, в оборотничестве искусившийся Кулун Куллустуур» и перевел в прозаической форме на русский язык [Ястремский 1929: 56–76].

В настоящей статье классифицируются портретные описания главных героев в олонхо НБС и СКК, в которых приводится детальный анализ различий портретов главных героев, а также приемы создания портрета героя при помощи невербальных средств. Рассматривается вопрос о том, что писатель-сказитель П. А. Ойунский, принципиально стремясь выразить общее народное, внес в текст НБС авторский замысел.

П. А. Ойунский занимался созданием своего олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» в период расцвета национальной якутской литературы — в 1920–1930-е гг. Он создал свое произведение на нескольких сюжетах ранних олонхо (за период до начала XX в.). В основу олонхо автором заложен также сюжет сказителя Иннокентия Гурьевича Тимофеева-Теплоухова «Куруубай Хаанаах Кулун Куллустуур» («Строптивый Кулун Куллустуур») (1906).

Цель проведенного исследования заключается в выявлении создания портрета главного героя в олонхо НБС и СКК. Для достижения цели предполагается решить следующие задачи:

– выявить устойчивые формулы в текстах олонхо НБС и СКК с учетом их стадиального развития;

– охарактеризовать виды приемов и их функций в описании главного героя.

3. Приемы создания портретов главных героев в текстах олонхо НБС и СКК

В якутском героическом эпосе олонхо главный действующий персонаж — богатырь айыы (*айыы* — миф., фольк. ‘доброе божество’) изображается как идеальный герой, как объект восхищения и воспевания. Для более детального анализа основных сходных и различных свойств в портрете-описании, их употребления используем тексты олонхо НБС и СКК. Сравниваемые образы главных героев представлены в табл. 1.

Таблица 1. Сопоставительный анализ образов главных героев в НБС и СКК

[*Table 1*. Images of main characters in *Nyurgun Bootur the Swift* and *Kulun Kullustuur the Obstinate*]

Основные данные сравниваемых образов главных героев					
Название олонхо	Место обитания персонажа	Родовое происхождение	Маркирующий индивид	Имя персонажа	Показатель сословного статуса
Нюргун Боотур Стремительный (НБС)	В Верхнем мире, на склоне бурных небес; в Среднем обитаемом мире; на просторах праматери, долины Кыладыкы	Родился от Айынга Сиэр Тойона и Айыы Нуоралджын Хотуна	Владеющий вороным конем, Стоя рожденный На грани небес, Стремительный Нюргун Боотур	Нюргун Боотур Стремительный	Богатырь

Строптивый Кулун Куллустуур (СКК)	В Верхней Сибири названным; в Нижнем мире названным, в Среднем же мире названным [о месте рождения. — *Г. С.*]	Родился от младшего брата Юрюнг Айыы Тойона — Грозного Джёсёгея и Джюсюлю Хотун	Владеющий конем: Огненный Рыжий конь, Который, резвясь, мотает головой; Буйный Рыжий конь, Который, резвясь, Перебирает ногами; Вихревой Рыжий конь, Который, резвясь, Помахивает хвостом	Строптивый Кулун Куллустуур (жеребец быстроногий и резвый)	Богатырь

Синтагматическая последовательность представления главных героев начинается: в СКК — во вступительной части текста, в НБС — только в разделе «Стих 18». Впервые Нюргун Боотур представлен не с описания его внешнего облика, а с повествования о его рождении на свет. Такое развернутое описание связано со стремлением автора эстетизировать ситуативный момент в «биографии» главного героя. Появление на свет Нюргуна напрямую связано с внешними обстоятельствами, рождая в олонхо мотив и действие. Так, в Песне 1 (стих 18) автор применяет отступление: «каков он собой, если спросят…» для того, чтобы выделить начало описания действующего лица — богатыря Нюргуна. Далее следует изображение героя в младенчестве: … как малышом-ползунком, /…угрожал он нижнему миру, / что разрушит его… [Ойунский 1982: 41].

В основу техники описания героя положены разные основания. В изучении портретирования героя считаем целесообразным опираться на классификацию портретных описаний: 1) *портрет-представление* (внешние данные богатыря, т. е. портрет-знакомство); 2) *портрет-оценку* (или портрет-понимание); 3) *ситуативный портрет* (богатырь в действии).

Известно, что в якутском устном творчестве наивысшую степень художественно-изобразительных средств может вобрать в себя только эпическое произведение — олонхо. При создании эпического образа наиболее частотными языковыми средствами выступают такие художественно-изобразительные средства, как эпитеты, сравнения, повторы, гипербола и др. Наиболее распространенный троп в якутском олонхо — это эпитеты. Встречающиеся в олонхо П. А. Ойунского и И. Г. Тимофеева-Теплоухова постоянные эпитеты относятся к изображению богатырей. В большинстве случаев в описании используются устойчивые «украшающие» эпитеты. Об этом Е. М. Мелетинский писал: «Постоянные эпитеты, в широком смысле, имеют характер украшения. Такие эпитеты определяют существительное и выражают общие [идеально-образцовые и нормальные] особенности предмета» [Мелетинский 1968: 368].

В тексте якутского олонхо среди многообразия портретов-описаний основополагающим является определенный канон о чертах лица богатыря. Рассматриваемые нами тексты олонхо богаты устойчивыми формулами. Основным материалом для изучения устойчивости и изменения описаний в настоящей работе послужили шесть описательных конструкций, функционирующих в текстах НБС и СКК. Приступим к сопоставительному анализу портретов-описаний, которые информативными представляются на языке оригинала (см. табл. 2).

Таблица 2. Описание лица героя в НБС и СКК
[*Table 2*. Descriptions of the main character's face
in *Nyurgun Bootur the Swift* and *Kulun Kullustuur the Obstinate*]

Портрет-представление: описание лица героя: (вариации эталона описания в олонхо НБС и СКК)		
СКК	*Хара саһыл кыылы* *Хайыта-тырыта быстаалаан* *Харах-хаас онорбут курдук,* *Халбалдьыгас хара көмүс* *Хаастаах-харахтаах эбит* [Тимофеев-Теплоухов 1985: 8–9]	У него черненого серебра брови и глаза, Словно брови и глаза сладили ему, Распластав на две половины Черную лисицу, которая выросла, Скрываясь в отдаленном темном лесу [Тимофеев-Теплоухов 1985: 286]
НБС	*Харса олорор курдук* *Хара субул хаастаах эбит...* [Ойуунускай 2003: 104]	Черные длинные брови его — Будто сшиблись рогами Два черных быка [Ойунский 1982: 89]

Как показывает анализ материала, портрет героя содержит описания, создающие общность характеристики природного мира и человека. Очевидно, в авторском отношении к природе заложены «установочные ценностные позиции (смысловые ориентиры)» [Исакова 2001: 79].

Устойчивость в «*описании лица героя*» высока, так как в обоих текстах объекты описания не претерпели изменения — *уостаах* ‘с губами’, *хаастаах* ‘с бровью’, *харахтаах* ‘с глазами’. Вместе с тем в языковом оформлении отличается эпитет составной части объекта описания в тексте СКК. Так, вместо *уһуктаах уостаах*, что означает ‘губы остры’ [Ойунский 1982: 89], использованы прилагательные-эпитеты в развернутой форме и сравнения: *у него такие ладные зубы и губы / словно зубы и губы ему сладили / на части раскроив / лисицу* [Тимофеев-Теплоухов 1985: 5–6]. Здесь подчеркнуто описание губ главного героя, а основанием для сопоставления служат *ладные губы и зубы* богатыря. Из этого следует, что в описании такая вариация вносит значительное отличие.

В процессе антропосоциогенеза человек постепенно стал обнаруживать в себе способность любоваться красотой природы. Справедливо отмечено исследователями, что «такой способ характеристики героев эпоса расценивается как самый архаичный первичный способ изображения» [Кузьмина, Арбачакова, Шулбаева 2020: 28]. Точеные черты лица Нюргуна и Кулун Куллустуура несоразмерны с их богатырским гигантским телосложением, с их воинственным вспыльчивым нравом: *уһуктаах уостаах / хатааһыннаах хара чаҕыл, …харахтаах эбит* ‘губы остры, / глаза у него, / как два блестящих луча’ [Ойунский 1982: 89]; … *обугур-чобугур / уостаах-тиистээх эбит* ‘у него такие ладные зубы и губы’; *халбалдьыгас хара көмүс / харахтаах-хаастаах эбит* ‘у него подвижные такие / черненого серебра глаза и брови’ [Тимофеев-Теплоухов 1985: 5–6].

Именно идеальные черты лица, органично введенные в эпический текст, раскрывают добросердечность богатырей, а глаза излучают тепло их души. Вместе с тем, если П. Ойунский в описании лица ограничивается прямым сравнением: ‘глаза у него горят, / как два блестящих луча, / губы остры…’ [Ойунский 1982: 89], то И. Г. Тимофеев-Теплоухов развивает свое описание в развернутом сравнении — в 18 стихотворных строках.

Сравнительно-уподобительные конструкции в описании нечеловеческой физической силы главного героя — одна из самых распространенных устойчивых формул в якутском олонхо. Сравнительно-уподобительные конструкции часто становятся основанием в характеристике положительных персонажей. Устойчивые формулы сравнительных конструкций являются основными образными средствами, что, как отмечает В. А. Маслова, «способны дать ключ к разгадке национального сознания» [Маслова 2001: 145]. Имеющее множество вариантов описания частей тела героя оформляется также и в виде метафоры (см. табл. 3).

Таблица 3. Описание частей тела героя
[*Table 3*. Descriptions of main character's body parts]

Портрет-представление: описание частей тела героя: (вариации эталона описания в олонхо НБС и СКК)		
СКК	*Суллаабыт тиит курдук* *Ньондо-хаан сотолоох* [Тимофеев-Теплоухов 1985: 9]	мощные ноги его — Словно лиственница со снятой корой [Тимофеев-Теплоухов 1985: 287]
НБС	*…Уолах тиитим уһун дүлүҥүн* *Ууран-тутан усталаабыт курдук* *Ньодо дьороҕор сотолоох эбит* [Ойуунускай 2003: 104–105]	… Голени его, Как два толстых длинных бревна Молодых лиственниц [Ойунский 1982: 89]

При сопоставлении вариантов НБС и СКК становится ясным, что основой формулы является двухчленный параллелизм — гиперболичные описания-сравнения богатырских *сото* 'голени' и *сарын* 'плечи' по отдельности с деревьями, со стволами деревьев. В данных фрагментах в основе формулы объект описания-сравнения — *сото-сото суллаабыт тиит курдук* 'его мощные ноги, словно со снятой корой лиственница' [Тимофеев-Теплоухов 1985: 287] претерпел изменения: *уолах тиитим уһун дүлүҥүн / ууран-тутан усталаабыт курдук / ньодо дьороҕор сотолоох эбит* 'голени его, / как два толстых длинных бревна / из молодых очищенных лиственниц' [Ойунский 1982: 89]. Лиственница, часто используемая лексема в якутском олонхо, является выразительным символом-аллюзией. По мнению Л. Л. Габышевой: «В разграничении дендрологических символов, как женских и мужских, эксплицируется роль знания характерных особенностей и отличий деревьев. Например, такие известные качества лиственницы, как высокая твердость и прочность древесины (…), можно переосмыслить метафорически как типичные черты молодого мужчины» [Габышева 2019: 80].

Такие устойчивые формулы в СКК, как *алта былас / дарайар сарыннаах* 'с плечами — в шесть саженей маховых' [Тимофеев-Теплоухов 1985: 287], наблюдаются и в тексте НБС. Вместе с тем П. А. Ойунский обстоятельно «отшлифовывает» каждую деталь: *алта былас холобурдаах / аманаат дараҕар сарыннаах* 'в плечах непомерно широк — в шесть маховых саженей' [Ойунский 1982: 89]. Примечательно, что в варианте НБС сохранены слова в устаревшем значении (в данном примере *аманаат* — имеющий широкие шестисаженные плечища (обращающие на себя внимание) [Словарь 2008: 97]).

В традиции олонхо существует несколько способов выражения сравнения с помощью сравнительных конструкций со словами: *саҕа* 'величиною с, ровно'; *курдук* 'как, подобно, словно', а также «с помощью союзного слова *тэҥэ*, аффикса *-лыы*, с помощью падежных показателей и др.» [Ойуунускай 2003: 11]. Многократное употребление союзных слов *курдук* и *саҕа* объясняется их синтаксической и семантической универсальностью [Герасимова, Львова 2016: 63].

Одним из средств, наиболее обработанных П. А. Ойунским, стал внешний вид богатыря Нюргуна: не столько сам тип портрета, а сколько техника его создания. П. А. Ойунский как писатель, поэт, рисуя своего героя, предпочтение отдает скрупулезному описанию телосложения богатыря. Н. В. Покатилова и Н. А. Оросина отмечают, что якутский писатель П. А. Ойунский «впервые в процессе формулообразования пользуется традиционной системой как материалом, создавая при этом сложное, формульно-метрическое образование нового, окказионального смысла» [Покатилова, Оросина 2018: 24].

Если обратить внимание на формальное считывание стихотворных строк на языке оригинала, то «объемен» портрет-описание богатыря Нюргуна, которое охватывает 44 стихотворных строки, а в описании И. Г. Тимофеева-Теплоухова — 24 строки. Как пишут Д. М. Балашов и Т. А. Новичкова: «Огромность героев, изображенных средствами внешней гиперболизации, на деле, в самом эпическом действии, оказываются, скорее, выражением их духовной

мощи» [Балашов, Новичкова 2001: 25]. Вместе с тем нужно отметить, что ввиду того, что олонхо И. Г. Тимофеева-Теплоухова является ранним олонхо, его можно признать исходным материалом для портрета-описания во многих олонхо, в частности в олонхо П. А. Ойунского.

Своего рода опорными звеньями, скрепляющими создание образа, служат такие эпические приемы, как многократное повторение. Анализ показывает, что особенность повторов определяется «движением от аллитерационного повтора в сторону его орнаментализации, а также появлением других видов повторов типа корневой рифмы» [Покатилова, Оросина 2018: 24].

В текстах НБС и СКК эвиденциальные конструкции с частицей *эбит* ‘оказывается’, *көстөр* ‘видно’ являются «одной из активно использующихся форм предложений, что связано с пересказывательным эпическим характером» [Ефремов 2011: 55]. Многочисленное повторение в портретировании богатырей Нюргуна и Кулун Куллустуура предназначено для создания впечатления их монументальности и важности. Часто используются распространенные и многократные повторения, а также сравнения, например: *...баай тиитим бастыҥ дүлүҥүн / балтаччы ууран барылла-абыт кудук / барылы ньыгыл быччыҥнаах эбит...* ‘огромен он, как утес, /… его мышцы, / корни вековых лиственниц будто’ [Ойунский 1982: 89]; *...сэттэ маһынан аттаран оҥорбут / халҕан кудук / нанаҕар кэтит түөстээх эбит* [Тимофеев-Теплоухов 1985: 9] ‘словно сделанная из семи лесин / его широкая грудь выпяченная’ [Тимофеев-Теплоухов 1985: 287].

Повторения не преследуют чисто механических целей, а выполняют композиционную роль. Очевидно, в портрете-описании П. А. Ойунского акцент делается на чередование стиха: описание лица – фигуры – лица – фигуры. Вместе с тем у И. Г. Тимофеева-Теплоухова описание композиционно упорядочено по схеме: лицо – фигура. Здесь уместны объяснения Н. В. Покатиловой и Н. А. Оросиной, что «каким бы ни было происхождение отдельных приемов, взятых в своей совокупности, они предстают как система, которая в свою очередь является целенаправленной трансформацией имеющегося традиционного поэтического языка» [Покатилова, Оросина 2018: 24].

П. А. Ойунский посвятил немало стихотворных строк описанию лица Нюргуна — 18 стихотворных строк, телосложения — 48 строк; И. Г. Тимофеев-Теплоухов — лицу героя — 21 стихотворную строку; телосложению — 30 строк.

Функция *портрета-ситуации* связана с изображением внешности богатыря, обусловленной конкретной ситуацией. В характеристике персонажей Г. Р. Хусаиновой выделен параметр «следствия жестов, движений, эмоций», которые, как отмечает исследователь, «имеют древний характер» [Хусаинова 2017: 196].

Рассмотрим портрет главных героев сквозь призму их поступков и деяний (см. табл. 4).

Таблица 4. Действия героев в НБС и СКК

[*Table 4*. Actions of main characters in *Nyurgun Bootur the Swift* and *Kulun Kullustuur the Obstinate*]

Ситуативный портрет (действия героев): *герой в ярости* (вариации эталона описания в олонхо НБС и СКК)		
СКК	*...Икки хараҕын уота Уоттаах хатат уотун курдук Таҥнары таммалаан түстэ* [Тимофеев-Теплоухов 1985: 22–23]	Из обоих глаз у него посыпались искры, Словно из кремнистого огнива [Тимофеев-Теплоухов 1985: 299]
НБС	*... Хаҥас хараҕа Хааннааҕынан хаһылыччы көрбүтүнэн...* [Ойуунускай 2003: 126]	… Левый глаз его засверкал, налившись кровью… [Ойунский 1982: 106]

Эмоциональная окрашенность показана в ярости героев, в которой сравнение с природными явлениями становится главным действующим приемом. И. Г. Тимофеев-Теплоухов и П. А. Ойунский, прибегая к древнейшему стилистическому приему сравнения с растительным и животным миром, выявляют ментальные и эстетические ценности. В НБС и СКК обращается внимание не только на сущность поступков героев, но и на манеру совершения действий. Например, объектом сравнения выступает *кыыһырбыт* ‘рассвирепел, разгневался’, т. е. образное состояние богатыря, воспылавшего гневом, изображается как: *киил мас курдук/ мэтэччи тардан барда* ‘спинные сухожилия стали стягиваться, выгибаясь, как упругое дерево’ [Тимофеев-Теплоухов 1985: 299]; *киил мас курдук, кинэччи таттаран барда* ‘сухожилия стягиваются, как дерево крепкое’ [Ойунский 1982: 106]. Лексема *киил*, обозначающая дерево-лиственницу, приобретает в текстах НБС и СКК метафорическое значение.

Далее детальное описание выражения эмоций (героя в ярости) помогает «вжиться» в образ посредством космического пространства, Вселенной: ‘у Нюргуна глаз, / словно огненная звезда…’ [Ойунский 1982: 106]. Сопоставление формул эмоционального состояния героев в описании-сравнении, уподобляющего *глаза* небесным светилам, воспринимается в большей своей части «на „атрибутивной“ основе, подчеркивающей нерасчлененность мира (космос и человек) в архаическом сознании» [Хусаинова 2017: 202–203]. В ярости уподобление человека природе выражается посредством метафоры: *харабыттан/ сиэрэ уота / сирдьигинии тоҕунна* ‘метали глаза его / трескучий огонь искрящийся’ [Ойунский 1982: 106]; *икки харабын уота / уоттаах хатат уотун курдук / таҥнары таммалаан түстэ* ‘словно из огнива кремнистого, / из глаз его искры с треском посыпались’ [Тимофеев-Теплоухов 1985: 299]. Скрупулезное описание выражения эмоций в сравнении *сиэрэ уота* ‘букв. огонь от серы’ и *хатат уота* ‘кремнистое огниво’ четче выражают эмоциональное состояние героев, их помыслы и поступки. Сравнения *как огонь от серы* в олонхо НБС и *как кремнистое огниво* в раннем тексте олонхо СКК в ходе исторических изменений претерпели метафорическое переосмысление. Это говорит о том, что олонхо НБС относится к позднему времени, к «веку» писателя-сказителя П. А. Ойунского. Н. В. Покатиловой отмечено, что «акцентирован фактор, предопределивший „сделанность“ олонхо (*олорон / суруйбут / оноһуллубут олонхо* — ‘сев / написал / сделанное олонхо’). Тем самым подчеркивается принадлежность созданного текста (олонхо НБС. — *Г. С.*) к письменной, а не к устной традиции» [Покатилова 2018: 130]. В фрагментах «герой в ярости» сравнений выявлено: в СКК — 6, в НБС — 10.

Признаки, характерные для героев в различных ситуациях, отражены в эпизоде «*быстрота двигательных реакций героев*» (см. табл. 5).

Таблица 5. Скорость реакций героев в СКК и НБС
[*Table 5*. Reaction rates of main characters in *Nyurgun Bootur the Swift* and *Kulun Kullustuur the Obstinate*]

Ситуативный портрет (действия героев): *Быстрота двигательных реакций героев* (вариации эталона описания в олонхо НБС и СКК)		
СКК	*Тэбинэн сүүрдэҕинэ —* *Уллуҥаҕын тыаһа куртуйах улар* *Кынатын тыаһын курдук тилигирэс* [Тимофеев-Теплоухов 1985: 202]	Когда он бежал скачками, Пятки его шлепали [с шумом], Подобным шуму крыльев тетерева-косача [Тимофеев-Теплоухов 1985: 303]
НБС	*Дьураа хара атыгар,* *...Хардааччы кыыл курдук* *Хаһыытаабытынан тахсан,* *Хап гына* *Хатана түстэҕэ...* [Ойуунускай 2003: 104–105]	Ловко сел он в седло — С гиком, будто птицею был, Будто буйным небесным соколом был [Ойунский 1982: 89]

Красноречиво описано богатырство героев в *«быстроте двигательных реакций»*. В портрете Нюргуна богатырь показан ловким молодцем, стремительно вскочившим на коня: *дьураа хара атыгар, / ...хардааччы кыыл курдук / хаһыытаабытынан тахсан, / хап гына / хатана түстэҕэ...* ‘будто птица, быстро, ловко сел в седло’ [Ойунский 1982: 89; Ойуунускай 2003: 104–105]. Скорость действий Кулун Куллустуура отражается в его беге: *дайбаан сүүрдэҕинэ — / дабыдалын тыаһа умсаах кус / кынатын тыаһын курдук кылыгырас буолбут* ‘когда он бежал, руками размахивая, / слышалось гудение, / как от крыльев утки-нырка подобно’ [Тимофеев-Теплоухов 1985: 303]. В сравнении скорости героев имеются все «атрибуты» богатырей: летающий вороной конь; громовая стрела; буйный, небесный сокол (НБС); крылья тетерева-косача; крылья утки-нырка (СКК).

В эпизодах «герой в ярости», «быстрота двигательных реакций героев» использованные сравнительные конструкции (*курдук* ‘подобно’) несут экспрессию, передавая в ярких красках движение, стремительность героев. Вместе с тем, если в СКК описание скорости реакций героев насыщено сравнительными конструкциями со словами *курдук*, *саҕа*: *...сүүрдэҕинэ — уллуҥаҕын тыаһа улар кынатын тыаһын курдук* ‘когда он бежал скачками, / пятки его шлепали [с шумом], / подобным шуму крыльев тетерева-косача’ [Тимофеев-Теплоухов 1985: 303], то в олонхо П. А. Ойунского доминируют аффиксы-сравнения: *-лыы*, *-ныы*.

Богатыри в олонхо отличаются физической силой, ловкостью и, вместе с тем, беспощадностью. В «сражении» главных героев, где одним из компонентов выступают природные объекты, реализуется описание героев в действии в поэтико-изобразительных средствах (см. табл. 6).

Таблица 6. Герои в сражении в СКК и НБС
[*Table 6*. Main characters in battle
in *Nyurgun Bootur the Swift* and *Kulun Kullustuur the Obstinate*]

Ситуативный портрет (действия героев): *Герои в сражении* (вариации эталона описания в олонхо НБС и СКК)		
СКК	*Сабырҕах сабырҕахтарыттан, ...харбаһан ыллылар.* *Үөгүлэһэ-үөгүлэһэ өттүктэһэн бардылар,* *Хаһыытаһа-хаһыытаһа халбарытыһан бардылар* [Тимофеев-Теплоухов 1985: 39, 104]	… уцепились Ухватили друг друга за шею. … С гиканьем, ревом стали [друг друга] подбрасывать [Тимофеев-Теплоухов 1985: 314, 374]
НБС	*Хайа хайаҕа түспүтүн курдук* *Хап гына хапсан ыланнар,* *Халбарытыспытынан бардылар…* [Ойуунускай 2003: 314–315]	Как скалы, С оглушительным воплем Сшиблись они, Спину друг другу Пытаясь сломать... [Ойунский 1982: 115]

Следует отметить, что в тексте НБС пережили трансформацию описания действий героя. Так, если в олонхо СКК описывается сражение богатыря айыы с противником в среднем мире, то в НБС вместо противника из Среднего мира подобран антагонист из Нижнего мира. Такое изменение определенно не является случайным, что способствует созданию образа героя.

Весьма колоритно описываются битвы богатырей с их противниками. Борьба между богатырями происходит во всех трех ярусах фантастического мира. Бой богатырей произвел чудовищные разрушения, к примеру, своими массивными ногами богатыри: *растоптали…/ Восемь голых каменных гор* [Ойунский 1982: 115]; *В пыль / Истолкли каменные горы* [Тимофеев-Теплоухов 1985: 374–375]. Далее они бились ровно тридцать дней и ночей, но их силы оказались равными. Борьба с абаасы (злым духом) заканчивается победой богатыря айыы, в которой сама по себе победа является основным показателем его силы.

В текстах поединки богатырей богаты гиперболичными описаниями с распространенными устойчивыми формулами боевых сцен противоборствующих: *эрбии биитин курдук / тэбис тэҥҥэ охсустулар* ‘так и продолжали драться / на равных, / как зубья одной пилы’ [Тимофеев-Теплоухов 1985: 374–375]. Замечено, что в эпизоде битвы в олонхо СКК часто используются такие повторы, как *төбөтүн оройуттан тоҕута тэпсэннэр*, *тибэннэр* и др.

Описание жилища, предметов быта богатырей позволяет судить об огромных его размерах Рассмотрим описание, которое мы приводим в табл. 7:

Таблица 7. Описание жилища богатырей в СКК и НБС

[*Table 7*. Descriptions of the main characters’ dwellings in *Nyurgun Bootur the Swift* and *Kulun Kullustuur the Obstinate*]

Портрет-оценка: *Описание жилища богатырей* (вариации эталона описания в олонхо НБС и СКК)		
СКК	*Үөһэттэн үлүгэр бөҕө* *Үргүйэн түһүө диэн;* *Кэлэр-барар көй салгын* *Көҥүтэ сынньан барыаҕа диэн* *Түөрт хос көҥдөй көмүс холлоҕостоох эбит...* [Тимофеев-Теплоухов 1985: 12–13]	… [сделан] трехрядный потолок — Чтобы не спустились из Верхнего мира Многочисленные напасти... [Тимофеев-Теплоухов 1985: 292].
НБС	*Үөһээ өттүттэн,* *Улускэннээх халлаантан* *Үргүөһүн бөҕө* *Үргүйүө диэннэр* *Үс хос үтүө тиитэринэн* *Үрүттээбиттэр эбит...* [Ойуунускай 2003: 78–80]	Чтобы с бурного неба Холодный вихрь в просторный дом не надул, На кровле Устроен накат В три вековых бревна толщиной… [Ойунский 1982: 68–69]

Как видим, на языке оригинала более информативным представляется «жилище богатыря». В данных эпизодах, содержащих описание жилища, установлено стихотворных строк: в НБС — 174, в СКК — 84. При этом мы не учитывали эпизоды о надворных постройках.

Для олонхо П. А. Ойунского и И. Г. Тимофеева-Теплоухова предметный мир служит целенаправленным средством характеристики главных героев. Главного героя помогает охарактеризовать предметная (вещная) обстановка. Следовательно, предметная обстановка, в которой герой существует и с которой взаимодействует, отчетливо передает сущность и смысл, кем он является, которую считаем явлением скрытого сравнения.

Очевидно, что в текстах НБС и СКК последовательность описаний жилища имеет отличия. Если И. Г. Тимофеев-Теплоухов изображает жилище Куллустуура после описания героя, то П. А. Ойунский изображает жилище до описания героя, акцентируя внимание на логический переход *жилище — герой*, этим автор готовит читателя к «встрече» с богатырем Нюргуном.

Жилище богатыря впечатляет обилием добротных предметов. «Архаизация» в приемах описания предметов, выполненных в старинной манере, имеет знаково-символические контексты. Мощь и величие главных героев в олонхо НБС и СКК подчеркиваются детальным гиперболичным описанием предметов: *тоҕус бухатыыр / уларыппат дьип-хаан олуурдаах эбит* ‘тяжелый засов у двери дома, что могучим богатырям не сдвинуть’ [Тимофеев-Теплоухов 1985: 292]; *тиҥэһэ сылгы тириитин / тиэрэ уурбут курдук / ньэлээрбэ-хотоолбо / тэлэкэччийэ тэйэн кэлэр / тэриэккэлэрдээх эбит* ‘подлетают к столу, словно шкуры коня, огромные блюда…’ [Ойунский 1982: 68–69].

В первую очередь, в описании быта предметы служат введением в особую эпическую атмосферу. Предметы здесь являются знаками изображаемой среды, ко-

торые представляют в синхронном срезе эпический мир: *сарт түннүктэр* ‘драночные окошки’; *кысхарыйбыт кытыйалар* ‘пузатые миски’; *чочоруйбут чорооннор* ‘стройные кубки’; *матаҕар матааччахтар* ‘важные кади’; *туос сандалы* ‘берестяной стол-сандалы’; *туос иһит* ‘берестяная посуда’ [Ойуунускай 2003: 78–80]; *аҕыс мунньуктаах айдан маҥан остуоллаах* ‘восьмиугольный / широкий белый стол’; *тоҕус кырыылаах суорума таас оһохтоох* ‘очаг девятигранный из камня тесаного’ [Тимофеев-Теплоухов 1982: 292].

В описаниях быта П. А. Ойунского подчеркивается отсутствие тонких, хрупких вещей, несоразмерных богатырскому могучему виду: *сиэдэрэй сэп диэн / сириэдийбэтэх сирэ буолла, / нарын сэп диэн / наардаспатах сирэ буолла* ‘не было здесь хрупких и нежных, красивых вещей’ [Ойунский 1982: 68–69; Ойуунускай 2003: 78–80]. Оригинальный прием изображения быта дает образу главного героя разностороннюю эмоциональную характеристику и, прежде всего, помогает раскрыть авторский замысел в изображении эпического героя.

Одним из приемов, которые используют олонхосуты, является *оживление* предметов. Обнаружено, что П. А. Ойунский чаще всего прибегает к использованию приема прозопопеи (одушевления, олицетворения). В НБС в богатырском жилище предметы имеют свойство двигаться, ведут себя, как живые. Прозопопея особенно усиливается сравнением *вроде*: *...Здесь топор сам прибегал, / Сам рубил, колол, тесал; (...) стол-сандалы / ...Сам на шести ножках своих шагал* [Ойунский 1982: 68–69] и др.

Активному, стремительному «перемещению» предметов прием прозопопеи придает динамику: предметы, вертясь, подлетают; прыгают, сверкая; двигаются вперевалку; шествуют навстречу гостям; движутся важно; прибегают, рубят; режут; шагают и др. [Ойунский 1982: 68–69].

Очевидно, что приемами прозопопеи П. А. Ойунский свое произведение обогащает выражением собственных эмоций, делая эпизод выразительным, динамичным. Н. К. Гудзий отмечает, что «генетически происхождение *прозопопеи* коренится в склонности первобытного человека к анимизму и в свойствах его мифологического мышления» [Гудзий 1931: 56]. Таким образом, использование приема прозопопеи в якутском олонхо представляет собой закономерное явление.

Повторы периферийных слов в текстах НБС и СКК, являясь частью устойчивых формул в олонхо, обладают особой эмоциональной силой, создавая определенную эпическую реальность. Например, в описании жилища Кулун Куллустуура периферийные слова *эбит* ‘оказывается’ встречаются 13 раз, *көстөр* ‘видно’ — 4, *диэн* ‘говорить’ — 3; Нюргун Боотура — *эбит* ‘оказывается’ — 21 раз, *диэннэр* ‘говорят’ — 9; *диэн* ‘говорит’ — 13; *кээспиттэр* ‘отбросили’ — 3 и др.

В олонхо НБС сравнения использованы с помощью сравнительных конструкций со словами: *саҕа* ‘величиною с, ровно’ употребляются 6 раз, в СКК — 6; также сравнения-конструкции *курдук* ‘подобно’ в НБС — 4 раза, в СКК — 5. Вместе с тем устойчивые сравнительные конструкции со словом *тэҥэ* и аффиксом *-лыы* в отрывках не обнаружены. Таким образом, предметы в описании жилища богатырей в олонхо П. А. Ойунского и И. Г. Тимофеева-Теплоухова выступают значимыми знаками создания образа персонажа.

4. Выводы

Рассмотрение приемов создания портрета главного героя в олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского и «Строптивый Кулун Куллустуур» И. Г. Тимофеева-Теплоухова показывает, что в портрете-описании функционируют многогранные компоненты эпического образа.

В портретах-описаниях в олонхо НБС и СКК дается предпочтение гиперболичному изображению внешности богатырей, их манерам, поведению, а также описанию быта, которое отражает социальную и нравственную характеристику героев. В результате анализа портретов-описаний в рассмотренных текстах олонхо можно обозначить следующие позиции: во-первых, портрет-описание в текстах НБС и СКК обладает высокой традиционной устойчивостью; во-вторых, по тождественности тропов перекликаются между текстами приемы создания героев.

Многофункциональность и разнообразие проявлений портретов-описаний выражает их многокомпонентность. Сличе-

ние текстов олонхо «Строптивый Кулун Куллустуур» И. Г. Тимофеева-Теплоухова и «Нюргун Боотур Стремительный» П. А. Ойунского показывает, что это варианты олонхо центральных улусов. Ввиду того, что олонхо И. Г. Тимофеева-Теплоухова является ранним типом эпоса, можно признать текст «Строптивый Кулун Куллустуур» исходным материалом для создания портрета главного героя в олонхо П. А. Ойунского «Нюргун Боотур Стремительный».

Литература

Абдуллина 2014 — *Абдуллина А. Ш.* Портрет как важнейшее средство формирования целостного образа героя в прозе Н. Мусина // Фундаментальные исследования. 2014. № 5–6. С. 1343–1347.

Аникин 2007 — *Аникин В. П.* Теория фольклора. М.: КДУ, 2007. 432 с.

Балашов, Новичкова 2001 — *Балашов Д. М., Новичкова Т. А.* Русский былинный эпос // Былины: в 25 тт. Т. 1. Былины Печоры: Север Европейской России. СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. С. 20–93.

Беспалов 2001 — *Беспалов А. Н.* Структура портретных описаний в художественном тексте среднеанглийского периода: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2001. 160 с.

Веселовский 2004 — *Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. 2-е изд. М.: УРСС, 2004. 646 с.

Габышева 2019 — *Габышева Л. Л.* Традиционная картина природы в олонхо: глубинный смысл / Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Эпосоведение. 2019. № 3(15). С. 78–87.

Гацак 1989 — *Гацак В. М.* Устная эпическая традиция во времени. Историческое исследование поэтики: монография. М.: Наука, 1989. 254 с.

Герасимова, Львова 2016 — *Герасимова Л. Н., Львова С. Д.* Способы выражения сравнения в олонхо «Удаганки Уолумар и Айгыр» и «Ёлбёт Бэргэн» Н. Т. Абрамова // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. Серия «Эпосоведение». 2016. № 2. С. 52–64.

Гоголева 1996 — *Гоголева А. И.* Творчество П. А. Ойунского в 20-е годы: особенности перехода от фольклора к литературе: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Якутск, 1996. 18 с.

Гудзий 1931 — *Гудзий Н. К.* Прозопопея у Пушкина // Памяти П. Н. Сакулина: сб. ст. М.: КИП «Никитинские субботники», 1931. С. 56–64.

Далгат 1981 — *Далгат У. Б.* Литература и фольклор: монография. М.: Наука, 1981. 303 с.

Данилова 2008 — *Данилова А. Н.* Образ женщины-богатырки в якутском олонхо: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2008. 21 с.

Емельянов 1983 — *Емельянов Н. В.* Сюжеты ранних типов якутских олонхо. М.: Наука, 1983. 248 с.

Еремеев 1980 — *Еремеев В. П.* Мифологические персонажи в якутских сказках // Мифология народов Якутии / отв. ред. В. Т. Петров. Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1980. С. 53–59.

Есин 2000 — *Есин А. Б.* Принципы и приемы анализа литературного произведения. М.: Флинта; Наука, 2000. 163 с.

Ефремов 2011 — *Ефремов Н. Н.* Эвиденциальные конструкции в эпическом тексте (по материалам якутского героического эпоса) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 3(10). С. 52–55.

Илларионов 1982 — *Илларионов В. В.* Искусство якутских олонхосутов. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1982. 128 с.

Исакова 2001 — *Исакова Н. В.* Культура и человек в этническом пространстве: этнокультурологический подход к исследованию социальных процессов. Новосибирск: МОУ ГЦРО, 2001. 343 с.

Корякина 2018 — *Корякина А. Ф.* Особенности в образной системе и сюжете Среднеколымского олонхо // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К.Аммосова. Сер. «Эпосоведение». 2018. № 1(9). С. 83–90.

Кузьмина, Арбачакова, Шулбаева 2020 — *Кузьмина Е. Н., Арбачакова Л. Н., Шулбаева Н. В.* Стереотипы в изображении женских персонажей сибирского эпоса // Сибирский филологический журнал. 2020. № 3. С. 23–35.

Культурология 1999 — Культурология в терминах, понятиях, именах: справ. учеб. пособие. М.: Щит-М, 1999. 406 с.

Кухаренко 1988 — *Кухаренко В. А.* Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1988. 188 с.

Львова 2021 — *Львова С. Д.* Сравнения в якутском и тувинском эпосах: общее и специфичное // Новые исследования Тувы. 2021. № 1. С. 202–216. DOI: 10.25178/nit.2021.1.11

Малетина 2004 — *Малетина О. А*. Лингвостилистические особенности портрета как жанра художественного дискурса: дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 181 с.

Маслова 2001 — *Маслова В. А*. Человек в зеркале сравнения // Лингвокультурология. М.: Изд. центр «Академия», 2001. С. 142–191.

Мелетинский 1968 — *Мелетинский Е. М*. Эдда и ранние формы эпоса. М.: Наука, 1968. 368 с.

Нестерова 1978 — *Нестерова Л. Д.* Главные герои сказок и олонхо // Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока / ред.: Н. В. Емельянов, В. Т. Петров. Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1978. С. 159–162.

Ойунский 1982 — *Ойунский П. А*. Нюргун Боотур Стремительный: Якут. героич. эпос олонхо. Воссоздал на основе нар. сказаний Платон Ойунский / пер.: В. Державин. 2-е изд. Якутск: Кн. изд-во, 1982. 431 с.

Ойуунускай 2003 — *Ойуунускай П. А*. Дьулуруйар Ньургун Боотур: олонхо (= Нюргун Боотур Стремительный: олонхо). Дьокуускай (Якутск): Сахаполиграфиздат, 2003. 544 с. (на як. яз.)

Опарина 2017 — *Опарина Е. О*. Языковой образ в коммуникации: сб. науч. тр. / отв. ред. Е. О. Опарина. М.: ИНИОН РАН, 2017. 152 с.

Словарь 2008 — Словарь якутского языка: в 3 тт. / ред. Э. К. Пекарский. 3-е изд., испр. и доп. Т. 1. СПб.: Наука, 2008. 760 с.

Образцы 1911 — Образцы народной литературы якутов, собранные Э. К. Пекарским / ред. Э. Пекарский. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1911. 74 с. (401–475).-

Петров 1978 — *Петров В. Т*. Изображение персонажей в олонхо // Эпическое творчество народов Сибири и Дальнего Востока / ред.: Н. В. Емельянов, В. Т. Петров. Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1978. С. 97–100.

Покатилова 2000 — *Покатилова Н. В*. Якутская поэтическая традиция: генезис литературного текста: на материале поэзии А. Е. Кулаковского: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2000. 40 с.

Покатилова 2018 — *Покатилова Н. В*. Возвращение к истокам: фольклорно-мифологическая парадигма в литературном и научном творчестве П. А. Ойунского // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2018. № 4(25). С. 127–134.

References

Abdullina A. Sh. Portrait as the important means of the complete hero image's formation in N. Musin's prose. *Fundamental Research*. 2014. No. 5. Pt. 6. Pp. 1343–1347. (In Russ.)

Покатилова, Оросина 2018 — *Покатилова Н. В., Оросина Н. А*. Об одном типе именных формул в эпосе олонхо П. А. Ойунского «Нюргун Боотур Стремительный»: опыт типологического анализа // Олонхо в мировом эпическом пространстве: наследие П. А. Ойунского: Сб. тез. междунар. науч. конф. (г. Якутск, 27–28 сентября 2018 г.) / редкол.: В. Н. Иванов (отв. ред.), А. Ф. Корякина, Р. В. Корякина и др. Якутск: СВФУ, 2018. С. 24–25.

Пухов 1962 — *Пухов И. В*. Якутский героический эпос олонхо: основные образы. М.: АН СССР, 1962. 255 с.

Пухов 2016 — *Пухов И. В*. Олонхо — древний эпос якутов. 2-е изд. Якутск: СВФУ им. М. К. Аммосова, 2016. 46 [1] с.

Родионова 1999 — *Родионова Н. А*. Типы портретных характеристик в художественной прозе И. А. Бунина: лингвостилистический аспект: дисс. ... канд. филол. наук. Самара, 1999. 200 с.

Сизова 1995 — *Сизова К. Л*. Типология портрета героя: дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1995. 152 с.

Степанова 2022 — *Степанова В. Е*. Творчество С. С. Васильева-Борогонского: фольклорные истоки, поэтика: дисс. ... канд. филол. наук. Якутск, 2022. 203 с.

Тимофеев-Теплоухов 1985 — *Тимофеев-Теплоухов И. Г.* Строптивый Кулун Куллустуур = Куруубай Хааннаах Кулун Куллустуур: якутское олонхо. М.: ГРВЛ, 1985. 608 с. (на рус., як. яз.)

Хализев 1999 — *Хализев В. Е.* Теория литературы: учебник. М.: Высшая школа, 1999. 399 с.

Хусаинова 2017 — *Хусаинова Г. Р*. Башкирские волшебные сказки: поэтика и текстология: дисс. …д-ра филол. наук. Уфа, 2017. 352 с.

Шинкевич 2017 — *Шинкевич О. Н*. Портрет-описание как один из основных художественных приемов изображения литературного героя // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского: Филологические науки. 2017. Т. 3(69). № 3. С. 83–97.

Ястремский 1929 — *Ястремский С. В*. Образцы народной литературы якутов. Л.: АН СССР, 1929. 226 с.

Anikin V. P. Theory of Folklore. Moscow: KDU, 2007. 432 p. (In Russ.)

Balashov D. M., Novichkova T. A. Russian bylina-type epic. In: G orelov A. A. (ed.) Bylinas of the Pechora: Northern European Russia (Com-

pendium of Russian Folklore 1). St. Petersburg: Nauka; Moscow: Klassika, 2001. Pp. 20–93. (In Russ.)

Bespalov A. N. Middle English Fictional Text: Structural Patterns of Portrait Descriptions. Cand. Sc. (philology) thesis. Moscow, 2001. 160 p. (In Russ.)

Dalgat U. B. Literature and Folklore. Monograph. Moscow: Nauka, 1981. 303 p. (In Russ.)

Danilova A. N. The Woman Bogatyr and Her Images in Yakut Olonkho Narratives. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Ulan-Ude, 2008. 21 p. (In Russ.)

Efremov N. N. Evidential constructions in epic text (By the materials of Yakut heroic epos). *Philology. Theory & Practice*. 2011. No. 3 (10). Pp. 52–55. (In Russ.)

Gabysheva L. L. Traditional picture of nature of olonkho: Deep sense. *Epic Studies*. 2019. No. 3(15). Pp. 78–87. (In Russ.)

Gatsak V. M. Oral Epic Tradition in Time: A Historical Study of Poetics. Monograph. Moscow: Nauka 1989. 254 p. (In Russ.)

Gerasimova L. N., Lvova S. D. Ways of comparison expression in the olonkho of N. T. Abramov «Shamans Uolumar and Aygyr» and «Elbet Bergen». *Epic Studies*. 2016. No. 2 (02). Pp. 52–64. (In Russ.)

Gogoleva A. I. Works of Platon A. Oyunsky from the 1920s: Peculiarities of Transition from Folklore to Fiction. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Yakutsk, 1996, 18 p. (In Russ.)

Gudziy N. K. Prosopopoeia in A. Pushkin's works. In: In Memoriam [Acad.] Pavel N. Sakulin. Collected papers. Moscow: Nikitinskie Subbotniki, 1931. Pp. 56–64. (In Russ.)

Illarionov V. V. The Art of Yakut Olonkhosuts. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1982. 128 p. (In Russ.)

Isakova N. V. Culture and Man in Ethnic Environments: An Ethnocultural Approach to Social Research. Novosibirsk: Education Development Center, 2001. 343 p. (In Russ.)

Khalizev V. E. Literary studies: Structure and methodology. In: R evyakina A. A. (comp.) Twentieth-Century Science of Literature: History, Methodology, Literary Process. Collected papers. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences (RAS), 2001. Pp. 7–30. (In Russ.)

Khalizev V. E. Theory of Literature. Textbook. Moscow: Vysshaya Shkola, 1999. 399 p. (In Russ.)

Khusainova G. R. Bashkir Magic Tales: Poetics and Textualism. Dr. Sc. (philology) thesis. Ufa, 2017. 352 p. (In Russ.)

Kononenko B. I. Cultural Studies: Terms, Concepts, Personalities. Textbook. Moscow: Shchit-M, 1999. 406 p. (In Russ.)

Koryakina A. F. Features in the image system and plot of the Srednekolimsk Olonkho. *Epic Studies*. 2018. No. 1(09). Pp. 83–90. (In Russ.)

Kukharenko V. A. Text Interpretation. Moscow: Prosveshchenie, 1988. 188 p. (In Russ.)

Kuzmina E. N., Arbachakova L. N., Shulbaeva N. V. Stereotypes in female images of the Siberian epos. *Siberian Journal of Philology*. 2020. No. 3. Pp. 23–35. (In Russ.)

Lvova S. D. Comparisons in the Yakut and Tuvan epics: General and specific. *The New Research of Tuva*. 2021. No. 1. Pp. 202–216. (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2021.1.11

Maletina O. A. Portrait as a Genre of Fictional Discourse: Linguostylistic Features. Cand. Sc. (philology) thesis. Volgograd, 2004. 181 p. (In Russ.)

Maslova V. A. Man in mirror of comparison. In: Linguocultural Studies. Moscow: Academia, 2001. Pp. 142–191. (In Russ.)

Meletinsky E. M. The Poetic Edda and Early Epic Forms. Moscow: Nauka, 1968. 368 p. (In Russ.)

Nesterova L. D. The main character of folktales and olonkho narratives. In: Yemelyanov N. V., Petrov V. T. (eds.) Epic Traditions of Siberia and the Far East. Yakutsk: Yakut Branch (SB USSR Acad. of Sc.), 1978. Pp. 159–162. (In Russ.)

Oparina E. O. (comp., ed.) Linguistic Image in Communication. Collected scholarly papers. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences (RAS), 2017. 152 p. (In Russ.)

Oyunsky P. A. Nyurgun Bootur the Swift: A Yakut Olonkho Epic. V. Derzhavin (transl.). Second edition. Yakutsk: Yakutia Book Publ., 1982. 431 p. (In Russ.)

Oyunsky P. A. Nyurgun Bootur the Swift: A Yakut Olonkho Epic. Yakutsk: Sakhapoligrafizdat, 2003. 544 p. (In Yak.)

Pekarsky E. K. (comp., ed.) Samples of Yakut Folk Literare Collected by E. Pekarsky. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1911. 74 p. (Pp. 401–475). (In Yak.)

Pekarsky E. K. (ed.) Dictionary of the Yakut Language. In 3 vols. Third edition, rev. & suppl. St. Petersburg: Nauka, 2008. Vol. 1. 760 p. (In Yak. and Russ.)

Petrov V. T. Depicting characters of olonkho narratives. In: Yemelyanov N. V., Petrov V. T. (eds.) Epic Traditions of Siberia and the Far East. Yakutsk: Yakut Branch (SB USSR Acad. of Sc.), 1978. Pp. 97–100. (In Russ.)

Pokatilova N. V. Return to the origins: Folk-mythological paradigm in the literary and scientific works of P. A. Oyunsky. *North-Eastern Journal of Humanities*. 2018. No. 4 (25). Pp. 127–134. (In Russ.)

Pokatilova N. V. The Yakut Poetic Tradition: Genesis of Literary Text (A Case Study of A. Kulakovsky's Poems). Dr. Sc. (philology) thesis abstract. Moscow, 2000. 40 p. (In Russ.)

Pokatilova N. V., Orosina N. A. One type of naming formulas in Nyurgun Bootur the Swift by P. Oyunsky: A typological analysis. In: Ivanov V. N. et al. (eds.) Olonkho in the World of Epic Space: The Heritage of Platon Oyunsky. Conference abstracts (Yakutsk, 27–28 September 2018). Yakutsk: North-Eastern Federal University in Yakutsk, 2018. Pp. 24–25. (In Russ.)

Pukhov I. V. Olonkho — Ancient Epic of the Yakut. Second edition. Yakutsk: North-Eastern Federal University in Yakutsk, 2016. 46 [1] p. (In Russ.)

Pukhov I. V. Yakut Heroic Olonkho Epic: Key Images. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1962. 255 p. (In Russ.)

Rodionova N. A. Types of Portrayal Characteristics in A. Bunin's Fictional Prose: A Linguostylistic Aspect. Cand. Sc. (philology) thesis. Samara, 1999. 200 p. (In Russ.)

Shinkevich O. N. Portrait-description as one of the basic artistic techniques of the image of the literary hero. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philology*. 2017. Vol. 3 (69). No. 3. Pp. 83–97. (In Russ.)

Sizova K. L. The Main Character's Portrait: A Typology. Cand. Sc. (philology) thesis. Voronezh, 1995. 152 p. (In Russ.)

Stepanova V. E. Works of S. S. Vasilyev-Borogonsky: Folklore Beginnings, Poetics. Cand. Sc. (philology) thesis. Yakutsk, 2022. 203 p. (In Russ.)

Timofeev-Teploukhov I. G. Kulun Kullustuur the Obstinate: A Yakut Olonkho. Moscow: GRVL, 1985. 608 p. (In Russ. and Yak.)

Veselovsky A. N. Historical Poetics. Second edition. Moscow: URSS, 2004. 646 p. (In Russ.)

Veselovsky A. N. Some minor notes on bylinas. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosvesh-cheniya*. 1890, March. Pt. 2 68. Pp. 1–55. (In Russ.)

Yastremsky S. V. Samples of Yakut Folk Literature. Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1929. 226 p. (In Russ.)

Yemelyanov N. V. The Yakut Olonkho: Plots of Earliest Types. Moscow: Nauka, 1983. 248 p. (In Russ.)

Yeremeev V. P. Mythological characters in Yakut folktales. In: Petrov V. T. (ed.) Mythologies of Yakutia's Peoples. Yakutsk: Yakut Branch (SB USSR Acad. of Sc.), 1980. Pp. 53–59. (In Russ.)

Yesin A. B. Principles and Tools of Literary Analysis. Moscow: Flinta, Nauka, 2000. 163 p. (In Russ.)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ORIENTAL STUDIES

2023. Т. 16. № 4

Главный редактор – Куканова В. В.
Дата выхода: 12.09.2023.
Формат бумаги 60x84⅛. Усл. печ. л. 22,32.
Тираж 100 экз. Заказ 07-2023.
Подписной индекс 10236. Цена свободная.

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»
(Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8)

Адрес редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,
Тел. +7(84722) 3-55-06

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com
сайт: https://kigiran.elpub.ru/jour

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8